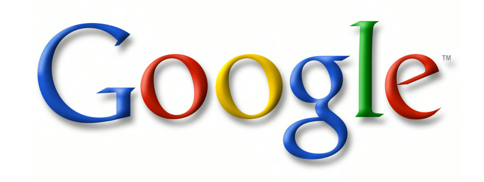


HDI
HL 224I A

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE
RI
TAS

ВОЕННОЕ ПРАВО
ВЪ РОССІИ
ПРИ
ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АРТИКУЛЪ ВОИНСКІЙ

по русскимъ и иностраннымъ источникамъ.

ВЫПУСКЪ 3-й.

Раздѣлъ первый: Характеристика военнаго искуства и состоянія дисциплины въ войскахъ XVII и начала XVIII столѣтія. Обзоръ главъ XIII, XIV, XV и XVI (арт. 101—132).

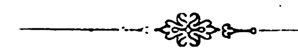
Раздѣлъ второй: Преступленія противъ чести личной и родовой. Обзоръ главъ XVII и XVIII (арт. 133—153) и Патента о поединкахъ (гл. XLIX Уст. Воинск.).

Изложилъ въ параллель съ швед. Воен. Арт. (Schwed. Kr.-Art. Br). и другими иноземными законами.

П. О. БОБРОВСКІЙ.

Первые два выпуска удостоены отъ Имп. Академіи наукъ первой почетной медали графа Толстого.

Изданіе Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія «В. С. Балашевъ и К°», Фонтанка 95.

1898.

ОТЪ АВТОРА.

Въ первомъ и второмъ выпускахъ историко-юридическаго изслѣдованія объ Артикулѣ Военномъ, изданныхъ въ 1881 и 1886 годахъ, я старался представить цѣлесообразность военно-уголовныхъ законовъ, данныхъ Петромъ Великимъ для учрежденной имъ регулярной арміи, уже испытанной въ Великой Сѣверной войнѣ. Съ этою цѣлью въ шести первыхъ главахъ сего знаменитаго законодательнаго памятника мною разобранъ текстъ *ста* артикуловъ съ подлежащими справками по источникамъ, замѣтками и объясненіями, причемъ дана возможность читателю судить о происхожденіи каждой статьи и каждаго толкованія.

Той-же программѣ и тому-же методу я слѣдую и въ настоящемъ 3-мъ выпускѣ, обнимающемъ слѣдующія шесть главъ: XIII—XVIII, отъ 101 до 153 артикула, и содержащемъ двоякаго рода правоопредѣленія, обозрѣваемыя по двумъ раздѣламъ.

Въ **первомъ раздѣлѣ** разсматриваются преступленія и наказанія въ зависимости отъ состоянія военнаго искусства и дисциплины въ войскахъ западно-европейскихъ и русскихъ конца XVII и начала XVIII столѣтія. Артикулы о штурмахъ или приступахъ, взятіи и сдачѣ крѣпостей и городовъ, о капи-

*1

туляціи и плѣнныхъ, объ измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ (гл. XIII—XVI, арт. 101—132), взяты, такъ сказать, съ натуры и вполнѣ оправдываются практикою военнаго искусства той эпохи, отвѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ и условіямъ войны.

Во **второй раздѣлъ** входятъ преступленія противъ личной безопасности — личныя обиды и оскорбленія, т. е. ссоры, драки, поединки, въ обширномъ смыслѣ преступленія противъ чести (главы XVII и XVIII, арт. 149—153, а также патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ, составляющій XLIX главу Устава Воинскаго).

Обзору преступленій этого рода я предпосылаю краткое историческое изслѣдованіе понятій о личной чести въ Европѣ и въ Россіи, по законодательнымъ памятникамъ иностраннымъ и русскимъ, начиная съ Русской Правды, и болѣе подробно останавливаюсь на преступленіяхъ противъ чести по Соборному Уложенію, съ его платою за безчестье, и на преступленія противъ родовой чести или мѣстничествѣ, вносившемъ смуту и безпорядки въ наши національныя войска, устроенныя на поселенномъ и помѣстномъ началахъ.

Артикулы въ разсматриваемыхъ шести главахъ, какъ по составу преступленій, такъ и по опредѣленію наказаній обработаны по шведскому военно-уголовному уставу съ пополненіями изъ датскаго военнаго артикула и изъ комментарій на голландскій, бранденбургскій, имперскій и частью саксонскій военно-уголовные законы. Что-же касается до Патента о поединкахъ, то оригиналомъ ему во всѣхъ частяхъ служилъ нидерландскій эдиктъ о дуэляхъ Вильгельма Оранскаго, составленный по извѣстному своею жестокостью Регламенту Людовика XIV 1679 года.

Въ рукописи на многихъ артикулахъ видимъ собственноручныя исправленія и помѣтки Петра. Артикулъ 133 имъ совершенно передѣланъ.

V

Въ преступленіяхъ чести Петръ Великій стремился привить, по крайней мѣрѣ къ регулярной арміи, совершенно новыя начала и понятія, тщательно ограждая подчиненныхъ отъ самовольной расправы и грубыхъ насилій. Никогда не могли изгладиться изъ памяти Петра воспоминанія дѣтства о гнусныхъ преступленіяхъ стрѣльцовъ, вызванныхъ самоуправствомъ и насиліями полковниковъ, и въ своемъ Артикулѣ онъ грозитъ жестокими карами за всякаго рода недозволенныя сходки и собранія нижнихъ чиновъ и офицеровъ. При извѣстныхъ предѣлахъ дисциплинарной власти начальниковъ, частью опредѣленныхъ въ собственноручныхъ инструкціяхъ Петра I, частью выработанныхъ практикою тяжкой Сѣверной войны, при достигнутыхъ въ ней крупныхъ успѣхахъ, правоопредѣленія Артикула могли служить могучимъ средствомъ для поддержанія на извѣстной высотѣ нравственнаго подъема русской арміи, одержавшей величайшую побѣду подъ Полтавою надъ лучшею изъ европейскихъ армій, пользовавшеюся блестящею репутаціею со времени тридцатилѣтней войны.

Съ самаго начала устройства національныхъ регулярныхъ войскъ въ Западной Европѣ военно-уголовные кодексы проникнуты были внушеніемъ страха Божія, нравственности и чести, какъ главныхъ источниковъ дисциплины. Законодатели, начиная отъ Густава-Адольфа, самаго безукоризненнаго христіанина и друга человѣчества, на армію стали смотрѣть какъ на школу, призванную къ перевоспитанію народовъ, такъ долго страдавшихъ отъ обидъ, насилій и самоуправства наемниковъ—послѣ него вездѣ во всей Европѣ поднято значеніе и достоинство солдата. Въ этомъ отношеніи военно-уголовные законы могли служить превосходнымъ педагогическимъ средствомъ.

И въ регулярную армію Петра Великаго, посредствомъ военно-уголовнаго законодательства, начиная съ устройства

потѣшныхъ полковъ—Преображенскаго и Семеновскаго, впервые проникаютъ и постепенно развиваются новыя педагогическія начала, которыя пріучали воиновъ къ самообладанію и развивали самопознаніе. *Честь и достоинство* каждаго воина, каждаго солдата въ регулярной арміи Петра выростали вмѣстѣ съ подъемомъ величія своего вѣнценоснаго предводителя.

«Имя солдатъ просто», говоритъ нашъ великій законодатель, «содержитъ въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго мушкатера коннаго и пѣшаго». И всѣ эти люди, составляющіе войско, живя другъ съ другомъ въ согласіи, обязаны другъ другу оказывать *респектъ* «по его достоинству и рангу»; подчиненные, повинуясь начальнику, обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ и почитать его.

Честь, какъ благо, доступное каждому воину, составила основу новой организаціи вооруженныхъ силъ въ Россіи какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Но независимо этой спеціальной, такъ сказать, точки зрѣнія Воинскаго Устава 1716 г. на личность, въ Артикулѣ Воинскомъ 1715 г. (глава XVII) и въ Патентѣ о поединкахъ, особенно-же въ позднѣйшемъ Морскомъ Уставѣ, открывается передъ нами совершенно новая сторона, неизвѣстная прежнимъ русскимъ законамъ, усвоившимъ византійскія идеи—*сторона общечеловѣческая*.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія законодательные памятники геніальнаго учредителя регулярной арміи въ Россіи.

Посредствомъ военно-уголовныхъ законовъ Петръ Великій старается привить къ своей національной регулярной арміи понятія о чести, основанной на *внутреннемъ достоинствѣ* личности, которая за личную обиду не можетъ довольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ, разсчитаннымъ въ Соборномъ Уложеніи по размѣру занимаемой имъ клѣточки въ

общемъ строѣ государства. Вводится христіанское, братское прощеніе и отказъ отъ оскорбительныхъ для чести *словъ*, или же личная обида облагается тюремнымъ заключеніемъ и инымъ наказаніемъ.

Тутъ нѣтъ различія между простымъ человѣкомъ—солдатомъ и офицеромъ—дворяниномъ.

«Обиженный, *кто бы онъ ни былъ*—солдатъ или офицеръ, долженъ объявить о своемъ оскорбленіи военному суду и въ немъ искать сатисфакціи» (Патентъ о поединкахъ, ст. 1 и 2). «Никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, какъ любленіе чести, и никакая казнь такъ не стращаетъ, какъ лишеніе оной» (Уставъ Морской, кн. V, гл. XX, арт. 141). Признанный «безчестнымъ», «ошельмованный» изгоняется изъ войска.

Въ XVII вѣкѣ личность человѣка всецѣло поглощалась государствомъ, преступленіе разсматривалось какъ грѣховное дѣяніе и въ личныхъ обидахъ, гдѣ не затрогивались интересы государства, наказанія ограничивались денежнымъ штрафомъ въ пользу потерпѣвшаго по особенной таксѣ, по строго регламентированной лѣстницѣ въ зависимости отъ общественнаго положенія. Честь крестьянина оцѣнивалась въ одинъ, два рубля,—боярина въ 600 рублей и болѣе.

Но въ законахъ Петра Великаго поднято человѣческое достоинство, признана въ немъ личность, независимо отъ званія, которое онъ носитъ, съ правомъ на честь и уваженіе, и выражена угроза за пренебреженіе къ нему, за опороченіе его словомъ и дѣйствіемъ. Простой солдатъ, рядовой матросъ въ арміи и во флотѣ занимаетъ опредѣленное положеніе, какъ слуга отечества, и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на уваженіе къ себѣ государства, на попеченіе о немъ, на его защиту; личность въ самомъ маломъ состояніи становится элементомъ силы и могущества и въ войскѣ, и въ государствѣ

Петра. Если слабы были средства полицейскаго надзора въ столицѣ и въ провинціи, то они замѣтно выростали въ войскѣ и во флотѣ. Оскорбленному, потерпѣвшему личную обиду нижнему чину, простому служителю данъ исходъ въ обжалованіи, съ соблюденіемъ только приличія въ формѣ и, во всякомъ случаѣ, безъ нарушенія дисциплины и порядка службы. Въ этомъ общечеловѣческомъ взглядѣ на личную обиду законодательство Петра оставило далеко за собою Соборное Уложеніе съ его искомъ за безчестье, плодившемъ ябедничество, и служитъ, можно сказать, основою для дальнѣйшаго развитія правительственнаго взгляда въ Россіи на преступленія противъ чести.

П. Б.

14 Сентября 1898 г.

Оглавленіе.

стр.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I. Характеристика военнаго искусства и состоянія дисциплины въ войскахъ XVII и начала XVIII столѣтія.

стр.

II. О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ военное время въ Россіи въ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

III. Обзоръ Артикула Воинскаго.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Преступленія противъ чести.

стр.

I. Свѣдѣнія о поединкахъ и бояхъ по памятникамъ иностраннаго законодательства въ Европѣ и у Славянъ.

II. Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ, до начала XVIII в.

III. Мѣстничество и преступленія противъ родовой чести.

стр.

IV. Преступленія противъ чести по Артикулу Воинскому и Патенту о поединкахъ.

V. Обзоръ Артикула Воинскаго и Патента о поединкахъ въ параллели съ иностранными законами.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 3-мъ выпускѣ Артикула Воинскаго разсматриваются преступленія и наказанія шести главъ XIII, XIV, XV, XVI, XVII (арт. 104—153), обозрѣніе которыхъ по свойству юридическихъ и историческихъ матеріаловъ мы дѣлимъ на два раздѣла.

Въ 1-мъ раздѣлѣ излагаются правонарушенія, свойственныя исключительно военному времени, вошедшія въ составъ слѣдующихъ по порядку главъ Воинскаго Артикула:

Глава XIII. О штурмахъ или приступахъ (арт. 101—103).

XIV. О взятіи городовъ, крѣпостей, добычей и плѣнныхъ (арт. 101—116).

XV. О сдачѣ крѣпостей, капитуляціи и аккордахъ съ непріятелемъ (арт. 117—123).

XVI. О измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ (арт. 124—132).

Къ этому-же разряду преступленій, совершеніе которыхъ возможно только при столкновеніи вооруженной силы съ непріятелемъ, относятся нѣкоторые разсмотрѣнные нами артикулы въ предыдущихъ двухъ выпускахъ, а именно: оставленіе своего поста въ виду непріятеля (гл. IV, арт. 39, 41), обращеніе въ бѣгство во время сраженія или въ виду непріятеля (гл. VII, арт. 94, 97, 98), непринятіе надлежащихъ мѣръ предосторожности во время расположенія въ виду непріятеля или вблизи его, или во время движенія противъ него (гл. IV, арт. 38, 39, 49, гл. X, арт. 81, 82).

1

Въ нынѣ дѣйствующемъ Воинскомъ Уставѣ о наказаніяхъ нарушенія обязанностей службы въ военное время, равно какъ преступленія и проступки, совершаемые въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, образуютъ особый *раздѣлъ третій*, а именно: *гл.* I о нарушеніи обязанностей во время военныхъ дѣйствій (ст. 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266 и 267); *гл.* II о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и о преступленіяхъ противъ безопасности арміи—только въ четырехъ статьяхъ: 268, 269, 270 и 271.—На основаніи ст. 268 наказанія, опредѣляемыя въ предыдущихъ статьяхъ для военнослужащихъ (глава I, раздѣлъ III) примѣняются къ таковымъ-же преступленіямъ сихъ лицъ, а также лицъ, къ войску принадлежащихъ, содѣяннымъ въ войскахъ или мѣстностяхъ, объявленныхъ по Высочайшему повелѣнію на военномъ положеніи. Что-же касается до гражданскихъ лицъ, находящихся въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, то они по ст. 269 подвергаются тѣмъ же наказаніямъ за такія преступленія, которыя поименованы въ Высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ по случаю военнаго положенія. И тѣмъ же наказаніямъ подлежатъ и жители непріятельскихъ областей. арміею занимаемыхъ, за всѣ преступленія, указанныя въ прокламаціи главнокомандующаго, а также за тѣ, кои совершены ими при участіисъ лицами, подлежащими военному суду. Наконецъ въ ст. 270 (ред. 1882 г.) опредѣляется смертная казнь за умышленные поджоги, истребленіе военныхъ снарядовъ, предметовъ, вещей, служащихъ средствомъ для довольствія войскъ, или для защиты въ странѣ, занятой непрıятелемъ, равно какъ за умышленное поврежденіе и истребленіе въ военное время различныхъ средствъ сообщенія (желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, плотинъ и т. п. сооруженій). Наконецъ въ ст. 271 установлено наказаніе, какъ за государственную измѣну: *военно-плѣннымъ* за умышленное дѣйствіе и поступки съ цѣлями благопріятствовать видамъ непріятеля, и *непріятельскимъ шпіонамъ*.

Очевидно, что воинское преступленіе, совершаемое военнослужащими (на походѣ, маршѣ, при отправленіи караульной или

строевой службы, по довольствію войскъ и т. п.), свойственное и мирному времени, пріобрѣтаетъ въ военное время, исключительное значеніе, вслѣдствіе тѣхъ условій и той обстановки, въ которыхъ находится армія, поставленная лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, когда каждый ложный шагъ, самое незначительное упущеніе солдата, офицера, начальника, можетъ привести къ болѣе или менѣе печальнымъ послѣдствіямъ.

Въ первомъ раздѣлѣ настоящаго выпуска Артикула Воинскаго мы будемъ имѣть дѣло съ преступленіями и наказаніями, исключительно свойственными военному времени, при тѣхъ условіяхъ, въ коихъ находились воюющія стороны въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., т. е. *въ эпоху появленія нашего перваго военно-уголовнаго кодекса.*

Поэтому съ цѣлью обозрѣнія нормъ, входящихъ въ артикулы главъ XIII и XIV и надлежащей оцѣнки ихъ съ военно-юридической точки зрѣнія, мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателей съ *образомъ дѣйствія войскъ и направленіемъ военнаго искусства въ зап. Европѣ и въ Россіи въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII ст.*

Мы убѣдимся, что правонарушенія, вошедшія въ артикулы поименованныхъ четырехъ главъ, содержатъ юридическія нормы въ соотвѣтствіи съ образомъ дѣйствія войскъ и состояніемъ военнаго искусства той эпохи. Тогда осада и оборона крѣпости, овладѣніе укрѣпленнымъ лагеремъ (у насъ «обозомъ»), были главнымъ предметомъ дѣйствій воюющихъ сторонъ. Полевыя сраженія были весьма рѣдки, войны нерѣшительны и продолжительны. Соотвѣтственно сему согласно съ принципами военно-уголовнаго права знаменитаго короля-полководца Густава Адольфа въ военно-уголовныхъ законахъ регулируются наказанія за преступныя дѣйствія, совершаемыя цѣлыми частями, или отдѣльными лицами: *въ крѣпости, укрѣпленіи или въ сраженіи, при оборонѣ или атакѣ, при штурмѣ; опредѣляются наказанія за измѣну и вообще за нарушеніе обязанностей службы съ намѣреніемъ благопріятствовать или помогать чѣмъ либо непріятелю, за заключеніе съ непріятелемъ капитуляціи, не исполнивъ обязанности своей по долгу присяги и требованіямъ воинской чести, за противозаконную сдачу непріятелю крѣпости или*

укрѣпленія, за положеніе передъ непріятелемъ оружія, несмотря на возможность защищать крѣпость, за разглашеніе свѣдѣній, подлежащихъ тайнѣ, или ввѣренныхъ по службѣ (диспозицій, плановъ, соображеній относительно атаки или обороны, или по передвиженію войскъ и т. п.).

Независимо шведскаго военно-уголовнаго права, отличавшагося относительною гуманностью и правомѣрностью въ наказаніяхъ за воинскія преступленія, въ военно-уголовномъ правѣ всей *Европы*, какъ и въ общемъ правѣ, господствуютъ начала устрашенія, искупленія грѣха, смиренія злой воли посредствомъ жестокихъ членовредительныхъ наказаній и [квалифицированной смертной казни.

Въ мотивахъ господствуетъ опасность измѣны, трусость, свойственная милиціямъ и ополченіямъ, жажда къ добычѣ, служащей наградою войскамъ наемнымъ или комплектуемымъ по вербовкѣ; отсутствіе твердой дисциплины, неувѣренность въ доблести солдатъ и въ преданности офицеровъ своему долгу.

Карательная система вообще отличается крайнею суровостью. Частямъ войскъ, не исполнившимъ своего долга при штурмѣ, при оборонѣ крѣпости, укрѣпленій и вообще въ сраженіяхъ, опредѣляется децималія, т.-е. наказаніе смертью десятаго по жребію; прочіе солдаты наказываются шпицрутенами; всѣ-же начальники, послѣ церемоніи лишенія чести (шельмованія), приговариваются къ смерти (отсѣченіемъ головы или повѣшеніемъ), части войскъ лишаются знаменъ. Измѣнникамъ и шпіонамъ законы угрожаютъ повѣшеніемъ, четвертованіемъ или колесованіемъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ смертной казни предшествуютъ *вырываніе клещами языка, вырѣзываніе полосъ на спинѣ* и разнаго рода истязанія. Соучастники и пособники измѣнника, уличеннаго въ преступной перепискѣ съ непріятелемъ, наказываются наравнѣ съ физическимъ или главнымъ виновникомъ.

По овладѣніи городомъ или крѣпостью посредствомъ штурма допускается грабежъ и захватъ добычи съ нѣкоторыми ограниченіямъ и изъятіями, опредѣленными въ законахъ относительно военныхъ припасовъ и магазиновъ въ пользу государственной казны, или полководца. Плѣнные перестаютъ быть частною собственностью; гарнизонъ, сдавшійся на капитуляцію, отпускается

на свободу съ оруженіемъ и знаменами. или безъ оружія; размѣнъ плѣнныхъ между воюющими сторонами опредѣляется въ особыхъ условіяхъ, договорахъ или картеляхъ. Военно-плѣнные, уличенные въ преступныхъ дѣйствіяхъ, съ цѣлью оказанія помощи непріятелю, и шпіоны наказываются какъ измѣнники.

Къ концу разсматриваемаго періода во всѣхъ значительныхъ государствахъ—Франціи, Швеціи, Имперіи, Даніи, Голландіи, Пруссіи, и наконецъ, Россіи, вооруженныя силы получаютъ опредѣленную формацію въ управленіи, въ комплектованіи и въ составѣ, равно какъ въ способахъ довольствія войскъ, въ призрѣніи больныхъ и увѣчныхъ, въ системѣ судопроизводства. Упрочившаяся монархическая власть, по примѣру Франціи, напрягаетъ государственныя средства и народныя силы на умноженіе числа постоянныхъ армій, на устройство крѣпостей и на развитіе инженернаго искусства, на улучшеніе путей сообщенія и сооруженіе общественныхъ зданій. Добыча перестаетъ служить средствомъ для поощренія храбрости и мужества солдатъ. Веденіе войны начинаетъ регулироваться по опредѣленнымъ принципамъ военнаго искусства и международнаго права. Въ военномъ устройствѣ, въ военномъ искусствѣ и въ военномъ законодательствѣ всей континентальной Европы господствуютъ принципы и идеалы французской монархіи. Между тѣмъ Франція, быстро возвысившаяся на степень первенствующей державы, уже упала, казна была истощена, цвѣтъ ея населенія погибъ въ безпрерывныхъ войнахъ, и всѣ классы народонаселенія страдали подъ гнетомъ грубаго произвола развращенной администраціи. Увеличеніе вооруженныхъ силъ во всѣхъ государствахъ, въ прогрессіи несоотвѣтственной съ матеріальными средствами ихъ народонаселенія, отразилось неблагопріятно на матеріальномъ бытѣ войскъ и способствовало поддержанію прежней суровости военныхъ законовъ, преслѣдовавшихъ съ неимовѣрною жестокостію нарушеніе дисциплины и отсутствіе вѣрности долгу службы на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Во второмъ раздѣлѣ, согласно съ текстомъ слѣдующихъ XVII и XVIII главъ Артикула Воинскаго, разсматриваются: посягательства на тѣлесную неприкосновенность и оскорбленіе чести, а именно:

Глава XVII: О возмущеніи, бунтѣ и дракѣ (арт. 133—148).
XVIII: О поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ (арт. 149—153).

А также имѣющій непосредственную юридическую связь съ этими законами «Патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ» (Гл. XLIX Уст. Воинскаго 1716 г.).

Въ нынѣ дѣйствующій Уставъ Воинскій о наказаніяхъ вошли только нѣкоторыя изъ означенныхъ группъ преступленія; оскорбленіе чести, за исключеніемъ нарушеніе дисциплины—воин. чинопочитанія и подчиненности (предусматриваемыхъ въ кн. XXII, ст. 96—112), и посягательство на тѣлесную неприкосновенность составляютъ нынѣ предметъ обще-уголовнаго законодательства (улож. о наказ. уголов. и испр.. и уст. о наказ., налаг. мир. судьями).

Разсмотрѣнію правоопредѣленій артикуловъ втораго раздѣла мы предпосылаемъ историческое изслѣдованіе о *преступленіяхъ противъ чести* (не только личныхъ оскорбленій, но частью и посягательства на тѣлесную неприкосновенность: опасныхъ дракъ, увѣчья, побоевъ) по иностраннымъ законамъ, и особенно подробно по русскихъ законамъ, начиная съ Русской Правды.

Съ половины XVII ст. военное законодательство западной Европы, стремясь къ водворенію порядка и тишины въ быту вновь учрежденныхъ постоянныхъ регулярныхъ войскъ, старается оградить съ одной стороны общественную безопасность воспрещеніемъ произвольныхъ, скрытыхъ отъ начальниковъ и офицеровъ, тайныхъ сходокъ или собраній солдатъ, считая таковыя приготовленіемъ или ближайшимъ средствомъ къ возстанію, мятежу или бунту, столь распространенному въ войскахъ временныхъ, въ милиціяхъ или ополченіяхъ, особенно въ наемныхъ войскахъ, съ другой—безопасность личную и честь каждаго воина отъ насилія и самоуправства, воспрещая съ этою цѣлью поединки и общественныя драки подъ страхомъ лишенія жизни, чести и имущества, и регулируя систему наказаніи за личныя оскорбленія словомъ, на письмѣ и дѣйствіемъ, въ соотвѣтствіи съ полицейскими уставами, данными государственною властью въ средніе вѣка для водворенія мира и спокойствія въ обще-гражданскомъ быту. Власть монархическая, озабоченная охраненіемъ общественнаго спокойствія и личной безопасности своихъ поддан-

ныхъ, теперь, при учрежденіи постоянныхъ войскъ. стремится вездѣ искоренить произволъ, насиліе и самоуправство, подчиненіемъ единой своей волѣ всѣхъ сословій въ государствѣ и однимъ и тѣмъ-же военно-уголовнымъ законамъ всѣхъ военно-служащихъ, приравнивая къ послѣднимъ, во время военныхъ дѣйствій, и жителей занятой страны.

Полицейскіе уставы XV, XVI и XVII столѣтій оказались безсильными для борьбы съ преступленіями противъ тѣлесной неприкосновенности, противъ общественной и частной безопасности. Ихъ замѣняютъ военные регламенты, эдикты, патенты для всѣхъ сословій съ угрозами жестокой уголовной кары за нарушенія общественной тишины и спокойствія въ странѣ. Поединщики, зачинщики дракъ, заводчики смуты разсматриваются какъ измѣнники и подвергаются наказанію какъ за государственныя преступленія — Crimen laesae Majestatis — *лишенію жизни, чести и конфискаціи имущества*. Пока нѣмецкіе государи, полководцы и военные юристы разсуждали о допущеніи въ войскахъ поединковъ при особыхъ, исключительныхъ случаяхъ, согласно обычаямъ общежитія, во Франціи короли Людовикъ XIII и Людовикъ XIV и ихъ министры Ришелье и Мазарини въ регламентахъ о поединкахъ и правилахъ о способахъ удовлетворенія личныхъ оскорбленій и возстановленія чести стремились укротить гордое французское дворянство, разнузданное въ усобищахъ XVI ст. и не признававшее власти королевскихъ судовъ. Поединки признаны какъ преступленіе «постыдное», противохристіанское, оскорбляющее небесное и земное величество, и потому запрещены безусловно. Регламентомъ Людовика XIV «о поединкахъ и частныхъ бояхъ» 1679 г. признано необходимымъ опредѣлить *самыя суровыя наказанія, соединенныя съ позорнымъ лишеніемъ чести и конфискаціей всего имущества,* за нарушеніе постановленій «столь справедливыхъ и необходимыхъ для сохраненія французскаго дворянства». Вся администрація призывается къ содѣйствію полицейской и судебной власти для преслѣдованія поединщиковъ. Поединщики, пособники, ассистенты, даже лакеи, передающіе вызовы, подвергаются *жестокимъ уголовнымъ наказаніямъ, конфискаціи имущества, тѣлесному наказанію*. Чиновники, виновные въ недонесеніи, въ попустительствѣ, въ упущеніяхъ — *смѣ-*

щаются съ должности, отставляются отъ службы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ *наказываются лишеніемъ жизни.* Эту мстительную суровость французскаго законодательства, примѣняемую за поединки и оскорбленія чести, воспринимаютъ въ концѣ XVII ст. всѣ могущественныя и болѣе значительныя государства Европы: Имперія, Пруссія, Данія, Швеція, Нидерланды и, наконецъ, Россія.

Цѣлью преслѣдованія неповинующихся законамъ о поединкахъ, личныхъ оскорбленіяхъ и вообще о самоуправствѣ служитъ одно и то же политическое начало: *водвореніе общественнаго спокойствія во имя божескихъ и человѣческихъ правъ для избавленія народовъ отъ гнѣва Божія.* Въ мотивахъ по опредѣленію наказаній за бунтъ и сходки господствуетъ опасеніе *измѣны*, а за поединки и общественныя драки опасеніе *неповиновенія.*

Для водворенія порядка и спокойствія въ войскахъ, ненадежныхъ по своему составу, на зарѣ учрежденія постоянныхъ національныхъ войскъ законодатели стремились урегулировать взаимныя отношенія между военно-служащими посредствомъ *суровыхъ наказаній, соединенныхъ съ позорнымъ лишеніемъ чести.* Въ отношеніи преслѣдованія поединковъ и вообще буяновъ бранденбургское военно-уголовное законодательство превзошло даже французское: убитый на поединкѣ лишенъ былъ честнаго погребенія, его тѣло зарывалось палачомъ in loco inhonesto, убившій на поединкѣ подвергался повѣшенію, и тѣло его оставалось на висѣлицѣ до полнаго разложенія. Подобный позоръ признавался необходимымъ условіемъ для искупленія вины грѣшника, оскорбившаго велѣнія верховной власти, ссылавшейся на предписанія церкви.

Но эта жестокость наказаній оказалась безсильною для борьбы съ человѣческими предразсудками, отъ которыхъ не были свободны наиболѣе цивилизованные народы, *считавшіеся* съ началомъ равнаго *возмездія* (lex talionis), вопреки началамъ христіанскаго благочестія и цѣлямъ общежитія.

Не ранѣе половины XVIII ст. ощущается поворотъ къ смягченію суровыхъ и мстительныхъ уголовныхъ законовъ во всей Европѣ.

Постановленія Артикула Воинскаго въ главахъ XIII—XVIII, какъ и прежнія, нами разсмотрѣнныя (гл. I—XII), обработаны по тексту новошведскаго военнаго артикула (отчасти и по тексту новодатскому) и соображены съ военно-уголовными кодексами—старошведскимъ Густава Адольфа (его военные артикулы и уставъ о генеральномъ и полковомъ судѣ), имперскими Фердинанда IV и Леопольда I, Датскимъ Христіана V, Нидерландскимъ и комментаріями Гойера, Шульца, Шварцена и Петра Паппія.

Текстъ русскихъ артикуловъ (арт. 101—153), представляемый нами въ параллели съ иностранными военными артикулами, мы сличали съ Полн. Собр. Зак. (т. V, № 3006), съ первымъ полнымъ изданіемъ Устава Воинскаго 1719 г. и съ подлинными рукописями; особымъ шрифтомъ мы указываемъ на собственноручныя поправки *рукою* Петра I (въ разрядку) и на важнѣйшія редакціонныя исправленія (курсивомъ) въ рукописи Артикула Воинскаго, хранящейся въ библіотекѣ Главнаго Штаба. Каждый артикулъ сопровождается замѣтками, справками и ссылками на другіе, сходные съ русскимъ текстомъ, иностранные законы.

Текстъ артикуловъ, разсматриваемыхъ въ двухъ раздѣлахъ, заключается нашими *объясненіями*, въ которыхъ мы указываемъ, въ какихъ отношеніяхъ нашъ законодатель отступалъ отъ иностранныхъ оригиналовъ по составу преступленій и роду наказаній.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

Для историческихъ изслѣдованій о состояніи военнаго искусства въ Европѣ и Россіи въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ и развитія вопроса о преступленіяхъ противъ чести въ Россіи, отъ Русской Правды и до начала XVIII вѣка, кромѣ названныхъ въ первыхъ двухъ выпускахъ моего труда объ Артикулѣ Воинскомъ (вып. 1-й, стр. 85—107 и вып. 2-й, стр. 4—19) иностранныхъ и русскихъ законодательныхъ памятниковъ, я

пользовался преимущественно слѣдующими источниками и пособіями.

1) *Dilichi*. Kriegsschule. Ersten Theils von dem Kriegs-Apparatu oder allgemeiner behöriger Zurustung (s. 494). Ander Theil von dem Congressu Praelii, Schlachte und Belagerungen (s. 410).

Въ пашемъ экземплярѣ не имѣется заглавнаго листа, и потому годъ изданія намъ не извѣстенъ.—Изъ нѣкоторыхъ хронологическихъ указаній по качествамъ политипажей и содержанію матеріала можно полагать, что книга *Дилихія* „Военная школа“ издана въ первой четверти XVIII столѣтія и во всякомъ случаѣ ранѣе капитальнаго труда *Флемминга* „Der Volkommene Deutsche Soldat“, изд. 1726 г.

„Военная школа“ Дилихія знакомитъ въ 1-й части съ устройствомъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, съ крѣпостными постройками, довольствіемъ войскъ деньгами, кормомъ, одеждою, военными запасами и матеріальною частью артиллеріи; во второй части излагается о сраженіи вообще и въ частности о боевыхъ порядкахъ грековъ и римлянъ и о современномъ расположеніи войскъ для боя, о военныхъ хитростяхъ (Stratagematen) на сухомъ пути и на морѣ, о замѣчательныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и сраженіяхъ, начиная описаніемъ нашествія гунновъ, объ оборонѣ и осадѣ крѣпостей.

Значительная часть сочиненія Дилихія посвящена опредѣленіямъ: воинской дисциплины, наказаніямъ за общія и воинскія преступленія, а также за преступленія въ военное время (за бѣгство съ поля сраженія, за сдачу крѣпости и капитуляцію и т. п.), вообще обзору военныхъ артикуловъ общихъ для пѣхоты и кавалеріи и спеціальныхъ для артиллеріи и инженеровъ (für die Architectur am Pelemicam), и порядку судопроизводства въ верхнихъ и нижнихъ военныхъ судахъ. (*Ч. 1, кн. 2, гл. 50—80*).

Книга Дилихія въ общемъ своемъ содержаніи представляетъ энциклопедію по военному и морскому дѣлу, съ краткимъ развитіемъ свѣдѣній военно-юридическихъ.

2) Der volkommene Teutsche Soldat, welcher die gantze Kriegswissenschaft, insonderheit was bey der Infanterie vorkommt. Von *Hanns-Friedrich von Flemming*. Leipzig, im Iahr Christi 1726. S. 808.

Изъ обширнаго сочиненія *Флемминга* мы могли почерпнуть свѣдѣнія о наказаніяхъ за преступленія во время военныхъ дѣйствій, которыя въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. состояли въ обложеніи, атакѣ и оборонѣ крѣпостей, съ цѣлью овладѣнія непріятельскими магазинами и запасами, въ занятіи укрѣпленнаго лагеря, въ атакѣ укрѣпленныхъ позицій. Въ соотвѣтствіи съ текстомъ разсматриваемыхъ нами военныхъ артикуловъ раздѣла 1-го, мы находимъ у Флемминга описаніе: *о требованіи сдачи крѣпости, капитуляціи и способѣ ея передачи* (ч. 5-я, гл. 60), *о штурмѣ* (ч. 5-я, гл. 50), *о занятіи и укрѣпленіи лагеря* (ч. 6-я, гл. 11), *объ атакѣ крѣпости* (ч. 6-я, гл. 12), *о*

сдачѣ крѣпости на капитуляцію (ч. 6-я, гл. 27), *о взятіи города штурмомъ* (ч. 6-я, гл. 28), *о плѣнныхъ и обмѣнѣ ихъ* (ч. 3-я, гл. 35 и 36), *а также о добычѣ* (тамъ-же), *объ измѣнѣ* (ч. 4-я гл. 30). Флеммингъ, какъ видно, былъ основательно знакомъ съ военно-уголовнымъ законодательствомъ современной ему Европы.

3) *Marquis de Chambray*. Des changements survenus dans l'art de la guerre, depuis 1700 jusqu'en 1815. Paris. 1830, p. 82.

4) *Dela Barre du Parcq*: Parallélisme des progrés de la civilisation et de l'art militaire. Paris. 1860, p. 99.

5) *De-Laverne*. L'art militaire chez les nations les plus célébres de l'antiquité et des temps modernes, analisé et comparé. Paris. 1805, p. 494.

Разсматривая военное искусство у разныхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ, Де-Лавернъ въ своемъ краткомъ сравнительномъ очеркѣ останавливается на эпохѣ его возрожденія въ XVII и началѣ XVIII ст., преимущественно во Франціи. На изученіи Ѳукидида, Ксенофонта, Полибія, Арріена, Саллюстія и Цезаря воспитались лучшіе полководцы: принцъ Нассаускій, Генрихъ IV, Густавъ Адольфъ, Тюреннь, Конде, Монтекукули, поднявшіе военное искусство на высокую степень совершенсгва. Къ подвигамъ Густава Адольфа, котораго новѣйшіе писатели причисляютъ къ величайшимъ полководцамъ новыхъ временъ, авторъ относится несравненно холоднѣе, чѣмъ къ заслугамъ Тюренния, въ области стратегіи, Лувуа въ дѣлѣ администраціи и Вобана—инженернаго искусства. Они по его мнѣнію, собственно и положили основаніе военной науки, которая сохранилась безъ перемѣны до начала XIX ст. По ихъ слѣдамъ воспиталась новая серія полководцевъ въ войнахъ конца XVII и началѣ XVIII в.: Катина, Люксембургъ, Вильяръ, Вандомъ, Евгеній Савойскій, Мальборо, герцогъ Баденскій, Карлъ XII, Петръ Великій, Морицъ Саксонскій, Шверинъ. Въ развитіи военнаго искусства Франція служила образцомъ всей Европѣ. Лавернъ въ своей бѣглой оцѣнкѣ развитія военнаго искусства не обратилъ вниманія на характеристическія особенности войнъ той эпохи и не вникнулъ въ причины паденія могущества Людовика XIV, который, несмотря на великіе подвиги своихъ полководцевъ, оставилъ Францію совершенно истощенною и армію деморализованною.

Маркизъ де-Шамбре въ небольшой брошюрѣ доказываетъ существенныя перемѣны, происшедшія въ образѣ веденія войны отъ начала войны за испанское наслѣдство до окончанія наполеоновскихъ войнъ, особенно во взглядѣ на крѣпости. Въ началѣ XVIII вѣка армія обременена была множествомъ вьючныхъ лошадей, перевозившихъ палатки, а также лошадей офицерскихъ въ пѣхотѣ, большимъ числомъ подводъ съ жизненными запасами, большимъ числомъ экипажей и багажа и т. п., и толпою нестроевыхъ (noncombattants). Движенія войскъ и военныя операціи подчинялись заботамъ о продовольствіи и правильномъ его распредѣленіи. Войны велись не столько съ живыми организо-

ванными силами, сколько съ крѣпостями, укрѣпленными лагерями и позиціями (р 5, 6). Крѣпостямъ дано преувеличенное значеніе, особенно во Франціи, Нидерландахъ и Сѣверной Италіи. Дѣйствующія арміи ослаблялись, съ одной стороны, необходимостью занимать гарнизонами множество крѣпостей, а съ другой — отдѣлять значительныя силы для ихъ осады или блокады. Войны были продолжительными и нерѣшительными.

Съ начала XVII в. Франція была единственнымъ государствомъ въ Европѣ, гдѣ съ успѣхами просвѣщенія параллельно развивалось и военное искусство, и первый толчокъ этому прогрессу данъ Генрихомъ IV. Тридцатилѣтняя война доказала пользу постоянныхъ войскъ; героемъ ея былъ Суставъ Адольфъ, „давшій новый толчокъ развитію военнаго искусства сколько своими нововведеніями въ устройствѣ и содержаніи войскъ, столько-же и образомъ своихъ дѣйствій». Послѣ вестфальскаго міра первую *значительную* (grande) постоянную армію мы находимъ у Людовика XIV; при немъ Франція была во главѣ европейской цивилизаціи и военнаго искусства; дѣйствительно, и въ томъ и другомъ отношеніи она сдѣлала громадные успѣхи. Однако, въ послѣдній четверти XVII ст., когда сошли со сцены Тюреннь и Конде, военное искусство, можно сказать, остановилось въ своемъ развитіи: несмотря на значительную армію, вся страна покрывается множествомъ крѣпостей, почти вся граница сплошнымъ рядомъ укрѣпленій, и война обращается въ оборону позиціи, сраженіе въ поле дается не иначе, какъ по соображеніямъ, приготовленнымъ вдали.

Впрочемъ въ двухъ отношеніяхъ Франція сдѣлала громадные успѣхи—въ *инженерномъ искусствѣ* и въ *администраціи*, благодаря Вобану и Лувуа.

Народныя ополченія (milices) и постоянныя арміи, организованныя Франціей, послужили образцомъ для другихъ націй и существуютъ до сихъ поръ.

Бытовая сторона во французскихъ войскахъ у означенныхъ писателей оставлена почти безъ всякаго вниманія и отношенія *къ военному искусству*. Этотъ пробѣлъ намъ приходится пополнять военнымъ кодексомъ 1709 г. (Code milit. de Louis XIV).

Несмотря на громадные успѣхи въ цивилизаціи, которая по мнѣнію Деля Барра Дюпарка, способствовала поднятію военнаго искусства во Франціи, дисциплина въ войскахъ Людовика XIV поддерживалась въ высшей степени суровыми наказаніями, при чемъ военная юстиція находилась въ полной зависимости отъ генералъ-инспекторовъ и комиссаровъ, бывшихъ главными двигателями административныхъ дѣйствій военнаго министра Лувуа. Очевидно, что не достаточно имѣть организованную администрацію, надобно ее сдѣлать честною и преданною своему долгу.—Но ни того, ни другого качества, которыми замѣтимъ могли гордится судебно-полицейскіе органы Густава Адольфа, не видно въ административныхъ органахъ Людовика XIV.

6) *Князя Н. С. Голицына*. Всеобщая военная исторія новыхъ временъ. Ч. II. Войны второй половины XVII и первой

половины XVIII вѣковъ въ Зап. Европѣ. С.-Петербургъ, 1873, стр. 116.

7) *Генералъ-Маіора Пузыревскаго.* Развитіе постоянныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго. С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 347.

Оба сочиненія, особенно г. Пузыревскаго, даютъ понятіе объ образѣ веденія войнъ и состояніи военнаго искуства, со времени его возрожденія, т.-е. въ ту-же историческую эпоху, къ которой относятся всѣ иностранные военно-юридическіе памятники, служившіе матеріаломъ для перваго русскаго военно-уголовнаго кодекса. Крѣпости, укрѣпленные лагери, цѣпныя линіи укрѣпленій въ войнахъ второй половины XVII и первой четверти XVIII в. служили главнымъ объектомъ дѣйствій. Методъ веденія войны Густавомъ Адольфомъ, осторожный, сдержанный и осмотрительный въ первый періодъ знаменитаго его похода въ Германія, въ войнахъ конца XVII и начала XVIII в. обратился, можно сказать, въ рутину, отъ которой отступали только выдающіеся полководцы; не прибѣгая къ осадѣ и штурму крѣпостей, они достигали самыхъ рѣшительныхъ успѣховъ, благодаря одному рѣшительному сраженію, послѣ чего крѣпости сдавались десятками, нерѣдко безъ выстрѣла, на капитуляцію. Благодаря образу веденія войны, состоявшему въ осадѣ или оборонѣ крѣпости, особенные успѣхи сдѣланы были въ инженерномъ искусствѣ, и тоже самое условіе, какъ увидимъ, имѣло непосредственное вліяніе на право. опредѣленія въ военное время:—неудачный штурмъ крѣпости или укрѣпленія, сдача крѣпости на капитуляцію, когда не были истощены всѣ способы обороны, и проч.

Въ трудѣ генерала Пузыревскаго мы находимъ рядъ статей имѣющихъ, по нашему мнѣнію, практическое приложеніе для изученія военнаго искусства: комплектованіе и организація войскъ, учрежденія, іерархія, военная дисциплина, военное судопроизводство.

Эти стороны писатели о военномъ искусствѣ, особенно французскіе, оставляютъ обыкновенно безъ вниманія. А между тѣмъ знакомство съ бытомъ войскъ данной эпохи даетъ солидный матеріалъ для болѣе правильной оцѣнки явленій въ военномъ искусствѣ. Въ своемъ интересномъ изслѣдованіи г. Пузыревскій держится сравнительнаго метода, т. е. разсматриваетъ устройство арміи и военное искусство Западной Европы и Россіи параллельно.

8) *I. Rocquancourt.* Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires. 3-e edit. Bruxelles, 1836—1840, en trois volumes; v. 1, p. 605, v. 2. p. 394, v. 3, p. 456.

Это обширное сочиненіе, назначенное для преподаванія въ королевскомъ военномъ училищѣ, до сихъ поръ не утратило своего значенія для изученія военнаго искусства, особенно во Франціи. Для насъ имѣетъ значеніе нѣсколько главъ 1-го тома (гл. 8—12), гдѣ авторъ касается усовершенствованій въ

военномъ искусствѣ въ теченіе XVII и первой четверти XVIII столѣтія.— Рокапкуръ старается ослабить значеніе Морица Нассаускаго, касается вскользь заслугъ Густава Адольфа и упоминаетъ кое что о Петрѣ. Напротивъ, всѣ его симпатіи обращены къ французскимъ полководцамъ, администраторамъ и инженерамъ,—причемъ онъ даетъ немного фактовъ для оцѣнки причинъ нравственнаго упадка французской арміи.

9) *Ѳ. Ласковскаго.* Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, *три части.* С.-Петербургъ, 1858—1861 гг. Съ картами, чертежами и планами къ каждой части особо.

Источникъ богатый матеріалами для ознакомленія съ успѣхами инженернаго и военно-строительнаго иссвуства въ Россіи. „Атака и оборона городовъ, начиная съ осады Корсуни Владиміромъ Великимъ, преобразованія сдѣланныя въ инженерной части Петромъ Великимъ, системы обороны границъ, способы укрѣпленій и т. п. позволяютъ судить о постепенномъ развитій у насъ этой важной отрасли военнаго искуства. Здѣсь, какъ и во всемъ, рельевно выдвигается эпоха Петра I, по размѣрамъ преобразованій, необыкновеннымъ средствамъ, быстротѣ дѣйствій. До Петра I инженерное искуство находилось на низшей степени въ сравненіи съ состояніемъ его во Франціи, Голландіи и Швеціи и у другихъ народовъ зап. Европы, не исключая турокъ. Петръ I стремится поставить военно-строительное дѣло въ Россіи въ уровень съ западноевропейскимъ, и кладетъ твердое основаніе для самостоятельнаго развитія инженерной науки. Осады: Азова 1695 и 1696 гг., Нарвы въ 1700 и 1704 гг. Нотебурга въ 1702 г., Ніеншанца, въ 1703 г., Дерпта въ 1704 г., Выборга въ въ 1706 и 1710 г., Митавскаго замка въ 1706 г., Риги въ 1709 и 1710 г.г., Кексгольма и Ревеля въ 1710 г., Штетина въ 1713 г., Нейшлота въ 1714 г.,— оборона Полтавы въ 1709 г., все это служило школою для военнаго образованія войскъ въ крѣпостной войнѣ, и въ соотвѣствіи съ такимъ направленіемъ военныхъ дѣйствій въ Великую Сѣверную войну очевидно должно было развиться и военно-уголовное законодательство какъ по роду преступленій, такъ и по тяжести наказаній.

10) Журналъ или Поденная Записка, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1698 года, даже до заключенія Нейштатскаго мира. Въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1772 года.

Журналъ этотъ, составленный по спискамъ бумагъ, хранящихся въ кабинетномъ архивѣ, исправленъ рукою Петра I и содержитъ свѣдѣнія о дѣйствіи русскихъ войскъ въ Сѣверную войну, о трофеяхъ, плѣнныхъ и т. п.

11) Письма и бумаги Петра Великаго, разобранныя и изданныя академикомъ А. Ф. Бычковымъ, т. I съ 1688 по 1701 г.,

изд. 1887 г., т. II, 1702—1703 гг., изд. 1889 г., т. III съ 1704—1705, изд. 1893 г.

Превосходный источникъ для изученія исторіи Петра Великаго во всѣхъ отношеніяхъ. Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ подробныя библіографическія указанія и справки и приложено множество документовъ.

12) Письма Петра Великаго къ графу Борису Петровичу Шереметеву. Москва, 1774 года.

Въ нихъ излагаются такія событія, въ которыхъ принималъ непосредственное участіе фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ. Письма Петра Великаго вошли въ изданіе Бычкова.—Предисловіе дополняется свѣдѣніями изъ журнала или поденной записки. Въ перепискѣ имѣется нѣсколько данныхъ, относящихся къ организаціи русской арміи въ разные періоды Сѣверной войны.—Въ письмахъ къ Шереметеву, изданныхъ въ 1774 г., имѣются существенные пропуски. Смотри: *Устрялова*, Исторія царствованія Петра Великаго т. IV, стр. 108—109, примѣчаніе.

13) *Устряловъ*. Исторія царствованія Петра Великаго. Въ 6-ти томахъ. 1858—1863 г.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ описаніе военныхъ дѣйствій подъ Азовымъ, походы 1695 и 1696 г.г. и начало Великой Сѣверной войны; осада Нарвы и пораженіе русскихъ войскъ подъ Нарвою, оборонительныя мѣры Петра I со стороны Лифляндіи, ея опустошеніе войсками Шереметева, штурмъ Нотебурга, покореніе Ніеншанца, Дерпта, Нарвы, переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ русскихъ войскъ, устройство русской арміи въ Полоцкѣ, покореніе Митавы и Бауска; затрудненія въ Гродненскомъ лагерѣ въ 1706 г.; битва подъ Калишемъ. Историкомъ собрано много новыхъ фактовъ, но въ изложеніи военныхъ событій нѣтъ системы.—IV, ч. I и II.— Авторъ весьма подробно описываетъ дѣйствія Шереметева въ Лифляндіи, сраженія при Эрестферѣ и Гумельсгофѣ и весьма мало говоритъ о мѣропріятіяхъ Петра I съ цѣлью завоеванія Ингріи.

14) Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней, подъ редакціей генералъ-лейтенанта Леера. С.-Петербургъ. 1885 г. Т. I. Сѣверная война, стр. 1—77.

Описанію военныхъ дѣйствій предшествуетъ краткій очеркъ состоянія русской и шведской армій. Катастрофа подъ Нарвою нанесла страшный нравственный ударъ молодой, только устроенной регулярной пѣхотѣ и доказала недостатокъ средствъ для борьбы съ Карломъ XII, имѣвшимъ отлично устроенныя войска, способныя къ быстрымъ передвиженіямъ и атакѣ въ открытымъ полѣ.

15) Тетрати записныя военнымъ письмамъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ Его Император-

скаго Величества Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 годовъ. Типографія Правит. Сената, 1774 года.

Эта переписка свидѣтельствуетъ о необычайной дѣятельности Петра Великаго послѣ пораженія подъ Нарвою для завоеванія Ингріи и основанія С.-Петербурга до пораженія генерала Мердефельда подъ Калишемъ. Плѣнныхъ шведовъ употребляли въ качествѣ рабочихъ при постройкѣ новыхъ крѣпостей.

16) *Dr. Carl Friccius.* Geschichte des deutschen, insbesondere des preussischen Kriegrechts. Berlin, 1848, s. 267.

17) Ignaz Ortwein von Molitor. Die Kriegsgerichte und Militairstrafen ins neunzehnten Iahrhundert, mit einem Rückblicke zum Beginne dieses Iahrhunderts. Wien, 1885, s. 212.

Оба сочиненія нами разобраны въ трудѣ «Сост. воен. права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ», стр. 183 и слѣд. — Изъ соч. Молитора видно, что имперское нѣмецкое военное право во второй половинѣ XVII ст. имѣло террористическій характеръ, господствовали инквизиціонныя пытки, наказанія отличались жестокосердіемъ. Мишельсъ въ „Секретной исторіи австрійскаго правительства“ въ такихъ выраженіяхъ характеризуетъ кровожадность военнаго суда въ Эперіешѣ въ 1687 году: „Осужденнымъ сперва рубили кисть правой руки, потомъ рубили голову или колесовали, сажали на колъ, четвертовали, смотря по прихоти судей и ихъ помощниковъ“.—Вообще пытки, казни, конфискаціи характеризуютъ эпоху Леопольда I, современника Людовика XIV. Жестокость наказаній за преступленія въ военное время въ имперскихъ войскахъ подготовили реакцію, слѣдствіемъ которой было изгнаніе іезуитовъ при Іосифѣ II, которыхъ считали главными виновниками развитія инквизиціонной системы, вытѣснившей гласный обвинительный процессъ и давшей криминальной юстиціи кровавый отпечатокъ; не эти-ли причины убили военную доблесть у австрійскаго солдата въ XVIII столѣтіи.

18) *Boris Utin.* Ueber die Ehrenverletzung nach Russischen Recht, seit dem XVII Iahrhundert. Dorpat. 1857.

19) *Шайкевичъ.* О преступленіяхъ противъ чести. „Москов. унив. зап. 1865. Приложенія“.

20) *Спасовичъ.* О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ. «Журн. Мин. Юст.» 1860 г. № 1.

21) *Н. Ланге.* О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестье по древнему русскому праву. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1860 г. ч. С. II.

22) *Духовской.* Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ по русскому праву. Ярославль, 1873.

23) *Никольскій.* О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. Москва, 1859.

24) *И. Бѣляевъ.* Поле. «Москвитянинъ» 1855, №№ 13 и 14.

25) *Его-же.* Лекціи по исторіи русскаго законодательства. 1879 г.

26) *Андреевскій.* О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. С.-Петербургъ, 1855.

27) *Бережковъ.* О торговлѣ Руси съ Ганзой конца XV вѣка. С.-Петербургъ, 1879.

28) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. Русская Правда, Судебники Іоанна III и Іоанна IV и др.

29) *Барона Герберштейна.* Записки о Московіи. Rerum Moscovit. Comment.

Описаніе Герберштейномъ поля или судебнаго поединка и кулачныхъ боевъ.

30) Статутъ великаго княжества Литовскаго 1588 (т.-е. 3-й), изд. Времен. Общ. ист. и древн. рос. 1855. Согласно съ изданіемъ Мамонича въ Виленской типографіи.

31) *I. Danilowicz.* Opis bibliografii Statuta. Dzień Wileń. 1823, f. 2.

32) *A. Sosnowski.* Wiadomosc o drugim Statucie. Dzień. Wileń, 1822, № 6.

33. *И. Даниловичъ.* Взглядъ на Литовское законодательство и литовскіе статуты. Юрид. Зап. Рѣдкина. изд. 1841.

34) *Iaroszewicz.* Obraz Litwy, 1845 t. II, Prawodaustwo Litwy.

35) *Котошихинъ.* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 1840.

36) *Капитана Маржерета.* Состояніе россійской державы. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ, 1830.

37) Estat de l'Empire de Russie par le capitaine Margeret. Paris. 1821.

38) *Уложеніе*, по которому судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ въ Россійскомъ Государствѣ производится, сочиненное и напечатанное при владѣніи Его Величества государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи самодержца. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7156 (Соборное Уложеніе). С.-Петербургъ, 1820.

39) *Алексѣя Маркевича.* О мѣстничествѣ. ч., I. Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству.

Матеріалъ богатый для изученія исторіи мѣстничества.

40) *Д. А. Валуевъ.* Изслѣдованіе о мѣстничествѣ. Москва, 1845 года.

Цѣнный источникъ. Авторъ, пользуясь книгами разряда, разобралъ важнѣйщіе моменты въ исторіи мѣстничества и обнаружилъ чрезвычайно важные факты, изъ которыхъ видно, что въ XVII столѣтія этотъ институтъ видимо разлагался, стѣсняя своею притязательностью развитіе государственной жизни. Особенный вредъ мѣстничество имѣло на военное устройство, когда признавалась уже въ верху необходимость реформы.

41) *С. Шпилевскій.* Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. Казань, 1866.

Несмотря на ограниченія и запрещенія верховной власти, въ войскѣ, начиная съ Іоанна III, родовые споры возобновлялись именно между тѣми военачальниками, которымъ приказывалось быть безъ мѣстъ.—То-же было при назначеніяхъ воеводъ по городамъ и въ самыхъ разнообразныхъ порученіяхъ въ военное время. Государство постоянно боролось съ притязаніями мѣстничества и не смотря на пораженія войскъ и многія неудачи въ военныхъ операціяхъ XVII вѣка должно было терпѣть этотъ глубоко укоренившійся *отеческій* обычай.—Трудъ Штилевскаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополняетъ и развиваетъ изслѣдованіе Валуева. Впрочемъ съ нѣкоторыми заключеніями автора не согласуются факты исторіи; нельзя согласиться, что мѣстничество было положительнымъ закономъ санкціонированнымъ верховною властью. Оно было только освящено обычаемъ, но основы его съ развитіемъ централизаціи государства и увеличеніемъ вооруженныхъ сами собою расшатывались.

42) *Забѣлинъ.* Домашній бытъ Русскихъ царей въ XVI и XVII ст., ч. I, второе изданіе. Москва, 1872 года.

Приводитъ нѣсколько весьма цѣнныхъ документовъ объ искахъ за безчестье лицъ приближенныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу и о наказаніяхъ за личныя оскорбленія: бояръ, стольниковъ, стряпчихъ. Напримѣръ: „Григорія Дмитріева, сына Облязова, за вдовино Антонова, съ дѣвками, за ихъ *безчестье бить батоги нещадно,* чтобъ инымъ впередъ воровать было „неповадно“. (Дѣло по тяжбѣ матери Плещеевой съ резолюціей Государя 14 сентября 1643 г.).

Къ числу источниковъ, поименованныхъ въ пп. 28, 29, 30, 35, 36, 37, 38, 39, которыми мы пользовались для изученія вопроса о преступленіяхъ противъ чести вообще и въ частности о преступленіяхъ противъ родовой чести въ Россіи, слѣдуетъ

прибавить нѣкоторые интересные документы еще изъ слѣдующихъ источниковъ:

43) Акты Археографической экспедиціи, тт. 1, 2 и 3.

44) Акты историческіе, т. 1, 3.

45) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, особенно въ пяти томахъ.

46) 1 Полное Собр. Зак., первые четыре тома.

Для изученія-же вопроса о преступленіяхъ противъ чести (ссоры, драки, бои, поединки) въ иностранныхъ государствахъ, кромѣ сочиненія Флемминга, мы пользовались исключительно законодательными памятниками въ слѣдующихъ сборникахъ:

47) Corpus Iuris Militaris, de an. 1674.

48) Corpus Iuris Militaris, de an. 1709.

49) Corpus Iuris Militaris Novissimum de an. 1724.

50) Code militaire de Louis XIV, de an. 1709.

Комментаторы, особенно Петръ Паппій, Эбергардъ Гойеръ, Шульценъ, Матвѣй Шварценъ въ своихъ объясненіяхъ и замѣткахъ даютъ разносторонній матеріалъ для изученія духа законодательнныхъ памятниковъ, особенно что касается личныхъ оскорбленія, насилій, самоуправства, поединковъ въ переходную эпоху отъ войскъ наемныхъ и временныхъ къ войскамъ національнымъ и постояннымъ.

Вышеизложенные источники и матеріалы служатъ намъ руководствомъ и для оцѣнки военно-уголовнаго законодательства Петра Великаго преимущественно въ области преступленій во время военныхъ дѣйствій и въ преступленіяхъ противъ личности.

Заботливость Петра Великаго о привитіи къ новоустроенному русскому войску началъ военнаго законодательства западной Европы не только въ области воинскихъ преступленій, въ тѣсномъ смыслѣ, но и въ преступленіяхъ общаго характера, къ которымъ, между прочимъ, относятся и преступленія противъ чести (личныя обиды, ссоры, драки, поединки), видна изъ ряда законодательныхъ памятниковъ за многіе годы до появленія въ печати въ 1715 г. знаменитаго Артикула Воинскаго. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ напечатаны Розенгеймомъ въ его „Очеркѣ Исторіи Военно-Судныхъ Учрежденій въ Россіи до кончины Петра Великаго"; таковы: *Уложеніе*, неправильно, названное имъ Шереметевскимъ, и *Краткій Артикулъ*, или Артикулъ Гюйсена, назва-

2*

ный имъ Артикуломъ Меньшикова. Рукописные сборники Императ. Публичн. Библіотеки и бывшаго Румянцевскаго Музея (напримѣръ, Кожевникова и другихъ офицеровъ начала XVIII в.), показываютъ, что еще до учрежденія регулярныхъ войскъ въ 1699 году Петръ I озабоченъ былъ привитіемъ къ русскому войску новѣйшихъ западно-европейскихъ доктринъ.

51) Рукописный уставъ А. Вейде 1698 г.

Уставъ этотъ нами разобранъ въ брошюрѣ: „Вейде, Адамъ Адамовичъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра Великаго и его военный уставъ, 1698 года". Казань, 1887 г. — Здѣсь даны наставленія или инструкціи о поведеніи солдата, о надзорѣ за нимъ капитановъ и опредѣлены дисциплинарныя взысканія за маловажные проступки и неприличное поведеніе.—Это не только строевой уставъ, но и дисциплинарная инструкція, которою, надо полагать, обязаны были руководствоваться начальники въ Сѣверную войну.

52) Уложенный Артикулъ (рукопись). Время появленія его не риведено въ извѣстность, но онъ существовалъ уже въ первые годы Сѣверной войны.

53) О порядкѣ принесенія драгунами и солдатами жалобъ на -причиненіе обидъ и о запрещеніи сходокъ.

Содержитъ краткія постановленія о наказаніяхъ за личныя обиды.

Эта инструкція существовала также въ первые годы послѣ учрежденія регулярныхъ войскъ.

54) Статьи воинскіе, кои надлежитъ салдату (какъ) в житіи себя держать и в строю и во ученіи обходится:

Въ концѣ: „А сіи статьи (7 параграфовъ) каждому солдату на памѣти имѣть и на каждаю недѣлю по дважды читать". Тутъ встрѣчаются термины, напоминающіе слогъ наказовъ XVII ст.: „Отъ пьянства, и отъ резни, и отъ гульбы, и отъ воровства, и отъ винной продажи удержатца..." и т. д. Упоминается о наказаніи шпицрутенами (спицъ рутенъ) за неисправное содержаніе оружія, шумъ въ строю.

55) Учрежденіе къ бою по настоящему времени разсуждается посему, марта въ 16 день 1708 г., за подписаніемъ руки Царскаго Величества.

Значеніе этого документа видно изъ самаго заглавія. Между прочимъ, въ ст. 5 требуется, чтобы начальники, наблюдали за безотлагательнымъ производствомъ слѣдствія и суда подъ угрозою вычета *мѣсячнаю жалованья* за одинъ день промедленія, а за послабленіе и потворство въ судахъ начальникъ подвергается такому-же наказанію, какому подлежитъ виновный въ данномъ преступленіи.

Во второмъ Азовскомъ походѣ, 1796 г., въ данной инструкціи галерному флоту требовалось во время боя оказывать взаимную поддержку; очевидно, что и для сухопутныхъ войска могли уже существовать подобныя наставленія, заимствованныя изъ иностранныхъ кодексовъ.

Первыя попытки къ составленію систематическаго военно-уголовнаго кодекса по образцу иностранныхъ военныхъ артикуловъ второй половины XVII ст. явились за многія годы до состав, ленія Артикула Воинскаго. Таковые:

56) Уложеніе или право Воинскаго поведенія генераламъ-среднимъ и меньшимъ чинамъ и рядовымъ солдатамъ.

Имѣется нѣсколько списковъ этого кодекса. Розенгеймъ издалъ его (стр. 269—294) по списку Импер. Пуб. библіотеки. Оригиналомъ для „Уложенія" служитъ Датскій Военный Артикулъ Христіана V, изданный въ 1683 г. Подъ такимъ-же названіемъ встрѣчается Уложеніе въ числѣ книгъ библіотеки князя В. В. Голицына въ 1687 г., т. е. уставъ могъ быть составленъ еще во время Крымскихъ походовъ. Одинъ изъ списковъ его былъ подписанъ Шереметевымъ для руководства въ войскахъ его арміи въ началѣ Сѣверной войны, но это не можетъ служить доказательствомъ, что Шереметевъ былъ составителемъ этого кодекса, и потому едва-ли правильно называть его Шереметевскимъ. Уложеніе (въ гл. V и VIII) содержитъ зародышъ прапоопредѣленій о личныхъ обидахъ и о преступленіяхъ въ военное время, которыя получили систематическое развитіе въ Артикулѣ Воинскомъ (см. статьи: 59, 60, 62, 63, 65, 66, 67, 69, 98—104). Сравни нашъ трудъ „Воен. Зак. Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ", изд. 1887 г. стр. 22—25.

57) Артикулъ Краткій избранный изъ древнихъ христіанскихъ правъ (рукопись). Первоначально отпечатанъ въ Москвѣ въ 1705 г.

Основываясь на надписи рукописнаго экземпляра, который хранится въ Импер. Публ. Библіотекѣ, въ общей тетради съ уставомъ Вейде 1698 г. и съ Уложеніемъ (военнымъ), Розенгеймъ назвалъ его Артикуломъ Меньшикова. Между тѣмъ составителемъ Артикула Краткаго на нѣмецкомъ языкѣ былъ баронъ Гюйсеенъ, и послѣ перевода на русскій языкъ онъ изданъ для общаго употребленія, а не только для войскъ, церковно-славянскимъ шрифтомъ въ 1705 году (книжка въ 4-ку на 21 ненумерованныхъ листахъ, считая и заглавные). Въ 1706 г. напечатанъ въ Германіи подъ заглавіемъ: Moscowitisches, Kriegs-Reglement"; въ 1724 г. помѣщенъ въ изданіи C. I. M. Nov., t. 1. II. s. 859—874, подъ заглавіемъ Russisches Kriegs-Reglement, de an. 1706. Надо полагать, что Петръ В. недоволенъ былъ „Уложеніемъ" (военнымъ), которое, какъ теперь извѣстно, оставлено съ произвольными измѣненіями датскаго оригинала, и поручилъ ученому правовѣду Гюйсеену составить болѣе совершенный кодексъ Но почтенный баронъ составилъ его какъ видно на скорую руку, принявъ

редакцію саксенъ-готскихъ военныхъ артикуловъ—по формѣ и сдѣлавъ краткія извлеченія изъ общихъ и военныхъ законовъ разныхъ государствъ. По этому Артикулъ Гюйсена во многихъ опредѣленіяхъ и санкціяхъ расходится съ „Уложеніемъ". См. наше изслѣдованіе „Воен. Зак. Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ", изд. 1887 г. стр. 25—28.

Къ преступленіямъ противъ чести въ Артикулѣ Краткомъ относятся ст. 7 - 14; преступленія во время военныхъ дѣйствій предусмотрѣны въ главѣ VIII ст. 5—21. Но редакція многихъ отличается неполнотою въ чемъ мы убѣдимся при ближайшемъ разсмотрѣніи статей Артикула Воинскаго.

Въ „Перечнѣ" источниковъ и пособій не поименованы нѣкоторыя историческія сочиненія, которыми мы пользовались при разсмотрѣніи спеціальныхъ вопросовъ, (См. Арт. Воин. вып. 2-й, стр. 4—19), а равно труды Неклюдова, Таганцова, Сергѣевскаго, извѣстныхъ современныхъ криминалистовъ-юристовъ. На эти сочиненія и труды мы дѣлаемъ ссылки въ цитатахъ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Характеристика Военнаго искуства и состоянія дисцыплины въ войскахъ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

I. Духъ законовъ Густава Адольфа о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ военное время.

Тридцатилѣтняя война дала весьма сильный толчокъ къ измѣненію во всей Европѣ военнаго устройства и образа веденія войны. Лучшіе полководцы XVII ст.—принцъ Нассаускій, Генрихъ IV, Густавъ Адольфъ, а за ними Тюреннь и Конде знакомятся съ военнымъ устройствомъ и образомъ веденія войнъ великими полководцами древности. Необыкновенные успѣхи, достигнутые Густавомъ Адольфомъ въ Германіи противъ превосходныхъ силъ имперцевъ, обыкновенно, объясняютъ его способомъ веденія войны. Въ самомъ началѣ ея онъ шелъ медленно впередъ, стараясь постепенно, но прочно утвердиться въ странѣ занятіемъ всѣхъ крѣпостей, укрѣпленныхъ городовъ, вездѣ ставя гарнизоны и собирая запасы продовольствія въ нихъ, обезпечивая содержаніе своей арміи сообщеніемъ съ важными складочными пунктами въ тылу и моремъ со Швеціею. Заботясь объ исправномъ довольствіи солдата, Густавъ Адольфъ старался всѣми силами поддерживать въ своихъ войскахъ порядокъ и твердую дисциплину и, такимъ образомъ, съ одной стороны, пріобрѣталъ довѣренность жителей, которые видѣли въ немъ защитника отъ грабежей и безчинія, свойственныхъ войскахъ католической лиги, а съ другой—усиливалъ свою маленькую армію союзами и формированіемъ новыхъ полковъ въ занятой странѣ, посредствомъ найма.

Употребивъ болѣе года (14 мѣсяцевъ) на прочное утвержденіе свое въ Помераніи, Мекленбургѣ и Бранденбургѣ, Густавъ

Адольфъ переходитъ къ рѣшительнымъ, смѣлымъ и отважнымъ дѣйствіямъ и наноситъ рядъ пораженій своимъ противникамъ.

Но, превознося военное искусство Густава Адольфа, необходимо имѣть постоянно въ виду его военныя учрежденія и законы, какъ условія дисциплинарной выдержки превосходной шведской арміи, воспитанной на началахъ непрекословнаго повиновенія и неограниченнаго довѣрія къ своему полководцу-королю. Съ подобными благопріятными условіями военнаго воспитанія офицеровъ и солдатъ мы не встрѣчаемся ни въ средневѣковыхъ арміяхъ, ни въ арміяхъ XVII столѣтія.

Солдаты шведской арміи отличались необыкновеннымъ трудолюбіемъ: «каждый солдатъ былъ ловкимъ землекопомъ; послѣ тяжкаго деннаго перехода, шведы скоро и охотно къ ночи сооружали укрѣпленія для прикрытія своего расположенія. Самъ король раздѣлялъ всѣ ихъ труды и пріучалъ своихъ воиновъ къ терпѣнію и твердости духа, заботливо внушая кротость въ обращеніи съ жителями» [1]).

Грабежи и насилія въ артикулахъ запрещаются строго и внушительно; офицеры привлекаются къ отвѣтственности за всѣ противозаконныя дѣйствія подчиненныхъ имъ солдатъ. Нерѣдко случалось, что шведскіе солдаты дѣлились своими, строго разсчитанными порціями, съ ограбленными и голодными крестьянами.

Послѣ занятія города Пазевалька, страшно разореннаго войсками Тиллія, Густавъ Адольфъ приказалъ кормить жителей изъ своихъ запасовъ. И такимъ образомъ народъ сѣверной Германіи видѣлъ въ немъ своего спасителя. Въ рѣчи, обращенной къ войскамъ въ началѣ Брейтенфельскаго сраженія, шведскій король не безъ гордости могъ сказать: «Вспомните о разореніи бѣдныхъ пазевальцевъ, вспомните о Магдебургѣ! съ намъ Богъ», и повелъ своихъ вѣрныхъ солдатъ къ побѣдѣ. Много труда и людей стоило овладѣніе крѣпостью Вюрцбургомъ. Послѣ двукратнаго штурма, шведамъ удалось занять валъ. У ногъ ихъ лежалъ открытый, беззащитный городъ, который по праву завоеванія открытою силою, на основаніи средневѣвовыхъ обычаевъ, подлежалъ разграбленію. Но до того строгъ былъ воинскій порядокъ въ швед-

---

[1]) *Friccius.* Geschichte des deutschen Kriegsrechts, s. 82.

сихъ войскахъ, что они остановились на валахъ крѣпости, какъ вкопанные, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній своего короля-полководца. Жители, удивленные неслыханнымъ для нихъ поведеніемъ солдатъ, поспѣшили къ нимъ, прося о пощадѣ и примиреніи. При вступленіи Густава Адольфа въ Мюнхенъ, находившіеся въ свитѣ его нѣмцы совѣтовали ему въ отмщеніе за разореніе Магдебурга, дозволить, по крайней мѣрѣ, разграбить и сжечь замокъ. Король выслушалъ это предложеніе съ неудовольствіемъ и замѣтилъ о низкихъ свойствахъ подобнаго удовлетворенія личной мести: «Вы хотите, чтобы я слѣдовалъ примѣру древнихъ готовъ и сдѣлалъ бы свое имя столь-же страшнымъ и ненавистнымъ» [2]).

Такимъ образомъ при самомъ возрожденіи цивилизаціи, первые проблески которой обнаружились при Генрихѣ IV, успокоившемъ Францію, разстроенную внутренними смутами, шведскій король своимъ образомъ дѣйствій и своими учрежденіями для шведской арміи непосредственно содѣйствуетъ возрожденію военнаго искусства, которое, между тѣмъ, опирается на самыя противоположныя качества нравственной природы человѣка. Разнузданныя человѣческія страсти сдерживаются твердостію, благоразуміемъ и спокойствіемъ характера, любовью къ правдѣ и порядку величайшаго изъ полководцевъ, который, внеся оружіе въ сердце Германіи, примѣромъ поведенія своихъ строго дисциплинированныхъ шведовъ осуждалъ способъ веденія войны, какому слѣдовали Валленштейнъ и Тиллій съ навербованными и наемными войсками, пріученными грабить и обращаться съ жителями занятой страны варварски, съ неимовѣрною жестокостью предавая огню и опустошенію города, села и цѣлыя области.

Въ своихъ военныхъ постановленіяхъ (Kriegs-Artic. tit. X, XI, XII, XIII) *о штурмѣ, капитуляціи, сдачѣ крѣпости и объ измѣнѣ* Густавъ Адольфъ, со свойственною ему предусмотрительностью, возлагаетъ строгую отвѣтственность на начальниковъ, офицеровъ и солдатъ за преступленія, совершенныя во время военныхъ дѣйствій [3]).

---

[2]) *Friccius*, 84—86.

[3]) Corp. Jur. Mil. 1674: Königl. Mayest. zu Schweden Kr. Art. Brieff, s. 166—169.

«Кто изъ начальниковъ или солдатъ при *штурмѣ* крѣпости или укрѣпленія отступитъ прежде вступленія въ рукопашный бой съ непріятелемъ, а также тѣ войска (полки, роты), которыя оставятъ, ввѣренныя имъ для защиты, полевыя укрѣпленія, батареи и редуты, прежде отбитія *трехъ штурмовъ*, когда притомъ нѣтъ никакой надежды на помощь (Ersatz), тотъ подлежитъ отвѣтственности, по приговору суда, который можетъ наказать строже или снисходительнѣе, смотря по обстоятельствамъ дѣла». (Tit. X: Von Sturmen).

«Начальникъ военной части, вступившій съ непріятелемъ въ переговоры и заключившій съ нимъ договоръ, безъ разрѣшенія подлежащей власти, наказывается лишеніемъ чести, имѣнія и жизни, а тѣ изъ подчиненныхъ, которые не докажутъ своей невинности, подвергаются *децималіи*, т.-е. каждый десятый по жребію лишается жизни посредствомъ повѣшенія (наравнѣ съ бѣжавшими съ поля сраженія). Кто-же воспротивится согласію о сдачѣ крѣпости непріятелю, тотъ освобождается отъ наказанія. Надъ отсутствующими или неявившимися въ судъ произносится заочный приговоръ (какъ установлено для бѣжавшихъ съ поля сраженія), а имѣнія ихъ конфискуются». (Tit XI: Von Capitulation und Accord mit dem Feind).

«Губернаторъ и начальникъ (комендантъ), сдавшій непріятелю крѣпость безъ крайней необходимости, подвергается лишенію жизни, рядовые солдаты лишаются знамени, должны служить внѣ лагеря и заниматься его очисткою, пока они не искупятъ своего преступленія заслугами. Если войско принудитъ начальника сдать крѣпость, то всѣ дѣйствовавшіе на него (т.-е. ближайшіе къ нему по службѣ и убѣждавшіе его) наказываются лишеніемъ жизни, тѣ же, которые въ этомъ преступленіи принимали участіе, наказываются децималіей (десятый по жребію подвергается повѣшенію), съ прочими-же поступать, какъ опредѣлено для бѣжавшихъ съ поля сраженія. Когда по разслѣдованію суда будетъ доказано, что крѣпость была сдана непріятелю вслѣдствіе крайняго голода (äusserste Hungersnoth), или недостатка въ военныхъ запасахъ (Wehrloss), или когда гарнизонъ лишенъ былъ всякой надежды на помощь, а между тѣмъ долѣе держаться не было возможности, то никакого наказанія не опредѣляется» (Tit XII: Von Aufgeben der Festungen).

«Начальникъ или солдатъ, подающій непріятелю извѣстія, знаки или указанія, или открывающій ему лозунгъ, наказывается непремѣнно лишеніемъ жизни. Кто перебѣжитъ къ непріятелю, того имя прибивается къ висѣлицѣ, а когда такой злодѣй возвратится, то лишается жизни. Подозрительныя сходки или собранія строго воспрещаются, подъ отвѣтственностью капитановъ или ротмистровъ; офицеры, принявшіе участіе въ тайной сходкѣ, подвергаются лишенію жизни, а съ прочими надлежитъ поступать какъ съ виновными за сдачу непріятелю крѣпости» (Tit. XIII: Von Verrätherei und mit dem Feinde gepflogener Gemein-und Kundschaft».

Преступленія и проступки (Missethaten, Verbrechen und Vergehungen) цѣлыхъ полковъ и частей, или же опороченіе знамени. въ шведской арміи разсматривались въ *верхнемъ военномъ судѣ*, подъ предсѣдательствомъ генералъ-аудитора; когда же мотивомъ подобныхъ преступленій была измѣна, или-же оскорбленіе чести высшаго начальника, или неповиновеніе ему, то въ томъ же судѣ, но подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала. Король предоставилъ себѣ право въ особыхъ случаяхъ смягчать приговоры. По удостовѣренію Фрицціуса, въ шведской арміи, на практикѣ, не случалось примѣненія децималіи за преступленія цѣлыхъ частей въ военное время [1]).

Тайну неимовѣрныхъ успѣховъ Густафа Адольфа надъ имперцами, при томъ невысокомъ уровнѣ цивилизаціи, на которомъ находилась Германія въ первой четверти XVII столѣтія, до послѣдняго времени многіе писатели объясняли суровостью дисциплины и жестокостью наказаній, или же особенными свойствами его военнаго искусства, или, наконецъ, хаотическимъ состояніемъ, въ которомъ находилась Германія въ Тридцатилѣтнюю войну.

«Такъ какъ военное искусство въ Европѣ было уже довольно

---

[1]) *П. Бобровскій*. Состояніе военнаго права въ западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ (XVI, XVII и начало XVIII в.). С.-Петербургъ, 1881 г., стр. 235—241. Необходимо припомнить особенныя заслуги Густава Адольфа не только въ усовершенствованіи организаціи и управленія въ войскахъ *постоянныхъ*, но и въ поднятіи имъ военнаго правосудія до той высоты, до которой ранѣе оно никогда нигдѣ не достигло. *Тамъ-же*, стр. 226—247.

развито (?), то при другихъ обстоятельствахъ, говоритъ де-Лявернъ, Густавъ Адольфъ не достигъ-бы такихъ необычайныхъ успѣховъ: тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ очень много, благодаря особеннымъ свойствамъ своего генія. Своими успѣхами въ сраженіяхъ онъ обязанъ точности въ маневрированіи [5]).

Тайна успѣховъ Густафа Адольфа, какъ нынѣ уже достаточно доказано, объясняется весьма *многими условіями*; оттого его имя и ставится на ряду съ величайшими полководцами [6]).

Къ числу разнообразныхъ условій, независимо отъ усовершенствованій матеріальныхъ, принадлежитъ *единство* въ организаціи его небольшой постоянной арміи, для которой даны были соображенныя съ потребностями военнаго быта учрежденія и законы, не утратившіе своего значенія и въ настоящее время, когда постоянныя арміи достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Никогда не могутъ потерять силы принципы шведскаго военнаго права, введенныя въ практику Густавомъ Адольфомъ. Благодаря въ высокой степени развитому правосудію, шведскія войска въ рукахъ полководца-короля были превосходнымъ орудіемъ для исполненія самыхъ рѣшительныхъ и смѣлыхъ его предпріятій. Но преемники Густава Адольфа въ Швеціи, не будучи въ состояніи обнять духа его военныхъ законовъ, очень скоро ввели двойственность и мало по-малу разстроили прекрасно организованную шведскую армію.

Какъ въ военномъ искусствѣ, такъ и въ военномъ правѣ, особенно въ области преступленій и наказаній во время военныхъ дѣйствій, Густавъ Адольфъ опирался на такіе новые элементы, какіе ему доставило состояніе цивилизаціи въ началѣ XVII вѣка; пользуясь опытомъ своихъ современниковъ, работами своихъ ближайшихъ предшественниковъ, равно какъ указаніями бывшихъ на его службѣ просвѣщенныхъ офицеровъ и юристовъ (достаточно назвать Гуго-Гроція), онъ умѣлъ черпать прекрасные образцы и примѣры у древнихъ народовъ, особенно у римлянъ, въ

---

[5]) Laverne L'art militaire, p. 273. Только Тюреннь, Лувуа и Вобанъ произвели полный переворотъ въ военной наукѣ, и военное дѣло приняло тотъ характеръ, который сохраняется и понынѣ (1805). Но съ такимъ заключеніемъ нельзя согласиться. Также пристрастенъ и Rocquancourt. Cours élement. d'art et d'hist. milit., t. 1.

[6]) *Голицынъ*. Всеобщая военная исторія новаго времени, ч. 1, стр. 115, 116.

военномъ дѣлѣ, въ военныхъ законахъ и во всемъ; заботливо поднимая нравственный и религіозный уровень солдатъ своей арміи и улучшая ихъ матеріальный бытъ, онъ могъ требовать взамѣнъ безпрекословнаго повиновенія своей волѣ; при такихъ условіяхъ только и могъ быть устраненъ въ шведскихъ войскахъ варварскій обычай награждать войска *добычею* посредствомъ *разграбленія* взятаго приступомъ города.

Духъ его военныхъ законовъ, съ которыми соединены были въ одно цѣлое введенные имъ военно-административные органы—полицейскіе и юридическіе, не былъ понятъ и оцѣненъ надлежащимъ образомъ не только въ Швеціи, нои его ближайшими послѣдователями и подражателями въ Германіи; оригиналъ шведскаго военно-уголовнаго кодекса оченъ скоро былъ видоизмѣненъ подъ вліяніемъ французскихъ военно-административныхъ жестокихъ ордоннансовъ и нѣмецкаго мстительнаго уголовнаго уложенія Карла V. Тутъ уже правосудіе трудно было отдѣлить отъ произвола административной власти; тутъ надъ правомъ суда господствуетъ воля не одного только верховнаго вождя арміи, но и всякаго второстепеннаго начальника.

2. Образъ дѣйствія въ войскахъ Западной Европы второй половины XVII и началѣ XVIII столѣтія.

Во второй половинѣ XVII столѣтія самыя жестокія уголовныя наказанія, соединенныя съ пыткою за преступленія въ военное время въ войскахъ французскихъ, имперскихъ, бранденбургскихъ, не могли остановить безчинія и безобразія, которыя производили солдаты въ странѣ непріятельской, при взятіи штурмомъ крѣпости, при занятіи съ боя городовъ и селеній. Опустошенія, грабежи, поиски за добычею, безчеловѣчное обращеніе съ плѣнными омрачаютъ подвиги лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ полководцевъ. Жестокости и насилія французскихъ солдатъ въ Палатинатѣ и на Рейнѣ, съ которыми знакомятъ насъ историки, уподобляютъ походы французовъ второй половины XVII столѣтія нашествіямъ гунновъ или монголовъ. Эти остатки средневѣковаго варварства, не взирая на самыя суровыя нака-

занія въ военныхъ кодексахъ за преступленія, совершаемыя въ военное время, вслѣдствіе небывалаго еще развитія административныхъ полицейскихъ учрежденій и органовъ по образцу Франціи, привели къ тому, что въ войскахъ, способныхъ совершать блистательные подвиги, не могли быть привиты правовыя начала, несмотря даже на высокія личныя качества нѣкоторыхъ полководцевъ. Впрочемъ, Тюреннь и другіе лучшіе французскіе полководцы XVII столѣтія далеко не обладали ни тою властью, ни такою свободою въ инипіативѣ дѣйствій, какими отличаются военныя операціи Густава Адольфа. При исполненіи самыхъ смѣлыхъ стратегическихъ плановъ, эти полководцы не въ состояніи были внести уваженіе къ порядку и законности въ занятой странѣ. Блистательныя побѣды французовъ при *Флерусѣ* (1-го іюля 1690 г.), при *Нервинденѣ* (29-го іюня 1692 г.), при *Марсаліи* (4-го октября 1693 г.), слѣдовательно почти на зарѣ XVIII вѣка, сопровождались рѣзнею, безчинствами, грабежами беззащитныхъ жителей, не взирая на присутствіе въ арміи цѣлой фаланги административныхъ чиновъ, обязанныхъ наблюдать за порядкомъ, дисциплиною и соблюденіемъ законовъ, угрожавшихъ висѣлицей всякому солдату за нарушеніе ордоннансовъ въ военное время. Французскіе полководцы, подобные неумолимо злому и алчному *Люксембургу*, обогатившіе военное искусство блескомъ своихъ стратегическихъ соображеній, не оставили слѣдовъ своей заботливости привить къ своимъ войскамъ принципы нравственные въ соотвѣтствіи съ подъемомъ развившейся цивилизаціи.

Честолюбивые замыслы и стремленія къ преобладанію Людовика XIV, опиравшагося на многочисленную армію и флотъ, привели къ образованію противъ Франціи ряда союзовъ: «Великаго оборонительнаго союза 1683 г.», «Аугсбургскаго союза 1686 г.» и, наконецъ, «Великаго союза», заключеннаго постепенно въ 1689, 1690 и 1695 годахъ императоромъ Леопольдомъ I съ нидерландскими генеральными штатами, королемъ англійскимъ Вильгельмомъ III, королемъ испанскимъ Карломъ II, королемъ датскимъ Христіаномъ V, великимъ курфюрстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ III и другими германскими князьями. Войны, окончившіяся Рисвикскомъ миромъ въ 1697 г., были, такъ сказать, только прелюдіей къ новой и на этотъ разъ рѣшительной борьбѣ за

наслѣдство испанскаго престола 1701—1711 г., когда Францiя быстро возвысившаяся на степень первенствующей державы въ мiрѣ, выставивъ небывалую по численности состава регулярную армiю, быстро падаетъ отъ истощенiя своихъ матерiальныхъ и нравственныхъ силъ, и могущественный Людовикъ XIV, предписывавшiй законы Европѣ, униженно проситъ о мирѣ.....

Съ того времени французскiя войска, не взирая на нѣкоторыя замѣчательныя военныя учрежденiя съ формальной стороны лишенныя твердыхъ нравственныхъ принциповъ, быстрыми шагами шли къ деморализацiи.

Эти войны въ Нидерландахъ, на среднемъ Рейнѣ и верхнемъ Дунаѣ, въ Сѣверной Италiи и Испанiи продолжались многiе годы [7]), стоили государству и народамъ чрезвычайно большихъ потерь въ людяхъ и несмѣтныхъ денежныхъ издержекъ; войны эти оканчивались отъ совершеннаго истощенiя матерiальныхъ силъ, развращали французскую администрацiю и въ концѣ концовъ истощили дотла финансы, сдѣлавъ имя французовъ ненавистнымъ въ Германiи и Нидерландахъ [8]).

---

[7]) Нидерландскiя войны: первая въ 1667 и 1668 гг.; вторая—съ 1672 по 1678 г., въ ней шесть походовъ; третья—съ 1688 по 1697 г., въ ней девять походовъ; война за наслѣдство испанскаго престола съ 1701 по 1712 гг., въ ней 10 походовъ. Итого въ 45 лѣтъ—26 походовъ. *Кн. Голицынъ*. Всеобщая исторiя новаго времени, II; 33—35, 41—128.

[8]) Во Францiи число постоянныхъ войскъ возрастало въ неимовѣрной прогрессiи; до начала Нидерландскихъ войнъ въ ней числилось 120,000, при заключенiи Рисвикскаго мира свыше 450,000 челов., а эта цифра была несоразмѣрной съ количествомъ народонаселенiя. Содержанiе армiи въ военное время стоило во много кратъ дороже, чѣмъ въ мирное. Маршалу, напримѣръ, въ мирное время полагалось жалованья 12,000 ливровъ въ годъ, а въ военное отпускалось по 8,000 ливровъ въ мѣсяцъ (который опредѣлялся въ 45 дней). Кромѣ того, при немъ въ военное время состояли на содержанiи казны: секретарь, духовникъ, хирургъ, капитанъ и стража въ нѣсколько человѣкъ. Почти въ той-же прогресiи возрастало содержанiе въ военное время и другихъ генераловъ. Штабы и свита при начальникахъ были весьма многочисленные. За армiей слѣдовало множество интендантовъ, комисаровъ и чиновниковъ разныхъ категорiй, съ самыми разнообразными обязанностями. Обозы были весьма многочисленные. Ко всему этому надобно присоединить громадныя траты на постройки и на весьма сложную матерiальную часть. Генералъ-маiоръ *Пузыревскiй*. «Разв. пост. рег. армiи», стр. 30–35.

Продолжительность войнъ съ половины XVII столѣтія до Раштадскаго мира объясняется:

Во-первыхъ, кратковременностью походовъ, которые оканчивались раннею осенью, и затѣмъ арміи съ обѣихъ сторонъ располагались на зимнихъ квартирахъ [9]).

Во-вторыхъ, образомъ веденія войнъ того времени, особенно въ Нидерландахъ и Сѣверной Италіи, которыя состояли въ осадѣ и прикрытіи крѣпостей, весьма многочисленныхъ и нерѣдко маловажныхъ въ стратегическомъ отношеніи, въ маневрированіи между ними и стремленіи постоянно прикрываться укрѣпленными линіями, занимавшими значительныя пространства; поэтому дѣйствія были нерѣшительными и за весьма рѣдкими исключеніями не имѣли серьезныхъ послѣдствій на исходъ кампаніи [10]).

Въ-третьихъ, личными свойствами Людовика XIV, который, любя войну, но не понимая ея смысла, не довѣряя своимъ полководцамъ, довелъ централизацію власти и систему распоряженія военными дѣйствіями *изъ далека*—до крайности; такъ, «онъ заставлялъ полководцевъ испрашивать у двора разрѣшенія на каждый шагъ, который они намѣревались сдѣлать; полководецъ, можно сказать, обращался въ пассивную машину, исполнявшую только приказанія свыше, а не внушенія своего разума».

---

[9]) Примѣръ успѣшнаго веденія войны въ *зимнее время* далъ Густавъ Адольфъ въ Тридцатилѣтнюю войну. Но онъ нашелъ немногихъ подражателей, потому что зимняя кампанія увеличиваетъ трудности. *De la Barre Duparcq*, р. 60. Исключеніе составлялъ Тюреннъ. величайшій изъ французскихъ полководцевъ, во многихъ отношеніяхъ напоминающій Густава Адольфа. Онъ дѣйствовалъ во всѣ времена года, избѣгалъ занимать большое число крѣпостей и вести безплодныя осады, искалъ рѣшительнаго боя, когда къ нему все было подготовлено, заботился о солдатѣ и пользовался его неограниченною любовью, какъ отецъ. *Кн. Голицынъ* II, 68, прилож., стр. 3 и слѣд.

[10]) Исключенія были весьма рѣдки, когда участь войны или кампаніи рѣшалась генеральными сраженіями, какъ, напримѣръ, при Рамильи, Гохштетѣ, Туринѣ, Дененѣ. Война за испанское наслѣдство не разъ доказала пагубное вліяніе многочисленныхъ крѣпостей для защиты государственной безопасности. Курфюрстъ Баваріи разсѣялъ всю свою 60,000-ную армію по крѣпостямъ и потерялъ ихъ послѣ Гохштетскаго сраженія. Почти всѣ крѣпости, занятыя французами въ Италіи, сдались побѣдителю послѣ пораженія при Туринѣ въ 1706 г. Еще къ болѣе рѣшительнымъ результатамъ привело пораженіе союзниковъ Вильяромъ при Дененѣ въ 1712 г. *Пузыревскій*, стр. 199 и слѣд.

Таковы, напримѣръ, дѣйствія Люксенбурга въ Нидерландахъ съ 1690 до 1695 г., полководца, не лишеннаго дарованій, но находившагося въ совершенной зависимости отъ своего двора; поэтому на всѣхъ операціяхъ его виденъ отпечатокъ нерѣшительности. Послѣ пораженія непріятеля при Нервинденѣ въ 1693 г. Люксенбургъ, вмѣсто преслѣдованія его по пятамъ, испрашивалъ приказанія короля, что̀ предпринять. При дворѣ, послѣ долгаго колебанія, рѣшено осадить Шарлеруа. Взятіемъ этой крѣпости кончился походъ [11]).

Въ-четвертыхъ, медленности воинъ немало способствовало разногласіе воюющихъ государствъ, которыя, вступая, въ союзъ противъ Франціи, ввѣряли командованіе арміями нѣсколькимъ генераламъ, случалось съ равною властью, а что можетъ быть пагубнѣе двойственности въ военномъ дѣлѣ.

Въ-пятыхъ, недостаткомъ финансовъ или ихъ истощеніемъ. Издержки на содержаніе арміи въ военное время, случалось, до того возрастали, что государство не могло продолжать войны на нѣкоторое время. Напримѣръ, французская армія въ 1694 г., по недостатку средствъ для веденія войны, ограничилась демонстраціями противъ Люттиха, съ цѣлью прокормленія своей конницы на богатыхъ пастбищахъ, прилегавшихъ къ морю [12]).

Въ-шестыхъ, системою продовольствія арміи, причемъ полководецъ, находясь въ зависимости отъ магазиновъ, совершенно связанный въ своихъ дѣйствіяхъ, не смѣлъ далеко отъ нихъ удалиться, не рискуя остаться безъ средствъ продовольствія, для подвоза котораго на болѣе значительное разстояніе нужно было увеличивать обозы, и такъ весьма значительные [13]).

---

[11]) *Пузыревскій*, стр. 197 и слѣд. *Кн. Голицынъ*, II, 77.

[12]) *Голицынъ*. II, 16, 77.

[13]) *Пузыревскій*, 196, *Голицынъ*, 16—18. Продовольствіе французской арміи въ Нидерландахъ было устроено слѣдующимъ образомъ: главный магазинъ помѣщался въ тылу арміи, преимуществено въ крѣпости; въ трехъ переходахъ отъ крѣпости (главнаго магазина) устраивались подвижныя хлѣбопекарни, отъ которыхъ армія могла двинутся впередъ не далѣе двухъ переходовъ. Отъ главнаго магазина подвозилось къ хлѣбопекарнямъ девятидневное количество муки, а отъ хлѣбопекарень къ арміи—шестидневное количество печенаго хлѣба; при войскахъ находились повозки для вмѣщенія трехдневнаго количества продовольствія и фуража, и кромѣ того при арміи имѣлась въ за-

Многіе противорѣчивые принципы въ военномъ дѣлѣ, когда правосудіе было принижено, повели военное искусство по ложному пути.

Образъ веденія войнъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія, казалось, подчинялся осторожному методу военнаго искусства Густава Адольфа, какой замѣтенъ въ *первый періодъ его кампаніи,* до перехода черезъ Эльбу или до Брейтенфельдскаго сраженія; такимъ образомъ, утвердилось ложное мнѣніе, что для успѣха войны всегда необходимо прежде всего овладѣть *всѣми расположенными въ странѣ крѣпостями*, какъ опорными пунктами для продовольствія арміи изъ магазиновъ и охраненія своихъ сообщеній. Методъ Густава Адольфа, соображенный съ обстоятельствами, обратился въ рутину, т.-е. его примѣняли и тогда, когда для достиженія цѣли не слѣдовало терять времени на продолжительныя осады крѣпостей, а слѣдовало поступать такъ, какъ поступалъ шведскій полководецъ во второй періодъ своей трехлѣтней кампаніи въ Германіи.

Осады крѣпостей и атаки укрѣпленныхъ позицій составляютъ отличительную черту войнъ разсматриваемой эпохи. Такой образъ дѣйствія способствовалъ развитію инженернаго дѣла и положилъ особый отпечатокъ на всѣхъ военно-законодательныхъ памятникахъ того времени.

Многочисленныя крѣпости, сооруженныя Людовикомъ XIV на границахъ Франціи, особенно сѣверо-восточной, служили для учрежденія въ нихъ продовольственныхъ магазиновъ и складовъ военныхъ запасовъ; въ нихъ сосредоточивались административныя управленія, военные суды и многочисленные гарнизоны [14]). От-

---

пасѣ одна треть всего числа повозокъ; наконецъ, войска носили на себѣ трехдневное продовольствіе. Такимъ образомъ, армія не могла отойти отъ главнаго магазина или крѣпости далѣе пяти переходовъ, если не имѣла въ виду по прибытіе на мѣсто найти готовую муку и при томъ находилась въ полной зависимости отъ исправнаго состоянія подводъ, подвозившихъ продовольствіе. Подводы-же нанимались по подрядамъ или выставлялись отъ земства по контрактамъ.

[14]) Во Франціи въ 1692 г. въ гарнизонахъ многочисленныхъ крѣпостей состояло 139,500 челов., слѣдовательно около $^1/_3$ силъ всей сухопутной арміи. Такимъ образомъ, французское правительство лишило себя иниціативы въ дѣйствіяхъ. Еще рѣзче обнаружилось вредное вліяніе крѣпостей на образъ

сюда развитіе постановленій о службѣ въ *гарнизонѣ* и соотвѣтствующихъ этой службѣ уголовныхъ законовъ.

Такъ какъ крѣпости въ глазахъ военныхъ людей получили первенствующее значеніе, поэтому на доставленіе имъ средствъ обороны до открытія военныхъ дѣйствій дѣлались большія приготовленія, собирались значительные запасы и дѣлались обширныя заготовки провіанта, сѣна, скота. Огромныхъ издержекъ и трудовъ стоили также и осады; когда доходили до гласиса—обыкновенно производился «штурмъ», при чемъ обороняющійся не всегда имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ. Для обезпеченія себя со стороны вылазокъ гарнизона и со стороны нападенія противной арміи съ поля, по примѣру римлянъ, еще въ тридцатилѣтнюю войну строили циркумъ и контръ-валаціонныя линіи. Осаждающіе, при безпорядочной системѣ продовольствія и дурной администраціи, истребляли въ окрестностяхъ все, что не было еще истреблено комендантомъ до прибытія осаждающаго. Комендантамъ въ инструкціи давалась подробная программа относительно способовъ заготовленія запасовъ, средствъ обороны и образа дѣйствій. Комендантъ обязанъ удалить изъ крѣпости всѣхъ людей, неспособныхъ носить оружіе, чтобы избавиться отъ лишнихъ желудковъ. Онъ долженъ поддерживать порядокъ, дисциплину и военный духъ въ гарнизонѣ, къ которому присоединялись и жители обороняемой крѣпости. Въ случаѣ упадка духа или ропота, долженъ принимать соотвѣтственныя мѣры, опредѣленныя въ законахъ наказанія или поощренія. Порядокъ службы въ гарнизонѣ, административныя обязанности губернатора, или коменданта, сержантъ-маіора, комисаровъ и другихъ чиновъ и разныя распоряженія по охраненію крѣпости изложены подробно во французскихъ ордоннансахъ 12-го октября 1661 г. и 15-го іюля 1665 г., изъ которыхъ черпали матеріалы имперскіе, прусскіе и другіе администраторы и законодатели [15]).

дѣйствій войскъ и весь вредъ принятой тогда во Франціи системы въ войну за наслѣдство испанскаго престола. *Пузыревскій*, стр. 199. Маркизъ де-Шамбре въ своемъ разсужденіи о перемѣнахъ въ военномъ искусствѣ съ 1700 до 1815 г. доказываетъ рядомъ примѣровъ неудобства системы осадныхъ войнъ.

[15]) Юридическая сторона въ нихъ развита весьма слабо; постановленія этого рода имѣли исключительно административный характеръ и въ этомъ

Комендантъ могъ вступить въ соглашеніе съ непріятелемъ о сдачѣ крѣпости, не иначе какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ законами и военными обычаями, когда притомъ истощены были всѣ средства для ея защиты и когда дальнѣйшая оборона разрушенной крѣпости могла угрожать гибелью гарнизону. Гарнизонъ получалъ большею частью свободный выходъ и присоединялся къ своей арміи [16]).

Обычаями войнъ XVII столѣтія выработаны были слѣдующіе *четыре способа* сдачи крѣпости: 1) *почетная или добровольная сдача;* 2) *вынужденная сдача;* 3) *сдача на милость или немилость непріятелю,* и 4) *постыдная сдача.*

При почетной капитуляціи: войска гарнизона выступаютъ съ развернутыми знаменами, заряженными ружьями, имѣя при орудіяхъ горящіе фитили, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, со всѣми обозами и съ полнымъ снаряженіемъ. Выступившія войска гарнизона слѣдуютъ къ своимъ войскамъ ближайшей крѣпости въ сопровожденіи кавалерійскаго конвоя въ 1,000 человѣкъ подъ командою полковника, оставляя своихъ больныхъ и увѣчныхъ въ крѣпости, переданной непріятелю, до выздоровленія. Взятыми во время осады плѣнными производится свободный обмѣнъ безъ всякаго вознагражденія. Артиллерія (крѣпостная), военные снаряды, амуниція, провіантъ, склады оружія, провіантскіе магазины, всѣ публичные и правительственные архивы, равно какъ духовныя имущества сдаются побѣдителю по описи. Всѣ мины должны быть открыты [17]).

Сдача вынужденная состоитъ въ томъ, что войскамъ гарнизона разрѣшается выступить, сложивъ у воротъ знамена, съ ранцами, обозомъ и съ оружіемъ въ рукахъ; каждый офицеръ уноситъ, что

смыслѣ служили матеріаломъ для опредѣленія правилъ для отправленія *гарнизонной службы* въ Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ.

[16]) C. I. M. 1674, s. 368—371. Von Flemming, s. 653. Въ какихъ случаяхъ осаждающій могъ предлагать гарнизону сдать крѣпости на капитуляцію.

[17]) Дворянамъ и жителямъ дается пощада, и они могутъ удалится вмѣстѣ съ гарнизономъ, съ обязательствомъ продать свои дома и иное имущество. Запасы, принадлежащіе войскамъ гарнизона, могутъ быть проданы по вольной цѣнѣ. C. I. M. 1774, s. 368—370.

можетъ взять съ собою самъ, или что можетъ нести на себѣ его деньщикъ.

Въ случаѣ сдачи на милость или немилость, т.-е. *военноплѣнными*, допускается офицерамъ и солдатамъ выступить съ тѣмъ, что они имѣютъ на себѣ. Войска гарнизона остаются въ рукахъ побѣдителя до обмѣна.

Наконецъ, *четвертый способъ* сдачи крѣпости или арміи на капитуляцію обязывалъ офицеровъ и солдатъ: положить оружіе (огнестрѣльное и холодное) и унести съ собою только то, что можетъ помѣститься въ карманахъ и мѣшкахъ.

Въ тридцатилѣтнюю войну, по примѣру нидерландскихъ и шведскихъ войскъ, вошли въ большое употребленіе *укрѣпленные лагери* (четырехъ угольные, на подобіе римскихъ) и полевыя укрѣпленія; города, укрѣпленные стѣнами и башнями, держались противъ атакующаго продолжительное время; жители вмѣстѣ съ гарнизономъ отбивали иногда многочисленные приступы; крѣпость, взятая приступомъ, неминуемо подвергалась разграбленію; но чаще, особенно въ началѣ XVIII вѣка, крѣпости сдавались на капитуляцію, условія которой были почти всегда выгодными, и гарнизонъ получалъ свободный выходъ, большею частью почетный; перебѣжчики съ той и другой стороны обыкновенно не выдавались [18]).

Въ войнахъ второй половины XVII вѣка опыты многихъ осадъ (особенно осады Кандіи 1667—1669 г.) доказали несостоятельность прежней системы крѣпостей и въ устройствѣ ихъ были сдѣланы значительныя усовершенствованія, но, благодаря изобрѣтательности геніальнаго инженера Вобана, атака крѣпости пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ обороною; подъ рикошетнымъ, фланговымъ и навѣснымъ огнемъ быстро уничтожались средства обороны крѣпости, и гарнизонъ, не ожидая штурма, сдавался на

---

[18]) *Кн. Голицынъ*. Всеобщ. воен. ист. нов. вр. I, 24. Впрочемъ, въ тридцатилѣтнюю войну полководцы нерѣдко поступали съ осажденными безъ всякаго милосердія, не лучше Тамерлана. Послѣдній, приступивъ къ городу, въ первый день выставлялъ бѣлое знамя, во второй—красное, а въ третій—черное, давая такими знаками понять, что въ первый день онъ готовъ дать всѣмъ жителямъ пощаду, во второй—намѣренъ наказать только тѣхъ, которые подстрекали не сдаваться въ первый день, затѣмъ въ третій день не было никому пощады.

капитуляцію. Усовершенствованіе атаки, ускоривъ сдачу крѣпости, повело къ уничтоженію циркумъ и контръ-валаціонныхъ линій, вышедшихъ изъ употребленія въ войну за испанское наслѣдство. По овладѣніи крѣпостью посредствомъ штурма, войскамъ разрѣшалось пользоваться добычею, или, лучше, предаваться *законному* грабежу [19]). Обыкновенно отдавалось приказаніе, какъ должно поступать съ захваченною добычею, чтобы можно было учинить равномѣрный дѣлежъ движимаго имущества между всѣму солдатами и офицерами. Въ военныхъ законахъ опредѣлены были наказанія за отступленія отъ установленнаго правоваго порядка (sic) при захватѣ добычи и плѣнныхъ. Военно-уголовные законы, опредѣлявшіе смертную казнь за сдачу крѣпости, когда въ ней нельзя было защищаться, вмѣстѣ съ тѣмъ допускали производство *грабежа* съ разрѣшенія начальниковъ, но не прежде, какъ послѣ овладѣнія всею непріятельскою артиллеріею и уничтоженія сопротивленія со стороны гарнизона. Виновные въ сдачѣ крѣпости на капитуляцію и посредствомъ соглашенія съ непріятелемъ, безъ вѣдома коменданта, наказывались повѣшеніемъ, какъ измѣнники. Въ виду печальныхъ послѣдствій, которому подвергались жители, въ случаѣ занятія крѣпости, или укрѣпленнаго города открытою силою, весьма рѣдко дѣло доходило до штурма; обыкновенно, послѣ занятія контръ-эскарпа, или послѣ пробитія бреши, или вслѣдствіе удачнаго бомбардированія, гарнизонъ, сдавшійся на капитуляцію, попрежнему не считался военно-плѣннымъ; ему предоставлялась полная свобода присоединиться къ своей арміи, или перейти въ ближайшую смежную крѣпость, т. е. *дозволялось усиливать* своего противника войсками гарнизоновъ сдавшихся крѣпостей [20]). Отъ

---

[19]) Жажда добычи по овладѣніи городомъ или крѣпостью открытою силою устраняла возможность поддержанія порядка у разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, обращавшихъ свое оружіе на жителей. Хотя въ военныхъ законахъ предписывалось, что при взятіи города или крѣпости никто, подъ опасеніемъ смерти, не долженъ выходить изъ строя, пока не послѣдуетъ разрѣшеніе брать добычу, но эта угроза была лишь пустою формальностью и начальнику, при всей строгости и желаніи, рѣдко удавалось удержать порядокъ. Ниже мы разсмотримъ подробно военные законы, относящіеся къ этому вопросу.

[20]) Въ 1654 г. Тюреннь отложилъ производство атаки осажденнаго имъ Арраса въ ожиданіи, пока непріятель не овладѣетъ принадлежавшею фран-

такого страннаго обычая рѣшился отступить Вильяръ въ 1712 г. Послѣ пораженія союзниковъ при Дененѣ онъ не предоставилъ свободы гарнизонамъ взятыхъ имъ крѣпостей Маршiена, Дуэ, Кенца и Бушэна, чѣмъ могъ только усилить непріятельскую армію, ослабляя, между тѣмъ, себя частями войскъ, такъ какъ эти части нужно было помѣщать гарнизонами во взятыхъ крѣпостяхъ [21]).

Военно-плѣнными обѣ стороны уже тяготились; обмѣнъ ихъ производился постоянно въ теченіе этихъ продолжительныхъ войнъ; обращеніе-же съ ними было довольно жестокое; однакоже, они перестаютъ уже быть собственностью захватившихъ ихъ солдатъ; до обмѣна они состояли на опредѣленномъ, хотя и скудномъ, содержаніи [22]). Плѣнные, взятые въ сраженіяхъ или стычкахъ, лишались всего, кромѣ нижняго платья, шляпы, чулокъ и сапоговъ.

3. Дисциплина, воинскій духъ, преступленія и наказанія въ военное время, преимущественно во Франціи.

Со времени тридцатилѣтней войны цивилизація въ Европѣ сдѣлала громадные успѣхи; развитіе промышленности и торговли въ соединеніи съ умноженіемъ просвѣщенія способствовало развитію военнаго искусства. Во главѣ общаго прогреса стояла Франція, развернувшая при Людовикѣ XIV свои матеріальныя средства. Она,

---

цузамъ крѣпостью Стэнэ и сдавшійся гарнизонъ ея не придетъ къ нему на подкрѣпленіе. *Пузыревскій* 292.

[21]) *Тамъ же*, 280.

[22]) Содержаніе и обмѣнъ военно-плѣнныхъ опредѣлялся обыкновенно въ такъ называемыхъ *картеляхъ*. Кромѣ того, правила объ обращеніи съ плѣнными существовали въ военно-уголовныхъ законахъ всѣхъ государствъ больших, и малыхъ. См. разборъ военныхъ артикуловъ съ нашими замѣтками. Въ картели между императоромъ, его союзниками и Франціей для обмѣна плѣнныхъ установленъ двухнедѣльный срокъ послѣ захвата ихъ въ сраженіяхъ, стычкахъ, взятыхъ крѣпостяхъ и т. п. За неимѣніемъ при обмѣнѣ соотвѣтственныхъ чиновъ платили деньги по опредѣленной таксѣ: за генералъ-лейтенанта 25,000 гульд., полковника въ конницѣ 700 гульд., въ пѣхотѣ—600, ротмистра—100, капитана—70, поручика конницы—40, пѣхоты—24, рядового конницы—7, пѣхоты—4 гульдена. Въ картели между Швеціей и Даніей для обмѣна опредѣленъ трехнедѣльный срокъ, при чемъ рядовые передавались безденежно. *Фонъ-Флеммингъ*, V, III гл. 35 и 36, стр. 308 и слѣд.

можно сказать, давала тонъ всей Европѣ, ей подражали и ей слѣдовали и въ развитіи вооруженныхъ силъ, и въ устройствѣ военно-административномъ. Монархическая власть окрѣпла: французское дворянство и парламенты, благодаря сильной волѣ Ришелье и политической изворотливости Мазарини, приведены въ ничтожество. Кольберъ развилъ источники финансовъ; налоги, тяжело ложившіеся на классъ землевладѣльческій, получили болѣе правильное распредѣленіе; богатство государственной казны позволило Людовику XIV содержать многочисленную армію, имѣть сильный флотъ, уступавшій по числу судовъ одной только Голландіи. Страна покрылась многочисленными дорогами, обсаженными деревьями, каналами, какъ артеріями для внутренней торговли. Общественное спокойствіе утверждено на законахъ, посредствомъ которыхъ хотѣли урегулировать взаимныя отношенія различныхъ классовъ народонаселенія и внести въ жизнь порядокъ. Самъ король, по сказанію французскихъ писателей, служилъ примѣромъ трудолюбія, порядка и заботливости о просвѣщеніи. Признано, что каждое состояніе человѣка можетъ вести его къ совершенству. Дворянство стало во главѣ администраціи, съ виду покорной и послушной королевской волѣ. Нравы смягчаются. Поединки, частные бои, благодаря энергическимъ законамъ, уменьшаются въ такой степени, что къ концу XVII столѣтія число ихъ уменьшалось почти во сто разъ, чѣмъ въ началѣ. Въ наукахъ и искусствахъ появляются люди съ большими талантами. Плоды успѣховъ просвѣщенія въ приложеніи къ военному дѣлу выразились поднятіемъ инженернаго искусства, военной науки [23]), улучшеніемъ матеріальнаго быта войскъ.

Финансы Франціи дозволили Людовику XIV развить вооруженныя силы и оборонительные способы государства посредствомъ устройства многочисленныхъ крѣпостей. *Вобанъ*, знаменитый инженеръ, создатель способа атаки крѣпостей, въ теченіе полустолѣтія обогащалъ инженерное дѣло своими изобрѣтеніями, создалъ школу

---

[23]) Въ эту эпоху, говоритъ *Люи-Бланшъ* (Luigi Blanch), главными представителями военной литературы были французы, и всѣ просвѣщенные люди въ Европѣ признали превосходство ихъ произведеній. Фекьеръ, Пюисегюръ, Фоларъ — для военныхъ дѣйствій, и Вобанъ, для осадъ крѣпостей, собрали научныя свѣдѣнія своего времени, и ихъ авторитетъ доказываетъ единство военной науки у просвѣщенныхъ народовъ. De la Barre Duparcq, p. 74.

и пріобрѣлъ такое значеніе, что его взглядами руководствовались повсемѣстно въ теченіе цѣлаго столѣтія. Онъ построилъ 33 новыя крѣпости, исправилъ до 30-ти и руководилъ 53-мя осадами [24]).

Увеличеніе численности постоянныхъ войскъ во Франціи повело къ необходимости создать новыя военныя учрежденія и военно-административные органы.

Военная администрація во Франціи обязана своимъ громаднымъ развитіемъ военному министру *Лувуа,* который, слѣдуя принципамъ своего отца Ле-Телье (Le Teller), находилъ средства содержать многочисленныя войска съ возможно малыми тратами. Генералъ-инспекторы войскъ, на которыхъ съ ожесточеніемъ нападаетъ Сенъ-Симонъ, говоритъ Дюпаркъ, можетъ быть наравнѣ съ комиссарами, благодаря предоставленной имъ обширной власти и данымъ имъ средствамъ, могли осматривать *всѣ войска и во всякое время.* Лувуа опредѣлилъ штаты ротъ, эскадроновъ, баталіоновъ и утвердилъ дисциплину [25]).

При всѣхъ такихъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія военнаго искусства, украсившаго французскія войска лаврами побѣдъ, во французской военной администраціи существовали два коренныхъ недостатка: *отсутствіе добросовѣстности и честности.* Но были и другіе крупные недостатки, наносившіе зло дисциплинѣ.

Множество постановленій, вошедшихъ въ военный кодексъ Людовика XIV 1709 г., свидѣтельствуетъ объ энергической административной дѣятельности Лувуа. Но въ этихъ постановленіяхъ слишкомъ большое значеніе дано полицейскимъ и финансовымъ органамъ, вообще административнымъ; напротивъ, органы военной юстиціи во французскомъ кодексѣ лишены надлежащей силы и значенія, а военные судьи самостоятельности. Полное, почти безусловное господство полиціи надъ юстиціей, при поощреніи доносчиковъ, повело за собою сокрытіе злоупотребленій, гибельныя послѣдствія которыхъ обнаружились уже слишкомъ поздно. Знаменитый военный кодексъ Густава Адольфа оставленъ безъ всякаго вниманія людьми, положившими немало труда надъ устройствомъ француз-

[24]) *De la Barre Duparcq,* 73. *Пузыревскій,* стр 131. Вобанъ былъ инженеромъ съ 1655 г, маршаломъ въ 1703, умеръ въ 1707 году.

[25]) *De la Barre Duparq,* p. 74 См. еще: De Laverne, p. 277. Carrion-Nisas. Hist. de l'art mil. t. II, p. 32 и др. французскіе писатели.

ской арміи при Людовикѣ XIV, и французское военное право получило вовсе не то направленіе, какое тогда же дано было въ нѣкоторыхъ протестантскихъ государствахъ, благодаря усвоеннымъ принципамъ шведскаго короля-полководца Во французской арміи при Людовикѣ XIV вошли въ употребленіе (кромѣ смертной казни растрѣляніемъ, повѣшеніемъ, четвертованіемъ) за измѣну, поединки и другія болѣе важныя преступленія слѣдующія наказанія: *позорное лишеніе чести, клейменіе щекъ лиліями, пожизненная ссылка на галеры* и, особенно, *конфискація имущества.* При слабомъ развитіи органовъ юстиціи и при подчиненіи судовъ руководству административныхъ органовъ, когда военное право совмѣщало въ себѣ и полицейскую, и судейскую должности, открытъ былъ широкій просторъ доносамъ, произволу въ отправленіи военнаго суда и жестокости въ наложеніи наказаній.

Не взирая на успѣхи цивилизаціи, плодами которой пользуется военное искусство, развиваясь, впрочемъ, въ одностороннемъ направленіи, нравственныя качества войскъ находились на низкой степени: жаловались на упадокъ истинной военной доблести солдатъ и офицеровъ, на склонность къ мародерству и грабежамъ, на трусость. Мы уже знакомы съ причинами подобныхъ явленій въ наемныхъ и временныхъ войскахъ или ополченіяхъ въ тридцатилѣтнюю войну *(Арт. Воин., вып. 2, гл. 1)*. Но составъ войскъ въ западной Европѣ мало улучшился со введеніемъ постоянныхъ войскъ, комплектуемыхъ рекрутскими наборами—по конскрикаціи, по жребію или по вербовкѣ; немного улучшеній въ воинскій бытъ внесли новые военно-административные учрежденія и органы. Поступившіе по набору рекруты изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, навербованные откуда ни попало солдаты, нерѣдко завлеченные обманомъ и обѣщаніями добычи, предоставлены были произвольной власти начальниковъ—полковниковъ и капитановъ, прибѣгавшихъ для поддержанія дисциплины къ жестокимъ и унизительнымъ наказаніямъ. Шпицрутены и палки сдѣлались главнымъ орудіемъ внушенія повиновенія. Въ мирное время воспитаніе солдата состояло въ отправленіи караульной службы, въ обученіи ружейнымъ пріемамъ, въ исполненіи черныхъ работъ у обывателей; на послѣднія-же начальники смотрѣли, какъ на средство наживы; обученіемъ солдата съ утра до ночи занимались капралы и вахмистры; въ свободное время солдаты

чистили ружья, одежду и обувь для смотра. Цѣль строевыхъ занятій состояла въ достиженіи механическаго исполненіи движенія массами, чтобы достигнуть блеска и эффекта на смотрахъ, производимыхъ инспекторами войскъ и комиссарами. Войска были машиною, живымъ укрѣпленіемъ, предназначеннымъ выдерживать какъ можно болѣе губительное дѣйствіе непріятельскаго огня. Условія военнаго быта не благопріятствовали нравственному воспитанію солдатъ и офицеровъ: офицеры, чуждаясь солдатъ, производили время въ праздности и разгульной жизни, полковники большею частью дѣлали изъ полковъ свои арендныя статьи (въ Германіи) или, живя при дворѣ, не знали ихъ (во Франціи); капитаны, чтобы пользоваться солдатскимъ жалованьемъ, держали роты въ некомплектѣ,обманывали инспекторовъ и комиссаровъ (въ Италіи, въ Германіи и во Франціи).

Въ строю отъ нижнихъ чиновъ требовалась только механическая ловкость заряженія и скорая пальба; сами-же они должны были оставаться автоматами, послушными только внушеніямъ палки капрала [26]).

Сдерживать порядокъ и сохранять дисциплину въ подобныхъ постоянныхъ войскахъ могли только посредствомъ жестокихъ наказаній, налагаемыхъ большею частью по произвольному усмотрѣнію начальниковъ, не скупившихся на тяжкія тѣлесныя наказанія за ма-

---

[26]) Во Франціи полки обыкновенно получали молодые аристократы, вовсе незнакомые со службою; они жили при дворѣ и являлись въ полки только на время военныхъ дѣйствій. Въ Германіи большинство начальниковъ считали ввѣренныя имъ части своими арендами, когда нельзя уже было обогащаться на счетъ жителей, подполковники и капитаны очень старательно наживались отъ денежныхъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе солдатъ и лошадей, а равно отъ обмундированія и снаряженія. Въ войскахъ Италіи безпорядокъ былъ чрезвычайный; капитаны пользовались солдатскимъ жалованьемъ, держали роты въ некомплектѣ. Нижніе чины, брошенные на произволъ офицерами, жили зимою въ монастырскихъ галлереяхъ или на папертахъ; госпитали были лишены самаго необходимаго; люди предавались грабежамъ — они отрѣзывали женщинамъ пальцы и уши, чтобы снять съ нихъ драгоцѣнныя украшенія, обкрадывали своихъ офицеровъ... *Пузыревскій*, стр. 146. Тѣ-же безпорядки въ управленіи и содержаніи войскъ были въ войскахъ имперскихъ, какъ достаточно нами разъяснено во *2-мъ вып. Арт. Воин.* въ подлежащихъ главахъ. См. наши статьи о смотрахъ, о довольствіи войскъ жалованьемъ и проч., о дезертирахъ.

лѣйшія дисциплинарныя нарушенія. Для правомѣрности наказаній за проступки и преступленія противъ нарушенія дисциплины и обязанностей службы не доставало самаго главнаго условія—правосудія, которое опирается на соблюденіе военныхъ законовъ и постановленій, охраняемыхъ отвѣтственными учрежденіями и органами юстиціи, какъ было въ шведской арміи Густава Адольфа и въ нѣкоторыхъ небольшихъ арміяхъ или контингентахъ германской арміи, гдѣ усвоены были его принципы для управленія постоянной арміей.

Выдвинувшіяся въ государствахъ высшія центральныя установленія для завѣдыванія вооруженными силами: во Франціи—военное министерство, въ Имперіи—гофкригсратъ, въ Швеціи и Даніи—военная коллегія, въ—Пруссіи генералъ-кригсъ комиссаріатъ, въ Нидерландахъ—генеральные штаты, управляя арміями посредствомъ множества чиновниковъ-инспекторовъ, комиссаровъ, интендантовъ, фискаловъ, стѣсняли своею подозрительною опекою полководцевъ во всемъ и нерѣдко парализовали своими распоряженіями ихъ предпріимчивость. Министръ Лувуа обращалъ полководцевъ въ свои машины. Въ своихъ инструкціяхъ онъ не только излагалъ конечную цѣль кампаніи, но и самыя мѣры и даже время для ея достиженія. Поощрялись доносчики—обыкновенное явленіе при упадкѣ юстиціи. Нравственная распущенность, извращенное понятіе о воинской чести и упадокъ дисциплины въ войну за испанское наслѣдство во Франціи выражались рядомъ печальныхъ явленій, особенно дезертирствомъ и грабежами [27]). Роскошь генераловъ, начальниковъ и офицеровъ, проникнувъ въ лагери, усиливала недовольство солдатъ, вслѣдствіе неисправныхъ учетовъ въ корму, жалованьи и одеждѣ, и подтачивала воинскую дисциплину. И въ то время, когда солдаты разбѣгались отъ голода, жестокости и презрительнаго съ ними обращенія, комиссары, поставщики провіанта и откупщики тратили милліоны денегъ въ Парижѣ на забавы и увеселенія. Громадныя суммы, уходившія на содержаніе войскъ, истощая государственную казну, растрачи-

---

[27]) Фуражировка около Нейбурга въ 1703 году, говоритъ Вильяръ, стоила ему большаго числа людей, нежели Гохштедское сраженіе. *Пузыревскій*, 144. Въ инструкціяхъ и нѣкоторыхъ законодательныхъ памятниковъ того времени встрѣчаемъ постановленія, опредѣляющія порядокъ надзора для обузданія дезертирства. *См. Арт. Воин., вып. 2-ой.* „Постановленія о дезертирахъ и бѣглыхъ“, стр. 610 и слѣд.

вались многочисленною администрацiей и начальниками войскъ, ни мало не содѣйствуя улучшенiямъ матерiальнаго быта въ войскахъ! Вся система управленія войсками и ихъ содержанія, стоившая громадныхъ денегъ, къ концу войны за испанское наслѣдство оказалась несостоятельною. Ру-Фазальякъ даетъ этой системѣ такую характеристику: «большiя армiи, многочисленные штабы, сильные парки, большiе обозы, большiе магазины, большiе склады фуража, большiе госпитали, однимъ словомъ—большiя затрудненiя, большiя злоупотребленiя, маленькiя способности и большiя пораженiя». Послѣ пораженiя французской армiи при Мальплякѣ въ войну 1709 г. нужно было думать о спасенiи государства отъ позора и отъ безчестiя....

Тѣмъ не менѣе французскiя учрежденiя для регулярной армiи и народнаго ополченiя, вмѣстѣ съ военными уставами и законами, приняты были за образецъ во всѣхъ армiяхъ Европы. Ранѣе ихъ всѣхъ примѣнила Прусiя, сумѣвшая устранить въ своей военной системѣ нѣкоторые существенные недостатки французскихъ военныхъ учрежденiй; хотя жестокость наказанiй за преступленiя въ прусскихъ войскахъ была даже усилена, но вмѣстѣ съ тѣмъ развиты органы военной юстицiи, во главѣ которой въ теченiе цѣлаго почти столѣтiя стояли весьма способные и дѣятельные генералъ-аудиторы: *Гейеръ*, *Шульцъ* и *Качъ*; пользуясь опытностiю и довѣрiемъ королей, они поддерживали военную юстицiю въ прусской армiи на той же высотѣ, на которую поставилъ ее въ шведской армiи Густавъ Адольфъ. Однако военное правосудiе въ Пруссiи, какъ и вообще въ Германiи, какъ и въ Данiи, и даже въ самой Швецiи, помимо стремленiя къ подражанiю духу французскихъ военно-административныхъ учрежденiй, не могло освободиться отъ влiянiя уголовнаго уложенiя Карла V, а равно общихъ уголовныхъ законовъ, и поэтому имѣло террористическiй характеръ [28]).

---

[28]) См. наши изслѣдованiя о „состоянiи военнаго права въ западной Европѣ въ эпоху учрежденiя постоянныхъ войскъ". Спб. 1881 г. Франц. воен. право, стр. 286—303, Бранденбурго-Прусское воен. право, стр. 318—352; Императорское нѣмецкое воен. право, стр. 382—405; Саксонское и Голландское воен. право, стр. 406—427. *Схематическая таблица*, разъясняющая систему комплектованiя войскъ, общiй характеръ военныхъ законовъ, формы судебнаго процеса въ войскахъ и должности для отправленiя правосудiя въ войскахъ, стр. 448—450.

Въ военно-законодательныхъ памятникахъ конца XVII и начала XVIII вѣка, особенно нѣмецкихъ, въ Пруссіи и Имперіи, яркою чертою выступаетъ недовѣчивость и нѣкоторая брюзгливость къ «солдатчинѣ» и, напротивъ, снисходительность къ офицерамъ; послѣдніе состояли изъ людей благороднаго происхожденія, солдатами-же были люди низкаго происхожденія. Въ военномъ быту вездѣ, начиная съ наиболѣе просвѣщенной Франціи, какъ-бы узаконяется сословность, и даже въ Швеціи утрачивается взглядъ на военное состояніе (Militair-Stand) Густава Адольфа и другихъ протестантскихъ вождей XVII столѣтія, какъ на военное братство. *Сословность* военнаго состоянія ярче всего выступаетъ въ прусскихъ военно-уголовныхъ законахъ. Вездѣ, начиная съ наиболѣе просвѣщенной Франціи, военная дисциплина поддерживается крайне суровыми наказаніями; средневѣковая жестокость и духъ нетерпимости господствуютъ въ возмездіи какъ въ обще-уголовныхъ законахъ, такъ и въ ордоннансахъ и въ артикулахъ. Въ военныхъ обычаяхъ крѣпко засѣли *жестокія болѣзненныя наказанія палками и шпицрутенами*, замѣнившія мало по-малу-членовредительныя наказанія (*отрубаніе кисти, пальцевъ, носа, ушей), ссылка на галеры* или *на крѣпостныя работы, соединенная съ клейменіемъ щекъ*. Для офицеровъ—тѣлесныя болѣзненныя наказанія замѣняются *разжалованіемъ въ рядовые, заключеніемъ въ тюрьмѣ и конфискаціей имущества* [29]).

Лишеніе жизни, какъ средство устрашенія, или возмездія, или обезпеченія войскъ отъ преступниковъ, примѣнялось въ широкихъ размѣрахъ за многія преступленія въ военное время, мотивомъ которыхъ служила измѣна, трусость, открытое сопротивленіе начальству и возбужденіе къ мятежу. Къ преступленіямъ цѣлыхъ частей, за неоказаніе должнаго мужества при штурмѣ крѣпости или за принужденіе коменданта къ сдачѣ крѣпости непріятелю, за бѣгство съ поля сраженія, примѣнялась децималія, т. е. начальники и офицеры, а изъ рядовыхъ десятый по жребію приговаривались по

[29]) Военные обычаи въ Германіи имѣли такое вліяніе, что когда военный курфюрстъ бранденбургскій хотѣлъ, по примѣру шведскаго короля Густава Адольфа, вывести изъ употребленія *наказанія палками*, то оказалось невозможнымъ управиться съ навербованными солдатами и пришлось удержать наказаніе „по обычаю другихъ государствъ“. „Сост. воен. права“, стр. 462.

суду къ лишенію жизни, а прочіе наказывались тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ или шпицрутенами; части лишались знаменъ; имущество казненныхъ подвергалось конфискаціи.

Обыкновенно смертная казнь за воинскія преступленія производилась: *отсѣченіемъ головы мечомъ* (офицеровъ), *разстрѣляніемъ*, но чаще всего *повѣшеніемъ*. За измѣну и другія подобныя преступленія, приравниваемыя къ преступленіямъ противъ величества, примѣнялись разнообразные роды *квалифицированной* смертной казни: четвертованіе, разорваніе лошадьми (во Франціи), колесованіе. Наказанія этого рода усиливались вырѣзываніемъ ремней на спинѣ, ущемленіемъ языка раскаленными щипцами, оставленіемъ трупа на висѣлицѣ до разложенія, выставленіемъ головы или частей туловища казненнаго на улицахъ и т. п. [30]). Во всѣхъ военно-уголовныхъ кодексахъ измѣнники подвергались самымъ позорнымъ и жестокимъ наказаніимъ. Офицеры и вообще люди благороднаго происхожденія прежде совершенія казни подвергались лишенію чести *(шельмованію)*.

Переходная эпоха отъ войскъ наемныхъ къ войскамъ національнымъ, состоявшимъ на полномъ довольствіи правительствъ западной Европы, служитъ колыбелью не только военнаго искусства новѣйшихъ временъ, но и находящагося въ непосредственной связи съ нимъ военнаго правосудія. Юридическія нормы *преступленій въ военное время* опредѣляются и систематизируются въ соотвѣтствіи съ образомъ веденія войны. Всѣ военно-уголовные кодексы, начиная съ первообраза шведскаго военнаго права Густава Адольфа

---

[30]) Нѣкто Эдмундъ Нисъ за намѣреніе передать въ руки непріятеля крѣпость Бергъ-объ-Цоомъ въ 1628 г., опредѣленіемъ военнаго суда по нидерландскимъ воен. законамъ подвергнутъ былъ повѣшенію; затѣмъ трупъ его обезглавленъ и голова выставлена на колѣ у южныхъ воротъ крѣпости. Суду, предшествовала пытка.—Брюссельскій уроженецъ Францискъ фонъ-Го за намѣреніе передать французамъ крѣпость Монтеро въ 1674 г. по опредѣленію имперскаго суда, какъ совершившій преступленіе *въ высшей степени*, подвергнутъ повѣшенію въ г. Брюсселѣ, послѣ чего его трупъ выставленъ на валу крѣпости Монтеро, имущество конфисковано въ пользу государственной казны за вычетомъ издержекъ на веденіе процеса. Судебный процесъ сопровождался тяжкою пыткою. Пытка, какъ одно изъ судебныхъ доказательствъ и какъ принужденіе для открытія сообщниковъ и соучастниковъ, примѣнялась повсемѣстно въ военно-уголовныхъ процесахъ того времени.

предусматриваютъ рядъ такихъ преступленій въ военное время, какія совершаются неизбѣжно во всякой регулярной арміи, при опредѣленномъ направленіи военнаго искусства. Уголовною нормою стремятся оградить въ арміи, получившей опредѣленную организацію и ставшей могущественнымъ орудіемъ верховной власти, воинскую дисциплину и военную честь отъ упадка и разслабленія. Но эти наказанія за преступленія въ военное время, какъ и вообще за воинскія преступленія, носятъ отпечатокъ крайней суровости—остатокъ средневѣковой жестокости, не взирая на видимый подъемъ цивилизаціи, плодами которой пользуется военное искусство для усовершенствованія боеваго устройство войскъ. Гораздо позже плодами цивилизаціи правительства пользуются для улучшеній матеріальнаго и нравственнаго быта этихъ войскъ, и не далѣе какъ съ половины XVIII столѣтія поднимается реакція противъ необходимости жестокихъ наказаній въ судебной практикѣ; и только тогда въ военномъ законодательствѣ явится стремленіе къ уничтоженію квалифицированныхъ видовъ лишенія жизни, къ ограниченію примѣненія смертной казни за преступленія въ военное время посредствомъ помилованія, къ устраненію пытокъ, къ смягченію болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній.

4. Образъ веденія войны въ русскомъ войскѣ во второй половинѣ XVII столѣтія.

И въ Россія въ переходную эпоху отъ войскъ временныхъ, помѣстныхъ и наемныхъ, къ войскамъ постояннымъ регулярнымъ военное право имѣетъ такой-же характеръ соподчиненности съ успѣхами военнаго искусства; послѣднее-же у насъ возрождается въ эпоху великой Сѣверной войны. Артикулъ Воинскій усваиваетъ классификацію преступленій въ военное время въ полномъ соотвѣтствіи съ образомъ веденія этой войны и съ выразившимся въ ней характеромъ военнаго искусства.

Съ половины XVII столѣтія Россія точно также была въ безпрерывной войнѣ со своими сосѣдями на западѣ и югѣ. Послѣ тринадцатилѣтней войны съ Польшею (1654—1667), окончившійся Андрусовскимъ перемиріемъ, слѣдовали безпрерывныя войны съ

турками и татарами: борьба за Малороссію съ 1673 г., Чигиринскіе походы (1677—1678 г.), Крымскіе походы (1685—1689 г.), Азовскіе походы (1695, 1696 и 1697 гг.). Войнѣ-же за испанское наслѣдство въ началѣ XVIII столѣтія соотвѣтствуетъ несравненно болѣе продолжительная Великая Сѣверная война (съ 1700 по 1721 годъ).

Многолѣтнія войны XVII столѣтія на всемъ *востокѣ* Европы сопровождались грабежами и опустошеніями, побѣгами солдатъ цѣлыми массами, мятежами и измѣною. Несмотря на громадныя жертвы, войны эти производили къ ничтожнымъ результатамъ и большею частью прекращались отъ истощенія матеріальныхъ средствъ воюющихъ сторонъ. Тутъ на театрахъ войнъ были тѣ же явленія, какія замѣчаются въ самыхъ цивилизованныхъ государствахъ западной Европы.

Съ образомъ веденія русскихъ войнъ до преобразованій Петра Великаго даютъ нѣкоторое понятіе историкъ Соловьевъ, военные писатели Бутурлинъ, кн. Голицынъ, Пузыревскій, Ласковскій, Савельевъ [31]) и др. Военное искусство русскихъ въ XVII столѣтіи пришло въ упадокъ, вмѣстѣ съ разстройствомъ и упадкамъ дисциплины въ постоянныхъ (стрѣльцы), помѣстныхъ и поселенныхъ войскахъ. Исключеніе составляли два выборныхъ солдатскихъ полка, изъ коихъ первый извѣстенъ сначала подъ именемъ полка Аггея Шепелева, а потомъ, съ 1693 г.—Лефорта, а другой, такъ называемый Бутырскій, подъ именемъ полка Матвѣя Кровкова, (1661 по 1682 г.) а потомъ, съ 1687 г. Петра Ивановича Гордона [32]). Эти полки патріахъ

---

[31]) *Соловьевъ* „Исторія Россіи", т. 10, 11, 12, 13, 14, 15. Князь *Голицынъ*. „Русская военная исторія", ч. II. *Пузыревскій*. „Развит. пост. регул. арміи и проч.". *Савельевъ*. „Исторія инженернаго управленія". *Ласковскій*. „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи", въ 3-хъ томахъ.

[32]) Объ этихъ двухъ полкахъ, или *дивизіяхъ*, бывшихъ подъ начальствомъ *генераловъ*, военная исторія далеко не сказала послѣдняго слова. Требуется еще немало изслѣдованій въ архивахъ, чтобы получить ясное представленіе объ устройствѣ этихъ самыхъ надежныхъ войскъ второй половины XVII столѣтія, оказавшихъ немаловажныя заслуги во всѣхъ войнахъ второй половины XVII столѣтія. Въ исторіи Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, намъ удалось пополнить существенные пробѣлы, которые замѣчаются у *Гордона* въ „Дневникѣ" „Tagebuch" и *Поссельта* въ біографіи Лефорта „Der Gen. und Admir. Franz Lefort". Изъ „Дневника" Гордона одно

Іоакимъ называлъ самымъ лучшимъ войскомъ въ государствѣ, удивляясь, что такими солдатами командуетъ *еретикъ* (Гордонъ).

Временно созываемые солдатскіе полки, за исключеніемъ выборныхъ, какъ намъ извѣстно, страдали полнымъ отсутствіемъ внутренняго благоустройства. Оборонительныя средства государства, несмотря на развитіе *сторожевыхъ и засѣчныхъ линій, острожекъ, остроговъ, городовъ*, раскинутыхъ на обширныхъ пограничныхъ пространствахъ, были вообще недостаточны. Имѣлись, впрочемъ, крѣпости или города солидные съ башнями или раскатами съ каменными оградами. При Михаилѣ Θедоровичѣ стали появляться города съ земляными оградами, построенные по голландской системѣ. На картѣ, приложенной къ 1-й части сочиненія Ласковскаго, легко видѣть, какою густою сѣтью укрѣпленій разной конструкціи было покрыто все пространство Россіи. Служившіе въ русскомъ войскѣ иноземцы ввели въ употребленіе окопы новой фортификаціи, или такъ называемые *шанцы*, и въ полевыхъ войскахъ. При осадѣ Смоленска въ 1632 г. русскіе прикрывались цѣпными непрерывными линіями и отдѣльными сомкнутыми укрѣпленіями, на подобіе циркумъ и контръ-валаціонныхъ линій. Въ городахъ и городкахъ русскіе оборонялись съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ (оборона Пскова, Троицкая Лавра, оборона Смоленска); въ обороне всегда принимали участіе жители; одна часть гарнизона защищала стѣны,

---

только несомнѣнно, что *Бутырскій* полкъ, которымъ онъ со славою командовалъ 12 лѣтъ, состоялъ въ мирное время постоянно въ одномъ и томъ-же комплектѣ: офицеровъ, сержантовъ, капраловъ, фуріеровъ, барабанщиковъ, флейщиковъ, рядовыхъ солдатъ, солдатскихъ вдовъ, солдатскихъ сиротъ и отставныхъ солдатъ, всего до *1,000 человѣкъ*, на постоянномъ регулярномъ содержаніи, что имѣлъ восьмиротный составъ, восемь знаменъ съ изображеніемъ центавра, что расположенъ былъ въ слободѣ Бутыркахъ (въ верстѣ отъ нынѣшней Бутырской заставы), и что въ *военное время* (Крымскіе и Азовскіе походы) къ этому постоянному Бутырскому полку на *сборномъ пунктѣ* (который заранѣе опредѣлялся) присоединялось двѣ, три и даже четыре тысячи тамбовскихъ солдатъ, образовавшихъ 2, 3 или 4-тысячныхъ полка, въ каждомъ полку по восьми ротъ, съ восемью знаменами. И въ такомъ составѣ три, четыре, пять полковъ состояли подъ командою генерала Гордона, который *Бутырскій полкъ* называлъ или *Бутырскимъ*, или *своимъ*, или *лейбъ-региментомъ*, а прочіе, составленные изъ тамбовскихъ солдатъ, по именамъ полковниковъ. Въ полку было 20 орудій. См. 1-ю часть Нашей Исторіи Л.-Гр. Эриванскаго Его Величества полка Спб. 1692. Предисловіе къ V-й части того-же труда, изд. 1698 г.

другая—ходила на вылазки. Обыкновенными защитниками городовъ до половины XVII столѣтія были: стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники и друг. служилые подъ командою *головъ осадныхъ и объѣзжчиковъ*, подчинявшихся воеводѣ или коменданту [33]). Во второй же половинѣ XVII столѣтія оборона крѣпости, кромѣ стрѣльцовъ, возлагалась и на часть выборныхъ полковъ, даже на рейтаръ и драгунъ (напримѣръ, оборона Чигирина); эти же войска обыкновенно строили крѣпости (напримѣръ, Кіевъ 1679 года).

Наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе развитія огнестрѣльнаго оружія, упадка помѣстной конницы и громадныхъ тяжестей, двигавшихся за войсками, утратили прежній характеръ набѣговъ, неожиданныхъ нападеній. Напротивъ, отличались чрезвычайно малою подвижностью, въ сущности двигались не войска, а «обозъ», «таборъ»; единственная надежда была на огонь пѣхоты и артиллеріи; свою конницу *прятали* за пѣхотою, въ срединѣ двигавшагося *обоза*. Таковы Чигиринскіе, Крымскіе и частью Азовскіе походы. Лагерное расположеніе русскихъ войскъ, извѣстное подъ именемъ «обоза», подобно чешскому или польскому «табору» (у казаковъ «кошъ»), прикрывалось обыкновенно телѣгами, соединенными между собою въ извѣстномъ порядкѣ, и окопами. Понятіе о нихъ даютъ «Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ» и Гордонъ въ своемъ «Дневникѣ». Подъ прикрытіемъ «обоза» русскія войска наступали и отступали [34]). Земляныя укрѣпленія для прикрытія «обоза» въ полѣ рѣдко примѣнялись. При всемъ томъ, инженерное искусство, благодаря частымъ наступательнымъ войнамъ, объектомъ которыхъ было овладѣніе крѣпостью (Чигиринъ, Перекопъ, Азовъ), дѣлало нѣкоторые успѣхи.

Также дѣйствовали и поляки. Когда весною 1672 г. турец-

---

[33]) *Арт. Воин.*, вып. 2-й, стр. 566. О Гуляй-городѣ или передвижной крѣпости русскихъ въ войнахъ съ татарами.

[34]) Въ такомъ порядкѣ двигались русскія войска въ Чигиринскомъ и Крымскихъ походахъ. См. Арт. Воин., вып. 2-й, стр. 567 и слѣд., цит. 515, 516, 517, 518, 519. Къ Азову, въ 1695 г., не смѣли иначе подойти, какъ прикрываясь обозами и рогатками; послѣднія все болѣе и болѣе получали примѣненіе. Гордонъ съ перваго Крымскаго похода началъ думать о введеніи въ употребленіе *ручныхъ гранатъ*, и въ 1694 г., на Кожухскихъ маневрахъ, въ *Бутырскомъ полку* была гренадерская рота, названная ротою *гранатчиковъ*.

кое войско въ числѣ болѣе 300,000, перешло Дунай, выславъ передовой отрядъ въ 40,000 татаръ въ Подолъ, Ханенко съ казаками прикрылъ отступленіе Лужецкаго, расположившись «таборомъ» на рѣкѣ Бугѣ. Обращенныя въ бѣгство войска Лужецкаго нашли спасеніе въ таборѣ Ханенки. Принявъ отступавшихъ поляковъ въ таборъ, Ханенко началъ отступленіе. Татары напирали съ тыла и съ боковъ; но казаки успѣшно отстрѣливались изъ пушекъ и ружей, и движущійся обозъ достигъ Ладыжина. Татары осадили этотъ городъ, но не могли взять его [35]).

Дѣйствія русскихъ войскъ, какъ и западно-европейскихъ, состояли въ стремленіи овладѣть непріятельскими «городами» или прикрытіи осады непріятельскаго «города» отъ нападенія войскъ. Какъ наступательныя, такъ и оборонительныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ по обычаю сопровождались одинаковыми явленіями: стремленіемъ захватить добычу, штурмъ нерѣдко сопровождался избіеніемъ всѣхъ жителей, защищавшихъ городъ, захватомъ добычи; кругомъ крѣпости опустошались села, жители уводились въ плѣнъ; такъ всегда дѣйствовали крымскіе татары, почти также поступали иногда и турки. Поляки же и русскіе заботились особенно о захватѣ добычи и плѣнныхъ. Случалось, что непріятель, разбитый въ «обозѣ» и уже отступавшій, переходилъ въ наступленіе противъ побѣдителя, войска котораго заняты были грабежемъ захваченнаго обоза, и одерживалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. Жители «города», сдавшагося на капитуляцію, у русскихъ, поляковъ и даже у турокъ теперь уже получали пощаду, а гарнизону давалось право свободнаго выхода съ оружіемъ (или безъ оружія) для присоединенія къ своей арміи. Такъ поступили, напримѣръ, турки при взятіи Каменецъ-Подольска [36]). Овладѣніе города посредствомъ подкупа или измѣны вхо-

---

[35]) *Соловьевъ*, XII, 132.

[36]) Въ августѣ мѣсяцѣ 1672 г. Каменецъ облегло все турецкое войско подъ начальствомъ самого султана. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 1,500 челов. польскихъ войскъ, на 4000 пушекъ было только четыре пушкаря. Послѣ потери Новаго замка и отбитія одного штурма на Старый, осажденные вывѣсили бѣлое знамя. Условія сдачи были: 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправленіе богослуженія, для чего христіане сохраняютъ нѣсколько церквей, остальныя обращаются въ мечети; 3) всякій воленъ выѣхать изъ города съ имуществомъ, воленъ и остаться, и 4) ратнымъ людямъ вольно выйти съ мушкетами, но безъ пушекъ и знаменъ. *Соловьевъ*, XII, стр. 132.

дило въ большую практику, особенно на югѣ, въ Малороссіи, гдѣ гетманы переходили то на одну, то на другую сторону, ведя переговоры въ одно и то же время съ русскими и поляками: они обыкновенно переходили на сторону сильнѣйшаго. По занятіи города «крѣпости», побѣдитель считалъ своею обязанностью приводить подданныхъ на вѣрность своему государю. Присяга, вынужденная обстоятельствами, вела къ *измѣнѣ*; во войнахъ XVII столѣтія *она составляетъ, можно сказать, господствующее преступленіе въ войскахъ*. Почти во всѣхъ безпорядкахъ и волненіяхъ въ войскѣ господствующимъ мотивомъ было измѣна.

Приведемъ нѣсколько фактовъ.

Устроивъ русскія войска по образцу иноземцевъ, царь Алексѣй Михаиловичъ въ 1654 г. началъ войну съ Польшею за православныхъ христіанъ; 16-го мая изъ Москвы выступили воеводы сторожеваго и большаго полковъ; 18-го мая выступилъ самъ царь съ дворовыми воеводами; 28-го іюня государь былъ уже подъ Смоленскомъ и на другой день получилъ извѣстіе о сдачѣ (на капитуляцію) Полоцка. Православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревнямъ и въ Полоцкѣ, явилась къ царю подъ Смоленскъ за жалованьемъ, а прочіе, которые не хотѣли сдаваться, были отпущены на волю. Была только одна непріятная неудача: русскіе потерпѣли сильное пораженіе подъ Оршею отъ Литвы, которая подкралась ночью и *ударила на спящихъ*. Но и Орша сдалась 2-го августа, а Могилевъ отдался подъ царскую руку по уговору шляхтича Поклонскаго, православные присягнули на вѣрность царю, католики оставлены въ покоѣ, безъ приведенія къ присягѣ, такъ какъ они *не христіане* (sic); жиды перебиты. Два мѣсяца велась осада Смоленска, приступъ на ночь 19-го августа былъ отбитъ, русскихъ легло до 22,000 убитыми и ранеными, однако, осажденная шляхта стала роптать на своихъ начальниковъ, мало кто шелъ на стѣны, не хотѣли работать для возстановленія укрѣпленій, стали передаваться русскимъ толпами. 10-го сентября открылись переговоры о сдачѣ. Шляхтѣ и мѣщанамъ дано на выборъ: или выѣхать въ Литву, или присягнуть государю. Начальники еще хотѣли тянуть время, выжидать, но жители Смоленска не хотѣли ждать; такъ, Голимонтъ и оба Соколинскіе *подговорили замковую пѣхоту*, сорвали хоругвь съ воеводскаго дома, отворили ворота и пошли къ царю. 23-го сен-

тября литовскіе воеводы положили знамена передъ государемъ московскимъ, и Смоленская шляхта присягнула царю.

Новый годъ 1655 начался *измѣною* царю шляхты и мѣщанъ въ Оршѣ, Озерицѣ, Смоленскѣ. Полковникъ Поклонскій измѣнилъ съ могилевскою и другихъ городовъ шляхтою и казаками, впустилъ въ большой земляной валъ гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго съ польскими войсками и заперъ въ меньшемъ земляномъ валу воеводу Воейкова; три приступа были отбиты, ждали выручки; на выручку явился гетманъ Золотаренко.

Поведеніе ратныхъ людей въ Смоленскѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ они свирѣпствовали, насилуя женщинъ и убивая мужчинъ, заставили государя опредѣлить смертную казнь за такое поведеніе и торговую казнь господину, который позволитъ такое насиліе надъ своимъ холопомъ. Царь вынужденъ грозить *казнью безъ всякой пощады* за побѣги и отлучки, за грабежи и пожоги деревень въ непріятельской странѣ. Перебѣжчиковъ съ Москвы и съ царской службы въ казаки приказано, перехвативъ всѣхъ, *человѣкъ 10 повѣсить* въ старыхъ городахъ, остальныхъ же, *высѣкши кнутомъ*, прислать въ Москву. Война съ Польшею только-что начиналась, и, не взирая на достигнутые въ ней успѣхи, замѣчается уже отсутствіе порядка, дисциплины, усердія къ службѣ.

Золотаренко, по переходѣ черезъ рѣку Березину, послалъ передовой отрядъ Поповича, который въ іюнѣ захватилъ Свислочь: «*непріятелей въ немъ всѣхъ подъ мечь пустили, а самое мѣсто и замокъ огнемъ сожгли*». Такая же участь постигла м. Кейданы. Шереметевъ взялъ Велижъ, Хворостининъ овладѣлъ Минскомъ, Черкасскій, въ соединеніи съ Золотаренкомъ, 29-го іюля напалъ на обозъ гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго; бой длился до ночи, разбитые гетманы бѣжали за рѣку Вилію, а русскіе овладѣли столицею Литвы. Черезъ недѣлю взяли Ковно; 29-го августа пришла вѣсть о взятіи Гродно. Не повезло только Урусову съ княземъ Барятинскимъ, которые 13-го ноября потерпѣли пораженіе подъ Брестомъ и стали обозомъ въ деревнѣ Верховичахъ. Сапѣга съ Литвою обошелъ русскихъ, дорогу и воду отнялъ и требовалъ сдачи. Но Урусовъ вступилъ въ битву, разбилъ на голову, взялъ четюре пушки и 28 знаменъ.

Жалоба дворянъ новгородскихъ и дѣтей боярскихъ на своего

воеводу Урусова даетъ понятіе о томъ, какъ велась эта война: «Узнавши, что у кого изъ нихъ есть плѣнники, воевода присылалъ друзей своихъ со стрѣльцами и самъ выбиралъ себѣ лучшихъ дѣвицъ и женщинъ, бралъ къ себѣ силою и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великія Луки на государственныхъ подводахъ. Посылалъ головъ съ сотнями за лошадьми и часть приведенныхъ лошадей взялъ себѣ, другихъ роздалъ тѣмъ, къ кому добръ, а остальныхъ послалъ государю въ Вильну. Дорогою служилые люди ловили рыбу изъ прудовъ, выпустя воду. Какъ только перешли Нѣманъ, Урусовъ и Барятинскій запретили имъ подъ смертною казнью брать что-либо у жителей, а сами воеводы въ благочестивыхъ христіанскихъ церквахъ утварь, въ костелахъ, по мѣстечкамъ, въ панскихъ мѣстностяхъ, въ мѣщанскихъ дворахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, *отягчась добычею, шли подъ Брестъ очень медленно*, а ихъ поморили голодною смертію». Когда подошли къ Бресту, воевода Урусовъ пошелъ впередъ съ небольшимъ отрядомъ и, не «дождавшись» со всѣми ратными людьми, вступилъ въ битву съ Литвою, отъ неустройства и безвѣстнаго боя многихъ государевыхъ ратныхъ людей побили, ранили и въ плѣнъ взяли. Послѣ пораженія непріятеля подъ Верховичами, гдѣ русскіе побили многихъ конныхъ литовскихъ начальныхъ людей, а пѣшихъ побили безъ остатка,—«Урусовъ на бою лошадей и платья брать имъ не велѣлъ, сказалъ, что все будетъ на *черный пай*. Воеводы брали у шляхты подарки, что у кого полюбится, или гдѣ что провѣдаютъ, и многіе изъ шляхты, узнавъ, что берутся подарки большіе, государю не присягали. Урусовъ не по нуждѣ въ постные дни ѣлъ мясо, ихъ, дворянъ, безчестилъ, называлъ не слугами и не бойцами. а на самомъ у Бреста и сабли не было, въ Верховичахъ, испугавшись пушечной стрѣльбы, съ бою уѣхалъ и государево знамя съ собою увезъ» [37]).

[37]) *Соловьевъ*, X, 390—392. Воеводы Урусовъ и Барятинскій въ своемъ отвѣтѣ отписались, „что запретили грабить жителей, когда шляхта поддалась и дала аманатовъ, сами же нигдѣ не грабили. Когда подъ Брестомъ начался бой, то дворяне правой стороны поддержались, а лѣвой побѣжали и воеводъ выдали, подъ Брестъ дворяне идти отказались; *лошадей и платье* брать у непріятеля на бою не запрещали; у шляхты брали подарки, но и сами отдаривали; сабля на Урусовѣ всегда была и боя никогда не оставлялъ“.

Тѣмъ же буйнымъ порядкомъ ведена была война въ слѣдующемъ году и въ Ливоніи; послѣ разрыва съ Швеціей 15-го іюля 1656 г. царь торжественно въѣхалъ въ Полоцкъ и 15-го выступилъ съ полками противъ шведовъ въ Ливонію; 31-го іюля 3,400 русскихъ ратныхъ людей приступили къ Динабургу ночью, за два часа до свѣта; за полчаса до свѣта большой городъ былъ уже взятъ, потомъ взяли и меньшій или верхній, гдѣ *вырубили всѣхъ людей*. Скоро взятъ былъ Кокенгаузенъ, и 23-го августа самъ царь ссадилъ Ригу. Окрестности Динабурга, Когенгаузена, Риги были страшно опустошены. Но Магнусъ Делагарди города не сдавалъ, 2-го октября осажденные ударили на укрѣпленіе осаждающихъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Послѣ этой неудачи, въ виду осенняго времени, при чемъ негдѣ было достать и корма, царь снялъ осаду и отступилъ въ Полоцкъ.

Успѣхи русскихъ войскъ въ 1654 и 1655 гг. привели Польшу на край погибели. Завоеваніе Бѣлоруссіи, части Литвы, Волыни и Подола доказало слабость и неустройство Рѣчи Посполитой, отсутствіе военнаго искусства и военнаго устройства; у русскихъ, точно также, въ этой войнѣ отсутствуетъ искусство; легко и скоро доставшіеся «города» до Буга, Нѣмана и Виліи были также скоро утрачены, когда Швеція вывела свои войска изъ Польши, объявила войну Россіи и когда на сторону Польши передались со своимъ гетманомъ Выговскимъ малороссійскіе казаки, усиленные союзомъ съ Крымскимъ ханомъ. Въ этой войнѣ, какъ и въ тридцатилѣтней, у всѣхъ воющихъ господствовали самые грубые человѣческіе инстинкты, съ тою разницею, что востокъ Европы не имѣлъ въ средѣ полководцевъ такого великаго реформатора *въ нравственномъ смыслѣ*, какимъ былъ Густавъ Адольфъ.

Въ 1659 г. изъ Москвы двинулась армія въ 150,000 чесов. въ Малороссію; 19-го апрѣля князь Трубецкой подошелъ къ *Конотопу* и безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до 27-го іюня; Выговскій явился туда съ Крымскимъ ханомъ и нанесъ совершенное пораженіе русскимъ воеводамъ Пожарскому и Львову; въ одинъ день погибъ цвѣтъ московской конницы, совершившей счастливые походы въ 1654 и 1655 годахъ; плѣнныхъ досталось побѣдителямъ тысячъ пять; несчастныхъ вывели па открытое мѣсто и рѣзали какъ барановъ. Приходилось думать о спасеніи Москвы, куда по госу-

цареву указу въ августѣ мѣсяцѣ спѣшили люди всѣхъ чиновъ на земляныя работы.

Въ 1660 г., несмотря на заключеніе Кардисскаго мира съ Швеціей, русскія войска не въ состояніи были удержать занятые «города» въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Воеводы еще въ прошломъ году очистили Ковно, Вильну, Гродно. Князь Иванъ Хованскій, безуспѣшно осаждавшій Ляховичи, выступилъ 17-го іюня изъ своего «обоза» на встрѣчу литовскихъ гетмановъ Павла Сапѣги, Чарнецкаго и другихъ, былъ разбитъ, побѣжалъ къ Полоцку, оставивъ свой обозъ подъ Ляховичами побѣдителямъ. Юрій Долгорукій, успѣшно, въ теченіе мѣсяца, защищавшійся отъ нападенія тѣхъ же литовскихъ гетмановъ въ своемъ «обозѣ» у села Губарева, долженъ былъ отступить въ Могилеву, при чемъ его братъ потерпѣлъ пораженіе у Шклова.

Еще хуже дѣла шли въ Малороссіи. Сначала Шереметевъ, засѣвши въ «обозѣ», близъ Любара (на Волыни) успѣшно отбивался отъ соединенныхъ поляковъ и татаръ, силою въ 90,000 челов. Голодъ заставилъ русскихъ отступить къ *Чуднову*, но, вслѣдствіе *измѣны* малороссійскихъ казаковъ со своимъ гетманомъ Юріемъ Хмѣльницкимъ, русскіе, занимавшіе «таборъ» въ видѣ треугольника, приведены были на край гибели: Шереметевъ, продержившись до 23-го октября, долженъ былъ, вслѣдствіе голода, вступить въ переговоры съ польскими вождями—Любомірскимъ и Потоцкимъ. На основаніи этой капитуляціи, войска Шереметева, сдавши оружіе, всѣ военные запасы и хоругви, спустя три дня могли выступить въ назначенные имъ города. Шереметевъ съ начальными людьми остался въ плѣну у коронныхъ гетмановъ и Крымскаго хана, пока царскія войска не выйдутъ изъ Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова. Новыя неудачи Хованскаго, который при *Кушликахъ*, близъ Полоцка, осенью 1661 г. потерпѣлъ пораженіе отъ литовскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Жеромскаго (изъ 20,000 русскихъ не болѣе тысячи отступило къ Полоцку), повели за собой окончательную потерю всего, что было пріобрѣтено въ началѣ кампаніи, за исключеніемъ Смоленска.

5. Упадокъ дисциплины въ русскомъ войскѣ въ войнахъ съ Польшею и Турціею. Гнусность измѣны. Опасные симптомы.

Деморализація въ русскихъ войскахъ между тѣмъ развивалась съ особенною силою; она выражалась побѣгами, отказами отъ службы, подъ неблаговидными предлогами, преимущественно у стрѣльцовъ и въ дворянской конницѣ, неповиновеніемъ солдатъ своимъ полковникамъ и воеводамъ, мятежами, наконецъ, измѣною. Люди нѣкоторыхъ солдатскихъ полковъ, изъ числа поселенныхъ по шведской границѣ и на Украинѣ (Бѣлгородскаго полка), вслѣдствіе труднаго содержанія на деньги, потерявшія валюту, стали перебѣгать къ полякамъ: иностранные офицеры, недовольные, вслѣдствіе скуднаго жалованья и видя поголовное неповиновеніе, опасаясь измѣнъ, тяготились службою; бо́льшая половина смоленской шляхты склонялась на сторону королевскую.—Мы, однако, знакомы и съ фактами доблестной обороны крѣпости, и съ свойственнымъ русскому человѣку, если онъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ, самоотверженіемъ. Сидѣвшій въ осадѣ въ виленскомъ замкѣ стольникъ князь Данило Мышецкій, въ теченіе *полутора года*, несмотря на отсутствіе всякой надежды на помощь, отвергнулъ предложеніе польскаго короля сдать замокъ непріятелю; но тутъ онъ былъ *скованъ своими начальными людьми и солдатами и выданъ польскому королю головою*. Не великодушенъ былъ поступокъ Яна Казиміра съ доблестнымъ офицеромъ: онъ велѣлъ отрубить голову храброму защитнику, свято исполнявшему свой долгъ, и, что всего постыднѣе, допустилъ приговоръ надъ княземъ Мышецкимъ исполнить его же собственному повару! [38]).

[38]) *Соловьевъ*, XI, 160—162. „Самъ король осадилъ Вильну и отправилъ къ Мышецкому (у котораго оставалось 78 солдатъ) канцлера Паца и подканцлера Нарушевича съ требованіемъ сдачи, обѣщая для воеводы и всѣхъ ратныхъ людей свободный выходъ къ московскимъ границамъ съ казною и со всѣмъ имѣніемъ; Мышецкій отвѣчалъ, что сдастъ городъ, если король позволитъ распродать ему весь хлѣбъ и соль и дастъ ему подъ его пожитки 300 подводъ. Король не согласился на распродажу хлѣба и соли и обѣщалъ дать воеводѣ только 300 подводъ. Тогда Мышецкій объявилъ, что хотя всѣ помрутъ, а городъ не сдадутъ. Король приказалъ приготовиться къ приступу. Узнавши объ этомъ отъ перебѣжчика, Мышецкій велѣлъ у себя въ избѣ, въ подпольѣ,

Приводимъ дословно духовное завѣщаніе, написанное осужденнымъ героемъ передъ смертію и пересланное черезъ одного монаха въ Москву: «Память сыну моему князю Ивану Даниловичу Мышецкому, да женѣ моей Аннѣ Кириловнѣ: вѣдайте о мнѣ убогомъ, сидѣлъ я въ замкѣ отъ польскихъ людей въ осадѣ безъ пяти недѣль полтора года, принималъ отъ непріятелей своихъ всякія утѣсненія и отстоялся отъ *пяти приступовъ*, а людей съ нами осталось отъ осадной болѣзни только 79 человѣкъ; грѣховъ ради моихъ *измѣнили* семь человѣкъ, Иванъ Чешиха, Антошка поваръ, да Сенька подъячій, и польскимъ людямъ обо всемъ дали знать. Отъ этого стала въ замкѣ между полковниками и солдатами *шатость большая*, стали мнѣ говорить шумомъ, чтобъ городъ сдать. Я склонился на это ихъ прошенье, выходилъ къ польскимъ людямъ на переговоры и просилъ срока на одинъ день, чтобъ въ то время, гдѣ изъ пушекъ разбито, позадѣлать; но пришли ко мнѣ начальные люди и солдаты всѣ гилемъ, взяли меня, связали, заковали въ желѣза, рухлядь мою ограбили всю безъ остатка, впустили польскихъ людей въ замокъ, а меня выдали королю и просили казнить меня смертію, а сами всѣ, *кромѣ пяти человѣкъ*, *приняли службу королевскую*. Король, мстя мнѣ за побитіе многихъ польскихъ людей на приступахъ и за казнь измѣнниковъ, велѣлъ казнить меня смертію».

Измѣна пріятна врагу, но измѣнники и ему ненавистны: Proditionem amo, proditores odis; въ этой несчастной войнѣ измѣна была въ большомъ ходу, особенно въ малороссійскомъ казачьемъ войскѣ, гдѣ каждый гетманъ послѣ Богдана Хмѣльницкаго, не взирая на признаніе подданства Московскому царю, измѣнялъ или

приготовить 10 бочекъ пороху, и хотѣлъ, зазвавши къ себѣ въ избу всѣхъ солдатъ, какъ будто-бы для совѣщанія, запалить порохъ. Но солдаты провѣдали объ этомъ умыслѣ, схватили воеводу и выдали королю". Мышецкій передъ королемъ держалъ себя гордо, ему не поклонился и на вопросъ, какого онъ хочетъ милосердія?—Отвѣчалъ Пацу: „Никакого милосердія отъ короля не требую, а желаю себѣ казни". Мышецкому передъ казнію прочитанъ былъ приговоръ о томъ, что его казнятъ не за вѣрность службы своему государю, а за то, что онъ былъ большой тиранъ: «много людей невинно покаралъ, и на части разсѣкши, изъ пушекъ стрѣлялъ, иныхъ на колъ сажалъ, беременныхъ женщинъ на крюкахъ за ребра вѣшалъ, и онѣ, вися на крюкахъ, рождали младенцевъ». Тѣло Мышецкаго похоронено въ св. Духовомъ монастырѣ.

готовъ былъ ему измѣнить и искать покровительства у поляковъ, шведовъ или турокъ. Гетманская булава становилась предметомъ искательства представителей разныхъ партій въ войскѣ, враждующихъ между собою.

Измѣна въ войскѣ—самое постыдное преступленія; начальникъ, измѣняющій своему государю, своей присягѣ, своему долгу, вдвойнѣ преступенъ: онъ наноситъ безчестье своему званію и деморализуетъ своихъ подчиненныхъ. Всякій ненавидитъ измѣну, потому что она всѣмъ грозитъ опасностью, особенно она ненавистна въ воинѣ, который въ своей жизни и привычкахъ обязанъ руководиться идеаломъ безкорыстія, самоотверженіи, прямодушія и храбрости. Измѣнникъ наноситъ безчестіе своему имени, своей семьѣ, своему отечеству: онъ продаетъ свою совѣсть и свою честь. Это врагъ, угрожающій интересамъ, имуществу, жизни и чести своихъ соотечественниковъ и товарищей по оружію, и врагъ болѣе опасный, чѣмъ вооруженный непріятель, открыто на насъ нападающій, болѣе ненавистный потому, что онъ знаетъ ваши тайны и для своихъ личныхъ выгодъ жертвуетъ интересами всѣхъ; это *другъ*, продающій непріятелю жизнь своихъ товарищей по оружію и своихъ начальниковъ....

Самыя суровыя наказанія, налагаемыя военно-уголовнымъ закономъ за измѣну, не могутъ смыть пятна этого гнуснѣйшаго изъ всѣхъ преступленій въ войскѣ: оно остается вѣчнымъ позоромъ на измѣнникѣ.

Понятною станетъ каждому крайне суровое наказаніе за подобныя преступленія въ войскахъ во всѣ времена, у всѣхъ военныхъ законодателей.

О невысокихъ нравственныхъ качествахъ и безчиніи воинскихъ людей обѣихъ сторонъ въ Русско-Польскую войну, окончившуюся андрусовскимъ перемиріемъ въ 1667 году, свидѣтельствуютъ многіе другіе факты. Съ нѣкоторыми изъ нихъ знакомятъ насъ историки, особенно Соловьевъ.

Подъ *Копысомъ* солдаты полковъ Вильяма Брюса и Николая фонъ-Залена не только не исполнили приказанія воеводы Толочанова, удерживавшаго войско отъ приступа, но перебили своихъ офицеровъ (поручиковъ и дворянъ), ранили по рукѣ Брюса, ударили кирпичемъ въ голову фонъ-Залена.

Еще рельефнѣе безчиніе и мятежный духъ выразился въ литовскихъ войскахъ, которыя 15-го ноября 1662 года самовольно расправились съ гетманомъ Гонсѣвскимъ и маршалкомъ Жеромскимъ. Встрѣтивъ въ 10 миляхъ отъ Вильны гетмана Гонсѣвскаго, отрядъ ратныхъ людей заставилъ его выйти изъ кареты и разстрѣлялъ; Жеромскаго-же собравшаяся толпа солдатъ вытащила изъ костела; обругавъ ксендза измѣнникомъ, солдаты повезли несчастнаго за городъ и, отъѣхавши 12 верстъ по гродненской дорогѣ, изсѣкли саблями и забили обухами до смерти [39]).

6. Образъ дѣйствія русскихъ войскъ въ войнахъ съ турками.

Деморализація въ русскихъ войскахъ развивалась еще болѣе въ войнахъ съ турками и татарами за Малороссію-же.

Оба чигиринскіе похода 1677—1678 г. были ничтожны по своимъ результатамъ. Въ этихъ походахъ выразилось значеніе южныхъ «городовъ» для удержанія Малороссіи подъ скипетромъ царя московскаго. Слѣдовательно, повторялся фактъ, извѣстный изъ войнъ послѣдней четверти XVII столѣтія, когда на Западѣ возростало значеніе крѣпостей, сводившихъ полевыя войны на оборону и осаду. Но русскія войска въ оборонѣ и атакѣ крѣпости отстали отъ западно-европейскихъ армій; въ полѣ это были толпы, разбѣ-

[39]) *Соловьевъ*, XI, 163, 169. Исполнителями такого гнуснаго дѣла, примѣръ которому рѣдко встрѣчается въ военной исторіи, были войсковые товарищи, Хлевинскій да Новошинскій, явившіеся въ Вильну 16-го ноября съ толпою ратныхъ людей за своими жертвами. Гонсѣвскій требовалъ суда: „Везите меня въ войско, потому что по правамъ нашимъ и челядника безъ суда не караютъ, не только что гетмана“. Но ему закричали солдаты: „Не указывай!“, а только дали своей несчастной жертвѣ право исповѣдаться у ксендза. *Соловьевъ*, XII, 36. Какъ поступилъ Дорошенко съ гетманомъ Брюховецкимъ, который отказался отдать ему добровольно булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ? По приказанію Дорошенки, казаки восточной стороны съ криками и ругательствами ворвались толпою въ шатеръ, схватили гетмана Брюховецкаго и потащили его къ Дорошенку, по приказанію котораго казаки бросились на стараго своего гетмана начали рѣзать на немъ платье, бить ослопьемъ, дулами, чеканами, рогатинами, убили, какъ бѣшеную собаку и бросили нагаго. Тѣло Брюховецкаго похоронено въ Гадячѣ въ построенной имъ церкви, въ іюнѣ 1668 г.

гавшіяся при встрѣчѣ съ хорошо организованными войсками турецкими и спѣшившія укрыться въ своихъ «обозахъ», «таборахъ» и «городахъ», за окопами: за такими прикрытіями наши ратники того времени еще могли-кое какъ отстаиваться. Опытный гетманъ Самойловичъ побуждалъ московское правительство укрѣпить Чигиринъ, ратными людьми осадить и хлѣбными запасами снабдить также, какъ и Кіевъ. «Чигиринъ покинуть нельзя, потому что всей Украйнѣ защита и оборона добрая; стоитъ она на рѣкѣ Тясьмѣ (Тясьминѣ), черезъ которую ордѣ нигдѣ бродовъ и переправы нѣтъ. У насъ, въ казацкомъ войскѣ одно слово и дѣло: при комъ Чигиринъ и Кіевъ, при томъ и они всѣ должны въ вѣчномъ подданствѣ быть». На дѣлѣ случилось въ 1678 г. совершенно противоположное.

Князь Ромодановскій съ воеводами, располагаясь по обыкновенію обозами и дѣлая на турецкіе таборы наѣзды, не съумѣлъ выручить осаждаемаго Чигирина, несмотря на храбрую оборону его воеводою Ржевскимъ, а послѣ его смерти полковникомъ Гордономъ, и не взирая на успѣхъ въ сраженіи на рѣкѣ Тясьмѣ 3-го августа, когда выборные солдатскіе отличились мужествомъ [40]). Посланный гетманомъ въ Москву, знатный полковой товарищъ Иванъ Мазепа (весною 1679 г.) справедливо объяснилъ неудачи русскихъ войскъ въ походѣ къ Чигирину въ 1678 г. отсутствіемъ согласія и единства въ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе мѣстничества бояръ и воеводъ. Для удержанія Малороссійскаго края нужно, говорилъ онъ, прислать много войска, но поменьше бояръ, чтобы начальникомъ былъ только одинъ большой воевода; «а если будутъ бояре и воеводы многіе и полки у нихъ разные, то бояре и воеводы станутъ между собою мѣстами считаться, и ни одинъ своего полку

---

[40]) Gordon, Tagebuch, t. I. s, 548. Авторъ весьма обстоятельно описываетъ весь ходъ славной обороны Чигирина съ одной стороны и преступную нерѣшительность воеводы князя Ромоданавскаго, который послѣ одержанной побѣды 3-го августа, былъ такъ близокъ къ пораженію арміи великаго визиря. У него же мы находимъ описаніе хода сраженія 3-го августа, когда оба вывыборные полка, Московскій и Бутырскій, Шепелева и Кровкова, были непосредственными виновниками одержанной побѣды. Эти же полки прикрывали отступленіе арміи къ Днѣпру послѣ очищенія Чигирина и съ мужествомъ отбивали нападенія турокъ и татаръ. См. нашу „Ист. Л.-Гр. Эриванскаго Его Величества полка“ ч. I, изд. 1892 г.

полчанъ никому не дастъ, будетъ своихъ полчанъ беречь и будетъ отъ того нестроенье. У Ромодановскаго людей было много, а какъ они были на той сторонѣ Днѣпра и шли на выручку Чигирина и у непріятеля гору брали, и какъ шли назадъ отъ Чигирина отводомъ, то государевыхъ ратныхъ людей на бояхъ было очень мало, только были солдатскіе (выборные) полки, да стрѣлецкіе приказы, и въ стрѣлецкихъ приказахъ людей къ бою было мало же, человѣкъ по триста, *остальные стрѣльцы всѣ были въ обозѣ у телѣгъ*, а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ».

Мазена говорилъ правду. Для борьбы съ турками, далеко опередившими русскихъ въ военномъ устройствѣ, нужно было совершить коренныя реформы [41]). Къ нимъ приступилъ Ѳедоръ Алексѣевичъ въ концѣ 1681 г. Очевидно стало общее колебаніе всего древняго военнаго устройства и необходимость рѣшиться на поворотъ къ чужому западному круто, немедленно. Но тогда вся реформа въ войскѣ ограничилась только уничтоженіемъ мѣстничества—на бумагѣ. Были и еще кое-какія нововведенія; въ сущности же, какъ показали событія 1682 года и Крымскіе походы, все оставалось по-старому. Крымскіе походы князя Василія Василье-

[41]) Отступленіе Ромодановскаго послѣ переправы черезъ Днѣпръ было похоже на бѣгство. Ромодановскій потерялъ голову. Стали опасаться за Кіевъ. Туда назначенъ Гордонъ, произведенный за отличіе въ генералъ-маіоры, и туда же направлены выборные солдатскіе полки; снова приходилось снаряжать 100,000-му армію, поручивъ ее въ 1697 году князю Черкасскому и его товарищу Михайлу Юрьевичу Долгорукову. Но на этотъ разъ гроза миновала: турецкая армія, дойдя до Запорожской Сѣчи, заняла два укрѣпленныхъ пункта, и уже въ іюлѣ вернулась обратно, татары-же были отбиты бояриномъ Милославскимъ и казаками. Война кончилась, но Кіевъ продолжали укрѣплять. Вотъ что писалъ по поводу Чигиринскихъ походовъ голландскій резидентъ 8-го октября 1678 г.: „Всѣ неудачи приписываютъ князю Ромодановскому и его сыну, какъ товарищу. Даже народъ волнуется. Особенно бунтовали стрѣльчихи. Исходъ похода такъ страшенъ, что трудно и описать его; вслѣдствіе безпорядковъ въ администраціи Ромодановскаго, погибли многія тысячи лошадей, отъ труповъ ихъ заразились воздухъ и вода, и развилась страшная эпидемія въ войскѣ. И до сихъ поръ она продолжается". *Посселетъ*, т. I, стр. 279 и далѣе. Съ турками спѣшили заключить миръ въ 1861 г., но деморализація въ войскѣ стрѣлецкомъ, какъ показали событія 1682 г., достигла крайнихъ предѣловъ; это не было уже войско, на которомъ зиждется опора государственой власти.

вича Голицына въ 1687 и 1689 годахъ съ арміей въ 100,000 солдатъ, стрѣльцовъ, рейтаръ и драгунъ, которая совершала свое движеніе—*четыреугольникомъ подъ прикрытіемъ* 20,000 телѣгъ, еще разъ показали и безсиліе русской конницы противъ татаръ (отъ ихъ нападенія она укрывалась *въ серединѣ обоза*), и не соотвѣтственный съ обстоятельствами образъ дѣйствія, и нежеланіе бояръ прикоснуться къ наболѣвшимъ язвамъ военнаго организма [42]).

Общее разстройство въ войскахъ, вслѣдствіе недостатковъ администраціи и крайняго упадка дисциплины, особенно въ стрѣлецкихъ полкахъ, отъ которыхъ легко могли заразиться и единственно надежные въ боевомъ отношеніи выборные солдатскіе и нѣкоторые рейтарскіе полки, сознавались всѣми, состоявшими во главѣ войскъ того времени. Само Провидѣніе указало на юнаго царя отрока, привлекавшаго къ себѣ окружающихъ своимъ умомъ и душевными свойствами. За два года до Крымскимъ походовъ писалъ о Петрѣ Алексѣевичѣ, въ то время 13-ти-лѣтнемъ отрокѣ, голландскій резидентъ ванъ-Келлеръ слѣдующее: «Онъ такъ любитъ военное дѣло, что можно видѣть въ немъ будущаго героя, который наложитъ узду на крымскихъ татаръ». (Письмо 8-го сентября 1685 г.). Однако, и въ первомъ Азовскомъ походѣ мы видимъ еще черты стараго рутиннаго образа дѣйствій русскихъ войскъ на маршѣ и при веденіи осады. Походъ объявленъ 20-го января 1695 года съ постельнаго крыльца; для «промысла» велѣно собрать 120,000 войскъ; мобилизація шла медленно; едва черезъ *полгода* русскія войска явились подъ Азовомъ. Новымъ было только то, что во главѣ 31,000 войскъ, раздѣленныхъ на три части, или *дивизіи*, стояли ближайшіе сотрудники Петра I по командованію двумя старыми *солдатскими выборными* и по устройству *двухъ новыхъ* полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, Гордонъ, Лефортъ и Головинъ, изъ нихъ два иностранца. Въ одно время съ Азовскою осадною арміей была отправлена другая въ числѣ 100,000 челов. подъ начальствомъ Шереме-

[42]) *Соловьевъ*, XIII, стр. 267 и слѣд., 273, 274. *Голицынъ*, „Русск. Военн. Ист.“ II, 455, 456. *Устряловъ*, „Исторія Петра Великаго“, ч. 1, 191—211. П. С. З. II, № 1280. *Gordon*, Tagebuch, t. 1; *Posselt*. Der Gen. und Adm-Eranz Lefort. О томъ, какъ производилась мобилизація этихъ войскъ, что стоили государству походы и къ какимъ ничтожнымъ результатамъ они приводили, мы уже сказали. *Арт. Воин.*, вып. 2-й стр. 89 и слѣд. цит. 98.

тева для прикрытія осады Азова со стороны Крыма.—При Азовѣ по старому обычаю, осадный корпусъ расположился обозомъ и стали чинить промыселъ. Петръ I писалъ къ князю Ромодановскому.... «сего мѣсяца пятаго дня пришли подъ Азовъ и, осадя, промыслъ чинимъ непрестранно». Осада началась построеніемъ контръ-валаціонной линіи, велась медленно и неудачно. Явилась, какъ водилось, *измѣна*. Голландскій матросъ Янсенъ, прибывшій изъ Пруссіи и принявшій у насъ православіе, передался туркамъ и передалъ имъ свѣдѣнія о состояніи и расположеніи русскихъ войскъ. Его показанія провѣрили раскольники, давно измѣнившіе своему отечеству. 15 го іюля въ знойный день, когда весь лагерь погруженъ былъ въ сонъ, турки напали на сонныя сторожевыя цѣпи стрѣльцовъ въ неоконченныхъ траншеяхъ, перекололи ихъ и произвели паническій страхъ во всемъ осаждающемъ войскѣ; бѣгство удалось остановить Гордону съ солдатами Бутырскаго выборнаго полка. По этому поводу Петръ I писалъ къ А. Ю. Кревету: «И то жестокое утѣсненіе непріятель видя, чинилъ двѣ вылоски: первую на генерала Леѳорта, а другую на генерала Гордона, гдѣ и, въ шанцы вшедъ, пушки заклепали; аднакоже тотчасъ отбиты, и провожали ихъ до самаго города наши, гдѣ съ великимъ урономъ непріятель мусилъ (долженъ былъ) уступить въ городъ, а наши уже и во рву непріятеля били» [43]). Наконецъ, Гордонъ съ своей дивизіей въ центрѣ дошелъ апрошами до рва, но не было еще пробито бреши; однако, 5-го августа, желая удовлетворить нетерпѣливому желанію Петра, рѣшились идти на штурмъ; Гордона совѣта не послушали; штурмъ былъ отбитъ, потому что не былъ подготовленъ. Неудачны были и взрывы неискусно сдѣланнаго подкопа 16-го сентября; много своихъ побито; въ не-

[43]) *Письма и бумаги императора Петра Великаго*, Бычкова, т. I, изд. 1887 г. № 49, стр. 40. Юный государь, какъ видно изъ писемъ его отъ 17-го іюля „изъ обоза“, увѣренъ былъ въ успѣхѣ: „Самый Азовъ въ крѣпкомъ облежаніи; раскаты и башни, гдѣ были пушки, и вся пушечная стрѣльба отнята и сбита; и въ каменномъ городдѣ, какъ отъ пушекъ разбито, такъ и отъ бомбъ все выжжено, и жильцовъ никого нѣтъ, и всѣ вышли въ валъ, который противъ нашихъ обозовъ, но и тутъ они не безъ бѣдства; и шанцы подведены въ самыя ближнія мѣста, и чаять, что сего іюля 18-го или 19-го дойдутъ до рвовъ; жены же и дѣти всѣ живутъ на загородныхъ дворахъ и на судахъ“. *Тамъ-же* № 47, къ царю Іоанну Алексѣевичу, стр. 38 и 39. Сравни: *Гордона* Tagebuch.

умѣлости стали обвинять иностранцевъ. Не удался и второй штурмъ 25-го сентября; несмотря на то, что бутырцы и тамбовцы были уже на валу. Но ихъ не поддержали. Пришлось отступить отъ Азова. Войско выступило изъ-подъ Азова 1-го октября подъ прикрытіемъ Бутырскаго полка, сохранявшаго необычайный порядокъ и отбивавшаго нѣсколько ожесточенныхъ атакъ. Армія возвратилась въ Москву 22-го ноября, оставивъ по дорогѣ множество труповъ [44]).

Для втораго похода на Азовъ въ 1696 году нужно было искать искусныхъ инженеровъ у своихъ союзниковъ цесарцевъ, но когда они прибыли, все уже было окончено. Шеинъ назначенъ главнокомандующимъ генералиссимусомъ осадной арміи силою въ 54,000 человѣкъ; передовой отрядъ, Бѣлогородскій разрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ригемана съ донскими казаками подступилъ къ

---

[44]) *Устряловъ*, II, стр. 220—257. *Ласковскій*, ч. II, стр. 31—65. „Осада Азова 1695 г., говоритъ послѣдній, представляетъ предпріятіе мало соображенное, задуманное съ недостаточными матеріальными средствами и выполненное съ малымъ знаніемъ дѣла. Неполное обложеніе крѣпости, слабость осаднаго корпуса, дурная организація войскъ, кромѣ трехъ полковъ, *отсутствіе единства въ распоряженіи* и неискусство инженеровъ“. *Письма и бумаги Петра Великаго*, I, №№ 53, 45, 66, 67. За недѣлю до послѣдняго штурма Петръ I былъ убѣжденъ въ успѣхѣ осады: „А здѣсь, слава Богу, все здорово, и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все вспахано и насѣено, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ, Господи, помози намъ, въ славу имени Своего святаго“. *Къ А. А. Виніусу*, № 65, изъ обозу, сентября въ 17-й день, стр. 51. Интересно сличить это письмо съ тѣмъ, что записано въ дневникѣ Гордона. Отъ желанія до успѣха, какъ видно, было еще далеко; главное зло, *отсутствіе единства въ командованіи*. Гордонъ говоритъ по поводу штурма 5-го августа: послѣ того, когда бутырцы и тамбовскіе солдаты своимъ огнемъ поддержали 1,500 охотниковъ, назначенныхъ для штурма, „прочіе полки не оказали должнаго усердія; вмѣсто того, чтобы вести атаку съ правой стороны, почти около Дона (тутъ была дивизія Головина) они взяли слишкомъ влѣво, укрываясь между садами. Бутырцы и тамбовцы, приведя своимъ огнемъ въ замѣшательство турокъ на валу бастіона (лѣваго центральнаго), живо бросились впередъ и почти безъ лѣстницъ вошли на валъ. Турки дрались съ полнымъ сознаніемъ опасности и оказывали отчаянное сопротивленіе“. Тутъ находился и комендантъ, но отсутствіе единодушія (въ общей атакѣ) и поддержки все испортило: „Замѣтивъ утомленіе и видимое ослабленіе частей, бывшихъ на валу, я далъ знакъ къ отступленію“. Въ четырехъ полкахъ убито 1,500 человѣкъ, не считая офицеровъ“. (Tagebuch, I). И 25-го сентября случилось почти тó же самое, несмотря на то, что стрѣльцы дивизіи Гордона овладѣли однимъ бастіономъ, а бутырцы—другимъ.

Азову 23-го мая, а главныя силы (дивизіи Гордона и Головина) подошли 2-го іюня. Устья Дона заняты были флотиліей изъ галеръ, съ нимъ былъ юный царь Петръ Алексѣевичъ. Шеинъ 7-го іюня отдалъ по всѣмъ полкамъ приказъ: «чинить надъ турскимъ городомъ Азовымъ всякій *промыслъ* днемъ и ночью, вести шанцы, въ шанцахъ дѣлать раскаты, а на раскатахъ ставить большія пушки, галанки, мозжеры и полковые пищали» [45]). Галерной флотиліи данъ былъ царскій указъ о порядкѣ морской службы, въ которомъ, между прочимъ, опредѣлено наказаніе лишеніемъ живни, «если въ бою кто товарища своего покинетъ, или не въ своемъ мѣстѣ подойдетъ» [46]).

Азовъ обложили со всѣхъ сторонъ, «стали обозами», и войска, по обычаю, прикрылись циркумъ и контръ-валаціонными линіями.

При самомъ началѣ осадныхъ работъ, 10-го іюня, на русскій *станъ* неожидано напали татары, но были разбиты московскими дворянами. 16-го іюня, вечеромъ, открылось бомбардированіе по Азову въ присутствіи Петра. Несмотря на удачную канонаду, турки не хотѣли слышать о сдачѣ крѣпости на капитуляцію. Отъ нападенія татаръ русскіе прикрывались рогатками, но неутомимый Нурадинъ, пользуясь безпечностью казаковъ и дворянъ въ отправленіи сторожевой службы, внезапно прокрадывался къ нашему стану и своимъ неожиданнымъ появленіемъ на разсвѣтѣ производилъ всеобщую тревогу. Татаръ отбивали и преслѣдовали, *по прадѣдовскому обычаю, вразсыпную*.

29-го іюня въ крѣпость переброшено письмо, на стрѣлѣ, съ предложеніемъ о сдачѣ. Турки отвѣчали выстрѣлами. Рѣшено было соорудить громадный *валъ*, чтобы при его помощи облегчить штурмъ [47])

---

[45]) О способѣ веденія атаки посредствомъ паралелей, уже давно примѣняемыхъ въ западной Европѣ, по примѣру Франціи, русскія войска, какъ видно, тогда еще не имѣли понятія.

[46]) *Устряловъ*, т. I, прилож. XII. Нѣтъ свѣдѣній о подобнаго рода постановленіяхъ въ артикулахъ и для осаждающихъ сухопутныхъ войскъ, но существованіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

[47]) „А о здѣшнемъ возвѣщаю, что валъ валятъ блиско и 3 мина зачали". Къ *Ромодановскому*, № 100, отъ 3-го іюля 1696, з галеры Прынцыпіумъ. „.... городъ Азовъ осажденъ накрѣпко; въѣзду въ него и выѣзду изъ него нѣтъ, да къ нему же со всѣхъ сторонъ валятъ засыпной валъ". *Къ патріарху Адріану*, № 103, отъ 4-го іюля 1696, писано изъ полковъ. *Письма и бумаги Петра В.*, т. I, стр. 77 и 81.

Спустя недѣлю по прибытіи цесарскихъ инженеровъ, 16-го іюля орудіями съ Гордоновской батареи разрушена большая часть палисадниковъ на угловомъ бастіонѣ; казаки съ калмыками дрались съ турецкою кавалеріей, солдаты дивизіи Гордона ночью овладѣли угловымъ бастіономъ (больверкомъ). 17-го іюля запорожцамъ разрѣшено было произвести *штурмъ*; послѣдній удался—турки потеряли другой угольный бастіонъ; на другой день, 18-го іюля, комендантъ вошелъ въ переговоры о сдачѣ крѣпости [48]). Туркамъ разрѣшено выйти изъ города въ полномъ вооруженіи съ семействами и пожитками; всѣ русскіе плѣнные были освобождены, а изъ невольниковъ только тѣ, которые не обасурманились; выданы были измѣнникъ Яковъ Янсеиъ, связанный по рукамъ и ногамъ, и раскольники (охреяне), бѣжавшіе въ Азовъ; послѣдніе отосланы въ Черкасы для всенародной казни за измѣну. Петръ I по поводу сдачи Азова писалъ: «А въ 19 числѣ, то-есть въ день Воскресенія Христова, часу въ другомъ дни, Азовскіе сидѣльцы боярину нашему и большаго полку воеводѣ Алексѣѣ Семеновичу Шеину городъ Азовъ съ знамены, и съ пушки, и съ пороховою казною и со всѣмъ, что въ немъ было припасовъ, отдали, а имъ и женамъ ихъ и дѣтямъ учинена свобода, и отпущены внизъ рѣкою Дономъ до рѣки Кагальника на осмнадцати бударахъ». При занятіи крѣпости десятью русскими полками, запорожцы немедленно бросились грабить съ такимъ буйствомъ, что не было возможности ихъ унять; но вся ихъ *добыча* ограничилась запасами продовольствія, которое Государь предоставилъ имъ въ награду за ихъ мужественный подвигъ, поколебавшій непріятеля. Городъ представлялъ жалкую груду развалинъ. Съ половины августа 1696 г. началось обратное движеніе русскихъ войскъ, за исключеніемъ 8,300 челов. ратныхъ людей

[48]) „И сего же настоящаго іюля мѣсяца 17-го числа въ пятокъ, Малороссійскіе наши войска, по жребію своему въ тѣхъ трудѣхъ пребывающіе, при которыхъ неотступно пребывая мужъ добродѣтели и въ военныхъ трудѣхъ искусный, гетманъ наказный Яковъ Лизогубъ, обще Донскаго нашего войска съ атаманомъ Фроломъ Миняевымъ и съ Донскими казаки, предварили непріятельскія роскаты подкопать и на него мужески взойтить, и съ неприятели бились довольно и тѣмъ роскатомъ овладѣли, а дождавшись ночи, съ того роскату четыре пушки стащили и т. д." *Письма къ патріарху Адріану*, № III, писано въ завоеванномъ нашемъ градѣ Азовѣ, лѣте 1696, іюня 20 дня.— *Письма и бумаги* Петра В., т. I, стр. 93 и 94.

пѣшаго строя (6 полковъ солдатскихъ и 4 полка стрѣльцовъ) подъ начальствомъ князя Львова.

Войска, прибывшія изъ подъ Азова, вошли торжественно въ Москву 30-го сентября; вся Москва собралась для привѣтствія юнаго царя, который въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ и съ протозаномъ въ рукѣ, шелъ пѣшкомъ передъ морскимъ региментомъ за великолѣпною колесницею адмирала (Лефорта) отъ Серпуховскихъ воротъ до самаго Преображенскаго [49]).

Настало новое время, когда безпорядочный обычай вести войны, «смѣху достойный», долженъ былъ уступить мѣсто обычаю войскъ, хорошо устроенныхъ, дисциплинированныхъ, регулярныхъ.

Но опыты первыхъ лѣтъ Сѣверной войны, въ которые завоевана была Ингрія, показали, что сдѣланнаго Петромъ I далеко недостаточно для веденія наступательной войны съ своимъ знаменитымъ противникомъ на сѣверѣ, у котораго были превосходно организованныя войска, сильный флотъ, образованные и опытное генералы и офицеры.

Въ началѣ Сѣверной войны средства Россіи оказались слишкомъ слабыми для *овладѣнія небольшимъ ключкомъ земли на берегу Балтійскаго моря*, какъ необходимаго проводника для развитія морскаго могущества Россіи, распространенія торговли и поднятія просвѣщенія черезъ сближеніе съ цивилизованнымъ западомъ,

---

[49]) *Устряловъ*, т. II, стр. 279—302. *Ласковскій*, ч. II, стр. 67—88. Въ аграду Шеину и главнымъ начальникамъ даны: золотыя медали, кубки, кафтаны золотые на соболяхъ и вотчины. Прочимъ чинамъ соразмѣрныя награды. Рядовымъ солдатамъ и стрѣльцамъ по золоченой копѣйкѣ. Входъ въ Москву побѣдителей совершенъ былъ торжественно по особому церемоніалу: 16 знаменъ турецкихъ тащили по землѣ солдаты; за ними вели плѣннаго татарина Аталыка; за Преображенскимъ полкомъ слѣдовалъ измѣнникъ Яковъ Янсенъ въ чалмѣ, окованный цѣпями, окруженный орудіями пытки, съ двумя палачами по сторонамъ, на телѣгѣ въ четыре лошади, подъ висѣлицею, съ петлею на шеѣ, съ надписью на груди „*злодѣй*“; на перекладинѣ висѣлицы были слова: *перемѣною четырехъ вѣръ Богу и измѣною возбуждаетъ ненависть турокъ, христіанамъ злодѣй;* надъ головою висѣло изображеніе полумѣсяца и звѣзды, съ надписью: *ущербъ луны*. За Гордономъ передъ Бутырскимъ полкомъ шли плѣнные турки и валахи въ своихъ бѣлыхъ полотняныхъ платьяхъ въ забояхъ. Плѣнныхъ турокъ изображали переодѣтые солдаты Бутырскаго полка. Gordon. Tagebuch, III.

Около 85-ти лѣтъ тому назадъ, во время переговоровъ въ Столбовѣ Густавъ Адольфъ писалъ слѣдующее: «...Кексгольмъ, Нотеборгъ, Яма, Копорье и Ивангородъ составляютъ ключи Финляндіи и Лифляндіи и заграждаютъ Балтійское море отъ Россіи. Если бы мы возвратили Нотеборгъ или Ивангородъ, или оба города вмѣстѣ, и если бы Россія подозрѣвала собственное свое могущество, то близость моря, рѣкъ и озеръ, которыхъ она до сихъ поръ не имѣла, дали бы ей возможность не только вторгнуться въ Финляндію со всѣхъ сторонъ и во всякое время года, но даже, благодаря ея огромнымъ средствамъ и неизмѣримымъ предѣламъ, покрыть Балтійское море своими кораблями, такъ что Швеція безпрестанно подвергалась бы опасности» [50]).

Петръ I овладѣлъ, однако, этимъ клочкомъ земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исподволь, съ большими жертвами, подготовилъ свою полурегулярную армію и средства Россіи для продолженія войны, начатой при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ, съ молодыми, плохо выученными солдатами и мало образованными, совершенно неопытными офицерами, при чемъ въ администраціи господствовали еще старыя начала помѣстной, приказной системы, а въ законахъ вводились новыя нормы для предупрежденія преступленій опасныхъ въ военное время при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, при атакѣ и штурмѣ и т. п.

7. Начало войны съ Швеціей, безпорядки въ администраціи, завоеваніе Ингріи.

Пораженіе подъ Нарвою (19 ноября 1700 г.) убѣдило Петра, что сдѣланнаго имъ для устройства войскъ съ 1683 по 1699 г. недостаточно, что его полуустроенная и плохо обученная армія неспособна дѣйствовать противъ опытныхъ въ боевомъ отношеніи шведовъ даже за земляными окопами, что въ ней нѣтъ ни воинскаго порядка, ни дисциплины, нѣтъ опытныхъ начальниковъ и образованныхъ офицеровъ, нѣтъ искусныхъ инженеровъ и артилеристовъ. Нужно было произвести реформы во всѣхъ направленіяхъ, чтобы вести рѣшительную борьбу съ молодымъ королемъ, предводившимъ

---

[50]) *Ласковскій*, II, 88, 89.

арміей, обоснованной геніемъ Густава Адольфа, который указалъ своимъ преемникамъ способы для тактическаго образованія и нравственнаго воспитанія солдатъ и офицеровъ [51]).

Заключенное Петромъ перемиріе съ Турціей на 30 лѣтъ и союзные договоры съ королемъ датскимъ и великимъ курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ, избраннымъ въ польскіе корол., оказались или мало надежными, или непрочными, и Петру I для уравновѣшенія своихъ силъ съ противникомъ предстояло поднять необъятный трудъ: въ короткое время переустроить и воспитать войска, создать флотъ, преобразовать всѣ отрасли государственной администраціи, улучшить матеріальный бытъ солдата, дать имъ искусныхъ начальниковъ и образованныхъ офицеровъ, открыть источники для пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ къ продолженію начатой войны съ Карломъ XII, которому рѣшительная побѣда подъ Нарвою открыла, казалось, свободный путь въ самое сердце Россіи.

Сколько серьезныхъ задачъ въ одно и то же время приходилось разрѣшать молодому государю, пылавшему безграничною любовью къ своему отечеству и дорожившему его честью «паче живота своего!» Пользуясь изданными въ 1887, 1889 и 1893 годахъ академикомъ Бычковымъ «Письмами и бумагами Петра Великаго», съ 1688 по 1705 годъ, мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ за образомъ дѣйствій русскихъ войскъ въ первые четыре пять лѣтъ послѣ пораженія подъ Нарвою, при старыхъ, еще не отжившихъ порядкахъ относительно способовъ содержанія, вооруженія, снаряженія и комплектованія войскъ, въ составѣ которыхъ находимъ лишь

---

[51]) Пособіемъ для настоящаго очерка, кромѣ сочиненій о великой Сѣверной войнѣ извѣстныхъ нашихъ военныхъ писателей: Карцова, Гудимъ-Левковича, Пузыревскаго («Состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго»), Ласковскаго («Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи»), служили слѣдующіе источники: *«Журналъ или Поденная записка Петра Великаго»*, изд. 1772 г.; *«Письма Петра Великаго къ графу Борису Петровичу Шереметеву»*, изд. 1744 г.; *«Тетрати записныя* всякимъ письмамъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ», изд. 1774 г. Особенно *«Письма и бумаги Петра Великаго»*, изданныя академикомъ *А. Бычковымъ*, т. I, съ 1688 по 1701 г., изд. 1887 г., т. II, 1702 и 1703 г., изд. 1889 г.; т. III, 1704 и 1705, изд. 1893 г. Кромѣ того, мы имѣли въ виду свое историческое изслѣдованіе во 2-мъ выпускѣ «Арт. Воин.», изд. 1886 г.

незначительную часть такъ-называемыхъ «стройныхъ», т.-е. регулярныхъ войскъ, да и они были разстроены Нарвскою катастрофою. Отъ погрома уцѣлѣли только пѣхотные полки Репнина: 10 полковъ новоустроенныхъ Низовыхъ и одинъ «старый» Бутырскій полкъ. Притомъ подъ рукою у Петра I не было теперь такихъ надежныхъ и усердныхъ сотрудниковъ, какими были Гордонъ и Лефортъ, умершіе въ 1699 г., Головинъ и Вейде, попавшіе въ плѣнъ.

Въ письмахъ Петра I, дополняемыхъ множествомъ объясненій и примѣчаній, встрѣчаемся постоянно съ такими же явленіями во время военныхъ дѣйствій въ Ингріи, Ингерманландіи и Кореліи, съ которыми насъ знакомятъ войны второй половины XVII стол. на южной и западной границахъ Московскаго государства [52]): недостатокъ въ способныхъ и знающихъ свое дѣло начальникахъ и офицерахъ, безпорядки въ перевозкѣ тяжестей, замедленія и упущенія въ пополненіи полковъ новоприбранными солдатами, побѣги подводчиковъ и солдатъ, грабежи, особенно казачьихъ и татарскихъ войскъ, неисправности въ денежномъ, кормовомъ и вещевомъ довольствіи войскъ и проч. [53]). Самые грабежи страны, занятой непріятельскими войсками, входили въ систему наступательныхъ дѣйствій; въ Лифляндіи въ этомъ отношеніи русскія войска въ началѣ XVIII в. не уступали войскамъ Іоанна Грознаго въ XVI ст. Это была послѣдняя плачевная дань старымъ порядкамъ.

Русской арміи, поступившей подъ начальство Бориса Петровича Шереметева и занимавшей въ началѣ 1701 г. укрѣпленные города Новгородъ и Псковъ, предстояло послать къ Динабургу вспомогательный корпусъ Репнина, силою въ 20 тысячъ войскъ, для поддержанія польскаго короля Августа (договоръ 26-го февраля 1701 г.), и удерживать со стороны Лифляндіи и Ингріи шведскія

---

[52]) «Арт. Воин.», вып. 2-й, стр. 80-я—155-я.

[53]) *Письма и бумаги Петра Великаго*, т. II, №№ 408-й, 409-й, 416 и 457-й, примѣчаніе къ №№ 457-му, 512-му и 514-му, объясненіе къ № 514-му, 529-му и 533-му и объясненіе къ № 533-му; письма Шереметева отъ 25-го мая 1703 г. о негодности полковниковъ, 542-й, 572-й и примѣчаніе, 573-й и примѣчаніе, 584-й и 603-й. См. еще «Письма къ Петру Великому отъ графа Б. П. Шереметева». Москва, 1774 г.; но въ этихъ письмахъ Петра I къ Шереметеву издателемъ сдѣланы были нѣкоторые существенные пропуски.

войска, послѣ того, когда Карлъ XII двинулся къ Ригѣ, оставивъ надалеко отъ нашей границы со стороны Дерпта корпусъ Шлипенбаха, силою въ 8000, а въ Ингріи—7-ми-тысячный корпусъ Кронгіорта [54]).

Составъ арміи, ея движенія и военно-искусство представляли смѣшеніе старыхъ началъ съ новыми: тутъ были и старые, и новоустроенные пѣхотные, и драгунскіе полки, и давно намъ знакомыя помѣстныя войска: московскихъ и новгородскихъ чиновъ и дворянъ, и донскіе, рейтары, и копейщики, и казаки городовые, и казаки яицкіе, малороссійскіе, черкасскіе, чугуевскіе калмыки. Главную часть арміи составляла конница. Всего болѣе затрудненій было съ артиллеріей: ее нужно было, можно сказать, создать; на пушки и мортиры пришлось собрать часть колоколовъ съ церквей и монастырей всего государства; «для Бога», писалъ Петръ Виніусу, изъ Воронежа 8-го апрѣля 1701 г., «поспѣшайте артиллериею, какъ возможно». Но въ изготовленіи орудій происходили остановки отъ пьянства и небрежности мастеровъ. Однако, Виніусу менѣе чѣмъ въ годъ удалось отлить болѣе 300 орудій—пушекъ, мортиръ, гаубицъ. За исключеніемъ двухъ полковъ гвардіи и «старыхъ» пѣхотныхъ полковъ, прочіе новоприбранные полки были

---

[54]) Въ началѣ декабря мѣсяца 1700 г., когда Петръ I приказалъ Шереметеву принять начальство надъ войсками, расположенными въ Новгородѣ и Псковѣ, состояло свѣжихъ войскъ до 30,000 человѣкъ, а именно: у генерала Репнина 12,000 пѣхоты—въ Новгородѣ, у Черкасскаго (малороссійскаго) гетмана—8,000 конныхъ и 10,000 пѣхоты; войска эти были готовы къ походу («*Письма и бумаги* , т. I, № 346-й). Отъ Нарвы къ Новгороду и Пскову вернулось совершенно разстроенныхъ войскъ 22,967 человѣкъ. Репнинъ съ своей дивизіей и съ однимъ старымъ полкомъ Бутырскимъ, не принимавшій участія въ сраженіи подъ Нарвою, дошелъ до Самры, откуда по указу возвратился въ декабрѣ въ Новгородъ; затѣмъ, въ апрѣлѣ 1701 г., Репнинъ съ 20,000 направленъ къ Динабургу. Слѣдовательно, у Б. П. Шереметева, за откомандированіемъ Репнина 18-го апрѣля съ 20,000 человѣкъ въ Динабургъ, оставалось свыше 32,000 человѣкъ, изъ коихъ до 10,000 въ Новгородѣ и Ладогѣ, подъ начальствомъ Апраксина, для наблюденія за Кронгіортомъ. Въ теченіе зимы сформировано въ Москвѣ изъ вольницы, отъ 17 до 30 лѣтъ, со всякаго чина людей 10 драгунскихъ полковъ, по 1,000 человѣкъ въ каждомъ. Къ веснѣ эти полки прибыли въ Псковъ. Между тѣмъ, малороссійскіе казаки съ гетманомъ отозваны въ Малороссію (Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 69-я и 70-я).

плохо вооружены и не знали никакого «ученья». А начальники и офицеры были ненадежны въ боевомъ дѣлѣ.

Посмотримъ, что говорится о господствовавшей неурядицѣ въ перепискѣ Петра Великаго.

Главнокомандующему, какъ видно изъ его докладовъ съ резолюціями Петра I, приходилось заниматься самыми мелочными вопросами; при немъ не имѣлось даже соотвѣтственныхъ служебно-административныхъ органовъ. Первые зародыши штаба при главнокомандующемъ мы видимъ изъ слѣдующихъ представленій Б. П. Шереметева и послѣдовавшихъ на нихъ резолюцій Петра I, 9-го февраля 1702 г., т.-е. спустя годъ послѣ принятія имъ начальства надъ арміею.

Ст. 12. «Надлежитъ быть при полкахъ, а паче же надобно въ военныхъ походахъ подъ часъ бою, для безстрашниковъ, которые не помнятъ обѣщанія своего, бѣгутъ съ бою, выбрать генерала гевалдигера». Резолюція: «*Выбрать изъ Москвичъ и дать ему на письмѣ должность его, также и артикулъ*».

Ст. 15. «Надлежитъ быть, и безъ того невозможно, два человѣка генеральныхъ адъютантовъ, одинъ человѣкъ генералъ-квартермистръ, чтобы были люди заобычные. «*Выбрать изъ царедворцовъ*».

Ст. 10. «Нужно надобно, и безъ того пробыть нельзя: генералъ-квартермистеръ, генералъ-аудиторъ, генералъ-гевалдигеръ. Въ тѣхъ чинахъ пристойно быть: князю Андрѣю княжъ Федорову сыну Шаховскому, Семену Матвѣеву сыну Хрущову, Козмѣ Семенову сыну Титову». «*Быть симъ въ тѣхъ чинахъ*» [55]).

---

[55]) «*Письма и бумаги*», т. II, №№ 408-й и 409-й. См. еще № 410, резолюціи на докладѣ Б. П. Шереметева по поводу формированія драгунскихъ полковъ: **Ст. 5-я** Надлежитъ быть генеральному писарю такъ же какъ и въ Преображенскомъ, чтобъ онъ вѣдалъ всѣ полковыя дѣла. Кому быть укажешь? «*Выбрать самому по разсмотрѣнію, кого похочетъ*» (Тамъ же, стр. 25-я). **Ст. 4-я.** Три человѣкъ надобить генераловъ-адъютантовъ, самъ тебѣ докладывалъ о князѣ Борисѣ Куракинѣ, и есть-ли ему не укажешь, ис тѣхъ же вышеупомянутыхъ (т. е. изъ дворянъ годныхъ командовать полками) укажешь ли кому быть? Тѣхъ лучше не сыскать. А въ товарищи (т е. въ помощники къ Шереметеву) Ивана Андреева, сына Толстого: одному всего не управить. «*Толстому быть адъютантомъ или къ иному дѣлу годитца, а въ товарищахъ не быть для того, что товарищъ всегда почитаетца фелтмаршалкомъ другимъ и выше всѣхъ протчихъ генераловъ, и для того другимъ въ томъ будетъ обида. А для управленія*

Многіе изъ командировъ полковъ не удовлетворяли своему назначенію: Ст. 3-я. «Въ полкахъ драгунскихъ плохи полковники: Өедоръ Новиковъ—старъ и увѣченъ; князь Иванъ Львовъ—старъ и въ конецъ бѣденъ и несносно ему полковъ править; третей князь Никита Мещерской—сухотная болѣзнь; и Ефимъ Гулицъ—лутчи ему быть у пѣхоты; Михайло Ждановъ—всемѣрно и несносно дѣло свое править». Полковники въ новоприбранныхъ солдатскихъ полкахъ никуда не годились: «а у тѣхъ салдатъ полковники выбраны съ Москвы ни къ чему годные и пьяны, только лутчее ружье и людей задолжили; а, не росписавъ ихъ по старымъ полкамъ, ничево въ нихъ не будетъ, только на стыдъ да на печаль».

«Непослушны воеводы, затѣмъ чинитца всякое замедленіе, и дѣлаютъ мнѣ всякую противность, хотя меня видѣть въ нѣкакомъ порокѣ. Изъ Смоленска февраля по 21-е число не высланы нѣтчики и къ дѣламъ приставлены, у которыхъ и быть не надлежитъ, лутчіе и богатые люди, а бѣдныхъ, старыхъ и увѣчныхъ присылаютъ по два да по три человѣка, которымъ отнюдь служить нельзя, и я такихъ не держу, отпущаю» [56]).

Опять пришлось обратиться къ призыву иноземныхъ генераловъ и офицеровъ, и на этотъ разъ въ широкихъ размѣрахъ, поручая имъ не только полки, но и бригады, дивизіи, даже всю армію [57]). Эта неизбѣжная потребность выразилась въ манифестѣ 16-го апрѣля 1702 г. и въ сношеніяхъ черезъ Паткуля и Боура о приглашеніи Огильви или Флемминга. Но, пока явились иноземные полковники,

---

выбрать добрыхъ генералъ-адъютантовъ у себя въ полку (т. е. въ арміи), или въ Москвѣ писать имянно о комъ (Тамъ же, стр. 25-я).

[56]) «*Письма и бумаги*», т. II, стр. 24-я, 25-я и 556-я. Дѣло по этой статьѣ (6-й доклада Шереметева 1702 г.) Петръ приказалъ разсмотрѣть Тихону Никитину (Стрешневу) и чинить указъ. Но и указы, какъ видно, мало помогали. См. примѣчаніе къ письму № 533-й, стр. 556-я, о полковникахъ въ маѣ 1703 г.

[57]) Въ апрѣлѣ 1702 г. сдѣланъ вызовъ иностранныхъ офицеровъ и генераловъ. *Письма и бум.*, II, манифестъ 16 апрѣля на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, № 421-й, стр. 39-я—44-я. См. что сказано по этому поводу въ выпускѣ 2-мъ «Арт. Воин.», гл. III, стр. 158-я и слѣд. Но послѣ Нарвы иностранные генералы и офицеры идутъ на службу къ царю не особенно охотно; кромѣ Саксоніи и добыть ихъ негдѣ, вслѣдствіе возгорѣвшейся войны за Испанское наслѣдство.

генералы, приходилось довольствоваться иноземцами прежнихъ призывовъ.

Призывая вновь на русскую службу иноземныхъ офицеровъ и начальниковъ, Петръ I въ статьѣ 3-й своего манифеста отъ 16-го апрѣля 1702 г. объявляетъ объ учрежденіи въ русской арміи «тайной военной думы— *колегіума* или собранія съ президентомъ, совѣтниками, секретарями и иными канцелярскими служителями», *судовъ полковыхъ* и надъ ними *генеральнаго воинскаго суда*, и о предстоящемъ составленіи «воинскихъ статей» (названныхъ впослѣдствіи воинскими артикулами) [58]).

Своевременная высылка рекрутъ для укомплектованія полковъ задерживалась разными затрудненіями, особенно побѣгами. Несмотря на постоянныя требованія Петра I присылать скорѣе солдатъ для предстоящей кампаніи ранней весною 1703 г., съ цѣлью овладѣнія крѣпостями, Копорьемъ и Ямомъ, *новоприбранные* въ солдаты люди могли прибыть къ мѣсту назначенія не ранѣе начала іюня мѣсяца. Т. Н. Стрешневъ писалъ 7-го мая: «И до сего, государь, писма отпущено два полка въ дополненіе палковъ; велѣно имъ итить съ поспѣшеніемъ; а третей полкъ отпущу вскорѣ. А еще сколка зберу, и пришлю. Ис присланныхъ изъ гарадовъ бѣглецовъ много; послалъ въ горады въ другой рядъ бѣглецовъ сыскивать, и отъ зборшиковъ каторые ухоранивались сыскивать и высылать съ наказаньемъ; и вновь збираютъ. Истинно, государь, дѣлаю неоплошна». «Салдаты посланы дабры, только не учены, и учить было некогда, а платья плоха. А деньги кормавые даны и подъемные, истѣхъ и лошади покупали, для того что подводъ имъ не дано. Ещо

---

[58]) Такимъ образомъ объясняется происхожденіе воинскаго устава о наказаніяхъ, извѣстнаго подъ названіемъ: «Уложеніе, или право (во)инскаго поведенія, генераламъ, среднимъ и меньшимъ чинам и рядовым солдатам». Списки этой рукописи, не совсѣмъ исправные, находятся въ Императорской публичной библіотекѣ и въ бывшемъ Румянцовскомъ музеѣ. См. наше изслѣдованіе: «Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ». СПб., 1887 г., стр. 22—25-я, цит. 16-й и 17-й. Въ февралѣ 1702 г. Петръ приказалъ напомнить Виніусу, черезъ Т. Н. Стрешнева, объ *ускореніи имъ перевода военныхъ правъ*. Тогда же возникла въ нашей арміи должность аудитора, о которой только упоминается въ уставѣ А. Вейде 1698 г. См. наше изслѣдованіе: Періодъ преобразованій Петра Великаго». СПб., 1881 г., стр. 93-я.

донашу: тѣ новые салдаты прикладываютъ себѣ балѣзни и воласы склакачиваютъ; и я ихъ, каторые лгутъ, билъ» [59]).

Бѣгали также и подводчики. Петръ приказывалъ Стрешневу: «изволь немедленно сихъ проклятыхъ бѣглецовъ (о чемъ будетъ писать, который принимаетъ) сыскать, и сыскавъ, всѣхъ бить кнутомъ и уши рѣзать, да сверьхъ того пятаго съ жеребья съ ними сослать на Таганрогъ, коли будутъ, для того чтобъ не разбѣжалися въ Польшу» [60]).

Нѣтчики не переводились, не смотря на уголовныя наказанія, соединенныя съ отнятіемъ помѣстій и вотчинъ [61]).

Между тѣмъ убыль въ полкахъ была весьма значительная; лошали приходили въ негодность отъ дурнаго ухода и недостаточнаго корма, люди болѣли и умирали, вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи и другихъ неблагопріятныхъ условій при размѣщеніи войскъ въ «обозѣ» и на работахъ. Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, посланный Петромъ I въ Ямы, осенью 1703 г., для «обереженія отъ непріятельскихъ войскъ того города и уѣздовъ Ямскаго и Копорскаго», писалъ къ царю 28-го августа 1703 г. между прочимъ слѣдующее: «И я по тому указу итти и по обѣщанію своему служить и волю твою государеву исполнять и самою одною своею головою готовъ. По драгунъ и по лошеди, которые были на работѣ отъ Шлотбурха (т. е. отъ Петербурга) верстахъ во штидесятъ, и по свои клячи, которые для безкормицы были на Лавуѣ, послалъ того жъ числа. И перевозитца рѣку Неву стану тотчасъ судами; а плавить лошадей невозможно: вѣтры великіе, а лошеди самые худые, которымъ не только бъ осеннюю нужду терпѣть, и нынѣ отъ худобы многіе помираютъ... А о ратныхъ людехъ, сколько ихъ нынѣ у меня и съ чѣмъ мнѣ повелѣно итти, тебѣ, государю доношу. Въ обѣихъ

---

[59]) *«Письма и бумаги»*, II, стр. 529-я. См. о бѣглыхъ солдатахъ и драгунахъ *«Арт. Воин.»*, вып. 2-й, стр. 701-я—730-я.

[60]) *«Письма и бумаги»*, II. Письмо отъ 22-го сентября 1792 г. № 457-й, стр. 87-я. *«Арт. Воин.»*, вып. 2-й, о наказаніи бѣглыхъ и укрывателей, стр. 703-я и слѣд.

[61]) *«Письма и бумаги»*, II. Письмо къ Т. Н. Стрешневу, отъ 24-го іюня 1703 г., № 542, стр. 182-я: а которые не станутъ на смотръ (къ 15-му августа, въ Петербургѣ), и тѣхъ сыскивать и сажать, сковавъ, по тюрьмамъ до указу, а помѣстья и вотчины, дворы и животы описывать, и послать указъ о томъ въ Помѣстной приказъ». См. еще *«Арт. Воин.»*, вып. 2-й, стр. 706-я.

драгунскихъ полкахъ было у меня тысяча семсотъ семдесятъ человѣкъ, и ис тѣхъ больныхъ отпущено четыреста человѣкъ, за ними жъ для надзиранія на десятокъ по человѣку, да съ лишними лошедми и которые отъ больныхъ осталисъ послано на кормъ тридцать человѣкъ; затѣмъ со мною будетъ здоровыхъ тысеча триста. Да у меня жъ нищихъ (sic), которые присланы, Москвичъ и съ пѣшими пятьдесятъ, да Новгородцовъ всѣхъ сто пятнадцать человѣкъ; и тѣ оставлены: никуда негодные; которые были нарочитые, всѣ взяты отъ меня къ Борису Петровичу (Шереметеву) и въ Кононову роту Елагина. И низовой полкъ с'Ываномъ Бахметевымъ отъ меня взятъ же. И съ такимъ малюдствомъ, безъ пѣхоты, что мнѣ дѣлать и какъ отъ приходу непріятельскихъ войскъ Ямы города въ такомъ ближнемъ мѣстѣ отъ Ругодева... оберегать и гдѣ мнѣ стоять—не знаю, и никакого о томъ указу не имѣю» [62]).

Шереметевъ писалъ изъ Пскова въ ноябрѣ 1702 г.: «Великая мнѣ печаль принеслась въ лошадяхъ драгунскихъ, зѣло худы отъ безкормицы». Сѣна во Псковъ не доставлено, овесъ съ дворцовыхъ волостей не собранъ. «Посланы указы, а лошади помираютъ». «Лошади, которые пригнаны съ Москвы въ Новгородъ Великой, въ нихъ упадокъ учинился большой; опять полки драгунскіе Петра Матвѣевича будутъ бесконны» [63]).

---

[62]) *«Письма и бумаги»*, II, стр. 628-я. Слѣдуетъ замѣтить, что Б. П. Шереметевъ долженъ былъ выступить изъ крѣпости Ямъ 15-го августа съ 10-ю драгунскими полками и съ частью казаковъ и татарами въ Лифляндію на рижскую дорогу и, затѣмъ, возвратившись къ Печорскому монастырю, распустить полки по тѣснымъ квартирамъ (по станціямъ). См. докладъ съ резолюціями отъ 15-го августа 1708 г., № 572-й, стр. 233-я и 234-я.

[63]) *«Письма и бумаги»*, II, стр. 441-я. Письма къ Петру Великому графа Шереметева, ч. I, стр. 128—130-я. Въ февралѣ 1702 года, т. е. менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ сформированія 10-ти драгунскихъ полковъ, фельдмаршалъ въ п. 16-мъ доклада указывалъ на необходимость прислать на пополненіе убыли въ девяти драгунскихъ полкахъ 2,059 лошадей и множество предметовъ снаряженія. «Естли не будутъ по сей росписи присланы драгунамъ лошади и припасы, а съ ними итить въ походъ съ безружейными нельзя, чтобъ какого безславія не принесть, а за малолошадствомъ будетъ безлюдно». *Тамъ же*, II, стр. 12-я. Въ резолюціи своей Петръ I обѣщаетъ удовлетворить требованіе, но недоставку какихъ-либо 500 ружей не считаетъ препятствіемъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ Шереметева.

Между тѣмъ Карлъ XII, нанеся пораженіе саксонскимъ войскамъ у переправы черезъ р. Двину близъ Риги, направился въ Курляндію, предоставивъ Шлипенбаху и Кроніорту самимъ защищать Лифляндію, Ингрію и Ингерманландію, опираясь на многочисленныя, но большею частью малозначительныя крѣпости. Петръ I пользуется этими обстоятельствами и настойчиво, не теряя времени, твердо и неуклонно идетъ къ намѣченной цѣли—къ *завоеванію Ингріи.*

Несмотря на очевидное неустройство своихъ войскъ, недостатокъ въ способныхъ начальникахъ и знающихъ офицерахъ, на множество административныхъ погрѣшностей и затрудненій, Петръ Великій въ теченіе четырехъ лѣтъ достигаетъ своей цѣли. По мѣрѣ успѣховъ въ полѣ надъ Шлипенбахомъ и Кроніортомъ (при Эрестферѣ въ 1701 г., Гумоловѣ и на рѣкахъ Тоснѣ и Ижорѣ въ 1702 г.), онъ подготовляетъ своевременно необходимыя матеріальныя средства и силы для овладѣнія непріятельскими крѣпостями *Нотебургомъ*, *Копорьемъ*, *Ямами* и *Ніеншанцемъ*, *Дерптомъ* и, наконецъ, сильно укрѣпленною *Нарвою*. Онъ овладѣваетъ этими крѣпостями съ небольшою частью испытанныхъ солдатъ и офицеровъ, въ которыхъ примѣромъ своей неусыпной дѣятельности, мужества и любви къ отечеству высоко поднимаетъ нравственный духъ и неразлучную съ нимъ воинскую дисциплину. Не взирая на видимыя матеріальныя затрудненія, Петръ I уже въ самомъ началѣ Сѣверной войны подготовляетъ въ русской арміи испытанное войско, привычное къ боевымъ тягостямъ, увѣренное и въ собственныхъ силахъ, и въ геній своего юнаго царя-полководца [64]).

---

[64]) Въ сраженіи при Эрестферѣ, 29-го декабря 1702 г., у Шереметева было до 8,000 пѣхоты и драгунъ, съ казаками, калмыками и татарами, при 15 полевыхъ орудіяхъ; у Шлипенбаха—не болѣе 7,000 человѣкъ, расположенныхъ по деревнямъ на зимнихъ квартирахъ Въ сраженіи при Гумоловѣ, 18-го іюля 1802 года, у Шереметева было тысячъ до 30 (8 полковъ пѣхоты, 9 полковъ драгунъ, 3 полка рейтаръ, гусаръ и копейщиковъ), а съ казаками, татарами и калмыками до 40 тыс.;—у Шлипенбаха, вѣроятно, не болѣе 10,000, при чемъ была истреблена почти вся шведская пѣхота. *Устряловъ*, т. IV, ч. I, стр. 112-я—119-я *Ласковскій* «Истор. инж. иск.», т. II, стр. 121-я, 129-я, 155-я и 288-я. Нотебургъ, названный Шлюссельбургомъ, сдался на капитуляцію послѣ штурма, бывшаго 11-го октября 1702 г.; Ніеншанцъ сдался на капитуляцію 1-го мая 1703 г. и потомъ, 14-го и 18-го мая, сдались небольшія крѣпости Ямы

И важные, и неважные, даже мелочные вопросы, возбуждаемые фельдмаршаломъ Шереметевымъ и Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, проходятъ черезъ цензуру Петра I, который, внимательно слѣдя за дѣйствіями Карла XII, даетъ предписанія Шереметеву и Апраксину для нанесенія ударовъ Шлипенбаху и Кроніорту. Отъ начальниковъ и судей, сидящихъ въ московскихъ приказахъ, отъ Ромодановскаго, Стрешнева, Виніуса онъ требуетъ быстраго исполненія, выговариваетъ или критикуетъ ихъ дѣйствія въ ущербъ общаго блага—«пользы Отечества».

Обратимся къ частнымъ распоряженіямъ Петра I и прослѣдимъ вкратцѣ ходъ военныхъ дѣйствій съ цѣлью завоеванія Ингріи. Поручивъ командированіе русскими войсками, собранными въ Новгородѣ и Псковѣ, Борису Петровичу Шереметеву, Петръ I, въ самомъ началѣ 1701 г., приказываетъ докончить укрѣпленія этихъ опорныхъ пунктовъ. Въ концѣ іюля, послѣ пораженія Саксонскаго корпуса Штейнау близъ Риги, корпусъ Репнина возвращается, и Петръ дѣлаетъ распоряженіе о средоточеніи части русскихъ войскъ къ Пскову, гдѣ 2-го октября поручаетъ Борису Шереметеву, чтобы онъ, въ соединеніи съ генераломъ Чамберсомъ, съ отрядами Апраксина и князя Щербатова предпринялъ наступательныя дѣйствія въ Лифляндію [65]). Генеральный зимній походъ за «Свѣйской рубежъ»

и Копорье; Нарва сдалась, послѣ довольно продолжительной осады и штурма, 9-го августа 1704 г., а Дерптъ сдался нѣсколько ранѣе, 13-го іюля 1704 д. *Журналъ* или *Поденная записка*, ч. I, о ночномъ нападеніи при Эрестферѣ осенью 1701 г., и о сраженіяхъ при *Гумоловѣ* (Гумельсгофѣ) и на р. *Ижорѣ* въ 1702 г. «Письма и бумаги», т. I, № 395-й стр. 879-я, т. II, № 444-й и 448-й, стр. 391-я.

[65]) «*Письма и бумаги Петра Великаго*», ч. I, №№ 410-й, 411-й, 422-й и 461-й, примѣчаніе стр. 863-я, 474-я, примѣчаніе стр. 378-я. «Да въ томъ же походѣ быть изъ Новгорода генералу-маіору Чамберсу, изъ Ладоги—изъ полку господина Апраксина Новгородскаго разряду, московскаго чина людемъ 198 чел. сотенные службы 216 человѣкъ, да изъ полку князя Щербатаго Новгородскаго полку гусаромъ 479 человѣкъ, копейщикомъ—360 человѣкъ, рейтаромъ—1,904 человѣка, и стать имъ въ Псковѣ ноября въ послѣднихъ числахъ, а кончая декабря 1-е числа 1701 г.». Бывшія же ранѣе на службѣ (съ марта мѣсяца) московскаго чина люди, слобоцкіе черкасы, смоленская шляхта и низовая сила подлежали разбору: «выбрать изъ лутчихъ людей, а достальныхъ отпустить въ домы, но съ тѣмъ, чтобъ были готовы къ походу, въ случаѣ

ознаменовался пораженіемъ шведскаго генерала Шлипенбаха 29-го декабря 1701 г. въ ночномъ нападеніи при Эрестферѣ [66]). Шведы потеряли болѣе 3,000 чел. убитыми и 350 плѣнными, шесть орудій, восемь знаменъ и штандартовъ. Потеря русскихъ опредѣлялась въ 1,000 чел. Шереметевъ разорилъ Юрьевскій (Дерптскій) уѣздъ, взялъ еще 140 плѣнныхъ шведовъ, «а сколько чухны—нельзя опредѣлить, потому что черкасы (казаки) по себѣ ее разобрали, я отнимать не велѣлъ, чтобы охочѣе были».

Въ самомъ началѣ 1702 году у Петра Великаго было намѣреніе овладѣть по льду крѣпостью Нотебургомъ (Орѣшкомъ) частью надежныхъ войскъ (Преображенскаго, Семеновскаго и двухъ драгунскихъ полковъ), при чемъ Шереметевъ, оставивъ во Псковѣ гарнизонъ, со всѣми войсками конными и пѣшими (которыхъ было до 13-ти тысячъ) долженъ былъ выступить на Самру, и «тутъ стаоъ, смотреть на об(о)роты непріятельския», не допуская его къ Канцамъ и Орѣшку [67]).

Но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, очевидно, вслѣдствіе не вполнѣ удовлетворительнаго состоянія русскихъ войскъ; изъ доклада Шереметева зимою 1702 г. видно, что для ихъ устройства, укомплектованія, снабженія запасами требовалось немало времени; оттого военныя операціи могли быть начаты не ранѣе іюня мѣсяца 1702 г. [68]). Весною этого года, по мнѣнію Петра,

---

нужды». Обстоятельное описаніе сраженія при Эрестферѣ у Устрялова, т. IV, ч. I., стр. 112 - 114-я.

[66]) Извѣщая о побѣдѣ, Чамберсъ писалъ Петру 1-го января 1702 г.: «повидимому, признано такъ, побито шведовъ тысячи съ три и больше, и взялъ (Шереметевъ) въ полонъ шведовъ.... А генералъ-маіоръ Шлипенбахъ ушелъ ночью з достальнымъ войскомъ до Риги, а бой начался быть въ оддачю ночныхъ часовъ, кончился на оддачю-же дневныхъ часовъ» *Тамъ же*, стр. 879. Ср. матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба, стр. 81—82-я т. I СПб. 1871 г. Шлипенбахъ отступилъ въ Дерптъ.

[67]) Собственноручный *наказъ Борису Петровичу Шереметеву*, 13-го января 1702 г., въ восьми пунктахъ. Требовалось собрать свѣдѣнія о шведскомъ королѣ (у котораго не болѣе 18,000 войскъ) и о Кроніортѣ, гдѣ онъ находится и сколько съ нимъ войскъ. Для подъема Новогородскаго отряда (четыре полка) полагалось собрать 3,000 подводъ (которыя распущены и велѣно кормить въ ближнихъ мѣстахъ). *Письма и бумаги*, II, № 405, стр. 3—5.

[68]) *Тамъ же*, II №№ 408-й, 415-й и 416-й. Шереметевъ спрашивалъ Петра какъ полагается вести нынѣшнюю войну: наступательно или оборонительно.

слѣдовало дѣйствовать оборонительно, но если позволятъ обстоятельства, то нѣкоторыми частями можно дѣйствовать и наступательно, только при благопріятныхъ условіяхъ можно было рѣшиться на общее наступленіе: «также, если увидитъ (Шереметевъ) зѣло доброй и безопасной способъ наступать и генерально, не списываясь».

По плану, составленному въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1702 г., ладожскій воевода П. М. Апраксинъ, съ корпусомъ силою свыше 12,000 человѣкъ, долженъ былъ наступать со стороны Ладоги по лѣвому берегу Невы, стараясь очистить Ингрію отъ войскъ непріятельскихъ и утвердиться въ важнѣйшихъ пунктахъ: «непріятеля всякими возможностями приводити да потщаться; удобство же земли да соблюдется» [69]). Одновременно съ наступленіемъ Апраксина, Б. П. Ше-

---

Въ случаѣ наступательной войны, надобно велѣть приготовить ратныхъ людей, чтобы татары, калмыки, казаки донскіе и малоросійскіе явились во Псковъ къ 1-му числу іюня мѣсяца «съ полными припасы конны и оружейны». Въ случаѣ войны оборонительной, всѣ эти ратные люди могутъ прибыть попозже. Кромѣ того, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій гетманъ долженъ былъ снарядить малороссійское войско для движенія черезъ польскую границу. Въ своей резолюціи Петръ обѣщаетъ удовлетворить требованіе Шереметева по снаряженію ратныхъ людей; только выражалъ сомнѣніе въ необходимости наряда москвичей: «можно послать человѣкъ сто и больши, а всѣмъ быть не для чего, для того, что дѣло ихъ было вѣдомо».

[69]) Т.-е. Петръ въ своей резолюціи на докладѣ П. М. Апраксина приказывалъ стараться разбить непріятеля, *отнюдь не разоряя жителей страны*, п. 7 и 8. На основаніи этого доклада въ составъ войскъ Апраксина должны были войти: москвичъ 1,000 добрыхъ, московскіе чины и новгородцы съ городовыми, принадлежащими къ Новгороду, три драгунскихъ полка изъ Новгорода, калмыковъ и донскихъ казаковъ 2,000; низовыхъ съ Бахметевымъ и яицкихъ по наряду изъ Казанскаго дворца; итого не менѣе 6,000 конницы, большею частью иррегулярной; пѣхоты: семь полковъ, въ которыхъ числилось урядниковъ и рядовыхъ 6,476 человѣкъ. На время компаніи Апраксину подчинялся олонецкій воевода, у котораго считалось до 6,000 солдатъ. «Резолюція на докладѣ П. М. Апраксина, 27-го апрѣля 1702 г.». «*Письма и бумаги*», II, № 429-й. П. М. Апраксинъ былъ воеводою въ Ладогѣ; между имъ и Б. П. Шереметевымъ отношенія не были хорошія. *Тамъ же*, стр. 334-я. Олонецкимъ воеводою былъ тогда стольникъ князь Семенъ Ѳедоровичъ Барятинскій. Калмыковъ и татаръ назначено къ Апраксину 900 человѣкъ, казаковъ 1,500 человѣкъ. На Ладожскомъ озерѣ была флотилія изъ казаковъ. О новгородской конницѣ Апраксинъ отзывается какъ о лапотникахъ. *Тамъ же*, стр. 355-я — 357-я. Но не видно, всѣ-ли эти войска дошли до Апраксина. Онъ жаловался

реметевъ долженъ былъ произвести диверсію движеніемъ къ Дерпту. Между тѣмъ Я. В. Брюсъ и Т. Н. Стрешневъ должны были озаботиться заготовкою матеріаловъ, необходимыхъ для осады Орѣшка [70]). Шереметевъ выступилъ изъ Пскова 12-го іюля и 18-го іюля разбилъ Шлипенбаха на голову при *Гумоловой мызѣ*, или *Гумалѣ* (Гумельсгофѣ). Послѣ такой побѣды фельдмаршалъ, по старому обычаю, могъ свободно разорять непріятельскую страну. При Гумалѣ легла почти вся шведская пѣхота; Шлипенбахъ бѣжалъ въ Пернау; вся Лифляндія, за исключеніемъ мѣстностей, прилегавшихъ къ Ревелю, Пернау, Ригѣ, была разорена изъ конца въ конецъ; богатыя мызы лифляндскихъ бароновъ обращены въ развалины. Палъ Маріенбургъ, откуда вывезена знаменитая плѣнница Екатерина Скавронская, будущая супруга Петра Великаго, императрица Екатерина I. Всего вывезено плѣнныхъ во Псковъ до 12,000 чел. [71]).

П. М. Апраксинъ, не получая обѣщаннаго количества войскъ, затруднялся открывать наступательныя дѣйствія противъ генерала Кроніорта, который, переправившись на лѣвый берегъ Невы, занялъ укрѣпленныя позиціи на рѣкахъ Тоснѣ и Ижорѣ, имѣя на Дудоровой мызѣ (Дудергофѣ) сильный отрядъ пѣхоты въ укрѣпленномъ лагерѣ. Дѣйствія противъ шведовъ, повидимому, съ одною кон-

---

на неприбытіе конницы и вообще на недостатокъ войскъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Кроніорта послѣ сраженія на р. Ижорѣ.

[70]) *Письма и бумаги*, №№ 432-й, 438-й и 439-й. См. еще примѣчанія о заготовкѣ Брюсомъ въ Новгородѣ для осады: мѣшковъ, лопатъ, кирокъ, мотыгъ, лѣстницъ и т. п., стр. 376-я и слѣд. *Устряловъ*, т. IV, ч. I, стр. 195-я; II, стр. 198-я. Свѣдѣнія о Ладожскомъ озерѣ и Невѣ были собраны еще въ маѣ мѣсяцѣ 1701 г.

[71]) *Журн. Петра Великаго*, I, стр. 39-я - 42-я. *Устряловъ*, т. IV, ч. I, стр. 117-я — 126-я. Русскій авангардъ былъ опрокинутъ на главныя силы Шереметева; посланные въ подкрѣпленіе преображенскіе драгуны и другіе полки были также отражены съ потерею двухъ пушекъ, трехъ гаубицъ, обоза и знаменъ; дѣло казалось проиграннымъ. Шереметевъ, переправившись черезъ Эмбахъ съ пѣхотою, послалъ на помощь три пѣхотныхъ полка: Лима, Айгустова и фонъ-Шведена; они остановили непріятеля, послѣ чего вся армія атаковала шведовъ съ фронта и съ фланговъ. Сраженіе кончилось въ 10 час. вечера. Оставаясь у Гумельсгофа трое сутокъ, Шереметевъ послалъ ратныхъ конныхъ людей во всѣ стороны жечь мызы и деревни; затѣмъ передвинулся въ Дерпту, все разоряя на своемъ пути. Кромѣ захваченныхъ въ плѣнъ 12,000 латышей и чухны, во Псковъ пригнано до 20,000 головъ скота.

ницею силою въ 3,500 чел. Апраксинъ началъ не ранѣе августа мѣсяца и ознаменовалъ свой походъ на лѣвомъ берегу Невы, отъ города Орѣшкова до Ижоры, страшными опустошеніями: «многі мызы великіе и всякое селеніе развоевали и разорили безъ остатку». 10-го августа шведы были выбиты изъ укрѣпленій на р. Тоснѣ (въ четырехъ верстахъ отъ Невы). «И ис той крѣпости отъ рѣки Тосны они, непріятельскіе люди, съ моеоромъ Беріемъ побѣжали съ пушками, оставя таборъ свой и розметавъ всякіе припасы». Апраксинъ, переправивъ свои войска черезъ р. Тосну, гналъ непріятеля до р. Ижоры (15 верстъ): «и побили много, и барабаны, и ружье, и лошади ихъ непріятельскіе сѣдланые многіе поимали, и пушечные станы и колеса взяли жъ; а пушки, бѣжавъ, они, непріятельскіе люди, бросили в'Ыжору рѣку......И тогож ъ, государь, числа и славную ихъ непріятельскую мызу Ижорскую взяли и иные многіе мызы побрали и разорили».

Варварскимъ образомъ дѣйствій П. М. Апраксина Петръ I, какъ и слѣдовало ожидать послѣ даннаго ему предписанія, остался недоволенъ [72]). «А что по дорогѣ разорено и выжжено, и то не зѣло пріятно намъ, о чемъ словесно вамъ говорено, и въ статьяхъ положено, чтобъ не трогать, а разорять или брать лутче городы (т. е. укрѣпленія), неже деревни, которыя ни малаго супротивленія не имѣютъ, а только своимъ безпокойствомъ (т. е. безпокойство). А промыселъ надъ людьми непріятельскими чинить, сколько Богъ дастъ помощи, къ лутчему, также скотъ надобно, сколько возможно, доставать. О конницѣ противъ письма вашей милости писалъ тотчасъ; также и пѣхота изъ Новагорода будетъ не мѣшкавъ» [73]).

---

[72]) Письмо Апраксина: «изъ обозу, перешедъ рѣку Тосну в' ыжорскую землю, до р. Ижоры за 10 верстъ, отъ мызы Дудоровщины за 35 верстъ. 1702 г., августа 10-го». «*Письма и бумаги*», II, стр. 386-я—388-я. Взятые въ плѣнъ шесть человѣкъ (прапорщикъ, три драгуна, барабанщикъ и солдатъ) показали, что генералъ Кроніортъ расположенъ въ Дудоровщинѣ. У шведовъ на р. Тоснѣ былъ «городокъ и отводные шансы, и поставлены три пушки».

[73]) Изъ пристани Нюхчи, августа 17-го дня 1792 г. «Письма и бумаги», № 444-й. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, отъ 24-го августа, изъ обозу съ непріятельской земли Ингріи, отъ рѣки Ижоры, Апраксинъ оправдывался такимъ образомъ: «до сей Ижоры рѣки по самой дорогѣ мызъ и деревень было рѣтко и немного, и нужды бъ въ нихъ походу нашимъ войскамъ не было; а еслибъ ихъ не пожечь, позади насъ въ тѣхъ селеніяхъ непріятельскіе люди

Предписывая Апраксину щадить жителей и имущество въ Ингріи, Петръ I, напротивъ, требовалъ отъ Б. П. Шереметева разоренія страны. занятой шведской арміей въ Лифляндіи. Это потому, что Петру I нужна была Ингрія, населенная и богатая, а не разоренная—съ нищими крестьянами и убогими мызниками. Обрадованный донесеніемъ о пораженіи Шлипенбаха при Гумоловой мызѣ (18-го іюля), онъ писалъ фельдмаршалу: «и для того извольте вы еще довольное время тамъ побыть, и какъ возможно землю разорить, или что иное знатное при Божіей помощи учинить, дабы непріятелю пристанища и сикурсу своимъ *городамъ* подать было не возможно» [74]).

Между тѣмъ 13-го августа Апраксинъ, съ отрядомъ въ 2,000 конницы, разбилъ генерала Кроніорта, занивавшаго съ частью своей конницы сильную позицію на р. Ижорѣ: «и не допустя насъ до той рѣки Ижоры, онъ, генералъ Кроніортъ, стоялъ съ конными своими съ многими полками и съ пушками убрався, хотя то поле и мѣсто сдержать и къ той рѣкѣ насъ не допустить». Бой продолжался съ семи часовъ утра до пяти часовъ пополудни: «побили ихъ, непріятельскихъ людей. много, и языковъ поимали, и нѣсколько знатныхъ ихъ приводцовъ побито». Кроніортъ, бросивъ «всякіе припасы». отступилъ къ своей пѣхотѣ въ урочище Дудоровщину, къ крѣпостямъ своимъ, которое мѣсто отъ насъ, отъ рѣки Ижоры, въ трехъ миляхъ [75]). Дальнѣйшіе успѣхи П. М. Апраксина въ Ингріи были

не только служивые и латыши были бъ непрестанно и нашимъ бы и въ проѣздехъ былъ излишней трудъ. А зжены, государь, мызы и всякое непріятельское селеніе близъ Невы и по обѣ стороны дороги не въ ближнихъ мѣстехъ; и тѣмъ непріятелю есть великая тѣснота въ хлѣбныхъ и въ конскихъ кормахъ, и когда въ землѣ ихъ пристанища имъ мало будетъ, тогда не только къ зимѣ, и въ осень война будетъ ихъ безсильна. А отъ Сарской, государь, мызы х Канцамъ и къ Дудоровской великой мызѣ, гдѣ нашимъ войскамъ будетъ нужда, жечь ничего не велѣлъ; о томъ накрѣпко твоимъ государевымъ указомъ заказъ учиненъ». *Примѣчаніе* къ № 444-му, стр. 389-я — 390-я. Такъ понималъ Апраксинъ царскій наказъ: «удобство же земли да соблюдется»! Скоро пришлось самому испытать, какъ невыгодно разорять жителей занятой страны.

[74]) *Тамъ же*, № 445-й, примѣчаніе, стр. 390-я.

[75]) *Письма и бумаги*, II, стр. 391-я и 392-я. Апраксинъ послѣ сраженія на р. Ижорѣ такъ описываетъ состояніе своего отряда: всего у меня «драгунъ полка Александра Малины 700 человѣкъ не полна, а достальные всѣ пѣши, лошеди у нихъ побраны во Псковъ; да Новгородцевъ и Московскихъ чиновъ сотенные

пріостановлены недостаткомъ войскъ, особенно конницы: «и впередъ къ морю войною итти въ нынѣшнемъ моемъ малолюдствѣ съ такою худою конницею не мочно, потому государь, что городъ ихъ Канцы и онъ, Кроніортъ (занимавшій укрѣпленную позицію на Дудоровыхъ высотахъ), останутца у насъ за хребтомъ, а помощи мнѣ ниоткуды нѣтъ» [76]).

Шереметевъ, занявъ и разоривъ шесть непріятельскихъ городовъ (въ томъ числѣ Вольмаръ и Маріенбургъ), отягченный добычею и плѣнными, возратился въ Псковъ въ такомъ состояніи, что не могъ и помышлять объ общихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ къ сторонѣ Яма и Нарвы: «августа 31-го числа пойду ко Пскову; больше того быть стало невозможно: въ конецъ изнужились крайне, и обезхлѣбѣли, и обезлошадѣли, и отяготились по премногу какъ ясыремъ и скотомъ, и пушки везть стало не на чемъ, и новыхъ подводъ взять стало не откули, и во Псковѣ нѣтъ. Чиню тебѣ извѣстно, что всесильный Богъ и пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнилъ: больше того непріятельской земли разорять нечего» [77]).

службы изъ гусары съ пятьсотъ человѣкъ, да Новгородскаго жъ полку рейтаръ и копейщиковъ съ тысячю человѣкъ съ небольшимъ, и тѣ такіе, какихъ хуже быть нельзя: и пѣшіе, строю никакому не учены». См. еще письмо Петра къ П. М. Апраксину, съ Повенца, августа 28-го, № 448-й: «Ваше почтеннѣйшее писаніе о великомъ трекратномъ чрезъ многія такія великія переправы учинившемся бою намъ вручено, о чемъ всѣ здѣ, какъ малые, такъ и великіе, отъ сердца радовалися объ той викторіи, что тотъ непріятель такъ збитъ побѣжалъ, покинувъ при себѣ имѣющія вещи. Мы чаемъ немедлевно быть въ Ладогу». Также: *Журналъ Петра Великаго*, ч. I, стр. 38-я—39-я.

[76]) *Письма и бумаги*, II, стр. 392-я. Апраксинъ просилъ о присылкѣ къ нему изъ Пскова четырехъ полковъ драгунскихъ и указывалъ на необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Пскова, потому что: «Изо Пскова въ тѣ мѣста (т.-е. къ Нарвѣ и къ Редкиной мызѣ) твоихъ государевыхъ ратныхъ людей никулы не послано и одержанія тѣмъ ихъ войскамъ (т. е. шведскимъ, притянутымъ изъ Нарвы) никаково не учинено, невѣдомо для чего» (стр. 392-я). Кромѣ того, Апраксинъ нуждался въ продовольствіи своего отряда: хлѣбныхъ запасовъ велѣно взять на два мѣсяца, на сентябрь и октябрь, итого нынѣ съ самою нуждою не взято сполна за подводами; съ Олонца воевода (Барятинскій) не только не оказалъ помощи въ этомъ, но по его потачкѣ бурмистры побили начальныхъ людей. *Тамъ же*, стр. 389-я.

[77]) *Письма и бумаги*, II, стр. 396-я. Это письмо, отъ 25-го августа, изъ Лифляндіи доставилъ Петру въ устьѣ рѣки Свири сынъ Бориса Петровича Михаилъ Шереметевъ.

Тѣмъ не менѣе успѣхи русскаго оружія въ Лифляндіи и Ингріи благопріятствовали намѣренію Петра I овладѣть теперь Нотебургомъ. Заготовкою военныхъ припасовъ и матеріаловъ для осады въ теченіе лѣта занятъ былъ, какъ мы видѣли, Брюсъ въ Новгородѣ. Въ концѣ августа, прибывъ изъ Архангельска въ устьѣ р. Свири, гдѣ заняты были заготовкою рѣчныхъ судовъ, Петръ предписалъ Репнину поспѣшить изъ Новгорода съ своею дивизіею и съ двумя баталіонами гвардіи въ Ладогу, куда и артилерію велѣно отправить [78]) Для командованія осадными войсками подъ Нотебургомъ вызванъ Б. П. Шереметевъ изъ Пскова: «изволь ваша милось немедленно быть самъ неотложно къ намъ въ Ладогу: зѣло нужно и безъ того инако быти не можетъ». Письмо послано 9-го сентября съ припискою: «о семъ уже третье письмо». Въ составъ осаднаго корпуса вошли полки Преображенскій и Семеновскій, дивизія Репнина (изъ Новгорода) и полки Чамберса (бывшаго въ Ингріи). Артиллеріей командовалъ генералъ-маіоръ Брюсъ. Всего на берегахъ р. Назіи было собрано 13 или 14 полковъ пѣхоты, силою до 15,000 человѣкъ. не считая конныхъ полковъ П. М. Апраксина, наблюдавшихъ за Кроніортомъ на р. Ижорѣ. Гарнизонъ Нотебурга состоялъ изъ 450 человѣкъ съ 142 орудіями. Островъ, на которомъ расположенъ Нотебургъ, находится въ 100 саженяхъ отъ лѣваго берега Невы. Осада началась 26-го сентября, въ субботу, ночью въ 12 часовъ.

---

[78]) *Журналъ Петра Великаго*, ч. I, стр. 49-я. *Письма и бумаги*, II, стр. 393-я и 394-я. Въ отвѣтъ на письмо отъ 28-го августа Репнинъ писалъ изъ Новгорода 2-го сентября: «Пойду немедленно з 9-ю полки; и салдатомъ велю итти съ котонки, а палатки ихъ и иные полковые припасы положу въ тѣ мелкіе суды и велю гнать. А десятого, государь, полку, Ивана Рылдера половина и нынѣ стоитъ по рубежу на заставахъ, а другую оставилъ въ Новѣгородѣ, для того, что никово служилыхъ людей нѣтъ и на караулехъ быть некому». Войска изъ Новгорода въ Ладогу выступили 4-го сентября, 8 полковъ солдатскихъ сухимъ путемъ, а 6-го сентября девятый полкъ и всѣ полковые припасы водою, на судахъ.

[79]) Въ объяснительнымъ текстѣ на планѣ осады Нотебурга означены *станы*: господина фелтьмаршалка, генералъ-маеора Чамберса, Преображенскаго полка, Семеновскаго полка, станъ генерала Репнина, станъ генерала-маеора артилеріи Брюса, станы полковъ: Гулица, Брюса, Гордона; кѣтелы съ мортирами полковника Гошки, двѣ батареи маіора Гинтера, кѣтелы капитана бомбардирскаго Преображенскаго полку (т.-е. Петра I). Устряловъ, основываясь на показаніяхъ Плейера, впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Шереметевъ вызванъ былъ изъ Пскова

рытьемъ шанцевъ 400-ми солдатъ Преображенскаго полка; къ утру 27-го числа прибыли Преображенскій и Семеновскій полки и всѣ прочія войска, которыя расположились «обозомъ» въ нѣсколькихъ станахъ [79]). 30-го сентября поставлены въ батареяхъ 12 мортиръ и 31 пушка, а именно: девятнадцать 18-ти-фунтовыхъ и двѣнадцать 12-ти-фунтовыхъ. 1-го октября 1,000 солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ заняли съ бою непріятельскіе шанцы и окопы на противоположномъ (правомъ) берегу Невы. Генералъ-фельдмаршалъ послалъ къ коменданту крѣпости письмо съ трубачемъ, предлагая сдать крѣпость на акордъ, такъ какъ все уже приготовлено для взятія ея силою. Комедантъ учтиво поблагодарилъ за извѣстіе объ осадѣ крѣпости и просилъ четыре дня срока, чтобы извѣстить о семъ своего начальника Горна (коменданта Нарвы). На сей «комплементъ» ему отвѣчали въ четыре часа пополудни «пушечною стрѣльбою и бомбами со всѣхъ нашихъ батарей». 3-го октября явился къ фельдмаршалу барабанщикъ съ письмомъ отъ комендантши, которая просила, во имя всѣхъ офицерскихъ женъ, «о позволеніи зѣло жалостно, дабы могли ис крѣпости выпущены быть ради великаго беспокойства отъ огня». На это капитанъ бомбардирскій далъ такой отвѣтъ за фельдмаршала, бывшаго въ обозѣ: «что онъ с тѣмъ к ѳелтъ-маршалку нѣ едетъ, понеже вѣдаетъ онъ подлинно, что господинъ его ѳелтъ-маршалъ тѣмъ разлученіемъ іхъ опечалити не ізволитъ; а естьли ізволятъ выехать, ізволили бъ і любезныхъ супружъниковъ своіхъ с собою вывесть купно. І с тѣмъ того барабанщика, потчиваѳъ, отпустилъ в городъ». На такой «комплиментъ» осадные люди отвѣчали тотчасъ «вящимъ огнемъ и пушечною стрѣлбою на ту батарею», гдѣ былъ Петръ.

одинъ лично (а не съ войсками) для принятія общаго начальства надъ войсками, собранными Петромъ I на р. Назіи. Не Шереметевъ, а Репнинъ привелъ изъ Новгорода девять пѣхотныхъ полковъ своей дивизіи и два баталіона гвардіи. Подъ командою Чамберса было два полка. Итого, кромѣ двухъ гвардейскихъ полковъ, въ осадѣ принимали участіе 11 солдатскихъ полковъ. П. М. Апраксинъ не принималъ участія въ осадѣ. Сравни: *«Письма и бумаги Петра Великаго»*, ч. II, № 472-й, стр. 109-я, 393-я и 394-я. *Устряловъ*, т. IV, ч. I, стр. 198-я, ч. II, прилож. VI, 19; IV, 6. Въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ состояло всего 2,576, человѣкъ. Шереметевъ, возвратившись изъ Пскова, ничего не могъ привести къ Нотебургу, такъ войска его были разстроены.

4-го октября капитанъ бомбардирской занялъ постъ на островку, между крѣпостью и нашими шанцами. 6-го числа произошелъ пожаръ въ крѣпости отъ нашего каркаса. 9-го числа розданы приступныя лѣстницы и на лодкахъ приготовлены команды съ офицерами для приступа. 11-го октября, въ воскресенье, въ два часа утра, произошелъ сильный пожаръ въ крѣпости. Послѣ трехъ залповъ изъ пяти мортиръ охотники, бывшіе на судахъ въ милѣ отъ крѣпости, двинулись на приступъ. Приступъ начался въ 3 ч. 30 м. утра и продолжался непрерывно 13 часовъ, до 4 ч. 30 м. пополудни. «И хотя нашъ штурмъ выручкою и свѣжими людми довольно крѣпленъ есть, однакожъ не могли они проломовъ и крѣпости взять ради малаго мѣста земли, и силного супротивленія непріятельского, и за краткостію нашихъ приступныхъ лѣсницъ, которыя в' ыныхъ мѣстахъ болши полуторы сажени коротки были». Петръ уже терялъ надежду на успѣхъ штурма, когда послѣдній приступъ повели Преображенскаго полка маіоръ Карповъ и Семеновскаго полка подполковникъ Голицынъ, «который оной і окончалъ, а маеоръ при начатиі оного жестоко раненъ сквозь животъ і руку». Непріятель, утомленный 13-ти-часовою защитою и видя «послѣднюю отвагу», ударилъ «шамадъ» (здача) і принужденъ былъ къ договору склониться, которой ему способно соизволенъ».

На другой день, 12-го октября вечеромъ, три пролома заняты нашими караулами. 13-го октября нашими войсками заняты стѣны и башни, а комендантъ (Шлиппенбахъ) со свитою пересѣлъ на суда. 14-го числа гарнизонъ, согласно договору, вышелъ сквозь три пролома съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и съ пулями во рту, съ четырьмя желѣзными пушками и, по занятіи судовъ, отпущенъ въ Канцы со всѣмъ своимъ имуществомъ [80]). Въ тотъ-же день въ Нотебургъ вступилъ фельдмаршалъ Шереметевъ со всѣмъ

---

[80]) „*Письма и бумаги*", II, № 471-й и примѣчаніе. Реляція о взятіи крѣпости Нотебурга (1702 конецъ октября—декабря). *Тамъ же*, № 458-й и примѣчаніе, приведенъ отвѣтъ Бориса Петровича Шереметева на акордные пункты, предложенные комендантомъ крѣпости Нотебурга, съ поправками государя (1702 года октября 11-го). Текстъ этого интереснаго договора мы приводимъ въ статьѣ—о порядкѣ сдачи крѣпости: *Журналъ Петра Великаго*, ч. I, стр. 50-я—58-я. Описаніе порядка осады Нотебурга у *Ласковскаго* II, *Устрялова*, т. IV, ч. I, стр. 198-я—206-я.

генералитетомъ; крѣпость названа Шлюссельбургомъ, а губернаторомъ (комендантомъ) назначенъ бомбардиръ-поручикъ Преображенскаго полка Меншиковъ.

Радостью о взятіи Нотебурга Петръ I поспѣшилъ подѣлиться со многими изъ своихъ приближенныхъ [81]). Участникамъ даны щедрыя награды: кромѣ пожалованья помѣстьями и деньгами (полковнику Голицыну и маіору Карпову), всѣ начальники получили слѣдующіе чины и прибавку къ окладу жалованья; рядовые племянники перечислены въ старшій окладъ, старые—въ капралы. Бѣжавшіе съ приступа прогнаны сквозь строй и съ заплеванными лицами казнены смертью: повѣшено въ Преображенскомъ полку 8 человѣкъ, въ Семеновскомъ—4.

Овладѣніе Нотебургомъ было необходимымъ условіемъ для болѣе рѣшительныхъ дѣйствій съ цѣлью овладѣнія устьемъ рѣки Невы и берегами Финскаго залива. Въ концѣ августа 1702 г. Петръ I приказалъ Тихону Никитичу Стрешневу произвести наборъ солдатъ и драгунъ. «Конечно, надобно драгунъ отъ 4,000 до 3,000 человѣкъ, солдатъ—отъ 5,000 до 4,000 человѣкъ, а что больше лутче; однакожъ безъ сего числа быть не можно». Въ началѣ декабря царь предписываетъ Шереметеву возвратиться съ войсками во Псковъ, а къ празднику (Пасхи), или на Фоминой недѣлѣ, хотя къ концу, прибыть въ Москву. Предположенный зимній походъ пришлось отложить до весны. Петръ писалъ Шереметеву 13-го декабря 1702 г.: «Походъ вашъ генеральной по настоящему дѣлу кажется быть неудобенъ, и лутче быть къ веснѣ готовымъ, неже нынѣ на маломъ трудиться (какъ и самъ ваша милость писалъ); однакожъ добрыми партіями по своему разсмотрѣнію чинить промыслъ извольте». «Вѣсти съ Украины, слава Богу, не смушаютъ. За симъ предавая васъ въ сохраненіе Божіе и ожидая васъ сюда (въ Москву), пребываю. *Piter*» [82]).

---

[81]) *Письма и бумаги*, II, №№ 459-й—465-й и примѣчанія. Всѣмъ обѣщана присылка реляціи о сдачѣ Нотебурга на „окордъ" съ описаніемъ порядка осады «белагара» (отъ нѣмецкаго Belagerung). *Устряловъ*, т. IV, ч. I, стр. 205-я.

[82]) *Письма и бумаги*, II, №№ 470-й, 480-й и 481. Отвѣтъ Шереметева на письмо Петра отъ 13-го декабря (№ 481-й) помѣщенъ въ примѣчаніи на стр. 449-й—450-й. Изъ него видно, что фельдмаршалъ былъ озабоченъ заготовле-

Съ самаго начала 1073 года Петръ Великій обнаружилъ необыкновенную дѣятельность. 1-го февраля онъ отправился въ Воронежъ съ большою свитою и прибылъ туда 5-го февраля; здѣсь онъ оставался около мѣсяца. занимаясь приведеніемъ въ порядокъ флота и въ ожиданіи разъясненія вѣстей о крымскихъ татарахъ, угрожавшихъ нападеніемъ. Здѣсь 5-го марта онъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ «воровъ» во всемъ государствѣ на «каторги» (т. е. на суда), а 16-го марта прибылъ въ Шлюссельбургъ, какъ видно изъ отмѣтки на письмѣ къ Б. П. Шереметеву—о немедленной высылкѣ мастера, и изъ приписки Меншикова—о присылкѣ туда низовыхъ полковъ. На своемъ пути, въ Новгородѣ, онъ получилъ извѣстіе отъ Меншикова о его поискахъ къ Канцамъ и къ Тяголѣ (95 верстъ къ сѣверу отъ Шлюссельбурга), и сдѣлалъ распоряженіе о передвиженіи части войскъ, подъ начальствомъ Шереметева, изъ Пскова къ Новгороду и Ладогѣ [83]).

ніемъ провіанта для весенняго похода и собирался сдѣлать поискъ къ Ругодиву съ цѣлью завладѣнія судами, замерзшими на р. Лугѣ. На пути въ Москву онъ полагалъ осмотрѣть войска въ Новгородѣ и Ладогѣ. «А что изволилъ генеральный походъ отставить, отъ Бога изволилъ совѣтъ принять: всесовершенно-бы утрудили людей, а паче-же бы лошадей, и подводамъ бы была великая трудность; и озеро Чюцкое не стало по се число, а миновать было ево нельзя». Изъ Пскова, декабря 18 день. См. *Журналъ Петра Великаго* ч. I, стр. 60-я, о поискахъ Шереметева. О наступательныхъ дѣйствіяхъ со всею конницей едва-ли могъ и помышлять Шереметевъ; еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1702 г. онъ писалъ Петру, что отъ безкормицы „многія лошади помираютъ". Такимъ образомъ и Шереметеву дѣйствія конницы въ Лифляндіи, послѣ побѣды надъ Шлипенбахомъ, не дешево достались. Открывшійся падежъ лошадей по возвращеніи во Псковъ, надо думать, произошелъ не столько отъ недостатка фуража во Псковѣ, сколько отъ крайняго утомленія. Выраженія «обезлошадѣли», «обезхлѣбились» часто упоминаются въ донесеніяхъ и Шереметева, и Апраксина.

[83]) *Письма и бумаги*, II, №№ 489-й, 490-й, 491-й, 492-й и 493-й. Письмо къ Т. Н. Стрешневу отъ 5-го марта 1703 г. „Изволь ваша милость указы сказать всѣмъ судьямъ, также крѣпкіе указы послать въ городы, чтобы воровъ по указамъ изъ всего государства ссылали на каторги: зѣло ихъ тамъ мало". Въ томъ же году, 23-го сентября, Петръ писалъ Ромодановскому изъ С.-Петербурга... «ныне же зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячь воровъ (а іменно, естли возможно, 2,000 чел.) приготовить к будущему лѣту, кото-

Вслѣдствіе распутицы и другихъ мѣстныхъ затрудненій, несвоевременной доставки артилерійскихъ снарядовъ, шанцеваго инструмента, неприбытія въ Шлюссельбургъ войскъ, назначенныхъ для открытія военныхъ дѣйствій, весенняя кампанія, въ 1703 году, въ Ингріи могла быть открыта не ранѣе 23-гоапрѣля.—Петръ I всѣхъ торопитъ и требуетъ самыхъ быстрыхъ распоряженій. На другой день по прибытіи въ Шлюссельбургъ онъ приказываетъ Репнину: «Ізволь ваша милость со ѳъсѣми полками быть сюды въ концѣ Ѳоминой недели непременно, і буде подводы будутъ доволныя, чтобъ печеного хлѣба взять на две недели». Ромодановскому (19-го марта) напоминаетъ о невысылкѣ артилерійскихъ снарядовъ и медикаментовъ; требуетъ выслать лекарей не «медля». Шереметеву пишетъ отъ 6-го апрѣля: «Полкамъ (низовымъ) вели быть до воды тамъ (а чаю, что совершенно вскрылась) и по самой первой водѣ вели быть не мѣшкавъ обѣимъ полкамъ сюда. Зѣло дивно, что такъ долго малые суда дѣлаютъ; знать, что не радѣютъ. Здѣсь за помощію Божіею все готово, и болъше не могу писать, только что время, время, время, и чтобъ не дать предварить непріятелю насъ, о чемъ тужить будемъ послѣ». «Пушкарямъ здѣсь зѣло нужно; изволь изо Пскова треть прислать сколько возможно скоро». «Какъ ваша милость сіе получишь (пишетъ Петръ къ Т. Н. Стрешневу, отъ 19-го апрѣля), изволь не помедля еще солдатъ, сверхъ кои отпущены, тысячи три или больше прислать въ добавку; того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны изъ гребня..... Паки о семъ прося, пишу: добрыхъ и не медля».

Несмотря на настоятельныя понужденія Петра I, во всемъ

рыхъ по ѳъсемъ приказамъ, ратушамъ і городамъ собрать по первому пути і которые посланы в Сибирь, а нынѣ еше на Вологдѣ», № 588-й, стр. 250-я Вслѣдствіе этого письма состоялся 3-го октября 1703 г. именнй указъ изъ Московскаго Суднаго Приказа (1-е П. С. З., т. IV, № 1945-й. стр. 226-я) о собраніи всѣхъ воровъ въ Московской Судный приказъ по зимнему пѣшему пути и пр. „Безъ новаго указа, не сослався съ Преображенскимъ приказомъ, тѣмъ всѣмъ ворамъ казни не чинить и въ ссылку ихъ не посылать". На письмѣ изъ Шлютельбурга, 16-го марта 1703 г., къ Б. П. Шереметеву такая приписка Меншикова: «Низовые полки изволь отпустить сюда всѣ, чтобъ онѣ стали здѣсь въ 13-й день апрѣля, а суда у насъ имъ готовы; здѣсь имъ дѣло не малое, о чемъ самъ вамъ донесу, какъ увижусь».

происходили задержки и замедленія [84]). Шереметевъ могъ двинуться изъ Шлюссельбурга по правому берегу Невы къ Ніеншанцу не ранѣе 23-го апрѣля; съ нимъ были: генералъ Чам-

[84]) *Письма и бумаги*, II, №№ 499-й, 500-й, 501-й, 503-й, 504-й, 505-й, 506-й, 510-й, 512-й. *Князю Ѳ. Ю. Ромодановскому* отъ 19-го марта о недоставленіи въ Шлюссельбургъ 3,033 бомбъ трехъ-пудовыхъ, 7,978 трубокъ, дроби, фитиля, лопатокъ, кирокъ, лекарствъ изъ аптеки; о высылкѣ лекарей. Не присланъ мастеръ, нужный для задѣлки запаловъ у пушекъ. Приказываетъ напомнить Виніусу, который «отпотчивалъ меня московскимъ тотчасомъ». А это дѣло дороже «тысячи его головы».—*Б. П. Шереметеву* (16-го 20-го, 27-го марта) о приготовленіи на р. Лугѣ судовъ, также въ Самрѣ и другихъ мѣстахъ; требуетъ его пріѣзда въ Шлюссельбургъ Прежде нужно дѣлать настоящее, а ненужное потомъ». (Шереметевъ писалъ, что полки заняты дѣланіемъ струговъ). И проч.—*П. М. Апраксину* (22-го и 31-го марта) въ Ладогу: требуетъ починить немедленно всѣ суда «полками вамъ врученными (22-го марта)», предписываетъ прислать въ Шлюссельбургъ три полка: Купорова, Билсова и Стрѣкалова (ради грузки и проч.), такъ снаряженныхъ, чтобы были готовы къ походу съ запасомъ хлѣба на двѣ недѣли (31-го марта). Полки зѣло нужны здѣсь, полевой артилеріи здѣсь довольно, отпустить какъ можно скорѣе шлюпки: зѣло нужно (4-го апрѣля). По полученіи письма немедленно выслать людей всѣхъ работныхъ съ ихъ начальниками (16-го апрѣля). Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ № 500, стр. 489-й и слѣд., находятся весьма любопытныя объясненія князя Ромодановскаго о причинахъ замедленія въ отправкѣ лекарствъ, докторовъ, артилерійскихъ припасовъ. Въ Москвѣ открылось громадное дѣло по поводу снарядовъ и лекарствъ, № 504-й, стр. 509-я. Полки Купорова, Билсова и Стрекалова отпущены изъ Ладоги въ Шлюссельбургъ 5-го апрѣля. Остались у П. М. Апраксина три полка, съ которыми онъ и займется починкою судовъ. Людей мало, въ трехъ полкахъ здоровыхъ 2,000, а судовъ много разметано отъ пороговъ, до устья осенью, какъ мы были въ походѣ, безпризору во многихъ мѣстахъ, и припасы съ судовъ большею частью растасканы. Къ № 499, стр. 486-я и 487-я. Въ письмѣ отъ 1-го апрѣля Репнинъ жалуется на недостатокъ подводъ; для сбора ихъ онъ послалъ, согласно указу, 300 солдатъ въ уѣздъ; новоприбранные солдаты изъ Москвы не прибыли.—Въ письмѣ 11-го апрѣля Репнинъ доноситъ Петру I о высылкѣ 4-го апрѣля генералъ-маіора Чамберса съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками на подводахъ, данныхъ губернаторомъ Брюсомъ, а подъ тяжести 12-ти струговъ, а 10-го апрѣля вышли пять полковъ безъ подводъ съ котонками. Къ № 508, стр. 594-я: Репнинъ увѣдомляетъ, 13-го апрѣля, уже съ пути, о выступленіи всѣхъ десяти полковъ его дивизіи, а также Преображенскаго и Семеновскаго въ Шлюссельбургъ. Замедленія происходятъ отъ дурнаго состоянія дорогъ и переправъ за водопольемъ. *«Идемъ безъ телѣгъ, съ великимъ поспѣшаніемъ и запасы солдаты несутъ на себѣ»*.

берсъ—съ гвардейскими полками, Репнинъ—съ пѣхотною дивизіей, Брюсъ—съ десятью баталіонами пѣхоты и воевода Петръ Апраксинъ—съ двумя полками драгунскими и новгородскими дворянами; всего 37 баталіоновъ пѣхоты и небольшое число конницы въ 20,000 человѣкъ. Другая часть арміи, подъ начальствомъ генерала фонъ-Вердена, направлена была со стороны Пскова къ Ямамъ. Послѣ непродолжительныхъ осадъ русскія войска овладѣли Ніеншанцемъ 1-го мая, Ямомъ—14-го мая и Копорьемъ—27-го мая и тотчасъ же, по приказанію Петра I, приступили къ исправленію и расширенію этихъ крѣпостей; крѣпости сдавались на «акордъ»; нигдѣ дѣло не доходило до штурма.

На основаніи договора о сдачѣ на «акордъ» крѣпостцы Ніеншанца, коменданта со всѣми офицерами и солдатами гарнизона предоставлялось выпустить черезъ ворота съ распущенными знаменами и съ драгунскимъ знакомъ, барабаннымъ боемъ, со всею одеждою и съ четырьмя желѣзными полковыми пушками, съ верхнимъ и нижнимъ (холоднымъ) оружіемъ и съ принадлежащимъ къ тому порохомъ и пулями во рту, и направиться свободно къ крѣпости Нарвѣ, при одномъ офицерѣ для конвоя и устраненія затрудненій на пути. Всѣмъ офицерамъ и солдатамъ разрѣшается вывезти все движимое имущество на судахъ, которыя имъ будутъ даны до Нарвы. Всему гарнизону съ офицерами выдается на пропитаніе провіантъ на одинъ мѣсяцъ и т. п. [85]). Крѣпостти Ямъ и

[85]) *Письма и бумаги*, II, № 516-й. Договоръ о сдачѣ Ніеншанца, 1-го мая 1703 г., №№ 517-й—520-й. Письма Петра о сдачѣ Ніеншанца. Между прочимъ онъ писалъ къ князю Ромодановскому... «вчерашняго дня крепость Нишанская по 10 часной стрелбѣ ізъ мартироеъ (также ізъ пушекъ толко 10-ю стрелено) на акортъ здалась...» Изъ Шлотбурха, въ 2 д. маія 1703. *Приписка*: «Ізволте сие торжество отправить хорошенко і чтобъ после соборнова малебна ізъ пушекъ, что на площади, было по обычаю стреляно». Примѣчанія къ №№ 516—520, стр. 529 и слѣд., № 527. Предложеніе Б. П. Шереметеву, чтобы войска П. М. Апраксина не жгли и не разоряли за 50 верстъ и больше въ окрестностяхъ Шлотбурга, «а паче тѣхъ, коимъ письма даны, вѣдаешь какіе люди татары и казаки». О сдачѣ Ямы № 528-й, примѣч., стр. 551-я; о сдачѣ Копорья №№ 532-й и 533-й. Требованіе Петра I о высылкѣ подкрѣпленій. Въ письмахъ №№ 523-й, 524-й, 525-й Петръ извѣщаетъ о взятіи 10-го мая двухъ фрегатовъ шведскаго адмирала Нумерса въ устьяхъ Невы къ № 532, стр. 554-я—555-я. Б. Шереметевъ за нѣсколько дней до сдачи Копорья (27-го мая) просилъ Петра прислать къ Копорью три полка князя Репнина и нѣсколько

Копорье сдались на акордъ, не ожидая приступа, послѣ бомбардировки. Гарнизоны въ нихъ также получили свободный выходъ. И отпущенъ оной комендантъ Опалевъ (Аполловъ) съ гварнизономъ отъ Копорья (въ Выборгъ) съ полками, которые отправлены, маія въ 28 день, по прежнему въ Шлотбурхъ съ Дедютомъ и Гундертъмаркомъ, и дано имъ, коменданту и протчимъ, подъ ихъ брошенъ 30 подводъ». Но Петръ I, по прибытіи въ Копорье 3-го іюня, неизвѣстно по какой причинѣ, отдалъ слѣдующее распоряженіе черезъ князя А. И. Репнина, командовавшаго войсками въ Шлотбурхѣ: «Кой часъ сие писмо получишь, тотчасъ ізволь выпущенной гарнизонъ ісъ Капорья задержать, хотя и отпушены. Пошьли за ними до самыхъ карауловъ непріятельскихъ і, буде не дошьли до непріятельскихъ карауловъ, вели началныхъ всѣхъ взять, а буде ушьли не далече, началныхъ вели възять, а досталныхъ задержать на мѣсте». (*Копорье, 3-го іюня 1703 г.*) [86]).

Неизвѣстно, какъ исполнилъ Репнинъ распоряженіе Петра I. Ямбургъ былъ тщательно укрѣпленъ вновь, по составленному Петромъ I чертежу и на основаніи данной имъ инструкціи Борису Петровичу Шереметеву [87]). Утвердившись въ устьяхъ Невы, Государь заложилъ крѣпость на островѣ Луанъ-Эйландѣ, построилъ знаменитый нынѣ домикъ и призвалъ множество рабочихъ для постройки

мортиръ, чтобы его бомбами выбить... «Чухна не смирны, чинятъ нѣкія пакости, и отсталыхъ стрѣляютъ, и малолюдствомъ пріѣзжать трудно; и Русскіе мужики къ намъ непріятны, многое число бѣглыхъ изъ Новагорода и съ Валдай и ото Пскова, и добры они къ Шведамъ, нежели къ намъ. Самъ изволь умедлить ѣздить къ Ямамъ». Въ посылкѣ пѣхоты Петръ I отказалъ, но мортиры послалъ. Подробности о занятіи Ніеншанца и о побѣдѣ Петра I въ устьяхъ Невы у Устрялова, т. IV, ч. I, стр. 229–238.

[86] *Письма и бумаги*, II, № 537-й, примѣчаніе къ № 537, на стр. 564-й.

[87]) *Письма и бумаги*, II, № 539-й и примѣчаніе, стр. 565-я. Въ Ямахъ на другой день послѣ занятія нашими войсками, 15-го мая, солдатскіе полки начали дѣлать вокругъ каменной земляную крѣпость *противъ чертежа*, каковъ данъ отъ царскаго величества генералу квартирмейстеру Аргамакову въ Шлюссельбургѣ. Инструкція Шереметеву дана Петромъ въ Ямахъ 5-го іюня, въ ней пять пунктовъ. Подъ куртинами дѣлать казармы. Работы должны производить солдаты и драгуны, каждый день работаетъ половина каждаго полка, и должно окончить все въ теченіе четырехъ недѣль.

города Петербурга [88]). Въ окрестностяхъ расположены были войска Репнина и гвардейскіе полки.

Кампанія 1703 г. на сухомъ пути окончилась блистательнымъ кавалерійскимъ дѣломъ, подъ начальствомъ генерала Чамберса, 7-го іюля, надъ шведскимъ генераломъ Кроніортомъ, занимавшимъ сильную позицію на р. Сестрѣ. Овладѣвъ переправою, четыре полка драгунъ двинулись впередъ, но были встрѣчены атакою шведской конницы (фрунтъ на фрунтъ), которая отступила, когда увидѣла за конницею развертывавшуюся пѣхоту. Кроніортъ, потерявъ болѣе 1,000 человѣкъ, «межъ которыми зѣло много знатныхъ офицеровъ», отступилъ къ Выборгу [89]).

«*Итакъ, при помощи Божій, Ингрія въ рукахъ*», писалъ Петръ I въ Воронежъ къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину тотчасъ послѣ взятія Ямъ, и принималъ дѣятельныя мѣры къ прочному за-

[88]) *Письма и бумаги*, II, № 226-й, примѣчаніе стр. 610-я. «А городовое дѣло, за помощію Божіею, дѣлаютъ гораздо скоро; и работниковъ къ намъ прибыло много и еще прибываютъ». Письмо Гаврилы Головкина, изъ Петербурга іюля въ 20-й день. Еще ранѣе Петръ писалъ Б. П. Шереметеву: «Какъ городъ отдѣлаютъ, то конницы надобно оставить, чтобъ уѣздъ не разорили, а сколько, то полагаемъ на ваше разсмотрѣнія; а ради осторожности съ которую сторону ниже земли отъ города, тутъ сдѣлать нѣсколько избъ и огородить полисадомъ безъ земли». *Тамъ же*, стр. 226-я. Распоряженія объ укрѣпленіи Кіева, Таганрога, Азова. Стр. 183-я, 203-я, 204-я.

[89]) Проектъ письма съ извѣщеніемъ о побѣдѣ надъ шведскимъ генераломъ Кроніортомъ; письма Петра I къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, къ Ѳедору Малвѣевичу Апраксину, къ Автоному Ивановичу Иванову объ этой побѣдѣ отъ 12-го іюня, №№ 553-й, 554-й, 555-й, 556-й. Примѣчаніе, стр. 581-я. Особенно отличился драгунскій полкъ Рена, который овладѣлъ мостомъ на р. Ижорѣ и переправою, подъ выстрѣлами изъ 13 швед. орудій. *Устряловъ*, Исторія царств. Петра Вел. т. IV, ч. II, стр. 614-я. По донесенію Плейера Петръ Великій все время находился въ огнѣ и самъ предводительствовалъ войскомъ; но въ реляціи и въ письмахъ не упоминается объ его участіи въ сраженіи. *Устряловъ* (т. IV, ч. I, стр. 244-я) приводитъ письмо Петра къ князу Ромодановскому, отъ 12-го іюля 1703 г., не согласное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ письмомъ подъ № 554 (отъ того же числа) въ изданіи «Писемъ» г. Бычкова. Въ послѣднемъ не сказано, что въ этомъ сраженіи было только два гвардейскихъ полка, а сказано глухо «пѣшихъ», которыхъ могло быть гораздо больше. Адлерфельдъ (I, 383), опредѣляетъ число русскихъ въ 25,000 чел., шведовъ у Кроніорта 4,000 конницы и пѣхоты. Потеря его состояла изъ четырехъ офицеровъ и 200 солдатъ убитыми, 185 ранеными. Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 244-я и 245-я.

нятію вновь завоеванной страны, открывавшей морской путь въ Европу. Между тѣмъ какъ самъ царь работалъ въ Олонецкой верфи съ корабельными матросами, Шереметевъ съ губернаторомъ Меншиковымъ посылали туда на утвержденіе государя доклады и письма о порядкѣ занятія войсками на зимнее время Ямъ, Копорья и Петербурга, о заготовленномъ на эти войска продовольствіи, объ укомплектованіи ихъ. Для отраженія непріятельскихъ нападеній со стороны Ругодива (Нарвы), въ Ямахъ и его окрестностяхъ рѣшено было расположить нѣсколько полковъ, подъ начальствомъ ладожскаго воеводы Петра Матвѣевича Апраксина [90]). Въ случаѣ наступленія непріятеля въ значительныхъ силахъ въ Ямахъ, кромѣ 3,000-наго отряда Апраксина, могли явиться драгунскіе полки: Рена—изъ Копорья, Малины—изъ Петербурга, два полка—изъ сосѣдней Сомерской волости и изъ Гдова, два полка Волконскаго и два князей Мещерскихъ, бывшихъ на разстояніи 80—120 верстъ, т.-е. примѣрно въ Ямахъ могло сосредоточиться у Апраксина до 10,000 войскъ [91]).

Самъ-же Шереметевъ съ девятью драгунскими и двумя низовыми полками, съ татарами и казаками, всего свыше 10,000 конныхъ людей, долженъ былъ, пройдя Гдовскій уѣздъ, переправиться черезъ р. Нарву, подъ Сыренцомъ пройти къ Ракоборю (Везенбергу) и Колывани, сдѣлать, что будетъ пристойно, выдти на рижскую дорогу и, пройдя по этой дорогѣ до Печерскаго монастыря, распустить полки по «станціямъ» въ уѣздахъ Псковскомъ, Порховскомъ,

---

[90]) «А воеводѣ никому съ полками въ Ладогѣ быть не для чего, а тѣмъ полкамъ двумъ коннымъ драгунскимъ Новгородскаго разряду вмѣсто того съ тѣмъ воеводою надлежитъ быть въ Ямахъ и въ уѣздѣ по станціямъ, что они помощники ближніе, а лошадьми и ружьемъ и всѣмъ снабжены, да къ тому Новгородскаго разряду дворянамъ, которые нынѣ есть при томъ же Ладожскомъ воеводѣ; и до глубокой осени могутъ такимъ людствомъ и внутри города убрать, что надлежитъ, а въ гарнизонѣ оставить Алексѣя Болобонова съ тысяшнымъ полкомъ и дополнить его изъ всѣхъ полковъ». Резолюція на докладѣ *«Прибавить еще ста три»*. Въ пѣхотномъ и двухъ драгунскихъ полкахъ числилось до 3,069; въ Онежицахъ у Стрекалова—531, итого 3,600. *Письма и бумаги*, II, № 572-й.

[91]) П. М. Апраксинъ по полученіи указа отъ 28-го августа, чтобы итти къ Ямамъ для обереженія отъ непріятеля войскъ того города и уѣздовъ Ямскаго и Копорскаго, послалъ къ Петру I, по обыкновенію, скорбное письмо о малюдствѣ своихъ драгунскихъ полковъ и о негодности Новгородской разрядной конницы. *Письма и бумаги*, II, стр. 629-я.

Лужскомъ, Новгородскомъ и Гдовскомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, могъ въ короткое время собрать свои войска къ Пскову или выдвинуть ихъ для отраженія непріятеля къ Ямамъ. Съ своей стороны, Петръ I предложилъ: «Извольте въ запасъ и мортирцовъ малыхъ взять, и естьли въ Ракоборѣ или гдѣ индѣ въ городкахъ какой будетъ магазейнъ то конечно надобно выжечь». Для устраненія замедленій и остановокъ въ этомъ походѣ Петръ I не совѣтовалъ брать пѣхоты, развѣ одинъ или два полка [91]. Шереметевъ выступилъ изъ Ямбурга 22-го августа и 5-го сентября занялъ Ракоборъ (Везенбергъ).

Положеніе П. М. Апраксина въ Ямахъ вовсе не было столь затруднительнымъ, какъ онъ представлялъ въ жалобахъ своихъ самому Петру I и брату Өедору Матвѣевичу. Къ послѣднему Петръ писалъ по этому поводу 26-го сентября: «Хотя и родной братъ вамъ писалъ, однакожъ, чаю, повѣрите и мнѣ. Истинно пишу, что, прежде до ево приходу къ Ямамъ, оставлены два пѣхотные старые полка, а имянно: Вилимовъ полкъ фонъ-Делдина, да Петровской полкъ Девсона (къ тому же и фонъ-Вердинъ стоялъ нѣсколько недѣль), кромѣ 1,200 человѣкъ, которые въ Ямахъ въ гварнизонѣ; къ тому же нынѣ войски наши въ Лифляндахъ; и, кажетца, отъ однихъ только Ругодевцовъ конныхъ (которыхъ съ 700 нѣтъ) стоять мочно; а какъ

---

[91]) *Письма и бумаги*, II, № 572-й, стр. 234-я и 626-я, № 573-й, стр. 235-я. Фельдмаршалъ намѣренъ быть двинуться въ экспедицію 15-го августа, но въ письмѣ изъ Ямъ отъ 18-го числа обѣщалъ выступить изъ Ямъ «въ сихъ числахъ вскорѣ». Опасаясь оставить Ямы до прибытія войскъ Апраксина: «чтобы Ругодевская конница не учинила въ уѣздахъ великую пакость и разореніе жителямъ», онъ просилъ указа: «Помышлялъ-бы оставить (въ Ямахъ) Ивана Бахметева съ Татары и с'казаками, а безъ твоего государева указу оставить не смѣю; и дѣла въ нихъ не будетъ, толко сами уѣздъ разорятъ. А естьли мнѣ ис тѣхъ полковъ драгунскихъ оставить, которымъ со мною итить, у меня будетъ малолюдство: пѣхоты со мною не будетъ, они и пѣхота, у пушекъ и у мартировъ будутъ, и гдѣ лучитца какую крѣпость добывать — ими же». Въ Ямахъ, кромѣ Болобонова тысяшнаго полку, оставлены до зимы два полка солдатцкихъ старыхъ. Обоими пѣхотными полками командовалъ генералъ фонъ-Верденъ. По показаніямъ Устрялова (т. IV, ч. I, стр. 297-я) у П. Апраксина въ Ямбургѣ находилось зимою пять полковъ пѣхотныхъ и два конныхъ. Но, какъ выше уже замѣчено, согласно дислокаціи войскъ въ Ингріи для драгунскихъ полковъ, по возвращеніи ихъ изъ экспедиціи, у Ямбурга, въ случаѣ нужды, могло собраться въ два, три дня до 10,000 войскъ.

отдѣлаетца городъ, то и его полки отпустятца къ нему, также и Репнинъ совсѣмъ зимовать будетъ въ Ингріи, то-есть отсель даже къ Ямамъ. Зѣло досадно, что пишутъ все ложь, да и бѣдство, чего не бывало. О чемъ и прошу, пожалуй, отпиши къ нему, чтобы онъ отвѣтствовалъ противъ сего писма, такъ-ли все, или я солгалъ? Тогда увидишь истинну: никто не хочетъ прямо трудитца, только сколь зѣло жаль, что вамъ нанесли печаль, а, ей, напрасно» [92]).

Заложеніемъ крѣпости на островѣ Котлинѣ позднею осенью 1703 г. и взятіемъ крѣпости Нарвы, послѣ кровополитнаго штурма 9-го августа 1704 г., завершился, такъ сказать, первый актъ великой Сѣверной войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій могъ на дѣлѣ убѣдиться въ неустройствѣ своей арміи; рядомъ собственныхъ опытовъ онъ былъ приготовленъ къ необходимости принять предложенія фельдмаршала Огильви, приглашеннаго на русскую службу и командовавшаго войсками подъ Нарвою, о сформированіи пѣхотныхъ и конныхъ полковъ въ опредѣленной пропорціи, объ устройствѣ штаба при главнокомандующемъ по иноземному обычаю, объ опредѣленіи регулярныхъ штатовъ и табелей, объ обозахъ, о вооруженіи и т. п.

Между тѣмъ новый договоръ съ польскимъ королемъ Августомъ II, заключенный 29-го ноября 1703 года, обязывалъ Петра I,

---

[92]) «*Письма*» II, № 589-й. Изъ Санктпитербурха, въ 26-й день сентября 1703 г., къ Ѳ. М. Апраксину. Городъ, о которомъ говорится въ письмѣ, былъ С.-Петербургъ; основаніе ему положено 16-го мая, въ день Св. Троицы, на другой день послѣ овладѣнія Ямами (Ямбургомъ). Петропавловская крѣпость заложена изъ шести бастіоновъ или больверковъ. Плотники, каменьщики прибыли изъ новгородскихъ уѣздовъ. Работали и солдаты. Къ зимѣ была окончена половина крѣпости. За протокомъ Невы, къ сѣверу отъ крѣпости, поставленъ кронверкъ. *Устряловъ*, т. IV, ч. I, стр. 241-я—243-я. Постройкою крѣпости завѣдывалъ Г. И. Головинъ: «А горадовое дѣло, за помощью Божіею, дѣлаютъ гораздо скоро; и работниковъ къ намъ прибыло много и еще прибываютъ». Изъ Питербурха, іюля въ 30-й день. «*Письма*», II, стр. 616-я. Между рабочими и солдатами въ августѣ мѣсяцѣ развилась цынга и поносъ. «А городовое дѣло строится истинно съ великимъ прилежаніемъ». «*Письма*», II, стр. 625-я. Въ Петербургѣ начаты переговоры о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза съ польскимъ королемъ Августомъ II. Съ этою цѣлью Паткулю дано полномочіе въ Петербурхѣ 15-го іюля, и онъ выѣхалъ отсюда 19-го іюля черезъ Смоленскъ и Кіевъ въ Вѣну. Договоръ подписанъ въ Москвѣ 29-го ноября 1703 г.

ради крѣпчайшаго продолженія войны противъ общаго непріятеля и отраженія его гордыхъ намѣреній, дать королю въ помощь 12,000 доброй и вооруженной московской пѣхоты, которая могла бы дѣйствовать съ саксонскими войсками. При ней должна быть и полевая артиллерія. Вспомогательныя русскія войска должны пребывать подъ командою польскаго короля и поставленныхъ имъ генераловъ и быть во всемъ таковомъ послушаніи и дисциплинѣ, какъ и собственныя войска его величества, во всѣхъ дѣйствіяхъ до окончанія войны [93]).

Военныя дѣйствія русскихъ войскъ для завоеванія Ингріи въ 1701—1704 годахъ могутъ быть охарактеризованы слѣдующими положеніями:

1) Опираясь на сильныя крѣпости Новгорода и Пскова, стараться овладѣть непріятельскими незначительными крѣпостями на р. Двинѣ, лишивъ ихъ предварительно возможности получать помощь и поддержку со стороны полевыхъ войскъ, расположенныхъ въ Лифляндіи, Ингріи и Кореліи.

2) Съ этою цѣлью, по приказаніямъ Петра I, фельдмаршалъ Шереметевъ, опираясь на Псковъ, дѣйствуетъ наступательно противъ шведскаго генерала Шлипенбаха—въ Лифляндіи, воевода П. М. Апраксинъ наступаетъ противъ генерала Кроніорта—въ Ингріи.

3) Побѣды Шереметева при Эрестферѣ и Гумоловѣ, а Апраксина на р. Ижорѣ, даютъ возможность Петру I овладѣть крѣпостью Нотебургомъ, а раннею весною 1703 года перейти въ общее (генеральное) наступленіе къ устьямъ Невы и къ берегу Финскаго залива съ цѣлью овладѣть Ніеншанцемъ, Ямомъ и Копорьемъ. Цѣль эта достигается менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ со времени открытія военныхъ дѣйствій.

4) Съ пріобрѣтеніемъ означенныхъ опорныхъ пунктовъ и овла-

---

[93]) О сформированіи 40,000 пѣхоты и 20,000 конницы со штабомъ мы говоримъ на стр. 160-й Арт. Воин., вып. 2-й. *Тамъ-же* о вызовѣ Огильви. См. еще: «*Письма и бумаги*», II, № 601-й и примѣчаніе, № 696-й, стр. 293-я. Примѣч. стр. 672. Переписка о договорѣ 1703 года содержитъ много интересныхъ политическихъ указаній о положеніи дѣлъ въ Европѣ; стр. 257-я—261-я, 260-я—281-я, 293-я—298-я, 517-я, 522-я, 588-я, 593-я, 673-я, 675-я, 678-я, 698-я.

дѣніемъ устьями р. Невы Петръ I могъ считать Ингрію въ „своихъ рукахъ"; для спокойнаго владѣнія ею необходимо было еще овладѣть крѣпостью Нарвою: она взята, послѣ продолжительной осады, 9-то августа 1704 года.

5) Озера и рѣки, бывшія въ районѣ театра военныхъ дѣйствій. служили прекраснымъ средствомъ для подвоза къ войскамъ запасовъ и перевозки тяжестей по операціоннымъ линіямъ.

6) Военныя дѣйствія въ зимнее время прекращались, и войска располагались въ окрестностяхъ Новгорода и Пскова, предпринимая частныя экспедиціи конницей въ видѣ набѣговъ, съ цѣлью добычи и для обезпеченія фланговъ расположенія арміи со стороны Лифляндіи и Кореліи.

Оборонительно-наступательный образъ дѣйствій Петра Великаго для завоеванія Ингріи вполнѣ соотвѣтствовалъ, съ одной стороны, географическимъ условіямъ на протяженіи операціонныхъ линій, а съ другой—качеству войскъ. При неустройствѣ перевозочной части, по рѣкамъ, впадающимъ въ Ладожское и Онежское озера, и по рѣкѣ Лугѣ, впадающей въ Финскій заливъ, подвозились къ войскамъ всякаго рода тяжести на судахъ, которыя строились на всѣхъ рѣкахъ съ особенною заботливостью. Не считая гарнизоновъ Новгорода и Пскова, въ военныхъ операціяхъ принимали участіе не свыше 26,000—30,000 войскъ, а именно: конницы—девять или десять драгунскихъ полковъ, два низовыхъ полка, помѣстная конница Новгородскаго и частью Московскаго разряда, незначительное число татаръ, калмыковъ и казаковъ, всего до 12,000 коней; пѣхоты—полки Преображенскій и Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ старые полки, девять полковъ дивизіи Репнина и не болѣе десяти солдатскихъ полковъ разныхъ дивизій, всего не свыше 10,000 человѣкъ. Особенныя услуги оказывали Петру мортирныя батареи. Полевая артилерія не отличалась подвижностью; тѣмъ не менѣе она оказывала Петру большія услуги не только при осадѣ крѣпостей, но и въ полѣ (*Гумолово*). Продовольственная часть въ войскахъ была устроена дурно, отъ дурнаго ухода и безкормицы погибало много лошадей; поэтому нѣкоторые полки цѣлую кампанію оставались безъ лошадей. Въ заготовленіи фуража испытывались постоянныя затрудненія. По недостатку подводъ люди въ пѣхотѣ должны были носить на себѣ большія тяжести. Вслѣд-

ствіе дурнаго содержанія, особенно на работахъ по постройкѣ «городовъ» и судовъ, въ полкахъ происходила большая убыль отъ болѣзней и смертности. По всѣмъ этимъ причинамъ полки были постоянно въ большомъ некомплектѣ. На укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ поступали молодые «новоприбранные» необученные ратники; новоприбранные люди высылались несвоевременно. Въ арміи, начинавшей Сѣверную войну, въ сильной степени развито было дезертирство; разбѣгались даже подводчики, не взирая на угрозы смертною казнью. Помѣстная конница обнаружила полную неспособность къ продолжительнымъ походамъ. Система грабежей, съ цѣлью добычи на театрѣ военныхъ дѣйствій, не была покинута. Татарамъ и казакамъ дозволено было уводить плѣнныхъ съ собою съ цѣлью «пріохоченія ихъ къ войнѣ».

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ Петръ I могъ утвердиться на берегахъ Финскаго залива и пріобрѣсти перевѣсъ надъ шведскими регулярными войсками въ Ингріи, благодаря ихъ малочисленности и разобщенности въ дѣйствіяхъ шведскихъ генераловъ, которые, потерпѣвъ рядъ пораженій въ полѣ, не въ состояніи были подавать помощи своимъ крѣпостямъ; послѣднія сдавались побѣдителямъ большею частью послѣ слабаго сопротивленія. послѣ бомбардировки. Съ другой стороны, ни одинъ шагъ Петра I на сухомъ пути не былъ рискованнымъ, былъ обдуманъ заранѣе, и при всемъ томъ происходили постоянныя остановки и безпорядки по винѣ «приказной» московской администраціи и по отсутствію соотвѣтственныхъ органовъ въ дѣйствующихъ войскахъ.

Утвердившись въ Ингріи и пользуясь первыми успѣхами, Петру I предстояло заняться, прежде всего, устройствомъ своей регулярной 60,000-ной арміи, съ цѣлью *приспособленія ея къ наступательнымъ дѣйствіямъ*, и онъ приступилъ къ рѣшенію этой важной задачи съ свойственнымъ ему усердіемъ, стараясь привить къ своимъ войскамъ рѣшительно все то, что могла дать ему организація лучшихъ армій въ Европѣ. Возникли главный штабъ и полковые штабы, появились спеціальные органы, комиссары и провіантмейстеры, въ полкахъ организованы перевозочныя средства, устроены полковые суды и лазареты. о чемъ уже сказано у насъ во второмъ выпускѣ Артикула Воинскаго.

Вмѣстѣ съ организаціей регулярной арміи прививались новые

военные законы, о чемъ подробно нами изложено въ историко-юридическомъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: „*Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ*“, изданномъ въ 1887 году.

Здѣсь-же переходимъ къ сравнительному обзору *артикуловъ* о преступленіяхъ и наказаніяхъ, изложенныхъ въ главахъ XIII, XIV, XV и XVI Артикула Воинскаго.

ГЛАВА ТРЕТІЯ НАДЕСЯТЬ.

О штурмахъ или приступахъ.

Арт. 101. Когда крѣпости или шанцы штурмованы будутъ, а начальники съ солдатами уступятъ прежде, пока они крайнюю свою *силу* учинили, и прибочное свое оружіе употребили, и съ непріятелемъ какую стычку имѣли, и отъ онаго отогнаны: то тогда съ оными, какъ съ начальнымъ, такъ и рядовыми, такъ поступлено будетъ, какъ въ вышеупомянутомъ 97 артикулѣ о дезертирахъ упомянуто. Однакожъ, оные *должны* напередъ передъ воинскимъ судомъ явитися и отъ оныхъ положеніе и случаи штурмованія разспрошены *будутъ*, и потомъ по изобрѣтенію приговоръ совершенъ, или полегченъ быть имѣетъ.

Толк. Коль болѣе чина и состоянія преступитель есть, толь жесточае оный и накажется: ибо оный долженствуетъ другимъ добрый прикладъ подавать, и особо оказать, что оные чинить имѣютъ.

Слова: «силу», «должны», «будутъ» добавлены рукою справщика.

Сличи: Старо-Шведскій арт. 53, Бранденбургскій арт. 36, Швейцарскій артикулъ 44.

Замѣтка 1. Текстъ арт. 101 согласованъ съ текстомъ старо-шведскаго арт. 53 и ново-шведскаго арт. 69, т.-е. въ случаѣ штурма укрѣпленія, должно защищать его до послѣдней крайности: «пока они (начальники и солдаты) крайнюю свою силу учинили», употребивъ въ дѣло холодное оружіе. Къ преступленію этому, согласно съ шведскими военными законами, примѣняется децималія (см. Арт. Воин., выпускъ 2-й, стр. 738). Военный судъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, въ случаѣ уважительныхъ причинъ, можетъ уменьшить наказаніе. Сравни арт. 101 съ арт. 97. См. еще наши замѣтки къ швед. воен. арт. 69.

Замѣтка 2. Бранденбургскій комментаторъ, поясняя арт. 36, аналогичный съ нашимъ артикуломъ 101, говоритъ слѣдующее: «Когда дѣло дошло до штурма укрѣпленія, то всѣ люди должны поступать въ точности, согласно приказанію командующаго офи-

TIT. X.

Von Stürmen.

Art. 69. Welche Befehlichshaber oder Gemeine, wann Festungen oder Schantzen gestürmet werden, abziehen, ehe sie mit dem Feinde ein Treffen und ihr äusserstes gethan, bis sie vom Feinde wieder zurücke getrieben worden, mit solchen, sowohl Befelichshabern, als Gemeinen, soll, wie von Feldflüchtigen gemeldet werden; doch soll von den Richtern die Müglichkeit des Stürmens erkundiget nnd judiciret, und darauf nach Befindung das Urtheil geschärffet oder gelindert werden.

Сличи: Gust. Ad. Kr. Ar. Br. art. 53. **Русскій Воин. Арт., арт.** 101. **Смотри объ этомъ:** Alt. Dänische Kr. R., art. 101. Brandenb. Kr. R. art. 36. Zür. Art. Br. art. 44. Maxim. II Ar. Br. 16. Christ. V Art. Br. vor. d. Mil. zu Lande, art. 103. Holländ. Kr. R. art. 51. 52, 53.

Замѣтка 1. Въ новой редакціи art. 69 (resp. 53) измѣненъ подъ вліяніемъ другихъ законовъ. Въ стар. арт. 53 отъ защищающихъ укрѣпленіе требуется не ранѣе отступать, какъ употребивъ въ дѣло холодное оружіе и потерпѣвъ пораженіе отъ непріятеля: „ehe und zuvor sie ihre Seitenwehren gebraucht, oder mit dem Feinde ein Treffen gethan, und von demselben niedergelegt worden". Въ арт. 69 выраженіе «прежде чѣмъ они употребятъ въ дѣло холодное оружіе «замѣняется такъ: «ehe sie ihr äussestes gethan», т.-е. *защищаясь до крайности.* Начальники, офицеры и солдаты подвергаются отвѣтственности: по арт. 53, смотря по обстоятельствамъ, выясненнымъ на судѣ, при чемъ наказаніе можетъ быть усилено или ослаблено; по арт. 69, обновленному, отступившіе изъ укрѣпленія, не оказавъ *крайняго сопротивленія, не будучи вынуждены къ тому силою,* наказываются наравнѣ съ бѣжавшими съ поля сраженія (по арт. 66 нов. швед. кодекса), при чемъ судъ можетъ увеличить или уменьшить наказаніе, смотря по обстоятельствамъ дѣла.

Замѣтка 2. Въ старо-датскихъ военныхъ артикулахъ (art. 101)

цера, или начальника, а не такъ, какъ каждому заблагоразсудится (nach ihrem eigenem guthbefinden); когда командующимъ офицеромъ отдано спеціальное приказаніе тѣмъ, которые назначены идти на штурмъ (или же отразить его), чтобы они не прежде отступали, пока не употребятъ въ дѣло холоднаго оружія, или не сдѣлаютъ крайнихъ усилій, и когда такое спеціальное приказаніе не было исполнено, вслѣдствіе трусости (aus lâcheté), или не оказано должнаго сопротивленія непріятелю, то примѣняется наказаніе, опредѣленное въ арт. 36 (соот. Русск. 101). Такое объясненіе, по нашему мнѣнію, измѣняетъ основной смыслъ закона, подвергающаго одинаково суровой отвѣтственности какъ начальниковъ, такъ и солдатъ за потерю укрѣпленія, ввѣреннаго ихъ защитѣ. Нашъ законодатель въ толкованіи даетъ замѣтить, что въ случаѣ неоказанія должнаго сопротивленія при *защитѣ укрѣпленія* въ тотъ моментъ, когда непріятель идетъ на штурмъ, тотъ виновенъ болѣе, кто старше въ чинѣ, кто выше по своему званію, ибо «оный долженствуетъ добрый прикладъ (т.-е. примѣръ) подавать». Толкованіе къ арт. 101, какъ сейчасъ увидимъ (замѣтка къ арт. 102), заимствовано изъ комментарія на голландскій артикулъ (art. 52).

разсматриваются такія обстоятельства: 1) кто при штурмѣ или нападеніи окажется медлительнымъ (sich säumig bezeichnet), или будетъ приводить въ свое оправданіе пустыя причины (nichtige Entschuldigungen), 2) кто, будучи въ строю сдастся въ плѣнъ, не будучи раненымъ, хотя могъ-бы защищаться, 3) кто при нападеніи непріятеля или столкновеніи съ нимъ побѣжитъ въ началѣ явно или скрытно (heimlich oder offenbar). По опредѣленію военнаго суда виновные въ первыхъ двухъ случаяхъ наказываются потерею чести, оружія, разсчета (у наемниковъ) и пальцевъ и изгоняются изъ войскъ безъ паспорта, въ послѣднемъ случаѣ съ виновными поступаютъ какъ съ бѣглецами съ поля сраженія вообще, т.-е. ихъ можетъ каждый убить на мѣстѣ. Въ ново-датскихъ артикулахъ для сухопутныхъ войскъ (Articuls Brief vor die Miliz zu Lande C. J. M. Nov. II, s. 287) за неоказаніе должной стойкости въ сраженіи или при штурмѣ (im Treffen oder Sturm) съ виновными предписывается поступать такъ же, какъ и съ бѣжавшими съ поля сраженія. Такого *труса* (Pultron) ближайшій товарищъ можетъ бить, колоть или рубить оружіемъ. «И если такой трусъ при этомъ будетъ убитъ, то никто не смѣетъ нападать на убійцу, потому что онъ поступилъ какъ честный солдатъ».

Замѣтка 3. Старо-голландской артикулъ 51 имѣетъ въ виду *зачинщиковъ*: «Wer in einer Schlacht oder Sturm, den Anfang macht zu der Flucht, т.-е. «кто въ сраженіи или при штурмѣ побѣжитъ первымъ», съ такимъ предписывается поступать, какъ выше сказано (замѣтка 2-я) въ ново-датскомъ арт. 101. т.-е. такого бѣглеца (труса) можетъ убить каждый, а если онъ избѣжалъ смерти, то объявляется безчестнымъ и, когда будетъ пойманъ, наказывается безъ суда на тѣлѣ и смертью. Тоже самое Käys. Max. II Ar. Br. art. 22. Codex Henrici lib. 20, tit. 38, l. 44. См. наши замѣтки къ шведск. воен. арт. 67 (Арт. Воин. вып. 2-й, стр. 743). Но въ артикулѣ 69 (resp. 53) шведскій законодатель предусматриваетъ не бѣгство съ поля сраженія и не зачинщиковъ постыднаго бѣгства вообще, а *отсутствіе стойкости* при защитѣ крѣпости и укрѣпленія, оставленіе которыхъ, безъ оказанія должнаго сопротивленія «не употребивъ въ дѣло холоднаго оружія и не выдержавъ даже непріятельскаго натиска», признается такъ же преступнымъ, какъ и бѣгство съ поля сраженія; здѣсь субъек-

Арт. 102. Таковымъ же образомъ поступлено быть имѣетъ съ оными полками, или ротами, которые шанцы въ полѣ, батареи, редуты, бреши. или рвы (которые онымъ для сбереженія и караула повѣрены) оставятъ, или чрезъ ложныя и вымышленныя причины или иныя извиненія уйдутъ, не *учиня* крайнее что, или сикурсу болѣе себѣ не *ожидая*.

Въ рукописномъ экземплярѣ окончаніе было слѣдующее: «пока они и ранѣе что учинили или сукурсу болѣе къ себѣ ожидать не могли».

Сличи: Ново-швед. арт. 70, Старо-швед. арт. 54 и Бранденбурскій 37, Голландскій арт. 52, Цюрихск. 44.

Замѣтка. Артикулъ 102 служитъ развитіемъ предыдущаго артикула, и хотя основанъ на текстѣ шведскаго закона (art. 70 resp. art. 54), что касается субъекта и объекта, но въ опредѣлительной части обстоятельствъ, когдо оставленіе занятаго укрѣпленія нашъ законодатель подводитъ подъ наказаніе цѣлыхъ частей, введены «ложныя и вымышленныя причины или иныя извиненія». Здѣсь мы видимъ уже вліяніе Голландскаго закона, art. 52. Текстъ этого артикула слѣдующій: «Никто, будь онъ капитанъ, или рядовой солдатъ, не можетъ самовольно (по собственному усмотрѣнію—gutwillig) оставлять ввѣренныя его за-

томъ преступленія можетъ быть не только каждый воинскій чинъ, начальникъ и солдатъ, въ отдѣльности, но и вся команда, вообще часть, которой ввѣрена защита данной позиціи, укрѣпленія, крѣпости.

Съ духомъ шведскаго артикула (art. 69) болѣе согласны Голландск. артикулы 52 и 53: «Никто, будь онъ капитанъ или солдатъ, не можетъ оставлять произвольно бреши, укрѣпленія или траншеи, которыя, ему повелѣно защищать, или отлучаться изъ нихъ по какимъ-либо пустымъ, выдуманнымъ причинамъ (durch einige falsche und edichtere Ursachen), не получивъ на то разрѣшенія или приказанія отъ военнаго совѣта, art. 52. «Никто не можетъ сдавать мѣста, которое ему ввѣрено для защиты «подъ страхомъ наказанія на тѣлѣ, art. 53" (Cor. Jur. Mit. 1674, s. 655, 656). Но этому спеціальному закону не соотвѣтствуетъ редакція слѣдующаго 70 швед. артикула.

Замѣтка 4. Бранденбургскій арт. 36 и швейцарской арт. 44 въ первой половинѣ ближе всѣхъ прочихъ согласны съ буквою старо-шведскаго артикула 69.

Art. 70. Ebener-Massen solles mit den Regimentern oder Compagnien, welche Feldschantzen, Batterien oder Reduiten verlassen, gehalten werden, es uäre dann, dass sie zur Defension ihr äusserstes gethan, und kein Entsatz oder anderwertige Conservatiõn für ihnen zu erwarten gewesen.

Сравни: Gust.-Ad. Kr. Ar. Br., art. 54.—*Разница:* «mit denen Fahnen». «Reduten verlassen»; *и конецъ:* «es wäre denn, dass ein jeder drey Stürm aufgestanden, und keine Entsatzung bekommen, auch Todes Sefahr fürhanden gewesen» Brand. Kr. R. art. 37, Alt. Holl. art. 52, Zûr. Kr. art. 44.

Замѣтка 1. Законодатель, по смыслу арт. 70, допускаетъ оставленіе полкомъ или ротою, защищаемаго полеваго укрѣпленія, батареи, редюита не иначе, какъ послѣ употребленія въ дѣло всѣхъ средствъ для удержанія его въ своихъ рукахъ, когда притомъ нельзя ожидать ни откуда никакой помощи, а между тѣмъ дальнѣйшее сопротивленіе можетъ быть гибельнымъ для защитниковъ. Въ редакціи прежней (Gust. Ad. art. 54) такъ опредѣлены обстоятельства, дающія войсковой части, защищающей укрѣпленіе и проч., съ честью отступить: когда роты отбили три приступа (или атаки) и не могутъ ожидать никакой помощи,

щитѣ бреши, укрѣпленія или ложементы, равно какъ покидать его по какимъ-либо ложнымъ или вымышленнымъ причинамъ, не получивъ на то приказанія, повелѣнія или распоряженія военнаго совѣта (С. I. М., 1674 г., Holländ. art. 52, p. 655, 656). Здѣсь мысль законодателя выражена лучше, чѣмъ въ русск. арт. 102, вслѣдствіе добавленія въ концѣ выраженій: «не учиня крайне что, или сикурсу болѣе себѣ не ожидая»; въ такой формѣ составитель артикула крайне неудачно выразилъ весьма важныя положенія о томъ, что часть, занимающая укрѣпленіе прежде оставленія его, должна употребить всѣ средства для защиты, если притомъ нѣтъ никакой надежды на помощь или выручку. Голландскій законодатель право оставленія занятаго укрѣпленія, отступленія отъ бреши или изъ ложементовъ, опредѣляетъ *полученіемъ* на то приказанія, повелѣнія или распоряженія подлежащаго высшаго начальника, которымъ въ Нидерландахъ былъ военный совѣтъ—Kriegsrath. Впрочемъ, поясняетъ комментаторъ Петръ Паппи, при защитѣ полевыхъ укрѣпленій (и проч.) нужно сообразоваться съ положеніемъ дѣла. Если по правиламъ практики нельзя удержать (защищаемаго) мѣста, а между тѣмъ изъ дикаго упрямства (самодурства) его продолжаютъ защищать, то можно легко подвергнуть истребленію и себя и товарищей. Пожалуй, если хотите, можно удержать передъ голубятникомъ цѣлую армію, когда бы существовала увѣренность, что его не тронетъ непріятель (Michel des Montaigne ens ses Essais, l. 1, c. 14). Въ заключеніе комментаторъ присовокупляетъ: «Iedoch ist hier zu mercken, dass je grösser von Stande umd Ambt der Uebertreter dieses Artickels ist, je härter er gestrafft werden sol. Что значитъ: «Однакожъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что *чѣмъ выше состояніе и должность* (чинъ) *виновнаго въ нарушеніи этого артикула, тѣмъ строже онъ долженъ быть наказанъ*». Это замѣчаніе Петра Паппи вошло цѣликомъ въ толкованіе предыдущаго русскаго артикула 101-го.

Объясненіе. Въ существѣ своемъ оба артикула, 101 и 102, служатъ одинъ другому дополненіемъ и поясненіемъ. Въ нихъ нашъ законодатель даетъ правоопредѣленіи, имѣющія цѣлью установить круговую отвѣтственность цѣлыхъ частей (роты, баталіона, полка) за постыдное оставленіе ими полеваго укрѣпленія (бата-

или когда предвидится неминуемая гибель защитниковъ отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Мысль шведскаго законодателя та, что полевое укрѣпленіе должно защищать до послѣдней крайности и что оставленіе его, безъ уважительныхъ причинъ, такъ же постыдно, какъ и бѣгство съ поля сраженія.

Замѣтка 2. Въ бранденбургскомъ арт. 37 сохраненъ текстъ старо-шведскаго арт. 54. Именно: „Ebener Massen soll es auch mit den Fahnen, welche Feldschlachten, Batterien und Redouten verlassen, gehalten werden, es wäre denn, dass ein jeder drey Stürme ausgestanden, und keine Entsetzung bekommen, auch Todes Gefahr fürhanden gewesen“ (C. J. M. N. II, s. 403). Въ шведскомъ оригиналѣ: «Feldschantzen», а не «Feldschlachten».

Комментаторъ, имѣя въ виду спеціальные законы о защитѣ и сдачѣ крѣпостей (долговременныхъ укрѣпленій), такъ объясняетъ текстъ арт. 37 бранденбургскаго) (resp. Schwed. 54): «Въ этомъ артикулѣ предписывается офицеру съ находящимися подъ его командою людьми не оставлять редута, батареи и т. п., пока не выдержитъ трехъ приступовъ; но такое обобщеніе (solches generalement) въ настоящее время не имѣетъ приложенія; не только отбитіе трехъ приступовъ, но и другія обстоятельства (указанныя въ арт. 42 о сдачѣ крѣпостей) могутъ служить поводомъ къ военному суду; можетъ случиться, что комендантъ (начальникъ) былъ вынужденъ оставить укрѣпленіе, или сдать его непріятелю, по инымъ обстоятельствамъ, не выдержавъ двухъ или трехъ приступовъ тѣмъ болѣе ему чести, если въ невыгодной для него обстановкѣ ему удалось отбить еще нѣсколько приступовъ или штурмовъ». Слѣдовательно, комментаторъ Шмидтъ, въ сущности, ничего не объясняя, только затѣмняетъ существенный смыслъ военнаго закона, повелѣвающаго защищать *полевое* укрѣпленіе, батарею или редутъ, сооруженные на полѣ сраженія, съ той же стойкостію, съ какою защищаютъ крѣпость во время штурма. При томъ субъектъ преступленія у шведскаго законодателя принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ,—дѣло идетъ не объ офицерѣ съ его подчиненными, а о цѣлой части.

Слѣдующій артикулъ, соотвѣтственный русскому артикулу 103. взятъ изъ XIV главы ново-шведскаго кодекса: *о недозволенныхъ*

8

реи, редута, рва, бреши), ввѣреннаго ихъ защитѣ. Занимая укрѣпленіе, всѣ, какъ начальники, такъ и офицеры и солдаты данной части, должны защищать его до *послѣдней крайности* и не имѣютъ права его очистить, не истощивъ всѣхъ способовъ для его удержанія въ своихъ рукахъ, или не получивъ приказанія подлежащаго начальника. Полки или роты подлежатъ наказанію децималіи, когда оставятъ занимаемое укрѣпленіе подъ какимъ-либо пустымъ предлогомъ или побѣгутъ изъ него, не дождавшись непріятельскаго натиска и не схватившись съ нимъ въ рукопашномъ бою холоднымъ оружіемъ. Но они имѣютъ право очистить укрѣпленіе, если дальнѣйшая его защита можетъ угрожать явно гибелью самимъ защитникамъ, хотя бы не получено было на то приказанія. Само собою разумѣется, что ближайшая отвѣтственность за нарушеніе постановленій о защитѣ занимаемаго укрѣпленія падаетъ на начальника и офицеровъ; это видно не только изъ толкованія къ артикулу 101, но также изъ текста о порядкѣ наказанія за преступленія цѣлыхъ частей по артикулу 97, на который дѣлается ссылка въ артикулѣ 101.

Арт. 103. Если полкъ или рота не похочетъ съ непріятелемъ въ бой вступить, или когда приступать по порядку до нихъ дойдетъ, или Его Величества служба требовать будетъ, и указъ имъ дается, а оные съ упрямства или отъ страха не пойдутъ, или весьма побѣгутъ, тогда они яко дезертиры наказаны будутъ.

Сличи:: Стар.-шведскій воен. арт. ст. 66, Ново-шведскій воен. арт. ст. 81. Цюрихин. воен. арт. ст. 54.—Воен. арт. для нѣмецк. имперскихъ войскъ 1672—1682 гг., ст. 72.

Замѣтка: Въ арт. 103 сохранены правоопредѣленія шведскаго кодекса, которому слѣдовалъ цюрихскій военный артикулъ.—Эти же нормы, въ случаѣ преступленія цѣлыхъ частей, введены были въ 1672 году и въ имперскихъ военныхъ артикулахъ: «Articuls = Brief der Reichs=Völcker de 6 Novemb. 1672, revid. 1682». Здѣсь артикулы 72 и 73 такъ изложены: Art. 72. «Wann gantzen Trouppen oder Compagnien, so etwa mit einem zu treffen kommen, ihr Devoir nicht recht thun, sondern die Flucht nehmen würde, so soll der Officier, welcher an solcher Flucht schubdig, Ehr una Leben verwürcket haben. *Art. 73.* Soviel aber die gemeiue Soldaten betrifft, soll von den Schuldigen der zehende aufgehenekt»... и т. д. См. нашу замѣтку къ арт. 97-му (Выпускъ 2-й, стр. 738) по поводу наказанія за бѣгство цѣлыхъ частей во время боя.

Объясненіе. Въ предыдущихъ артикулахъ 97, 101 и 102 установлено наказаніе *децималіей*, сходно со шведскимъ кодексомъ,

сборищахъ, мятежахъ и бояхъ, которой въ Артикулѣ Воинскомъ, отвѣчаетъ глава XVII: *о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ*.

Art. 81. Welche Regimenter oder Compagnien nicht fort wollen, wenn man mit dem Feinde treffen oder auch stürmen soll, wann die Reihe an sie kommet, oder es sonsten Unser Dienst erfordert, auch ihre Cameraden nicht gebührlich secundiren, sondern aus Muthwillen, Hartnäckig - und Wiederwärtigkeit, oder auch aus Furcht und Schrecken stille stehen, oder wohl gar die Flucht nehmen, solche werden gestraffet, wie von denen Feldflüchtigen gedacht worden.

Сличи: Gust.-Ad. Kr. Ar. Br. 66. Русск. Воин. Арт., арт. 103. Смотри объ этомъ: Käy. Max. I Ar. Br., art. 11, Röm. R. Reit. Bestall. art. 55. Käys. Max. II Ar. Br., art. 27. Ferdin. III. und Leopold I Ar. Br. art. 32. Holländ. Kr. R., art. 8, 10, 11. Brandenb. Kr. R. art. 48. Zür. Kr. Ar., art. 54. Коммент. Burg. 4, obs. 90.

Замѣтка 1. Въ редакціи ново-швед. арт. 81 добавлены слѣдующія выраженія: «oder es sonsten Unser Dienst erfordert, auch ihre Cameraden nicht gebürlich secundiren».—Въ цюрихскомъ арт. 54 принята безъ измѣненія редакція старо-шведскаго арт. 66.— Въ бранденбург. кодексѣ артикулу 48 дается значеніе мятежа

за бѣгство съ поля сраженія, за постыдное отсутствіе стойкости при защитѣ крѣпостнаго вала или полевыхъ укрѣпленій и за оставленіе въ рукахъ непріятеля укрѣпленія, батареи и т. п., безъ оказанія должнаго ему сопротивленія, подъ какимъ-либо пустымъ предлогомъ; въ разсматриваемомъ—же артикулѣ 103 нашъ законодатель, руководясь духомъ шведскаго военнаго кодекса, устанавливаетъ децималію и за отказъ или уклоненіе полка или роты вступить вообще въ бой съ непріятелемъ, когда по обстоятельствамъ сраженія, или вслѣдствіе отданнаго приказанія, настоитъ въ томъ надобность. Мотивомъ такого постыднаго воинскаго преступленія можетъ быть не только измѣна или неповиновеніе волѣ начальника, но и просто трусость.

Такимъ образомъ въ трехъ артикулахъ главы XIII Арт. Воин. предусматриваются исключительныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне опасныя въ военномъ быту преступленія цѣлыхъ частей—ротъ, баталіоновъ, полковъ, которые, выходя изъ повиновенія воинскаго начальника, нарушаютъ данную присягу и святость долга. Съ подобными печальными явленіями крайней деморализаціи войскъ мы встрѣчаемся въ войнахъ второй половины XVII столѣтія съ Польшею и Турціей (Арт. Воин., вып. 2-й, стр. 115 и друг.). о чемъ упоминаетъ и Петръ I въ своемъ манифестѣ 30 марта 1716 года. Вспомнимъ также обстоятельства, предшествовавшія послѣднему стрѣлецкому бунту, когда стрѣльцы, выйдя изъ повиновенія своимъ полковникамъ на пути къ Литовской границѣ, двинулись на Москву съ цѣлью ниспроверженія порядка и были разбиты подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Въ началѣ Сѣверной войны (Нарва и Головчинъ) были случаи, когда нѣкоторыя части войскъ: «иныя съ упрямства или отъ страха» не шли въ бой и обращались въ постыдное бѣгство. Такимъ образомъ Петръ Великій, подобно Густаву-Адольфу, имѣлъ полное основаніе въ своемъ военно-уголовномъ кодексѣ ввести грозные законы древнихъ римлянъ, чтобы страхомъ наказанія децималіею остановить развитіе деморализаціи: ut poena unius aut paucorum esset metus omnium. Lips. de Mit. Rom. et ex illo Const. de Monte Lab. l. 5. Ciceron in Orat. pro Cluent.

или бунта, но не такого рода преступленій цѣлой части, какое предусматривается въ арт. 81 (resp. 66) шведскаго кодекса.— Бранденбургскій арт. 48 такъ изложенъ: «Wer meuteniret, sol am Leben gestraff werden. Mit gleicher Poen sollen auch die beleget werden, welche, wann sie mit dem Feinde treffen, oder auch stürmen, nicht fort wollen». Но о возмущеніи, бунтѣ, мятежѣ солдатъ мы говоримъ ниже въ главѣ XVII Арт. Воин.

Замѣтка 2. Въ старыхъ имперскихъ законахъ Максимиліана I и II, а равно Фердинанда III, на которые дѣлаютъ ссылки комментаторы Шварценъ и Гойеръ, по поводу преступленія цѣлыхъ частей во время боя, когда они не пойдутъ на приступъ, не взирая на отданное приказаніе или несмотря на крайнюю опасность своихъ товарищей, не установлено было соотвѣтственныхъ наказаній. Въ поименованныхъ артикулахъ для пѣхоты (Max. II. art. 27, Ferdin. III und Leop. I, art. 32) и конницы (Röm R. Reit. Bestall. art. 55) говорится о судѣ и наказаніи за возбужденіе къ бунту, къ неповиновенію волѣ начальника. То же и въ голландскихъ артикулахъ 8, 10 и 11. Подъ вліяніемъ такихъ указаній, вѣроятно, измѣнена редакція бранденбургскаго кодекса въ арт. 48, гдѣ опредѣленія шведскаго законодателя получаютъ общее значеніе мятежа или бунта. Между тѣмъ въ данномъ шведскомъ артикулѣ предусматриваются такія преступленія частей въ бою, въ которомъ мотивомъ могутъ служить другія обстоятельства. Когда изъ повиновенія выходятъ весьма многіе, цѣлыя части—роты и даже полки, такъ что во время боя отказываются исполнять прямыя свои обязанности, или исполнять отданное приказаніе старшимъ начальникомъ, тогда, какъ это случалось нерѣдко въ Тридцатилѣтней войнѣ въ имперскихъ нѣмецкихъ войскахъ, обыкновенными способами нельзя возстановить упавшей дисциплины, и для возстановленія повиновенія требуются чрезвычайныя мѣры. Поэтому Густавъ Адольфъ въ своемъ кодексѣ установилъ обычай римлянъ, которые, въ случаѣ неповиновенія, возстанія или бѣгства съ поля сраженія цѣлыхъ частей, примѣняли *децималію*, *вицессималію* и *центиссималію*, т.-е. наказывали смертію по жребію десятаго, двадцатаго или сотаго. Пробѣлъ старыхъ нѣмецкихъ артикуловъ, по примѣру шведскаго военнаго артикула, пополненъ въ военныхъ артикулахъ для союз-

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ.

О взятіи городовъ, крѣпостей, добычей и плѣнныхъ.

Арт. 104. Когда городъ ила крѣпость штурмомъ взяты будутъ, тогда никто да не дерзаетъ, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные домы, шпитали безъ позволенія и указу грабить, или разбивать, развѣ что гарнизонъ или граждане въ ономъ сдачею медлить, и великой вредъ чинить будутъ. Кто противъ сего преступитъ, оный накажется яко разбойникъ, а именно: лишенъ будетъ живота.

Сличи: Шведскій воен. арт. 116. См. наши замѣтки къ нему.

Замѣтка: Въ русскомъ арт. 104 въ числѣ общественныхъ зданій, кромѣ церквей и школъ, названы еще «и иные духовные домы». Въ Уложеній или Правѣ воинскаго поведенія правоопредѣленія новодатскаго кодекса, относящіяся къ охраненію общественныхъ зданій и беззащитныхъ жителей при взятіи городовъ и крѣпостей, опущены. Смотри главу VIII улож. или пр. воин. пов. «о взятьѣ городовъ и крѣпостей и въ тѣхъ полученныхъ добычахъ». Тотъ же существенный пробѣлъ виденъ и въ Артикулѣ Краткомъ, гдѣ сказано весьма сжато и неопредѣленно о добычѣ и плѣнныхъ. Напротивъ, въ главѣ XIV Артикула Воинскаго законодатель старается подробно изложить правоопредѣленія, направленныя къ упроченію порядка при занятіи вооруженною рукою крѣпостей, городовъ и проч. съ цѣлью предупрежденія грабежей и всякаго рода безчинствъ. Все это вполнѣ согласно съ духомъ шведскаго военно-уголовнаго права. Находя въ немъ нѣкоторые пробѣлы, составитель Артикула Воинскаго обратился къ кодексамъ имперскому, датскому и голландскому.

Арт. 105. Такожде имѣетъ женской полъ, младенцы, священники и старые люди пощажены быть, и отнюдь не убиты, ниже обижены (развѣ что инако отъ Фельдмаршала приказано будетъ), подъ смертною казнію.

Толк. Ибо оные или невозможности своей или чина своего

ныхъ войскъ въ 1672 г., пересмотрѣнныхъ въ 1682 г. C. J. M. Nov. I, § 127: «Art. Br. der Reichs Völcker, art. 72 и 73. — См. объ этомъ ниже въ главѣ XVII о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ, а равно замѣтку нашу къ Русск. Воин. арт. 103.

Tit. XX.

Von Eroberung der Städte, Festungen, Plätzen etc. und deren darinn befindlichen Beuthe, wie auch von Gefangenen.

Art. 116. Es soll keiner die Kirchen, Schulen, oder Hospitäl, ob schon die Stadte mit stürmender Hand erobert, ausser Erlaubniss und Befehl, plündern oder berauben, es wäre denn Sache, dass die Besatzung und Bürgerschaft sich darinn reteriret, Schaden daraus zu thun, und sich zu Wehr setzen; wer hiewider thut, soll wie vor anderer Raub gestraffet werden.

Сличи: Gust.-Ad. K. A. B., art. 83. — Изъ текста этого артикула выпущено: «Pfriebmden und andere dergleichen Gottes = und zur Unterhalt der Armen bestimbte Häuser». Сравн. Русск. Воин. арт. 104. *Сравни:* Maxim. I Kr. R. art. 13; Maxim. II Ar. Br. art. 9; Ferdin III und Leop. I K. R. art. 10. Dän. Kr. R. art. 41. Holländ. K. R. art. 3. Zürich art. 69. *Коммент.* Grot., de jure belli l. 3, c. 12, n. 6. Theod. in colleg. crim. cap. 9 th. 4. Osiander in Hug. Grot., de jure belli lib. 3, cap. 12, § 6, lat. 1500. — Notata ad art. 87, lit. a. a Papp. ad art. Fredro in milit. lib. 1, punctor. lat. 53 verb. Rex Hispaniae etc. à Mansf. fr. 2. Cap. 11 lat. 227, cap. 12, lat. 240. Struv. de victor. et clad. th. 46. Stevvech. ad Veg. de re milit. lib. 2, c. 7-lat. 148. Anth. Fabrum. de relig. regenda lib. 2, c. 7, n. 20, seqq. Burg. 1 obs. 99,

Замѣтка. Шведскій артикулъ запрещаетъ войскамъ послѣ занятія города вооруженною рукою, *безъ разрѣшенія и повелѣнія*, грабить и обкрадывать церкви, училища и больницы, хотя бы гарнизонъ и жители оставили его, подъ страхомъ наказанія какъ за разбой. Объектомъ преступленія могутъ быть и другія общественныя заведенія, напримѣръ: монастыри, богадѣльни или пріюты, тюрьмы.—Въ имперскихъ нѣмецкихъ военныхъ артикулахъ, на которые мы ссылаемся въ цитатѣ, предписывалось вообще щадить общественныя зданія, не портить ихъ и не осквернять, равно какъ не дѣлать насилій надъ жителями, особенно женщинами и стариками. Датскій арт. 41 запрещаетъ на театрѣ военныхъ дѣйствій занимать церкви и дѣлать въ нихъ какія

ради никакаго ружья не имѣютъ при себѣ: и тако чрезъ сіе чести получить не можно, оныхъ убить, которые оборонятися не могутъ.

Сличи: Имперскіе воен. арт. Максим. II, арт. 8, 54. Ферд. и Леоп. арт. 9.

Замѣтка.—Арт. 105 и толкованіе къ нему основаны на текстѣ имперскихъ нѣмецкихъ законовъ.—«Die Kinderbetterinnen, schwangere Frauen, Iungfrauen, alte Leute, Prieste, Prediger und Kirchen-Diener, die sollen die Knechte beschützen, beschirmen und bey Leibs straffe in keine Weege beleidigen» (Ferd. III и Leop. I, art. 9). И еще: «Es soll keiner, alte verlebte Leute oder Prediger, auch Weibs-Bilder, die auf keine Wehr befenden werden, auch Keine unmündige kinder zu Todt schlagen, bey Leib und Lebens — Straff» (Maxim. II, art. 54).—Имперскій комментаторъ обращаетъ особое вниманіе на женщинъ, разрѣшившихся отъ бремени, а также на беременныхъ женщинъ, напоминая строгость наказанія общихъ законовъ за ударъ беременной женщины палкою или саблею, послѣдствіемъ котораго былъ выкидышъ. Честному солдату стыдно храбрость свою показывать на женщинахъ, старикахъ и священникахъ. Впрочемъ съ самыхъ древнихъ временъ, почти у всѣхъ народовъ, женщины, дѣти и престарѣлые люди считались неприкосновенными и не только при взятіи города, но и вообще на войнѣ. Такимъ образомъ толкованіе объясняется существомъ самого текста артикула 105.

Арт. 106. Когда городъ приступомъ взятъ будетъ, никто да не дерзаетъ грабить, или добычу себѣ чинить, или обрѣтающимся во ономъ питьемъ пьянъ напиться прежде, пока все сопротивленіе престанетъ, все оружіе въ крѣпости взято, и гарнизонъ оружіе свое низположитъ, и квартиры солдатамъ разведены, и позволеніе къ грабежу дано будетъ, подъ опасеніемъ смертной казни.

Сличи: съ ново-шведскимъ арт. 118 и замѣтками къ нему.

Замѣтка. Въ артикулѣ 106, согласно съ шведскимъ арт. 118, дано правило, какъ должны вести себя войска *непосредственно* послѣ занятія съ боя крѣпости или города: пока не будетъ уничтожено послѣднее сопротивленіе въ городѣ, со стороны жителей, или со стороны войскъ, защищающихъ городъ или крѣпость, и пока солдаты не будутъ разведены по квартирамъ, всѣ должны быть при своихъ частяхъ, никто не долженъ отлучаться куда либо за добычею, ни напиваться допьяна и вообще грабить. Нарушителямъ такихъ постановленій опредѣляется смертная казнь. Однако по обычаямъ войнъ XVII и начала XVIII вѣка занятое послѣ штурма какое либо населенное мѣсто (городъ, крѣпость, селеніе) составляло добычу войскъ, какъ награда или поощреніе за совершенный подвигъ, что видно изъ выраженія артикула «и позволеніе къ грабежу дано будетъ», которому соотвѣтствуетъ такое выраженіе шведскаго оригинала: «auch Erlaubniss und Ordre dazu ge-

либо безчинія и какія либо насилія монастырямъ, госпиталямъ и училищамъ, если они не служатъ убѣжищемъ для вооруженнаго непріятеля. Но подобнаго рода злодѣянія, безчинства и преступленія *общаго характера* на театрѣ военныхъ дѣйствій и вообще въ военномъ быту въ шведскомъ военно-уголовномъ кодексѣ разсматриваются особо, въ главахъ 14, 15 и 18. Шведскій военный законодатель Густавъ Адольфъ въ артикулѣ 83-мъ и слѣд. обращаетъ вниманіе на урегулированіе строгаго порядка и благочинія въ своихъ войскахъ именно при занятіи непріятельскихъ городовъ, крѣпостей, лагерей послѣ штурма или боя, когда страсти сильно бываютъ возбуждены, при чемъ, по образу веденія войнъ съ наемными войсками въ средніе вѣка, *добыча* составляла нерѣдко и цѣль вторженія въ непріятельскую землю. Правоопредѣленія Густава Адольфа въ главѣ XIX—«Von Eroberung der Städten, Festungen, Platzen etc. und deren darinnen befindlichen Beute» усваиваются бранденбургскимъ и швейцарскимъ кодексами, и во второй половинѣ XVII ст., послѣ введенія національныхъ регулярныхъ войскъ, содѣйствуютъ къ установленію болѣе гуманныхъ отношеній войскъ къ собственности занятой страны и къ сохраненію всякаго рода общественныхъ сооруженій, особенно церквей, школъ, госпиталей.

Art. 117. Giebet Gott das Glück, dass der Feind aus dem Felde geschlagen würde, sollen ihm alle nachsetzen, und keiner-sich des Beuthen und Raubens gebrauchen, biss der Feind gäntzlich verjaget, und se lange es geschehen kan, verfolget werden; fället man dem Feind ins Läger, soll äuch niemand, ehe der Feind gäntzlich hinaus geschlagen, und auf die Flucht gebracht worden, sich aufs Plündern geben, wann aber solches geschehen, als dann mag er das Theil, so ihm ins Feindes Lager zugetheilet worden, plündern; vorher aber sich nicht gelüsten lassen, entweder einige Plünderung anzufangen, oder auch in andere Quartier, als ihm zugetheilet worden, einzufallen, wer hiewider zu plündern anhebet, ehe ihm darzu Erlaubniss und Ordre gegeben worden, der mag ohn einiges Bedencken von seinen Officiern, Mittgesellen, oder andern Todt geschlagen; im Fall es aber nicht geschehe, und gleichwohl ein Schade darob erfolgen würde, soll er am Leben, ereignete sich aber kein Schade, mit dem Eisen gestraffet, auch mit Wasser und Brodt ein Monat lang gespeiset, und die Beute an den Kriegs-Hospithal gegeben werden. Plündert jemand ein ander Quartier, als welches ihme zugeordnet worden, solches soll mit gleichmässiger Straffe beahndet werden.

Сличи: Gust.-Ad. Kr. Ar. Br. art. 84.—Русск. Арт. арт, 107 и 108. Смотри объ этомъ: Reut. Pestall. art. 82, 83. Maxim. II Ar. Br. art. 20, 62

geben worden».—Если же разрѣшенія на грабежъ не послѣдовало, то правоопредѣленія арт. 106 оставались въ своей силѣ.

Арт. 107. Когда въ непріятельской обозъ впадутъ, или онаго съ поля собьютъ, никто добычи чинить или грабить да не дерзаетъ, до тогожъ времени, какъ уже а) непріятель изъ обоза или съ поля весьма сбитъ: и за онымъ сколько возможно въ погонѣ будутъ, и когда сіе учинится, тогда можетъ всякъ часть, которая ему назначена, грабить. Кто-же похощетъ другого часть взять, оный безъ всякаго размышленія отъ товарища своего можетъ убитъ быть. Ежели же отъ того преступленія непріятель поправится, б) и вредъ причинится въ войскѣ, в) тогда оный, чинящій добычу, живота лишенъ; а если вредъ чрезъ оное не учинится, то г) шпицрутенами жестоко наказанъ, а добыча неимущимъ раздана быть имѣетъ [71]).

Примѣчаніе. На особой запискѣ имѣется проектъ 107 артикула, написанный, повидимому для замѣны текста находящагося въ рукописи, перечеркнутаго, но засимъ исправленнаго, Петромъ I, какъ значится въ печати. Этотъ проектъ, оставленный безъ послѣдствій, т. е. не принятый государемъ, такъ изложенъ.

«107»

«Тожъ и подъ такимъ же наказаніемъ запрещаетца и въ поле когда обозъ возмутъ, дабы до тѣхъ мѣстъ не дерзали грабить, пока неприятель весьма неразоренъ и не отогнанъ, но когда сіе все окончается и указъ данъ будетъ разделять или грабить почему и поступати должны и всякому свою часть взять — а буде хто чежую часть заплатилъ (?) (не захватилъ-ли) тот о́т товарище своего может убит быть. Ежели же какого ради случая скоро делить будетъ невозможно и велятъ грабить, то однакож без всяких дракъ, ссоръ и захватокъ надлежитъ брать подъ жестокимъ наказаньемъ или ; смертной казни». Эта редакція не согласна ни съ текстомъ 117 ново-шведскаго ни съ текстомъ 66 бранденбурскаго артикуловъ, которые собственно и приняты за образецъ для окончательной редакціи нашего артикула.

Замѣтка. Въ редакціи 107 артикула нашъ законодатель, слѣдуя системѣ ново-шведскаго кодекса, находитъ болѣе соотвѣтственнымъ текстъ арт. 66-го бранденбурскаго кодекса, который изложенъ согласно съ текстомъ старо-швед-

---

[71]) На рукописномъ экземплярѣ, хранящемся въ Главномъ Штабѣ, рукою Петра I сдѣланы слѣдующія исправленія: а) зачеркнуто «развѣ что» и надписано: «*до тогожъ времени какъ уже*». б) «А ежели» (здѣсь «а» зачеркнуто) «же не случится, и токмо», это все зачеркнуто и сбоку написано: «*же отъ того преступленія непріятель поправится*»; в) послѣ слова «причинити» надписано «*въ войскахъ*» г) слово «непричиненъ» зачеркнуто, вмѣсто его написано «*учинится то*». Поправки собственноручныя Петра I: 31, 32, 33 и 34.

Ferd. III Kr. R. art. 25. Dän. Kr. R. art. 94, 95, 102. 124, 128. Brand. Kr. R. art. 66. Holländ. Kr. R. art. 63. Zürich, Kr. R. art. 70.—См. наши комментаріи.

Замѣтка. Артикуломъ 117-мъ повелѣвается войскамъ: 1) послѣ пораженія непріятеля въ полѣ (въ сраженіи) преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ совершенно прогнанъ; 2) послѣ занятія непріятельскаго лагеря точно также преслѣдовать разбитыя части; 3) въ обоихъ случаяхъ не допускать грабежа и пріобрѣтенія добычи; 4) брать каждому свою долю изъ добычи не ранѣе, какъ послѣ нанесенія окончательнаго пораженія непріятелю; 5) кто бросится на добычу ранѣе даннаго на то разрѣшенія или приказанія, таковыхъ могутъ убивать безъ всякаго разсужденія (ohn eniges Bedenken) офицеры, товарищи и другіе люди (oder andern); 6) если грабители ускользнули отъ расправы то, въ случаѣ дурныхъ послѣдствій, наказываются лишеніемъ жизни, когда-же не было дурныхъ послѣдствій, то подвергаются мѣсячному аресту—въ желѣзахъ, и содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, а добыча остается въ пользу госпиталя. Наконецъ, 7) такому же наказанію подвергаются и тѣ, которые ограбили какую-либо чужую квартиру. Въ первоначальномъ текстѣ артикула (Старошвед. art. 88) сдѣланы добавленія: въ 1-хъ о воздержаніи войскъ отъ грабежа послѣ выиграннаго сраженія и во 2-хъ о наказаніи за грабежъ чужой квартиры. Въ правоопредѣленія 117 артикула шведскаго кодекса мы видимъ болѣе точную регламентацію, чѣмъ въ постановленіяхъ относительно грабежа войскамъ въ имперскихъ и датскихъ артикулахъ, указанныхъ въ цитатѣ; въ нихъ ничего не сказано о преслѣдованіи послѣ нанесеннаго ему пораженія, взятія города, или лагеря. Въ датскихъ артикулахъ—94, 95, 102 опредѣляется образъ дѣйствія войскъ во время боя, что вовсе не относится къ разсматриваемому вопросу; въ 124-мъ сказано о добычѣ и плѣнныхъ, которые попадутъ въ руки войскъ, въ 128-мъ грабежъ запрещается во время сраженія и штурма, занятія непріятельскаго лагеря и квартиръ, если на то не послѣдовало положительнаго разрѣшенія; какъ должно поступать, присяжнымъ солдатамъ и офицерамъ, назначеннымъ для раздѣла добычи, въ случаѣ возникшихъ споровъ и раздоровъ объ ея раздѣлѣ. Но эти вопросы разсматриваются ниже въ артикулахъ 109, главы XX шведскаго кодекса.—См. еще въ新одатскомъ кодексѣ арт. 105—послѣ сраженія воспрещается брать добычу, *хотя-бы послѣдовало разрѣшеніе со стороны своего офицера.* Брангбургскій арт. 66 и Швейцарскій арт. 70 по конструкціи своей тождественны съ старошведскимъ арт. 84. Сравни Арт. Воин. арт. 107 и 108 въ первоначальной и окончательной редакціи и наши замѣтки къ нимъ.

Art. 118. Wann eine Festung oder Stadt mit stürmender Hand eingenommen wird, soll keiner plündern oder Beute machen, oder sich von deme darinn befindlichen Getrăncke vollsauffen, ehe und bevor alle Schutzwehr der Festung gäntzlich erobert, die Besatzung und Bürgerschafft ihre Waffen niedergeleget, die Quartiere unter den Soldaten ausgetheilet, auch Er-

скаго артикула 84.—Подъ выраженіемъ «обозъ» слѣдуетъ понимать лагерь. Итакъ правоопредѣленія Артикула, согласно съ оригиналомъ, служатъ продолженіемъ мысли законодателя, намѣченной нормами предыдущаго 106-го артикула. Захватъ добычи или, выражаясь вульгарнымъ языкомъ того времени, «грабежъ», допускается не ранѣе, какъ послѣ занятія непріятельскаго лагеря (надо полагать укрѣпленнаго), или разбитія его въ полѣ (въ сраженіи), когда притомъ нанесено ему окончательное пораженіе преслѣдованіемъ. Изъ добычи каждый можетъ взять только ту часть, которая ему назначена, а ежели кто вздумаетъ брать чужую часть, тотъ можетъ быть даже убитъ своимъ товарищемъ на мѣстѣ преступленія.—Выраженіе: «Ежели же отъ того преступленія непріятель поправится», написанное рукою Петра I, означаетъ то, что если бы вслѣдствіе погони за добычею, разбитый непріятель оправился, тогда: (и т. д. до конца) слѣдуетъ опредѣленіе: что въ случаѣ дурнаго оборота дѣла виновные въ безпорядкѣ наказываются лишеніемъ жизни, а если дурныхъ послѣдствій отъ такого безпорядка не было, то они наказываются шпицрутенами. Такимъ образомъ нашъ законодатель существенно измѣнилъ смыслъ слѣдующихъ послѣднихъ строкъ оригинала: «im Fall es aber nicht geschehen, und gleichwohl ein Schaden dorob erfolgen solte, dennoch am Leben; eräugete sich aber kein Schade, mit dem Eisen gestrffet auch mit Wasser und Brod einem Monat lang gespeiset, und die Beute dem Armen gegeben werden». (C. I. M. 1709, s. 658). То-есть, если при захватѣ добычи, кто-либо бросится на чужую часть и, ею воспользовавшись, *ускользнетъ отъ расправы своихъ товарищей*, (im Fall est aber nicht geschehen), то и т. д. (слѣдуетъ такая-то расправа съ виновниками безпорядка). Нерѣдко случалось, что непріятель послѣ нанесеннаго ему пораженія, пользуясь безпорядкомъ побѣдителей, занимающихся захватомъ и дѣлежомъ добычи, обращалъ противъ нихъ свое оружіе и выигрывалъ побѣду послѣ проиграннаго сраженія. Это обстоятельство кажется и имѣлъ въ виду нашъ законодатель, измѣняя по существу конецъ артикула 107.

Арт. 108. Такожде никто другаго квартиру, которая ему назначена, грабить, или у другаго добычу насильствомъ отнять да не дерзаетъ. Кто противъ сего преступитъ, имѣетъ отнятое паки возвратить и, сверхъ того, по изобрѣтенію и состоянію дѣла, жестоко наказанъ быть.

Сличи: ново-шведскій арт. 117.—Оттуда собственно и взяты слѣдующія положенія, составившія арт. 108: «oder auch in andere Quartier, als ihm zugetheilet worden». «Plündert jemand ein ander Quartier als welches ihme zugeordnet worden». — Правоопредѣленіямъ арт. 108 данъ самостоятельный характеръ,—воспрещеніе подъ страхомъ наказанія занимать насильно квартиру, или отнимать у другого добычу, когда бы то ни было, а не только послѣ пораженія непріятеля. Въ этомъ смыслѣ арт. 108 служитъ дополненіемъ къ главѣ XI Арт. Воин. См. вып. 2-й стр. *610* и слѣд.—*арт. 84.*

laubnis und Ordre dazu gegeben worden, bey nächst vorange-deuteter Straffe.

Сличи: Gust.-Ad.'Kr. Ar. Br. art. 85. Русск. Воин. Арт. арт. 106. Смотри. объ этомъ: Röm. R. Reut. Bestall. art. 17, 82. Max. II Ar. Br art. 20. Ferdin. III u Leop. I Art. Br. art. 25. Alt. Dän.'Kr. R. art. 102. Brandenb. Kr. R. art. 67. Artil. Ordon. art. 25, 26. Zürisch Kr. Ar. art. 71. Коммент. Burg. 2, Q. 70. Neu. Dän. Ar. Br. 107.

Замѣтка. Артикулъ 118 въ сущности служитъ развитіемъ предыдущаго артикула—послѣ взятія штурмомъ крѣпости или города запрещается: грабить или брать добычу и напиваться допьяна, ранѣе пріобрѣтенія оборонительнаго вооруженія крѣпости, положенія оружія гарнизономъ и жителями, раздѣленія квартиръ между солдатами и даннаго на грабежъ разрѣшенія или приказа, подъ угрозою наказанія, опредѣленнаго въ арт. 117, т.-е. лишеніемъ жизни или только арестомъ въ желѣзахъ. Все это согласно съ старошведскимъ арт. 85, бранденбургскимъ арт. 67, швейцарскимъ арт. 71.

Въ нѣмецкихъ имперскихъ артикулахъ правоопредѣленія, относящіяся ко времени захвата добычи, не имѣли столь детальной регламентаціи.—Въ сраженіяхъ и при штурмахъ никто не долженъ заниматься грабежомъ, или добычею имущества, прежде занятія города и плаца, но должны оставаться въ строю, подъ угрозою наказанія на тѣлѣ. (Maxim II art. 20, Ferd. III u. Leop. I art. 25). Комментаторъ разъясняетъ причину, почему именно преступно уходить изъ строя ранѣе, чѣмъ нанесено будетъ пораженіе непріятелю, со ссылкою на бранденб. арт. 66.

Во время боя каждый долженъ оставаться на указанномъ ему мѣстѣ, а послѣ боя и штурма никто не долженъ отлучаться отъ своей части, для грабежа, ранѣе завладѣнія городомъ и даннаго на то разрѣшенія и приказанія, подъ угрозою наказанія на тѣлѣ. Точно также и прочія части войскъ, которыя не будутъ находится на томъ мѣстѣ, гдѣ одержана побѣда, должны оставаться въ боевомъ порядкѣ, чтобы повиновеніе и команда оставались въ должномъ наблюденіи. (Alt-Dän. art. 102). Въ обновленномъ-же датскомъ кодексѣ (Христіанѣ V, арт. 107) увеличивается наказаніе за грабежъ и пьянство *ранѣе* овладѣнія крѣпостью или инымъ мѣстомъ, пока гарнизонъ не положитъ оружія и не будетъ разрѣшено приступать къ дѣлежу добычи; за нарушеніе такого постановленія опредѣляется наказаніе *на тѣлѣ и смертію*.

Послѣ овладѣнія штурмомъ крѣпостью или городомъ, артиллеристы должны оставаться при своихъ орудіяхъ съ зажженными фитилями, не должны разряжать орудій безъ приказанія своихъ непосредственныхъ начальниковъ и не смѣютъ отлучаться куда-либо для производства грабежа, подъ угрозою лишенія жизни.

Слѣдующіе артикулы 109, 110 и 111 составлены, примѣняясь къ толкованіямъ бранденбургскаго комментатора и тексту ново-датскаго военно-уголовнаго кодекса.

Арт. 109. *Подъ наказаніемъ запрещается всякому, чтобъ* а) добычную скотину изъ обоза *не продавать* (в), но въ обозѣ за пристойную цѣну продавать имѣетъ, дабы рядовые и слуги оную употребить могли, развѣ за излишествомъ рядовымъ болѣе непотребно будетъ; *однакожъ съ позволенія вышняго командира* (б).

Въ рукописи слова напечатанныя въ началѣ и въ концѣ (а и б) курсивомъ, приписаны рукою какого-то справщика черными чернилами, а слова «не продавать» (в) надписано красн. чернилами, только другого справщика, именно того который исправлялъ всю рукопись Артикула.

Замѣтка. Комментаторъ Гойеръ въ своихъ замѣткахъ по поводу бранденбургскаго арт. 66, соотвѣтственнаго Воинскому арт. 107, между прочимъ говоритъ: «Das Vieh Solle niemand ausserhalb des Lagers, besondern im Lager um einen billigen Preiss, nach Erkäntniss des General Gewaltigers, oder anderer Profosen, verkauffen, damit es den gemeinen Knechten zu Nutz komme». Эти правоопредѣленія Гойеръ цѣликомъ заимствовалъ изъ старо-имперскаго кодекса, Maxim. II Art. K[illegible]r. art. 64. Первоначальный текстъ 109 артикула въ рукописи измѣненъ справщикомъ добавленіями, напечатанными у насъ курсивомъ. Сказанное въ концѣ этого артикула замѣняетъ выраженіе: «nach Erkäntniss des General Gewaltigers, oder anderer Profosen». Въ артикулѣ 109 проводится мысль голландскаго комментатора о томъ, что всякая добыча должна быть продаваема въ своемъ лагерѣ, или мѣстѣ занятомъ гарнизономъ, а также положенія старо-датскаго кодекса: Hollän. K. r. art. 63, Alt. Dän. Ar Br. art. 126.

Арт. 110. Офицеры да не дерзаютъ у своихъ сущихъ подъ командою солдатъ полученную правомъ добычу отнимать подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и возвращеніемъ взятаго.

Сличи: старо-датскій арт. 128 и ново-датскій арт. 133. Въ первой части артикула говорится о порядкѣ раздѣла добычи, захваченной у непріятеля и объ устраненіи несогласій и споровъ при ея дѣлежѣ. Во второй-же части сказано такъ: «Ein Officier sol die Beute, so einem Soldaten mit Recht zustehet, es sey unter was Schein und Praetext immer geschehen kan, mit abnehmen». См. еще объясненія Петра Паппія по поводу голландскихъ в. арт.

(Бранд. артил. уст. арт. 25 и 26). Сравни съ шведск. арт. 118 (respec. art. 85) и Арт. Воин., арт. 106.

Art. 119. Erobert man in einer überwundenen Stadt, Schlössern, Flecken und Festungen, oder auch in des Feindes Lager, Beuthe; davon gebühret Uns alles Geschütz, Kraut, Loth und Ammunition, so im Vorrath ist; wie auch alles Proviant und Victualien, so in allgemeiner Verwahrung und Häusern befunden wird, und soll solches alles, ohne einiges Vorwenden, Uns zustehen, folgen und bleiben; wie auch dieselbe eroberte Städte, Schlösser, Länder, Leute und Flecken; welche, wann sie in Huldigung angenommen seynd, und ihren Eyd abgestattet haben, auf keinerley Weise weiter beschädiget werden sollen; was sonsten und ausser den publiquen Häusern in dergleichen Begebenheiten erobert werden kan, gehöret vor die Milice, und wird derselben zugetheileet, nach Abzug des zehenden Theils vor die Krancken.

Сличи: Gust. Ad. Kr. Ar. Br. art. 86. Русск. Воин. Арт., арт. 112. Смотри объ этомъ: Röm. R. Bestall. 96, Maxim. II. Art. Br. art. 62, 64, Ferdin. III. Kr. R. art. 68. Dänish. Kr. R. art, 125, 126, 127, 131. Holländ. Kr. R. art. 63, 64. Brandenb. Kr. R. art. 68. Коммектаріи: Struve de praecipuo Regio git tract. de vict. et clade th. 105. Grotius de jure belli lib. 3, cap. 6, n. 11. Burg. 1 observ. 25 et 26; 3 obs. 99; 4 obs. 98.

Замѣтка 1-я. Въ 119-мъ артикулѣ опредѣляется порядокъ распредѣленія добычи и трофеевъ въ занятыхъ съ боя непріятельскихъ городахъ, замкахъ, селахъ и крѣпостяхъ. Въ пользу государя поступаютъ: все оружіе, порохъ, свинецъ, аммуниція, что имѣется въ запасѣ, равно провіантъ и жизненные припасы, найденные въ магазинахъ и домахъ (для общаго употребленія), также пріобрѣтенные города, замки, страны, люди, селенія; по учиненіи жителями присяги, всѣ названныя мѣста остаются неприкосновенными; все прочее, найденное не въ общественныхъ домахъ, принадлежитъ войскамъ и распредѣляется между ними съ исключеніемъ десятой доли въ пользу больныхъ.—Въ прежнемъ арт. 86 въ пользу государя поступали только артиллерійскія орудія съ принадлежащими къ нимъ огнестрѣльными припасами: «alles grosses Geschütz auch desselben zugehörige Munition, Kraut, Loth». Еще болѣе существенное измѣненіе кодекса Густава Адольфа состоитъ въ томъ, что къ его арт. 86 въ новой

62 и 63, а также наши замѣтки на ново-шведскій арт. 119, соотвѣтственный русск. воин. арт. 112. Офицеры за такого рода противозаконныя дѣйствія по иностраннымъ законамъ подвергались лишенію чина, а насильственно взятая добыча конфисковалась.—Сравни. текстъ Воин. арт. 110 съ текстомъ ст. 103, гл. VIII *Улож. или права воин. пов.* гдѣ сказано: «начальные люди у солдатъ своихъ подъ властью имѣющихъ, по правдѣ взятую добычу просить, наипаче же отнимать не имѣютъ, подъ потеряніемъ чина и совершеннаго отнятія взятаго», что согласно съ текстомъ арт. 133 ново-датскаго кодекса Христіана V

Арт. 111. Что непріятель двадцать четыре часа или сутки во своемъ владѣніи имѣлъ, оное почитается за добычу.

Толк. Наприкладъ: непріятель возметъ у Андрея въ партіи поводную лошадь; а по трехъ или четырехъ дняхъ случится, что Петръ съ помянутымъ непріятельскимъ партизаномъ бой учинитъ, и возметъ у онаго лошадь, взятую у Андрея; но понеже оная лошадь болѣе 24 часовъ въ непріятельскихъ рукахъ была, того ради Андрей болѣе оной требовать не можетъ, но оная лошадь Петру достаться имѣетъ, и почитается за добрую добычу.

Замѣтка. Согласно съ датскимъ подлинникомъ: «Was der Feind vier und zwantzig Stunden in seiner Gevalt gehabt, soll für gute Beute gerechnet werden». Между тѣмъ этотъ 134 артикулъ ново-датскаго кодекса въ Уложен. или Правѣ воин. пов. (гл. VIII, ст. 105) былъ изложенъ крайне неудачно: «Когда непріятель часъ (что-либо) во владѣніи своемъ имѣлъ, наше или дружнее, то взятье оное яко подменную (?) за добрую добычу почитати надлежитъ». Составитель Арт. Воин. счелъ нужнымъ дать объясненіе въ толкованіи, какъ должно понимать артикулъ 111.

Послѣ добавочныхъ артикуловъ о добычѣ по законамъ датскимъ, голландскимъ и имперскимъ, составитель Артикула Воинскаго возвращается къ тексту XX новошведскаго кодекса. именно, къ арт. 109, который въ нашемъ уставѣ такъ изложенъ въ арт. 112.

Арт. 112. Отъ полученной добычи, хотя въ городахъ, замкахъ, мѣстечкахъ, крѣпостяхъ или лагеряхъ, принадлежитъ Его Величеству все ружье, порохъ, свинецъ и аммуниція, такожде весь провіантъ, которой во всѣхъ домахъ найденъ будетъ; и не надлежитъ взятые городы, замки и мѣста, когда оные присягу учинили, болѣе повреждать или поборами отягчать, а остальное имѣть отдано быть по вычету десятой доли больнымъ солдатамъ.

редакціи прибавлено о *принадлежности* государю пріобрѣтенныхъ городовъ, замковъ, жителей.

Бранденбургскій законодатель въ арт. 68 слѣдуетъ тексту старо-шведскаго арт. 86, съ тою только разницею, что десятая доля добычи поступаетъ въ пользу бѣдныхъ (für die Armen).

Замѣтка 2-я. Въ старо-имперскомъ воен. правѣ (Maxim. II, art. 62, 64) пріобрѣтенная добыча послѣ сраженія и штурма, въ завоеванномъ мѣстѣ, поступала въ распоряженіе полководца, князей и старшихъ начальниковъ и затѣмъ становилась предметомъ торговли, т.-е. продавалась въ пользу государя, полководца или начальниковъ. Отнятый у непріятеля скотъ и провіантъ *продавались* профоссами, или ихъ помощниками солдатамъ за опредѣленное число пфеннинговъ (um einerc Ziemblihen Pfenning verkauffen).—Но въ уставѣ для кавалеріи (Röm. R. Reut. Bestal. art. 96) съ добычею опредѣлено поступать такъ, какъ сказано въ шведскомъ кодексѣ; а именно: пріобрѣтенные города, замки, селенія, страны и люди вмѣстѣ съ оружіемъ, аммуниціей, провіантомъ и припасами всегда (in allewege) принадлежать намъ и государству. По учиненіи присяги означенныя пріобрѣтенія не должны быть подвергаемы порчѣ, ни сожигаемы, все-же прочее имущество, которое по военнымъ обычаямъ составляетъ добычу (Preiss), должно имъ (т.-е. войскамъ) принадлежитъ. Такимъ образомъ, въ нѣмецкихъ военно-уголовныхъ законахъ въ отношеніи добычи существовали два не вполнѣ тождественныхъ закона, ибо то что сказано въ артикулахъ Максимиліана II, повторяется безъ измѣненія въ артикулахъ Фердинанда III и Леопольда I (art. 66, 68).—Комментаторъ совѣтуетъ не брать за безцѣнъ добычи у солдатъ, какъ это дѣлаютъ офицеры, такъ какъ солдатъ могъ бы продать ее свободно, по выгодной цѣнѣ; захваченная солдатомъ добыча должна оставаться въ его пользу, чтобы возбуждать въ немъ больше охоты къ исполненію своихъ обязанностей,—(damit er bey sich wiederum eräugneter Occasion sein Devoir zu thu mehrers Lust dekäme). Можно-ли при такомъ взглядѣ на добычу и самыхъ юристовъ удивляться безчинію нѣмецкихъ имперскихъ солдатъ въ XVII столѣтія!

Замѣтка 3-я. На основаніи голландскаго военнаго права (Holländ Kr. R. art. 63 и 64) опредѣляется лишеніе жизни: 1) за непредставленіе генералу или начальнику квартиръ для включенія въ опись добычи въ теченіе трехъ часовъ, а самая добыча конфискуется, и 2) за продажу добычи или разрѣшеніе продавать добычу въ окрестныхъ мѣстахъ или городахъ, ибо всякая добыча должна быть продаваема въ своемъ лагерѣ, или въ мѣстѣ занятомъ гарнизономъ.—Въ наши дни, говоритъ Петръ Паппій, эти постановленія плохо соблюдаются. Но было-бы лучше, если-бъ ихъ соблюдали, что бы никто, кто свое продалъ, снова не укралъ бы у своего государя имущества, правильно поступившаго въ раздѣлъ. Чинутти (lib. 3, cop. 52, num. 40) вполнѣ согласенъ съ текстомъ голландскаго артикула (63-го) о регистраціи добычи для общаго раздѣла. Древніе полководцы заботились о своевременномъ раздѣлѣ добычи между солдатами, и ничего себѣ не присваивали. Такъ, Скандербергъ

Толк. Между симъ, что Его Величеству достаться имѣетъ счисляются всѣ деньги, которыя найдутся, собранныя къ общей потребности.

Сличи: ново-швед. арт. 119, старо-швед. арт. 86, бранденб. арт. 68.

Замѣтка. Текстъ артикула 112 согласованъ съ текстомъ бранденбургскаго артикула 68-го, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями въ частностяхъ, примѣняясь къ ново-шведскому арт. 119; такъ, добычу государственной казны составляетъ «все ружье», а не одни только артиллерійскія орудія «grosse Geschütz», какъ сказано въ бранденбургскомъ; «провіантъ», а не провіантъ и жизненные припасы—«alles Proviant und Victualien» (бранд. и шведск); «во всѣхъ дѣлахъ», а не въ общественныхъ только—«in allgemenen Verwahrung und Haüsern», (бранд. и шведск.); остальная добыча за вычетомъ десятой доли отдается «больнымъ солдатамъ», въ бранденбургскомъ—бѣднымъ, «für die Armen». — Сравни постановленія арт. 112 съ датскими арт. 125 и 126, гдѣ, между прочимъ опредѣляется какъ поступать съ остаткомъ провіанта, рогатымъ скотомъ и лошадьми, что разъяснено нами въ 4-й замѣткѣ, на ново-шведск. арт. 119. О томъ, какъ поступали съ военной добычей въ древности нѣкоторые короли и полководцы, сказано въ замѣткѣ 3-й къ тому-же шведскому артикулу.

Арт. 113. Всѣ штандарты и знамена, которые отъ непріятеля возмутся, имѣютъ Его Величеству или Генералу, сколь скоро возможно, безъ замедленія отданы быть. Кто сего не учинитъ, и оставитъ изъ оныхъ при себѣ: тогда оный отъ чина своего безъ абшида отставленъ, а рядовой шпицрутенами наказанъ будетъ.

Сличи: ново-швед. арт. 123. Такого постановленія мы не встрѣчаемъ въ другихъ извѣстныхъ намъ иностранныхъ кодексахъ конца XVII и начала XVIII столѣтія. Очевидно, что къ постановленію о штандартахъ и знаменахъ примѣнены правоопредѣленія о плѣнныхъ.

Послѣдніе три артикула—114, 115 и 116, содержатъ постановленія о плѣнныхъ.

раздѣлилъ между своими солдатами 20,000 кронъ. Histoire de Scandenbeg l. 4, cap. 2, fol. 95, 6. Императоръ Аврелій Пробъ взялъ себѣ только оружіе, все же прочее роздалъ солдатамъ. Henric. Pantaleo p. 1. de viris illustrib. Germaniae pag. 128. Герцогъ Баварскій Феодоръ I, по завоеваніи Регенсбурга, всю добычу отдалъ солдатамъ. Pantaleo d. p. 1, pag. 183. Французскій король Клодовикъ изъ добычи взялъ себѣ не болѣе того, что слѣдовало каждому солдату. Aimon. l. 1, de gestu Franc. c. 12.—Съ текстомъ голландскаго арт. согласенъ также и Лондонно — Londonno p. 80 съ оговоркою, что солдатъ, стремящійся только за добычей, ни къ чему не способенъ. L. Baron du Villars en ses instructions part· 1, c. 10. Поэтому вновь поступающіе солдаты должны остерегаться бѣгать за добычею, если желаютъ служить честно. — По замѣчанію Лондонно, все что пріобрѣтается отъ непріятеля должно быть распредѣляемо пропорціонально съ должностью и окладомъ каждаго. Поэтому все должно быть записано и продано въ опредѣленномъ мѣстѣ. См. еще Ayala lib. 1, de jure et offic. bellic. cap. 5—à num. 4 usaue ad 6. (C. I. M. 1709, s. 170, 171).

Замѣтка 4-я. Въ старо-датскихъ военныхъ законахъ, относительно добычи и ея раздѣла, были установлены слѣдующія правила: Замки, города, селенія и корабли, равно какъ оружіе, крупное и мелкое, порохъ, свинецъ, аммуниція, артиллерія съ принадлежностями ея и всѣ провіантскіе магазины принадлежатъ намъ, art. 125. Весь запасъ провіанта, какой будетъ гдѣ либо найденъ, долженъ быть переданъ коммисарамъ, для раздѣла на двѣ половины, изъ коихъ одна въ пользу нашу, а другая въ пользу войскъ. Скотъ, получаемый посредствомъ контрибуціи, поступаетъ къ нимъ для продажи по дешевой цѣнѣ. Лошади, взятыя въ добычу, должны быть уступлены намъ по дешевой цѣнѣ, для перевозки провіанта и артиллеріи, хотя бы таковые достались въ добычу кавалеріи, и годны были для ея ремонта (art. 126).

Вся добыча должна быть представлена чиновнику, назначенному генераломъ, для внесенія въ реестръ; кто ее не представитъ, или кто будетъ продавать ее внѣ квартиры и лагеря, тотъ лишается мѣсячнаго жалованья и подвергается трехъ-дневному аресту, а за кражу добычи у кого-либо виновный наказывается какъ воръ (art. 172). Раздѣлъ добычи, для устраненія спора, производится назначенными присяжными офицерами и солдатами, которые обязаны опредѣлить соотвѣтственную долю каждому офицеру, рейтару и кнехту. Офицеръ не долженъ отнимать у солдата добычи, доставшейся ему по праву, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, Art. 128.—Изъ этихъ постановленій въ обновленномъ военномъ артикулѣ Христіана V сохранились только два узаконенія, а именно: въ пріобрѣтенныхъ силою оружія городахъ и проч. намъ принадлежитъ крупное оружіе съ принадлежащими къ нему припасами, равно какъ запасъ провіанта и жизненныхъ продуктовъ, которые найдены будутъ въ общественныхъ лавкахъ или частныхъ домахъ, все это безъ всякаго изъятія должно быть намъ представлено, а доставшихся людей и городовъ, взятыхъ подъ наше покровительство (wann sie zu Gnaden angenommen seynd), не должно ни оскорблять, ни вредить имъ, тѣмъ менѣе

Арт. 114. Всѣхъ плѣнныхъ, которые при взятіи городовъ, въ баталіяхъ, сраженіяхъ или гдѣ индѣ взяты будутъ, имѣютъ немедленно оному, которой команду имѣетъ, объявить и отдать. Никто жъ да не дерзаетъ плѣннаго подъ какимъ-нибудь предлогомъ при себѣ удержать, развѣ когда указъ инако данъ будетъ. Кто противъ сего преступитъ, имѣетъ, ежели онъ офицеръ, чина лишенъ [72]), а рядовой жестоко шпицрутенами наказанъ быть.

Толк. Ибо часто генералу или командиру зѣло потребно есть. чтобъ онъ тотчасъ плѣнныхъ получилъ, и отъ оныхъ о состояніи непріятеля и его намѣреніи увѣдомиться возмогъ: ибо въ маломъ умедленіи времени великой интересъ пренебреженъ быти можетъ.

Сличи: ново-швед. арт. 130, старо-швед. арт. 87, бранденб. 69 и комментаріи къ 59 арт. голландскому.

Замѣтка 1. Арт. 114 выражаетъ только главныя положенія о томъ, какъ должно поступать съ плѣнными, не предрѣшая вопроса о передачѣ ихъ генералъ-гевальтигеру и о представленіи ихъ въ неопредѣленный срокъ. Въ нашемъ артикулѣ сказано «немедленно», а не въ теченіе сутокъ (ново-швед.) или 36 часовъ (старо-швед. и брандеб.). Въ этомъ отношеніи нашъ законодатель слѣдуетъ замѣчаніямъ Петра Паппія по поводу 59-го голланд. артикула: «Aber alhie ist zu wissen, dass dem General, oder dem, welcher an seine Statt das Clommando hat, bissweilen viel-daran gelegen ist, die Gefangene zu haben, damit er des Feindes Zustand erforschen möge. Сравни эти замѣчанія съ текстомъ толкованія въ арт. 114. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ у Айалы: Ayalam lib. 1 de jure et offic. bellic. cap. 5 num. 28 et seq.

Замѣтка 2. Въ *Улож. или правѣ воинс. пов.* (Глава VIII) постановленія о плѣнныхъ согласованы съ датскимъ кодексомъ, ст. 99. «Всѣ взятые полоненники Государева принадлежность. А которые въ разныхъ починкахъ (?) или уѣздахъ взяты будутъ и принадлежатъ тѣмъ, которые (взяли ихъ), по разсмотрѣнію воинскаго правителя». *Ст. 100:* «Однакожъ всякій, который непріятельскихъ полоненниковъ проведетъ (приведетъ), надлежитъ тому, который въ становище вышную волость (власть) имѣетъ, тотчасъ представити и

[72]) Надписано рукою Петра I «чина лишенъ». Поправка 35.

подвергать строенія сожженію, подъ угрозою наказанія лишеніемъ жизни, art. 129.—Офицеры не должны отнимать у солдатъ принадлежащую имъ по праву добычу, подъ опасеніемъ лишенія чина и полной конфискаціи отнятаго (имущества) у солдатъ, art. 133.—Сравни арт. 125 и 128 старо-датскаго кодекса съ арт. 129 и 133 обновленнаго кодекса Христіана. С. I. M. 1674, s. 257, 258, С. I. M. 1709, s. 471, 472.

Art. 120. Da vom Feind Gefangene eigebracht werden, soll niemand, weder hohe noch niedrige Officierer, noch die Regiments-Provosen, dieselben über vier uud zwantzig Stunden bey sich behalten, vielweniger ohne Unser und des Feld-Marschalln Vorwissen und Bewillung los lassen, sondern selbige innerhalb benandter Zeit dem General-Gewaltiger, oder in dessen Abwesenheit seinem Lieutenant nebenst einer richtigen Specification, von wem, und was für Gefangene genommen, und geliefert worden, zur Verwahrung überantworten, daferne nicht ein anders von Uns oder dem Feld-Marschalln befohlen wäre; handelt Officier hiewieder (sic), soll er seines Dienstes ohne Abschied verlustig seyn; ein Gemeiner aber, soll sechsmahl die Gasse lauffen.

Сличи: Gust. Ad. Kr. Ar. Br. art. 87. Русск. Воин. Арт., арт. 114. Смотри: объ этомъ: Röm. R. Bestall. art. 94, 95. Holland. Kr. R. art. 59. Brandenb. Kr. R. art. 69. Zürisch. Ar. Br. art. 72. Комментаріи: Böckler in schola militari classe 47. Boeclerus ad Grot. de jure belli dissert. 4, lat. 184. Burg. 3, obs. 19. Alt. Dän. Kr. R. art. 124, Neu-Dän. art. 130, 131.

Въ артикулѣ 120-мъ повелѣвается, чтобы въ теченіе сутокъ плѣнные были представлены генералъ-гевальтигеру, или его помощнику, подъ угрозою наказанія виновныхъ за нарушеніе этого постановленія—офицера отставленіемъ отъ службы, безъ прошенія (ohne Abschied), а солдата прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами шесть разъ. Въ старо-шведскомъ арт. 87 для представленія плѣнныхъ генералъ-гевальтигеру, или его помощнику, какъ старшими и младшими офицерами, такъ и полковымъ профосомъ назначенъ полуторасуточный срокъ (36 часовъ), безъ опредѣленія наказанія за неисполненіе.—Дополненіемъ къ этому закону служитъ инструкція Густава-Адольфа о должности генералъ-аудитора, который обязанъ опросить плѣнныхъ. С. I. M. 1674.

Замѣтка 1-я. Несравненно строже шведскаго военнаго закона (арт. 120, или 87) къ вопросу о представленіи плѣнныхъ своему начальству относится болѣе древнее голландское военное право. Здѣсь въ артикулѣ 59 постановлено

по приказу ихъ у генералъ-аудитора записать и допросить и послѣ того генералу-гевальдигеру, (а) какъ его нѣтъ, то поручику его въ бережевье отдать». Розенгеймъ, стр. 286, 287.—Въ *Артикулѣ Краткомъ* въ глав. VIII, ст. 18, только и сказано: «Плѣнныхъ тогожъ часу генераламъ объявить, который каждому опредѣлитъ какъ надлежитъ». *Тамъ же*, стр. 308. О допросѣ плѣнныхъ генералъ-аудиторомъ о составленіи имъ отвѣтныхъ пунктовъ для представленія въ королевскую канцелярію и проч.—въ шведск. инструкціи о должности ген.-аудит. С. I. M. 1674, s. 280. Сравни Уст. Воин. ч. I, гл. 21—о генералъ-аудиторѣ.

Арт. 115. Никто да не дерзаетъ плѣнныхъ, которымъ уже пощада обѣщана и дана, убити, ниже безъ вѣдома генерала и позволенія освобождать подъ потеряніемъ чести и живота.

Сличи: Ново-датск. арт. 132, ново-швед. арт. 122, старо-шведск. 89 и бранденбургскій 71. Всего ближе текстъ ново-датск. арт. 132, которому отвѣчаетъ ст. 101 Улож. или права воин. пов. «Никто, какъ высшіе такъ и нижніе начальные люди и солдаты, полоненниковъ, которымъ пощада обѣщана, ихъ бить да не дерзаетъ, ниже безъ позволенія войсковаго правителя, отпускать да не дерзаетъ, подъ лишеніемъ чести и живота». Розенгеймъ, 287.—Въ Артикулѣ Воинскомъ, относительно пріема и содержанія плѣнныхъ, сдѣланы только общія указанія и опредѣлены существенныя черты преступленій, при чемъ санкція наказаній согласуется съ шведскимъ кодексомъ. Порядокъ приведенія въ извѣстность плѣнныхъ, ихъ содержаніе, а затѣмъ отпускъ ихъ на свободу или въ обмѣнъ, надо полагать, опредѣлялись особой инструкціей, образчикомъ которыхъ могли служить правила и постановленія, приведенныя у нѣмецкихъ (имперскаго и бранденбургскаго) комментаторовъ. С. I. M. 1709, s. 112—115, 660—667.

слѣдующее: каждый, какого-бы онъ ни былъ состоянія, обязанъ представить плѣнныхъ начальствующему надъ квартирами лицу немедленно и не позже какъ въ тотъ-же вечеръ, подъ угрозою отнятія у него плѣннаго и лишенія жизни. Чинуцци (Zinuzzi lib. 2, cap. 51, num. 68 и 69) опредѣляетъ трехъ дневный срокъ для представленія плѣнныхъ. См. также Ayala lib 1, de jure et offic. bellic. cap. 5, num. 28 et seq. Объясненіе комментатора Петра Паппія о причинахъ не отлагательнаго представленія плѣнныхъ своему генералу изложено нами въ замѣткѣ къ толкованію на Воин. Арт. (арт. 114).— Бранденбургскій арт. 69 и Цюрихскій арт. 72 почти буквально слѣдуютъ опредѣленіямъ старо-шведскаго арт. 87.

Замѣтка 2-я. Нѣсколько иначе къ вопросу о плѣнныхъ относились староимперскіе нѣмецкіе и старо-датскіе военные законы. Кавалерійскій уставъ Максимиліана II въ арт. 94 и 95 предписывалъ плѣнныхъ въ чинѣ полковниковъ и капитановъ представлять съ должнымъ почтеніемъ самому государю или его полководцу (Unserm Obersten), или кому будетъ приказано; прочіе плѣнные составляютъ добычу тѣхъ, которые ими овладѣли, поступая съ ними по военнымъ обычаямъ. Но каждый плѣнный долженъ быть объявленъ полководцу и безъ его разрѣшенія не можетъ быть отпущенъ на свободу. Въ старо-датскомъ артикулѣ 124 принадлежностью государя считались всѣ взятые въ плѣнъ дворяне, офицеры, сержанты и капралы въ конницѣ. а равно шпіоны, но имущество означенныхъ плѣнныхъ составляло собственность того, кто захватилъ ихъ въ плѣнъ; всѣ прочіе плѣнные, равно какъ мѣщане и крестьяне, принадлежатъ тѣмъ, кому они достались, и сіи послѣдніе обязаны представить ихъ командующему генералу (so das oberste Commando hat) и безъ его разрѣшенія не могутъ ни одного плѣннаго отпускать на свободу, подъ опасеніемъ приличнаго наказанія. Эти постановленія о принадлежности и представленіи плѣнныхъ старшему начальнику, измѣнены въ ново-датскомъ военномъ правѣ подъ вліяніемъ другихъ законовъ. Захваченные въ плѣнъ въ занятыхъ съ бою городахъ и крѣпостяхъ, также и въ сраженіяхъ, принадлежатъ государю; захваченные-же въ стычкахъ принадлежатъ начальнику партіи. Но каждый плѣнникъ долженъ быть представленъ начальнику квартиръ до заката солнца (vor Abends). и затѣмъ, по его приказанію, плѣнные записываются и допрашиваются генералъ аудиторомъ, послѣ чего передаются для наблюденія (и подъ его отвѣтственность) генералъ гевальтигеру, или его помощнику.—Kön. Maj. zu Dännem. Art. Br., art. 130 и 131. Легко замѣтить здѣсь вліяніе голландск. арт. 59 и инструкціи Густава-Адольфа о должности генералъ аудитора, арт. 8.

121. Wann ein jeder solcher Gestalt seine Gefangene dem General-Gewaltiger, oder dessen Lieutenant, da es nicht anders befohlen wäre, überantwortet, auch die specificationes darüber, von weme und was für Gefangene geliefert worden, ein jeder vor sich wird eingegeben haben; so sol es Uns oder dem Feld-Marschallen Kund gethan werden, damit nachmals Wir, oder der

Арт. 116. Никто да не дерзаетъ у другого его плѣннаго силою или инако отнимать, подъ жестокимъ наказаніемъ и отдачею паки взятой особы.

Сличи: Ново-шв. арт. 122, старо-шв. арт. 89 и старо-датс. арт. 128. См. нашу замѣтку, къ ново-шв. арт. 122-му, — О прекращеніи правъ, простираемыхъ кѣмъ-либо на плѣннаго, у Гроціуса. Grotius jure belli, de lib 3, cap. 21, n. 25. По поводу содержанія въ залогѣ спасеннаго отъ непріятеля говоритъ Мантика. Mantica de tacitis et amb. convent., lib. I, tit. 12, n. 9, lat. 61, 62.—О содержаніи плѣнныхъ въ старо-датск. арт. 124, Голланд. арт. 61 и 62. Объ обмѣнѣ плѣнныхъ у Бургера и Бэклера. Burg. I, obs. 33, Boeclerus, in Grotium de jure belli dissert. 4, lat. 60.

Замѣтка. На плѣнныхъ артикулъ смотритъ какъ на добычу. Сравни арт. 116 съ арт. 108.

Въ подлежащихъ замѣткахъ къ артикуламъ шведскимъ достаточно выяснено юридическое значеніе артикуловъ 114, 115 и 116 о плѣнныхъ. Относительно обращенія съ плѣнными наиболѣе обстоятельныя указанія мы находимъ въ старо-датскомъ кодексѣ, въ главѣ *о добычѣ*—Von der Beute, арт. 124—128. Въ теченіе XVII ст. воюющія стороны на плѣнныхъ смотрѣли большею частью какъ на добычу, какъ на вещь, на предметъ торговли. Однако, захваченные въ плѣнъ находились подъ особеннымъ покровительствомъ полководца, и надлежащее ихъ содержаніе становилось предметомъ особенныхъ заботъ.

Послѣ Тридцатилѣтней войны, по мѣрѣ введенія регулярныхъ національныхъ войскъ, воюющія стороны старались обезпечивать судьбу своихъ плѣнныхъ взаимными договорами или картелями, опредѣляющими содержаніе и порядокъ обмѣна плѣнныхъ. Плѣнный солдатъ перестаетъ быть вещью. Въ шведской арміи главное попеченіе по надзору за плѣнными и ихъ содержаніи, по уставу Густава-Адольфа, возлагалось на генералъ-аудитора. — Примѣру шведскаго короля-полководца послѣдовали и другіе монархи, между прочимъ, бранденбургскіе короли. См. указъ великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма бранденбургскаго своему генералъ-аудитору отъ 16 ноября 1674 г. *о раціонахъ на содержаніе плѣнныхъ.* Отношеніе русскаго генералъ-аудитора къ вопросу о плѣнныхъ выражено въ 1-й части Уст. Воин., въ концѣ главы 24-й «о генералъ-аудиторѣ»: «Ежели между воюющими о размѣнѣ плѣнныхъ картель учиненъ быть имѣетъ, то оной сего дня купно съ генераломъ, во опредѣленное мѣсто посылается, и надлежитъ ему съ непріятелемъ договариваться, и отъ непріятеля подписанной картель съ собою привесть». И только... Другихъ указаній ни въ Артикулѣ Воинскомъ, ни въ Уставѣ о должностяхъ, кромѣ приведенныхъ артикуловъ, мы не находимъ.

Feldmarschall in Unser Abwesenheit, wegen der Ranzion mögen disponiren und verordnen können, wie Wir oder er es am billichsten befinden, und nachdem eines jeden Officiers Verdienst und Tapferkeit sich erwiesen.

Слич: старо-шведское воен пр. art. 88. Инструкція о должности генералъ-аудитора art. 8, также генералъ гевальтигера, art. 18. Эти спеціальныя распоряженія, относительно представленія и регистраціи плѣнныхъ, принятыя въ шведскомъ кодексѣ, опущены въ Русск. Воин. Арт.—Сравни: Maxim. II Ar. Br. art. 62. Ferdin. III u. Leop. 1 Ar. Br. art. 65. Röm. Reut. Bestal. 94, 95. Holländ. Kr. R. art. 60. Alt. Dän. Kr. R. art. 124. Brandenb. Art. Br. art. 70. Коменнт.: Grot. de jure belli lib. 3, cap. 7 in fine. Coter. lib. 2, c. 25. Burger 1 obs. 30 seq. Item. 59 et 2, obs. 66. Grot. cap. 21, n. 27. Grot. de jure belli lib 3, c. 21. Osiander ad Grot. lib. 3, c. 21 § 23; de Seraphinis de privil. juram priv. 22, n. 20 Seq. Zieglerus ad Hug. Grot. p. m. 57.—У Гойера, въ комментаріяхъ на Бранденбургскій арт. 70, имѣются подробныя указанія о способѣ содержанія и обмѣнѣ плѣнныхъ въ прежнихъ войнахъ, особенно въ Германіи. C. I. M. 1709, s. 660. Тоже по поводу Имперскаго артикула 25 въ кодексѣ Фердинанда III и Леопольда I. C. I. M. 1709, s. 113 и слѣд.

Замѣтка. Правоопредѣленія имперскихъ артикуловъ и старо-датскаго арт. 124 изложены въ замѣткахъ на предыдущій 120 швед. арт.—Въ бранденб. арт. 70 по представленіи плѣнныхъ, за тѣхъ, которыхъ угодно будетъ государю принять за себя, опредѣляется вознагражденіе; прочіе плѣнные принадлежатъ солдатамъ, и пользуются раціонами, которые назначаются съ согласія государя или генерала; за назначеніе раціоновъ плѣннымъ, безъ указаннаго разрѣшенія, опредѣляется наказаніе на тѣлѣ и смертью. Въ этомъ отношеніи бранденбургское право совпадаетъ съ голландскимъ и съ имперскимъ. Въ голл. арт. 60-мъ плѣнные въ высшихъ чинахъ и знатнаго происхожденія представляются въ генеральные штаты или въ полковые суды; за нихъ, равно какъ за тѣхъ, которыхъ генеральные штаты пожелаютъ взять себѣ, дается опредѣленное вознагражденіе, смотря по достоинству (но не свыше 5000 флориновъ), послѣ того плѣнные принадлежатъ штатамъ, а тѣ, которые ихъ захватили въ плѣнъ, не должны имѣть болѣе какихъ-либо претензій. На основаніи старыхъ французскихъ обычаевъ, когда раціонъ превышалъ 10,000 фунтовъ, плѣнный доставался королю, и взявшій въ плѣнъ получалъ за него премію въ данномъ размѣрѣ.—См. Estienne Pasquier, l. 4 de Recherche

Вообще въ законахъ о плѣнныхъ въ Артикулѣ замѣтно вѣяніе новаго времени—подъ вліяніемъ комплектованія арміи рекрутскими наборами изъ собственной націи. Но въ русской арміи были еще и наемные иностранцы.

---

de la France cap. 10. Jull. Ferr. in tract. de re mil. tit. de non ponendo exerc. in discrimen fortunae num. 21. Albertus Rex Hungariae in Decretis latis An. 1439 § 12. Hieron, Elenum. lib. 2. Exercitat. juris, diatrib. 1 et Ayal. d. c. num. 27. Послѣдній представляетъ нѣкоторыя основанія права, равно какъ и примѣры.

Art. 122. Und damit alles desto ordentlicher zugehen möge, als soll keiner dem andern seine Gefangene oder gewonnene Personen mit Gewalt oder anderer Weise nehmen, sondern soll ein jeder der Yrrung halber, so desswegen vorlauffen möchten, durch den Obristen und seine andere Officier erledigen und enscheiden lassen. In Verwegerung dessen, soll deme, so Gewalt geschehen, die abgenommene Leute stracks wieder gegeben, und der solche Gewalt oder List verübet hat, darum gebührlich abgestraffet werden.

Сличи: Gust.-Ad. Kr. Ar. Br. art. 89. Русск. Воин. Арт. арт. 116. Смотри объ этомъ: Röm. R. Bestal. art. 84. Maxim. II, Art. Br. art. 65. Ferd. III и Leop. I Art. Br. art. 69. Höland. Kr. R. art. 62. Alt. Dänisch. въ концѣ Kr. R. art. 128. Bradenb. Kr. R. art. 71. Комментаріи: Grotius de jure belli lib. 3, cap. 21, n. 25. Mantica de tacit. et. amb. convent. lib. 11, tit. 12, n. 9, lat. 584. Burg. 1, obs. 33. Boeclerus in Grotium de jure belli dissert. 4, lat. 166.

Замѣтка. Несогласія, раздоры и споры, возникающіе въ войскахъ по поводу плѣнныхъ, какъ и добычи, разрѣшаются начальниками, и виновные въ какомъ-либо насиліи для удержанія плѣннаго у себя подвергаются наказанію (какому неизвѣстно) съ возвращеніемъ плѣнника тому, у кого онъ отнятъ. Здѣсь всѣ законы согласны. Текстъ шведскаго артикула 122 ясенъ. Въ комментаріяхъ на бранденбургскій арт. 71 дано нѣсколько замѣчаній относительно обращенія съ плѣнными какъ съ своею добычею. C. I. M. 1709, S. 667. Въ голландскомъ арт. 62 сказано: когда плѣнный будетъ прогуливаться по лагерю или гарнизону, безъ разрѣшенія командующаго генерала, тогда тотъ, кому онъ принадлежитъ, теряетъ на него право, и плѣнный передается тому, кто его схватитъ.—О наказаніи за освобожденіе плѣннаго на свободу у Petr. Caball. Resolut. Crimin. Cent. 3, caus. 294. num. 103, 281.

Art. 123. Alle Estandarten und Fahnen, so dem Feinde abgenommen werden, sollen Uns, oder dem Feld-Marschallen,

ГЛАВА ПЯТАЯ НАДЕСЯТЬ.

О сдачѣ крѣпостей, капитуляціи и аккордахъ съ непріятелемъ.

(Текстъ артикуловъ этой главы составленъ по двумъ главамъ Шведскаго кодекса, XI и XII, и пополняется заимствованіями изъ Датскихъ артикуловъ).

Арт. 117. Если полкъ или рота дерзнутъ безъ вѣдома и указа ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, или его фельдмаршала, съ непріятелемъ въ трактатъ или капитуляцію вступить, тогда надлежитъ начальныхъ, которые въ томъ виноваты, чести, пожитковъ и живота лишить, а изъ рядовыхъ всегда десятаго по жеребью повѣсить, прочихъ же жестоко шпицрутенами наказать, и внѣ обоза поставить, пока они отъ того порока очистятся, и своими храбрыми дѣйствами заслужатъ. Кто же изъ оныхъ доказать можетъ, что онъ въ томъ не причастенъ есть, но въ томъ прекословилъ, оный имѣетъ для невинности своей свобожденъ быть и при случаѣ повышенія себѣ ожидать. А ежели преступителей получить не можно, то съ оными тако какъ съ дезертирами поступлено, и оныхъ пожитки забраны быть имѣютъ.

Толк. Сей артикулъ надлежитъ разумѣть о оныхъ полкахъ и ротахъ, которые вмѣстѣ куда съ другими командированы, а безъ вѣдома командира тайнымъ образомъ съ непріятелемъ трак-

innerhalb 24 Stunden praesentiret werden, da dann diejenigen, so selbide genommen und dargebracht, eine gnädige Recompens zu gewarten haben; befinde sichs aber, dass jemand eine estandart oder Fahne behalten hätte, der soll laut des 120 Articuls gestraffet werden.

Замѣтка. Постановленій о представленіи полководцу знаменъ, взятыхъ у непріятеля, о вознагражденіи взявшимъ эти трофеи и о наказаніи за ихъ удержаніе у себя не встрѣчаемъ ни въ старошведскомъ кодексѣ, ни въ другихъ военныхъ законахъ. Наказаніе опредѣляется какъ за присвоеніе военноплѣнныхъ (см. выше art. 120). Сличи: Воин. Арт. 113.

TIT. XI.

Von Capitulation und Accord mit dem Feind.

(Старо-шведск. таже глава и съ такимъ-же названіемъ).

Art. 71. Wann Regimenter oder Compagnien, ohne Unser und des Feldmarchalls Vorbewust und Befehl mit dem Feind in einem Tractat oder Handel sich einlassen, und solches mit guten Gründen und Umständen erwiesen würde; so sollen die Befehlichshaber, so daran schuldig seyn, am Leben, Ehr nnd Guth gestraffet, von den Gemeinen abér der zehende nach dem Loos gehencket und mit den übrigen procediret werden, wie droben in 66 Punct angedeutet worden: kan sich jemand entschuldigen, dass er sich dessen nicht theilhafftig gemacht, sondern mit ernst dawider geredet, auf solchen Fall wird er billig Schadloss gehalten, und hätte es zu geniessen, wann etwa Gelegenheit zu sciner Beförderung vorfallen würde.

Сличи: Gust.-Ad. Kr. A. Br. art. 55, Русс. Арт. Воин. арт. 117. См. объ этомъ-же: Brand. art. 38. Zür. art. 45. Dänisch Kr. R. art. 26. Комментаріи: Burger,—2, obs. 10, 64; 3 obs. 53; 3 obs. seq. 54:—объ утвержденіи договоровъ, о капитуляціяхъ; о возвращеніи обратно на службу и проч. Fredro in militaribus lib. 1, punct. 3 vert. Cavebis itaque a pactionibus etc.

товать, и о сдачѣ мѣста или города какого договариваться будутъ; но не о тѣхъ, которые одни въ какомъ мѣстѣ поставлены, и атаку отъ непріятеля выдержали, и крайніе отпоры учинили. Такожде когда оные болѣе держаться, или отъ Фельдмаршала или Генерала указа обождать и сикурсу получить болѣе надежды не имѣли, а съ непріятелемъ надлежащимъ образомъ трактовали.

Замѣтка 1-я. Въ «Артикулѣ Краткомъ» барона Гюйсена правоопредѣленія относительно защиты крѣпости гарнизономъ были слабо развиты. Всего имѣется двѣ статьи, относящіяся къ этому предмету въ главѣ VIII, а именно ст. 14; «Въ крѣпости никтобъ не осмѣлился о сдачѣ говорить, но каждый должность свою до послѣдней капли крови сдѣлалъ бы подъ потеряніемъ живота». Ст. 15: «Оный, кто крѣпость безъ нужды сдастъ, (пока) крайняя нужда въ аммуниціи и въ провіантѣ его не застигла, и хотя яснѣйшій способъ къ оборонѣ имѣетъ, голову потерялъ, и всѣ какъ офицеры, такъ и рядовые, которые въ семъ позволили, по жеребью смертью да умрутъ».—Въ Уложеніи или правѣ воинскаго поведенія сдѣланы значительные пропуски въ статьяхъ, относящихся къ оборонѣ и сдачѣ крѣпости, въ сравненіи съ датскимъ кодексомъ Христіана V, служившимъ образцомъ Уложенію.—Къ главѣ XV Арт. Воин. относятся ст. 131, 132, 135 и 136, на которыя мы укажемъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Сличи: старо-швед. воен. арт. art. 55 и 56; ново-шведск. воен. арт. art. 71 и 72; бранденбургскій воен. пр. art. 38 и 39, Цюрих. воен. арт. art. 44. Во всѣхъ приведенныхъ артикулахъ постановленія аналогичны съ нашимъ Воин. Арт. 117. Что-же касается до толкованія, то въ немъ объясняется, что этотъ артикулъ примѣняется *только* къ тѣмъ полкамъ и ротамъ, которые, будучи *отдѣлены* отъ прочихъ войскъ, вступятъ въ тайныя сношенія съ непріятелямъ «безъ вѣдома командира», не будучи къ тому вынуждены крайними обстоятельствами. Толкованіе это, однако, изложено туманино, понять смыслъ его мы можемъ только при пособіи иностранныхъ источниковъ и послѣ ознакомленія съ содержаніемъ слѣдующихъ артикуловъ, особенно 123-го, гдѣ перечислены случаи, когда сдача крѣпости непріятелю не почитается противозаконною ни съ военной, ни съ юридической точки зрѣнія. Очевидно, что никакое военное право не допускаетъ вступать въ сношеніе съ непріятелемъ подчиненнымъ помимо своего начальника. Подобныя явленія, однако, встрѣчаемъ въ войнахъ XVII ст. не только въ наемныхъ войскахъ европейскихъ, но и въ русскихъ войскахъ національныхъ, солдатскаго и рейтарскаго строя, имѣвшихъ иноземныхъ полковниковъ и офицеровъ. Относительно *тайныхъ сношеній съ непріятелемъ*, нужно сказать, что объ этого рода общеопасныхъ преступленіяхъ въ военномъ быту говорится спеціально въ артикулахъ главы XVI—*объ измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ*, арт. 124. Толкованіе, очевидно, основано на исключительныхъ обстоятельствахъ и явленіяхъ войнъ XVII ст., когда цѣлыя части войскъ, роты и даже полки, вслѣдствіе упадка дисциплины и деморализаціи, не были способны отстаивать крѣпости, особенно погранич-

Grotius, de jure belli, lib. 3, cap. 27, cui jungi potest. Pruckmanns vol. 1, consil. 8, n. 233 — Bökler classe 49 — о союзахъ. — См. еще комментаріи на артикулы нѣмецкіе: бранденбургск. art. 38 и имперскія Фердинанда III и Леопольда I, art. 19, C. I. M. Nov.

Замѣтка 1. Съ артикуломъ шведскимъ вполнѣ аналогичны цюрихскій art. 45 и бранденбургскій art 38. Впрочемъ, цюрихскій art. 45 образованъ изъ двухъ шведскихъ артикуловъ 71 и 72 (старо-швед. art. 55 и 56), и въ этомъ отношеніи, какъ и по содержанію юридическаго матеріала, вполнѣ сходенъ съ Рус. Арт. Воин., арт. 117.

Замѣтка 2. Изъ юридическихъ опредѣленій и нормъ шведскаго кодекса, по поводу обороны крѣпостей, нельзя не видѣть того громаднаго значенія, какое онѣ имѣли въ Тридцатилѣтней войнѣ.

Въ артикулахъ нѣмецкихъ имперскихъ и голландскомъ далеко не видимъ того детальнаго развитія, какое впервые даетъ шведскій законодатель въ главахъ X, XI и XII—о штурмахъ, о капитуляціи и соглашеніи съ непріятелемъ относительно сдачи крѣпости, допускаемой за невозможностью удержать ее въ своей власти по какимъ-либо причинамъ, законность которыхъ можетъ быть признана въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ самою природою вещей. Сдача крѣпости непріятелю безъ данныхъ на то полномочій коменданту отъ полководца, или вопреки постановленіямъ, опредѣляемымъ рядомъ артикуловъ, преслѣдуется особенно строго. Въ старыхъ имперскихъ законахъ сказано было въ общихъ чертахъ слѣдующее: «Когда начальники, капитаны, роты поставлены будутъ гарнизономъ для защиты города, замка или иного мѣста (Märckte oder Flecken), какъ приведется, то они должны жертвовать своимъ тѣломъ и жизнію до крайности, защищать ихъ вѣрно и храбро, отнюдь ихъ не сдавать (von keiner Uebergebung nicht reden) по чести и долгу».Max. Ar. Br. art. 14. Въ голландскихъ артикулахъ, отличавшихся отъ прочихъ особенностью суровостью, за противозаконную сдачу непріятелю укрѣпленнаго мѣста опредѣлено было наказаніе на тѣлѣ: «Никто не долженъ сдавать мѣста, которое повелѣно ему оборонять, или передавать непріятелю, подъ опасеніемъ наказанія на *тѣлѣ*» (bey Leibesstraffe). Но комментаторъ Петръ Паппій, большею частью смягчающій суровыя санкціи голландскихъ артикуловъ, грозящихъ смертью нерѣдко за незначительныя преступленія противъ дисциплины, относитъ *сдачу непріятелю мѣста, ввѣреннаго для защиты и обороны*, къ преступленіямъ караемымъ наравнѣ съ преступленіямъ противъ Величества—crimen laesae majestatis. Однако, ссылаясь на Ксенофонта, Полибія, Айялу (Ayala) и другихъ писателей, онъ объясняетъ случай, когда сдача крѣпости непріятелю становится неизбѣжною и потому не должна вести къ преслѣдованію, напримѣръ: «когда крѣпость не имѣетъ никакой надежды получить подкрѣпленіе, и когда защитники ея не въ силахъ противостоять непріятелю» C. I. M. 1674, s. 656, 657.

Бранденбургскій комментаторъ Гойеръ, разсматривая артикулы своего кодекса, заимствованные изъ шведскаго военнаго артикула Густава-Адольфа, съ сохраненіемъ безъ измѣненія наказанія децималіей, даетъ подробное объяс-

ныя, напримѣръ—при нашествіи татаръ и въ войнахъ съ турками, и сдавали ихъ вслѣдствіе слабодушія и трусости.

Замѣтка 2-я. Мотивомъ нелегальной сдачи крѣпости непріятелю, какъ и преступныхъ переговоровъ съ нимъ, чтобы сдаться на капитуляцію, какъ видно изъ примѣровъ войнъ XVII столѣтія (предусмотрѣнныхъ въ арт. 117, отъ чего солдаты подвергаются децимаціи какъ установлено за бѣгство цѣлыхъ частей) служила не трусость, или малодушіе, но просто измѣна своему отечеству, своему государю; въ подобныхъ случаяхъ оставалось одно средство, которому слѣдовали древніе римляне — децимація. Эти явленія предусматриваются во всѣхъ военныхъ законахъ современныхъ Петру I. Они во всякомъ случаѣ служатъ признакомъ деморализаціи войскъ, полнаго упадка дисциплины, безначалія, разнузданности и своеволія.

Между тѣмъ съ возрожденіемъ военнаго искусства крѣпости пріобрѣтаютъ большое значеніе, ихъ защита становится важнымъ актомъ въ военныхъ операціяхъ, какъ стратегическихъ ключей, какъ опорныхъ пунктовъ для наступающей и обороняющей арміи; то же самое должно разумѣть и объ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ на полѣ сраженія, при оборонѣ дефиле, переправъ и т. п. Введеніе въ шведскій военный кодексъ децимаціи надо полагать было полезнымъ нововведеніемъ, хотя въ шведской арміи дицимація и не примѣнилась, но въ теченіе XVII в. она распространена въ военныхъ законахъ всей Европы: въ кодексахъ имперскомъ, бранденбургскомъ, датскомъ, цюрихскомъ и, наконецъ, въ русскомъ.

Примѣчаніе 3-е. Въ ст. 44 Уложенія или права воинскаго поведенія, соотвѣтствующей буквально тексту 104 арт. Датскаго военнаго кодекса Христіане XVV, (C. I. M. N. II, s. 287), установлено *повѣшеніе* десятаго солдата по жребію и лишеніе чести и живота начальниковъ за преступленія цѣлыхъ полковъ, эскадроновъ, баталіоновъ или ротъ, которые, забывъ долгъ присяги, не учинятъ должности и не окажутъ непріятелю должнаго сопротивленія, напротивъ—дадутъ тылъ, покинутъ честь свою и безчестный бѣгъ учинятъ». (Ср. Розенгеймъ, стр. 276). Это обобщеніе получаетъ болѣе детальное развитіе въ Воинскомъ Артикулѣ, согласованномъ съ редакціей шведскаго военнаго кодекса.

Арт. 118. Кто изъ офицеровъ, которому команда въ крѣпости повѣрена, оное мѣсто безъ крайней нужды сдастъ, и оставитъ, оный имѣетъ чести, пожитковъ и живота лишенъ быть. Рядовые же безъ знаменъ внѣ обоза стоять и отъ того порока очиститься принуждены, пока оные свое погрѣшеніе и боязливость храбрыми дѣлами паки поправятъ.

Сличи: ново-швед. art. 73, старо-шведск. art. 57.

Замѣтка 1-я. Русск. арт. 118 сходенъ съ соотвѣтственнымъ шведскимъ. Сдѣлано только отступленіе отъ шведскаго арт. 73 въ редакціи первой половины арт. 118, вслѣдствіе чего вторая его половина (о наказаніи рядовыхъ) является какъ бы приставкою. Во всякомъ случаѣ въ составъ преступленія,

неніе тѣхъ условій и причинъ, наличность которыхъ съ юридической точки зрѣнія признается достаточнымъ основаніемъ для освобожденія отъ отвѣтственности защитниковъ крѣпости, сданной непріятелю. Эти случаи мы приводимъ въ замѣткахъ къ русскому артикулу 123, аналогичному со шведскимъ арт. 75 и бранденбург. 42-мъ.

Соглашеній или трактатовъ (Accords) для сдачи крѣпости непріятелю, по опредѣленію Гойера, можетъ быть четыре: 1) *обыкновенное* или *почетное* соглашеніе (Accord), когда войска сдаютъ крѣпость съ сохраненіемъ оружія, знаменъ и т. п. воинскихъ принадлежностей, выговоривъ условія болѣе или менѣе выгодныя; 2) *вынужденное*, когда войска, сохраняя оружіе, складываютъ при выходѣ изъ крѣпости у воротъ знамена, офицеры уносятъ съ собою только то, что могутъ нести они сами и ихъ денщики, солдаты—что могутъ забрать въ своихъ ранцахъ—«mit Sack und Pack»; 3) *сдача на милость и немилость* (auff Gnade und Ungnade), когда офицерамъ и солдатамъ дозволяется выйти только въ томъ, что на нихъ находится, и когда ихъ препровождаютъ къ ближайшему гарнизону подъ конвоемъ; 4) *безусловная сдача на капитуляцію*, когда офицерамъ и солдатамъ не дозволяется имѣть съ собою оружія и т. п. C. I. M. 1674, s. 368—371.

Такія же объясненія повторялъ имперскій комментаторъ по поводу арт. 19 въ кодексѣ Ferdin. III und Leop. I, C. I. M. Nov., I, s. 71—73.

Art. 72. Da aber solche Missethäter nicht zu erlangen, soll mit ihnen gleich denen Feldflüchtigen procediret, und ihre Güther confisciret werden.

Сличи.—Gust.-Ad. Kr. Ar. Br. art. 56. Brand. Kr. R. art. 39. Mexius p. 2, dec. 23 — о конфискаціи и возвращеніи конфискованнаго имущества. Рус. Арт. В., арт. 117, окончаніе.

Замѣтка. Артикулъ 72 (старо-шв. art. 56) опредѣляетъ, какъ должно поступать съ тѣми частями войскъ, которыя, сдавъ незаконно крѣпость непріятелю, не возвратятся въ свое отечество; съ ними предписывается поступать какъ съ дезертирами, на основаніи арт. 68 (старо-шв. art. 52). См. Арт. Воин. вып. 2-й, стр. 743 — 745. Подобныя явленія, свойственныя наемнымъ войскамъ XVI и XVII ст., требовали исключительныхъ мѣръ, на которыя мы указали въ своемъ мѣстѣ.

TIT. XII.

Von Aufgeben der Festungen.

(Старо-шведск. таже глава и съ такимъ-же названіемъ).

Art. 73. Wann eine Festung dem Feind ausser der höchsten Noth aufgegeben würde, so soll der Gouverneur und

обложеннаго наказаніемъ по арт. 118, какъ начальника (коменданта), такъ и рядовыхъ, (вообще гарнизона), входитъ *оставленіе или сдача крѣпости* (укрѣпленія) *безъ крайней нужды*. Эта «крайняя нужда» опредѣляется условіями, указанными въ послѣднемъ артикулѣ главы XV (арт. 123). Но если дано приказаніе защищать крѣпость до послѣдней крайности, «до послѣдняго человѣка», то «никакой нужды ради не капитуловать съ непріятелемъ и крѣпости не отдавать». Артикулъ 118 во всякомъ случаѣ имѣетъ самостоятельное приложеніе, когда укрѣпленіе сдается непріятелю, или оставляется вслѣдствіе малодушія и трусости гарнизона, какъ, это ясно изъ заключительныхъ словъ артикула 118: «пока оные (т. е. солдаты) свое погрѣшеніе и *боязливость* храбрыми дѣлами паки направятъ». Нашъ законодатель, подобно шведскому, въ этомъ, какъ и въ другихъ артикулахъ главы XV, по поводу обороны крѣпости устанавливаютъ круговую отвѣтственность всѣхъ людей, составляющихъ гарнизонъ, начиная отъ коменданта. Кому повелѣно защищать крѣпость (укрѣпленіе), тотъ конечно обороняетъ ее посредствомъ подчиненныхъ ему офицеровъ и солдатъ; комендантъ (начальникъ) самъ собою ничего не можетъ сдѣлать. Но какъ онъ самъ, такъ и офицеры и солдаты гарнизона одинаково обязаны исполнять долгъ, и если повелѣно оборонять что либо до послѣдней крайности, то должны защищать ее всѣми своими силами. Примѣрами подобной доблести русскихъ войскъ могутъ служить: оборона *Пскова* противъ войскъ Стефана Баторія въ XVI ст., защита Троицко-Сергіевской лавры въ смутное время; напротивъ, въ войнахъ второй половины XVII с. встрѣчаемъ противоположныя явленія, свидѣтельствующія о крайнемъ упадкѣ дисциплины въ русскомъ войскѣ: доморализованное войско бываетъ глухимъ къ самымъ настоятельнымъ повелѣніямъ.

Артикулъ 118 отличается отъ предыдущаго по существу тѣмъ, что здѣсь не предусматривается ни преступленія *цѣлой части*, ни измѣны, а просто упадокъ духа, причемъ вся вина за сдачу падаетъ на коменданта.

Арт. 119. Ежели же подчиненные Комменданту офицеры и рядовые солдаты его Комменданта принудятъ, или подманятъ къ сдачѣ крѣпости, тогда имѣютъ всѣ офицеры (которые въ такомъ дѣлѣ виновны суть, и позволили на таковое понужденіе) чести пожитковъ и живота лишены быть. А изъ рядовыхъ всегда десятый по жребію повѣшенъ, а прочіе какъ бѣглые наказаны быть.

Толк. Прочіе шпицрутенами будутъ наказаны и принуждены внѣ обоза стоять, пока оные себя пакидостойными учинятъ съ прочими солдатами въ равенствѣ содержаны быть.

Сличи: ново-шведск. арт. 74, старо-шведск. арт. 58, бранденбургск. 41, ново-датскій арт. 70.—Текстъ послѣдняго слѣдующій: «Но когда гарнизонъ принудитъ коменданта къ сдачѣ крѣпости, или какимъ-либо способомъ къ тому склонитъ, тогда всѣ офицеры въ такомъ преступленіи виновны, а изъ

Befehlichshaber derselben am Leben, Ehre und Guth gestraffet werden; die Gemeinen aber ohne Fahnen ausser dem Läger dienen, und dasselbige reinigen, biss dass sie ihre Verbrechung mit männlichen Thaten oder sonderlich-nützlichen Diensten ergäntzet haben.

Сличи: Gust.-Ad. Kr. Ar. Br. art. 57. Русс. Арт. В. арт. 118. *Сравни*: Käys. Max. I K. R. art. 4. Käys. Max. II Ar. Br. art. 14. Käys. Ferdin. III K. R. art. 19. Alt. Dänis. K. R. art. 21, 27. Neu Dän. Kr. R. art. 103. Pohln. art. 30, Brand. Kr. R. art. 40. Holländ. art. 53, 54. — *Комментаріи*: Matthaei de crim. ad lib. 48 D. tit. 2, cap. 2, n. 15, lab. 293. Grotium de jure belli, l. 3, cap 4, § 21. Burger Cent. 1, O. 10 et 2, obs. 92, lab. 400. *Idem* — 3 obs. 16 et 4, O. 14 in appendice lab. 303; 3 obs. 36. — Случаи, когда губернаторъ или комендантъ сдаетъ крѣпость по повелѣнію своего государя «auff seines Herrn Hand und Siegel auffgibt», или когда онъ не хочетъ сдать по приказанію.— Ср. Frantz. Kr. Ordon. vom 15 Iulii 1765 art. 39. — Grotium, de jure belli 3 p. c. 24, num. 5. О значеніи знаковъ, которые вывѣшиваютъ осажденные.

Замѣтка. Въ артикулѣ 73 (старо-шв. art. 57) разсматривается сдача крѣпости непріятелю безъ *крайней необходимости* «ausser der höchsten Noth». Въ этомъ выраженіи центръ тяжести. Причины, наличность которыхъ освобождаетъ отъ отвѣтственности коменданта и гарнизонъ за сдачу крѣпости, перечислены ниже въ артикулахъ (ср. старо-шведскій art. 59). За сдачу крѣпости безъ уважительныхъ причинъ шведскій законодатель угрожаетъ: лишеніемъ чести, жизни и имущества коменданту и офицерамъ (начальникамъ), отнятіемъ въ частяхъ знаменъ и лишеніемъ рядовыхъ солдатъ, впредь до ихъ исправленія, права на почетную службу въ лагерѣ. Очевидно, въ артикулѣ 75-мъ предусматривается сдача крѣпости по малодушію, трусости и, вообще, вслѣдствіе упадка духа; во всякомъ случаѣ—главная вина падаетъ на коменданта и ближайшихъ начальниковъ за то, что они неспособны внушить подчиненнымъ солдатамъ значенія долга и поддержать въ своихъ частяхъ мужество. Въ прочихъ военныхъ артикулахъ, кромѣ бранденбургскаго (art. 40), правоопредѣленія относящіяся къ преступной сдачѣ крѣпости, имѣютъ болѣе общій характеръ; недомолвки въ законахъ нѣмецкихъ и голландскихъ пополняются комментаторами. *Имперскій комментаторъ*, объясняя текстъ артикула 19 говоритъ между прочимъ, что защищая крѣпость, всякій, въ силу своего долга, обязанъ жертвовать своимъ

солдатъ десятый имѣетъ быть повѣшенъ по жеребію». Ново-имперск. воен. арт. 1672 – 1682 гг., art. 65.

Замѣтка. Текстъ арт. 119 соображенъ съ шведскимъ арт. 74 и ново-датскимъ 70. Изъ послѣдняго заимствованы слѣдующія добавки: «или подманять къ сдачѣ крѣпости», и то, что сказано въ скобкахъ («которые въ такомъ дѣлѣ виновны суть, и позволили на таковое понужденіе»). Толкованіе собственно относится къ послѣдней фразѣ артикула, и означаетъ, что прочихъ рядовыхъ, не принимавшихъ непосредственнаго участія въ принужденіи коменданта къ сдачѣ, опредѣлено наказать шпицрутенами. Сравни съ арт. 117. — Въ артикулахъ 117, 118 и 119 отмѣняется ст. 132 Улож. и права воин. повед., заимствованная изъ ново-датскаго кодекса. Въ этой статьѣ сказано: «Егда комендантъ или начальникъ крѣпости, безъ указу и безъ повелѣнія вышняго городъ (т.-е. крѣпость) сдастъ, тогда отнятіемъ пожитковъ, чести и живота казненъ быть имѣетъ (сличи съ арт. 117 и 118). Буде же осадные люди къ сдачѣ мѣста коменданта принудили и въ томъ онъ явное свидѣтельство положить, что онъ никоторымъ образомъ отвратить отъ того не могъ, и за то тѣхъ начальниковъ и солдатъ десятаго человѣка по жеребью казнить смертью» (сличи съ арт. 119).—Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на замѣтки наши къ шведскому арт. 74-му.

Арт. 120. Буде же офицеры и солдаты безъ всякой причины допустятъ Комменданта прежде времени, и не видя крайней нужды на аккордъ сдаваться, и оному отъ того не отсовѣтуютъ, или въ томъ его не удержатъ, тогда какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ учинить противъ 117 артикула (а).

Толк. Того для въ такомъ случаѣ противленіе не токмо допущено, но и повелѣно такимъ образомъ, что если офицеры усмотрятъ, что Коммендатъ безъ нужды крѣпость сдать похощетъ, тогда имѣютъ оные приступя къ нему прекословить и *преклонять его* (б) къ должности; а ежели его отъ намѣренія такого уговорить не можно, онаго заарестовать, и *другаго* (в) между собою вмѣсто его избрать, и тако всевозможнымъ образомъ оную крѣпость оборонять должны.

Въ рукописи конецъ артикула 120 такъ изложенъ: (*а*) «Не противяся, тогда оберъ или вышніе офицеры своея чести и чина лишатся, а прочіе до тѣхъ мѣстехъ обоза безъ знаменъ служить принуждены будутъ, пока онѣ мужественными дѣлами паки заслужатъ»; все это зачеркнуто, и написано рукою Петра I то, что значится у насъ въ разрядку. Попр. 36.

Первоначальная редакція выраженій въ толкованіи на арт. 120, напечатанныхъ курсивомъ, была слѣдующая: (*б*) «и напоминать», (*в*) «оного другаго».

тѣломъ и жизнью, сидѣть въ ней храбро, быть вѣрнымъ и уступать только сильнѣйшему непріятелю. Овладѣваютъ обыкновенно крѣпостью тогда, когда она занята людьми трусливыми и упавшими духомъ. Безъ крайней необходимости (unvermeidentliche Noth) не должно сдавать крѣпости; съ другой стороны никто не обязанъ исполнять невозможное—ad impossibile nemo obligatur (Corp. Jur. Mil. Nov. I, s. 71, 72. Ferd. III u. Leop. I. Art. Br. art. 19).—Въ *датскихъ военныхъ законахъ* за сдачу непріятелю крѣпости, укрѣпленія, корабля безъ разрѣшенія, чѣмъ наносится вредъ государю, государству и странѣ, виновный подваргается повѣшенію безъ суда (ohne Gnade) какъ безчестный клятвопреступникъ.—Такому-же наказанію подвергаются и тѣ изъ подчиненныхъ, которые знали объ этомъ преступномъ намѣреніи и не донесли, если крѣпость дѣйствительно будетъ сдана (C. I. M. 1874, s. 229.—Dänis. Kr. R. art. 21). Извиненіемъ преждевременной сдачи крѣпости и проч. можетъ служить только недостатокъ въ людяхъ, провіанта и аммуниціи (т.-е. огнестрѣльныхъ припасовъ), если, притомъ, комендантъ прислалъ своевременно извѣстіе о невозможности далѣе сохранить ее въ своихъ рукахъ (тамъ же, стр. 231, 232, art. 27).—Въ *польскихъ военныхъ законахъ* начальникъ, сдавшій крѣпость, когда не было крайней опасности для жизни (Lebens-Gefahr) (кого?), лишается головы и чести (тамъ же, стр. 266, Pohln. art. 30).—Въ *голландскихъ военныхъ артикулахъ* опредѣляется наказаніе висѣлицей за сдачу крѣпости или вступленіе въ соглашеніе съ непріятелемъ и вообще за такого рода дѣянія, которыя затрудняютъ оборону крѣпости. (C. I. M. 1874, s. 657, Holländ. art. 54).—Комментаторъ Петръ Паппій въ этихъ и другихъ преступленіяхъ, перечисленныхъ въ артикулѣ 52-мъ (сопротивленіе вступить въ бой, или исполнять назначенныя въ крѣпости работы, или охранять занимаемыя квартиры въ ней), видитъ нарушеніе присяги, неповиновеніе, поводы къ бунту и измѣнѣ, т.-е. такія дѣянія, которыя должны быть прекращены всѣми способами, чтобы не дать возможности распространиться злу. Во всякомъ случаѣ нужно обращать вниманіе на обстоятельства дѣла и на состояніе особъ. Обобщенія имперскихъ (Max II, art 14, Ferdin. III u. Leop. I), и голландскихъ военныхъ артикуловъ ведутъ комментаторовъ къ

Сличи: ново-датскій арт. 69, польскій арт. 31. Сравни: ново-имперск. воен. арт. art. 65.

Замѣтка 1. Статьи аналогичной съ арт. 120-мъ мы не находимъ ни въ шведскомъ, ни бранденбургскомъ и цюрихскомъ кодексахъ. Образцомъ для конструкціи этого артикула служитъ ново-датскій арт. 69 (C. I. M. Nov. II, 280) и, вѣроятно, ст. 31 польскаго военнаго артикула въ такой редакціи: «Когда ротмистръ, противъ всякаго чаянія, осмѣливался бы какими-либо знаками показывать, что онъ готовъ сдать крѣпость, тогда капралы и рядовые солдаты обязаны выдать его арестованнымъ своему полководцу» (C. I. M. 1674, s. 266). Такая именно мысль высказана въ толкованіи къ арт. 120-му; послѣдній же по существу правоопредѣленій противоположенъ предыдущему арт. 119-му, т.-е. что офицеры и солдаты отвѣчають за коменданта, который безъ всякаго повода и крайней нужды сдастъ непріятелю крѣпость. Присутствіе подобнаго закона въ кодексѣ даетъ основаніе предполагать, что въ русскихъ, какъ и въ польскихъ войскахъ, существовали начальники, не соотвѣтствовавшіе своему назначенію и не стоявшіе на высотѣ своего призванія. Иначе трудно оправдать существованіе закона, который подчиненнымъ даетъ право арестовать, т.-е. употребить насиліе надъ своимъ начальникомъ. — Нужно-ли доказывать что установленіе подобнаго права въ военномъ кодексѣ противорѣчитъ нашимъ понятіямъ о воинской дисциплинѣ и можетъ вести къ произволу и насиліямъ со стороны подчиненныхъ, даже со стороны солдатъ. Въ какомъ состояніи духа будетъ комендантъ крѣпости, на котораго падаетъ главная отвѣтственность за ея охраненіе, когда онъ можетъ ожидать, что своими строгими требованіями, по исполненію долга службы, онъ возбудитъ ропотъ со стороны подчиненныхъ, которымъ самъ законъ даетъ поводы къ измышленію предлога для арестованія коменданта и къ избранію на его мѣсто другаго.

Замѣчательно, что законъ, обязанный своимъ происхожденіемъ эпохѣ наемныхъ солдатъ, сохраненъ къ ново-датскомъ кодексѣ.

Громадная отвѣтственность, возлагаемая на коменданта крѣпости, требуетъ особеннаго вниманія отъ полководца при выборѣ такого начальника. И это обстоятельство имѣютъ въ виду военные законодатели—шведскій, бранденбургскій и другіе, а равно комментаторы.—Комендантъ долженъ быть человѣкомъ съ исключительными военными способностями и выдающимися качествами души. По мнѣнію Гойера, начальникъ, назначенный комендантомъ крѣпости, долженъ быть: 1) вѣрнымъ слугою своего государя, 2) опытнымъ въ военномъ искусствѣ, 3) смѣлымъ и мужественнымъ и 4) щедрымъ. Онъ, подобно капитану корабля, долженъ пользоваться широкими правами дисциплинарной власти и имѣть въ своихъ рукахъ достаточныя средства для управленія гарнизономъ.

Присутствіе въ русскомъ военномъ кодексѣ артикула 120-го, можетъ быть объяснено существованіемъ на окраинахъ Россіи множества малыхъ крѣпостей или фортовъ, называемыхъ городами или городцами, занятыми мелкими военными частями, нерѣдко даже ротою, подъ командою капитана, сотника или даже офицера. При такихъ условіяхъ не могло быть и строгаго выбора начальниковъ гарнизоновъ.

болѣе или менѣе произвольнымъ разсужденіямъ, гдѣ всѣ преступленія воинскія приравниваются къ преступленіямъ государственнымъ или къ преступленіямъ величества—crimen laesae majestatis.

Art. 74. Da aber das Krieges-Volck den Gouverneur zwinget, die Festung aufzugeben, und solches ihnen zu überweisen wäre; so sollen alle, die einen Befehl bedienen, und in solchen Zwang mit eingewilliget, am Leben, Ehr(e) und Guth gestraffet; von den Gemeinen aber, der zehende Mann nach dem Looss ausgenommen und aufgehangen, und die übrigen mit der Straffe, so den Feldflüchtigen angesetzet, beleget werden.

Смчи: Gust.-Ad. Kr. A. B. art. 58. Русс. В. Ар. арт. 119. *Сравни:* Alt. Dänisch K. A. B. art. 24. Neu Dänisch. art. 70. Brandenb. K. R. art. 41. Zürich, K. R. art. 46. *Комментаріи:* Hoyer lat. 119. О способностяхъ комендапта, о распространеніи робости.

Въ старо-шв. воен. арт., art. 58 опредѣлялось наказаніе смертью десятаго тѣмъ, которые согласились на принужденіе коменданта. Съ редакціей старо-шведской сходны: цюрихскій законъ, art. 46, и бранденбургскій, art 41, — съ тою только разницею, что для прочихъ, вмѣсто «наказанія какъ за побѣгъ съ поля сраженія», въ бранденбургскомъ военномъ артикулѣ опредѣляется «соотвѣтственное наказаніе» по рѣшенію военнаго суда: «und die übrigen nach dem Krieges-Recht mit verdienter Straffe beleget werden». Въ датскомъ военномъ кодексѣ Христіана V за принужденіе комендаита къ сдачѣ крѣпости установлена также децималія.

Замѣтка 1. Принужденіе коменданта къ сдачѣ крѣпости со стороны гарнизона, предусмотрѣнное первоначально въ военномъ кодексѣ Густава-Адольфа, принадлежитъ къ ряду преступленій исключительныхъ. Тутъ надобно предполагать соединеніе весьма неблагопріятныхъ условій и, во всякомъ случаѣ, крайнюю деморализацію гарнизона, упадокъ воинскаго духа, робость, или же злонамѣренное вліяніе на солдатъ второстепенныхъ начальниковъ, которые своими преступными дѣйствіями возбуждаютъ подчиненныхъ къ неповиновенію волѣ начальника, коему ввѣрена защита крѣпости. Поэтому со стороны военнаго правосудія требуется тщательное изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла, во всѣхъ проявленіяхъ злой воли, чтобы произвести приговоръ надъ виновными. Гойеръ въ своемъ комментаріи на 41 бранденбургскій артикулъ даетъ слѣдующій совѣтъ, не лишенный практическаго интереса: «Комендантъ, сдавшій

Арт. 121. Никто да не дерзаетъ при осадѣ особливые совѣты имѣть и *много* (а) говорить или кричать, чтобъ крѣпость или мѣсто сдать или оставить, ниже другимъ словомъ или дѣломъ къ оборонѣ робость какую подать. Кто въ томъ уличенъ будетъ, имѣетъ другимъ ко устрашенію безъ дальнаго отлагательства (б) повѣшенъ быть.

(б) Въ рукописи выраженіе «безъ дальностей» зачеркнуто и исправлено рукою Петра I, какъ значится въ печати въ разрядку. *Поправка 37.*

На мѣсто выраженія «толь меньже же» поставлено справщикомъ слово: «и много» (а).

Сличи: ново-датскій арт. 67.—Улож. или прав. воин. пов. глава X, ст. 131. Тоже: старо-датск. арт. 28.

Замѣтка. Соотвѣтственнаго артикула въ шведскомъ кодексѣ не имѣется. Арт. 121 согласованъ съ текстомъ ново-датскаго воен. кодекса art. 67 и исправляетъ неудачную редакцію ст. 131, главы X Улож. или права воин. пов. «Никто во время осажденія совѣту подавати, разглашати, кричати о сдачѣ крѣпости или мѣста непріятелю не имѣетъ (sic); також дѣ не отказываетъ (т. е не отказывается идти) въ бой при вылазкахъ и не жалѣетъ (не жалѣтъ) тѣла и живота своего, но найпаче боязливыхъ и неохочихъ наговаривать къ мужественному отпору и принуждати къ бою имѣетъ» (Розенгеймъ, стр. 291, по списку Импер. Публ. Библ.). Подлинный текстъ, служившій оригиналомъ и для ст. 131, гл. X Улож., и для арт. 121, такъ изложенъ: «Es soll niemand in einer Belägerung Rathschlag halten, vielweniger ruffen oder schreyen, den Plat, oder die Festung dem Feinde zu übergeben, oder dieselbe zu überlassen oder sich veiweigern zu fechten und seinen Leib und Leben bis aufs äusserste zuzusetzen, oder zu arbeiten, noch andere mit Reden oder Thätligkeiten, zu Defension zaghaft oder unlustig machen, unter Straffe des Galgens» (C. I. M. Nov. II, 280, Christ. V. Kön. in Dän. Art. Br. vor die Mil. zu Lande, art. 67).—Сравни этотъ датскій артикулъ съ имперскими (Maxim. II, art. 14, Ferd. III und Leop. I, art. 19, Art. Br. der R. Völck. 63) и съ голландскими арт. 53 и 54.

Подобныя явленія, противъ которыхъ направлены наказанія висѣлицей по артикулу 121 и притомъ «безъ дальняго отлагательства», предполагаютъ возмущеніе солдатъ; съ подчиненными, вышедшими изъ повиновенія своему начальнику, не только при оборонѣ крѣпости, но и вообще иначе нельзя поступать, какъ съ измѣнниками, нарушающими долгъ присяги и унижающими честь воинскаго званія. Эти факты въ русскомъ войскѣ встрѣчаемъ въ войскахъ второй половины XVII стол. Но объ измѣнѣ и возмущеніи сказано подробно, какъ увидимъ, въ главахъ XVI и XVII Арт. Воин.

Арт. 122. Никто да не дерзаетъ подъ наказаніемъ смерти (а) противитися къ бою съ непріятелемъ, не щадя своего живота до самой крайности, и работать, гдѣ повелѣно будетъ.

крѣпость непріятелю подъ тѣмъ предлогомъ, что къ тому *принудилъ* его гарнизонъ, обязанъ прежде всего въ своемъ объясненіи представить несомнѣнныя доказательства, не только въ томъ, что осажденные роптали, волновались, требуя сдачи крѣпости, бросали оружіе и не хотѣли сражаться, но также онъ долженъ доказать, что самъ онъ, не давши разрѣшенія, прилагалъ съ своей стороны всѣ средства и строгія мѣры, чтобы предупредить такое несчастіе (Unheil), и что неповинующихся наказалъ по горячимъ слѣдамъ; кромѣ того, комендантъ долженъ доказать, что самъ онъ лично подвергался опасности со стороны разъяренныхъ солдатъ, что онъ не имѣлъ уже ни власти, ни свободы, чтобы примѣнять къ дѣлу данныя имъ приказанія, распоряженія и инструкціи, и что онъ не могъ сохранить крѣпость другимъ образомъ: «dass er keine Macht noch Libertät gehabt, seine Autorität, Commando und Ordres nach seiner ihm gegeben Instruction weder mediate noch immediate, ins Werck zu setzen, und die Vestung auf eine andere Weise zu conserviren». Необходимо при подобномъ фактѣ отличать насиліе (violentiam) отъ страха, ибо трусость въ солдатѣ всегда наказуема. Когда такимъ образомъ, посредствомъ тщательнаго изслѣдованія, будетъ доказано *принужденіе* коменданта, тогда тѣ, которые его принуждали, вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые на такое насиліе соглашались, должны быть примѣрно наказаны на основаніи этого артикула». (C. I. M. Nov. I; 408, 409).

Замѣтка 2. Въ шведскомъ артикулѣ 73-мъ мотивомъ неповиновенія власти коменданта, принуждаемаго сдать крѣпость, несмотря на способность гарнизона къ защитѣ ея и отсутствіе другихъ причинъ, извиняющихъ сдачу ее непріятелю, предполагается насиліе со стороны подчиненныхъ, все равно отъ страха-ли, или отъ трусости и отъ другихъ причинъ. Подобныя явленія случались не только при защитѣ крѣпости, но и въ сраженіяхъ. Такъ, въ старо-датскомъ воен. правѣ (art. 24) было такое постановленіе: «Наказываются на тѣлѣ тѣ, которые распространеніемъ ложныхъ слуховъ и подговорами возбуждаютъ между солдатами робость и трусость *во время осады, при штурмѣ, въ сраженіи, на походѣ*. Однако, когда кто-либо узнаетъ о готовящейся измѣнѣ распространяемой подозрительными лицами, тотъ обязанъ доложить старшему начальнику, или офицеру, которому онъ подчиненъ непосредственно, объ этихъ слухахъ, а также и о тѣхъ лицахъ, которыя распространяютъ эти слухи, подъ страхомъ наказанія на тѣлѣ за недонесеніе. Точно также слѣдуетъ поступать и съ такими извѣстіями, которыя идутъ отъ непріятеля. Узнавшій что-либо обязанъ донести, сохраняя въ тайнѣ то, о чемъ онъ узнаетъ. Своему офицеру или начальнику должно сообщать также и такія свои замѣчанія, которыя могутъ служить къ нашей выгодѣ и во вредъ непріятелю. (C. I. M., s. 230).

Art. 75. Und damit die Ursachen, zu welcher Zeit und Gelegenheit ein Befehlichshaber und Soldat eine Festung, und eher nicht aufzugeben, vor entschuldiget und schadloss gehalten werden solle, hiebey mögen Kund gemachet werden; so seynd folgende Begebenheiten zu erwegen, als nehmlich: Die äusserste

(а) Въ рукописи слово «веревки» зачеркнуто и замѣнено Петромъ «смерти», какъ напечатано въ разрядку. *Поправка 37-я* (bis).
Сличи: ново-датск. арт. 67, старо-датск. 28.

Замѣтка. Артикулъ 122-й, очевидно, составленъ изъ опредѣленій новодатскаго арт. 67-го, относящихся къ разряду обязанностей гарнизона при защитѣ крѣпости, а именно: «sich verweigern zu fechten und seine Leib und Leben biss aufs äusserste, zuzusetzen, oder zu arbeiten». Въ нашемъ кодексѣ подобнаго рода дѣйствіемъ дано общее значеніе—«въ бою», а не исключительно въ крѣпости или въ укрѣпленіи. Солдатъ вездѣ, гдѣ бы то ни было, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, въ силу данной присяги, какъ вѣрный слуга Государю и Отечеству долженъ быть готовъ жертвовать своею жизнію. Точно также воинъ обязанъ исполнять требуемыя отъ него работы, въ чемъ на основаніи арт. 50-го состоитъ не только обязанность, но и долгъ службы.

Въ арт. 122-мъ собственно напоминается о значеніи работъ въ самомъ бою, на полѣ сраженія, вообще «гдѣ приказано будетъ» на театрѣ военныхъ дѣйствій, (см. главу V Арт. Воин. «о всякой солдатской работѣ». Вып. 2-й, стр. 236).

Арт. 123. Причины, которыхъ ради Коммендантъ, офицеры и солдаты извинены быть могутъ, когда крѣпость сдастся, суть слѣдующія: (1) крайній голодъ, *когда ничего не будетъ*, чѣмъ человѣкъ питатися можетъ, имѣя напередъ всевозможную въ пищѣ бережность, (2) когда аммуниціи ничего не останется, которая такожъ со всякою бережью трачена; (3) когда людей такъ убудетъ, что оборонитися весьма не въ состояніи будутъ (а во всю осаду оборонялися храбро), сикурсу получить не могутъ, и что крѣпости уже по всѣмъ видамъ удержать будетъ невозможно; (4) однакожъ сіи пункты суть тѣмъ, кои особливаго указа не имѣютъ, а которые имѣютъ указъ до послѣдняго человѣка оборонятися, то никакой нужды ради не капитуловать съ непріятелемъ и крѣпости не отдавать (а).

Толк. Въ сихъ вышеименованныхъ артикулахъ часто лишеніе чести, пожитковъ и живота упомянуто, которое тако исправлено имѣетъ быть, что палачъ сперва шпагу у нарушителя перело-

Hungers-Noth, da alles, wovon ein Mensch leben könnte und möchte, wem es auch zugehöret, verzehret ist; folgends da alles was zu bekommen gewesen, vernünfftig und aufs kärgste und sparsamste ausgetheilet werden, auch nichts mehr in Publiquen oder Privat-Häusern zu finden ist; Ingleichen da aller Schutz und Munition benommen und verbrauchet, man auch keinens Succurs zu hoffen gehabt.

Сличи: Gust.-Ad. Kr. Ar. B., art. 59.—Причины сдачи крѣпости слѣдующія: 1) крайній голодъ (Hungersnoth), 2) отсутствіе помощи и недостатокъ оружія (Wehrloss), и 3) когда крѣпость, очевидно, не въ состояніи болѣе держаться. И въ концѣ артикула добавлено: Alsdann und wann solche Ursachen von dem Feldmarschallen, oder von dem an seine Stadt Verordnetem zusampt den Beysitzern, wol examiniret, mit Fleiss erwogen, und wahrhafftig also befunden werden. So sollen die Befelchhaber und Soldaten dessen zugeniessen haben, und darauff loss gesprochen, und schadloss erkandt werden, im widrigen aber bey der angedeuteten Straffe gätzlich verbleiben.

Смотри: Alt-Dänich Kr. Ar. Br. art. 27. Neu-Dänisch. Kr. R. art. 72, Zürisch art. 47. Brandenb. Kr. R. art. 42. Рус. Воин. Арт., арт. 123. — *Коммент.* Felde ad Grot. de jure belll lib. 3, cap. 11, § 14 et 15. Bockl. ad Grot. dissert. 4. Burg. Cent. 4 obs. 76. Hoyer ad art. 36 et seqq. lat. 605. Чтó говоритъ по поводу старо-шв. арт. 59 комментаторъ Шварценъ, ссылаясь на Локцена: Loccen de jure lib. 13, cap. 19, lat. 225, de jure maritime d. c. n. 3.—Burg. 1, obs. 21, Pappus ad art. 53. Dänische K. R. art. 79, 33.— Шварценъ даетъ такой вопросъ: можетъ-ли комендантъ обязаться своему полководцу въ томъ, что, будучи въ состояніи спасти крѣпость или корабль, онъ вмѣстѣ со своими подчиненными взлетитъ на воздухъ.—Отвѣтъ—нѣтъ не можетъ. Далѣе, ссылаясь на Локцена, онъ говоритъ: Великій Густавъ (Ваза) по поводу одного случая такого самопожертвованія жизнью, сказалъ, что въ немъ онъ и государство имѣли храбраго и вѣрнаго слугу, но съ своею особою онъ распорядился безчестно.

Замѣтка 1. Въ шведскомъ, датскомъ и бранденбургскомъ военныхъ законахъ приводятся слѣдующія существенныя обстоятельства, оправдывающія сдачу крѣпости непріятелю на капитуляцію: во 1-хъ, крайній голодъ, когда уже израсходованы всѣ продовольственные запасы и добыть ихъ не представляется никакой возможности; во 2-хъ, недостатокъ въ людяхъ, когда притомъ нѣтъ никакой надежды на помощь извнѣ, и въ 3-хъ, когда при отсутствіи огнестрѣльныхъ припасовъ истощены всѣ способы для обороны, а между тѣмъ дальнѣйшее пребываніе въ крѣпости угрожаетъ гибелью гарнизону. См. объ этомъ швед. воен. артикулъ; въ датск. воен. код. арт. 27 и особенно въ новой редакцій Христіана V art. 72;—замѣтки Петра Паппія по поводу голландскихъ артикуловъ 53 и 54, комментарій въ пиперскомъ кодексѣ Фердинанда III и Леопольда I, art. 72, (6), комментарій Гойера на бранденбургскіе в. артикулы—главы VIII, art. 36 -42.

мить и его шельмомъ объявить, а потомъ его повѣситъ: и если оный пожитки имѣетъ, оные на ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО взяты быть имѣютъ.

См. факсимиле исправленной рукописи: «Воен. Зак. Петра Вел.». Изд. 1887 г. Поправка 39-я.

(а) Рукою Петра I прибавлено «афицеры» и затѣмъ, начиная съ 2-го пункта и до конца, перечеркнуто и на особой бумажкѣ написано такъ, какъ изложено въ печати разрядкою. Въ рукописи первоначально было такъ изложено: 2) недостатокъ до полнаго гварнизона восаде амуніи, такожде, когда сукурсу болѣе ожидать надѣжды не было, 3) когда два или три штурма уже выдержаны и болѣе надежды нѣтъ и что, однакожъ, крепость въ скоромъ времени со всѣмъ гварнизономъ въ руки впасть имѣетъ.

Означенное курсивомъ (б) замѣняетъ слѣдующее мѣсто въ рукописи: «Когда всѣ чемъ человѣкъ», эти выраженія зачеркнуты и красными чернилами написано то, что значится въ печати.

Сличи: Ново-швед. art. 75. Старо-шв. art. 59 и текстъ заключенія къ сему послѣднему, нами приведенный въ замѣткахъ къ ново-швед. арт. 75. Ново-датск. art. 72. Бранденбургск. art. 42, и комментар. къ нему, а такъ-же комментаріи къ имперскому артикулу 19, по редакціи Ферд. III и Леоп. I.

Замѣтка 1. Первоначально артикулъ 123-й былъ написанъ согласно съ буквою ново-швед. и датск. воен. артикуловъ, текстъ которыхъ приведенъ нами на правой половинѣ (стр. 155, 157). Неудачную его редакцію Петръ I измѣняетъ собственноручно, принявъ въ соображеніе, какъ видно, не только поименованныя для сличенія артикулы шведскаго и датскаго кодексовъ, но и комментаріи на бранденбургскій и другіе извѣстные намъ артикулы. Но прибавленый Царемъ п. 4-й. относительно обороны крѣпости до «послѣдняго человѣка», когда послѣдуетъ объ этомъ спеціальный указъ, составляетъ нововведеніе; здѣсь нашъ законодатель расходится съ мнѣніемъ лучшаго изъ комментаторовъ Петра Паппія, которымъ охотно руководствуется въ другихъ мѣстахъ Арт. Воин., вводя въ толкованія его практическія сужденія. Петръ Паппій говоритъ, что когда не остается никакой надежды спасти крѣпость, тогда лучше и въ общемъ смыслѣ полезнѣе спасти себя и подчиненныхъ солдатъ, которые въ будущемъ могутъ пригодиться для службы, нежели теряя мѣсто (крѣпость), подвергнуть ихъ вѣрной и неизбѣжной смерти. (С. J. M. 1674, s. 657). Однакожъ, нельзя не согласиться, что въ военныхъ операціяхъ бываютъ такія обстоятельства, когда защита какого-либо пункта на театрѣ военныхъ дѣйствій имѣетъ столь важное значеніе, что

На основанія 27-го датскаго в. артикула, когда кто-либо принужденъ сдать крѣпость по крайнему недостатку въ людяхъ, провіантѣ и аммуниціи (т. е. въ огнестрѣльныхъ припасахъ) и Насъ своевременно объ этомъ не увѣдомитъ, тогда онъ, обязанъ оправдать свои дѣйствія доказательствами причинъ такого упущенія передъ военнымъ судомъ. Когда крѣпость нуждается въ помощи, начальники войскъ обязаны оказывать коменданту свое содѣйствіе и поддержку. Начальникъ крѣпости обязанъ своевременно озаботиться доставленіемъ огнестрѣльныхъ припасовъ, провіанта и прочихъ необходимыхъ (для обороны) предметовъ, составить всему вѣдомость, собрать и сохранять. Частныя лица, удовлетворившія нуждамъ Нашихъ войскъ, получаютъ за это достаточное вознагражденіе.—Постановленія, коими оправдывается сдача крѣпости непріятелю, получили болѣе подробное развитіе въ обновленномъ военномъ кодексѣ Христіана V, сообразно съ предложеніями нѣкоторыхъ комментаторовъ по поводу шведскихъ военныхъ артикуловъ. «Оправданіемъ сдачи крѣпости служатъ слѣдующія обстоятельства, тщательно разсмотрѣнныя: недостатокъ въ людяхъ для обороны, въ провіантѣ, или въ огнестрѣльныхъ припасахъ: предвидѣлъ ли это комендантъ и далъ-ли намъ знать объ этомъ; была-ли надежда на помощь; не находились-ли оборонительные верки безъ вооруженія (in wehrlos en Stande), и не могли-ли они быть исправленными; была-ли пробита надлежащая брешь (raisonable), выдержали-ли 2 или 3 штурма; дѣйствительно-ли рѣшено было, что за неимѣніемъ никакихъ способовъ для защиты крѣпости оставалось сдать ее непріятелю въ короткое время со всѣмъ гарнизономъ; все это должно быть разсмотрѣно въ военномъ совѣтѣ или судѣ (въ который обязаны явиться комендантъ вмѣстѣ съ офицерами и солдатами), затѣмъ комендантъ, офицеры и солдаты будутъ или оправданы, или подвергнуты наказанію на основаніи вышеизложенныхъ артикуловъ. (C. I. M. Nov. II, s. 281 Ar. Br. Christ. V. Kön. im Dänemarck., art. 72). См. заключеніе на старо-швед. арт. 59-й, нами приведенной выше. Объ оказаніи крѣпости помощи со стороны начальниковъ, расположенныхъ въ ближайшемъ раіонѣ крѣпости, и о своевременномъ обезпеченіи крѣпости всѣмъ необходимымъ изложено въ слѣдующихъ 73 и 74 артикулахъ датскаго обновленнаго кодекса.

Замѣтка 2. Предѣлъ, за которымъ сдача крѣпости непріятелю не можетъ возбуждать уголовнаго преслѣдованія, по мнѣнію Петра Паппія, опредѣляется такимъ состояніемъ гарнизона, въ которомъ онъ безъ посторонней помощи не въ состояніи болѣе защищать ее и когда уже нѣтъ никакой надежды на поддержку гарнизона или выручку крѣпости.

Михаилъ Монтень (въ «Essais» l. 1, cap. 15), разсказывая о приговорѣ къ смерти Вервинса за сдачу непріятелю Булони, говоритъ, что нельзя казнить заслуженнаго и весьма хорошаго полководца, если солдатъ оказалъ малодушіе. Vide tamen Anaxilai exemplum Byzatium dedentis apud Xenoph. lib. 1, de reb. Graciae: Carthaginensium, qui praefectum praesidii Mamermorum, quod formidine atque ignavia arcem amisisset, cruci affixerunt, apud Polyb. lib. 1. Ayala d. lib. 3, cap. 18 per tot.

полководецъ возлагаетъ на его защитниковъ всю свою надежду и съ такою цѣлью даетъ спеціальное приказаніе держаться въ немъ до послѣдняго человѣка, и Петръ I изъ опыта зналъ неизбѣжность такого самопожертвованія со стороны гарнизона. Самъ голландскій комментаторъ въ слѣдующемъ замѣчаніи (по поводу голланд. арт. 54-го) говоритъ, что нельзя удивляться суровости наказанія за сдачу крѣпости непріятелю, такъ какъ ошибки, сдѣланныя въ военное время, чрезвычайно трудно исправить. (C. J. M. 1674, s. 658). Что же касается до толкованія къ артикулу 123-му, то оно по содержанію своему должно быть отнесено къ *процессу*, именно къ тѣмъ статьямъ, написаннымъ рукою Петра I въ концѣ процесса, гдѣ сказано, какъ должно поступать съ тѣми, кто чести лишенъ. Тамъ оно разсматривается какъ самостоятельное наказаніе, а здѣсь, въ артикулѣ 123-мъ, какъ наказаніе добавочное къ лишенію жизни. Такой же пріемъ мы встрѣтили и въ швейцарскомъ кодексѣ для солдатъ, состоящемъ изъ 200 пунктовъ въ той статьѣ, гдѣ сказано о сдачѣ крѣпости.

Замѣтка 2-я. Къ причинамъ, оправдывающимъ коменданта, офицеровъ и солдатъ, въ случаѣ сдачи крѣпости непріятелю, бранденбургскій, а за нимъ и имперскій комментаторъ относятъ:

1) Крайній голодъ, когда не остается никакихъ способовъ для продовольствія.

2) Безнадежность помощи, или отсутствіе выручки.

3) Когда ничего нельзя придумать, чтобъ спасти крѣпость, съ потерею которой и войска должны будутъ попасть въ руки непріятеля.

Эти три пункта поименованы въ 42 артикулѣ бранденбургскаго кодекса. Кромѣ того, Гойеръ, которому слѣдуетъ и имперскій комментаторъ, на основаніи опытовъ войны, предлагаетъ имѣть въ виду слѣдующія причины, освобождающія коменданта отъ отвѣтственности за сдачу крѣпости, или укрѣпленія, непріятелю:

1) Когда въ крѣпости недостаетъ людей для обороны, или когда при достаточномъ составѣ гарнизона, многіе или большая часть людей больны или ранены, такъ что нельзя доставить крѣпости надлежащей обороны, а между тѣмъ нельзя ожидать помощи (*по редакціи импер. комм.*).

2) Когда полководецъ не имѣетъ возможности своевременно снабдить крѣпость достаточнымъ количествомъ провіанта, припасовъ и всего необходимаго для обороны.

3) Когда комендантъ исполнилъ свой долгъ и ему нельзя вмѣнить въ вину какой-либо ошибки въ его распоряженіяхъ.

4) Когда крѣпостные валы, вслѣдствіе поврежденія отъ огня осаждающаго, пришли въ такое неудовлетворительное состояніе, что комендантъ съ

Замѣтка 3. При какихъ именно обстоятельствахъ сдача крѣпости непріятелю, признавалась уважительною на основаніи опытовъ войнъ XVII ст., т.-е. въ эпоху возрожденія военнаго искусства въ западной Европѣ, даетъ указаніе комментаторъ Гойеръ въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу бранденбургскихъ и сродетвенныхъ съ ними военныхъ артикуловъ, содержащихъ правоопредѣленія относительно сдачи крѣпостей. Этими-же указаніями руководствовался комментаторъ на имперскій 19-й артикулъ военно-уголовнаго кодекса Ферд. III и Леоп. I. (Ср. C. I. M. 1674, стр. 365 и 366, и C. I. M. Nov. I, стр. 72). Текстъ его разсужденій мы приводимъ въ замѣткѣ на Воин. Арт. 123-й.

малымъ числомъ людей не въ состояніи исправить поврежденій, и когда были истощены всѣ способы, чтобы остановить подавляющей перевѣсъ непріятеля.

5 Когда недоставало огнестрѣльныхъ припасовъ и военныхъ инструментовъ.

6) Когда подчиненные до такой степени физически ослабѣли, что или не въ состояніи драться, или же не хотятъ драться, вслѣдствіе мятежнаго состоянія духа, несмотря на то, что своимъ образомъ дѣйствія и своимъ мужествомъ комендантъ старался поддержать нравственныя силы гарнизона, принималъ соотвѣтственныя мѣры для наказанія неповинующихся, даже разстрѣлялъ одного или нѣсколько бунтовщиковъ.

7) Когда-же все было въ достаткѣ, комендантъ можетъ быть оправданъ только тогда, когда, несмотря на употребленіе крайнихъ мѣръ, перевѣсъ остался на сторонѣ непріятеля. «Wann es ihm schon an nichts gemangelt, er könnte aber gnugsam erweisen, dass er das äusserste aussgehalten, und dennoch vom Feinde überwunden worden».

При всей предусмотрительности полководца и коменданта нельзя предвидѣть всѣхъ случайностей паденія крѣпости; несмотря на геройское сопротивленіе гарнизона и чудеса храбрости ея защитниковъ, непобѣдимая необходимость можетъ принудить уступить защищаемое мѣсто, какъ справедливо гласитъ латинское изреченіе: «tanta enim vis est necessitatis, ut ei multa resistere posset: ad impos sibila verò nemo obligatur».

ГЛАВА ШЕСТАЯ НАДЕСЯТЬ

О измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ.

Арт. 124. Кто изъ офицеровъ или рядовыхъ съ непріятелемъ тайную и опасную переписку имѣть будетъ, и непріятелю или его союзникамъ *какъ* (а) нибудь вѣдомость какую подастъ или съ непріятелемъ и отъ него съ присланнымъ трубачемъ, барабанщикомъ и съ таковыми подозрительными особами, безъ вѣдома и указа Фельдмаршала или Коменданта, хотя въ полѣ, въ крѣпостяхъ или гдѣ индѣ, тайнымъ образомъ разговоръ имѣть, переписываться, письма принимать или переносить будетъ; оный имѣетъ, яко шельмъ и измѣнникъ, чести, пожитковъ и живота лишенъ, и четвертованъ быть.

Толк. Однакоже прилучаются случаи, въ которыхъ сіе наказаніе умаляется, и преступитель сперва казненъ, а потомъ четверто-

TIT. XIII.

Von Verrätterey und mit dem Feind gepflogenen Gemeine und Kundschaft.

Въ этой главѣ три артикула: 76, 77, 78, изъ нихъ: арт. 76-й о вооруженномъ возстаніи противъ особы короля или его наслѣдниковъ вошелъ въ гл. III Арт. Воин. арт. 19; такого артикула не было въ кодексѣ Густава Адольфа; арт. 78 о побѣгѣ къ непріятелю, соотвѣтствующій русскому арт. 99-му, объясненъ нами въ главѣ XII—о девертирахъ и бѣглецахъ. См. Арт. Воин. вып. 2-й стр. 747.

Art. 77. Welcher Befehlichshaber oder Gemeiner dem Feinde einige Kundschafft, es sey auf was Weise es wolle, giebt, oder mit demselben ohne Unser, des Feldmarschallen oder Gouverneurs Vorbewust und Befehlich, es sey im Felde, Festungen oder sonsten, Sprache hält, oder auch wohl mit ihme Briefe

ванъ бываетъ, яко же оное наказаніе прибавляется рваніемъ клещами, ежели оная измѣна великой вредъ причинитъ *войску*, *землямъ*, *городу или Государю* (б).

Такожде не позволяется ни сыну съ роднымъ своимъ отцомъ, которой у непріятеля обретается, тайно корреспондовать.

Такожде таковому наказанію и Коммендантъ подверженъ, которой свѣдомъ, что таковыя письма отъ непріятеля приходятъ или отъ него отпустятся, а оныя онъ не перейметъ, и не распечатаетъ, и въ принадлежащемъ мѣстѣ не извѣститъ; ибо онъ виновнымъ себя тѣмъ причинитъ, что онъ о таковой корреспонденціи вѣдая, и на тое позволилъ.

Никто изъ плѣнныхъ да не дерзаетъ письма свои самъ запечатывать, и тайнымъ образомъ оныя пересылать, но долженъ не запечатавъ Комменданту вручить, которой въ принадлежащее мѣсто отослать имѣетъ. Ежели плѣнной противъ сего поступитъ, то онъ самому себѣ причесть имѣетъ, если тѣмъ и прочимъ виновнымъ съ нимъ, за ихъ труды наказаніемъ заплачено будетъ; ибо онъ подобно шпіону почитается, или лазутчику посланному отъ непріятеля, дабы о состояніи непріятельскомъ увѣдомиться, которые по воинскому резону и обыкновенію повѣшены бываютъ.

Поправки въ рукописи: а) вмѣсто «какимъ образомъ», б) какъ и было: «войску, землямъ, городу или Государю».

Сличи: ново-шведск. арт. 77, старо-швед. арт. 60, ново-датск. 53, бранденбургск. арт. 43, швейцарск. арт. 48, голландск. арт. 12 и 13. — *Сравни*: съ Улож. и прав. воин. пов. ст. 122. Толкованіе арт. 124 выясняется изъ комментарій Гойера, Шульцена и Петра Паппія, а также изъ текста датскихъ законовъ старой и новой редакціи. См. объясненія наши на шведск. арт. 77 въ замѣткахъ 1—6, на стр.? 163—177.

Въ главѣ XVI Арт. Воин. нашъ законодатель даетъ правоопредѣленія, относящіяся къ измѣнѣ въ военное время въ войскахъ, гдѣ бы то ни было расположенныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, руководствуясь, главнымъ образомъ, постановленіями военно-уголовныхъ законовъ шведскаго и датскаго военныхъ кодексовъ: т.-е. скандинавской группы, и комментаріями на бранденбургскій и голландскій военные артикулы. Артикулы главы XVI объ измѣнѣ въ военное время дополняютъ арт. 19 (главы III) объ измѣнѣ государственной, или о преступныхъ замыслахъ противъ особы Го-

oder Bottschafft wechselt, der sol unnachlässig Leben, Ehr und Gut verlohren haben; offenbahret aber jemand dem Feind die Losung, es sey Officirer, Gemeiner oder sonsten jemand, der sol am Leben gestraffet werden.

Art. 76 Welcher von Unsern untersassen oder eingebohrnen seines Eyds und schuldiger Treue dermassen vergessend wäre, dass er ein Heer wider Uns richtete, oder Uns und Unsere Nachkommen mit feindseligen Waffen bekrigete, oder mit dem Feind heimliche und gefährliche Versfändniss pflegte, der hat Leben, Ehre und Guth verwürcket.

Сличи: Holländ. Kr. R. art. 5, 6. Oberger. Ordn. tit. l. art. 5, № 1. Воин. Арт. 19. См. «Арт. Воин. вып. 1, стр. 190—195.

Сличи: Gust. Ad. Kr. Art. Br. art. 60, 61. Obergerichts—Ordnung, tit. 1, art. 6 № 2. *Сравни:* Maxim. II. Art. Br., art. 25, 27. Röm. R. Reut. Bestall. art. 64, 88, Ferd. III und Leop. I. Art. Br. art., 30, 32. Holländ. Kr. R. art. 12, 13. Comment.— Alt. Dän. Kr. R. art. 22, 23, 24. Neu-Dänisch. Kr. R. art. 53, 54, 55, 56, 57, 58. 59. Pohln. Ar. Br. art. 10. Brandenb. Kr. R. art. 13. 43. Comment.—Schweiz. Kr. R. art. 48. Кромѣ того комментаріи и справки: Burger. 2, obs. 69, obs. 12 in append. Coter. de jure milit. l. 3, c. b. Carol. à Mansfeld in mag. milit. 2, cap. 14, lat. 176. Stewechium ab Veget. de re milit. l. 1, cap. 23, lat. m. 79. О наказаніяхъ за передачу тайной корреспонденціи непріятелю, за чтеніе и утайку писемъ измѣнническихъ. за переписку съ союзниками непріятеля у Петра Паппія въ коммент. на Голландск. арт. 12. О наказаніи женщинъ наравнѣ съ мужчинами за измѣнническую переписку и проч. въ сочиненіяхъ: Voet.de jure militari cap. 4, n. 13. Burgero 1 obser. 88, 2 obs. 95. См. еще комментаріи Гойера на бранденб. арт. 43.

По поводу открытія непріятелю лозунга въ старо-шведск. кодексѣ арт. 61. Также: Maxim. II, Ar. Br. art. 38. Röm. R. Reut. Bestall. art. 78. Holländ. art. 29. Dän. Kr. R. art. 78. Neu Dänis. Ar. Br. art. 83. Brandenb. Kr. R. art. 44. Comment.—Schweizer. Kr, R. art, 49. См. еще комментаріи и справки Шварцена: Burger. 2, obs. 95, D. Stewechium ad Veget. lib. 2, cap. 7, lat. 233. Pohl. Kr, R. art. 17. Franz. Ordon. vom 12 Oct. 1661, art. 13, 14. Von. 15 Juli 1665, art. 3, 4. 6, 7, 8, 9, 36.

Замѣтка 1. Въ новошведскомъ артикулѣ 78 за тайныя сношенія съ непріятелемъ, переписку съ нимъ и всякаго рода извѣщенія его безъ вѣдома и согласія и повелѣнія самого государя, фельдмаршала и губернатора начальники, офицеры и солдаты подвергаются наказанію неотлагательно (unachlässig), какъ за измѣну,

сударя, въ соотвѣтствіи съ шведскимъ военно-уголовнымъ кодексомъ, арт. 76, текстъ котораго мы приводимъ на правой сторонѣ.

Замѣтка. Текстъ арт. 124-го согласованъ съ опредѣленіями арт. 77 шведс. (арт. 60 старо-шв.) и 53 датскаго. Переписка (и вообще сношенія) съ непріятелемъ, подлежащая наказанію по арт. 124-му, должна быть *тайною и угрожать опасностью*. Законодатель посредствомъ толкованія развиваетъ основную мысль артикула, и такимъ образомъ выясняется достаточно полно составъ преступленія, какъ его понимали современные Петру законодатели и юристы въ болѣе просвѣщенной Европѣ. Характеръ измѣны въ военное время въ объективномъ отношеніи вполнѣ выясняется, родъ наказанія нормальный согласованъ съ духомъ обще-германскаго уложенія, при чемъ, согласно духу и понятіямъ вѣка, за измѣну опредѣляется четвертованіе. Сравни съ комментаріями, приведенными въ замѣткѣ 2-й къ шведск. арт. 77.

Въ прежнихъ законахъ, заимствованныхъ также изъ военныхъ кодексовъ зап. Европы, постановленія объ измѣнѣ въ военное время не отличались такою полнотою: «Съ непріятелемъ надлежитъ никому ниже устно, ниже письменно, или чрезъ знакъ какой или какимъ образомъ знакъ давать, подъ наказаніемъ петли». *Ст. 20, гл. VIII Артикула Краткаго бар. Гюйссена.* «Кто шпіона примѣтитъ, тобъ довелъ. А ежели не донесетъ, то по случаю дѣла, животъ свой потеряетъ». *Ст. 19, тамъ-же.* «Кто непріятелямъ или его помощникамъ какую вѣсть, такожде письма или помочь какимъ ни есть подобіемъ учинитъ или кому позволитъ, или тайно тѣ вѣдомости у себя удержитъ или кого такова лазутчика знаетъ, а начальнику не возвѣститъ, тотъ яко измѣнникъ на четыре части разсѣченъ быть имѣетъ, равно-же который думалъ, хотя неучинилъ (чего?), такожде казненъ будетъ». *Уложен. или право воин. пов., ст. 122.* Такъ переданъ 53 артикулъ ново-датскаго кодекса. Вотъ его подлинный текстъ: «Welcher dem Feinde, oder jemand dessen Alliirten einige Kundschaft, Zeichen, oder Andeutung, es sey auf was Mas und Weise es wolle, giebet, oder auf andere Wege ihnen Hülffe beweiset, oder nur darin bewilliget, oder auch dasselbe verschwiegen bey sich behält, nachdem er einige Kundschaft, dass dergleichen ob Handen, bekommen, und seinen Ober-Officier deswegen nicht stracks wahrschauet, oder wer mit den Feinden und dessen Alliirten, oder deren Trompetern, Trommelschlägern, oder anderen verdächtigen Personen, ohne Unsern, oder unsers dem Läger oder Festung vorgesetzten Commandeurs, Vorbewust und Befehlich, Sprach und Gemeinschaft hält, oder feindliche Briefe wechselt, empfänget, oder überträgt, der so hier über ertappet wird, sol als ein Verräther am Leben nnd Ehre gestraffet werden». *Kön. Maj. Christ. V, Ar. Br., art. 53.*

Изъ этого видно, что арт. 124-й предусматриваетъ дѣянія, имѣющія исключительно свойство измѣны, а не о такой перепискѣ, которая сама по себѣ ничего преступнаго не содержитъ. О воспрещеніи писать письма, *кому-бы то ни было*, въ которыхъ содержатся извѣстія, касающіяся расположенія или дѣйствія войскъ, описаніе крѣпости и т. п., сказано ниже въ арт. 128

лишеніемъ жизни, чести и имѣнія.—Правоопредѣленія эти въ общихъ чертахъ согласны съ текстомъ старо-шв. арт. 60, съ тою существенною разницею, что за сообщеніе непріятелю *извѣстій, знаковъ и указаній*, какимъ бы то ни было способомъ («es sey auff was Mass und Weise es wolle»), равно какъ *за переписку* съ нимъ и *посланія* къ нему, виновные, на основаніи арт. 60, наказывались смертью. Преступленія эти, какъ и всѣ преступленія противъ Величества—«alle Crimina lasae Majestatis», подсудны были верхнему военному суду. «Da etliche sich unterwunden, mit dem Feind heimlich zu tractiren, gute Correspondenz zu halten, und Uns, unsere Vestungen, Lägere, wie auch Unser Kriegsvolck, Schiff und ganze Armade zuverrahten, oder sonst etwas zu Wercke stelleten, darum Uns und alle den Unsrigen mercklicher Schade zugezogen werden Könne, darunter denn auch diejenigen, wenche umb dergleichen böse Vornehmen Wissenschafft hätten, und es offenbahreten, gerechnet werden sollen». Schwed-Gener. und Ober-Gericht Ordn., tit. 1, art. 6, C. I. M. 1674. S, 199, 200.

Объявленіе или открытіе лозунга непріятелю почитается также измѣною (см. вторая половина 78 ново-швед. арт. и 61-й старо-шв. артикулъ).—Съ текстомъ старо-шведскихъ арт. 60 и 61 аналогичны швейцарскіе арт. 48 и 49.—Сравни воен. арт. 124 и 125, независимо отъ толкованій.

Замѣтка 2. Бранденбургскій кодексъ въ арт. 43 и 44 отличается отъ швейцарскихъ арт. 48 и 49 болѣе общимъ опредѣленіемъ признаковъ преступленія и болѣе мягкимъ родомъ наказанія за открытіе непріятелю лозунга: арт. 43: «Офицеръ и солдатъ, который сносится съ непріятелемъ словесно или письменно, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ (on was Ort oder Stelle es wolle), наказывается лишеніемъ жизни»; арт. 44: «Кто откроетъ непріятелю лозунгъ, тотъ подвергается большему (grosse) наказанію».—Комментаторы Гойеръ и Шульценъ въ своихъ обширныхъ замѣчаніяхъ, объясняя крайне сжатый текстъ арт. 43-го ссылками на военные артикулы: старо-шведскіе, имперскіе и датскіе, а равно на уголовное уложеніе Карла V (Kärs. Caroli V Peinl. Hals. Ger. Ordnung), даютъ намъ возможность указать на источники происхожденія толкованія къ русск. арт. 124 и всѣхъ остальныхъ артикуловъ главы XVI, которымъ не имѣется соотвѣтственныхъ въ шведскомъ

Что-же касается до толкованія, то оно во всемъ согласно съ комментаріемъ на 48 арт. бранденбургск. и на 30 арт. имперскій.

Арт. 125. Кто непріятелю пароль или [77]) лозунгъ объявитъ, хотя офицеръ или рядовой, или дастъ оному иные какіе измѣннические знаки стрѣльбою, пѣніемъ, крикомъ, огнемъ, и сему подобное, оный равно, какъ выше помянуто, казненъ будетъ.

Толк. Кто лозунгъ забудетъ, или съ фальшивнымъ лозунгомъ найденъ будетъ, о томъ въ 49 артикулѣ помянуто.

Арт. 126. Пароль и лозунгъ имѣютъ не всякому отдавать, кому не надлежитъ, а особливо, если онъ не знакомъ есть, и тако на него надѣятся не можно.

Сличи: Ново-швед. арт. 77 конецъ, старо-шв. арт. 61, бранденбургск. арт. 44, швейцар. арт. 49. Французскіе ордоннансы Людовика XIV, отъ 12 октября 1661 г. и отъ 15 іюля 1665 г. С. I. М. 1709, s. 185, 139, 140, 141, 147.—Старо-дат. арт. 23.

Замѣтка. Измѣною почитается также открытіе непріятелю пароля или лозунга, подаваніе непріятелю какимъ-бы то ни было способомъ знаковъ въ его интересахъ и во вредъ своимъ. Субъектомъ преступленія можетъ быть всякій гражданинъ, а не только военно-служащій: «Кто непріятелю». Сообщеніе пароля и лозунга въ Уставѣ Воин., ч. I, гл. 65, сходно съ французскими ордоннансами, По смыслу арт. 126 эти условные знаки, при отправленіи караульной и сторожевой службы, составляютъ величайшую тайну, и потому нескромное открытіе ихъ кому-либо, «кому не надлежитъ», почитается дѣйствіемъ преступнымъ, Сличая текстъ арт. 126 и 125 съ текстомъ арт. 49, нельзя не признать, что виновные въ нарушеніи арт. 126 наказываются наравнѣ съ измѣнниками. Къ храненію пароля и лозунга въ тайнѣ весьма строго относились французскіе военные законы, и въ ордоннаансахъ способъ передачи ихъ отъ старшаго начальника, или коменданта крѣпости, обставленъ рядомъ формальностей. Этотъ-же порядокъ принятъ и Петромъ I, какъ видно изъ постановленій главы 65 первой части Уст. Воин. Смотри наши объясненія къ арт. 49-й. Арт. Воин. вып. 1-й, стр. 289, 290. «Надлежитъ вѣдать, что пароль отдается до караула, а лозунгъ и до ефрейтора, а часовымъ въ нужныхъ мѣстахъ стоящихъ, а не всѣмъ, который принять и отдавать на караулахъ такимъ-же тихимъ образомъ»; отсюда ясно, въ чемъ именно состоитъ нарушеніе караульной службы въ военное время на основаніи арт. 126-го.

Матеріаломъ для арт. 125 служили правоопредѣленія шведскаго и датскаго кодексовъ; а именно: *Schw. art. 61.* Da auch ein Befelch haber, Soldat oder jemand anders, dem Feinde die Losung offenbahret, so imgleichen

---

[77]) Исправлено въ рукописи рукою Петра добавленіемъ «пароль или». *Поправка 40-я.*

кодексѣ.—Артикуломъ 43-мъ воспрещается всякаго рода переписка (Correspondence) съ непріятелемъ или его союзниками; въ 1-хъ никто не можетъ входить въ переписку, такъ что и сыну не дозволяется имѣть сношеній съ отцомъ, который задержанъ непріятелемъ; во 2-хъ какимъ бы то ни были способомъ: словесно или письменно, посредствомъ посыльныхъ или какихъ-либо знаковъ, секретно или открыто (публично); въ 3-хъ, на какомъ бы то ни было мѣстѣ: въ полѣ, въ крѣпости и гарнизонѣ, и гдѣ бы ни случилось. Опредѣленному въ артикулѣ 43-мъ наказанію подвергаются: 1) кто напишетъ письмо непріятелю, или таковое получитъ отъ него, или передастъ, зная, что оно прислано отъ непріятеля; 2) если комендантъ, который знаетъ, что такое письмо прислано отъ непріятеля, не откроетъ объ этомъ, или не прослѣдитъ (intercipiret), и не донесетъ въ подлежащее мѣсто; 3) по этой причинѣ коменданту дозволяется вскрывать нѣкоторыя письма, получаемыя или посылаемыя по почтѣ; на сколько похвалы достойны предусмотрительность и бдительность коменданта, на столько-же заслуживаетъ порицанія его небрежность; 4) плѣнные не должны запечатывать своихъ писемъ, посылаемыхъ въ непріятельскую страну; таковыя письма передаются открытыми губернатору для написанія адреса и отправленія по принадлежности; поэтому плѣнные, поступающіе вопреки такому правилу, согласно военному обычаю, почитаются измѣнниками.

Тайная переписка съ непріятелемъ по военнымъ артикуламъ вообще почитается измѣною. — По общегерманскому уложенію Карла V за измѣну опредѣлялось слѣдующее наказаніе въ арт. 124-мъ: кто учинитъ измѣну, тотъ по обычаю наказывается четвертованіемъ, а женщина—утопленіемъ. А если измѣна причинила большой вредъ и горе (Aergniss), когда черезъ нее пострадала армія, страна, городъ, свой государь, близкіе родные (Bettgenossen), то наказаніе усиливается вырываніемъ языка, сдираніемъ полосъ (кожи), послѣ чего производится четвертованіе. Но могутъ быть случаи, когда за измѣну наказаніе уменьшается: преступникъ сперва долженъ быть обезглавленъ, а потомъ уже (тѣло его) четвертуется. C. I. M. 1709, S. 617, 618. Сравни содержаніе комментарія на 43-й бранденб. артикулъ съ текстомъ толкованія къ русск. воин. арт. 124-му.

Замѣтка 3. Въ имперскихъ военныхъ артикулахъ Максимиліана

am Leben gestraffet werden». Alt. *Dän. art. 28*: «Es sol auch keiner einiges absonderliches Zeichen, mit Schiessen, Feuer, Ruffen, Singen oder auf andere Weise geben, bey Tag oder Nacht, zu was Intent es auch seyn mag, es geschehe dann zu Unserm Dienste, und mit dessen Willen und Wissenschafft, so das oberste Commando führet, unter seines Passes, Gewehrs und Rests, oder auch Leibes Strafe, da es mit bösem Vorsatz geschicht». Намѣреніе не принимается въ соображеніе: «zu was Intent es auch seyn mag», и оно по буквѣ арт. 125 не имѣетъ значенія на наказаніе какъ за измѣну. Болѣе значенія имѣютъ послѣдствія, вслѣдствіе нарушенія запрета подавать непріятелю «измѣнническіе знаки». Во всякомъ случаѣ обстоятельствами дѣла должно быть выяснено, что подаваемые непріятелю знаки, имѣютъ признаки измѣны; такъ и нужно понимать выраженіе «какіе измѣнническіе знаки». См. еще наши замѣтки 6 и 7 къ швед. арт. 77-му. Къ измѣнническимъ знакамъ, подлежащимъ наказанію какъ за измѣну, слѣдуетъ отнести сообщеніе непріятелю плана крѣпости, диспозиціи и т. п. открытія, полезныя для врага.

Арт. 127. Кто какую измѣну или сему подобное учинить намѣрится, и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ, однакоже имѣетъ, по состоянію дѣла и признанію воинскаго ссуда, таковымъ же высокимъ наказаніемъ наказанъ быть, яко бы за произведенное самое дѣйство.

Сличи: Ново-датск. арт. 54, который вошелъ въ ст. 122 Улож. или права воин. пов., «равно-же который думалъ, хотя не учинилъ». Смотри комментаріи.

Замѣтка. Намѣреніе или умыселъ, въ исполненіе не приведенный, на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ въ преступленіяхъ противъ величества, crimen laesae majestatis, къ каковымъ относится измѣна, облагались наказаніемъ какъ за дѣяніе, приведенное въ исполненіе. Но злое намѣреніе, или умыселъ, должно быть доказано, т.-е. оно должно обнаружиться въ какихъ-либо дѣйствіяхъ или фактахъ. Такъ объясняетъ Петръ Паппій 5-й гол. арт. «Die Gesetzgeber straffen das Crimen Laesae Majestatis nicht wegen die Worte, sondern Wegen der That. Ubi vide Rittersрuf». C. I. M. 1709, ч. II, стр. 129. Русскій арт. 127 требуетъ, чтобы намѣреніе или умыселъ совершить измѣну было признано воинскимъ судомъ, т.-е. должны быть обнаружены факты, или дѣйствія, обличающіе обвиняемаго, который могъ не привести своего намѣренія въ исполненіе по независящимъ отъ него причинамъ, или вслѣдствіе какой-либо случайности. Въ оригиналѣ, служившемъ матеріаломъ для составленія арт. 127, такъ сказано: «Derjenige auch so etuan ein Verrath oder dergleichen Schelmenstücke vor hat, ober schon solches nicht vollbringet, soll eben so hoher Straffe untergeben seyn, als wann er es zu Werck gerichtet hätte». Нашъ законодатель дополняетъ это правоопредѣленіе 54-го датскаго артикула весьма существеннымъ положеніемъ: «по состоянію дѣла и признанію воинскаго суда». Въ ст. 122 «Уложенія или права воин. пов.» постановленіе о наказаніи за намѣреніе, не приведенное въ исполненіе, какъ мы видѣли, изложено въ такихъ

II art. 25, 27., Фердинанда III и Леопольда I, art. 30, 32, въ кавалерійскомъ уставѣ art. 64 и 88 относительно измѣны даны слѣдующія опредѣленія: Никто не долженъ переговариваться съ съ непріятелемъ, или съ его барабанщиками, или трубачами въ лагерѣ, походѣ, гарнизонѣ, ни писать писемъ въ непріятельскій лагерь, ни посылать къ нему (кого-либо), или принимать (получать) таковыя письма отъ непріятеля, безъ разрѣшенія старшаго начальника (генерала—Obersten) подъ угрозою наказанія на тѣлѣ» (Max. II, art. 25, Ferd. III и Leop. I, art. 30). Когда одинъ или многіе совершатъ измѣну или другія злодѣянія (böse Stücke), отъ чего произойдетъ вредъ одному или многимъ начальникамъ (Kriegsherrn), или отрядамъ, такого злодѣя должны немедленно представить начальству или профосу по долгу присяги, а кто этого не исполнитъ тотъ, какъ, клятвопреступникъ, наказывается наравнѣ съ фактическимъ виновникомъ (als der Thäter Selbst). (*Тамъ же*, art. 27 resp. art. 32).—Безъ разрѣшенія полководца никто не долженъ высылать къ непріятелю трубачей, или принимать таковыхъ отъ него, или инымъ путемъ съ нимъ сноситься, переговариваться, или пересылать письма. Когда кому либо отъ непріятеля присланъ будетъ посыльный или письмо, тотъ долженъ немедленно извѣстить объ этомъ своего ротмистра или полковника (начальника), письма̀-же и посланнаго не задерживать, но тотчасъ отсылать письмо запечатаннымъ къ полководцу, по долгу присяги и подъ угрозою наказанія по приговору кавалерійскаго суда (Reuter Rechtens)». Röm R. Reut. Bestal. art. 64). «Когда одинъ или многіе кавалеристы, находясь въ лагерѣ или гдѣ либо на службѣ, услышали бы или предприняли что-либо такое, что можетъ служить во вредъ намъ, государству, войску, нашей странѣ, или же людямъ, или когда кто-либо подобное видалъ-бы или зналъ-бы, тотъ (или тѣ) долженъ донести немедленно объ этомъ своему ротмистру или полковнику, а въ дѣлахъ особой важности и самому полководцу. Кто не донесетъ, тотъ наказывается наравнѣ съ главнымъ виновникомъ на тѣлѣ и лишеніемъ имущества (*Тамъ-же*, art. 88).

Въ комментаріяхъ на имперскіе артикулы повторяется тоже самое, что намъ уже извѣстно изъ объясненій Гойера и Шульцена на 43-й бранденбургскій артикулъ. Въ арт. 30 за тайную корреспонденцію и проч. опредѣляется наказаніе на тѣлѣ, но въ

общихъ выраженіяхъ, что трудно понять даже самый смыслъ. Почти такимъ-же недостаткомъ неполноты и неясности страдаетъ и ст. 21 главы VIII Артикула Краткаго: «Кто какое намѣреніе измѣнить (пропущено: имѣетъ) или легкую почту непріятелю для пользы (вѣроятно *его*) доведетъ, ино иное что сему подобное учинитъ, которое противно вѣрности и должности есть, оный, какъ измѣнникъ, петлею наказанъ будетъ». Подобныя правоопредѣленія, вслѣдствіе своей неточности, на практикѣ должны были возбуждать большія неудобства и недоразумѣнія. Чтобы понимать такіе законы, нужно было обращаться къ иностраннымъ кодексамъ, которые могли быть доступны только иностраннымъ-же аудиторамъ; для русскихъ аудиторовъ, не имѣвшихъ тогда никакого образованія, они оставались мертвою буквою до появленія Атр. Воин.

Арт. 128. Какъ офицеры, такъ и рядовые да не дерзаютъ о воинскихъ дѣлахъ, о войскѣ, о крѣпости что писать, ниже о томъ съ другими корреспондовать, подъ потеряніемъ чина, чести или по состоянію дѣла и живота самаго.

Толк. Въ семъ случаѣ запрещается для того такъ жестоко о войскѣ, или изъ крѣпости о воинскихъ дѣлахъ что писать, дабы непріятель тѣмъ вѣдомости о войскѣ или о состояніи крѣпости не получилъ, и свои дѣла потомъ толь осторожнѣе учредить возмогъ, понеже часто случается, что отправляющіяся почты съ письмами отъ непріятеля чрезъ его партіи переняты бываютъ. Того ради тому, что въ таковыхъ письмахъ написано, болѣе вѣрить можно, нежели что отъ какихъ лазутчиковъ или плѣнныхъ донесено будетъ.

Сличи: Ново-датскій арт. 55, Улож. или право воин. пов. ст. 123. Сравни имперск. арт. Ферд. III и Леоп. I, арт. 30, и комментаріи Петра Паппія на голландск. арт. 12 и 13. Замѣтка 5-я и 6-я къ шведск. арт. 77. —«Никакой начальный человѣкъ и солдатъ о воинскихъ дѣлахъ изъ войска или крѣпости писать или съ иными ссылаться хотя и съ другомъ безъ указу не имѣетъ подъ потеряніемъ чина, чести и подъ смертною казнію и жестокаго наказанія по разсужденію воинскаго суда». *Улож. или прав. в. повед.*, ст. 123. Здѣсь смыслъ ново-датск. арт. 55 какъ видно изъ текста, помѣщеннаго нами въ замѣткѣ на арт. 128.

Замѣтка. Артикуломъ 128 воспрещается что либо писать о войскѣ, крѣпости и вообще о военныхъ операціяхъ, или вести съ кѣмъ либо переписку объ этихъ предметахъ, что вполнѣ согласно съ текстомъ ново-датск. арт. 55. «Kein Officier, vielweniger Soldat, sol etwas von Kriegs-Affairen von unserer Armee, oder Festungen schreiben, noch mit andern desswegen correspondiren, bey Verlust der Charge, Ehre und Lebensstraffe nach Befindung und Erkänntniss des Kriegs-Gerichts». Выпущены только выраженія «по усмотрѣнію и приговору суда», что въ данномъ артикулѣ, при достаточной ясности текста и полнотѣ состава преступленія, не имѣетъ осо-

случаяхъ болѣе важныхъ, когда произойдетъ большой вредъ, наказаніе усиливается. Переписка запрещается со всѣми, безъ различія особъ, съ непріятелемъ или его союзниками.—На равнѣ съ измѣнниками уличенными въ тайной перепискѣ, наказываются и шпіоны.—Роды наказанія за измѣну ихъ опредѣлены въ общемъ уголовномъ правѣ (Pein. H. G. O. art. 124. Измѣною считается и передача непріятелю плана крѣпости, благодаря которому онъ поведетъ свою атаку на болѣе беззащитную или слабую ея часть. — Знавшіе, но не открывшіе или не донесшіе о грозящей опасности, наказываются наравнѣ съ фактическими виновниками.

Въ преступленіяхъ измѣны, какъ вообще въ преступленіяхъ противъ величества—crimen laesae majestatis по имперскимъ военнымъ артикуламъ, соучастники и укрыватели, какъ видно изъ объясненій камментатора на 32 арт. (Ferd. III и Leop. I art. 32), наказываются наравнѣ съ фактическими виновниками, и потому, когда тайныя сношенія съ непріятелемъ угрожали опасностью, то имъ, вмѣсто указаннаго въ арт. 30 наказанія на тѣлѣ, опредѣлялось лишеніе жизни, согласно общегерманскому кодексу (P. H. G. O. art. 124). По мнѣнію Дамгудера (Damhoud. prax., Crim. cap 63, n. 1) подобныхъ злодѣевъ за измѣну сначала должно обезглавить, потомъ четвертовать, четыре части повѣсть на 4-хъ концахъ города, а въ важнѣйшихъ случаяхъ наказаніе должно усилить вырываніемъ языка.

Согласно мѣстнымъ обычаямъ и на основаніи древнихъ законовъ, измѣнниковъ казнили частью мечомъ, частью огнемъ, частью четвертованіемъ. Carpzow p. 1, q. 41, n. 92. — Подобному же наказанію подвергались и пособники, которые помогали совѣтомъ или дѣломъ, а также укрыватели; кромѣ того, всѣ ихъ имѣнія конфисковались, дѣти лишались наслѣдства, а дочерямъ оставлялась только четвертая доля имущества матери. Aurea Bulla Carol. 4 tit. 24, § 1 et seqq. — Когда же измѣна угрожала опасностью особамъ высшихъ классовъ въ государствѣ (Fürsten und Ständen des Reichs, wie auch an denen Räthen), тогда, примѣняясь къ праву и обычаямъ каждой страны, виновные наказывались частью лишеніемъ жизни, частью-же тѣлесно (Taupenschlag) и вѣчнымъ изгнаніемъ. Praecit. Damhouder. Pr. Crim c. 62, n. 6.—Во Франціи за измѣну злодѣевъ разрывали четырьмя

баго значенія. Толкованіемъ дано понять, что въ частныхъ письмахъ офицеровъ и солдатъ не должно заключаться никакихъ свѣдѣній, относящихся до положенія нашихъ войскъ и весьма основательно объяснена причина такого запрета на театрѣ военныхъ дѣйствій подъ страхомъ жестокаго наказанія. Гойеръ и Шульценъ въ своихъ комментаріяхъ на 43-й бранденб. арт. доказываютъ необходимость комендаату крѣпости вскрывать письма, получаемыя или отсылаемые по почтѣ. См. нашу 2-ю замѣтку къ шведск. арт. 77.

Арт. 129. Если кто увѣдаетъ, что единъ или многіе *нѣчто вредительное учинить* (а) намѣрены, или имѣетъ вѣдомость о шпіонахъ или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, объ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявитъ, тотъ имѣетъ, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть.

Толк. Кто вѣдая, видя и примѣтя, что таковыя вредительныя дѣла обращаются, а о томъ въ удобное время не объявитъ, тогда не можетъ симъ извиниться, что онъ того доказать не могъ, ибо инако есть, когда кого явно въ какого дѣлѣ обличатъ [1]), и въ такомъ случаѣ доводчикъ понужденъ есть доводъ свой доказать: а инако *есть ежели въ тайнѣ что доводчикъ, объявить, и предостерегать* (б) въ таковомъ же случаѣ, а къ доказательству его понуждать не надлежитъ; ибо довольно есть, что чрезъ его доношеніе и предосторожность начальство случай получитъ, а на онаго, на кого донесено [2]) крѣпко *должно* а) смотрѣть и примѣчать, что не можно ли что подобное правдѣ изъ того довода присмотрѣть. И тако при таковыхъ доводахъ зѣло осторожно поступать, и не вскорѣ за арестъ [3]) взять, но тайно и накрѣпко розыскать надлежитъ, что можетъ ли правда быть въ донесенномъ на него, [4]) ибо часто всякій честный человѣкъ отъ злоумышленнаго и мстительнаго человѣка невиннымъ образомъ оклеветанъ [5]) бываетъ.

Рукою справщика измѣнены слѣдующія мѣста: а) «что единъ или многіе что вредительнаго предпринять», б) «есть въ тай что объявитъ въ такомъ случаю довотчикъ объявить».

Сличи: ново-датск. art. 57, старо-датск. art. 23 въ концѣ.—*См.* Улож. или право воин. пов. ст. 122. Имперскій воен. арт. Фердин. III и Леоп. I,

[1]) Въ рукописи рукою Петра I: вмѣсто «винить» *Поправка 41-я.*

[2]) Вмѣсто: «На онаго обвиненнаго крѣпко смотрѣть» *Поправка 42-я.*

[3]) Вмѣсто «обвиненнаго» *Поправка 43-я.*

[4]) Вмѣсто «въ чемъ онъ обвиняется». *Поправка 44-я.*

[5]) Вмѣсто «обвиненъ». *Поправка 45-я.*

лошадьми. Hieron. Gigas in tract. Crim. Caesar Majestat. q. 1 п. 7. За обнаруженіе или открытіе зачинщиковъ и пособниковъ въ преступленіяхъ государственныхъ и общеопасныхъ соучастники освобождаются отъ наказанія. Damhoud. Pr. Crim. c. 62, п. 12.

Замѣтка 5. Въ голландскихъ военныхъ законахъ правоопредѣленія, относящіяся къ тайной перепискѣ и сношеніямъ съ непріятелемъ, изложены въ арт. 12 и 13.—«Въ гарнизонѣ, осажденномъ городѣ и прочихъ мѣстахъ никто съ непріятелемъ не долженъ имѣть разговоровъ, или ему что-либо сообщать (etwas zu entbieten), или посылать письма, а равно получать отъ него таковыя, или же переписываться съ его союзниками, тайно или оффиціально, безъ соизволенія штатгалтера, или своего начальника (seines Capitains), если на то не дано повелѣнія или полномочій; или перебѣгать къ непріятелю, или ему оказывать помощь; все это запрещается подъ угрозою наказанія на тѣлѣ (Leibes Straffe»). art. 12. «Никто не долженъ имѣть переговоровъ или сообщества съ непріятельскими барабанщиками, или трубачами, а также и съ тѣми, которые отъ непріятеля присланы, если не дано приказанія», art. 13.

Петръ Паппій разъясняетъ текстъ этихъ артикуловъ справками съ древными военными законами и постановленіями.—Даже съ отцомъ своимъ не должно переписываться: Cimuzzi della disciplin milit. lb. 1, cap. 51, п. 3.—О перепискѣ: Lex, duodecim Tabularum concitare hostem. Conrad. Ritters-bus. in comment. ad. l. 12, tab. clas 3. c. 9, p, 56, ex lib. 1. D. ad l, Jul. Majest. Pet. Caball. casu 294, п. 228. Centur. 3. Тотъ, кто получаетъ письма или ихъ передаетъ, виновенъ наравнѣ съ писавшимъ эти письма, конечно если онъ знаетъ, что они отъ непріятеля. Тайная переписка съ непріятелемъ ведетъ къ измѣнѣ, за которую солдатъ наказывается строже, чѣмъ кто-либо другой, ибо измѣнники считаются врагами и обыкновенно казнятся лишеніемъ жизни. Напримѣръ, въ Германіи, согласно P. H. G. O.—Ayala lib. 3, de jure et offic. bellic., cap. 13, unm. 3 et. 4. Peter. Faber. l. 1, Semestr. cap. 18. Древніе германцы измѣнниковъ, какъ и перебѣжчиковъ, вѣшали на деревѣ. Также поступали римляне и сожигали ихъ. Египтяне обрѣзывали имъ языкъ. Фридрихъ Барбаросса приказывалъ выкалывать имъ глаза и вырѣзывать языкъ. Велизарій велѣлъ измѣннику, пришед-

art. 32, имперск. кавалерійскій уст. art. 88. Коммент. на арт. 32. C. I. M. 1709, в. 83.

Замѣтка. Артикуломъ 129 преслѣдуются укрыватели, которые, зная о намѣреніи кого-либо совершить что либо вредное или опасное, или которые зная что въ лагерѣ или гарнизонѣ укрываются шпіоны, лазутчики и другіе подозрительные люди, не дадутъ знать или не увѣдомятъ объ этомъ подлежащее начальство. Правоопредѣленія арт. 129 согласованы съ текстомъ датскаго военнаго воен. арт. 57 по редакціи Христіана V и съ имперскими военно уголовными уставами Максимиліана II для пѣхоты и кавалеріи. Чтоже касается до постановленія, то преподанныя въ немъ наставлеція процессуальнаго свойства соображены съ комментаріемъ на имперскій арт. 32, по редакціи Фердин. III и Леопольда I. Къ донесеніямъ на злоумышленія, предусмотрѣнныя въ арт. 129, нужно относиться съ осмотрительностью, чтобы не пострадали люди неповинные, оклеветанные какимъ либо злоумышленникомъ изъ мести.

Приводимъ текстъ поименованныхъ нами датскаго и нѣмецкихъ имперскихъ служившихъ матеріаломъ для опредѣленія состава въ нашемъ артикулѣ: «Derjenige, so einen Spion und Kundschafter, oder andere verdächtige Personen im Lager, oder Guarnisonen weiss, und dieselbe nicht alsobalde einem seiner vorgesetzten höhern Officietn anmeldet, soll mit schwerer Leibes-Straffe oder, da es mit bösem Vorsatz geschehen, am Leben gestraffet werden» *Kön Christian V. Art. Br. art. 58.* Русскій артикулъ предусматриваетъ еще знаніе *кѣмъ либо* о намѣренія одного или многихъ «нѣто вредительное учинить» Въ немъ не сказано, что о злоумышленіи нужно объявить высшимъ офицерамъ или начальникамъ, а сказано вообще, «*объявить*»: wo einer oder mehr einige Verrätherey, oder andere böse Stücke, so von einem oder mehr dem Kriegsherrn oder gemeinen Hauffen zu Nachtheil getrieben würden, erführe und innen würde, der soll die Misshändler zur Stund der Obrigkeit und dem Profossen bey seinem Eyd und Pfliechten anzuzeigen schuldig seyn, und da er solches nicht thäte, alsein Meineydiger, und als der Thäter selbst, darum gestrafft werden. *Käys. Leopoldi d. I Art. Br., art. 32.*—По смыслу артикула недоноситель или укрыватель, какъ клятвопреступникъ, наказывается на равнѣ съ фактическимъ виновникомъ. Это общее правило въ преступленіяхъ Crimen Laesae Majest., о чемъ уже сказано нами въ 1-мъ вып. «Арт. Воен.», по поводу арт. 19 и 20. Такія-же начала примѣняются и къ воинскимъ преступленіямъ, когда замышляется что либо во вредъ полководцу, войску и вообще воинской части. Это положеніе, поддерживаемое комментаторомъ (C. I. M. 1709, I, 83–85), детальнѣе развито въ старомъ кавал. уставѣ для имперскихъ войскъ въ концѣ XVI ст.: «wo einer oder mehr unter obgedachten Reutern, ein Lager oder Jonsten in Dienst, etwas hörete oder vernähme, das Uns, dem Recih, oder dem Krieges-Wesen, und Unser und des H. Reichs-Land oder Leuten zu Nachtheil und Verhinderung gereichen möchte, oder sonst argwöhnige Leut sähe oder wüsste, der sol solches von Stund an seinem Ritmeister oder Obersten, oder wann die Sache also wich-

шему изъ непріятельскаго лагеря, обрѣзать носъ и уши и въ такомъ видѣ отослалъ его обратно къ непріятелю.—По мнѣнію Дона Санхо де-Лондонно (la discipl. milit. pag. 73) переписка оффиціальная (которая ведетъ къ измѣнѣ) заслуживаетъ бо̀льшаго наказанія, чѣмъ тайная.

Для вступленія въ переговоры съ непріятелемъ солдатъ долженъ имѣть разрѣшеніе отъ капитана, а капитанъ отъ полковника— Codex Henrici 20, tit. 38, l. 33. Max. II Ar. Br., art. 25. (тоже и 30 въ обнов. редакцій Ферд. III и Леоп. I). Когда-же эти сношенія производятся тайно, т.-е. когда солдатъ или капитанъ тайно вступилъ съ непріятелемъ въ какое-либо соглашеніе, то дѣйствія такого рода считаются измѣною. Часто случалось, что непріятель посредствомъ своихъ трубачей или барабанщиковъ, подъ какимъ либо предлогомъ, вызывалъ къ измѣнѣ. Поэтому генералы въ лагеряхъ, или полковники въ крѣпостяхъ, не должны допускать переговоровъ съ барабанщиками и трубачами, подсылаемыми непріятелемъ.

Правоопредѣленія, относящіяся собственно къ измѣнѣ государю, государству, отечеству, странѣ или правителямъ этихъ мѣстъ, намѣчены въ 5 арт. Голландскаго воен. права. Одинаковому наказанію съ измѣнниками подвергались и тѣ изъ военно-служащихъ, которые, зная объ этомъ, не донесли своимъ капитанамъ или полковникамъ *Тамъ-же*, арт. 5.—См. Арт. Воин. вып. 1-й, по поводу русск. арт. 20 и шведск. арт. 23, стр. 190—195. См. объ этомъ еще 129 арт. воин.

tig wäre, an den Feld Obersten gelangen lassen». *Röm. R. Reut. Bestat. art. 88.*

Здѣсь предусматривается злоумышленіе въ обширномъ смыслѣ — противъ государя, войска, страны, людей (zu Nachtheil oder Verhinderung)—заговоръ, измѣна, бунтъ и т. д., требуется немедленное (zur Stund) объявленіе или открытіе, и притомъ въ особенно важныхъ случаяхъ самому полководцу или высшему начальнику (Feld Oberst). О наказаніи недоносителей на равнѣ съ фактическими виновниками такъ сказано въ голландскомъ военномъ правѣ: «In gleicher Straffe (ohn alle Gnade gehenckt werden, art. 5), sollen fallen alle die, so etwas dergleichen gewusst, und es ihren Capitainen oder Obristen nicht angezeigt haben» *Holländisch Kr. Recht, art. 6.* Петръ Паппій, ссылаясь на авторитетныхъ писателей Петреуса, Кляруса и другихъ, говоритъ, что всѣ ученые, писавшіе объ этомъ предметѣ, согласны съ такимъ положеніемъ, только нѣкоторые объясняютъ, что нельзя считать виновнымъ въ необъявленіи того, когда преступленіе не можетъ быть доказано. Однако должно дѣлать различіе между публичнымъ обвинителемъ и дурнымъ свидѣтелемъ и потому, кто о такомъ злоумышленіи знаетъ, обязанъ таковое раскрыть, такъ какъ отъ него потребуются доказательства. Такого же мнѣнія Flores Diaz. de Mena, lib. 1, var. quaest 18, n. 34 et novissime Godefr. à Bavo, in tract. reatuum, quaest. 7 num. 68. Эти разсужденія Паппія отразились, очевидно, на толкованіи къ арт. 129. См. еще наши замѣтки на шведс.арт. 77.

Арт. 130. Кто отъ непріятеля патенты или манифесты добротольно приметъ, и во обрѣтающейся землѣ разсѣетъ, оный по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ будетъ.

Арт. 131. *Равное же наказаніе пріиметъ* (а), кто фальшивыя измѣнническія вѣдомости, чрезъ которыя робость солдатамъ причинена быть можетъ, хотя самъ или чрезъ другихъ разсѣетъ.

Въ рукописи было такъ: «Равному-же наказанію подвержены».

Арт. 132. Всѣ вѣдомости, которыя о непріятелѣ получатся, всякъ тайно содержать и токмо своему офицеру или Генералу о томъ извѣстить имѣетъ, а другимъ подъ *наказаніемъ* (а) о томъ ничего не объявлять.

Въ рукописи замѣнено слово подъ «присягою».

Сличи: Ново-датск. арт. 58. Улож. или пр. в. пов. ст. 126. Старо-дат. арт. 24. «Которыя ложный измѣнничьи вѣсти отъ самого себя вымышленныя или отъ инаго наученъ, чрезъ которыя страхъ и ужасъ войти можетъ, розыскивати и при тѣхъ кто трусить будуть, тотъ на тѣлѣ жестоко или смертью казненъ будетъ. *Улож. ст. 126.* Текстъ не ясенъ и не согласенъ съ духомъ датскаго, гдѣ вовсе и нетребуется наказаніе передъ тѣми, которые струсили.

Замѣтка. Въ артикулахъ 130, 131 и 132 предусматриваются: 1) пріемъ и разсылка непріятельскихъ манифестовъ, 2) разсылка самимъ или черезъ

Замѣтка 6-я. Въ датскихъ военныхъ артикулахъ, сходно съ старо-имперскими, воспрещается безъ разрѣшенія или повелѣнія генерала: 1) посылать къ непріятелю трубачей или барабанщиковъ и принимать таковыхъ отъ него; 2) вести съ нимъ сношенія, или переговоры, или пересылать къ нему письма; 3) подавать ему какіе-либо знаки стрѣльбою, огнемъ, крикомъ, пѣснями, днемъ или ночью; 4) скрывать или утаивать въ лагерѣ или гарнизонѣ шпіона, соглядатая или другихъ подозрительныхъ лицъ; 5) распространять ложныя и предательскія извѣстія въ гарнизонѣ, въ строю, на штурмѣ, въ походѣ и караулѣ, дабы тѣмъ смущать солдатъ и возбуждать между ними страхъ (König. Maj zu Dennem Kr. Art. Br. art. 22, 23, 24).—Виновные въ тайныхъ сношеніяхъ и перепискѣ съ непріятелемъ подвергаются лишенію чести, или наказываются на тѣлѣ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ подвергаются тому и другому наказанію (art. 22); которые подаютъ знаки непріятелю тайно или скрыто изгоняются безъ паспорта, съ лишеніемъ оружія и жалованья (ohne Passes, Gewehrs und Rests), а въ случаяхъ болѣе важныхъ наказываются на тѣлѣ (art. 23); такому-же наказанію подвергаются укрыватели шпіоновъ и соглядатаевъ (лазутчики art. 23), распространители ложныхъ тревожныхъ извѣстій (art. 24). Наравнѣ съ фактическими виновниками наказываются и тѣ, которые, зная о тайныхъ сношеніяхъ и другихъ злонамѣренныхъ предпріятіяхъ и замыслахъ, клонящихся ко вреду войскъ, не донесли объ этомъ своему начальнику, или своему офицеру. Hermsdorf, C. I. M. 1674, s. 230, 231, 232.

Эти постановленія старо-датскаго военнаго кодекса были дополнены и нѣсколько измѣнены въ теченіе XVII ст.; въ обновленномъ кодексѣ Христіана V (1683 г.) тайныя сношенія съ непріятелемъ, переписка съ нимъ, облагались лишеніемъ жизни и чести, какъ измѣна; такому-же наказанію подвергались и тѣ, которые, зная о такихъ преступныхъ замыслахъ, не открыли ихъ своевременно. (Christ. v Ar. Br. art. 53, 54). Правоопредѣленія новодатскаго кодекса въ главѣ объ измѣнѣ (art. 53—59) сначала вошли въ «Уложеніе или право воинскаго поведенія», (ст. 122—129), а затѣмъ вмѣстѣ съ артикулами шведскими (гл. XIII) и комментаріями на бранденбургскій (арт. 43) и голландскіе (арт. 12 и 13) военные артикулы служили матеріаломъ для составленія главы XVI Во-

другихъ фальшивыхъ и непріязненныхъ извѣстій съ цѣлью повліять на духъ солдатъ, подорвать въ нихъ довѣріе, возбудить страхъ, и 3) несохраненіе въ тайнѣ, про себя, такого рода извѣстій, исходящихъ отъ непріятеля, которыя должны быть открыты только своему офицеру, или генералу (вообще начальнику). Подлинный текстъ датскаго оригинала слѣдующій: «Gleicher Straffe (schwerer Leies Straffe, oder am Leben) ist unterforworffen derjenige, so falsche und verrätherische Zeitung, entweder von ihm selbst, oder aus anderer Munde, führet, und aussaget, dadurch Zaghaftidkeit unter den Soldaten könnte verursachet werden. Wer aber dergleichen, oder was sonsten vor Zeitung vom Feinde einlauffen möchte, höret, soll selbige in der stille auch, den, von wem er sie hat seinem Officier, der ihm am nechsten ist, anzumelden schuldig seyn, bey harter Leibes-Straffe». *Kön. Christ. V*, *Ar. Br. art. 58.* Изъ этого артикула образованы наши 131 и 132 артикулы съ нѣкоторыми видоизмѣненіями первой половины дат. арт. въ русскомъ 131. Субъектомъ наказанія по арт. 131 могутъ быть и тѣ, которые сами выдумываютъ какія-либо извѣстія, чтобы поколебать воинскій духъ солдатъ и распространяютъ какіе-либо злонамѣренные слухи черезъ другихъ. Что же касается до арт. 130, то его происхожденіе объясняется историческими явленіями въ Сѣверную войну, когда Нейгебауеръ разсылалъ манифесты и пр. Карла XII.

Заключеніе на главы XIII, XIV, XV и XVI Артикула Воинскаго.

Артикулы въ разсмотрѣнныхъ главахъ обнимаютъ преступленія, свойственныя исключительно военному времени и обработаны въ соотвѣтствіи съ состояніемъ военнаго искусства въ ту эпоху въ западной Европѣ по обновленному шведскому военно-уголовному уставу съ пополненіями частью изъ ново-датскихъ артикуловъ, частью-же изъ комментарій на голландскій, бранденбургскій и имперскій военно-уголовные уставы. Вліяніе сихъ комментарій особенно замѣтно въ толкованіяхъ на артикулы главы XVI—«о измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ»; здѣсь первые три артикула: 124, 125 и 126, составлены по ново-шведскому военному артикулу 77-му (старошведскіе 60 и 61) соотвѣтственной главы: «Von Verrätherey und mit dem Feind gepflogene Gemeine und Kundschaft» и датскому кодексу. Толкованіе же къ артикулу 124-му изложено согласно съ коментаріями на бранденбургскій 48 и имперскій 30 военные ар-

инск. артик., гдѣ мы и приводимъ текстъ соотвѣтственныхъ съ нашими датскихъ военныхъ артикуловъ (53—59).

Замѣтка 7. Что-же касается до открытія непріятелю лозунга, то постановленіе такое-же, какъ въ русск. арт. 125. кромѣ шведскаго, мы находимъ въ голландскомъ арт. 29 и въ ново-датск. арт. 83. Въ послѣднемъ опредѣляется лишеніе жизни и чести. Французскіе-же ордоннансы отъ 12 окт. 1661 г., art. 13, 14 и отъ 15 іюля 1665 г., арт. 3, 4, 6—9 и 36 объясняютъ кто и какъ отдаетъ *пароль и лозунгъ*, т.-е. имѣютъ исключительно административный характеръ. См. о лозунгѣ и о перепискѣ наши объясненія «Арт. Воин.», вып. 1, стр. 288—291.

тикулы. Остальные артикулы—127—132 разработаны по датскому кодексу старой и новой редакціи. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что дѣйствовавшіе у насъ въ началѣ великой Сѣверной войны военно-уголовные законы: «Уложеніе или право воинскаго поведенія» и «Артикулъ краткій» барона Гюйссена не имѣли надлежащей полноты какъ въ опредѣленіи состава преступленія, такъ и въ санкціи наказанія. То же нужно сказать и объ артикулѣ 127 о наказуемости намѣренія. «Уложеніе» часто отступало отъ датскаго оригинала. «Полевое уголовное уложеніе» 1812 г. ввело новыя нормы въ системѣ наказанія и правоопредѣленія, относящіяся къ неповиновенію и нарушенію воинскихъ обязанностей въ военное время на походѣ и въ виду непріятеля, что предусматривалось въ другихъ главахъ Артикула Воинскаго. Въ Полевомъ уложеніи сохраняется наказаніе десятаго по жребію за *неповиновеніе* команды, роты, баталіона (§§ 36 37). Оно съ постановленіями изъ Артикула Воинскаго (гл. XIII, XV и XVI) вошло въ «Уставъ военно-уголовный», усвоившій другую систему. Въ «Уставъ военно-

уголовный» (С. В. П. Ч. V, кн. 1) изъ Артикула Воинскаго во‘шли слѣдующіе артикулы: **119, 114** и **115**—о передачѣ захваченыхъ у непріятеля знаменахъ, штандартахъ и плѣнныхъ; (Уст. в. у. ст. 616, 617, 618 и 619); **117, 118** и **120**—о противозаконной сдачѣ крѣпости (Уст. в. у. ст. 562 п. 2), **124**—о наказаніи за измѣну, благопріятствованіе непріятелю въ военныхъ и *другихъ* дѣйствіяхъ противъ отечества, злоумышленная переписка или сношеніе съ кѣмъ-либо въ непріятельской арміи, шпіонство, соучастіе въ измѣнѣ и о плѣнныхъ, уличенныхъ въ тайной перепискѣ съ непріятелемъ (Уст. в. у. ст. 561, 562 пп. 1, 2, 4, и 13, 564, 568); **125**—объ открытіи непріятелю пароля и лозунга или подачѣ непріятелю измѣнническихъ знаковъ (Уст. в. у. ст. 562, п. 5); **127, 128** и **129**—покушеніе къ измѣнѣ, сообщеніе кому-либо внѣ арміи или крѣпости состоящему, свѣдѣній о военныхъ дѣлахъ, положеніи войска и крѣпости, о земедленіи въ донесеніи или недонесеніи объ измѣнѣ (Уст. в. у. ст. 564, 567, 565 и 566); **130** и **131**—о вселеніи робости въ солдатахъ, вслѣдствіе распространенія лживыхъ слуховъ и т. п. (Уст. в. у. ст. 562 п. 7). Всѣ эти воинскія преступленія въ Уставѣ Воинско-Уголовномъ подведены подъ рубрику *„измѣны“*, составляющей 1-ю главу III-го раздѣла «О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ военное время».

Означеннымъ преступленіямъ Артикулы Воинскаго 1716 года въ нынѣ дѣйствующемъ «Воинскомъ Уставѣ о наказаніяхъ» (XXII кн. С. В. П. 1869 г. по редакціи объявлен. въ приказѣ по воен. вѣд. 1882 г. № 7) соотвѣтствуютъ въ раздѣлѣ III-мъ «О нарушеніи обязанностей службы во время военныхъ дѣйствій и о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи» слѣдующія статьи: **243**—благопріятствованіе непріятелю въ военныхъ или другихъ его дѣйствіяхъ, т.-е. измѣна (арт. 124), **244**—противозаконная переписка или сношеніе съ непріятелемъ (арт. 128), **245**—самовольное оставленіе своего поста въ виду непріятеля (арт. 101 и 102), **246**—обращеніе въ бѣгство во время сраженія или въ виду непріятеля (арт. 97 и 103), **248**—оставленіе командою мѣста безъ боя или положеніе оружія передъ непріятелемъ (арт. 101), **250, 251** и **252**—заключеніе съ непріятелемъ капитуляціи, неисполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно требованіямъ воинской чести (арт. 117 и 118).

257 — сокрытіе свѣдѣній о движеніи непріятеля или недонесеніе (арт. 129); **261**—присвоеніе или растрата отнятыхъ у непріятеля трофеевъ или иныхъ предметовъ военной добычи (по редакціи объявлен. въ пр. по воен. вѣд. 1889 г. № 112), (арт. 114), **262**—распространеніе слуховъ, дѣйствующихъ вредно на духъ войскъ, изъ малодушія и проч. (арт. 131), **264** — разглашеніе ввѣренныхъ по службѣ, подлежащихъ тайнѣ, свѣдѣній (арт. 128), **265**—обобраніе плѣнниковъ (арт. 115), **271**—умышленное дѣйствіе военно-плѣнныхъ противъ безопасности арміи (арт. 124 толкованіе).

Кромѣ того въ ст. 75 Воин. Уст. о Нак. даны общія правила о мѣрѣ отвѣтственности въ воинскихъ преступленіяхъ цѣлыхъ частей и командъ: главныхъ виновниковъ или зачинщиковъ и сообщниковъ, равно подговорщиковъ и подстрекателей, а также начальниковъ, или старшихъ по званію или чину. Независимо отъ наказаній по суду, опредѣляемыхъ виновнымъ въ преступленіи, учиненномъ цѣлою командою, или частью оной, можетъ быть опредѣляемо, по особому Высочайшему повелѣнію, и лишеніе отличій, Всемилостивѣйше пожалованныхъ командѣ, и даже уничтоженіе самаго состава команды размѣщеніемъ нижнихъ чиновъ, оставляемыхъ на службѣ въ другія войска, и увольненіе офицеровъ отъ службы, или же переводъ ихъ въ другіе полки или команды.

Эти общія положенія вытекаютъ изъ духа военно-уголовныхъ законовъ вообще и служатъ развитіемъ артикуловъ 97 и 101, предусматривающихъ преступленія цѣлыхъ частей и толкованія по артикулу 101-му: «Коль болѣе чина и состоянія преступитель есть, толь жесточае оный и наказуется. Ибо оный долженствуютъ другимъ доброй прикладъ подавать, и собою оказать, что оныя чинить имѣютъ». Въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить сраженіе при Головчинѣ въ 1708 году. Децималія, однако, за воинскія преступленія цѣлыхъ частей не примѣнялась въ нашихъ войскахъ даже въ эпоху Сѣверной войны.

Постановленія Воинскаго Артикула, содержащія правила о занятіи взятыхъ штурмомъ городовъ и крѣпостей, вообще укрѣпленныхъ мѣстъ, въ главѣ XIV, а именно рядъ артикуловъ отъ 108 до 112 включительно потеряли свое военное и юридическое значеніе для войскъ регулярныхъ, воспитанныхъ въ строгой воинской дисциплинѣ, состоящихъ на регулярномъ содержаніи правитель-

ства. Между тѣмъ какъ въ XVII и даже въ первую половину XVIII столѣтій грабежъ взятаго штурмомъ города составлялъ необходимое условіе военныхъ операцій полководцевъ. При такихъ условіяхъ становилось необходимымъ урегулировать подобнаго рода грабежи съ цѣлью захвата добычи и наказанія сопротивляющагося гарнизона и помогающихъ ему жителей. Несостоятельность такого образа дѣйствій войскъ у насъ была сознана въ теченіе великой Сѣверной войны, хотя въ самомъ началѣ ея въ этомъ отношеніи самъ Петръ Великій, приказывая щадить жителей и имущество въ Ингерманландіи, разрѣшалъ Шереметеву производить неистовые грабежи въ Лифляндіи и Эстляндіи. Причины тому нами выяснены выше въ статьѣ о завоеваніи Ингріи. Впослѣдствіи система грабежей нами была совершенно оставлена и дѣло рѣдко доходило до штурма; ему обыкновенно предшествовала капитуляція, обставленная извѣстными условіями съ цѣлью обереженія жителей отъ имущественнаго разоренія. Но въ нашихъ войнахъ съ восточными народами—турками и персами допускались грабежи занятыхъ съ боя непріятельскихъ городовъ; отъ такого «обычая» особенно трудно было удержать казаковъ и вообще наши иррегулярныя войска.

Нельзя не обратить вниманія на одну особенность Артикула Воинскаго. Артикуломъ 120 предписывается офицерамъ и даже солдатамъ наблюдать за дѣйствіями коменданта во время осады, и если они замѣтятъ, что онъ готовъ безъ крайней необходимости сдать крѣпость, то обязаны удержать его отъ такого намѣренія силою подъ опасеніемъ наказанія по артикулу 117. Въ толкованіи законодатель предписываетъ: „А ежели его (комендата) отъ намѣренія такова (сдать крѣпость непріятелю) уговорить неможно, онаго заарестовать, и другого между собою вмѣсто его избрать, и тако всевозможнымъ образомъ оную крѣпость оборонять должны“. Происхожденіе это страннаго закона нами объяснено въ „замѣткѣ“ къ арт. 120-му; присутствіе же его въ нашемъ классическомъ военно-уголовномъ кодексѣ мы объясняемъ существованіемъ на окраинахъ Россіи въ ту эпоху множества малыхъ крѣпостей—городовъ, городковъ—занятыхъ мелкими военными частями подъ командою капитана, сотника, вообще офицера случайнаго и притомъ малаго чина. Но это обстоятельство едва-ли оправдываетъ необходимость допущенія закона, ставящаго военнаго начальника, которому правитель-

ство довѣряетъ извѣстный постъ, подъ контроль его подчиненныхъ. Право подчиненныхъ контролировать дѣйствія своего начальника въ военное время можетъ повести и къ противуположнымъ результатамъ, образецъ которому мы видимъ въ арестованіи своими подчинеными геройскаго защитника Виленскаго замка князя Ивана Даниловича Мышецкаго и выдачѣ его головою непріятелю (стр. 60 и 61 настоящаго выпуска). За исключеніемъ этого артикула и другихъ, утратившихъ свое историческое значеніе и правоопредѣленія Артикула Воинскаго, относящіяся къ дѣйствіямъ войскъ, во время войны остаются непоколибимы и вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ военнаго искуства по своему духу.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Посягательство на тѣлесную неприкосновенность и преступленія противъ чести.

ГЛАВА I.

Личныя обиды и оскорбленія.

(Ссоры, драки, поединки).

Современные намъ законы воспрещаютъ ссоры, драки, кулачные бои въ публичныхъ мѣстахъ и преслѣдуютъ эти правонарушенія какъ буйство и нарушеніе общественнаго спокойствія. Наши законы выдѣляютъ особо драки опасныя, т. е. драки, окончившіяся тѣлеснымъ поврежденіемъ. Къ особому виду опасной драки они относятъ поединокъ, послѣдствіемъ котораго можетъ быть не одно только тѣлесное поврежденіе, но и смерть [1]).

Наука уголовнаго права къ *личнымъ оскорбленіямъ* въ прямомъ смыслѣ относитъ: *обиды* словомъ (и на письмѣ), дѣйствіемъ и жестами, *клевету,* въ извѣстномъ смыслѣ *грубость* и *неуваженіе* [2]).

Въ военномъ быту личныя обиды: словомъ, дѣйствіемъ, жестомъ, оказаніе неуваженія, грубость, дерзость и т. п. со стороны подчиненныхъ своему начальнику составляютъ въ прямомъ смыслѣ нарушеніе дисциплины, обязывающей оказывать уваженіе не только начальнику, но и старшему въ чинѣ, въ должности и въ сопод-

---

[1]) Поединкомъ считается условленный бой двухъ лицъ (одинъ на одинъ) смертоносным оружіемъ, по условленнымъ на данный случай или же освященнымъ обычаемъ правиламъ, съ цѣлью омытія оскорбленія чести. *Н. А. Неклюдовъ:* Руков. къ особ. части Русск. Угол. права; т. I, стр. 151.

[2]) Личныя оскорбленія, ссоры, драки, поединки предусмотрѣны въ слѣдующихъ постановленіяхъ: а) въ Уложеніи о наказ. угол. и исправ. Разд. X, гл. IV, ст. 1497—1512 и ст. 396; гл. III, ст. 1465—1483; гл. VI, отд. II и III ст. 1533—1539; б) въ Уст. о наказ. налаг. миров. судьями, 130—132, 133—135.

чиненіи іерархическомъ. Поэтому въ военно-уголовныхъ кодексахъ нарушеніе чинопочитанія, какъ одного изъ основныхъ элементовъ воинской дисциплины, преслѣдуется съ особою строгостью; не взирая на мотивы подобнаго рода правонарушенія въ военномъ быту, наказаніе въ мѣрѣ или въ степени увеличивается: 1) когда начальникъ оскорбленъ своимъ подчиненнымъ при исполненіи обязанностей службы, 2) когда такое преступленіе совершено въ строю, 3) когда оно совершено въ военное время и 4) когда начальнику нанесено оскорбленіе коллективно, по соглашенію или заговору. Но если чинопочитаніе нарушается вслѣдствіе противозаконнаго, оскорбительнаго или унизительнаго обращенія начальника съ подчиненными, то наказываніе обыкновенно смягчается [3]).

Къ правонарушеніямъ противъ чести въ военномъ быту относится также оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ часоваго или военнаго караула, а также всякаго рода должностныхъ лицъ военнаго званія (дежурнаго или должностнаго офицера или полковника [4]).

Начальникъ допускающій *себѣ* оскорбительныя и уничтожающія личную честь дѣйствія въ отношеніи своихъ подчиненныхъ, не только нарушаетъ долгъ службы, но такимъ противозаконнымъ дѣйствіемъ даетъ поводъ своимъ подчиненнымъ къ нарушенію чинопочитанія и подчиненности, двухъ основныхъ элементовъ воинской дисциплины, и потому подлежитъ наказанію, хотя бы подчиненный не принесъ жалобы [5]).

Военно-уголовное законодательство, подвергая подчиненнаго серьезной отвѣтственности за личныя оскорбленія начальника, вообще за нарушеніе воинскаго чинопочитанія и подчиненности,

[3]) Уст. Воин. о наказаніяхъ (кн. XXII С. В. П.) ст. 96—101, 109. Въ этомъ уставѣ не предусмотрѣнъ случай коллективнаго нарушенія чинопочитанія, по предварительному соглашенію, напр. неотвѣтъ нижнихъ чиновъ на привѣтствіе начальника. Германскій же уставъ предусматриваетъ случаи коллективнаго насилія надъ начальникомъ, какъ высшей формы оскорбленія его (§§ 103 и 106).

[4]) Уст. Воин. о наказаніяхъ, ст. 113—115, 121—123.

[5]) Уст. Воин. о наказ., ст. 183—189. Впрочемъ, нашъ Воинскій Уставъ умалчиваетъ объ оскорбленіи начальникомъ нижняго чина на словахъ, т.-е. за подобное оскорбленіе начальникъ подлежитъ лишь дисциплинарной отвѣтственности.

въ интересахъ дисциплины и порядка службы, старается оградить честь подчиненныхъ отъ всякаго рода насилій, самоуправства и вообще противозаконныхъ дѣйствій начальника, предоставленіемъ права подчиненнымъ приносить *жалобу* въ установленномъ порядкѣ и приличной формѣ на претерпѣнныя обиды, несправедливости и вообще *злоупотребленіе* властью. Во всякомъ случаѣ. жаловаться можетъ каждый только *лично за себя;* жалоба за другаго или коллективная, какъ и вообще сборища и сходки, для обсужденія жалобы или претензій, строго воспрещаются [6]).

Главнымъ источникомъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ о преступленіяхъ противъ чести не только въ военномъ быту, но и вообще, служитъ военно-уголовное законодательство Петра Великаго—Уставъ Воинской 1716 г. и Морской Уставъ 1720 г.

Попечительность великаго Преобразователя къ водворенію порядка и законности въ военномъ быту выразилось рядомъ постановленій, которыми опредѣляются взаимныя отношенія между начальниками и подчиненными и ограждается личная честь тѣхъ и другихъ отъ произвола, насилія и самоуправства. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ, на законодательныхъ памятникахъ Петра Великаго отразились попытки лучшихъ военныхъ законодателей зап. Европы XVII ст., начиная съ Густава-Адольфа и оканчивая Людовикомъ XIV.

Вездѣ на западѣ Европы, одновременно съ учрежденіемъ регулярныхъ войскъ и соотвѣтственныхъ ихъ новому устройству институтовъ, центральная государственная власть стремилась одновременно и, такъ сказать, параллельно водворить порядокъ и законность въ войскахъ и утвердить общественное спокойствіе и частную безопасность отъ насилій и самоуправства.

Характеристика возмездія за преступленіе противъ личной безопасности.

По мѣрѣ учрежденія регулярныхъ войскъ, крѣпла центральная государственная власть, слагался новый адмистративный строй и

[6]) Уставъ Дисциплинарный, изд. 1888 г., въ главѣ XII *о жалобахъ* (*претензіяхъ*) (ст. 99—119).

появились новые органы юстиціи, вооруженные атрибутами грозной карательной системы. Сама христіанская церковь, вмѣсто благости и милосердія къ заблуждающимся нарушителямъ общественной тишины и спокойствія, рекомендовала жестокія наказанія и казни, какъ возмездіе за грѣхи, какъ единственно надежное средство для наказанія преступниковъ, вносившихъ гибель въ семью и въ общество и грозившихъ гибелью народностямъ, германской и романской расѣ, напрягавшимъ свои лучшія силы для прекращенія вѣковыхъ раздоровъ и смутъ.

Законодатели, ученые юристы, практики криминалисты и церковь единодушно грозятъ смертною казнью всякому нарушителю велѣній верховной власти, всякому, кто осмѣлится посягнуть на жизнь и честь другого, подъ *предлогомъ* мести за безчестіе; орудіе этой мести **поединокъ** вездѣ признанъ явленіемъ противнымъ законамъ божескимъ и человѣческимъ; оскорбленный могъ возстановить свою честь судомъ, но не самовольною расправою посредствомъ драки другъ съ другомъ на поединкѣ.

Поединокъ признанъ наслѣдіемъ варварскаго язычества, величайшимъ бѣдствіемъ, наслѣдіемъ отъ дьявола. Духовныя свѣтскія и военныя власти, призывая на неповинующихся законамъ о поединкахъ вѣчныя муки ада, постановляли на страхъ всякому и въ назиданіе всѣмъ, что убитый на поединкѣ лишался честнаго имени, христіанскаго погребенія, его имущество конфисковалось и тѣло его отдавалось на съѣденіе псамъ или-же бросалось куда либо въ нечестное мѣсто—in loco inhonesto.

Во имя общественнаго спокойствія и государственнаго порядка уцѣлѣвшій судьбою рока отъ меча или отъ пули своего убитаго врага долженъ былъ также погибнуть на плахѣ или на висѣлицѣ! Такая же участь постигала пособниковъ—секундантовъ, тіерсовъ (tiers) и т. п. сообщниковъ.

Дуэлянты и ихъ пособники въ концѣ XVII в. во Франціи, въ Германіи, въ Италіи, въ Даніи, Англіи, Швеціи и Голландіи считались врагами общественнаго и государственнаго порядка, врагами церкви, созданіемъ отверженнымъ Творцомъ вселенной, и наравнѣ съ закоренѣлыми преступниками—съ измѣнниками, бунтовщиками и богохульцами—лишались жизни, чести, имущества. Ихъ достояніе (все или въ извѣстной долѣ) обращалось въ пользу государства, на

покрытіе расходовъ юстиціи, на содержаніе больницъ; наслѣдникамъ—вдовамъ и дѣтямъ—оставалась незначительная доля изъ достоянія отцовъ, оскорбившихъ велѣнія государственной власти. Слезы дѣтей, обреченныхъ также на позоръ и нищету за грѣхи своихъ отцовъ-*дуэлянтовъ*, не могли смягчить исполнителей грозныхъ трибуналовъ: судьи, руководимые варварскими законами о поединкахъ Людовика XIV, Фридриха-Вильгельма и Фридриха I бранденбургскихъ, Карла XI и XII шведскихъ, Христіана V и Фридриха датскихъ, Леопольда I и Карла VI австрійскихъ, Августа II саксонскаго и польскаго и другихъ болѣе мелкихъ и менѣе могущественныхъ государей, а ранно духовныхъ владѣтельныхъ особъ, начиная отъ римскаго папы,—судьи, повторяемъ не могли просить о помилованіи. Этотъ террористическій духъ ордоннансовъ, военныхъ артикуловъ, регламентовъ, патентовъ, эдиктовъ о поединкахъ и ссорахъ конца XVII и начала XVIII ст. юристы и администраторы въ комментаріяхъ объясняли общею разнузданностью, своеволіемъ, закоренѣлою привычкою къ насилію и суевѣрною приверженностію къ язычеству: лишеніе жизни, соединенное съ позоромъ за поединокъ, правильнѣе сказать—за драку, по взаимному соглашенію, оправдывали государственною необходимостью

а) Свѣдѣнія о поединкахъ и бояхъ по памятникамъ Западно-Европейскаго законодательства.

Обратимся сначала къ историческимъ фактамъ.

Борьбою двухъ или нѣсколькихъ воиновъ, избранныхъ полководцами обѣихъ армій, въ отдаленной древности рѣшался кровавый споръ во имя общаго блага—„Boni publici“. Тутъ храбрѣйшіе, наиболѣе смѣлые витязи жертвовали своею жизнью, и исходомъ ихъ поединка рѣшалась участь враждовавшихъ сторонъ. Примѣры, подобные борьбѣ Горацієвъ и Куріацієвъ, встрѣчаемъ и въ средніе вѣка не только у язычниковъ, но и у христіанъ. Когда изрубленъ былъ сарацинами лучшій изъ генераловъ Карла Великаго Мило и послѣ того когда въ обѣихъ арміяхъ легло множество воиновъ, оба полководца рѣшили окончить страшное кровопролитіе единоборствомъ избранныхъ съ каждой стороны молодыхъ людей; французы остались побѣдителями надъ невѣрными. Такого рода поединки считались почетными. Французъ Одижье (Audigier) писалъ

между прочимъ: „C'est là, dit on, le plus grand et le plus illustre sujet, pour lequel les Duels ont été introduits au monde; c'est veritablement un honneur d'être choisi entre cent mille par son Prince, comme le plus vaillant homme du Royaume, pour defendre les droits de sa couronne devant luy, en presence de deux Armées: s'il meurt, c'est pour le Pays, pour la Religion et pour Dieu même, qui autorise les justes guerres, et preside sur les batailles, il meurt en homme de bien, sa mort est en bonne odeur à tout le monde; la memoire de sa Vertu est immortelle. son nom ne sera proferé qu'avec des Eloges d'autant plus honorables, qu'ils sortiront des bouches les plus cennemies, et s'il soit victorieux, qu'y a t'il de pareil au monde, le Roy ne doit pas moin que son Etat à son epec, et le Pays sa iibertè; comme il a combattu seul, il est juste qu'il triomphe seul" [7]).

Бывали случаи, когда сами короли или предводители войскъ рѣшали споръ посредствомъ принесенія своей жизни въ жертву общаго блага. Для прекращенія продолжительныхъ войнъ древніе саксы вызвали на поединокъ одного изъ датскихъ королей. Шведскій король *Гальданисъ* (Haldanis) вызвалъ на поединокъ знатнѣйшаго вельможу своего королевства *Сивальдо*, который простиралъ свои виды на шведскую корону. Король Лонгабардскій *Юнипертъ* послалъ къ герцогу Лонгабардскому *Алашу* вызовъ на поединокъ черезъ своего герольда. Послѣ продолжительной войны за обладаніе островомъ Сициліей папа съ кардиналами посовѣтывали *Карлу* и *Петру* арагонскому прекратить кровопролитіе поединкомъ; короли согласились, и борьба за Сицилію рѣшена была поединкомъ. Король англійскій *Эдуардъ* вызвалъ на единоборство французскаго короля *Филиппа Храбраго*. Имѣются свѣдѣнія о поединкѣ короля *Франциска I* съ императоромъ *Карломъ* V. Передъ поединкомъ въ Римѣ, въ присутствіи папы и кардиналовъ, Карлъ V предлагалъ чтобы, для прекращенія пролитія крови христіанъ, которую нужно было щадить для войны съ страшными турками, французскій король согласился рѣшить съ нимъ споръ поединкомъ, на любомъ мѣстѣ, на площади, на мосту или же на кораблѣ, избравъ какое

---

[7]) «Monsieur Audigier de l'ancien et vrai usage des Duels». У Флемминга: Anhang. zu dem Volkom. Teut. Soldat,» 1724; стр. 723, 724.

уродно оружіе: по условію побѣдитель обязуется, соединивъ обѣ арміи въ одну, обратить всѣ свои силы противъ турокъ.

Поединки служили и другимъ цѣлямъ королей, князей и лицъ высшаго сословія; они дрались на поединкахъ изъ родственной мести, изъ ревности, изъ-за удовлетворенія личнаго честолюбія, и вообще поединки служили средствомъ для рѣшенія всякаго рода споровъ и несогласій частныхъ лицъ между собою. Скандинавскія саги, законы англосаксовъ, алемановъ и славянъ свидѣтельствуютъ о поединкахъ и бояхъ въ вопросахъ о родовой мести. Мстительницами за смерть или оскорбленіе своего мужа, брата, отца бывали и женщины. Въ пѣсти о Нибелунгасъ Кримгильда представляется мстящею братьямъ за смерть мужа. У славянъ обязанность мести за обиду принадлежала ближайшимъ родственникамъ. Черногорцы за обиду, причиненную однимъ, часто мстили не тому, кто оскорбилъ, но лучшему изъ членовъ того рода, къ которому принадлежалъ оскорбившій. И кровавая месть рѣдко останавливалась на одномъ. По разсказу Альберта Кранца, посредствомъ поединка одинъ изъ норвежскихъ королей получилъ руку желаемой невѣсты. Нѣкто Старкутерій за обладаніе рукою королевской дочери уложилъ на поединкѣ девятерыхъ братьевъ [8]).

---

[8]) С. I. М. изд. 1674, стр. 394, 724, 725. *Albert Krantz*: lib. 2, Dan. c. 2. — *Серг*ѣ*я Штилевскаго*, стр. 36 — 69. «Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ». Казань, 1866 г., стр. 36 сл. Поводы къ столкновенію, приводившему къ дракѣ и убійствамъ, при грубости нравовъ у древнихъ народовъ, бывали тѣмъ болѣе часты, что въ основѣ общественной организаціи месть съ оружіемъ въ рукахъ признавалась актомъ законнаго возмездія за малѣйшія оскорбленія. Можно было мстить: *за рану*; тогда для раненаго и для всѣхъ присутствовавшихъ тамъ, гдѣ совершено преступленіе, ранившій становился внѣ покровительства законовъ; извѣстныя *три оскорбительныя слова* можно очистить смертію, и произносившій эти слова становился лишеннымъ мира для всѣхъ, которые были при оскорбленномъ; *за ударъ оскорбленному* и присутствовавшимъ при этомъ, пока оставались слѣды удара; *за женитьбу на дѣвушкѣ* безъ согласія ея родственниковъ, но женившійся могъ откупиться за похищеніе и для избавленія отъ мести; *за оскорбленіе женской стыдливости* (уносъ платья, когда купается).—«Германцы» пишетъ Тацитъ «не считали постыднымъ пить цѣлый день и ночь и на пирахъ, выпивши, часто ссорились, а эти ссоры рѣдко оканчивались бранью, но большею частью убійствами и ранами». Все это согласно и съ обычаями древнихъ славянъ.

Древніе римскіе писатели Веллей, Петеркулъ и Тацитъ свидѣтельствуютъ, что сѣверные народы и германцы рѣшали разнаго рода *гражданскія тяжбы* посредствомъ боя или такъ-называемаго *судебнаго поединка,* получившаго печальную извѣстность въ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ отъ Запада до Востока. Этотъ языческій обычай осмысленъ былъ вѣрою въ промыселъ Божій, помогающій невинному торжествовать надъ виновнымъ. Болѣе храбрые витязи, отличавшіеся превосходствомъ въ поединкахъ, достигали рыцарскаго и даже королевскаго сана. И такъ какъ начальникамъ, по привычкѣ къ расправѣ съ оружіемъ въ рукахъ, легче было грабить и буйствовать въ странахъ сосѣднихъ, чѣмъ соблюдать законы, чѣмъ вкоренять порядокъ, провосудіе и добрые нравы, поэтому храбрѣйшіе считались и наиболѣе правосудными. У народовъ скандинавскихъ частные споры рѣшались не иначе какъ, оружіемъ. Фрото III издалъ законъ, въ которомъ всѣ споры признано болѣе удобнымъ разрѣшать мечомъ чѣмъ разсудкомъ, боемъ — а не словами.

Судебный поединокъ, повидимому, былъ явленіемъ общимъ у всѣхъ древнихъ языческихъ народовъ. Въ основѣ его лежитъ во всякомъ случаѣ родовая месть; месть должна быть явная, она поддержилась родственною помощью, она давала силу при осуществленіи мести; на жалобу или призывъ собирались родственники, чтобы обѣщать или бороться съ нарушителемъ мира и защищающимъ его родными или договориться съ ними о вознагражденіи деньгами или скотомъ (головщина). Обязанность родовой мести, простираясь на весь родъ убитаго и приводила къ частнымъ *родовымъ войнамъ,* нарушавшимъ миръ и спокойствіе [9]). Въ средніе вѣка „судебный поединокъ“ находимъ какъ самое рѣшительное средство для дока-

[9]) Призывающій къ мести обращался къ помощи боговъ, какъ это бывало при всѣхъ важныхъ и трудныхъ предпріятіяхъ; и сама христіанская церковь снисходительнѣе смотрѣла на убійство изъ родовой мести, на убійство на поединкѣ, чѣмъ на простыя убійства: изъ корыстолюбія, въ гнѣвѣ, въ пьяномъ видѣ. *Wilda:* «Das Deutsche Strafrecht.», 180, 181. Обязанность мести за убійство лежала на ближайшихъ родственникахъ и вообще наслѣдникахъ убитаго. Поэтому сѣверныя саги представляютъ примѣръ женской мести, у древнихъ славянъ женщина пользовалась правомъ отыскивать свои права посредствомъ судебнаго поединка. *Шпилевскій* «Союзъ родст. защиты у древн. герман. и славянъ», стр. 45—69.—То же у *Бѣляева.* «Поле» «Москвит.» 1855 г.

зательства правоты и невинности; къ поединку, какъ суду Божескому, обращались какъ въ гражданскихъ тяжбахъ всякаго рода, такъ и дѣлахъ уголовныхъ; побѣдитель считался правымъ, а въ дѣлахъ уголовныхъ невиновнымъ. Поединокъ, какъ судебное доказательство, получилъ опредѣленную организацію болѣе или менѣе общую у всѣхъ христіанскихъ народовъ Европы. Правительства пользовались этимъ варварскимъ обычаемъ для увеличенія доходовъ казны; посредствомъ наложенія опредѣленныхъ пошлинъ за цѣну крови, „головщину", свѣтскія и духовныя власти, не исключая самихъ папъ, стали извлекать болѣе или менѣе значительныя выгоды [10]). Впослѣдствіи у германцевъ и славянъ судебный поединокъ (Gericht-Kampf) „поле", „забой правный", пріобрѣлъ государственное значеніе и регламентированъ въ уставахъ: обвиняемый обязанъ былъ представить судьѣ свою жалобу, объяснивъ въ ней неправду обвинителя, и послѣ спроса свидѣтелей требовалъ, чтобы противная сторона дралась съ нимъ на поединкѣ. Вызовъ передавался обвинителю съ соблюденіемъ опредѣленныхъ формальностей. Начальство назначало мѣсто поединка—поле, кругъ, Schrank—куда, являлись судьи и дуэлянты. Здѣсь герольдъ выкрикивалъ громкимъ голосомъ сначала имя обвинителя, потомъ обвиняемаго. Поле обозначалось извѣстными границами (Schrank), и тутъ разрѣшалось присутствовать зрителямъ, наблюдавшимъ за ходомъ боя. Передъ началомъ поединка происходили между дуэлянтами переговоры относительно избранія оружія, которое тщательно осматривалось какъ судьями, такъ и самыми дуэлянтами. Переговоры или диспуты часто переходили въ споръ, случалось, что заходило уже солнце, а споръ продолжался; тогда бой откладывался до другого дня [11]),

[10]) У древнихъ германцевъ мстителю предоставлялась на волю взять выкупъ за убійство, или осуществить месть, то-же было и у древнихъ славянъ. Такое вознагражденіе у германцевъ называлось — Worgeld, Werigelt, Blutgeld, у франковъ—Leudis, у славянъ головщина, головничьство (Русск. Правда), *«крвавина»* (у сербовъ).—Впослѣдствіи изъ этого образовалась *пеня*, какъ частное и общественное вознагражденіе. Въ нѣмецкихъ городскихъ статутахъ сумма, взыскиваемая съ виновнаго, дѣлилась на три части, изъ которыхъ одна часть представлялась оскорбленному, а другія судьѣ и городской общинѣ. *Шпилевскій*, стр. 71.

[11]) Въ древнемъ Чешскомъ правѣ XIV ст. въ 40 пунктахъ подробно описаны обряды и условія судебнаго поединка, который назывался по чеш-

Никто не могъ употреблять новаго оружія; по обычаю требовалось *заговаривать оружіе*, т.-е. устранять его смертоносную силу посредствомъ колдовства; тяжущіяся стороны всѣми способами старались открыть колдовство. Существовали спеціальные мастера— чародѣи и ворожеи, вѣдуны и вѣдуньи (вѣдьмы), къ которымъ по обыкновенію и обращались заинтересованныя стороны для оказанія имъ помощи. Представителямъ темной силы, полагали, извѣстны были способы заклинанія посредствомъ колдовства и чародѣйства. Чтобы открыть колдовство и парализовать заклинанія выдуманы были и пущены въ общественное обращеніе разнаго рода пріемы, правила, рецепты. На эту тему писались цѣлые томы сочиненій. Въ такомъ фантастическомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ европейскихъ народовъ пріобрѣли всеобщую извѣстность. Особенною силою въ искусствѣ чаровъ пользовались лонгабарды, составившіе тысячи замысловатыхъ пунктовъ *(артикуловъ)*.

Пошлина за кровь, извѣстная у славянъ подъ именемъ «головщины», нерѣдко обращалась въ пользу монастырей и церквей. Для сбора такого штрафа въ Италіи установлены были центральныя кассы. Пошлину или пеню платили даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло не доходило до поединка. Если поединокъ состоялся, а стороны не застраховали своей жизни посредствомъ взноса *кровавой* пени, то побѣжденный присуждаемъ былъ къ смертной казни. или же становился рабомъ побѣдителя который, обыкновенно злоупотреблялъ своею побѣдою, и могъ требовать отъ него самой

ски «забоемъ правнымъ». Мѣсто поединка называлось: «шранки», отъ нѣмецкаго Schrank — граница. Обвинитель получалъ отъ правительства особаго наставника (рѣчника поводовъ), который училъ его пріемамъ: «Слышишь Петръ! когда ты будешь входить въ *шранки*, ступи сперва правою ногою, а потомъ лѣвою, и т. д. Наставника получалъ также и обвиненный, который училъ его: «Слышишь Яковъ! когда ты пойдешь въ шранки, ставь напередъ лѣвую ногу, а потомъ уже правую и т. д. Затѣмъ у чеховъ обвинитель и обвиненный говорятъ другъ другу опредѣленныя формулы: «Слышишь Петръ! я обвиняю тебя въ томъ то... и т. д. — Передъ поединкомъ назначалась присяга, обставленная множествомъ формальностей... Обыкновеннымъ оружіемъ были у дворянъ *мечи* и *щиты*, у крестьянъ *дубины* и *ослопы*, а полевщики были одѣты въ *доспѣхи*. Rad Prâwa Lemskeho въ Cechach. *Палацкаго*—Исторія Чеховъ, II, стр. 297. У *Бѣляева* — «Поле», «Москвитянинъ», въ 1855 г., №№ 13 и 14, стр. 45, 53, 54.

постыдной работы. Въ другихъ мѣстахъ проигравшему поединокъ, если онъ не могъ заплатить кровавой пени, отрубали руку, или же ввергали его въ тюрьму на нѣсколько лѣтъ, впредь до амнистіи владѣтельнаго государя; но помилованіе случалось рѣдко (*Флеммингъ*).

Въ уставѣ судебнаго поединка бургграфства Нюренбергскаго, въ описаніи правилъ и наставленій для дуэлянтовъ, находимъ указанія на форму одежды, снаряженія и вооруженія; постановлено, напримѣръ, чтобы щиты были у нихъ деревянные, обдѣланные не желѣзомъ, а оловомъ и цинкомъ, затѣмъ обтянуты бѣлымъ холстомъ, поверхъ котораго долженъ быть крестъ изъ простой матеріи, а въ другой рукѣ долженъ быть деревянная палка обожженная и *позолоченная*. Но съ развитіемъ рыцарскихъ понятій, изощряемыхъ посредствомъ турнировъ, такое вооруженіе признана была смѣшнымъ. Поединщики, привыкнувъ владѣть холоднымъ оружіемъ, выходили въ бой съ саблею или палашомъ. Послѣ изобрѣтенія пороха холодное оружіе замѣнилось огнестрѣльнымъ—пистолетами. Прежніе артикулы о поединкахъ потребовали пересмотра и существенныхъ измѣненій.

Во всякомъ случаѣ на судебные поединки обѣ стороны обязаны были являться съ оружіемъ одинаковымъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Мѣсто для поединка избиралось открытое, ровное, не лѣсистое и не гористое, чтобы ни солнце, ни вѣтеръ не мѣшали бойцамъ. Въ Швабскомъ зерцалѣ (кн. 1), по обычаю страны, требовалось, чтобы поле, избранное для поединка, представляло окружность въ 20 шаговъ длиною и 25 шириною. Вызовъ на поединокъ дѣлался посредствомъ записки или картели (cartelli) съ объясненіемъ причины спора и неудовольствія; для поединка назначалось мѣсто, опредѣлялись обязанности лицъ, назначенныхъ для присутствія отъ короля, способъ драки дуэлянтовъ и т. п. [12]).

[12]) *Flemming*: Von Duellen, § 5 и 7. Замѣтимъ еще, что судебные поединки въ законахъ салическихъ франковъ, англо-саксовъ, баварцевъ, датчанъ, шведовъ, германцевъ обставлены были в. сложными формальностями. Готовившійся къ поединку, по обычаю, говѣлъ и въ самый день битвы, прослушавши съ благоговѣніемъ литургію, причащался Св. Таинъ. По входѣ въ кругъ — поединщики выслушивали увѣщеванія священника и давали на Святомъ Евангеліи клятву, что идутъ на бой за правое дѣло. Присутствовавшіе на боѣ

Не лучшую славу пріобрѣли поединки и на *рыцарскихъ турнирахъ*, или *играхъ*, и въ *частныхъ войнахъ*, вслѣдствіе развитія такъ называемаго *кулачнаго права* (Faust-Recht).

Рыцарскіе поединки на турнирахъ распространялись въ Европѣ съ X столѣтія.

О *турнирахъ* точно такъ-же, какъ и о судебныхъ поединкахъ, писались уставы или артикулы, составлялись хроники, писались отчеты. Турниры собственно назначались для упражненія въ искусствѣ владѣть оружіемъ, подобно кулачнымъ боямъ и другимъ военнымъ играмъ древнихъ народовъ. Основателемъ турнировъ германцы считаютъ Генриха Птицелова, по крайней мѣрѣ къ его времени относится древнѣйшій уставъ для рыцарскихъ игръ. Въ уставѣ для турнировъ до мельчайшихъ подробностей описывались образъ дѣйствія, правила и наставленія для лицъ, входившихъ въ составъ общества бойцовъ; за нарушеніе правилъ устава опредѣлены были наказанія по артикуламъ.

Городъ или мѣсто, избранное для турнира, пользовалось привилегіями. Опредѣлялось, сколько именно каждый герцогъ, графъ, дворянинъ и вообще участникъ общества могъ приводить лошадей и слугъ. Для дамъ устанавливался покрой одежды, качество матеріи, вообще формы, опредѣлялись роды украшеній и т. п. бездѣлицы. Артикулы для турнировъ составлялись депутатами послѣ продолжительныхъ совѣщаній, какъ будто дѣло шло о какомъ-либо государственномъ дѣлѣ. Положеніе, составленное д е п у т а т а м и подписывалось ими и, послѣ приложенія печатей, разсылалось для свѣдѣнія и руководства рыцарей, составлявшихъ общество. Владѣтельные курфюрсты и герцоги приводили на турниры громадное число лошадей, людей и всякихъ слугъ. На Гейдельбергскій турниръ собралось болѣе $3^1/_2$ тыс. однихъ только графовъ, феодаловъ, рыцарей и дворянъ. Нѣкоторые изъ владѣтельныхъ герцоговъ приводили по нѣсколько сотенъ рыцарей. Турниры велись по опредѣленной программѣ и сопровождались торжественными обѣдами, попойками, танцами. Съ 930 по 1480 г., по словамъ Флемминга,

---

держали въ рукѣ голубую *палицу* съ серебрянымъ или золотымъ *крестомъ*.— *Бѣляевъ*, стр. 44.—Вмѣстѣ съ тѣмъ поединщики заручались волхвованіемъ чародѣевъ и ворожей.

насчитывалось до 25 турнировъ, пользовавшихся почетною извѣстностію въ Германіи. Замѣчательно, что турниры и рыцарскія игры получили первоначальное развитіе въ частяхъ Германіи, прилегавшихъ къ Франціи.

Артикулы для турнировъ содержали въ себѣ прекрасную мораль, можно думать, что они продиктованы были самимъ Богомъ. Но съ ними случилось то же, что происходитъ обыкновенно съ дѣлами рукъ человѣческихъ. Лучшія наставленія, изложенныя на письмѣ, плохо примѣнялись на практикѣ. На многія злоупотребленія стали смотрѣть сквозь пальцы, какъ говорится, pro amicis; неумолимое время разоблачало отвратительныя стороны рыцарскихъ игръ. Если обратимъ вниманіе на общественное состояніе Германіи въ XIV и XV ст,, то нельзя сказать, чтобы невинныя рыцарскія забавы сдѣлали германцевъ болѣе добродѣтельными и счастливыми. Происходили печальныя сцены, напримѣръ, на Дармштатскомъ турнирѣ, по счету 23-мъ, бывшемъ въ 1403 г., франконцы поссорились съ гессенцами, обѣ стороны взялись за оружіе и въ кровавомъ столкновеніи забыты были всѣ пункты или артикулы о добродѣтели, составленіемъ которыхъ такъ наивно озабочены были рыцари. Рыцарскіе обѣты становились преданіемъ старины; терпѣли отъ рыцарей вдовы и сироты, которыхъ они обязывались защищать, страдали отъ нихъ горожане и презираемые и угнетаемые рабствомъ крестьяне. Наконецъ стали находить, что подобныя занятія опасны для жизни и здравія, и что они вовсе не безвредны для общественнаго спокойствія. Папа Александръ III на Латеранскомъ соборѣ запретилъ рыцарскія игры подъ страхомъ лишенія честнаго погребенія; папа Климентъ V пошелъ далѣе — участникамъ игръ онъ *сталъ грозить изгнаніемъ*.

Когда при слабыхъ Каролингахъ возрастало могущество вельможъ, стали появляться въ большихъ размѣрахъ частныя столкновенія; вражда родовъ между собою привела къ насиліямъ и самоуправству всякаго рода или къ *кулачному праву*, изъ котораго развилась *внутренняя междоусобная война*—(la gurre privée, Fehderecht).

Рыцарскія игры и турниры въ знаменитую эпоху кулачнаго права, именно въ XIV и XV столѣтіяхъ, стали средствомъ

для самоуправства рыцарей [13]). Со введеніемъ войскъ феодальныхъ — feuda militica, появились, такъ называемыя, *солдатскіе лены* (Soldaten Lehne), и владѣльцы этихъ леновъ, феодалы, обязаны были давать клятву, что вмѣстѣ съ полученіемъ шпаги и *шпоръ* они «*не дадутъ себя никому въ обиду*». Такая присяга обязывала ихъ дѣйствовать въ случаѣ надобности оружіемъ; право на обладаніе шпагою сдѣлало дворянъ весьма чувствительными къ оскорбленію чести. Драться на поединкѣ за личное оскорбленіе стало привилегіей дворянства. Обидчикомъ могъ быть всякій, стоявшій за имущество, за честь своей семьи, своего рода, своей корпораціи, за свои убѣжденія.

Профессія поединка становилась выгодною спекуляціей. Солдатскій ленъ могли получать отъ феодала только люди благородные, сыновья-же священниковъ, крестьянъ и горожанъ не имѣли права на полученіе подобныхъ леновъ. Благородные, получившіе золотыя шпоры (Equites aurati) подъ присягою давали обѣтъ: *прилежно посѣщать службу Божію, охранять св. церковь отъ всякой обиды, защищать вдовъ и сиротъ и, жертвуя своимъ тѣломъ, сражаться на поединкѣ хотя бы съ самимъ дьяволомъ.*

До такой степени спекуляція поединками укоренилась въ нравахъ высшаго сословія у западныхъ народовъ, что ученые люди, духовные и свѣтскіе, исписали большіе фоліанты въ доказательство, что поединки необходимы. Въ Италіи явилась даже особая *рыцарская наука:* la Scienza Cavallerisca; здѣсь *объявлялись правила для пріобрѣтенія искусства драться на поединкѣ и давались наставленія, какимъ образомъ нужно дѣйствовать для исправленія или улучшенія чести* (Reparation d'honneur). Въ эпоху, предшествующую реформаціи, поединки пользовались столь почетнымъ значеніемъ въ Италіи, что даже духовныя особы обучались искусству владѣть шпагою и вступали между собою въ драку съ оружіемъ въ рукахъ: нужды не было, что съ руками окровавлен-

[13]) Въ основѣ кулачнаго права лежитъ родовая месть, которая вела къ частнымъ войнамъ или файдамъ. Подъ словомъ feida (Fehde) разумѣется месть, гдѣ оскорбленный ищетъ удовлетворенія въ угрозѣ оскорбителю. Германское Faida—месть называется у славянъ «вражда» (wrózba), въ латинскомъ переводѣ «vindicata». См. Варшавскій статутъ 1421 г. *Шпилевскій*, стр. 72 и 73.

ными они должны были совершать безкровную жертву! Неявка на поединокъ, послѣ сдѣланнаго кѣмъ-либо вызова, считалась преступленіемъ противъ самого Бога. Это и понятно: папа Николай I считалъ поединокъ правовѣрнымъ боемъ, законнымъ правомъ! И *канонисты*, можетъ быть, не раздѣлявшіе такого взгляда, обязаны были молчать, чтобы не навлечь на свою голову гнѣва намѣстника церкви Христовой! Наконецъ, поединки, какъ проявленіе частной расправы, получили право свободнаго искусства во Франціи и въ другихъ государствахъ. Государи, владѣтельныя лица (герцоги, графы, князья), а равно менѣе могущественные феодали—дворяне почитали за особую честь содержать при своихъ дворамъ храбрыхъ людей, завѣдомо обладавшихъ мужествомъ, которые могли бы служить владѣльцу во всякаго рода опасныхъ дѣлахъ и приключеніяхъ.

Съ своей стороны горожане стали защищать свои права противъ дворянъ посредствомъ организованныхъ дракъ. Изъ законодательныхъ памятниковъ XIV и XV ст. мы видимъ, что нѣкоторыя сословія, области и цѣлыя общественныя учрежденія получили отъ государей привилегіи на право вооруженныхъ дракъ съ своими врагами! Въ XV ст. правомъ поединковъ стали пользоваться, по примѣру рыцарей, не только горожане, но и люди самыхъ разнообразныхъ профессій. Дюбуа въ „Исторіи уголовнаго права новыхъ народовъ“ приводитъ такой примѣръ: „одинъ поваръ послалъ поваренка объявить войну (Fehde) графу Сальмсу (v. Salms) на томъ основаніи, что когда онъ хотѣлъ заколоть для графа барана, послѣдній ранилъ его въ ногу, а графъ не хотѣлъ вознаградить его за это“. Подобное же объявленіе войны случилось въ 1471 г., когда одинъ лейпцигскій башмачникъ послалъ вызовъ студентамъ Лейпцигскаго университета.—Поводы къ частнымъ ссорамъ бывали иногда забавны: владѣлецъ Прунгейма объявилъ войну Франкфурту, потому что одна изъ дамъ этого города обѣщала contredanse его родственнику и танцовала съ другимъ, а городъ не соблаговолилъ дать ему удовлетворенія за такую обиду, нанесенную одному изъ членовъ его семейства [14]).

---

[14]) *Dubois*. Hist. du droit criminal, II, 335, 336, 355, у *Шпилевскаго* стр. 169, 173.

Время кулачнаго права было прелюдіей *реформаціи* въ церкви.

Точно также посредствомъ оружія, на поединкахъ, разрѣшались споры и несогласія между высшими духовными и свѣтскими чинами. Не могли вызывать на поединокъ вассалы своихъ феодаловъ, крестьяне—рыцарей, но если спорящіе принадлежали къ одному сословію, то ленный процессъ не иначе разрѣшался, какъ посредствомъ драки на поединкѣ. Аббатства и церковныя владѣнія подчинялись тѣмъ же обычаямъ. Игумены и епископы имѣли всегда подъ рукою вооруженнаго храбраго мужа, который обязанъ былъ съ мечомъ въ рукахъ защищать права духовныхъ сановниковъ противъ нарушителей *чести епископа*. Дошло до того, что посредствомъ *поединковъ* разрѣшались даже религіозные споры и диспуты! Какъ будто Богъ нуждался въ пролитіи крови для того, чтобы истинное отличить отъ ложнаго!

Эпоха кулачнаго права—это темное, варварское время, когда правда была на сторонѣ сильнѣйшаго, когда злоба, коварство, клевета, измѣна нерѣдко приводили къ самымъ постыднымъ убійствамъ, прикрытымъ лишь извѣстными формальностями на поединкахъ, привело сильныхъ людей къ постыдному способу дѣйствія и получило одобреніе со стороны самихъ представителей римско-католической церкви, собиравшихъ, подобно свѣтскимъ владѣльцамъ, пошлины за совершеніе кровавыхъ преступленій! Случалось даже, что епископы и аббаты облагали штрафомъ тѣхъ владѣльцевъ, которые не допускали у себя поединковъ. Несмотря на буллы папы Иннокентія IV, воспрещавшія поединки духовнымъ особамъ, подъ угрозою изгнанія, пагубный обычай продолжалъ свое кровавое дѣло и сильные люди не хотѣли и знать о невыгодныхъ для ихъ интереса резолюціяхъ папы. „Если намъ запретятъ драться на sабляхъ, мы будемъ драться епископскими жезлами“ (*Флеммингъ*). Такимъ образомъ съ варварскимъ обычаемъ судопроизводства посредствомъ поединка согласовались постановленія и церковной іерархіи. Исторія римско-католической церкви къ стыду своего представляетъ такіе примѣры. Нѣкоторые изъ римскихъ первосвященниковъ не только выражали свое согласіе на пролитіе крови посредствомъ поединка, но даже предписывали ихъ чрезъ своихъ агентовъ, облагая пошлиною свидѣтелей, судей и лицъ, причастныхъ къ поединкамъ. Кардиналъ-

легатъ папы Григорія IX, осаждавшій Болонью, предписалъ рѣшить дѣло поединкомъ между двумя британцами и двумя флорентинцами, которые поспорили между собою о превосходствѣ храбрости двухъ народовъ. Кардиналы-легаты совѣтовали побѣдителямъ спасаться бѣгствомъ отъ преслѣдованія. Когда къ поединкамъ прибѣгали епископы и аббаты по дѣламъ церковнаго имущества, то дуэлисты, все равно—были-ли они побѣдителями, могли разсчитывать на причисленіе ихъ къ лику мучениковъ или святыхъ! Въ подобныхъ случаяхъ совершалось нѣчто похожее на торговую сдѣлку, которая сопровождалась религіозными церемоніями!.

Христіане поединщики передъ дракою проводили цѣлыя ночи въ церкви, призывали въ молитвахъ помощь и покровительство святыхъ особенно св. Георгія Побѣдоносца, какъ покровителя рыцарей, затѣмъ воины исповѣдывались и принимали св. причастіе. Такимъ-то способомъ посягавшіе на жизнь своего ближнаго надѣялись получить помощь и милость отъ Бога!

Для открытія истины обращались къ суевѣрнымъ обычаямъ, усвоеннымъ христіанами отъ язычниковъ; сюда относится, между прочимъ, проба *раскаленнымъ желѣзомъ;* такому доказательству слѣдовали даже особы коронованныя, носившія скипетръ. Чтобы парализовать дѣйствіе добровольнаго испытанія, придуманы были разные суевѣрные способы: сначала испытывались руки; ихъ покрывали какимъ-то клеемъ и такъ приспособляли къ противодѣйствію раскаленному желѣзу! Желѣзу, освященному въ храмѣ, приписывали чудодѣйственную силу, и такое желѣзо хранили въ монастыряхъ, какъ величайшую рѣдкость!

Частныя войны, постыдныя ссоры и драки, прикрываемыя символомъ «чести», или «местью» за оскорбленіе, или просто стяжаніемъ всякаго рода, знаменующія эпоху кулачнаго права, старались прекратить заключеніемъ вѣчнаго *земскаго мира*. Такой миръ заключали неоднократно, но только на бумагѣ. Блистательный примѣръ нарушенія земскаго мира представляетъ герцогъ Ульрихъ Виртембергскій, который, за убійство одного своего слуги, напалъ на городъ Реутлингенъ [15]).

---

[15]) *Шпилевскій*, стр. 177.—Земскій миръ утверждался на извѣстный періодъ времени, обязывая договорившіяся стороны противодѣйствовать всякому наси-

Напрасно писались цѣлые фоліанты *полицейскихъ уставовъ*. Ихъ просто не читали.

Между тѣмъ въ XVI ст. во Франціи, Германіи и т. п. свободою поединка стали пользоваться явно во вредъ спокойствію, благосостоянію и нравственности. Съ развитіемъ огнестрѣльнаго оружія, рыцарство пошатнулось, рыцарскія игры признаны пустыми, но не безопасными забавами, доказательства посредствомъ судебнаго поединка—дѣломъ нечистымъ, неправеднымъ, противонравственнымъ. Молодые люди всякаго состоянія, искусные фехтовальщики и бойцы (бреттеры), искали повсюду случаевъ для вызова ссоръ и вступали въ постыдныя драки; въ Бранденбургѣ, Саксоніи и другихъ странахъ Германіи эти драки сопровождались безчинствомъ и волновали общество честныхъ людей; на квартирахъ постояльцы притѣсняли и оскорбляли хозяевъ, а въ случаѣ противодѣйствія требовали поединка; въ городахъ и селахъ не была въ безопасности ни одна честная женщина, не давалось прохода ни одной дѣвушкѣ. Повсюду, гдѣ только собиралась толпа буяновъ, слѣдовали безчинства, вносившія въ общественный бытъ раздраженіе, смуту и страхъ. Къ толпѣ буяновъ присоединялись другіе, и нерѣдко приходилъ въ движеніе весь городъ или цѣлая община, происходили бунты. Никакая судебная власть, опираясь на полицейскій уставъ о благочиніи, не могла сладить съ глубоко укоренившимся обычаемъ къ насилію и самоуправству...

Реакція противъ поединковъ.

Въ такомъ положеніи застала западно-европейское общество реформація, и она оказала, несомнѣнно, спасительное, отрезвляющее вліяніе. Передовые умы, озаренные свѣтомъ Евангелія, стали тре-

лію и самоуправству и обязывая обращаться къ суду. — Большею частью его заключали на 4 года. Максимиліану I удалось заключить *вѣчный* миръ на имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ въ 1495 г. — Рѣшено было отказаться отъ употребленія оружія въ частныхъ спорахъ. — Но и этотъ миръ не прекратилъ взаимной расправы въ дракахъ и поединкахъ. Вѣчный миръ потвержденъ въ 1521 г. въ Вормсѣ, въ 1522 г. въ Нюренбергѣ, въ 1548 г. въ Аугсбургѣ. Рыцарское дворянство продолжало однако рѣшать свои дѣла посредствомъ оружія, не обращая вниманія на судей, пока не усилилось господство центральной государственной власти.

бовать запрещенія поединковъ, какъ обычая варварскаго, противнаго христіанской вѣрѣ, обычая противоестественнаго, нарушающаго человѣческое и народное право. Допущеніемъ поединковъ, ихъ разрѣшеніемъ, писали комментаторы, наносится оскорбленіе самому Богу; примѣры исторіи и ежечасные случаи показываютъ, что на поединкахъ чаще всего погибаютъ невинные; преступники и злодѣи, оставаясь побѣдителями, торжествуютъ; при чемъ тутъ правосудіе, къ которому стремятся защитники поединка! [16])

Одни требовали ограниченія поединковъ, допуская примѣненіе ихъ въ случаяхъ исключительной важности, какъ установлено было императоромъ Фридрихомъ II, а именно: 1) въ *преступленіяхъ противъ величества*—Crimen laesae majestatis; 2) *за нанесеніе смертельнаго удара* и 3) *противъ завѣдомаго чародѣйства и колдовства.*

Другіе, признавая за поединкомъ специфическое средство для возстановленія запятнанной чести обиженнаго, допускали единственно поединки чести (duellum honoris—quod honoris defendendi causa suscipitur). Отвергая поединокъ въ принципѣ, защитники *поединка чести* полагали нужнымъ сохранить этотъ старый обычай расправы единственно только для высшаго сословія и только въ тѣхъ случаяхъ, когда знатный человѣкъ оскорбленъ себѣ равнымъ, между тѣмъ для рѣшенія дѣла нѣтъ подъ рукою судьи, или когда обидчикъ не *желаетъ* прибѣгать къ суду [17]).

Напротивъ, рѣшительное большинство просвѣщеннѣйшихъ юристовъ [18]) требовали безусловнаго воспрещенія *поединка*, какъ дѣла нечестиваго, не имѣющаго ничего общаго съ правосудіемъ. Всѣ тяжбы и гражданскіе иски и всякаго рода личные споры и взаимныя неудовольствія должны быть разрѣшаемы посредствомъ суда, или начальства, къ тому уполномоченнаго верховною властью. Поединокъ въ наше время, писалъ Гойеръ (во второй половинѣ

---

[16]) C. I. M., изд. 1674, стр. 394.—*Комментаріи Гойера* «Oldrad. consil., 191, п. 2. Damhouder in pr. crim. c. 42. Henr. Bocer. lib. 2, de duell, c. 2.

[17]) C. I. M. изд. 1674, стр. 394. Ком. Гейера. Alciat.

[18]) Карпцовъ, Моллеръ, Пингицеръ, Обрехтъ, Петръ Паппи, Шварценъ, Гойеръ и другіе. См. комментаріи на Голландскій, Бранденбургскій и Имперскій военные артикулы, а равно ссылки Шварцена въ C. I. M. изд. 1674 и 1709 г. и C. I. M. Nov., изд. 1724 г.

XVII в.), еще въ такомъ употребленіи, что дворъ нашъ (бранденбургскій) въ нѣсколько лѣтъ лишился многихъ храбрыхъ кавалеровъ. Поэтому нельзя не назвать безразсуднымъ распространенное (въ извѣстной сферѣ) мнѣніе, которое, очевидно, обязано своимъ происхожденіемъ самому діаволу: «когда придворный кавалеръ или воинъ по своему понятію находитъ въ другомъ что-либо дурное или для него непріятное, то непремѣнно долженъ обидѣть его словомъ или дѣйствіемъ, а затѣмъ нанесенное личное оскорбленіе можетъ быть, по мнѣнію кавалера, искуплено только мечомъ или пулею, т.-е. смыто кровію; въ противномъ случаѣ получившій оскорбленіе недостоинъ находиться въ компаніи честныхъ людей, а честному кавалеру или воину (vel ut hodie titillaria amant) неприлично пить съ обезчещеннымъ изъ одной чаши [19]).

Ограниченіе и безусловное запрещеніе поединковъ. — Обзоръ военно-юридическихъ памятниковъ конца XVII и начала XVIII столѣтій.

Реакція противъ поединковъ, развиваясь съ конца XVI вѣка, достигла крайняго напряженія вскорѣ послѣ заключенія Вестфальскаго мира. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVII в. государственная власть, окрѣпшая въ своихъ основахъ, не замедлила воспользоваться общественнымъ настроеніемъ *для безусловнаго запрещенія поединка, какъ дѣянія противнаго христіанской вѣрѣ и обычая варварскаго, остатка грубаго невѣжества.*

Въ дополненіе, или въ отмѣну полицейскихъ уставовъ XV и XVI ст. появились грозные указы-эдикты, патенты, мандаты съ изложеніемъ правилъ относительно порядка разбора въ с у д а х ъ дѣлъ по личнымъ обидамъ и оскорбленіямъ и съ опредѣленіемъ возмездія за нанесенное безчестіе словами, на письмѣ, въ печати, дѣйствіемъ и вообще за всякаго рода самовольную расправу. Нарушителямъ этихъ правилъ указы грозятъ суровымъ наказаніемъ. Поединки облагаются смертною казнію, наравнѣ съ государственными преступленіями—измѣною и бунтомъ, виновные подвергаются лишенію чести и конфискаціи имущества и т. п.

Прежде оцѣнки юридическаго значенія эдиктовъ, патентовъ,

---

[19]) С. I. М. изд. 1674, стр. 393, 394. Brandenb. Kr. Recht, comment.

мандатовъ о поединкахъ, дракахъ и ссорахъ, какъ законовъ обще-государственныхъ, имѣвшихъ своимъ объектомъ преимущественно высшее сословіе—дворянство и вымиравшее рыцарство, обратимъ вниманіе на болѣе или менѣе общія мѣры противъ поединковъ и дракъ, какъ дѣяній безусловно преступныхъ въ военномъ быту всѣхъ народовъ, съ конца XVI столѣтія.

Понятія о взаимныхъ отношеніяхъ воинскихъ людей другъ къ другу вообще и о вознагражденіи за обиду словомъ, дѣйствіемъ, на письмѣ, жестомъ, за клевету и всякаго рода безчестье, уясняясь по мѣрѣ распаденія средневѣковыхъ началъ общественнаго строя, ранѣе всего получили опредѣленное истолкованіе въ военныхъ законахъ и притомъ одновременно съ учрежденіемъ регулярныхъ войскъ. Въ ордоннансахъ и военныхъ артикулахъ съ конца XVI вѣка вводились правила и наставленія о взаимной любви и добрыхъ отношеніяхъ воинскихъ людей между собою, равно какъ и наказанія, болѣе или менѣе строгія, за нарушеніе постановленій въ военныхъ законахъ о дракахъ, бояхъ и поединкахъ.

Офицерамъ и солдатамъ предписывалось почитать и любить другъ друга, подобно роднымъ братьямъ, и избѣгать ссоръ и дракъ. «Стыдно людямъ, носящимъ оружіе, поступать такъ, какъ поступаютъ между собою мальчишки. Стыдно воину, носящему оружіе поднимать руку на своего товарища, бить его, давать ему пощечины». «Честному человѣку пощечина наноситъ вреда гораздо болѣе, нежели причиненная ему рана» (Petri Bellus. De re milit. part. 111, tit. 2, n. 39).—Въ подобномъ случаѣ виновный подвергался наказанію *равнаго возмездія* (ex lege Talionis), притомъ публично, передъ строемъ солдатъ, и послѣ отдачи ему пощечины изгонялся вонъ изъ роты [20]).

Солдатъ, обиженный кѣмъ-бы то ни было, долженъ былъ приносить жалобу своему непосредственному начальнику (офицеру, капитану, полковнику), и всѣ дѣла о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ—ссоры, драки, поединки, разбирались въ военномъ судѣ, или же начальникомъ, по распоряженію котораго наряжался судъ изъ офицеровъ.

---

[20]) C. I. M., изд. 1764, стр. 639. Holländ. Kr. R. art. 34. Комментарій Петра Паппи. Codex Henrici, I. 20, tit. 38, I. 23. Dänisch. Ar. Br. art. 38.

Комментаторы нѣмецкихъ (имперскихъ) артикуловъ, основываясь на Каролинѣ и сочиненіяхъ извѣстнѣйшихъ юристовъ того времени (Берлиха, Фаринація, Карпцова, Моллера, Блюмляхера), старались теоретически разъяснить понятіе о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ и опредѣлить порядокъ обжалованія, подсудность сторонъ и примѣненіе опредѣленныхъ наказаній.

Обида бываетъ троякая: словомъ—verbis, или на письмѣ—scriptis, дѣйствіемъ—re et facto и жестомъ—gestibus.

Обида словомъ можетъ быть *легкая* и *тяжкая*. Первая состоитъ въ произнесеніи бранныхъ или ругательныхъ словъ, послѣдняя—въ произнесеніи словъ поносительныхъ, позорящихъ честь и доброе имя. Криминалисты различали обиду неосторожную или неумышленную и обиду преднамѣренную, заранѣе обдуманную. Въ послѣднемъ случаѣ наказаніе усиливается.

Обида легкая влекла за собою простое объясненіе и извиненіе, такъ-называемое сознаніе своей вины, иногда арестъ; обида тяжкая, по требованію обиженнаго, влекла за собою *вызовъ* обидчика къ суду, который опредѣлялъ наказаніе *тюрьмою*, или *денежнымъ штрафомъ*. Въ случаѣ неявки въ судъ, обидчикъ могъ быть подвергнутъ *тюремному заключенію* съ содержаніемъ *на хлѣбѣ* и *водѣ* и затѣмъ *изгнанію* съ мѣста своего жительства, временному, или вѣчному, что соотвѣтствуетъ постановленію старыхъ законовъ о *лишеніи мира*. Неявка въ судъ по вторичному вызову—Wiederruf—считалась оскорбленіемъ суда и потому облагалась *изгнаніемъ*, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, соединеннымъ съ лишеніемъ чести, временно или навсегда, по опредѣленію высшей власти. За оскорбленіе высшихъ чиновниковъ опредѣлялось *изгнаніе на 2, 3 и 4 года*; за оскорбленіе герцога, по саксонскому праву,—*вѣчное изгнаніе*, замѣнявшее смертную казнь *(Карпцовъ)*. Обида, нанесенная въ горячности, какъ оскорбленіе необдуманное, какъ обида непреднамѣренная, случайная, могла ограничиться христіанскимъ извиненіемъ и признаніемъ своей вины, но, по требованію обиженнаго, судья опредѣлялъ наказаніе по своему усмотрѣнію—*денежнымъ штрафомъ или же заключеніемъ*. (R. A. zu Augsburg de an. 1656, § 108, incip. causas injuriarum). Извиненіе, изложенное въ опредѣленной формѣ, сопровождалось унизительною церемоніей; христіанское извиненіе приносилось на

колѣняхъ [21]). Если же обида словомъ учинена въ замкѣ или резиденціи короля, въ храмѣ, въ судѣ и вообще въ публичномъ мѣстѣ, то срокъ заключенія увеличивался, и въ извѣстныхъ случаяхъ обидчикъ лишался правой руки.

Обида на письмѣ (scriptis) ругательными или бранными словами, напримѣръ, у нѣмцевъ: Blinden Hund, Merodi Bruder, Huren Sohn, у французовъ: Sot, Lâche, Traître,—наравнѣ съ тяжкою обидою словомъ, облагалась *тюрьмою*. Иначе разсматривалась тяжкая обида на письмѣ, извѣстная подъ именемъ **пасквиля**—famosis-libellis.

Подъ пасквилемъ понималось не только письмо съ изложеніемъ обстоятельствъ, позорящихъ честь другого (поносительное письмо), но также каррикатура, осмѣивающее изображеніе, пущенное въ публичное обращеніе какимъ бы то ни было способомъ.

Пасквилянтъ, или диффаматоръ, согласно уложенію Карла V (art 110), подвергался тому наказанію, какое опредѣлено за преступленіе, въ которомъ онъ обвиняетъ другаго, будетъ ли это обвиненіе справедливымъ или ложнымъ; такъ, за обвиненіе кого-либо въ воровствѣ или убійствѣ, пасквилянтъ долженъ быть наказанъ какъ воръ или убійца [22]).

Наравнѣ съ пасквилянтомъ наказывались и его пособники, кто переписывалъ, прибивалъ на улицѣ или подносилъ ругательное письмо, кто его доставилъ, кто давалъ пасквилянту совѣтъ словомъ или дѣломъ. Карпцовъ находилъ справедливымъ пособниковъ наказывать легче чѣмъ, физическихъ виновниковъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла и значенію лица (Carpzow d. p. 2, q. 98). Пасквилянтъ не могъ быть освобожденъ отъ наказанія и въ томъ случаѣ, когда по суду оказывалось, что опозоренный имъ, дѣйствительно совершилъ вмѣняемое ему преступленіе; онъ подлежалъ

---

[21]) Форма для извинительнаго письма приложена въ текстѣ уставовъ о поединкахъ и ссорахъ въ Cor., Jur. Mil Nov., I, стр. 295.—«Такой то симъ даетъ знать NN, что я нечаянно нанесъ Вамъ такую-то обиду. Прошу Васъ извинить и великодушно простить меня за содѣянное, за что я буду благодаренъ, и т...»

[22]) C. I. M. Nov., стр. 69.—Ferd III und Leop. I Art. Br.—Комментаріи *Levit.* 19, l. ulf. de calomniator. *Petr. Heig.* p. 2, q. 31, n. 46. *Carpzow*. Pr. crim. p. 2, q. 98, n. 14 et. seqq.

наказанію за то, что употребилъ неприличную форму для обвиненія и что своевременно не донесъ о совершеніи его кому слѣдуетъ. Въ такомъ случаѣ на пасквилянта судъ налагалъ произвольное наказаніе—poena arbitraria, *ссылку* (изгнаніе) или же, смотря по состоянію, наказаніе розгами, *палками* (mit Rothen) [23]).

Обида *дѣйствіемъ* можетъ быть также *легкою и тяжкою.* Къ легкимъ обидамъ отнесены нанесеніе удара безъ причиненія вреда здоровью, чѣмъ бы то ни было: пощечина, выдергиваніе клочка волосъ на головѣ и бородѣ, разбитіе до крови зубовъ или носа (если не послѣдовало кровотеченія) и вообще всякаго рода удары безъ разсѣченія покрововъ и кровоизліянія; потерпѣвшій могъ жаловаться въ порядкѣ [24]) гражданскаго или уголовнаго, процесса. Къ тяжкимъ обидамъ дѣйствіемъ отнесены вообще раны, происшедшія отъ холоднаго или огнестрѣльнаго оружія, всѣ увѣчья на лицѣ или на тѣлѣ, отъ чего бы то ни было происшедшія. И тутъ обидчикъ могъ требовать удовлетворенія путемъ уголовнаго или гражданскаго иска: въ первомъ случаѣ онъ, смотря по значенію поврежденія, облагался *наказаніемъ на тѣлѣ* или *вѣчною ссылкою* (изгнаніемъ); въ подобномъ искѣ обидчикъ не обязанъ былъ платить денегъ на лѣченіе Artz-Lohn; во второмъ случаѣ—по жалобѣ потерпѣвшаго, судъ опредѣлялъ обидчику, смотря по важности поврежденія, *временную ссылку* (изгнаніе), *тюрьму*, или же только *денежный штрафъ*, и требовалъ уплаты опредѣленной суммы денегъ *на лѣченіе.*

Обида *жестомъ* (такъ называемая обида символическая) — показаніемъ другому, напримѣръ, языка и вообще какого либо знака, или принятіемъ неприличной позы, какъ и обида словомъ, облагалась *тюрьмою* или *денежнымъ штрафомъ*, съ тою разницею, что искъ за обиду жестомъ, какъ и за обиду дѣйствіемъ, могъ быть возбужденъ въ гражданскомъ или уголовномъ

---

[23]) Сравни съ этими объясненіями Арт. Воин. гл. XVIII—о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ.

[24]) С. I. M. Nov., стр. 67 и 68. — Комментаріи *Bart.* in l. injuriarum de injuriis. *Scheidew* in § fed. et lex cornelia n. 25. Institut. de injur. et alii complures. *Berlich.* p. 5, concl. 61, n. 62.

порядкѣ [25]). Обида считалась погашенною: 1) взаимностью обиды словомъ или на письмѣ, 2) прощеніемъ и 3) давностію. За легкія обиды давность истекала послѣ 52 недѣль, между тѣмъ для тяжкихъ оскорбленій срокъ давности истекалъ по прошествіи лишь 30 лѣтъ [26]). Во французскихъ законахъ прощеніе обиды не считалось обстоятельствомъ къ освобожденію обидчика отъ наказанія.

Эти постановленія общегерманскаго права о *личныхъ оскорбленіяхъ*, переработанныя военными законодателями, вошли въ военные артикулы не ранѣе конца XVII столѣтія, когда утвердились регулярныя національныя войска и когда отдѣльныя сословія должны были подчиниться могуществу единой верховной власти.

Въ войскахъ наемныхъ военные законодатели XVI и XVII в., соображаясь съ духомъ времени, допускали поединокъ или драку съ оружіемъ въ рукахъ *съ разрѣшенія начальниковъ*, и во всякомъ случаѣ, *не при отправленіи караульной службы* и вообще не въ строю. Поединки не могли имѣть мѣста въ крѣпости и въ лагерѣ. Такія ограниченія мы видимъ въ старо-имперскихъ нѣмецкихъ, датскихъ и голландскихъ военныхъ артикулахъ.

Въ *голландскихъ* в. *артикулахъ,* въ случаѣ оскорбленія словомъ или дѣйствіемъ, солдатъ обязанъ былъ принести жалобу капитану и тотъ, разсмотрѣвъ ее, заставлялъ обидчика извиниться передъ обиженнымъ съ *непокрытой головой въ присутствіи людей караула*, *послѣ того*, *по обстоятельствамъ дѣла*, *обидчикъ лишался оружія и былъ изгоняемъ изъ роты*. По старымъ обычаямъ изгнаніе безъ оружія считалось наказаніемъ равносильнымъ лишенію чести и мира, т.-е. политическою смертью. Если же обида состояла въ нанесеніи удара по щекѣ, то обиженному предоставлялось право отдать таковую обидчику публично передъ

---

[25]) Эти общія теоретическія основанія нѣмецкихъ комментаторовъ (преимущественно саксонскихъ) мы находимъ и во французскихъ регламентахъ объ удовлетвореніи за личныя обиды и возстановленіи чести. Таковъ регламентъ Людовика XIV 1653 года съ дополненіемъ къ нему.

[26]) C. I. M. Nov., I, стр. 70 и 71.—Code Milit. de Louis XIV, стр. 523 и слѣд. Reglement sur diverses satisfactions d'offenses et réparations d'Hon neur.

ротою, и затѣмъ послѣдній послѣ отнятія оружія изгонялся изъ роты. Въ случаѣ ссоры, когда не было свидѣтелей, капитанъ долженъ стараться помирить стороны въ своемъ присутствіи. Если примиренія не состоялось, то оба или же только тотъ, который не желалъ мириться, лишались оружія и изгонялись изъ роты. Поединки или драки *допускались съ разрѣшенія начальника;* но начальникъ не могъ разрѣшить драку въ день отправленія караульной службы, или послѣ смѣны съ караула. Солдатъ, вызвавшій на поединокъ другого безъ разрѣшенія командующаго квартирами, наказывался *лишеніемъ жизни.* Точно также наказывался лишеніемъ жизни безъ суда (ohne Gnade) капралъ или другой начальникъ караула за допущеніе отлучки съ караула двухъ солдатъ для драки между собою [27].

Петръ Паппій, со скорбію говоритъ о дурныхъ качествахъ наемниковъ. По его мнѣнію, только посредствомъ строгихъ взысканій съ начальника за попустительство солдатъ къ дракѣ, которая чаще всего происходила отъ распутства, можно было ограничить частыя смертоубійства въ дракахъ. Тамъ, гдѣ на первомъ планѣ дисциплина (говоритъ онъ), нужно прежде всего думать о ней, и начальникъ караула, по долгу своей обязанности, отвѣчаетъ за всякое зло, которое происходитъ въ караулѣ подъ его командою. Устраненіе зла прямо отъ него зависитъ, и если оно допущено на службѣ, то начальникъ караула виновенъ наравнѣ съ содѣявшимъ согласно римской поговоркѣ: Militum peccata jure centurio luat. Точно также слѣдуетъ взыскивать съ капитана за всякую провинность его солдатъ.

Эти идеи, какъ увидимъ, примѣнилъ въ своемъ военно-уголовномъ кодексѣ Густавъ-Адольфъ, а за нимъ, мало-по-малу, утвердилось въ военномъ быту всей Европѣ привлеченіе начальниковъ къ отвѣтственности за попустительство и недостатокъ надзора за подчиненными. Слабѣе всего эти идеи привились къ имперскому нѣмецкому праву, да и бранденбургскіе в.-уголовные законы не считали нужнымъ обуздать произвольную власть своихъ капитановъ и полковниковъ.

---

[27]) С. I. М., изд. 1674 и 1709 г. Hollad. Kr. R., art. 31, 42, 43, 44, 45. Комментарій Петра Паппія.

Слѣдуетъ запрещать солдатамъ, подъ страхомъ смерти, вступать въ драки, безъ разрѣшенія начальниковъ; по мнѣнію Петра Паппія, этой спасительною мѣрою предупреждались бы многія драки, которыя легко приводятъ къ безпорядку и даже бунту: «пока испрашивается разрѣшеніе начальника, проходитъ горячка темперамента, начальникъ можетъ и не согласиться разрѣшить драку, охотно предпочтя для прекращенія спора и устраненія раздора другія средства». По замѣчанію маркграфа Пескіерскаго «*люди, склонные начинать споръ и лѣзть въ драку, или имѣютъ слишкомъ мало разсудка, или похожи на безсловесныхъ животныхъ*». И дѣйствительно когда дѣло дойдетъ до суда, то трудно найти разницу между вызывающимъ на поединокъ и принимающимъ вызовъ: одинъ грѣшитъ первымъ, другой вторымъ. Солдатамъ должно внушать, что они, по долгу присяги, не могутъ свободно распоряжаться собою; получая жалованье, они обязаны исполнять приказанія и предписанія того, кто имъ платитъ». Изъ замѣчаній Паппія можно заключить, что въ половинѣ XVII ст. «судебный поединокъ» въ войскахъ еще не отжилъ своего времени, но примѣненіе его во всякомъ случаѣ ограничивалось все болѣе и болѣе.

Несмотря на суровость законовъ, воспрещавшихъ поединки и драки безъ *особаго разрѣшенія начальниковъ*, наемники, которымъ какъ уже намъ извѣстно, неисправно выдавали содержаніе, состоя изъ людей разныхъ націй, служившіе сегодня одному, завтра другому, не склонны были подчиняться наставленіямъ артикуловъ и приказамъ своихъ командировъ, и болѣе надѣялись на свой собственный мечъ, чѣмъ на справедливость рѣшенія начальника.

Старо-датскіе военные законы къ преступленіямъ противъ чести и вообще къ личнымъ обидамъ въ войскамъ относились довольно снисходительно. Легкія обиды словомъ въ датскихъ в. артикулахъ облагались дисциплинарными взысканіями: *арестомъ въ желѣзахъ, или арестомъ на хлѣбѣ и водѣ;* но за произнесеніе бранныхъ ругательныхъ словъ, насмѣшки, угрозы, позорящія честь слова, за удары и другія насилія виновные, по требованію начальника гарнизона или мѣстъ квартированія войскъ, *привлекались къ военному суду* (Officirer Rath) и подвергались наказанію *по обстоятельствамъ дѣла;* только въ болѣе важныхъ случаяхъ,

за тяжкія оскорбленія, соединенныя съ насиліемъ, опредѣлялось *изгнаніе безъ паспорта, безъ разсчета* и безъ *оружія* (ohne Rest, Pass, Gewehr).

Изгнаніе *безъ паспорта* наемника не причиняло чувствительнаго ему вреда; наемниковъ въ началѣ XVII ст. вездѣ охотно вербовали. Совершенно другое значеніе имѣло изгнаніе изъ государства собственныхъ подданныхъ; поэтому въ національной милиціи изгнаніе замѣнено *ссылкою на галеры или на крѣпостныя работы*. Съ разрѣшенія начальника или заступающаго его мѣсто, для возстановленія чести, въ Даніи допускались поединки *внѣ лагеря или гарнизона и не тотчасъ послѣ смѣны съ караула*. Драться можно было только на шпагахъ, можно было наносить удары, рубить, но отнюдь не колоть, при чемъ подъ *страхомъ наказанія* не позволялись наносить болѣе одного удара: man soll sie auch nicht mehr dann einmal zusammen lassen.

Поссорившихся солдатъ, пѣшихъ и конныхъ, должно стараться помирить, въ противномъ случаѣ рѣшеніе спора слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію суда. За вызовъ безъ разрѣшенія начальства съ цѣлью драться на шпагахъ, виновный считается безправнымъ (gantzen Recht verbrochen) и подвергается *аресту у профоса*, а на походѣ обязанъ *идти при его тѣлѣ закованнымъ въ желѣзахъ въ теченіе трехъ дней*, *съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ*. За вторичный вызовъ (на поединокъ) опредѣлено то же наказаніе *въ теченіе четырехъ дней и съ уменьшеніемъ оклада жалованья*. Такому-же наказанію подвергается офицеръ, командующій карауломъ, а равно тотъ, кто допустилъ вызовъ, и тотъ, кто принялъ вызовъ. Кто причинитъ рану палкою и камнемъ, или ударитъ рапирою въ пахъ, тотъ *лишается имущества и подвергается изгнанію безъ паспорта*. Кто нанесетъ рану ножомъ, тотъ *лишается руки и имущества и изгоняется безъ паспорта*. Кто ударитъ другого по щекѣ, тотъ въ присутствіи роты *получаетъ отъ обиженнаго пощечину и изгоняется безъ паспорта*.

Въ теченіе XVII, съ увеличеніемъ національныхъ войскъ, наказанія за личныя оскорбленія въ Даніи, какъ и повсюду въ войскахъ, усилены: изгнаніе безъ паспорта замѣнено *смертною казнью*, или *ссылкою на галеры*, или же *работою въ крѣпостяхъ*; для нижнихъ чиновъ тюрьма во многихъ случаяхъ замѣнена *шпицрутенами*; за нанесеніе раны ножомъ, вмѣсто лишенія руки, опредѣлено *прободеніе насквозь ладони* и *прорваніе ея до перстовъ*; поединокъ совершившійся облагается *смертною казнью*; умножены случаи

конфискаціи имущества (сравни датскій воен. арт. 1626 г. съ таковымъ же Христіана V въ 1683 году [28]).

Шведскіе военные законы относились къ поединкамъ иначе, чѣмъ старо германскіе законы, существенно отличавшіеся отъ духа шведскихъ в. законовъ, не допускавшихъ позорныхъ наказаній и вообще наказаній, унижающихъ честь и достоинство воинскаго званія.

Но реформы Густава-Адольфа въ военно-уголовномъ законодательствѣ, благодаря которымъ онъ поднялъ значеніе солдата своей арміи, не были оцѣнены современниками. Шведскіе солдаты безгранично любили своего короля — героя и подчинялись безпрекословно его волѣ.

Въ теченіе 30-лѣтней войны въ шведскихъ войскахъ Густавъ Адольфъ призналъ нужнымъ подъ страхомъ смерти воспретить поединки въ лагеряхъ, городахъ и крѣпостяхъ. Опредѣливъ за состоявшуюся дуэль *смертную казнь*, онъ подвергалъ разжалованію офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ рядовые, за непринятіе надлежащихъ мѣръ къ воспрепятствованію поединка. Передатчики вызова и секунданты по шведскимъ законамъ подвергались разжалованію. Въ арміи-Густава Адольфа дѣла о поединкахъ рѣшались въ полковомъ судѣ; если дѣло не дошло до поединка, то наказанія опредѣлялись, смотря по обстоятельствамъ. Такъ какъ въ дѣлахъ чести никакой законъ не можетъ предусмотрѣть обстоятельствъ, которыя могутъ привести къ поединку, поэтому разборъ дѣлъ о поединкахъ въ шведской арміи возложенъ былъ на *генеральный военный судъ*, который состоялъ изъ опытныхъ и заслуживающихъ довѣрія начальниковъ. Лица, составлявшія судъ чести шведской арміи, находились во главѣ ея и могли знать, что̀ именно нужно для под. держанія порядка и чѣмъ должно руководствоваться въ дѣлахъ чести. Дѣйствительно, понятія о чести въ разное время, въ различномъ состояніи людей и у различныхъ народовъ не одни и тѣ же; къ вопросу чести часто примѣшивается личная ненависть, месть, вся-

---

[28]) C. I. M. изд. 1674, стр. 233—235. Kön. zu Dann. Kr. Art. Br., art. 32—38.—Спустя полстолѣтія въ 1683 г., при Христіанѣ V, появилась новая редакція датскихъ военныхъ артикуловъ, въ которыхъ наказанія за личную обиду и вообще за преступленія противъ чести усилены и поединки безусловно воспрещены подъ угрозою смерти. C. I. M. Nov., изд. 1724 г.—Эти датскіе в артикулы, какъ ниже увидимъ, вошли въ русское военное уложеніе 1702 г.

каго рода счеты и мелочныя притязанія. Когда разрѣшеніе щекотливыхъ вопросовъ о дѣлахъ чести ввѣряется коллективному сужденію высшихъ начальниковъ, то каждый чинъ арміи охотно подчиняется приговору такого компетентнаго органа и его опредѣленія почитаетъ нормою, которой охотно готовъ подчиняться. Въ приговорахъ своихъ шведскій генеральный судъ чести руководствовался не столько буквою закона, сколько потребностями и обстоятельствами времени, и его рѣшенія могли служить руководящимъ правиломъ для шведскихъ войскъ на будущее время. Впрочемъ, въ шведской арміи при Густавѣ-Адольфѣ, по словамъ ученаго Фриццiуса, поединки были явленіемъ весьма рѣдкимъ [29]).

Воспрещая поединки въ крѣпостяхъ, лагеряхъ и вообще на походѣ, а равно въ предѣлахъ своего государства, Густавъ-Адольфъ допускалъ ихъ необходимость при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

У Фриццiуса приведенъ такой случай. Шотландскій полковникъ Светонъ (Seaton) сдѣлалъ однажды на ученьи крупную ошибку, за что получилъ выговоръ отъ короля. Светонъ началъ извиняться и оправдываться съ такимъ жаромъ, что его объясненія приняли характеръ оживленнаго спора; король по своей горячности не выдержалъ и далъ ему пощечину передъ фронтомъ. Светонъ очевидно, не могъ требовать удовлетворенія отъ короля за нанесенное ему безчестіе; онъ просилъ объ отставкѣ, и въ тотъ-же вечеръ отправился къ датской границѣ. Густафъ-Адольфъ, опомнившись, взялъ двухъ провожатыхъ и поскакалъ за нимъ. Онъ нагналъ Светона по ту сторону границы. «Г. полковникъ», сказалъ онъ, «я поступилъ съ вами несправедливо и, кромѣ того, васъ обидѣлъ, это мнѣ очень больно, ибо я нахожу васъ честнымъ человѣкомъ, поэтому я сюда и явился, чтобъ дать вамъ удовлетвореніе. Здѣсь за шведскою границей Густавъ-Адольфъ и Светонъ равны. Выбирайте—вотъ два пистолета или двѣ сабли и можете со мною драться, если угодно». Светонъ, бросился къ ногамъ короля и просилъ у него разрѣшенія жить и умереть на службѣ у такого короля. Густавъ-Адольфъ обнялъ его; они вернулись вмѣстѣ въ лагерь, гдѣ король въ присутствіи многихъ сказалъ, какое именно Светонъ получилъ отъ него удовлетвореніе, [25]).

---

[29]) Kön. Maj. zu Schweden Kr. Art. Br. *Titul XIV*; Von Meuterey und Balgen, oder Rauffen, art. 67 и 68. Комментаріи и цитаты Матвія Шварцена, въ которыхъ ученый генералъ-аудиторъ шведской арміи отсылаетъ читателя къ другимъ законодательнымъ памятникамъ. *Dr. Friccius.* Geschichte des deutschen Kriegs-Recht, 1848 г., стр. 119—121.—Ученый прусскій генералъ-аудиторъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ законамъ о поединкахъ Густава-Адольфа.

[30]) Friccius, стр. 77.

Шведскіе военно-уголовные законы, какъ извѣстно, были усвоены Бранденбургомъ, Даніей и другими протестантскими государствами и въ значительной степени повліяли на Германію, отчасти и на Францію, Но ненадолго. Террористическій духъ уголовныхъ ордоннансовъ Людовика XIV до такой степени сильно проникъ въ военное законодательство всей Европы, что свѣтлые проблески военнаго кодекса Густава-Адольфа, избѣгавшаго примѣнять въ войскахъ квалифицированную смертную казнь и позорящія наказанія (кромѣ измѣны) были затуманены даже въ самой Швеціи; «военный судъ чести» Густава-Адольфа не только не получилъ дальнѣйшаго развитія въ Швеціи, но скоро былъ забытъ. Затѣмъ, въ шведской арміи, какъ и повсюду, куда только проникли идеи французской системы наказаній (Бранденбургъ, Имперія, Данія) поединки, драки и вообще личныя обиды преслѣдовались съ тою же неумѣренною суровостью, скажемъ—мстительною жестокостью, съ какою они преслѣдовались во Франціи при Людовикѣ XIV [31]). Единственнымъ исключеніемъ была Голландія, гдѣ Вильгельму Оранскому (будущему королю Англіи) удалось вырвать преступленія, относящіяся къ личнымъ обидамъ, и вообще преступленія менѣе важныя, изъ подсудности инквизиціонныхъ гарнизонныхъ судовъ и организовать въ полкахъ *дисциплинарные* суды за маловажныя преступленія.

Неотразимое вліяніе знаменитаго генеральнаго регламента о поединкахъ Людовика XIV, 1679 года [32]) на военные законы всей Европы заставляетъ насъ остановиться на этомъ вижномъ историко-юридическомъ памятникѣ. Не только по формѣ, но и по содержанію французскій регламентъ о поединкахъ служилъ образцомъ для подобнаго же рода указовъ въ арміяхъ всѣхъ государствъ, современныхъ Людовику XIV.

Предшественники Людовика XIV, особенно Людовикъ XIII и его министры-кардиналы Ришелье и Мазарини, стремились положить конецъ насиліямъ и самоуправству высшихъ сословій; съ

---

[31]) C. I. M. Nov., II Caroli XI Kr. Art. Br. Titul. XIV., s. 389. — Placat von Duellen, im Iahr 1682, s. 433. Эти законы вмѣстѣ съ датскими служили матеріаломъ для гл. XVII Арт. Воин. Петра Великаго.

[32]) Code Mil. de Louis XIV, 1709, стр. 461 — 523. Reglements général sur les Duels, donné à S.-Germain en Laye au mois d'Aaust, 1679.

этою цѣлью они требовали, подъ угрозою жестокой кары, прекращенія поединковъ и частныхъ боевъ, смущавшихъ и волновавшихъ общество. Но гордое французское рыцарство, разнузданное въ усобицахъ XVI ст., въ дѣлахъ чести не хотѣло подчиняться королевскимъ судамъ. Въ 1651—53 г. особый совѣтъ составилъ *постановленіе противъ поединковъ и правила о различныхъ способахъ удовлетворенія обидъ и возстановленія чести* [33]). Но во Франціи *суды чести* имѣли характеръ чисто полицейскихъ учрежденій. Спустя двадцать пять лѣтъ, Людовикъ XIV поручилъ своему совѣту, сообразивъ прежніе эдикты и правила относительно поединковъ, дракъ и личныхъ обидъ, составить новыя правила «о поединкахъ и частныхъ бояхъ» въ надеждѣ, что посредствомъ суровыхъ наказаній за нарушеніе законовъ, «столь справедливыхъ и необходимыхъ для сохраненія французскаго дворянства» (si justes et si necessaires pour la conservation de nôtre Noblesse), королю удастся во время своего управленія Франціей искоренить «постыдное» преступленіе, съ которымъ такъ безплодно боролись его предшественники» [34]). Королевская «милость» къ французскому дворянству Людовика XIV, въ регламентѣ 1679 г., выразилась тѣмъ, что въ 36 статьяхъ съ мельчайшею подробностью изложены административныя и полицейскія распоряженія для преслѣдованія не только самихъ дуэлянтовъ и ихъ пособниковъ—секундантовъ, тіерсовъ (Tiers), но и такъ или иначе прикосновенныхъ къ поединку, въ самомъ его зародышѣ, и опредѣляются въ высшей степени строгія уголовныя наказанія въ соединеніи съ конфискаціей движимаго и недвижимаго имущества, опозореніемъ честнаго имени и лишеніемъ христіанскаго погребенія. Такова была воля французскаго монарха: «Car c'est nôtre plaisir», сказано въ заключительныхъ строкахъ регламента, даннаго въ с. Жерменѣ въ августѣ мѣсяцѣ

---

[33]) *Ibid*,, стр. 523—551. Edit de sa Majesté enregistré au Parlement le 7 de Septembre 1651 et Reglements sur diverses satisfactions d'offenses et réparations d'Honneur, fait à Paris, le 22 d'Août 1653. Подписали регламентъ 1653 г. маршалы: д'Эстре, де-Граммонъ, Ля-Моттъ, Л'Опиталь, Плесси-Прасленъ, Виллероа, де-Грансей, де-Клерембо и Килле.

[34]) *Ibid.*, стр. 462: «Nous sommes bien résolus de cultiver avec soin une grace si particuliere, qui nous donne lieu d'esperer de pouvoir parvenir pendant nôtre Regne à l'abolition de ce crime, après avoir été inutilement tenté par les Rois nos Prédecesseurs».

1679 г., подписаннаго королемъ Людовикомъ и Кольберомъ, скрѣпленнаго Ле-Телье и внесеннаго въ парламентъ для исполненія 1-го сентября. Администрація французской монархіи должна была употребить свое искусство и развить всю свою энергію для преслѣдованія поединковъ во всѣхъ направленіяхъ; чиновникамъ, виновнымъ въ недонесеніи, въ попустительствѣ, въ упущеніи, регламентъ грозилъ смѣщеніемъ съ должности, отставленіемъ отъ службы, а иногда и лишеніемъ жизни. Въ этомъ законѣ, назначенномъ для «сохраненія дворянства», предписывается рядъ дѣйствій, совершенно противоположныхъ обѣщанной милости; рѣдкій уголовный законъ обнаруживаетъ такую жестокость и мстительность нарушителямъ предписаннаго, какъ французскій регламентъ 1679 года. Не только самъ нарушитель закона, но и потомки его обрекаются на гибель и разореніе! Во всѣхъ строкахъ законодательнаго памятника Людовика XIV пробивается страстная суровость, соединенная съ презрѣніемъ къ человѣчеству, и предлагаемыя для руководства и исполненія статьи, подобно ядовитымъ пилюлямъ, облекаются въ красивую, какъ-бы раздушенную оболочку. Убивая могущественныхъ дворянъ, законъ 1679 г. развращалъ администрацію и развивалъ въ ней инстинкты къ наживѣ посредствомъ разграбленія чужаго имущества!.. Плоды такой политики были въ высшей степени пагубны для французской монархіи...

Представимъ вкратцѣ содержаніе этого интереснаго и важнаго въ исторіи юридическаго памятника конца XVII столѣтія.

Art. 1. Даетъ совѣтъ жить всѣмъ между собою въ мирѣ, дружбѣ и согласіи, почитать всякаго, согласно его званію и чину, содѣйствовать другъ другу къ прекращенію ссоръ и споровъ между собою, особенно если раздоръ ведетъ къ дракѣ. Никто не можетъ поступить вопреки правилъ истинной чести и правилъ христіанскихъ, ни нарушивъ законовъ самого Бога, равно какъ и Людовика XIV (sans contrevenir aux Commandements de Dieu aussi bien qu'aux nôtres).

Art. 2. Къ исполненію правилъ регламента привлекаются высшія и низшія военныя, административныя и судебныя власти въ государствѣ и провинціяхъ, равно какъ и представители дворянъ каждаго округа (Baillâges ou Sénéchaussées), о возникающихъ распряхъ, differends между дворянами, военными людьми и другими подданными маршалы Франціи, генералъ-губернаторы провинціи и королевскіе генералъ-лейтенанты получаютъ донесенія отъ подлежащихъ властей въ провинціяхъ, подъ страхомъ *смѣщенія съ должностей и лишенія содержанія за недонесеніе.*

Art. 3. Всѣ свѣдѣнія объ обидахъ и оскорбленіяхъ, о частныхъ бояхъ и поединкахъ, собираемые начальниками провинцій, поступаютъ отъ нихъ черезъ генеральныхъ прокуроровъ въ парламентъ къ канцлеру Франціи Ле-Телье, а черезъ маршаловъ къ самому королю. Всѣ подданные обязываются доносить объ этихъ прискорбныхъ происшествіяхъ королевскому величеству какими-угодно способами «par les voyes que bon leur semblera»; частнымъ людямъ за *донесеніе* о случившихся бояхъ въ провинціи обѣщается награда.

Art. 4. Въ случаѣ возникшаго раздора, маршалъ или начальникъ провинціи приглашаетъ обѣ стороны явиться къ нему для примиренія; ослушники доставляются при содѣйствіи полицейскихъ стражниковъ (des Archers et Gardes).

Art. 5. Означенные въ арт. 4 начальники стараются помирить обиженнаго съ обидчикомъ и, смотря по свойству обиды, которая можетъ быть *тяжкою* (injure atroce), *преднамѣренною* или *случайною* (soit de dessein premedité, ou de gayeté de cœur), обиженный получаетъ вознагражденіе за *безчестье* (Réparation d'offense) по опредѣленію маршаловъ Франціи, королевскаго суда или начальниковъ провинціи (т.-е. судей чести) [35].

Art. 6. Если въ спорѣ сторонъ не только затронута будетъ честь частнаго лица, но и выражено неуваженіе къ королевскимъ законамъ и ордоннансамъ о поединкахъ, то виновные, кромѣ вознагражденія за безчестіе, по приговору судей чести, подвергаются *заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца*, или *изгнанію изъ мѣста жительства на 3 мѣсяца, или денежной пенѣ въ размѣрѣ годовой* или *двухгодичной суммы дохода съ имѣнія*.

Art. 7. Возникающіе между дворянами многіе споры на охотахъ, изъ-за мѣстъ и почета въ дѣлахъ церкви, или изъ-за мѣстъ и почета въ дѣлахъ помѣщичьихъ, часто смѣшиваются съ дѣлами чести, поэтому сторона, недовольная рѣшеніемъ судей чести, можетъ обжаловать дѣло въ парламентѣ.

Art. 8. Въ случаѣ неявки кого-либо по призыву судей чести, въ домъ ослушника назначается экзекуція, ставятся на постой солдаты (или-же ослушникъ заключается въ тюрьму); въ случаѣ сокрытія ослушника, его имѣніе подвергается секвестру, доходы обращаются въ пользу госпиталей и на удовлетвореніе полиціи и суда.

Art. 9, 10. Сдѣлавшій вызовъ на поединокъ подвергается лишенію права на вознагражденіе своей чести, *заключенію въ тюрьму на два года*, *отрѣшенію отъ должности и лишенію доходовъ на три года*; кромѣ того, половина доходовъ съ его имѣнія обращается въ пользу госпиталя. По усмотрѣнію судей наказаніе это можетъ быть усилено. Такому-же наказанію подвергается и

---

[35]) «Juges du Point d'Honneur». Такими судьями были: а) маршалы Франціи, которые могли судить и рѣшать въ высшей инстанціи всѣ дѣла чести и опредѣлять вознагражденія за обиды (tous differens concernant le Point d'honneur et Réparation d'offense) и б) губернаторы или королевскіе генералъ-лейтенанты (code Mil. de Louis XIV, стр. 475).

тотъ, который, принявъ вызовъ, явится на мѣсто поединка, равно и тотъ, кто дѣлаетъ вызовъ за другого.

Art. 11. За вызовъ на поединокъ своего начальника, вообще лица, имѣющаго право на командованіе (частью), или своего благодѣтеля, или опекуна и вообще лица старшаго, наказаніе усиливается (тюрьма на 4 года, отрѣшеніе отъ должности на 4 года и т. п.). А начальникъ, принявшій вызовъ или не донесшій о вызовѣ, подвергается наказанію, опредѣленному за обыкновенный вызовъ (арт. 9).

Art. 12. И такъ какъ виновные въ преступленіи противъ поединка (même par notorieté) лишаются своихъ должностей и исключаются изъ службы (casser et priver entierement de leurs Charges), поэтому всякаго рода противодѣйствіе означенныхъ преступниковъ лицамъ, опредѣленнымъ къ исполненію такихъ распоряженій, непосредственно, или посредствомъ другихъ, облагается *тюрьмою на 6 лѣтъ и денежнымъ штрафамъ въ размѣрѣ 6-лѣтнихъ доходовъ.* Наравнѣ съ виновными наказываются ихъ пособники (ceux desquels ils seront servis). Такому-же наказанію, т.-е. разжалованію, тюрьмѣ и денежному штрафу, подвергаются виновные во вторичномъ вызовѣ, равно какъ и передатчики вызова, хотя-бы дѣло не дошло до боя.

Art. 13. Въ случаѣ состоявшагося поединка, вызывающій и вызыватель подвергаются *лишенію жизни и конфискаціи движимаго* и *недвижимаго всего имущества*, одна треть котораго обращается на содержаніе больницъ, а двѣ трети на судебныя издержки и на пожизненное содержаніе вдовъ и дѣтей казненныхъ. Для отысканія имущества приговоренныхъ дуэлянтовъ опредѣляется 20-ти-лѣтній срокъ. «Мы желаемъ и повелѣваемъ (сказано въ текстѣ) *вести уголовный процессъ противъ памяти умершихъ, какъ противъ преступниковъ Божескаго и человѣческаго величества* (leze Majesté) *и да будутъ ихъ тѣла лишены погребенія*, воспрещая всѣмъ настоятелямъ, ихъ викарнымъ и другимъ духовнымъ лицамъ ихъ хоронить или разрѣшать похороны въ святую землю и конфискуя, за неисполненіе, ихъ движимое и недвижимыя имущества». Оставшійся на поединкѣ живымъ, сверхъ полной конфискаціи имущества, подвергается смертной казни немедленно.

Art. 14. Имѣнія дуэлянтовъ, убитыхъ и казненныхъ, поступаютъ въ завѣдываніе администраціи больницъ, пока не окончится производство дѣла о поединкѣ, а доходы съ имѣнія обращаются на издержки по преслѣдованію виновныхъ.

Art. 15. Секунданты, тіерсы и другіе пособники, которые окажутся виновными въ «подломъ» (lâche) нарушеніи настоящаго эдикта, неотлагательно наказываются *смертію*, хотя-бы не было ни раненаго, ни убитаго въ этихъ бояхъ; имѣнія ихъ конфискуются, *они лишаются дворянства и объявляются безчестными* (Roturiers), *безправными къ занятію должности*, *ихъ оружіе ломается рукою палача*, *ихъ наслѣдники обязаны возобновить патентъ на право дворянства;* а если они не возобновятъ патента, то оружіе ихъ уничтожается рукою палача, и они на два года лишаются своихъ доходовъ, съ обращеніемъ таковыхъ въ пользу госпиталей и судей.

Art. 16. Лица не дворянскаго сословія, за вызовъ на поединокъ или на частный бой лицъ дворянскаго происхожденія, если поединокъ окончился тяжкою раною или смертію, «какъ низкіе и подлые», подвергаются *неотлагательно повѣшенію и удавленію*, съ обращеніемъ всего конфискованнаго имущества: на больницы—въ размѣрѣ одной трети, въ пользу судей, вдовъ и дѣтей въ размѣрѣ двухъ третей. Доносчики и люди, способствовавшіе обнаруженію поединка, награждаются по усмотрѣнію суда. А дворяне, которые рѣшаются драться съ лицами недостойными, подвергаются наказанію, опредѣленному для секундантовъ (въ арт. 16), если будутъ схвачены, а если нѣтъ, то противъ нихъ возбуждается преслѣдованіе на основаніи ордоннансовъ о давности и заочномъ рѣшеніи (paŕ défaut et contumace).

Art. 17. Лакеи, слуги и другія, подобныя имъ лица, за доставленіе записки съ извѣстнымъ имъ вызовомъ, или за доставленіе самихъ дуэлянтовъ на мѣсто поединка, подвергаются: въ первый разъ *наказанію плетью* (du fouêt) и *клейменію лиліей*, во второй—вѣчной *ссылкой на галеры* (à perpetuité). А присутствующіе на поединкѣ намѣренно (exprès), какъ соучастники, наказываются *лишеніемъ чиновъ, достоинствъ и пенсій—навсегда*; у неимѣющихъ-же чина конфискуется четвертая часть имущества на больницы.

Art. 18. Вступающіе на поединокъ или бой одни безъ секундантовъ (одинъ на одинъ) или въ равномъ числѣ одни противъ другихъ, съ одинаковымъ оружіемъ, пѣшіе и конные, подвергаются наказанію наравнѣ съ дуэлянтами вообще. Наказанія, опредѣленныя за поединокъ въ провинціяхъ государства, распространяются на дуэлянтовъ и за предѣлами Франціи (или избирающихъ мѣстомъ поединка ея границы), а если виновные не будутъ схвачены, то они подвергаются уголовному преслѣдованію заочно, по правиламъ о заочномъ рѣшеніи (par contumace).

Art. 19. А чтобы спасительный и полезный законъ о поединкахъ не оставался безъ пользы для общественнаго блага по бездѣйствію властей, то, независимо отъ прилежнаго наблюденія за всѣми раздорами, постановляется всѣмъ чиновникамъ, на обязанности которыхъ возлагается эдиктомъ о поединкахъ привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности, *быть на коняхъ*, дабы съ быстротою дѣйствовать противъ дуэлянтовъ.

Art. 20. Судьи и прочіе чиновники, не исполнившіе своихъ обязанностей по производству разслѣдованія, *наказываются какъ обманщики* (comme faussaires).

Art. 21. Прево и другіе чиновники, равно полицейская стража, получивъ извѣстіе о происшедшемъ поединкѣ, обязаны немедленно прибыть на мѣсто, схватить и арестовать виновныхъ и доставить ихъ въ тюрьму. За каждаго арестованнаго опредѣляется 1500 ливровъ вознагражденія, не считая судебныхъ издержекъ (frais de justice).

Art. 22. Вельможи, давшіе убѣжище дуэлянтамъ или отказавшіе выдать таковыхъ чинамъ полиціи и юстиціи, подвергаются *наказанію за укрывательство.*

Art. 23, 24, 25, 26. Противъ лицъ, противящихся законамъ о поединкахъ,

изложенныхъ въ предшедшихъ артикулахъ и прибѣгающихъ къ угрозамъ и разнымъ уловкамъ для избѣжанія преслѣдованія, процессъ ведется заочно (par defaut et contumace). По наложеніи наказаній, которыя они заслуживаютъ, ихъ имѣнія конфискуются и записываются на короля и до истеченія пятилѣтняго срока, опредѣленнаго для явки, ихъ дома должны быть разрушены до основанія (rasées), деревья въ ихъ лѣсахъ обрѣзаны до извѣстной высоты, а они сами объявлены нечестными и лишенными дворянства безъ права къ занятію должности; никакіе суды не должны принимать отъ нихъ прошеній въ свое оправданіе, даже въ теченіе пяти явочныхъ лѣтъ, развѣ получатъ королевское разрѣшеніе и уплатятъ опредѣленную пеню. Пока приговоренные не явятся съ повинною (ne se rendront point prisonniers), до тѣхъ поръ правосудіе въ ихъ владѣніи должно совершаться отъ имени короля. Обвиненные заочно объявляются неправоспособными и недостойными къ наслѣдованію имуществомъ, которое имъ будетъ завѣщано по объявленіи приговора, а если таковыя наслѣдства завѣщаны ранѣе объявленія приговора, то они поступаютъ въ управленіе короля безвозвратно.

Въ статьяхъ 27 до 34 включительно изложены правила для заочнаго преслѣдованія, порядокъ конфискаціи имущества и управленія этимъ имуществомъ; директоромъ госпиталей (по отношенію къ конфискованнымъ имѣніямъ за поединки) предоставлена обширная власть; генералъ-прокуроръ и полицейскіе чины—всѣ должны быть оплачены изъ имущества дуэлянтовъ. Завѣщанія и контракты, совершенные за 6 мѣсяцевъ до состоявшагося поединка и проч. признаются недѣйствительными.

Art. 35. Преступленіе поединка не можетъ быть потушено ни смертію, ни какою-бы то ни было давностью и т. п.: «Le crime le Duel ne pourra être éteint ni par la mort, ni par aucune prescription de vingt ni trente ans, ni aucune autre).

Art. 36. Въ заключительномъ артикулѣ король клянется отнынѣ не дѣлать никакихъ исключеній ни для кого и не допускать смягченія приговоровъ осужденнымъ за поединки. Принцамъ королевскаго дома и вельможамъ воспрещается принимать просителей съ ходатайствомъ за виновныхъ. «Этотъ христіанскій законъ, столь справедливый и необходимый, не можетъ быть парализованъ никакими связями съ принцами и принцессами королевскаго дома». «Donné à S.-Germain en Lay au mois d'Aout, 1679. *Louis*, et plus bas, par le Roy, *Colbert*. Visa: Le Tellier».

Въ непосредственной связи съ французскимъ регламентомъ о поединкахъ 1679 г. находится регламентъ, или «инструкція» объ удовлетвореніи и вознагражденіи чести, подписанная маршалами Франціи—Виллероа, Грансеемъ, герцогомъ Новалемъ, d' Эстрадомъ, Монморанси и Люксамбургомъ, въ августѣ того же 1679 г. Этотъ любопытный юридическій документъ, служащій разъясненіемъ и дополненіемъ закона о поединкахъ, опредѣляетъ наказанія *за лич-*

ныя обиды словомъ или дѣйствіемъ (discours ou paroles injurieuses, soit par manquement de paroles donnécs, soit par démentis, menaces, soufflets, coups de bâton, ou autres outrages l'honneur). Наказанія за личныя обиды вообще усилены [36]).

За нанесеніе обиды безъ всякаго повода (sans sujet) словомъ—Sot, Lâche, Traitre и подобное, виновный подвергается заключенію въ *тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ*. За оскорбленіе (pour le démenti), за угрозы рукою или палкою—*тюрьма на четыре мѣсяца* (вмѣсто двухъ по реглам. 1653 г.). За обиду дѣйствіемъ — пощечину, или ударъ рукою въ горячкѣ, если ударъ былъ вызванъ оскорбленіемъ,—*тюрьма на одинъ годъ* (прежде было на 6 мѣс., *реглам. 1653 г.*) и *на два года*, если обиженный не давалъ никакого къ оскорбленію повода. Кромѣ того, по выходѣ изъ тюрьмы, обидчикъ долженъ подвергнуться тѣмъ-же ударамъ, какіе онъ нанесъ обидчику. За ударъ палкою или-же чѣмъ-либо подобнымъ *тюрьма на два года* (прежде въ 1658 г. на одинъ годъ), если обиженный далъ самъ поводъ нанесеніемъ пощечины, и *на четыре года*, если обиженный не вызывалъ ничѣмъ нанесеннаго ему оскорбленія палкою; а по выходѣ изъ тюрьмы обидчикъ долженъ *просить прощенія* у обиженнаго. Обидчикъ долженъ просить прощенія у потерпѣвшаго въ присутствіи друзей сего послѣдняго, число которыхъ опредѣляется судьями чести. За предумышленное (dessein premedité) нанесеніе удара палкою и т. п. (de coup de bâton, canne, ou autre pareille nature), когда ударъ нанесенъ открыто и спереди однимъ человѣкомъ — виновный подвергается *заключенію въ тюрьмѣ на 15 лѣтъ*, а когда ударъ нанесенъ сзади (ou avec avantage)—*заключенію въ тюрьмѣ на 20 лѣтъ*. Если оскорбленіе вызвано тяжбою и вообще процессомъ, то, независимо наказанія, опредѣленнаго за личную обиду, обидчикъ можетъ быть подвергнутъ *изгнанію*. Всякій дворянинъ, который противится предписаннымъ въ регламентѣ объ обидахъ постановленіемъ или уклоняется отъ ихъ исполненія, или-же уклоняется отъ наложеннаго на него взысканія, принуждается къ тому порядкомъ, указаннымъ въ арт. 8 регл. о поединкахъ, т. е. подвергается разоренію.

Итакъ, поединки были укрощены во Франціи цѣною величайшихъ жертвъ: исчезли многіе богатые дворяне, ихъ имущество частью служило для обогащенія государственной казны, частью обращено на устройство госпиталей и тюремъ, наполненныхъ неповинующимися, частью же и едва ли не болѣе всего пошло на обогащеніе административныхъ чиновъ и судей; явились предста-

---

[36]) *Code Mil. de Louis* XIV, стр. 523—551. Deux Reglements (du 22 Aout 1653 et du 22 Aout 1679) de Messieurs les Marechaux de France, sur diverses satisfactions d'offences et réparations d'Honneur, art. 1 — 19. При пересмотрѣ регламента 1653 года совѣтъ маршаловъ 1679 г., усиливъ степени наказаній, сдѣлалъ мало редакціонныхъ измѣненій.

вители новаго служилаго дворянства, но едва-ли представители новыхъ родовъ, платившіе за свои достоинства нерѣдко позоромъ доносчиковъ и подстрекателей, были выше въ моральномъ отношеніи, болѣе вѣрными своему отечеству, болѣе преданными своему королю!.. Исторія обнаружитъ гибельныя послѣдствія отъ недальновидности французскаго монарха и его совѣтниковъ.

Оба французскіе закона 1679 г., направленные главнымъ образомъ противъ французскаго дворянства, въ обычаяхъ котораго понятіе о личной чести соединялось съ правомъ на насиліе и самоуправство, послужили образцомъ для подобныхъ же законовъ во всѣхъ государствахъ Европы. Но имъ подражали болѣе по формѣ, чѣмъ по духу. Таковы, напримѣръ: эдиктъ о поединкахъ 1683 г. въ Швеціи [37]), патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ 1687 г. въ Нидерландахъ [38]), мандатъ о поединкахъ 1688 и 1713 г. въ Бранденбурго-Пруссіи [39]), обновленный мандатъ о поединкахъ въ Саксоніи и Польшѣ [40]) и подобные же указы въ другихъ менѣе значительныхъ государствахъ Германіи, равно какъ въ Австріи съ ея разнообразными національностями, подчинявшимися нѣмецкому императору (императору Свящ.-Рим-

---

[37]) C. I. M. Nov. II, стр. 433—442. Caroli XI Kön. in Schweden Duell Edict den 2 August 1682, art. 1—14.

[39]) *Ibid*, II, стр. 497 — 502. Patènt gegen des Duellirten und Händel anfangen. Geschehen in Grafen Haag, den 31 Martii 1684. C. H. Prince d'Orange. Art. 1—12.

[40]) *Ibid.*, I, стр. 617 — 636. Friderici Wilhelm, Kön. in Preussen und Churfürst zu Brandenburg. Duell Mandat den 28 Iunii, de 1713. Art. 1—16. Дополненіе къ нему въ деклараціи 1717 года: Declaration wegen des Duell Edicts den 22 Martii 1717. Эти законы о поединкахъ служатъ развитіемъ такихъ-же законовъ, изданныхъ великимъ курфирстомъ бранденбургскимъ въ 1651 и 1688 годахъ.

[41]) *Ibid.*, I, стр. 287—320. Frideric-Augusti., Kön. in Pohlen und Churf. zu Sachsen Erneuertes Duell Mandat; art. 1—62; den 2 Juli 1712. Саксонскому закону о поединкахъ 1713 года предшествовали полицейскіе уставы и указы: 1572, 30 іюня 1653, 20 іюля и 20 сентября 1665 г., 5 октября 1670 г., 3 марта 1677, 24 мая и 14 іюня 1703 г. Наконецъ, эдиктъ о поединкахъ 15 апрѣля 1706 г. Новымъ закономъ 1712 г. всѣ прежніе полицейскіе уставы и указы о дуэляхъ отмѣняются. Саксонскій мандатъ о поединкахъ по формѣ и содержанію ближе другихъ похожъ на французскій регламентъ 1679 года, но по духу значительно мягче французскаго.

ской имперіи). Повидимому, одинаковыя причины, обстоятельства и явленія въ высшемъ слоѣ народонаселенія Европы повели къ начертанію почти такихъ-же суровыхъ законовъ о поединкахъ, посредствомъ которыхъ верховная власть (не только монархическая, но и республиканская) полагала справедливымъ наложить узду на своеволіе, чтобы искоренить привычку къ насиліямъ и безчинствамъ, совершаемымъ подъ видомъ «оскорбленія чести». Нарушителямъ указовъ о поединкахъ и дракахъ законодатели шведскіе, нидерландскіе, бранденбургскіе, саксонскіе, нѣмецкіе угрожали смертью, безчестіемъ и конфискаціями.

Продиктованною Людовикомъ XIV всей Европѣ доктриною государственная власть надѣялась поднять свой авторитетъ, подчинить юстиціи гордое и самовольное дворянство и избавить народонаселеніе отъ «гнѣва Божія». Мотивъ законовъ о поединкахъ и личныхъ оскорбленіяхъ почти вездѣ одинаковъ; для блага государства, во имя божескихъ и человѣческихъ правъ, повелѣвается дворянамъ и лицамъ другихъ состояній прекратить насильственную расправу, кровожадную месть, а кто не повинуется велѣнію законовъ, тотъ, посредствомъ жесточайшихъ каръ, соединенныхъ съ разореніемъ и позоромъ, унижающимъ человѣческое достоинство, приводится къ порядку, ради сохраненія общественнаго спокойствія. Мечомъ, ограбленіемъ и позоромъ правители полагали возможнымъ урегулировать добрыя взаимныя отношенія и упрочить миръ на землѣ!..

Но историческія явленія въ государствахъ романской и германской расъ Европы показываютъ намъ, что для борьбы съ поединками и другими способами покушенія на личную безопасность и честь оказались безсильными самыя жестокія кары до тѣхъ поръ, пока въ народномъ быту Европы продолжали господствовать принципы противные общежитію; общежитіе-же не мыслимо безъ добровольной готовности жертвовать своимъ личнымъ «я», своимъ интересомъ общему благу и общему спокойствію. Поощрямое-же въ уголовныхъ законовъ *насиліе* ради искорененія общественной язвы обыкновенно приводитъ къ результатамъ плачевнымъ.

Такъ какъ поводы, ведущіе къ поединку, какъ и вообще покушенія на личную безопасность и поползновенія на честь ближня-

го, безконечно разнообразны и въ каждомъ частномъ случаѣ зависятъ отъ неуловимыхъ свойствъ темперамента каждаго отдѣльнаго человѣка, равно какъ отъ понятій людей о чести и условій общежитія въ данное время, по этому устранить прискорбныя явленія въ быту европейскихъ народовъ не удавалось посредствомъ самыхъ жестокихъ каръ; да едва-ли и удастся когда-либо прекратить самовольную расправу съ ближнимъ посредствомъ боя одинъ на одинъ, ибо основа поединка таится въ болѣзненномъ организмѣ человѣка и предразсудкахъ, отъ которыхъ не бываютъ свободными самые развитые и образованные люди.

Изъ числа поименованныхъ указовъ о поединкахъ особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ «Patent gegen Duellirten und Handel anfangen» Вильгельма Оранскаго, данный для Голландіи въ 1683 г. (цит. 33), такъ какъ онъ служилъ прямымъ оригиналомъ для русскаго «патента о поединкахъ и начинаніи ссоръ», вошедшаго въ уставъ Воинскій Петра I (гл. 49).

Теперь обратимся къ памятникамъ русскаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ и представимъ законы о поединкахъ и взаимныхъ оскорбленіяхъ до Петра Великаго.

ГЛАВА II.

Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII вѣка.

Вопросъ о личныхъ оскорбленіяхъ или преступленіяхъ противъ *личной чести* по русскому праву уже давно обращалъ на себя вниманіе юристовъ, преимущественно криминалистовъ [42]). Преступленіямъ-же противъ *родовой чести* посвящено особо нѣсколько капитальныхъ трудовъ, на которые мы укажемъ впослѣдствіи.

Обращаясь къ источникамъ, мы увидимъ, что съ самаго основанія русскаго государства къ славянскимъ языческимъ элементамъ примѣшивалось сперва вліяніе скандинавовъ или варяго-руссовъ; далѣе, по порядку времени, вошли въ бытъ народа элементы—византійскій, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и монголо-татарскій, со времени владычества монголовъ. Дружина, которая была зерномъ для военныхъ силъ въ русскомъ государствѣ, мало-по-малу преобразуется въ бояръ и дѣтей боярскихъ или дворянъ, со всѣми притязаніями на предводительство и господство въ войскахъ.

Въ многовѣковый періодъ русской исторіи не сознается значеніе личности; языческіе обычаи славянъ съ трудомъ поддаются вліянію христіанства, въ которомъ личность уважается сама по себѣ, независимо отъ общественнаго положенія. Только во второй половинѣ XVI столѣтія, послѣ паденія *судебнаго поединка*, какъ «суда божія», обычая языческаго, рядомъ съ процвѣтаніемъ чести родо-

[42]) *Спасовичъ*, *Н. Ланге*, *Boris Utin*, *Шайкевичъ*, *Духовской*.

вой и служебной, начинаетъ едва-едва пробиваться понятіе о чести личной.

Въ слѣдующій періодъ исторіи, обнимающій болѣе ста лѣтъ, сѣмена новыхъ идей забрасываются въ народный быть сначала въ смутное время, черезъ посредство поляковъ и шведовъ, потомъ, съ воцареніемъ дома Романовыхъ, черезъ призываемыхъ на службу иноземцевъ, подъ общимъ собирательнымъ именемъ «нѣмцевъ», засѣвшихъ преимущественно въ служиломъ сословіи. Въ военномъ быту постепенно падаетъ первенство дворянской привилегированной конницы и поднимается значеніе казачества. Притязательность родовой чести становится тягостною для государства, которое ощущаетъ надобность въ развитіи вооруженныхъ своихъ силъ. Въ Соборномъ Уложеніи признается еще, какъ-бы нехотя, необходимость огражденія личной чести каждаго самаго малаго человѣка, но только съ паденіемъ мѣстничества устранено существенное препятствіе къ открытому признанію въ каждомъ человѣкѣ его личныхъ достоинствъ.

Въ третьемъ періодѣ, обнимающемъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, менѣе полустолѣтія, до изданія воинскаго и Морскаго Уставовъ, эти новыя идеи находятъ энергическое приложеніе. Благодаря дѣятельности Петра Великаго, совершается коренное измѣненіе военнаго устройства, учреждена регулярная армія и образованъ флотъ, каждый воинъ признанъ *слугою отечества*—его защитникомъ и охранителемъ, въ новомъ государствѣ на счету каждый солдатъ, каждый матросъ: рядовому солдату, какъ офицеру и начальнику, законъ даетъ защиту отъ неправаго посягательства на его честь и право искать удовлетвореніе за личное оскорбленіе, въ какой бы формѣ оно ни выражалось-бы. Сознается, что личная честь не можетъ быть предметомъ продажи на деньги, что она составляетъ благо, которое личность можетъ отстаивать, какъ и всѣ другія права свои, что это благо можетъ быть у человѣка отнято только въ силу закона, при извѣстныхъ условіяхъ. Но и въ этотъ періодъ упорно продолжается еще борьба старинныхъ понятій съ новыми,—чести родовой съ честью служебною. Мѣстничество еще существуетъ въ правахъ чиновныхъ людей.

Восьмивѣковой путь проходится съ видимымъ торжествомъ нравственной силы надъ физическою, христіанства надъ косностью язычества.

1. Преступленія противъ чести въ древней Руси.

Въ жизни русскихъ славянъ, при самомъ зарожденіи государства, встрѣчаются тѣже бытовыя явленія, которыя наблюдаются и въ жизни другихъ древнихъ народовъ. Родовой патріархальный бытъ русскихъ славянъ, съ обычаемъ кровавой мести, лежитъ въ основѣ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства. Родовыя отношенія играли важную роль въ быту нашихъ предковъ, съ ними мы встрѣчаемся даже и въ XVII столѣтіи [43]).

Русскіе князья, съ своею дружиною, образовавъ юное славянское общество, внесли въ среду его начало сословное, въ противоположность родовому. Въ дружину варяжскую открытъ былъ свободный доступъ храбрымъ людямъ всѣхъ странъ и народовъ и прежде всего, конечно, туземцамъ славянамъ; въ дружинѣ каждый могъ подняться своею личною доблестью, личными достоинствами, явилось понятіе о лучшихъ храбрѣйшихъ людяхъ, выдѣлявшихся изъ толпы, скованной прежде извѣстною степенью по родовой лѣстницѣ. Дружина получала содержаніе отъ князя; старшіе члены дружины, называемые въ актахъ боярами и княжими мужами, были его совѣтниками, воинами по преимуществу; иногда такихъ княжихъ мужей называли *огнищанами*. Другую часть войска, подчиненную дружинѣ, составляли *вои* (воины), т.-е. земское войско. Всѣ они вмѣстѣ съ дружиною образовали *полки*. Но были еще и наемныя войска: варяги, печенѣги, торки. Ожесточенныя битвы нерѣдко рѣшались единоборствомъ—*поединкомъ*. Поединщики, случалось, боролись безъ оружія, схватывали другъ друга руками и старались задушить противника, или повалить, ударить объ землю.—Печенѣгъ вызываетъ на единоборство русскаго: со стороны Азіи выходитъ громадный печенѣгъ, со стороны Руси—Янъ Усмоневецъ, человѣкъ обыкновенный, незначительностью своего вида возбуж-

---

[43]) Весьма интересны воззрѣнія на этотъ предметъ: *Эверса*, *Соловьева*, *Кавелина*, *Калачова*, *Никольскаго*, *Утина* и друг. Въ пятидесятыхъ годахъ по этому вопросу возникла серьезная полемика. См. Москов. Сбор. 1852 г., т. I, статью *Аксакова*. Теорія родоваго быта у русскихъ славянъ обстоятельно изслѣдована *Никольскимъ* въ сочиненіи: «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ». Москва. 1859.

даетъ насмѣшки великана, но побѣждаетъ его. Редедя, князь касошскій вызываетъ на поединокъ Мстислава. Мстиславъ чувствуетъ, что противникъ одолѣетъ его и, однако, русскій князь побѣждаетъ азіатца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія преданіе видитъ въ лицѣ Святослава. Онъ не богатырь въ собственномъ смыслѣ, онъ вождь дружины, онъ отказывается отъ поединка съ Цимисхіемъ, но онъ первый между дружинниками, бьется на челѣ ихъ, не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Въ немъ личность всецѣло подчинена потребностямъ общественнымъ. Это герой въ настоящемъ понятіи.

При стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, когда господствовали необузданныя страсти, когда силою брали все, а право силы считалось высшимъ правомъ, нравы не могли быть мягкими, и самые законы допускали частную месть, какъ расплату за обиду. Кровавая месть, частныя убійства на пирахъ, мщеніе Ольги, разбои при Владимірѣ, поступки Добрыни съ семьею Рогвольда въ Полоцкѣ, поведеніе Святослава — вотъ факты, не оставляющіе сомнѣнія для вывода о грубости нравовъ и жестокости людской. Всѣ члены одного рода обязаны защищать другъ друга, мстить другъ за друга. Въ Русской Правдѣ эта обязанность ограничена уже извѣстными степенями родства: братъ мститъ за брата, отецъ за сына и наоборотъ, дядя за племянника съ братней и сестриной стороны.

Все это въ порядкѣ вещей, вездѣ первоначальныя общества складывались такимъ-же образомъ. Изъ русской правды видимъ, что родовой бытъ славянъ въ XI столѣтіи началъ уже ослабѣвать.

Когда не было мстителя, то убійца платилъ князю пеню, виру, за княжа мужа и боярина *двойную виру* (80 гривенъ), за свободнаго человѣка одну *виру*, за женщину—*полвиры*. Рабъ, холопъ считался вещью, предметомъ; его убійство не считалось убійствомъ. Честь, какъ и жизнь свободнаго человѣка, оцѣнивалась на деньги; честь холопа не стоила и *веверицы* (900 доля гривны).

Когда сила физическая на первомъ планѣ, когда страсти не подчинены господству религіозныхъ и нравственныхъ законовъ, тогда не можетъ быть мѣста обидѣ словомъ: за скорою обидою слѣдуетъ скорая месть, расправа физическая, безпощадная, но отъ

мстителя уже можно было откупиться деньгами. И древній богатырь, герой эпохи, въ народномъ воображеніи представляется существомъ, одареннымъ чудовищною физическою силою, котораго одолѣть можно было только посредствомъ чародѣйства.

Съ русскимъ народомъ эпохи язычества въ тѣсной связи волхвы, гадатели, кудесники, ворожеи, вѣдуны, вѣдьмы. Язычники-славяне подчинялись вліянію этихъ темныхъ силъ. Волхвы славянъ, какъ видно, имѣли тѣсную связь съ волхвами финскими. Долго послѣ принятія христіанства волхвы съ сѣвера мутили славянское народонаселеніе. У финновъ болѣе чѣмъ у славянъ было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ, объ общеніи съ ними. Значеніе чародѣевъ и ворожей въ быту русскаго народонаселенія было весьма значительно; оттого, вѣроятно, долгое время, въ теченіе пяти-шести столѣтій, съ волшебствомъ и чародѣйствомъ безплодно боролось христіанство [44]).

Обратимся къ обозрѣнію источниковъ и прослѣдимъ ходъ историческихъ явленій, которыми обусловливалось постоянное развитіе просвѣщенія въ обществѣ и соотвѣтственное съ нимъ развитіе понятій о личности.

Памятники древней Руси.

а) Языческіе обычаи русскихъ славянъ въ ссорахъ, дракахъ и играхъ: поединки, потѣшные и кулачные бои.

Бытъ русскаго народа, опоэтизированный въ былинахъ, представляетъ доблестныхъ богатырей, вступающихъ въ бой съ беззавѣтною отвагою, ради удальства, мести, поживы на чужой счетъ; или-же, подобно древнимъ героямъ, русскіе богатыри жертвуютъ собою ради отчизны, за вѣру, за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей. Наши витязи бьются одинъ на одинъ.

Въ одиночныхъ бояхъ или поединкахъ русскіе герои бились на коняхъ или пѣшіе, разнымъ оружіемъ: «палицами булатными»,

[44]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, стр. 90, 91, 247. См. еще цитату 117 о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области, объяснявшихъ какимъ образомъ созданъ человѣкъ. По ихъ понятіямъ доброе или злое существо проистекаетъ изъ женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужское.

«саблями острыми», «копьями долгомѣрными», а то и просто дубинами, напримѣръ новгородскіе богатыри, или въ рукопашку. У поединщиковъ были въ употребленіи также лукъ, рогатина и булатный ножъ.

Одолѣвшій въ рукопашномъ бою поражалъ своего противника рогатиною, или-же булатнымъ ножомъ. Но могъ дать ему и пощаду. Коренной русскій богатырь Илья Муромецъ почти во всѣхъ былинахъ представляется ловкимъ стрѣлкомъ [45]).

Въ законодательныхъ памятникахъ первое извѣстіе о «полѣ», т.-е. «судебномъ поединкѣ» встрѣчаемъ въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою въ 1229 г. [46]). Русскимъ запрещается вступать на поединокъ съ *иностранцами* какъ въ русской землѣ, такъ и за ея предѣлами. «Но нѣмцы» т.-е. иностранцы, могли рѣшать дѣло между собою поединкомъ, «князя это дѣло не касается» [47]). Изъ словъ договора, запрещавшаго смольянамъ вызывать на поединокъ нѣмецкихъ гостей «на полѣ въ Смоленскѣ», Бѣляевъ заключаетъ, что у смольянъ существовалъ обычай дѣлать такіе вызовы [48]). Бьющіеся на поединкѣ употребляли палки или дубину (палицу), сулицу или мечъ. Палацкій въ исторіи чеховъ упоминаетъ о постановленіи Кунрата Ота въ XII столѣтіи, коимъ чехамъ запрещается употребленіе поединка «*развѣ только съ иностранцами* [49])». Слѣдовательно, у чеховъ разрѣшалось биться съ иноземцами, у русскихъ же славянъ, напротивъ, биться съ иноземцами запрещалось. Но у тѣхъ и у дру-

---

[45]) *В. П. Авенаріуса* «Книга былинъ». С.-П.-Б. 1880 г., стр. 25, 256, 253, 102.

[46]) «Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права». СПб. 1859 г., стр. 22: «роусcиноу не звати латина на полѣ биться оу роускои земли; а латиникоу не звати роусина на полѣ оу Ризѣ и на Готьскомъ березѣ»; а въ 1230: «роусиноу же нельзѣ позвати немчина на поле смоленскóе, ни немчичю въ Ризѣ, на Готьскомъ березе».

[47]) Тамъ же, стр. 22, 23: «Аже латинскии гость биеться мьжю съ бою оу роусской земли любо мьчемъ, а любо деревъмъ, князю то не надобе, мьжю събою судити». А въ варіантѣ 1230 г. названы «мечь» и «сулица».—Русскіе должны судиться между собою своимъ судомъ «отъправяться сами по своему суду», не только въ русской землѣ, но и за ея предѣлами: «въ Ризе на Готьскомъ березе».

[48]) *Бѣляевъ* «Поле», Москвитянинъ на 1855 г. №№ 13 и 14, стр. 35.

[49]) Ibid., стр. 34, 35. «Dejiny nàrodu Ceského», ч. II, стр. 327.

гихъ славянъ XIII столѣтія, вѣроятно подъ вліяніемъ христіанства, стремились *вывести изъ употребленія поединокъ между своими.*

Въ Русской Правдѣ «не встрѣчаемъ названія «поле», но въ ней упоминается о «желѣзѣ», о «водѣ», какъ объ особыхъ формахъ суда Божія, а къ такому суду, какъ одна изъ его формъ, относится и судебный поединокъ или поле [50]) Такъ было вездѣ въ эпоху господства ордалій.

О рѣшеніи судебныхъ дѣлъ водою упоминаетъ извѣстный проповѣдникъ XIII стол. Серапіонъ: «Вы же воду послухомъ постависте и глаголите: аще утопати начнетъ, неповиненъ есть, аще ли поплоBетъ — волхвовъ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше, маловѣріе, подержати да не погрузится, дабы въ врещи въ душегубство?» Представителей православной церкви возмущали эти обычаи язычества: «Яко оставльше послушество боготвореннаго человѣка, идоста къ бездушну естьству, къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣванье божіе [51])». И желѣзо, какъ судебное доказательство (договоръ Мстислава 1229 г.), употребляется въ крайнихъ случаяхъ [52]) Испытаніе водою, холодною или горячею, и желѣзомъ, какъ обычай языческаго суда Божія, переходило въ законодательство христіанъ, съ замѣною, однако, языческихъ обрядовъ употреблявшихся при судѣ, обрядами христіанскими: передъ испытаніемъ водою дѣлали *заклинанія* и *освящали* ее, потомъ обви-

---

[50]) Ibid., стр. 35. См. *Русскую Правду*, по троицкому списку, ст. 17, 81, 82: «во всѣхъ тяжбахъ, въ татьбѣ и въ поклепѣ, когда не будетъ лица, то тьгда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота»; когда же искъ былъ менѣе, до двухъ гривенъ серебра, «то на воду».. Иски же меньшей цѣнности рѣшались присягою (*Собр. важн. памятн. древ.-рус. пр.*, стр. 54, 64' 65). Холопъ могъ быть допущенъ къ свидѣтельству по желанію истца только въ крайности, при отсутствіи свидѣтеля изъ лицъ свободныхъ. У чеховъ подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на раскаленномъ желѣзѣ, либо держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У сербовъ обвиненный долженъ былъ опустить руку въ раскаленный котелъ, либо выхватить желѣзо изъ огня при дверяхъ храма и отнести его къ алтарю. Подвергавшійся испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки: если онъ при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло. *Соловьевъ*, Ист. Рос. I, стр. 264, цит. 378. Авторъ полагаетъ, что здѣсь начало *пытки.*

[51]) *Бѣляевъ*, стр. 36. *Творенія св. отц.* Годъ 1, кн. 3. Приб. стр. 202.

[52]) Ibid., стр. 36. *Русск. достопамятности* ч. II, стр. 235.

няемаго бросали въ нее связаннаго, и если онъ погружался на дно, то объявляли невиннымъ, если же всплывалъ на поверхность воды—виновнымъ. Обычай бросать людей въ воду на *жертву* нѣкоему богу существовалъ съ древнѣйшихъ временъ и сохранялся долгое время у русскихъ славянъ послѣ принятія христіанства. При испытаніи-же горячею водою испытуемый обязанъ былъ вынуть изъ сосуда съ кипяткомъ извѣстный предметъ.

Поединки, надо полагать, вели къ безпорядкамъ, къ нарушенію общественной тишины, ибо поединщики «польщики» обращались за помощью къ *постороннимъ*, и такимъ образомъ изъ частнаго боя легко воспламенялась общая драка По существовавшему изъ древности обычаю въ Черногоріи, когда кто-нибудь вызывалъ другого на поединокъ (мейданъ), изъ мести или просто изъ удали, то часто случалось, что поединщики созывали на помощь къ себѣ и, когда вокругъ завязывался бой, удалялись [53]).

Запрещеніе вызывать на помощь постороннихъ, особенно людей другой націи, мы видимъ въ текстѣ древнѣйшихъ европейскихъ военныхъ артикуловъ, коими разрѣшались поединки и драки.

Языческое происхожденіе потѣшныхъ игръ.

Новгородскіе *потѣшные бои* палицами или палками, о которыхъ упоминаютъ лѣтописцы, также весьма древняго происхожденія. Воспоминанія о бояхъ сохранялись въ народныхъ преданіяхъ и перешли въ новгородскія былины. Въ былинахъ про «Василія Буслаевича» назначенъ бой его дружины съ новгородскими мужиками, т.-е. съ горожанами, на *Волховомъ мосту*, и здѣсь сплетается съ преданіемъ объ идолѣ Перунѣ, вверженномъ въ р. Волховъ. Въ густынской лѣтописи сказано, что когда въ 990 году въ Новгородѣ сверженъ былъ въ Волховъ идолъ Перуна, то «единъ нѣкто человѣкъ верже на него палицею, онъ же, вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотою новгородцевъ, яко *оттолѣ* въ сіе время даже до нынѣ (т.-е. до XVII в.), въ *коеждо лѣто на томъ мо-*

---

[53]) *Поповъ*, Путешествіе въ Черногорію, стр. 145, 291; у Бѣляева, стр. 37.

сту люди собираются и, раздѣльшеся на двое, играюще убиваются [54]).

Такъ упорно въ народномъ быту христіанъ сохранялись древніе языческіе обычаи.

Противъ бѣсовскихъ побоищъ или «неистовыхъ забавъ», какъ и противъ поединковъ, возставала церковь, а жившіе въ Новгородѣ нѣмецкіе гости просто побаивались этихъ «мужицкихъ» дракъ съ дреколіемъ.

Въ правилахъ владимірскаго собора 1227 г. сказано, что митрополитъ Кириллъ съ епископами новгородскимъ, ростовскимъ, переяславскимъ и полотскимъ [55]), опредѣлили: участниковъ *нечестивыхъ игръ съ дрекольемъ*, которыя сопровождались безчинствами и убійствами, отлучать «отъ святыхъ Божиихъ церквь, а оубиении да боудоуть прокляти въ сии вѣкъ и въ боудоущии». Противящихся по постановленію собора велѣно лишать христіанскаго погребенія: «Аще и оумреть, то над нихъ не ходятъ иереи и службы за нихъ да не творятъ, ни положити ихъ близъ Божиихъ церквъ». Священника не исполняющаго этихъ правилъ, лишать сана: «да боудетъ чюжь своего сана».

Въ составѣ предложеній (редакція которыхъ дошла до насъ на латинскомъ языкѣ), представленныхъ со стороны нѣмецкихъ уполномоченныхъ новгородскому правительству, при заключенін съ нимъ договора 1270 г., находится статья, по которой на улицѣ между нѣмецкими торговыми дворами должна быть запрещена неистовая забава, въ коей люди бьются дреколіемъ. При этомъ указана и цѣль запрещенія: «чтобы русскіе и гости не имѣли повода къ

[54]) Полн. собр. русск. лѣтопис. т. II, стр. 257, 258, 259, въ прибавл. *іуст. лѣт.* и еще въ *Русск. Врем.* ч. 1, стр. 52: «Онъ же (Перунъ), пловя сквозь *великій мостъ*, верже палицу свою и рѣче: на *семъ* мя поминають новгородскія дѣти, *ею же* (добавляетъ лѣтописецъ) и нынѣ безумніи люди убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ». У *Бѣляева* стр. 41 и слѣд.

[55]) Изъ постановленій собора видно, что отъ временъ языческихъ (треклятыхъ еллинъ) сохранялись обычаи «въ Божественные праздники позоры нѣкакы бесовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и съ въплемъ сзывающе нѣкы скаредныя пьяница, и бьющеся дрьколѣемъ до самыя смерти и възимающе отъ убиваемыхъ порты». *Русск. Дост.*, ч. I, стр. 115. У *Бѣляева*, стр. 42, замѣч. 2.

ссорамъ». Но статья эта, очевидно, не была принята Новгородомъ, такъ какъ ея въ договорѣ 1270 г. нѣтъ [56]).

Обычай языческихъ игръ въ XIII вѣкѣ распространенъ былъ не только между русскими славянами. Лѣтописецъ, разсказывая о битвѣ Даніила Романовича галицкаго съ Мендогомъ, между прочимъ, писалъ: «И ятвязи съ *сулицами* гонишась на поли подобно *игрѣ*» [57]). Ятвяги были упорными язычниками и съ ними вели истребительныя войны сосѣдніе христіане: тевтонскіе рыцари, князья мазовецкіе и особенно князья галицкіе. У ятвяговъ бой нерѣдко рѣшался поединкомъ.

Итакъ, до нашествія монголовъ русскимъ славянамъ, какъ и германцамъ, были хорошо извѣстны ордаліи, какъ различныя формы суда Божія, а въ томъ числѣ и поединокъ; вѣрили, что «божество» было на сторонѣ праваго, и эту вѣру не могло поколебать у древнихъ славянъ принятіе христіанства и строгій запретъ духовенства.

Въ народныхъ обычаяхъ, сохранявшихся отъ временъ язычества, поддерживались потѣшные бои или игрища, съ которыми соединялись языческіе обряды; церковь вела борьбу съ этими обычаями, несогласными съ духомъ любви и кротости христіанской, и верховная власть готова была поддержать стремленія христіанскихъ іерарховъ, возстававшихъ противъ боевъ потѣшныхъ или игрищъ. Но ни церковь, ни верховная власть не могли искоренить въ русскомъ народѣ обычаевъ, стремившихся стать юридическими учрежденіями, чему нимало не препятствовало татарское иго, остановившее надолго свободное развитіе общественной и государственной жизни.

Мы видѣли, что въ XIV и XV столѣтіяхъ у романскихъ и германскихъ племенъ поединки стали средствомъ своекорыстія,

---

[56]) *Андреевскій*. О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. С.-П.-Б. 1855 г. См. примѣч. 91, на стр. 28. *Бережковъ*. О торговлѣ Руси съ Ганзой конца XV вѣка. С.-П.-Б. 1879 г. См. стр. 189--194.

[57]) *Карамзинъ*. Ист. госуд. Росс., т. IV, стр. 90. Лѣтописецъ волынскій разсказываетъ о *поединкѣ* молодаго Льва Даніиловича съ начальникомъ ятвяговъ Стекингомъ. *Даниловича*, Skarbnik, № 156. *Ярошевича*, Obraz Litwy, т. II, гл. I, § 13.

самоуправства и насилій. Тоже было и съ судебными поединками славянъ; рыцарскія игры, тоже что и кулачные бои, въ существѣ своемъ точно также были наслѣдіемъ языческихъ забавъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ видимъ замѣчательное сходство западныхъ народовъ съ тѣми славянами, которые направили свои силы на отдаленный востокъ Европы.

Въ XIV столѣтіи существовавшій у западныхъ и южныхъ славянъ обычай судебныхъ битвъ, сдерживаемый ранѣе законами нѣкоторыхъ государей (напримѣръ у чеховъ), получилъ самобытное развитіе и опредѣленіе, болѣе или менѣе сходное съ германскими уставами. Въ чешскомъ «земскомъ уставѣ 1348 и 1355 гг.» въ сорока пунктахъ подробно описаны всѣ обряды и условія, относительно судебнаго поединка или по-чешски «*забоя правнаго*» [58]). И эти обряды сопровождались обычаями языческими, извѣстными русскимъ славянамъ.

Поле по Судебникамъ Іоанна III и Іоанна IV.

Несмотря на раздробленіе Руси, обычай поля не исчезалъ и держался въ народномъ употребленіи. Это видно изъ словъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ грамотъ XV столѣтія: «или поле ся коньчало, а то коньчати» и проч. [59]), и изъ посланія митрополита Фотія къ новгородцамъ 1410 г., который подъ страхомъ лишенія священнаго сана запрещаетъ священникамъ причащать поединщиковъ и допускать ихъ къ крестному цѣлованію; убившій другого на поединкѣ именуется душегубцемъ, «въ церковь не входитъ, дары не пріемлетъ, ни богородицына хлѣба, причащенія

---

[58]) «Wybor z Literatury Ceské». Прага 1845 г. стр. 610—625. *Палацкій*, «Dejin. etc.» ч. II, стр. 297. У *Бѣляева*, стр. 45.

[59]) *Бѣляевъ*, стр. 45. Псковская судебная грамота, договоры Москвы съ Рязанью. Собр. госуд. грам. и догов. I, грам. №№ 36 и 65. Въ уставной бѣлозерской грамотѣ 1488 г. судебный процессъ въ денежныхъ дѣлахъ разрѣшается вести *до поля*: «А побіются на полѣ, и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити, а на себя велятъ взяти противень противу истцова, а то имъ съ тіуны и съ доводчики за всѣ ихъ пошлины». *Акты археограф. эксп.* т. I, № 123 стр. 93.—Тутъ же упоминается о пошлинахъ намѣстнику, тіуну, доводчикамъ: «а досудятъ намѣстники и тіуны о рублѣ до поля, а восходятъ ся помирити, и они дадутъ намѣстнику гривну, и съ тіуны и съ доводчики, завсѣ пошлины».

святаго не пріиметъ *осмнадцать лѣтъ*»; убитый на поединкѣ лишается христіанскаго погребенія: «а убитаго не хоронити» [60]). Языческая основа поединка сказывалась у русскихъ славянъ въ существованіи особаго класса *волхвовъ* и *чародѣевъ*, которые оказывали помощь польщикамъ «сатанинскими» дѣлами; хотя объ участіи этихъ темныхъ силъ упоминается въ памятникахъ позднѣйшихъ (именно XVI столѣтія), но очевидно, что волхвы и чародѣи, существуя у славянъ съ древнѣйшихъ временъ, составляли у нихъ, какъ и у германцевъ, неотъемлемую, хотя и не гласную силу «судебнаго поединка». Съ чародѣями, волхвами, вѣдунами, ворожеями русскіе польщики заключали условія и отъ нихъ ожидали помощи въ заклинаніяхъ и заговорахъ; православная христіанская религія ничего не могла сдѣлать, чтобы искоренить языческій обычай, вывести чародѣйство, какъ господствующую силу въ рѣшеніи дѣлъ по «суду божію». Мало того, съ объединеніемъ московской Руси подъ скипетромъ Іоанна III, «обычай поля» въ тяжбахъ пріобрѣлъ государственное значеніе: Судебникъ Іоанна III, 1497 года, опредѣляетъ условія поля въ статьяхъ: «о полевыхъ пошлинахъ», «о судѣ городскомъ», «о послушествѣ [61])». Московское государство, не взирая на неодобреніе духовенства, пользуется народнымъ обычаемъ для обложенія поединщиковъ пошлиною въ пользу своихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ польщики, по «отеческому обычаю», съ одной стороны негласно обязывались болѣе или менѣе значительною платою волхвамъ и чародѣямъ, а съ другой—офиціально облагались узаконенною пошлиною въ пользу окольничаго, діака и недѣльщика (въ Москвѣ), намѣстниковъ или ихъ тіуновъ и доводчиковъ (въ областяхъ).

Повидимому, торжество поединка дошло до полнаго апогея въ началѣ XVI стол., т.-е. вскорѣ послѣ признанія этой формы процесса обязательною для московскаго государства.

Герберштейнъ, въ запискахъ о Московіи «Rerum Moscovitiéarum commentarii»,, говоря о судопроизводствѣ по великокня-

[60]) *Бѣляевъ*, стр. 45, 46: «а который попъ хоронитъ, тотъ поповства лишенъ». Въ цитатѣ у автора не вѣрна ссылка: въ актахъ подъ стр. 426 значится «таможенныя грамота Соловецкаго монастыря» 1591 г.

[61]) *Судебникъ* в. к. *Іоанна Васильевича*. «Собр. важн. пам. по ист. древ.-русскаго права», стр. 169, 170, 178, 182, 185, 186.

жескому Судебнику, въ описаніи своемъ о поединкахъ, какъ *обычаѣ отечественномъ*, дополняетъ его нѣкоторыми любопытными данными, почерпнутыми изъ практики.

Мѣсто поединка «поле» назначали *окольничій* (ocolnk) и *недѣльщикъ* (nedelsnik), которые, равно какъ и судья (бояринъ) и писецъ, получали опредѣленную пошлину [62]). Слѣдуетъ замѣтить, что передъ начатіемъ боя недѣльщикъ отводилъ опредѣленное пространство и обносилъ его веревкою, за что получалъ плату, которая носила названіе «вязчее», независимо отъ пошлины «да недѣльщику-жъ *вязчего* 4 алтынъ» (судеб. Іоанна III). Къ рѣшенію дѣла «полемъ» прибѣгали не только въ дѣлахъ гражданскихъ. но и уголовныхъ [63]). «Если поединокъ совершается по причинѣ какого-нибудь пожара, убійства друга, похищенія или кражи, обвинитель, если побѣдитъ, имѣетъ получить то, о чемъ просилъ; окольничему дать полтину и оружіе побѣжденнаго, пятьдесятъ денегъ, недѣльщику полтину, *вестону* (?) (veston — тотъ, который предписываетъ условія и сводитъ обѣ стороны на поединокъ) *четыре алтына*; все оставшееся у побѣжденнаго слѣдуетъ продать и отдать судьямъ, самого же (побѣжденнаго) подвергнуть тѣлесному наказанію по мѣрѣ преступленія» [64]).

---

[62]) «Окольничій представляетъ собою *претора*, т.-е. судью, поставленнаго княземъ; этимъ-же именемъ также называется высшій совѣтникъ, находящійся постоянно при князѣ. Недѣльщикъ у нихъ — общественная должность; недѣльщики призываютъ въ судъ людей, схватываютъ злодѣевъ и держатъ ихъ въ темницѣ; они принадлежатъ къ числу благородныхъ». *Герберштейнъ*, въ переводѣ Анонимова, стр. 85. Въ статьѣ «о полевыхъ пошлинахъ» установлено количество таковыхъ: когда «досудятся до поля, а у поля *не стоявъ* помирятся», когда «у поля *стоявъ* помирятся», «когда побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ», «когда побіются на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татьбѣ». Судеб. Іоанна III, стр. 169, 170. У чеховъ мѣсто поединка называлось «шранкомъ», отъ нѣмецкаго Schrank.

[63]) Полемъ дозволялось рѣшать дѣла: заемныя отъ рубля и выше, бой или оскорбленіе и увѣчье, поджогъ, душегубство, разбой и даже тяжбы о поземельномъ владѣніи. *Бѣляевъ*, стр. 47.

[64]) Въ Судебникѣ Іоанна III: «ино на *убитомъ* исцево доправить, да окольничему на *убитомъ* полтина да доспѣхъ, а діаку четверть (т. е. 50 денегъ), а недѣльщику полтина, да недѣльщику-жъ вязчего 4 алтына (т. е. 24 деньги); а *самъ убитой* въ казни и въ продажѣ боярину и діаку». У Герберштейна «вестону» опредѣлялось вязчего 4 алтына, и такое же количество окольничему

Самый поединокъ, какъ видно изъ описанія Герберштейна, происходилъ такимъ-же точно образомъ, какъ и у скандинавскихъ народовъ, вообще у германцевъ. Тотъ-же порядокъ соблюдали и западные славяне, напр. чехи. Только у русскихъ, какъ кажется, не было многихъ мелочныхъ формальностей и предварительныхъ преній. Когда вызванные истцомъ *свидѣтели* [65]) показывали противъ обвиняемаго, то послѣдній, по отечественному обычаю, требовалъ *присяги*, *поля* и *поединка* и ввѣрялъ свое дѣло «правдѣ Божіей».

«Каждый изъ нихъ, говоритъ Герберштейнъ, можетъ поставить на поединокъ кого нибудь другаго [66]); также каждый можетъ взять себѣ какое угодно оружіе, *пищаль и лукъ*» [67]). Поединщики наши были обременены крайне тяжелымъ вооруженіемъ и большею частью пускали въ дѣло «сулицу» (желѣзную палицу съ обоихъ концовъ заостренную), которою русскіе искусно владѣли. «Начинаютъ бой сперва копьемъ, потомъ употребляютъ въ дѣло другія оружія (сулицу, топоръ). Въ продолженіе многихъ лѣтъ московиты, бившіеся съ иностранцами, съ германцами, поляками или литовцами, были побѣждаемы. Когда-же весьма недавно, одинъ литвинъ, 26 лѣтъ отъ роду, былъ убитъ на поединкѣ съ однимъ московн-

---

по судеб. Іоанна III.—«*Убитый» не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ*. Въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ «битый».

[65]) Окольничій и діакъ, пріѣдя на мѣсто поединка, спрашивали ищей и отвѣтчиковъ: «кто за ними стряпчей и поручники?» Названные ими свидѣтели обязаны были присутствовать безъ оружія, «а доспѣху, и дубинъ, и ослоповъ стряпчимъ и поручникомъ у себя не держати». *Судеб. Іоанна III, стр. 186.*

[66]) Такого называли «наймитомъ»; см. «о послушествѣ». Судеб. Іоанна III: «А противу послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или черница, или женка, ино противу послуха наимитъ наняти вольно, а послуху наимита нѣтъ»... «А на комъ чего взыщетъ жонка, или дѣтина малъ, или кто старъ, или немощенъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или черница, или кто отъ тѣхъ въ послушествѣ будетъ, ино наймита наняти вольно; а истцомъ или послуху цѣловати, а наймитомъ битися; а противу тѣхъ наймитовъ истцу или отвѣтчику наймитъ-же; а въсхочетъ и онъ самъ біется на полѣ».

[67]) О вооруженіи и снаряженіи поединщиковъ въ Судеб. Іоанна III ничего не сказано. Подробности вооруженія по Герберштейну изложены у насъ на стр. 269 «*Арт. Воин.*», вып. 2.

томъ, который вышелъ побѣдителемъ болѣе чѣмъ изъ двадцати поединковъ, то князь разгнѣвался (sic) и приказалъ немедленно призвать его, чтобы на него посмотрѣть. Увидѣвъ его, онъ плюнулъ на землю и постановилъ впредь не назначать поединка между иноземцемъ и своимъ подданнымъ». Иноземцы опасались схватываться съ русскими въ рукопашную, и старались одолѣть искусствомъ и проворствомъ нападеній; напротивъ, русскіе, будучи сильны руками и мышцами, отличались силою ударовъ. На поединкѣ (вѣроятно за чертою, внѣ круга, какъ и у германцевъ) присутствовали друзья и доброжелатели обѣихъ сторонъ, обыкновенно съ дубинами, которыя пускали въ ходъ отъ времени до времени: «Ибо, если доброжелатели одного изъ бойцовъ увидятъ, что ему дѣлается какая нибудь обида, то тотчасъ бѣгутъ для отраженія этой обиды; тоже дѣлаетъ и другая сторона, и такимъ образомъ между ними происходитъ схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся въ потасовку, кулаками, батогами и дубинами съ обожженнымъ концомъ [68])».

Герберштейнъ, описывая наше поле, какъ любопытное явленіе, даже и не вспоминаетъ о судебномъ поединкѣ у своихъ соотечественниковъ, который еще существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Европы въ началѣ XVI вѣка.

Въ Судебникѣ Іоанна III предписывалось отгонять отъ поля «опричныхъ людей», т. е. постороннихъ, а сопротивляющихся подвергать штрафамъ и привлекать къ суду. Но этотъ запретъ, какъ видно, не всегда исполнялся и поединокъ обращался въ общую свалку [69]). Припомнимъ, что въ нѣмецкихъ военныхъ артикулахъ призывать на помощь во время драки людей другой *націи* воспрещалась подъ угрозою смерти [70]).

Въ актахъ первой половины XVI стол. (Археологической Экспедиціи, въ Историческихъ и Юридическихъ) встрѣчаемъ частыя упо-

---

[68]) См. объ этомъ у *Флемминга* «Der vollk. Teutche Soldat». — *Герберштейнъ*, стр. 81—84.

[69]) «А которые имутъ опричные у поля стояти, и окольничему и діаку тѣхъ отслати прочь; а не пойдутъ опричные люди прочь, и окольничему и діаку на тѣхъ велѣти исцово доправите и съ пошлинами, да велѣти ихъ на поруку да поставити передъ великимъ княземъ». *Судеб. Іоанна III*, стр. 186, 187.

[70]) Ср. военные артикулы: шведскій, датскій, имперскій XVI и XVII стол.

минанія о полѣ въ дѣлахъ о поземельной собственности. Истецъ и отвѣтчикъ, при опредѣленіи границъ своихъ владѣній, призывали свидѣтелей; свидѣтели той или другой стороны доказывали, всякому оспаривающему, справедливость своихъ показаній полемъ, такъ что свидѣтели истца бились на полѣ не только съ свидѣтелями отвѣтчика, но и съ самимъ отвѣтчикомъ, или обратно—истецъ бился съ свидѣтелями отвѣтчика. До какихъ размѣровъ развивались вызовы на поединокъ свидѣтельствуетъ тяжба Ѳерапонтова монастыря съ крестьянами сосѣдней Есюнинской волости въ 1584 году. По поводу спора за межу, которую перешли на монастырской землѣ, стали косить сѣно и рубить лѣсъ, обѣ стороны представили свидѣтелей и при первомъ же показаніи свидѣтели монастырскіе разошлись со свидѣтелями общины; затѣмъ каждая сторона заключала свои рѣчи просьбою судьи: «дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божію правду; цѣлуемъ, господине, крестъ да *лѣземъ съ ними на поле битись*» [71].

Такимъ образомъ споръ обращался въ сущности въ организованную драку, гдѣ обѣ стороны выставляли наемныхъ бойцовъ, т. е. *наймитовъ*, а тѣ въ свою очередь заручались заклинаніемъ чародѣевъ. И тѣхъ и другихъ отыскивать было не трудно за деньги: они напередъ знали: когда, кому и гдѣ присуждено *было* поле. Промышляя своимъ искуствомъ, наймиты, волхвы, ворожеи и чародѣи, предлагали свои услуги за извѣстную сумму истцу и отвѣтчику. Польщики, *поцѣловавъ крестъ*, всегда чувствовали потребность въ наймитахъ и влеченіе къ чародѣямъ и волхвамъ и затѣмъ уже лѣзли въ драку. Таковъ былъ «отеческій обычай», гдѣ преданія языческой старины перепутывалась съ христіанскими понятіями, и «Божья правда», судъ Божій, сопровождаясь клятвою на крестѣ, искала опоры въ сатанинскихъ дѣйствіяхъ заклинателей!..

Но этого мало. Іоаннъ IV, въ своемъ Судебникѣ 1550 г., еще болѣе развилъ регламентацію «поля», какъ судебнаго доказательства, къ которому неизбѣжно должны были обращаться тяжущіеся въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ. Судебникъ 1550 г. заботится главнымъ образомъ объ извлеченіи выгодъ изъ суевѣрнаго «отеческаго обычая», какъ и вообще изъ судопроизводства, для

---

[71]) Акты Юридическіе № 20, у *Бѣляева*, стр. 47, 48.

вознагражденія чиновниковъ и пополненія государевой казны. Хотя за лишніе поборы Судебникъ угрожалъ тройнымъ штрафомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ оговорку: «а обыщется то, что жалобникъ солгалъ, и того жалобника казнити торговою казнію, да вкинути въ тюрьму» [72]). Легко судить, какъ невыгодны были жалобы тяжущихся на неправедные поборы боярина и дьяка, окольничаго, дворецкаго, казначея и всякихъ судей и подъячихъ (въ провинціи намѣстника, волостеля, ихъ тіуновъ и др.), болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ вопросу о поединкахъ. Убитый, т. е. побитый на полѣ, долженъ былъ расплачиваться на всѣ стороны: «на убитомъ (т. е. битомъ) истцово доправити; окольничему на убитомъ полтина, да за доспѣхъ убитаго три рубля, а діаку четверть рубля, а недѣльщику полтинажъ, да недѣльщикужъ взячего четыре алтына безъ дву денегъ. А убитаго дати на поруку: какъ его государь попытаетъ, ино его поставити передъ государемъ; а не будетъ по немъ поруки, ино его вкинути въ тюрьму, доколѣ по немъ порука будетъ» (ст. 22).

Хотя русское законодательство старалось уравновѣсить внѣшнія средства поединщиковъ, т. е. ихъ силу и искуство, «а бой полщиковъ давати ровенъ» [73]), а обычаи требовали уравненія и внутреннихъ качествъ бойцовъ [74]), однакожъ полевой процессъ во

---

[72]) «Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, 1550 г., какъ судити бояромъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и діякамъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городомъ намѣстникомъ, и по волостемъ и ихъ тіуномъ и всякимъ судіямъ». О полѣ ст. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19.

[73]) Между прочимъ Максимъ Грекъ по поводу судебнаго поединка писалъ еще слѣдующее: «Сіе Божіе праведное повелѣніе отринувше, иже у насъ властеліе и судіе, желаніемъ корыстованія, аще и весь градъ предстанетъ вопіющъ и свидѣтельствующъ на обидѣвшаго, никако-же внемлютъ имъ; но оружіи и *браньми множайшими* велятъ разсудитися обидящему и обидимому, и иже аще множайшими браньми побѣдитъ, той правъ судится у нихъ, аще обидѣвъ будетъ». *Рукоп. библ. Троицкой лавры*, ст. 49 и 177 и друг.; у *Бѣляева*, стр. 59. «А битися на полѣ бойцу съ бойцомъ, или небойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не битися, ино имъ на полѣ битися и пр.». *Судеб. Іоанна VI*, ст. 14.

[74]) Въ одномъ изъ судныхъ дѣлъ 1505 г. сказано: «И Иванъ да Юрій Луневы, да Митя Игнатовъ такъ рекли: мы, господине, съ ними на поле битися не лѣземъ; а поставятъ, господине, противъ насъ дѣтей боярскихъ, и мы,

всѣхъ отношеніяхъ представляется судомъ неправеднымъ, въ высшей степени разорительнымъ, особенно для побѣжденнаго. Онъ развивалъ классъ людей темныхъ: волхвовъ, ябедниковъ, питалъ суевѣріе въ массахъ и плодилъ неурядицу. Поле стали назначать по суду даже и тамъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло миролюбиво или инымъ способомъ, ибо въ этомъ дѣлѣ непосредственно заинтересованы были и производители суда, и тѣ темные люди, для которыхъ поединокъ служитъ предметомъ наживы, т. е. наймиты и всякаго рода чародѣи. «Повелѣно, говоритъ Максимъ Грекъ, объ оружіи разсудится тяжбѣ, взыскуется отъ обою добронравенъ полевщикъ, взыскуется отъ обидящаго и чародѣи ворожея, ижъ возможетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику». Чуткій ко всѣмъ современнымъ злоупотребленіямъ, Максимъ Грекъ, въ словѣ о *Божіемъ промыслѣ, благости и человѣколюбіи*, возсталъ противъ поединка, поддерживаемаго лихоимствомъ: «корыствованія бо для неправеднаго и лихоимства несытнаго умыслися вамъ сицево богомерзки судилище». Въ такомъ судѣ обиженный убогій обвиняется, а богатый обидчикъ оправдывается «мзды ради». Но голосъ Максима Грека тогда не имѣлъ рѣшительнаго вліянія, хотя въ глубинѣ души многіе признавали его справедливость, и самъ Іоаннъ Грозный, утвердивъ Судебникъ въ 1550 г., въ слѣдующемъ же 1551 г. на Стоглавомъ соборѣ московскомъ, въ предложенномъ на разрѣшеніе вопросѣ, выразилъ негодованіе на волхвовъ и чародѣевъ, которые своими бѣсовскими поученіями оказывали пособіе тяжущимися: «на тѣ *чарованія надѣяся*, поклепца и ябедникъ не миритца, и крестъ цѣлуютъ, и на полѣ биютца и, поклѣпавъ, убиваютъ» [75]). Но соборъ въ своемъ отвѣтѣ не пошелъ далѣе совѣтовъ. Онъ предлагалъ запретить чародѣйства при полѣ, и самъ наложилъ на чародѣйниковъ и принимающихъ ихъ запре-

---

господине, противъ дѣтей боярскихъ биться лѣземъ». *Бѣляевъ*, 50 стр. Тутъ же приведены права лицъ на рѣшеніе тяжбы поединкомъ въ чешскомъ правѣ. Биться на поединкѣ могли только равные по рожденію, низшій-же съ высшимъ могъ биться только тогда, когда этого хотѣлъ самъ высшій, въ противномъ случаѣ высшему по рожденію предоставлялось право доказывать свою невинность присягою надъ крестомъ. Люди благородные бились мечами со щитомъ; люди низшаго класса—палками (Kyji) со щитами великими». *Тамъ же*, стр. 51.

[75]) *Стогл. гл. 41*, вопр. 1—7. У *Бѣляева*, стр. 60.

щенія по церковнымъ правиламъ и представилъ ходатайство о томъ, чтобы не принуждать къ полю священниковъ и иноковъ, а довольствоваться отъ нихъ обыскомъ [76]).

Чародѣевъ и волшебниковъ, повидимому, не удалось извести, съ ними мы встрѣтимся еще въ XVI столѣтіи. Но «поле» должно было прекратить свое существованіе еще въ концѣ XVI столѣтія.

Лѣта 7064 (1556 г.) августа въ 21 день, царь всея Руси приговорилъ со всѣми бояры: дѣла, которыя могутъ быть разрѣшены судомъ по обыску и свидѣтельскими показаніями («послушествомъ»), *вершити безъ поля и безъ цѣлованія*. «А досудятся въ которомъ дѣлѣ до поля, а станетъ бити челомъ отвѣтчикъ, что ему стояти у поля не мочно, чтобъ присудили крестное цѣлованіе: *ино поле отставивати*, а дати на волю истцу, хочетъ самъ поцѣлуетъ, или ему дастъ. А учнетъ бити челомъ ищея, ино потому жъ дати отвѣтчику на волю» [77]). Съ того времени мѣстами началась отмѣна поединка.

Такъ, въ уставной Двинской грамотѣ (сентябрь 1556 г.) читаемъ: «А судити выборнымъ судьямъ христьянъ по ихъ животомъ и по нашей уставной грамотѣ; .... *а судити имъ и сыскивати во всякихъ дѣлѣхъ и управа чинити безъ поль»* [78]).

Въ другихъ грамотахъ, напримѣръ, уставныхъ Троицкаго мона-

---

[76]) *Стогл. гл. 41*. Отвѣтъ на вопр. 17 «О свят. и судѣ». Акты Археолог. Эксп., т. 1, № 229 стр. 221: «а бояромъ къ полемъ и къ цѣлованью попомъ не присужати, обыскивати о всякихъ дѣлѣхъ обыскомъ».—См. въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства» *И. Д. Бѣляева*, изд. 1879 г. «О суевѣріяхъ», стр. 547—549. Чародѣи и волхвы, прельщая народъ разными еретическими хитростями, предлагали поединщикамъ свои кудесническія пособія и по аристотелевымъ вратамъ и рафлямъ и звѣздамъ, показывали счастливые и несчастливые часы, прельщали людей, оттого и ябедники, надѣясь на кудесничество, не мирились, выходили на бой и побивались.

[77]) «Собр. важн. пам. по истор. древн.-русскаго права», стр. 278 и слѣд., II, 1, 8, 15. За ложныя показанія свидѣтелей опредѣлено наказывать какъ и въ разбойныхъ дѣлахъ, а именно—бить кнутомъ. Когда число солгавшихъ свидѣтелей будетъ значительное, то кнутомъ наказывали 5% или 6%. Бояре, дворяне и дѣти боярскія отвѣчаютъ за ложныя показанія своихъ крестьянъ.

[78]) Ак. Археогр. Эксп. I, № 250, стр. 272. Тоже и въ судн. грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. *Бѣляевъ*.

стыря, о полѣ упоминается даже въ 1590 году [79]. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ XVI столѣтія «поле» постепенно отмѣняется, какъ бы само собою начинаетъ угасать и въ началѣ XVII вѣка, кажется, совершенно исчезаетъ.

Упраздненіе поля, какъ судебнаго доказательства, повело къ усиленію наказаній свидѣтелей за ложныя показанія. Поле, какъ мы знаемъ, кормило не однихъ только приказныхъ людей, оно кормило также наймитовъ, волхвовъ и чародѣевъ. Съ прекращеніемъ поля въ государствѣ сталъ развиваться классъ «ябедниковъ», крайне несимпатичный въ народной памяти. Ябедники, говорятъ памятники наши, являлись въ суды по найму и проводили своихъ довѣрителей, «лгали, говорили не по дѣлу, лаяли, оттягивали судъ». И такихъ злыхъ людей, послѣ наказанія кнутомъ, ссылали въ украинскіе города Сѣвскъ и Курскъ. Само правительство готовило въ степяхъ горючій матеріалъ для смутнаго времени. И этими ябедниками были дѣти боярскіе и боярскіе холопы [80]).

---

[79]) По мнѣнію Бѣляева (стр. 60 и 61), мѣстныя отмѣны поединка начались съ 1556 г.: уст. Двинская грамота, въ Акт. Арх. Эксп. т. I, № 250, стр. 272; судн. грамота удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. Напротивъ, въ устав. грамотахъ для селъ Троицкаго монастыря 1560, 1580, 1590 встрѣчаются упоминанія о полѣ. Акт. Археогр. Эксп., т. I, стр. 278, 373, 420, №№ 255, 398 и 347.

[80]) «Многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ государей (т.-е. господъ), *наймуются* въ судѣхъ у иныхъ, а *ябедами и кромолами люди протопрятъ*, въ жалобницахъ пишутъ иски великіе и, что не довелося въ судѣхъ, лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягая судъ, чтобъ надолго не вершити, или составляютъ кромолы, поминая иныя прежнія дѣла «лаю»;... а тѣмъ злымъ людемъ, *дѣтямъ боярскимъ и холопямъ* и иныхъ чиновъ людемъ казни нѣтъ: и государь царь, что въ томъ укажетъ. *Док. 1582 г.* Въ приговорѣ своемъ царь указалъ: ябедниковъ, кромолниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадити; *холопій боярскихъ*, когда въ судѣ будетъ говорить не по дѣлу, *бивъ кнутомъ* отъ суда отсылати и впредь къ суду не пущати. А буде лаялъ—*бивъ кнутомъ доправить безчестіе безъ суда*. А назоветъ кого воромъ или кромольникомъ и не доведетъ, самого казнити смертью, а кто въ судѣ лжетъ и составитъ ябеду, ино того казнити *торговою казнью, да написати въ казаки въ украйные города Сѣвскъ и Курскъ*. А наемнаго доводчика, который на судѣ продаетъ, не договоритъ взявъ деньги, казнити *смертью*, а кто подкупилъ—казнити *торговою казнью*.—Точно также установлены суровыя наказанія и на *дѣтей боярскихъ*, которыя, бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ, занимаются ябедою, подаютъ великіе иски, а мирятся на маломъ.

Никакого не можетъ быть сомнѣнія, что распространеніе огнестрѣльнаго оружія со второй половины XVI столѣтія было главною причиною упраздненія «поля», какъ судебнаго доказательства. Смертоносное оружіе поражало безъ разбора и сильнаго, и слабаго, и богатаго, и бѣднаго. Теперь наймиты и чардоѣи должны были обратиться къ иному, болѣе безопасному, но не менѣе прибыльному промыслу, и въ этомъ они нашли поощреніе въ суевѣріи общества XVII столѣтія [81]).

Потѣшные и кулачные бои.

Какъ *потѣшные* бои съ дреколіемъ, противъ которыхъ, какъ противъ обычая языческаго—«эллинскаго», возставало духовенство лишавшее бойцовъ христіанскаго погребенія, что видно изъ слѣдующаго мѣста густынской лѣтописи: «порази же слѣпотою новгородцевъ, яко оттолѣ (т.-е. съ X вѣка) *въ сіе время даже до нынѣ* въ каждо лѣто на томъ мосту (Волховскомъ) люди собираются, *раздѣльшеся на двое, играюще* убиваются»,—такъ и *кулачные бои*, зачастую оканчивавшіеся смертоубійствомъ, имѣли, повидимому, тотъ-же характеръ.

Подобно турнирамъ нѣмцевъ, кулачные бои русскихъ имѣли характеръ любимой *забавы* или *потѣхи*. На особенно отведенномъ мѣстѣ, называемомъ «поле», собирался народъ, и молодежь публично вступала въ *единоборство*, показывая свою удаль и силу. Вотъ что разсказываетъ о такихъ забавахъ въ XVI столѣтіи баронъ Герберштейнъ [82]). «Въ праздничные дни молодые люди и

Такъ, за составъ и кромолу *торговая казнь и ссылка въ казаки въ карунинскіе города*, а помѣстья и вотчины взявъ раздати роду его, а не будетъ ему рода—отдать безпомѣстнымъ. Съ судей (бояръ, намѣстниковъ, казначеевъ, дьяковъ), покровительствующихъ *ябедникамъ*, взяти истцовъ искъ, пошлины и протори, а въ искѣ, что государь укажетъ. *Лѣта 7090* (1582 г.) марта въ 12 день. «Собр. важн. памят. по истор. русскаго права», стр. 309—312.

[81]) Мѣста, гдѣ происходили судебные поединки, до сихъ поръ сохраняются въ названіи разныхъ урочищъ, селъ и деревень словомъ *майданъ* или *мейданъ*, что на восточныхъ языкахъ означаетъ «поле». Извѣстно, что у сербовъ и болгаръ до сихъ поръ мейданъ именно означаетъ «поединокъ». *Бѣляева*, стр. 52, замѣтка *П. А. Безсонова*.

[82]) *Барона Герберштейна*—Записки о Московіи. «Rerum Moscovit. Comment», стр. 80 и 81.

мальчишки обыкновенно собираются въ городѣ на обширное и извѣстное всѣмъ (celebris) мѣсто, чтобы всѣ ихъ могли видѣть и слышать. Ихъ созываютъ, подавая сигналъ свистомъ. Поэтому сигналу они немедленно сходятся и вступаютъ въ рукопашный бой. Начинаютъ бой кулаками, и вскорѣ съ большою яростью колотятъ руками и ногами безъ разбору лицо, шею, грудь, животъ и дѣтородныя части или, споря между собою о побѣдѣ, стараются какимъ-бы то ни было образомъ повалить другъ друга, такъ что часто уносятъ нѣкоторыхъ оттуда мертвыми. Кто побѣждаетъ бо́льшее число противниковъ, больше остается на мѣстѣ и мужественнѣе переноситъ удары, того хвалятъ передъ другими и онъ считается славнымъ побѣдителемъ. Этотъ родъ борьбы установленъ для того, чтобы юноши привыкли сносить побои и переносить терпѣливо всякіе удары».

Въ теченіи XVI столѣтія кулачные бои были еще въ большой модѣ, они забавляли суроваго царя Іоанна Васильевича. Всѣмъ извѣстна былина, воспѣтая знаменитымъ поэтомъ. Пространство для боя и для поединка обозначалось веревкою или цѣпью [83]).

Кулачные бои церковь относила также къ языческимъ забавамъ, считая ихъ, «эллинскою» потѣхою, и въ XVII столѣтіи они подвергались энергическому запрещенію наравнѣ съ иными бѣсовскими забавами, а участники ихъ преслѣдовались наравнѣ съ ворожеями.

б) Личныя оскорбленія по Русской Правдѣ, разнымъ уставамъ и Судебникамъ.

Первоначальные древнѣйшіе русскіе законы о личныхъ оскорбленіяхъ заимствованы изъ византійскихъ и скандинавскихъ источниковъ [84]). Въ уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесены:

---

[83]) «И велѣлъ (царь Иванъ Васильевичъ) растянуть цѣпь серебряную, чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную. Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ для *охотницкаго боя*, *одиночнаго*». *Лермонтовъ*.

[84]) Второй отдѣлъ устава Владиміра—*правила о церковныхъ судахъ*—составленъ по византійскому номоканону; послѣдній служилъ образцомъ первому. Уставъ этотъ служилъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ уставовъ, опредѣлявшихъ отношеніе церкви къ обществу; на него ссылается Московскій соборъ 1656 г. *Бѣляевъ*. «Лекціи по истор. рус. права», стр. 207, 209. Въ

а) *оскорбленіе дѣйствіемъ ближайшихъ родственниковъ*: «зубояжа или сынъ отца біетъ илі матерь дочька біетъ, или свекровь», б) *сквернословіе и брань*: «кто уречется скверными словы и прилагая отца и матерь, или сестры, или дѣти», «*уреканій три* б....., и зеліи и еретичествомъ», и в) *волхованіе* и *чародѣйство*: «вѣдовьство, потвори, чародѣаніе, вълхъвованіе, зельничьство». Тотъ-же церковный уставъ въ редакціи Ярослава, при опредѣленіи взысканій за обиду женщины, различаетъ сословія: «Аще кто пошибаетъ боярскую дочку или боярскую жену: за *соромъ* ей 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ — гривна золота, а нарочитыхъ людей три рубля; а простой чади—15 гривенъ». Еще опредѣленнѣе это различіе установлено за оскорбленіе женщины (мужней жены) названіемъ б.....»: за жену великихъ бояръ—за соромъ ей 5 гривенъ золота, а будетъ меньшихъ бояръ — за соромъ ей 3 гривны золота, а будетъ городскихъ людей — за соромъ ей три гривна серебра, а сельскихъ людей — за соромъ ей гривна серебра [85]). Та же плата назначалась въ пользу митрополита. Кромѣ того, за обиду болѣе тяжкую опредѣлялось уголовное наказаніе по распоряженію свѣтской власти: «а князь казнитъ».

Въ древнѣйшихъ законахъ, заимствованныхъ изъ Византіи, мы уже встрѣчаемся съ оскорбленіемъ словомъ (поноснымъ, оскорбительнымъ) и подобныя оскорбленія подлежали разбирательству духовной власти.

Въ Русской-же Правдѣ, которая, за малыми исключеніями, отличается чисто славянскимъ характеромъ, оскорбленіе словомъ, напримѣръ брань, не считалась личною обидою, по крайней мѣрѣ о такой обидѣ въ ней не упоминается. Въ ней разбираются различнаго рода побои и тѣлесныя повреждения, на которыя она смотритъ, какъ и въ статьяхъ объ убійствѣ, какъ на права частной мести. Обиженному представлялось на выборъ — или

«Русской Правдѣ», встрѣчаемъ заимствованія изъ скандинОвскихъ законовъ, см. Б. Утина—«Ueber die Ehrenverletz», стр. 19 и приводимыя имъ цитаты. «Русская Правда», передѣланная на русскій ладъ, свидѣтельствуетъ о тѣхъ юридическихъ вѣрованіяхъ, коими жило русское общество того времени. *Бѣляевъ*, стр. 219.

[85]) Собр. важн. памят. по истор. древн.-русск. права, стр. 396, 399, 401.

метить обидчику или взыскать съ него деньги за *обиду*, за *соромъ* т.-е. за безчестье [86]).

Всякое преступленіе противъ личности по древнимъ русскимъ законамъ считается *обидою* и этимъ словомъ въ обширномъ смыслѣ выражается *неправда*. Такое обобщеніе встрѣчаемъ и на другихъ языкахъ (латинское — Injuria, скандинавское — Wildas). Руская Правда не дѣлаетъ различія между тѣлесными поврежденіями и оскорбленіемъ дѣйствіемъ и облагаетъ тѣ и другія извѣстною платою. Къ оскорбленіямъ *дѣйствіемъ* она относитъ: 1) ударъ мечомъ безъ обнаженія его, или рукояткою (ст. 18); 2) ударъ батогомъ, чашею, рогомъ, тылѣсиною (ст. 20); 3) ударъ мечемъ съ нанесеніемъ раны (ст. 24); 4) простой толчокъ «аже попъхнетъ мужъ мужа, любо къ себѣ, ли отъ себе» (ст. 25); 5) ударъ по лицу (вѣроятно рукою), (ст. 25); 6) ударъ жердью (ст. 25); 7) выбитіе зуба съ кровотеченіемъ «а кровь видятъ оу него во ртѣ» (ст. 61); 8) «кто порветъ бороду» (ст. 60). Предусматривается *угроза:* Аже ли вынетъ мечь, а не оутнетъ» (ст. 19). Къ особому виду личной обиды относится нанесеніе удара (какого бы ни было) холопомъ свободному мужу. Затѣмъ, къ личнымъ же оскорбленіямъ отнесены *тѣлесныя поврежденія* или *раны:* 1) отсѣченіе перста (ст. 22); 2) отсѣченіе или поврежденіе руки или ноги (ст. 21); 3) поврежденіе глаза (ст. 21).

За всѣ означенныя личныя обиды опредѣлялась денежная плата обыкновенно на гривны, по количеству которыхъ мы

---

[86]) Законы о личныхъ оскорбленіяхъ до «Русской Правдѣ» разсмотрѣны Б. Утинымъ, Н. Ланге и Бѣляевымъ въ вышеназванныхъ сочиненіяхъ. По мнѣнію Бѣляева (лекціи, стр. 231), статьи о личныхъ оскорбленіяхъ въ «Руской Правдѣ» изданы въ отмѣну статей суднаго закона, несогласныхъ съ духомъ общества. Въ нихъ поддерживается право мести; но Ярославъ не могъ уже вполнѣ отрѣшиться отъ византійскаго права и обратиться къ старымъ русскимъ обычаямъ. По старымъ русскимъ обычаямъ въ дѣлахъ по личнымъ оскорбленіямъ судебными доказательствами были знаменіе (знаки отъ побоевъ) и рота (присяга). Ярославъ отмѣнилъ роту и ввелъ новое судебное доказательство, чисто византійскаго происхожденія — свидѣтелей или *видоковъ*. О томъ, что личное оскорбленіе считалось «безчестіемъ» и относилось къ тѣмъ правонарушеніямъ, которыя означали обиду, разъясняетъ Б. Утинъ, стр. 23 и 34. Онъ ссылается на Судебникъ царя Константина, въ ст. о *сварѣ* и т. д.

можемъ различать большую или меньшую тяжесть обиды [87]). Въ побояхъ тяжкихъ виновный платитъ продажи по 12 гривенъ, въ побояхъ легкихъ—по 3 гривны; за побои въ дракѣ платится меньше 3 гривенъ, если не было никакихъ знаковъ на тѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ зачинщикъ драки не получалъ платы за обиду (ст. 23). Взаимная обида не наказуема, что видимъ изъ выраженія въ ст. 20: «не терпяще противу тому (кто нанесетъ ударъ чѣмъ-либо) оударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нетуть».

Тяжкою обидою считалось вырываніе клока волосъ изъ бороды, напротивъ ударъ по лицу отнесенъ къ легкой обидѣ. Древній человѣкъ дорожилъ болѣе всего благообразностью своего лица. За выбитый зубъ съ кровотеченіемъ, что почиталось тяжкой обидой, обиженному платилась гривна, какъ вознагражденіе за увѣчье (на лѣченіе) [88]).

Что-же касается до ранъ и тѣлесныхъ поврежденій, то въ

---

[87]) Высшею монетою была *гривна*. Гривна сначала означала вѣсъ металла—золота или серебра, и почти равнялась нынѣшнему фунту. Въ тоже время она означала и монету, равную греческой литрѣ, которая вѣсила на нашъ вѣсъ 72 золотника, а по старинному вѣсу 68 золот. Гривна серебра содержала въ себѣ 4 гривны кунъ (такъ и въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1230 года). Но это отношеніе не всегда было одинаково. Въ уставѣ Владиміра отношеніе между ними было какъ 1: 7, или какъ 1 къ 7½. Въ этомъ же уставѣ въ золотой гривнѣ считалось 50 гривенъ кунъ. Но гривна золота не была ходячею монетою. Кунами назывались монеты въ нашъ полтинникъ величиною, только нѣсколько тоньше его. До XII столѣтія въ гривнѣ было 25 кунъ, а съ XII — уже 50 кунъ, то-есть 200 монетъ, называемыхъ кунами, составляли гривну серебра. *Ногатъ* въ гривнѣ 20; вѣверицъ или векшъ въ гривнѣ 900. Новгородскія деньги были почти вдвое тяжелѣе низовыхъ, въ новгородской гривнѣ серебра считалось не 4, а 7½ гривенъ кунъ, какъ и въ уставѣ Владиміра Святаго. Гривны дѣлались изъ чистаго серебра, мелкія монеты—изъ смѣси металловъ. *Бѣляевъ*, «Лекціи», стр. 200—202.

[88]) Въ чью пользу шла продажа по спискамъ «Правды» судить трудно. Ланге въ своихъ толкованіяхъ («Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.» 1859 г., апрѣль, стр. 166 и 167) старается доказать, что за обиду дѣйствіемъ вознагражденіе за «обиду», «соромъ», шло въ пользу обиженнаго, а за рану и тѣлесное поврежденіе оно опредѣлялось и въ пользу князя—какъ продажа, и въ пользу пострадавшаго—какъ безчестье. См. объ этомъ же предметѣ сужденіе Утина. Это различіе въ платѣ *пени* въ пользу князя, *безчестья* и *увѣчья*—въ пользу потерпѣвшаго, ясно можно различать лишь въ позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права.

Русской Правдѣ противопоставлено два лица, получавшія плату: одно лицо—самъ обиженный, а другое лицо былъ князь. «Аже персть аутнетъ (или) либо 3 гривны продажѣ, а самому гривна коунъ» (ст. 22). Въ пользу обиженнаго опредѣляется небольшая плата—за отсѣченіе пальца гривна кунъ, за отсѣченіе руки и проч. 10 гривенъ т. е. меньше чѣмъ за ударъ мечомъ. Полагаютъ, что гривна и 10 гривенъ, (ст. 21 и 22) была *добавочною платою,* сверхъ опредѣленной въ предыдущихъ статьяхъ платы за безчестье, и эта плата назначалась какъ за лѣчебное и за увѣчье (ср. ст. 24).

Получившій ударъ, когда не было на тѣлѣ знаковъ «еще ли не будетъ на немъ знамени», долженъ былъ привести въ судъ свидѣтелей и, по разслѣдованію, зачинщикъ драки платилъ 60 кунъ (1$^1/_5$ гривны); если же виновный не могъ привести свидѣтелей, то искъ прекращался. *Рота* или присяга Ярославомъ сохранена только въ томъ случаѣ, когда обиженнымъ былъ Варягъ или Колбягъ, потому вѣроятно, что ни въ Скандинавіи, ни въ Помераніи не было введено еще христіанства, и Ярославу не хотѣлось подчинять язычниковъ христіанскимъ законамъ (*Бѣляевъ,* стр. 282)

Русская Правда ясно различаетъ людей свободныхъ отъ несвободныхъ. Когда холопъ ударитъ свободнаго мужа, а господинъ его не выдастъ, то обиженной получаетъ за безчестье 12 гривенъ; но если господинъ поймаетъ ударившаго его холопа, то можетъ его убить. Это постановленіе Ярослава, при его сыновьяхъ, смягчено въ томъ смыслѣ, что для удовлетворенія своей мести, господинъ, поймавши холопа, могъ его побить и отпустить («любо бити и развязавше»), или взять гривну кунъ за соромъ бечестье). Въ личныхъ обидахъ по Русской Правдѣ всѣ свободные получаютъ одинакое удовлетвореніе, между тѣмъ въ опредѣленіи виры за убійство различаются прежде всего два класса: *княжи мужи* и *бояре,* принадлежавшіе къ высшему разряду дружины, и всѣ прочіе кромѣ рабовъ), подъ общимъ собирательнымъ именемъ *смердь* русинъ или гридь, т. е. младшая дружина, купецъ, мечникъ, изгой, боярскій тіунъ, словѣнинъ. Все это были люди свободные; за голову каждаго изъ нихъ положено 40 гривенъ, а если некому будетъ мстить за княжа мужа, «то положити за голову 80 гривенъ». Между тѣмъ за убійство холопа пеня опредѣлялась въ зависимости отъ значенія его господина, а именно отъ 12 до 5 гривенъ, а за

рабу —6 гривенъ. Въ опредѣленіи платы за оскорбленіе женщины свободныхъ состояній, какъ мы видѣли, въ церковныхъ законахъ различались ясно четыре класса: *великіе бояре, меньшіе бояре, городскіе люди и сельскіе люди*. Замѣтимъ еще, что въ Русской Правдѣ встрѣчаются статьи, въ которыхъ опредѣлена пеня за муки и истязаніе: огнищанина, тіуна, мечника, или простаго человѣка, смерда (но не холопа)—*безъ княжескаго приказанія*. Слѣдовательно, по приказанію князя и свободные люди могли подвергатся наказанію [89]).

Общественная жизнь въ древней Руси была нѣсколько развита только въ извѣстномъ кругу людей свободныхъ; люди несвободные—холопы или рабы, были не болѣе, какъ вещью. Господинъ могъ убить холопа безнаказанно. Языческіе обычаи сохраняли жизненную силу, а церковь имѣла еще слабое вліяніе на юридическій бытъ Россіи. Съ одной стороны съ трудомъ прививались византійскіе законы о судѣ, съ другой — христіанство не могло устранить «отеческихъ», собственно языческихъ обычаевъ; въ XV столѣтіи поле или судебный поединокъ получили даже государственную санкцію, а духовныя власти въ XVI в. продолжали безплодную борьбу съ волхвами и чародѣями.

Въ продолжительный періодъ времени отъ XII до конца XV столѣтія обстоятельства не могли благопріятствовать общественному развитію народа, частію вслѣдствіе междоусобій удѣльныхъ князей, частію вслѣдствіе вліянія монгольскаго владычества. Изъ духовныхъ посланій видимъ печальное состояніе нравственности въ народѣ. За этотъ длинный періодъ времени сохранилось только нѣсколько юридическихъ актовъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ вопросу о личныхъ обидахъ [90]). Въ договорѣ съ нѣмцами

---

[89]) Русская Правда (списокъ Троицкій): «А въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть; но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити, или за рабу, а князю 12 гривенъ продажѣ». *Собр. важн. пам. по исторіи древ. русск. права. Русская Правда*, стр. 55, 56, 65. Тамъ же другіе списки Русской Правды и церков. уст. Владиміра св. и Ярослава I (1051 — 1054). Сужденія *Б. Утина, Н. Ланге* и *Бѣляева*. См. еще *Соловьева*: Исторія Россія ч. I. Особенно *Калачова* «Изслѣдованіе о Русской Правдѣ» 1846 года.

[90]) Договоръ Смоленскаго князя Мстислова Давыдовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ, въ 1228 и 1229 годахъ. *Собр. важн. пам. по исторіи древ. русск. права;* п. III, ст. 1, 2, 3, 4. Уставная Двинская грамота вел. кн.

1229 г. предусматриваются—*ударъ до крови*, *ударъ по лицу* или *батогомъ*, *тѣлесныя повреждения*, *схватка за волосы*. Сумма платежа за безчестье увеличивалась или уменьшалась, смотря по важности тѣлеснаго повреждения и значенію лица; такъ, за ударъ до крови опредѣлялось полторы гривны, за выбитый глазъ, отсѣченіе руки, ноги — по 5 гривенъ. Священникъ за обиду получалъ вознагражденіе вдвое болѣе свободнаго мужа; вознагражденіе холопа за побои и тѣлесныя повреждения было ничтожное. Но эти постановленія имѣли, кажется, мѣстный характеръ. Въ Двинской грамотѣ 1398 г. встрѣчаемъ постановленіе объ оскорбленіи *словомъ* только въ отношеніи бояръ; за оскорбленіе боярина платилось ему безчестье по его *отечеству*, т.-е. по значенію рода. За побои вообще, съ причиненіемъ раны или синяковъ, въ грамотѣ опредѣлялось безчестье: за кровавую рану — 30 бѣлъ, за синюю рану—15 бѣлъ, «а вина противу того», т.-е. пеня, шла въ пользу князя. Холопы попрежнему не состояли подъ покровительствомъ законовъ: «А кто осподарь рѣшится ударить своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ, ни вины не емлютъ». Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, именно въ 1477 г., видимъ, что въ Новгородской судной записи вознагражденіе за нанесеніе побоевъ крестьянину опредѣлено было въ *одинъ рубль*, сколько бы ни было участниковъ въ дракѣ; но кто вырветъ бороду, тотъ платитъ за бой и бороду *два рубля*: «ино *за бороду* присуждати *два рубля за бой*». За безчестье менѣе рубля не присуждалось пени, но искъ за безчестье могъ быть и менѣе рубля [91]).

Василія Дмитріевича, тамъ же стр. 145. *Акт. Археогр. Эксп.*, I, № 13.—Посланіе митрополита Іоны Верейскому князю Михаилу Андреевичу, послѣ 1450 г. объ обидѣ митрополичьяго десятника *Акты. Истор.* I, № 50. Запись новгородская о церковномъ судѣ, ранѣе 1477 г. *Акты Археогр. Эксп.* I, № 103. Губная (уставная) московская запись ранѣе 1486 г. *Акты Археогр Эксп.* I. № 115. Жалованная грамота вел. кн. Іоанна Васильевича Костромскому намѣстнику боярину Судимонту, 1499 г. *Акты ист.*, I, № 110.

[91]) Такъ, въ губной московской записи читаемъ: «а пересуда идетъ съ рубля по десяти денегъ, а меньши рубля пересуда нѣтъ; а кто учнетъ безчестія искать, то со всякого пересудъ». Изъ этихъ словъ Ланге заключаетъ, «что такіе иски о безчестіи въ это время уже начались со стороны простолюдиновъ, вслѣдствіе непригожихъ словъ», иначе за какое безчестье могли взыскивать менѣе рубля, когда за побои назначался одинъ рубль». «Журн.

Постановленія эти мало содержательны, по нимъ нельзя составить опредѣленнаго заключенія. Видимъ только, что въ обществѣ XV стол. уже зарождалось понятіе о личной обидѣ *непригожимъ, непристойнымъ словомъ* и что поднималось значеніе низшаго класса людей—холоповъ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о родовой чести, гдѣ каждое лицо основываетъ свои притязанія на почетъ и первенство не на своемъ внутреннемъ достоинствѣ, но на своихъ кровныхъ связяхъ и на значеніи своей породы, перейдемъ къ Судебнику царя Іоанна Васильевича, какъ важнейшему изъ постановленій XVI стол., гдѣ за личную обиду опредѣлено въ пользу обиженнаго денежное вознагражденіе—въ соотвѣтствіи съ *окладомъ жалованья* или *доходомъ отъ кормленія*. На основаніи этого закона, получившаго широкое приложеніе и подробную регламентацію въ Соборномъ Уложеніи 1649 г., полагалось за обиду чиновнаго лица взыскивать годовой оклатъ его жалованья *(Спасовичъ)*.

Сущность постановленій Судебника о безчестіи состоитъ въ томъ, что *каждому разряду лицъ присвоена честь, отличная отъ чести людей всѣхъ другихъ разрядовъ;* безчестіе уменьшается по мѣрѣ увеличенія разстоянія людей даннаго разряда отъ царя, какъ источника всякой чести въ государствѣ. Таково происхожденіе чести *чиновной*, которая противополагалась чести *родовой*, основанной на породѣ.

Сперва замѣтимъ, что жители Московскаго государства въ первое время единодержавія дѣлились на *служилыхъ людей* и *неслужилыхъ*, или, какъ ихъ называли въ актахъ, *жилецкихъ* людей. Къ служилымъ относились: а) *духовенство*, высшіе члены котораго назывались властями; б) *дворянство*, названное такъ въ 1566 г.; оно образовалось изъ старшихъ дружинниковъ, бояръ и

Мин. Народн. Просв.» 1859 г., апрѣль, стр. 172. Но такой выводъ не вытекаетъ изъ существа текста названнаго акта. «Безчестье непригожимъ словомъ» или собственно «лай» въ XV стол., пожалуй, могли понимать въ смыслѣ оскорбленія чести развѣ только высшіе разряды служилыхъ, особенно когда дѣло касалось чести ихъ рода, по расчетамъ мѣстничества.—Мы видѣли, какихъ усилій стоило духовенству, чтобы внушить своей паствѣ необходимость пріучать своихъ дѣтей избѣгать употребленія неприличныхъ выраженій, а это было уже въ XVI столѣтіи!

удѣльныхъ князей, поступившихъ на службу московскому государю. и дѣлилось на: 1) *московскихъ дворянъ*, 2) *жильцовъ* и 3) *городовыхъ дворянъ*; в) *боярскія дѣти*, переименованнные въ 1566 г. изъ младшей дружины и дворянъ. Дворяне занимали высшія должности при государевомъ дворѣ, въ администраціи и войскѣ, изъ болѣе знатныхъ родовъ назначались ко двору: бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе. Дѣти боярскія занимали низшія долюности въ войскѣ и во всѣхъ управленіяхъ. Далѣе были *служилые люди по прибору*: стрѣльцы, пушкари, городовые казаки и проч. Къ *неслужилымъ* или *жилецкимъ людямъ* отнесены 1) *городскіе или посадскіе люди* (гости, торговые люди, сурожане и суконники, торговые люди черныхъ сотень), 2) *сельскіе* или *уѣздные жилецкіе люди* подъ общимъ именемъ *крестьянъ*. Кромѣ того, былъ еще значительный классъ *государевыхъ людей*, ничѣмъ не обязанныхъ государству и составлявшихъ какъ-бы пролетаріатъ.

Въ царскомъ Судебникѣ, при опредѣленіи денежнаго штрафа за безчестье, принята въ соображеніе эта группировка служилыхъ и неслужилыхъ людей Московскаго государства. Дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленіе, безчестье указывать по количеству получаемаго дохода, а которымъ полагается денежное жалованье, то окладъ его и служитъ мѣрою для вознагражденія за безчестье. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ безчестье указываетъ самъ царь и великій князь. Затѣмъ безчестье гостямъ—50 рублей, торговымъ людямъ и посадскимъ—5 рублей, боярскому человѣку—5 рублей, тіуну боярскому или доводчику и праветчику безчестье—противъ ихъ дохода. Наконецъ, крестьянину пашенному и непашенному, боярскому человѣку молодчему или черному городскому—безчестья рубль. «А за увѣчіе указывати крестьянину, посмотря по человѣку и по увѣчью и по безчестію, и всѣмъ указывати за увѣчья посмотря по человѣку и по увѣчью». Женамъ означенныхъ лицъ, по всѣмъ категоріямъ, отъ боярскаго сына до крестьянина безчестье опредѣлять вдвое противъ доходовъ или окладовъ мужа.

Эта табель съ таксою за безчестье постепенно дополнялась въ XVI и XVII столѣт., по мѣрѣ образованія новыхъ группъ служилыхъ и неслужилыхъ людей, и спустя сто лѣтъ, въ Уложеніи 1649 г., уже составила сложную систему денежной таксы, служившей основаніемъ для иска за безчестье въ судѣ.

Въ постановленіяхъ Судебника важно то обстоятельство, что государство беретъ подъ защиту и личность крестьянина, т.-е. что холопъ перестаетъ быть вещью; честь его, однако, очень низка, и чѣмъ ниже были люди по своему общественному положенію, тѣмъ меньше цѣнилась и ихъ честь, тѣмъ меньшая назначалась плата за ихъ безчестье. О безчестьи боярина въ Судебникѣ не упоминается, но изъ частныхъ случаевъ назначенія штрафа видимъ, что ему опредѣлялось за безчестье 600 рублей, слѣдовательно его честь цѣнилась въ 600 разъ дороже чести крестьянина [92]). За *увѣчье*, т. е. за раны и тѣлесныя поврежденія опредѣлялась особая плата, смотря по свойству поврежденія и по значенію человѣка, «смотря по человѣку и увѣчью». Теперь безнаказанно нельзя было бить и увѣчить холопа.

Судебникъ, однако, не говоритъ, въ чемъ именно состояла обида, дававшая право на искъ о безчестьи. Это обстоятельство опредѣлялось, безъ сомнѣнія, обычаемъ. Изъ другихъ статей Судебника и изъ дополнительныхъ указовъ, выходившихъ въ царствованіе Іоанна IV, видимъ, что въ теченіе XVI стол. понятіе о безчестіи или вознагражденіи за обиду значительно расширилось какъ въ объективномъ и субъективномъ отношеніяхъ, такъ въ *самомъ существѣ обиды*, подъ которою понималось *не только личное оскорбленіе, но вообще всякая неправда во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми* [93]). Безчестье наносилось «лаемъ» или неприго-

---

[92]) Акты Арх. Эксп. I, № 280, приговоръ 1571 г. о безчестьи дьяка Василія Щелкалова и его жены; съ подъячаго Улана Айгустова, который былъ подвергнутъ пыткѣ, взыскано 600 рублей, изъ нихъ 200 рублей за безчестье дьяка, а 400 р. его жены. Акты Арх. Эксп. I, № 180. За безчестье боярина Василія Ивановича Темкина опредѣлено взыскать 600 рублей на печатникѣ Иванѣ Михайловѣ, и на немъ же 200 рублей за безчестіе дьяка Василія Щелкалова.

[93]) *Судебникъ* 1550 г., ст. 25, 27, 31, 70. Кромѣ того ст. 6 за ложное показаніе на боярина, окольничаго, дворецкаго, казначея, дьяка, подъячаго (объ обвиненіи его не по суду), виновный «сверхъ его вины», (т.-е. сверхъ платы за безчестье), подвергался торговой казни кнутомъ и заключенію въ тюрьму. *Ак. Ист.* т. I, № 165, также и въ судной грамотѣ Владиміра Андреевича, *Ак. Арх. Эксп.* I, № 257, въ августѣ 1556 г. постановлено взыскать *двойное безчестіе* въ пользу тѣхъ людей, которые подвергались пыткѣ, вслѣдствіе ложнаго показанія. *Ак. Ист.* I, (№ 154 XX), за несправедливый «лай»

жимъ словомъ, побоями, тѣлеснымъ поврежденіемъ; оно наносилось также несправедливымъ обвиненіемъ въ судѣ, ложнымъ свидѣтельствомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сверхъ взысканія денежнаго за безчестье, опредѣлялось уголовное наказаніе. Эти случаи, однако, весьма ограничены, если оставить въ сторонѣ безчестье по поводу мѣстническихъ споровъ, о чемъ будемъ говорить ниже, въ главѣ о «родовой чести». Замѣтимъ только, что духъ мѣстничества проникалъ и въ среду духовныхъ властей.

Вообще, изъ постановленій Судебника о безчестьи и немногихъ частныхъ случаевъ оскорбленія, замѣчаемъ, что тогда не *различали личныхъ оскорбленій отъ обидъ по службѣ, собственной личности не могли отдѣлять отъ званія, которое носили.* Извѣстный чинъ, принадлежность лица извѣстному разряду служилыхъ или неслужилыхъ, какъ и принадлежность лица *къ роду по отечеству,* были какъ бы природою человѣка, обращая внѣшнюю форму во внутреннее содержаніе его личности, въ его «я». Субъективная сторона чести опредѣлялась отнюдь не внутренними достоинствами, а только принадлежностью лица къ извѣстному классу или разряду людей. Честь была, такъ сказать, стадная гуртовая. Всего рельефнѣе она выразилась въ институтѣ мѣстничества, и эти общія начала законодательства XVI стол. получили широкое развитіе въ слѣдующемъ XVII столѣтіи.

Но сперва намъ необходимо ознакомиться съ понятіемъ о чести съ сосѣдней Литовской Руси, такъ какъ Литовскій Статутъ служилъ серьезнымъ матеріаломъ для развитія постановленій о личныхъ оскорбленіяхъ въ Соборномъ Уложеніи, главномъ памятникѣ русскаго законодательства эпохи, заканчивающей многовѣковый періодъ древней исторіи Россіи.

въ судѣ бить кнутомъ и править безчестіе безъ суда (т. I, № 216). Въ 1584 г. рязанскій архіепископъ Леонидъ жаловался государю на ростовскаго архіепископа Евеимія за то, что тотъ «съ собою ѣсти съ блюда не далъ и меня конечно позоровалъ», и за то, что насъ «Осифовскихъ постриженниковъ» называетъ не Осифляны, но *жидовляны*» (т. II, № 12, 13). Въ 1599 г. пьяный казакъ приходилъ къ царевичамъ (семейства Кучюма), жившимъ въ Радонежѣ, въ ночи пьяный, бранился и лаялъ царевичей матерны, и что вообще казаки не слушали Воейкова и ходили къ царевичамъ безчинно. Въ царской грамотѣ объявлено казакамъ, что еси они учнутъ царевичей безпокоить, и имъ быть «казненными смертію».

г) Преступленія противъ чести по Литовскому Статуту.

Въ Литовской Руси, такъ называемая, *шляхетская честь* основана была на субъективныхъ, чисто сословныхъ преимуществахъ. Въ XVI стол. литовское государство находилось уже подъ сильнымъ давленіемъ латино-польской цивилизаціи и господари (великіе князья) литовскіе щедро надѣляли дворянъ, бывшихъ русскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, тѣми «вольностями» или преимуществами, какими пользовалась польская шляхта или «рыцарство». «*Шляхетская честь*» въ статутѣ ограждается прочными привилегіями: господарь обѣщаетъ за себя и за потомство—«ижъ все рыцарство шляхту великаго князьства при вольностяхъ ихъ звыклыхъ, которые отъ насъ, господаря, и отъ продковъ нашихъ имъ суть наданы, будемъ повинни заховати и держати, тежъ кождый шляхтичъ оселый (осѣдлый) подле права не позванный и не поконаны правомъ, отъ насъ, господаря, и отъ жаднаго вроду (суда) иманъ (взять) и везенье (въ заключеніе) сажонъ быть не маетъ; окромѣ причинъ въ иньшихъ артикулехъ сего статуту поменныхъ» [94]).

[94]) *Статутъ великаго князьства литовскаго* 1588 г. (т.-е. 3-й), изд. Времен. общ. ист. и древн. рос. 1854 г. Согласно съ изданіемъ Мамоничей. Раздѣлъ 1, арт. 10.—Было три изданія Литовскаго Статута. Въ 1522 г. собраны въ одну книгу распоряженія прежнихъ государей и древніе обычаи литовско-русскіе; это уложеніе, пересмотрѣнное въ Вильнѣ въ 1524 г. и затѣмъ дополненное, принято литовскими сословіями, утверждено великимъ княземъ въ 1529 года и получило обязательную силу съ 1 января 1530 г. Собраніе законовъ, подъ названіемъ *перваго* или *стараго статута литовскаго*, состояло изъ XIII раздѣловъ; писано на русскомъ языкѣ, въ 1532 г. переведено на латинскій и польскій языки (Ярошевичъ, «Obraz Litwy» II, стр. 193). Вскорѣ явилась надобность пополнить его новыми узаконеніями, вслѣдствіе новыхъ правъ, данныхъ шляхетству. Съ 1544 г. надъ статутомъ работало 10 коммисаровъ, составившихъ 10 новыхъ статей, и затѣмъ, послѣ дополненій на сеймахъ, появилось въ 1564 г. *второе изданіе статута*, называемаго *волынскимъ*. Соединеніе Литвы съ Польшею на люблинскомъ сеймѣ вело къ большимъ перемѣнамъ въ законодательствѣ; требовались новые пересмотры и дополненія статута; послѣ люблинской уніи многое уже не годилось. Для пересмотра прежняго статута назначено 14 коммисаровъ, подъ предсѣдательствомъ епископа Валеріана Протасевича и, наконецъ, 23 января 1588 г. статутъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ III и напечатанъ въ Вильнѣ на русскомъ языкѣ въ типографіи Кузьмы и Льва Мамоничей. Первые же два статута вовсе не были изданы

По Литовскому Статуту объектомъ личныхъ обидъ, повидимому, могли быть исключительно люди *шляхетнаго рода*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—лица духовнаго званія, ихъ жены и дѣти и горожане, но только не крестьяне.

Если кто назоветъ дворянина (шляхтича) недворяниномъ, а названный докажетъ (представленіемъ надлежащихъ свидѣтелей изъ дворянъ), что онъ, дѣйствительно, шляхетскаго рода, тогда оскорбитель, если онъ самъ дворянскаго происхожденія, подвергается за такую *дерзость* (неповстегливую мову) заключенію *въ крѣпости* (въ замкѣ) *на двадцать недѣль* и *уплатѣ обиженному* двойнаго штрафа за *безчестіе* (совито навезати); но если обидѣвшій шляхтича принадлежалъ къ простому роду (т.-е. не былъ шляхтичемъ), то судъ «велитъ палачу привести его къ столбу, сѣчь его тамъ розгами и послѣ выгнать изъ города». Во время же веденія его изъ суда къ позорному столбу и изгнанія изъ города судъ прикажетъ обнародовать, что онъ «такими словы на шляхтича торгнулъ» (т.-е. говорилъ на дворянина такія слова).

На основаніи польскихъ законовъ (статута 1420 г.), если кто кого обезчеститъ словомъ и въ томъ станетъ запираться, то обязанъ очиститься присягою; то же самое и по Литовскому Статуту. Если же дворянинъ, какого бы ни былъ званія (*ибо всѣ дворяне отъ вельможа до бѣднѣйшаго шляхтича равны между собою*),

---

на русскомъ языкѣ. На польскомъ языкѣ третій статутъ изданъ лишь въ 1614 году, т.-е. черезъ 25 лѣтъ послѣ русскаго изданія. Третій статутъ сохранилъ свою силу въ западныхъ губерніяхъ до 9 сентября 1840 г., когда замѣненъ русскимъ сводомъ законовъ. Итакъ, оригиналы всѣхъ трехъ статутовъ написаны были на русскомъ языкѣ. Перепечатки польскихъ изданій третьяго литовскаго статута іезуитами въ 1647, 1693, 1744 и 1786 г. сдѣланы съ искаженіями. Въ составъ литовскаго статута, кромѣ русскихъ древнихъ законовъ (Русской Правды и проч.), вошли: римское право, тевтонское и рыцарское право, магдебургское нѣмецкое право и саксонское зерцало. Подробныя свѣдѣнія объ исторіи литовскихъ статутовъ у *Ярошевича*: «Obraz Litwy», ч. II, гл. XII: Prawodowstwo Litwy, стр. 127—148. *Даниловичъ* «Opis bibliograf. Stat.» *Денн. Виленскій* 1823 г., т. 2, стр. 2. *Антоній Сосновскій*: «Wiadomosc o drugim Statucie». Денн. Виленскій 1822 г. № 6, стр. 20. *Линде*: «Wiadomosc o Stat. Litew.», стр. 193. *Кукольникъ*: «Историческія замѣтки о Литвѣ» 1846 г., стр. 82. Кромѣ того, въ Юрид. Записк. изд. 1841 г. *Рѣдкина*, статья *Даниловича*: «Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты».

въ глаза скажетъ другому дворянину какое либо порицаніе на счетъ его дворянства, или коснется его чести и добраго поведенія, и передъ судомъ въ томъ запрется, то опороченный не долженъ считать себя оскорбленнымъ и не обязанъ искать удовлетворенія на отрекшемся отъ своихъ словъ („кто ничого шкодити не маетъ, а онъ того справоватисе не будетъ повиненъ, и тая примовка (значитъ. оскорбленіе) долей на того, хто се запрелъ не маетъ быти довожена"]. Но если подобнаго рода порицаніе въ глаза будетъ повторено, то поноситель, хотя бы отрекался отъ своихъ словъ, имѣетъ быть наказанъ *шестинедѣльнымъ заключеніемъ въ замкѣ.* А кто такому опредѣленію станетъ противиться, то обязанъ заплатить обиженному («винной сторонѣ») 50 копъ грошей и затѣмъ, по истеченію четырехъ недѣльнаго срока на позывъ въ судъ, долженъ высидѣть шесть недѣль въ заключеніи. На *заочное опороченіе* («о заочьную примовку») жаловаться никто не долженъ, ибо опороченіе остается на томъ, кто заочно честнаго человѣка порицаетъ, а добронравному человѣку непристойно поноситъ честнаго [„бо доброму человѣку не годитьсе легко говорити о почтивомъ"].

Если дворянинъ скажетъ другому дворянину, что „ты не учьтивое [нечестной] матьки и нечистаго ложа [незаконнорожденной] сынъ", то обидчикъ долженъ заплатить безчестья 80 копъ грошей и передъ тѣмъ же судомъ извиниться въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „што есьми менилъ на тебе, же бы ты былъ неучъстивое матъки и нечистаго ложа сынъ, томъ на тебе брехалъ яко песъ" (т. е. лаялъ на тебя какъ собака); но если обидчикъ заупрямится и не пожелаетъ извиниться передъ судомъ, то обязанъ заплатить обиженному *50 копъ грошей безчестія,* а по истеченіи четырехъ недѣльнаго срока, назначаемаго на позывъ къ суду, подвергается *шестинедѣльному заключенію* [95]). Такому же наказанію подлежитъ и тотъ, кто опорочилъ честную дворянку, назвавъ ее блудницею и развратною („называючи ее вшетечницею").

Въ раздѣлахъ: IV — о судѣ и судьяхъ и XI — о наси-

---

[95]) См. о принесеніи извиненій (Abbite) за личныя обиды словомъ въ саксонскихъ военныхъ законахъ XV и XVI стол. C. J. M. Novis. «Патентъ о поединкахъ и ссорахъ курф. саксон. и кор. польскаго Августа».

ліяхъ и уголовныхъ преступленіяхъ дворянъ, изложены преступленія, которыя относятся къ личной обидѣ дѣйствіемъ и къ тѣлеснымъ поврежденіемъ въ дракахъ.

Кто съ умысла въ поруганіе дворянскаго достоинства билъ дворянина, или велѣлъ бить его палкою, кистенемъ, жезломъ (булавою), кнутьями или плетьми (пугами), розгами (дубцами), или чѣмъ либо другимъ, тотъ за всякіе такіе побои и посрамленія платитъ безчестіе („навезки“) 40 конъ грошей и, сверхъ того, въ наказаніе за такое буйство и своеволіе („за вину такого зуфальства и своеволенства“), высидѣтъ *12 недѣль въ замкѣ* или *въ башнѣ*. Кто далъ другому пощечницу или въ бородѣ волосы рвалъ, таковой обязанъ заплатить *12 рублей грошей безчестья и высидѣть въ заключеніи три недѣли*. За оскорбленія женщинъ же дворянокъ („белымъ головамъ шляхтянкомъ“) *безчестье и время заключенія присуждать вдвое*. Такое наказаніе и плата за безчестье, за личныя обиды дѣйствіемъ, опредѣляются и лицамъ духовнаго званія христіанскаго исповѣданія, женамъ ихъ и дѣтямъ. За причиненіе побоевъ гостю присуждается *безчестье вдвое по его званію. заключеніе на 12 недѣль и вознагражденіе убытковъ*. Такому же наказанію подвергается и гость за подобную же обиду хозяину, его хозяйкѣ, его сыну, его дочери, слугѣ или его крестьянину. Мѣщанинъ или крестьянинъ за причиненіе побоевъ или раны дворянину *лишается руки*, а за увѣчье дворянину крестьянинъ долженъ быть *казненъ смертью*. Кто помѣстнаго или безпомѣстнаго шляхтича, человѣка честнаго и вѣры достойнаго, оговорить въ воровствѣ, тотъ обидчикъ—если шляхтичъ — *платитъ безчестье какъ за рану и подвергается 12 недѣльному заключенію*, а если человѣкъ простаго званія—*наказывается розгами у столба съ обнародованіемъ содѣяннаго имъ преступленія*.

За оскорбленіе словомъ—воеводъ, кастеляновъ, старостъ, подкоморихъ (межевыхъ судей) и всѣхъ вообще судей во *время исполненія ими обязанностей* виновный, по приговору трибунальнаго суда, *подвергается заключенію въ башнѣ на 6 недѣль*.

Кто самъ или посредствомъ слугъ и крестьянъ своихъ прибьетъ вознаго при отправленіи имъ дѣлъ по своей должности, безъ приказанія, или по приказанію воеводъ, старость, судей, либо

насильно отберетъ отъ него бумаги и изорветъ, либо принудитъ вознаго или свидѣтелей *оныя съѣсть*, либо *ударитъ въ щеку*, или будетъ *драть за волосы* и тѣмъ поругается власти, тотъ, по изобличеніи, обязанъ возному *заплатить безчестье вдвое, по его званію*, а за преступленіе противъ государя—*посадить его въ верхнюю башню на 12 недѣль;* а свидѣтелямъ дворянамъ, которые сопровождаютъ вознаго, заплатить *двойное безчестье*, по званію ихъ, и *возвратить вдвойнѣ убытки вознаго* и *свидѣтелей*. Ежели лошадямъ будутъ обрѣзаны хвосты или причинены раны, то виновный обязанъ *за лошадь отдать лошадь*, но отъ заключенія въ вѣжу свободенъ. За причиненіе побоевъ возному или великокняжескому посыльному, тѣмъ, кому листы посланы или его прислугою, или его людьми, опредѣляется, за непочтеніе къ власти, заключеніе въ *виленскомъ замкѣ на полгода*, а возному или посланному платится *двойное безчестье* по его званію.

Предусматриваются также взаимныя оскорбленія тяжущихся словомъ и дѣйствіемъ въ присутствіи суда.

Кто во время производства разбирательства въ судѣ обидитъ другаго неблагопристойнымъ словомъ, тотъ подвергается *заключенію въ замкѣ на 6 недѣль*. Кто же толкнетъ или ударитъ рукою, тотъ за нанесеніе удара платитъ *12 рублей безчестья*, а за самое преступленіе подвергается *заключенію на 6 недѣль*. А если кто либо въ ссорѣ обнажитъ кортикъ, мечъ или саблю, или другое оружіе, тотъ, хотя бы и не ранилъ, *лишенъ будетъ руки*, а если ранилъ—*наказывается смертью*. Но если кто самъ далъ поводъ къ ссорѣ словами или ударомъ рукою и тѣмъ вынудилъ противника для защиты поднять оружіе, ранить и даже убить, то послѣдній никакому наказанію не подвергается. Отказавшійся отъ исполненія приговора суда подвергается: *двойной платѣ за безчестіе*, штрафу 40 копъ грошей въ пользу суда и заключенію. Судья, обидѣвшій кого либо въ судѣ словами, наказывается *заключеніемъ на 6 недѣль*; если воевода, староста, коммисаръ и проч. сдѣлаетъ кому либо во время засѣданія въ судѣ насиліе и ранитъ, то чиновникъ будетъ *казненъ смертію*, а если убьетъ, то *лишается жизни и чести*; сверхъ того, съ виновнаго взыскать за безчестье вдвое. При взаимности обидъ, чиновникъ, вынужденный защищаться, хотя бы и ранилъ или убилъ, свободенъ отъ наказанія.

За личныя обиды словомъ и дѣйствіемъ, чинимыя *при дворѣ великокняжескомъ* или *въ городѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе великій князь*, статутъ (разд. I) усиливаетъ наказанія за неуваженіе къ власти и безчестье частному лицу:

а) За произнесеніе словъ укорительныхъ, язвительныхъ и позорящихъ дворянскую честь, „словы быстрыми, ущипливыми славе доброй, и учьтивости шляхетства шкодливыми" виновный подвергается *шестинедѣльному заключенію и за безчестіе по закону*.

б) За поднятіе руки и нанесеніе удара рукою, обидчикъ, если самъ началъ драку, подвергается *трехмѣсячному заключенію въ замкѣ*, а обиженному заплатить *безчестіе вдвое* по его состоянію; „буде же кто, въ лицо ударивъ окровенитъ („а если по поличку росъкровавитъ"), тогда онъ также платитъ *навезку* (безчестіе) *вдвое и полгода въ заключеніи быть имѣетъ*.

в) Кто обнажитъ (на другаго) кинжалъ, саблю и другое оружіе, тому опредѣляется *заключеніе на три мѣсяца*, а кто съ обнаженнымъ оружіемъ нападетъ, но не ранитъ, или и ранитъ, тому *отсѣчь руку* и, сверхъ того, съ движимаго и недвижимаго имѣнія обидчика взыскивается *безчестіе вдвое*.

г) Обидчикъ подвергается *лишенію жизни*, если въ присутствіи господаря, кого либо ранитъ; а если нанесетъ смертельную рану, „таковый убійца *живота и чести лишенъ будетъ* а *головщину* (за голову убитаго) или *безчестье платить вдвое* [96]).

Въ западной Россіи, со времени ея соединенія съ Польшею въ силу Люблинскаго акта 1569 г., поединокъ, утративъ значеніе ордаліи, пользовался сочувствіемъ шляхты: вельможи и дворяне вступали между собою въ драки по ничтожнымъ причинамъ. Насильственные захваты, наѣзды, самовольное нарушеніе правъ лицъ другихъ состояній, особенно низшихъ сословій, составляли черту шляхетскаго быта въ Литовской Руси въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

---

[96]) *Статутъ велик. княж. литовскаю 1588 г.*, изд. 1854 г., разд. III, арт. 19, 21, 22, 27, 28 § 1 и § 5. Разд. XI, арт. 27, § 5, 6 и 7; арт. 42, § 1, арт. 49. Разд. IV, арт. 7 § 1 и 2, арт. 62 и 63. Разд. XIV, арт. 10. Разд. I; арт. 14, 24, 9 § 1, 2 и 3. *Сличи:* «Стат. Велик. Княж. Литовскаго» со ссылками на конституціи; польскій текстъ съ русскимъ переводомъ, изд. Правительствующаго Сената. С.-ПБ. 1811 г., въ двухъ частяхъ.

Нравственная распущенность шляхетства, сопровождаясь поединками и драками, нарушала общественное спокойствіе и безопасность. Прежніе ленники, ставши могущественными вассалами и укрѣпившись правами вотчинниковъ, пользовались продажностью судей и пускали въ ходъ угрозы и подстрекательства въ такихъ выраженіяхъ, которыя оскорбляли честь и доброе имя; потомъ, сражаясь между собою, убивали другъ друга, нерѣдко прибѣгая для того къ особеннымъ средствамъ *(Ярошевичъ)*. Еще въ 1559 г. Николай Радзивиллъ, для прекращенія частыхъ случаевъ убійства, бо́льшая часть которыхъ оправдывалась обычаями поединка, совѣтовалъ литовскому господарю Сигизмунду-Августу положить конецъ варварскому обычаю, покрывавшему преступныя намѣренія. До какой степени укорененъ былъ обычай поединка въ Литовской Руси во второй половинѣ XVI стол., видно изъ того, что, несмотря на предложеніе Радзивилла, во второмъ Литовскомъ Статутѣ 1554 г. не рѣшились сдѣлать что-либо для его стѣсненія или ограниченія. Между тѣмъ, въ Польшѣ (въ коронѣ) изданъ былъ въ 1588 г. законъ, коимъ постановлено: *въ случаѣ вызова на поединокъ, вызываемый не долженъ выходить, развѣ будетъ разрѣшено королемъ, а кто осмѣлится сдѣлать противное, тотъ будетъ посаженъ въ башню на полгода и уплатитъ за безчестье 60 гривенъ*. Тогда и въ 3-мъ Статутѣ 1588 г. введенъ былъ соотвѣтственный артикулъ (разд. XI, арт. 14), по которому «*вызовъ на поединокъ допускается только съ разрѣшенія короля или гетмана, но отказавшійся отъ поединка не теряетъ своей доброй славы*» [97]).

[97]) *Статутъ велик. княж. литовскаго*, разд. XI, арт. 14. «О забитье за повабеньемъ, або вызваньемъ на руку», т.-е. о смертоубійствѣ на поединкѣ. Артикулъ 14, воспрещая поединки условно, узаконяетъ: 1) поединки могутъ быть допускаемы по *великимъ* и *важнымъ причинамъ*, только съ разрѣшенія великаго князя и гетмана; 2) въ случаѣ поединка (недозволеннаго), раненый не получаетъ никакого удовлетворенія за рану, ранившій заключается на *полгода въ столичномъ виленскомъ замкѣ*, а если оба взаимно себя ранили, то никто изъ нихъ одинъ другому не долженъ дѣлать удовлетворенія; 3) кто на поединкѣ останется живъ — вызыватель, или вызванный, тотъ наказывается лишеніемъ жизни по жалобѣ и по иску дѣтей или родственниковъ убитаго, но головщины съ него не взыскивается; 4) если кто-либо настоятельнѣйшимъ образомъ понуждаетъ къ поединку другаго, произнося какія-либо язвительныя

Нельзя не замѣтить, что подобное ограниченіе въ законѣ не достигало своей цѣли, «не вырвало съ корнемъ вреднаго растенія, а только его подрѣзало». Ранившій или убившій на поединкѣ только тогда подвергался опредѣленному въ законѣ наказанію, когда того требовали или самъ раненый, или родственники убитаго; понятно, что подобное право всегда можно было обойти, коль скоро пострадавшій соглашался на рѣшеніе дѣла поединкомъ [98]). И убійства на поединкахъ (не разрѣшаемыхъ ни королемъ, ни гетманомъ) по-прежнему продолжались.

Литовскій Статутъ послѣдовательно проводитъ различіе въ мѣрѣ наказаній за совершеніе преступленій лицами дворянскаго и недворянскаго состоянія. Нанесеніе раны въ гнѣвѣ или запальчивости *ножемъ*, *кортикомъ* или *кинжаломъ*, по законамъ XVI и XVII столѣт., преслѣдовались вездѣ съ особенною строгостью. По Литовскому Статуту за причиненіе раны ножемъ и т. п. шляхтичемъ шляхтичу опредѣлялось *отсѣченіе руки*, а человѣку простаго званія—только *денежное взысканіе*. Если же человѣкъ простаго званія ранитъ ножемъ шляхтича, то *лишается жизни*, а если ранитъ человѣка простаго же званія, то *теряетъ руку* (разд. XI, арт. 16, § 2).

Къ сказанному о наказаніяхъ за личныя обиды, ссоры, драки и поединки слѣдуетъ добавить, что и судопроизводство (статутъ, разд. IV), будучи исключительно въ рукахъ чиновниковъ шляхетскаго сословія, направлено было также въ интересѣ этой разнузданной касты, которая стала бичемъ низшихъ сословій и причиною бѣдствій въ XVII и XVIII столѣт. въ Литовскомъ государствѣ, соединенномъ съ Польшею. Помѣщикъ могъ наказывать своихъ крестьянъ даже за уголовныя преступленія: онъ былъ судьею и исполнителемъ собственныхъ приговоровъ; по своему капризу могъ миловать и лишать жизни своихъ подданныхъ. На насилія и

слова, предосудительныя для добраго имени и чести, а обиженный не согласится отвѣчать вызовомъ, то таковыя ругательныя слова не должны вредить его доброму имени; напротивъ, они обращаются на противника, нарушающаго законъ. Обиженный можетъ позвать своего обидчика на основаніи 27 арт. разд. III (объ оскорбленіи словами) къ суду и требовать уплаты за безчестіе и т. п.

[98]) *Ярошевичъ*, «Obraz Litwy», ч. II, стр. 26.

произволъ вотчинника не было апелляціи. Право уголовнаго суда надъ крестьянами отнято у помѣщиковъ Литовской Руси лишь въ 1768 г., т.-е. за нѣсколько лѣтъ до перваго раздѣла Рѣчи Посполитой [99]).

д) Преступленія противъ чести по Соборному Уложенію [100]).

Въ теченіе четырехъ столѣтій—отъ Русской Правды до Уложенія царя Алексѣя Михайловича—въ русскомъ законодательствѣ слабо были развиты правоопредѣленія, относящіяся къ личнымъ оскорбленіямъ и къ преступленіямъ противъ чести въ нормальномъ ея значеніи. Политическое состояніе, жестокія войны, татарское иго не могли способствовать смягченію грубыхъ нравовъ. Митрополитъ Фотій въ посланіи къ новгородцамъ рекомендовалъ священникамъ внушить своимъ духовнымъ дѣтямъ, чтобы они «престали отъ скверныхъ словесъ и неподобныхъ, что лаютъ отцевымъ и материнымъ именемъ, за неже того въ крестіанѣхъ нигдѣ нѣсть»; родители должны пріучать дѣтей своихъ измала не говорить «лихихъ словъ»; кто васъ не будетъ слушать «отъ церкви отлучайте, ни святаго причастія не давайте, ни дары, ни Богородицина хлѣба» [101]). Но христіанская религія оказывала еще слабое вліяніе на народные обычаи. Идея централизаціи Московскаго государства въ своемъ осуществленіи, между тѣмъ, требовала громаднаго напряженія народныхъ силъ, и тутъ обстоятельства складывались не въ пользу народной культуры. Съ образованіемъ новыхъ элементовъ въ XVI и XVII стол. въ войскѣ и администраціи, законодателямъ неизбѣжно предстояло ограждать общественную безопас-

---

[99]) *Ярошевичъ*, «Obraz Litwy», ч. II, стр. 164 и 165.

[100]) Boris Utin. «Ueber die Ehrenverletzung nach Russischen Recht seit dem XVII Jahrhundert». Dorpat, 1857 г., стр. 54, цит. 2. Въ своемъ сочиненіи «О преступленіяхъ противъ чести по русскому праву, начиная съ XVII столѣтія» Утинъ приводитъ обстоятельную оцѣнку преступленій противъ чести по уложенію. Этимъ трудомъ мы и воспользовались; не имѣя причины входить въ подробную оцѣнку изложенныхъ имъ юридическихъ фактовъ, мы нашли нужнымъ обратить вниманіе на переходную эпоху въ законамъ Петра, освѣтить факты и пополнить существенные пробѣлы справками съ источниками.

[101]) Доп. къ Актамъ Археологич. Экспед., т. I, № 369. Акты Истор., т. I, № 16: «Такоже, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія».

ность грозными законами, налагать жесткую узду на преступленія противъ личности и имущества—*на воровство, смертоубійство, насилія и иныя грубыя проявленія преступной воли*. Писанные законы—Судебники 1497 и 1550 гг., служили не болѣе какъ пособіемъ къ тѣмъ матеріальнымъ законамъ, которые содержались въ обычномъ правѣ; послѣдніе же могли развиваться только путемъ судейской практики, а затѣмъ и заимствованіями отъ сосѣдей. Господствующимъ идеаломъ въ древней Россіи была родовая честь, которая питалась службою главѣ государства, какъ верховному представителю дружины, какъ своему вотчиннику. Сословія едва зарождались, и, во всякомъ случаѣ, они развивались иначе, чѣмъ на Западѣ. Представленіе о государственной чести, при господствѣ мѣстническихъ счетовъ, было шаткое. Въ тѣсномъ кругу знатныхъ родовъ изъ одного поколѣнія въ другое переходили эгоистическія понятія о родовой чести, пока, наконецъ, событія XVII вѣка, послѣ постоянно колебавшихся мѣропріятій государственной власти то въ пользу мѣстничества, то противъ него, не разрушили фундамента, на которомъ потомки дружинниковъ громоздили свое зданіе, чуждое *государственному интересу*. Въ народѣ, во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и людей служилыхъ, подвергавшихся за проступки наказанію кнутомъ и батогами, но за личную обиду платившихъ деньги, честь, въ ея настоящемъ нормальномъ значеніи слова, не могла получить правильнаго развитія въ народномъ сознаніи,—она пустила лишь слабые ростки. Нарушеніе ея выражалось преимущественно въ грубой формѣ насилія на тѣлесную неприкосновенность. «Лай» и «бой» въ ссорѣ и дракѣ не были единственными симптомами нарушенія чести. Насколько позволяютъ судить источники исторіи русскаго права, плата за «безчестье» или за «безчестье и увѣчье» обнимала самыя разнообразныя преступленія противъ личности, но не исключительно обиду словомъ или обиду дѣйствіемъ. Выраженіе прежнихъ памятниковъ о наложеніи денежнаго штрафа за «обиду», за «соромъ», измѣнилось въ денежный штрафъ за безчестье и эта форма получила широкое примѣненіе въ законодательныхъ памятникахъ XVII стол.

Общественная жизнь въ XVII стол. развивалась своимъ путемъ, неотступно вторгались новые элементы, разрушавшіе отживающія нормы Уложенія, принятые отъ византійцевъ.

Соборное Уложеніе—есть собраніе законовъ, вытекающихъ изъ предшедшихъ юридическихъ памятниковъ, но въ немъ имѣются и статьи, заимствованныя изъ Литовскаго Статута XVI в. Въ концѣ XVII столѣтія уже оказалось необходимымъ укрѣпить закономъ должное уваженіе къ личности, и это обстоятельство дало первую основу къ развитію *гражданскаго достоинства*, *какъ источника личной чести*. Охрана чести оцѣнкою ея въ опредѣленную денежную сумму, съ конца XVII вѣка, оказалась непригодною и пришлось видоизмѣнить многовѣковый завѣтъ стариннаго права.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о *родовой чести*, какъ главнаго мотива для иска о безчестіи бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и другихъ высшихъ разрядовъ служилыхъ, обратимся къ Соборному Уложенію 1649 года и постараемся сдѣлать характеристику „безчестья", какъ основнаго мѣрила для удовлетворенія личнаго оскорбленія въ частномъ быту.

За многіе годы до Уложенія, когда съ упраздненіемъ судебнаго поединка розыскная система суда стала господствующею формою охраненія чести, не исключая и наиболѣе притязательной и чувствительной къ обидѣ чести родовой, преступленія противъ чести, т.-е. *личныя оскорбленія* въ обычномъ значеніи этихъ терминовъ, облагались не только денежнымъ штрафомъ, но и разными уголовными наказаніями: тѣлесными (батогами и кнутомъ), тюрьмою, ссылкою и выдачею головою [102]).

---

[102]) Обрядъ выдачи головою описанъ у *Котошихина* «О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, изд. 1840 г., гл. IV, ст. 12». Ср. *Сергіевскаго*: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка», стр. 270 и слѣд. Выдача головою была двоякаго рода — какъ обрядъ поруганія «токмо лицомъ» (*Таганцевъ*), и *дѣйствительная*, т.-е съ передачею въ рабство или состояніе подобное рабству и даже въ полное распоряженіе съ правомъ лишенія жизни.—Въ Уложеніи X, ст. 27, 28 упоминается о выдачѣ головою за безчестье извѣстныхъ лицъ. Выдача головою практиковалась въ особенности за неправое челобитье по разсчетамъ мѣстничества. Обрядъ выдачи головою, говоритъ г. Сергіевскій (стр. 282), примѣнялся и помимо судебнаго приговора, по соглашенію обиженнаго и обидчика, какъ основаніе мировой сдѣлки. Авторъ дѣлаетъ ссылку на списокъ дѣла 1688 г. *Батоги* были самымъ употребительнымъ наказаніемъ за квалифицированное безчестье, и они же употреблялись для правежа, когда не было чѣмъ платить. Въ болѣе важныхъ случаяхъ оскорбленія чести для лицъ низшихъ классовъ народонаселенія и для служилыхъ—примѣнялось на-

Капитанъ Маржеретъ, поступившій въ русскую службу въ началѣ XVII столѣтія, по этому поводу говоритъ слѣдующее: «необходимо замѣтить, что между ними не бываетъ поединковъ, ибо, вопервыхъ, они носятъ оружіе только въ военное время или въ путешествіяхъ; когда кто-либо нанесетъ обиду словомъ или другимъ образомъ, то они обращаются въ судъ, который приговариваетъ виновнаго въ оскорбленіи къ наказанію, извѣстному подъ именемъ „безчестья". Для своего удовлетворенія обиженный можетъ требовать наказанія *батогами* (которое производится такимъ образомъ: обнаживъ спину до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ, при чемъ два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: *стой!)*, или денежнаго штрафа по окладу получаемаго отъ Государя содержанія, а если обиженный женатъ, то обидчикъ долженъ заплатить за поруганіе чести его жены двойную сумму оклада; такимъ образомъ, кто получаетъ въ годъ 15 руб. содержанія, тому обидчикъ платитъ 15 руб. за оскорбленіе его и 30 руб. за оскорбленіе его жены, что составитъ 45 рублей. Такъ высчитывается безчестье всегда соразмѣрно величинѣ оклада [103]).

Но обида могла быть и такою, что обидчика послѣ наказанія въ городѣ *кнутомъ* (aura le fouet pour la ville), подвергали платѣ денегъ за безчестье и затѣмъ ссылкѣ. Если же, какъ мнѣ случилось видѣть однажды въ теченіе шести лѣтъ, происходила дуэль между иностранцами, и когда кто-либо былъ раненъ, тогда тотъ (будь онъ вызванный или вызвавшій), который ранилъ, наказывается какъ за убійство и не можетъ ничѣмъ оправдаться; еще болѣе: какъ бы тяжело ни былъ оскорбленъ кто-либо на словахъ,

---

казаніе *кнутомъ*; кнутъ былъ также орудіемъ и пытки. Обряды тѣлеснаго наказанія, тюрьма и ссылка въ XVII стол. описаны у Сергіевскаго, стр. 149 и слѣд.

[103]) Въ Ак. Арх. Эксп. (т. I, № 280) указано, что въ 1571 г. въ пользу дьяка князя Василія Щелкалова и его жены опредѣлено взять съ подъячаго Улана Айгустова «безчестья» 600 рублей за неправильныя донесенія: «потому что доводилъ на Василія Щелкалова *многія лихія дѣла*». — Б. Утинъ, дѣлая ссылку на этотъ документъ, говоритъ, что это единственный случай, гдѣ за безчестье мужчины, когда онъ былъ женатъ, увеличивался денежный штрафъ.

онъ не можетъ ударить обидчика, хотя бы только рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго наказанія; если же одинъ ударитъ, а другой отвѣтитъ ему тѣмъ же и послѣдуетъ жалоба, тогда оба подвергаются наказанію батогами, какъ выше сказано, или платятъ пеню государю, потому что, какъ говорятъ они, тотъ, кто обиженъ, находится подъ защитою правосудія (которое только и можетъ рѣшить, кто правъ или виноватъ, и наказывать). И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ болѣе строгій и скорый, нежели въ другихъ дѣлахъ.

И этотъ обычай тщательно наблюдается не только жителями городовъ въ мирное время, но и воинами въ военное время (разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ о дворянахъ, ибо за безчестье крестьянина и горожанина плата ограничивается двумя рублями). Впрочемъ, они не придирчивы къ словамъ и въ оскорбленіи ими весьма не разборчивы; говорятъ другъ другу „*ты*“, а прежде было еще проще; ибо если бы вы сказали (кому-либо) что-либо сомнительное, и это не оправдалось бы то, вмѣсто словъ „извините“, или „простите меня“, они говорятъ: „ты лжешь“, и даже слуга говорилъ такъ своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, котораго они считаютъ тиранномъ, не сердился за эти грубости. Но теперь, когда между ними явились иностранцы, они отвыкаютъ отъ дерзости въ разговорѣ и болѣе стѣсняются въ своихъ выраженіяхъ чѣмъ прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ [104]).

Изъ оффиціальныхъ документовъ видимъ, что за нанесенное оскорбленіе въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣлялись личныя наказанія. Такъ, въ 1614 году князя Никиту Шаховского, посланнаго въ 1614 г. для сбора денегъ на ратныхъ людей, побили староста Ванковъ и посадскіе люди Охлупкинъ, Дубровинъ и Верещагинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ платежа денегъ; за это велѣно

[104]) Estat de l'empire de Russie par le capitaine Margeret. Paris, 1821, стр. 118—121. Ср. *Капитана Маржерета*: «Состояніе россійской державы», переводъ съ французскаго С.-ПБ. 1830 г., стр. 82 — 83. Изъ словъ Маржерета видно, что при взаимномъ оскорбленіи оба, какъ обидчикъ, такъ и обиженный, подвергались одному и тому же наказанію, или платили другъ другу безчестье, безъ вознагражденія за раны или увѣчье. См. подтвержденіе словъ Маржерета о тѣлесномъ наказаній въ Ак. Арх. Эксп. III, № 48.

ихъ, передъ княземъ Никитою бивъ батоги нещадно, вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ.

Со смертью Іоанна Грознаго, стремившагося упрочить политическое могущество государства, въ русскомъ обществѣ выдвигаются элементы, подготовлявшіе смутное время; затѣмъ наступила крутая реакція въ правительственной системѣ: могущественнымъ боярамъ противопоставляется авторитетъ высшей духовной іерархіи съ патріархомъ во главѣ. Въ войскѣ, на ряду съ помѣстной дворянской конницей, воплощеніемъ которой служили дѣти боярскія, становится конница степная—казаки донскіе, астраханскіе, терскіе, кубанскіе. сибирскіе, а затѣмъ и малороссійскіе. Горожане теряютъ послѣдніе зародыши самоуправленія и подчиняются безконтрольному господству воеводъ и приказныхъ—дьяковъ и подъячихъ.

Закрѣпощенные крестьяне-холопы, подобно литовско-русскимъ крестьянамъ, какъ матеріальная сила, дѣлаются источникомъ содержанія и питанія помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, обязанныхъ исключительно воинскою службою. Войны съ Польшею, Швеціею и Турціею держатъ всѣ народныя силы въ постоянномъ напряженіи; на подмогу національнымъ войскамъ — помѣстной конницѣ, казакамъ и стрѣльцамъ—чаще и чаще призываются наемные иноземные ратники. Число иноземцевъ быстро возрастаетъ...

Въ обществѣ, гдѣ отношеніе высшихъ къ низшимъ выражалось или въ формѣ унизительнаго обращенія, или въ формѣ грубаго насилія и самоуправства, гдѣ бояринъ, въ силу понятій о родовой чести, считалъ для себя величайшимъ безчестьемъ неоказаніе «почета» его роду, и. въ то же время съ спокойною совѣстью переносилъ брань («лай») отъ своихъ же товарищей, гдѣ сотенный голова сынъ боярскій, долженъ былъ легально подвергаться унизительному тѣлесному наказанію батогами, даже въ присутствіи нижнихъ чиновъ [105]), гдѣ сквернословіе и ругательство было обычнымъ способомъ выраженія своего неудовольствія, ни малѣйшимъ образомъ не затрогивая самолюбія противника, гдѣ оскорбленіе, даже

---

[105]) ... «и за то (за отпускъ служилыхъ безъ государева указа и воеводскаго вѣдома) сотеннымъ головамъ, сказавъ имъ вину *при ратныхъ многихъ людехъ*, чинить наказаніе, *бити батоги*, да вкинути въ тюрьму, чтобъ на то смотря инымъ сотеннымъ головамъ не повадно было такъ дѣлати». *Соборн. улож.*, гл. VII, ст. 11.

съ причиненіемъ тѣлеснаго поврежденія, получало удовлетвореніе платежомъ извѣстной суммы, смотря по состоянію лица и роду тѣлеснаго поврежденія («всѣмъ указывать безчестье и увѣчье посмотря по человѣку и по увѣчью»)[106]),—въ такомъ обществѣ понятіе объ оскорбленіи личной чести весьма трудно подвести подъ современную юридическую номенклатуру личныхъ преступленій противъ чести, и намъ необходимо обратиться къ источникамъ. чтобы установить самое понятіе о чести въ обществѣ XVII столѣтія.

Ни личности, ни личной заслуги въ древней Россіи не существовало. Были общественныя, гуртовыя обязанности, разлагаемыя на всѣхъ членовъ, и древняя жизнь дѣлала изъ каждаго лица живой, но пассивный органъ групповой обязанности, «распредѣлявшей напередъ его дѣятельность, мѣсто и заслугу обществу». Величайшія заслуги князя Пожарскаго, спасителя отечества, не имѣли значенія для высшихъ членовъ общества, опредѣлявшихъ честь въ зависимости отъ старшинства родоначальниковъ. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ забыто было, гдѣ покоится прахъ Пожарскаго и Минина, и растеряно все, что составляетъ нераздѣльную святыню съ памятью каждаго великаго сподвижника родины[107]).

---

[106]) «А который ищея взыщетъ бои и грабежу, и отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ: и отвѣтчика въ бою обвинити и безчестье на немъ взяти, а въ немъ, посмотри по человѣку, что государь укажетъ». *Царскій судебникъ*, ст. 25. Сравни эту статью съ сказаннымъ въ Акт. Археологич. Эксп., т. I, № 257: «а въ бою только не помиряться, ино присуживати въ безчестье съ жеребья; и аще поцѣлуетъ и онъ безчестье возметъ, а отвѣтчикъ поцѣлуетъ и онъ не дастъ ничего». Не забудемъ, что въ то время (1550) иски о безчестьи свыше рубля, когда не послѣдовало примиренія, рѣшались *полемъ*. Теперь, въ началѣ XVII столѣтія, всѣ подобные иски рѣшались не иначе, какъ по суду съ розыскомъ, то-есть какъ и всѣ вообще дѣла гражданскія и уголовныя, при чемъ законы не отличали уголовной формы процесса отъ гражданской, какъ было на западѣ согласно римскому праву. Припомнимъ, что сказано у насъ о личныхъ оскорбленіяхъ по саксонскимъ закономъ XVI вѣка.

[107]) *Д. В.* (Валуева). Изслѣдованіе о мѣстничествѣ. Москва, 1845, стр. 110. Извѣстно, что князь Д. Пожарскій былъ выданъ головою Салтыковымъ, которые по расчетамъ мѣстничества занимали высокое положеніе. «Для личности», говоритъ Валуевъ», не было мѣста въ обществѣ, а потому и не было мѣста для нея и въ народной памяти». Петръ В. не могъ даже отыскать мѣста погребенія кн. Пожарскаго и Минина, стр. 120.

Изъ нашихъ источниковъ видно, что честь въ древней Россіи понималась въ *двоякомъ смыслѣ*.

Во-первыхъ, честь составляла исключительную принадлежность людей, занимавшихъ *высшее положеніе въ служебной іерархіи*, отличенныхъ высокимъ званіемъ, саномъ, чиномъ, должностью; таковы были: бояре, окольничіе и думные люди, или же знатныхъ по своей породѣ, по происхожденію, какъ, напримѣръ, сибирскіе царевичи. Тутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, вмѣсто *тяжкаго тѣлеснаго наказанія*, налагаемаго по закону на людей ниже стоящихъ по чести и по породѣ, опредѣлялась *потеря чести*, а взамѣнъ легкаго тѣлеснаго наказанія («кто почестнѣе») опредѣлялось *заключеніе въ тюрьму* [108]). Здѣсь честь слѣдуетъ понимать какъ внѣшнее доказательство отличія, признаніе превосходства, права на особенное почтеніе, короче сказать—почетъ. Такое заключеніе мы основываемъ на многихъ мѣстахъ сочиненія Котошихина [109]). Перечисливъ «большіе роды», которые бываютъ въ боярахъ и въ и въ окольничихъ, авторъ говоритъ: «Есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, только еще *въ честь не пришли*, за причиною и недослуженіемъ». Относительно же думныхъ дьяковъ замѣчаетъ: «а *честію* и *высочествомъ* тѣ думные дьяки будутъ таковы, какъ въ Польшѣ референдаріусы». «*А честію* тотъ постельничій противъ окольничаго». «Да въ царскомъ же чину царевичи сибир-

---

[108]) *Улож.* гл. X, 5: «Да за ту же вину у боярина, и у окольничаго и у думнаго человѣка *отняти честь*. А будетъ который судья такую неправду учинитъ не изъ думныхъ, и тѣмъ учинити *торговая казнь* и *впередъ имъ у дѣла не быть*». Улож. гл. X, 20;... «челобитныя свои (въ судныхъ дѣлахъ и иныхъ подавати въ приказѣхъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ и всякимъ приказнымъ людемъ, кто въ которомъ приказѣ вѣдомъ». Не бивъ челомъ государю, никому челобитенъ не подавать, а кто подаетъ челобитье государю, о какомъ дѣлѣ помимо приказа, «и такимъ челобитчикамъ за то чинити наказаніе—*бити батоги;* а кто почестнѣе, и того *посадить въ тюрьму на недѣлю*?—*Котошихинъ*: За самовольный въѣздъ кого-либо изъ бояръ на царскій дворъ на лошади: «и его бъ скоро за то велѣлъ послать въ тюрьму, до указу своего, и *честь его отнятабъ была*, а ежели человѣкъ его боярскій, безъ вѣдома его, провелъ черезъ дворъ лошадь, и тому человѣку *учинено было наказаніе кнутомъ*». *О Россіи*, гл II, ст. 11.

[109]) О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, гл. II, ст. 1, 2, 3, 4, 12, 14; гл. IV, ст. 12 и т. д.

скіе, касимовскіе, крещены въ христіанскую вѣру. *Честію они бояръ выше*, а въ думѣ ни въ какой не бываютъ и не сидятъ».

О томъ, что честь не была признаніемъ личныхъ заслугъ, а была признакомъ знатности по породѣ, старшинства, по родовой «лѣствицѣ», доказываютъ, между прочимъ, споры о мѣстничествѣ при назначеніяхъ въ посольства или въ полки на службу. «А тѣ, которымъ велѣно съ кѣмъ быти въ товарищахъ, противъ тогожъ бьютъ челомъ царю, что они *породою своею и честью* тѣхъ людей не меньше, съ кѣмъ имъ велѣть быть... И по тому ихъ челобитью приказываетъ царь въ посольскомъ приказѣ и въ разрядѣ *сыскивать о чести* ихъ записными книгами и писмами, и въ тѣхъ приказахъ сыскавъ напишутъ, *кто каковъ есть честью*».... Точно такіе же споры о чести возникали при назначеніи воеводами въ военное время и ихъ товарищами. Не всѣ полки были одинаковой чести: «передовой полкъ кабы почестнѣе сторожеваго». Правая рука была честнѣе лѣвой. Большой полкъ—честнѣе всѣхъ остальныхъ [110]). И города имѣли также свою относительную честь. Наибольшею честью въ «отечествѣ», во всякомъ случаѣ, пользовались люди *высшей породы*, которымъ отдавалось первенство даже въ царской думѣ: «А изъ которыхъ чиновъ нибуди бываютъ пожалованы въ бояре и въ окольничіе и въ думные люди, *за службы* и *не за службы*, а лучится имъ сидѣти въ думѣ съ царемъ вмѣстѣ: и они садятся по *роду своему* и *по чести*, кто *кого честняя породою*, а не потому, *кто кого старѣе по чину*, хотя кто сегодня пожалованъ, на утрѣе по породѣ своей учнетъ сидѣти выше». Даже бояре, близкіе къ царскому дому, свойственники царю по его су-

---

[110]) Это старшинство полковъ такъ выражено въ указѣ Іоанна IV, 1550 года: «А воеводамъ въ полкахъ быти: большой полкъ, да правая рука, да лѣвая рука, по мѣстомъ; а передовой полкъ, да сторожевой полкъ меньше одного въ полку большаго воеводы; а до правой руки, и до лѣвой руки, а въ большомъ полку до другаго воеводы дѣла нѣтъ, съ тѣми безъ мѣстъ. Кто съ кѣмъ въ одномъ полку, тотъ того и меньше. А воеводъ государь прибираетъ, *разсуждая ихъ отечество;* и кто кого *дородился*, то можетъ ратный обычай содержати». Акты ист. I, № 154, 1 ст. дополнительная къ Судебнику. — Но въ этомъ указѣ есть еще одно мѣсто, которое давало поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ: «которые будутъ впередъ въ боярахъ и воеводахъ, и они считаются по своему отечеству». Подробнѣе объ этомъ ниже въ гл. о «Родовой чести»

пругѣ, не пользовались тою честью, какою пользовались бояре по своему высокому или древнему роду. «А которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бываютъ, потому что подъ иными боярами сидѣть *стыдно*, а *выше неумѣстно, что породою не высоки*». За столомъ всѣ мѣста были распредѣлены такъ, что каждое предшествующее считалось на одну степень почетнѣе послѣдующаго мѣста; ходить еще можно было *безмѣстно*, но сидѣть непремѣнно нужно было по нумерамъ, опредѣляемымъ честью.

Эта родовая—лучше сказать—породистая честь, сообщая право на исключительный почетъ, могла пріобрѣтаться въ XVII столѣтіи и заслугами: «прибавятъ чести и дадутъ жалованья не мало» (*Котошихинъ*). Такимъ образомъ попали въ честь Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ и другіе. Но въ XVII-же столѣтіи родовой служебный и разрядный распорядокъ все болѣе и болѣе утрачивалъ значеніе силы, уступая мѣсто другому распорядку. По мѣрѣ расширенія объема государственной службы и развитія вооруженныхъ силъ, болѣе и болѣе запутывались, стѣсняя правительно, отношенія разраставшихся родовъ старой дружины. Съ уничтоженіемъ мѣстничества, особенно-же послѣ знаменитаго указа 1693 г., честь служебно-родовая должна была утратить значеніе стаднаго превосходства по породѣ, внѣ личныхъ заслугъ. Въ смыслѣ права на личное уваженіе должна была явиться честь какъ достояніе всякаго вѣрнаго слуги отечества, и въ этомъ сказалось существенное различіе законовъ петровскаго періода отъ Соборнаго Уложенія.

Въ чисто юридическомъ смыслѣ честь, какъ внутреннее нравственное качество всякаго человѣка, нарушеніе которой состоитъ въ оскорбленіи или униженіи личности словомъ или дѣйствіемъ, клеветою и даже угрозою, въ понятіяхъ общества XVII столѣтія не имѣла еще самостоятельнаго значенія, независимо отъ общественнаго или служебнаго положенія человѣка. Честь каждой личности опредѣлялась общею мѣркою въ зависимости отъ состоянія цѣлой группы лицъ. Чѣмъ выше было общественное положеніе какой-либо массы лицъ, тѣмъ болѣе эта масса имѣла право на почитаніе своей чести, и обратно. Поэтому личная обида словомъ, какъ идеальная форма оскорбленія, въ законахъ XVII вѣка выражена въ формѣ неопредѣленнаго слова «безчестье».

Соборное Уложеніе стремилось закрѣпить обычаи, глубоко укоренившіеся въ нравахъ. Многіе частные случаи указываютъ, что въ судахъ и разныхъ приказахъ довольно часто приходилось заниматься исками о безчестьи «не подобною лаею» «навѣтнымъ и наносимымъ словомъ», «побоями», «причиненіемъ ранъ». Но бывали и такіе случаи, что воевода искалъ безчестья съ другого воеводы за то, что тотъ написалъ отписку въ видѣ указа. Великимъ оскорбленіемъ считалась ошибка въ наименованіи отечествомъ: воевода Волконскій отписываетъ другому воеводѣ: «пишешь ко мнѣ Петръ Ивановичъ, а язъ Андреевичъ, и то промежъ насъ ссора, отца моего имени не вѣдаешь». Случалось, что оскорбленія наносились въ церкви: «Да онъ же Василій (дьякъ) въ соборѣ учалъ господина моего Ѳ. И. Шереметева матерны лаять». Въ основаніи исковъ о безчестьи нерѣдко было не чувство оскорбленной чести, а матеріальная выгода [111]).

Соборное Уложеніе, посредствомъ опредѣленія платы извѣстной суммы денегъ за «безчестье» *для цѣлой группы лицъ*, стремилось удовлетворить всякую обиду, а не исключительно личную— какъ посягательство на тѣлесную неприкосновенность, въ какой бы формѣ они ни проявлялось: вслѣдствіе-ли *насилія и самоуправства*, напр.: «мучительное наругательство» (Улож., гл. XXII, ст. 11), или *въ формѣ изувѣченія* (крестьянина, какъ бы оно серьезно не было); (Улож., гл. X, ст. 94), или *публичнаго оклеветанія передъ судомъ и ложнаго свидѣтельства*: «да на немъ же тому, кого

---

[111]) *Акты Ар. Экс. II*, № 142: челобитная человѣка Шереметева Ондрюшки, 1609. III, № 42: жалоба воеводы Зюзина на воеводу Волкова и дьяка Митусова въ 1614 г. Интересно заключеніе: «и впередъ бы, господине, вамъ съ указомъ не писати, а учнешь писать съ указомъ, и мнѣ на васъ писать къ Москвѣ и о *безчестьи* бить челомъ Государю». Тутъ оскорбленіе чисто служебнаго характера смѣшивалось съ личною обидою. III, № 48: царская грамота пермскому воеводѣ 14 окт. 1614 г. о наказаніи Волкова и его товарищей за оскорбленіе кн. Н. Шаховскаго. III, № 58: отписка воеводы кн. Волконскаго Чихачову, 31 янв. 1615 г., III, № 175: челобитье архимандрита троицко-сергіевскаго монастыря съ братьей на головаря Симонова монастыря Богдана Григорьева, который побилъ старца Тихона и его слугу, 31 Янв. 1633 г. III, № 237: жалоба доктора Венделина Сибилиста на пріѣзжаго торговца курляндца Ивана Госсена: «въ своемъ и жены и дочери безчестіи», 26 декабря 1644.

онъ *поклеплетъ*, доправить безчестье» (Улож., гл. X, ст. 9) и т. д.

Подъемъ русскаго общества въ XVII стол. «Безчестье» по соборному уложенію. Обида и насиліе, бой и увѣчье, какъ предметы иска за безчестье. Субъектъ и объектъ обиды. Зависимость мѣры наказанія за безчестье: 1) отъ мѣста нанесенія обиды, 2) отъ общественнаго положенія лица и 3) отъ свойства обиды.

Въ XVII столѣтіи, послѣ потрясающихъ событій смутнаго времени, въ русскомъ обществѣ мало-по-малу поднимались новыя стихіи и распространялись иныя понятія. Противъ суевѣрія, волшебства и чародѣйства энергически, хотя и безуспѣшно, работала церковь; съ запада стали проникать новыя идеи, появились иноземные военные законы. Въ русское законодательство входили постановленія Литовскаго Статута, болѣе чѣмъ царскій Судебникъ отвѣчавшія потребностямъ гражданскаго устройства русскаго государства, и освѣжались византійскіе законы. Дружина слабѣла. Значеніе дворянской конницы умалялось. Формированіе солдатскихъ полковъ изъ даточныхъ развивалось. Но стрѣльцы еще не утратили своего боевого значенія и также умножались. Нужно было пополнить пробѣлы Судебника, вслѣдствіе упраздненія польнаго процесса, противъ котораго, какъ и противъ чародѣйства, возставала православная христіанская религія. Всѣ иски рѣшались судомъ по шаблонной формѣ розыскнаго процесса, посредствомъ обыска и спроса свидѣтелей. Въ розыскномъ слѣдственномъ процессѣ все болѣе и болѣе возрастало примѣненіе пытки.

Къ юридическимъ нормамъ древнихъ памятниковъ присоединилось много новыхъ понятій. Распространеніе благочестія все болѣе и болѣе увеличивало силу духовенства, особенно монашества, которому, какъ всѣ это знали, государство обязано было своимъ спасеніемъ въ смутное время гораздо болѣе, чѣмъ боярамъ и ихъ родичамъ. Всѣ дворяне, начиная отъ высшихъ родовитыхъ бояръ, признаны царскими служилыми людьми и холопами. Значеніе приказныхъ людей, какъ людей грамотныхъ, необходимыхъ для администраціи въ столицѣ и провинціяхъ, въ приказахъ и на воеводствахъ,

видимо усиливалось съ того времени, когда горожане должны были безусловно подчиниться власти воеводъ. Дьяки и подъячіе богатѣли и размножались, особенно въ Москвѣ — средоточіи *вотчиннаго управленія* государствомъ. Горожане, отбывая отъ тяжкихъ повинностей, лѣзли въ подъячіе.

Сравнивая Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича съ Судебникомъ 1550 года, замѣчаемъ, что въ Уложеніи рядомъ съ развитіемъ старыхъ юридическихъ нормъ помѣщаются совершенно новыя, частью самобытныя, частью взятыя у другихъ народовъ. Такъ, понятіе о личной обидѣ словомъ, какъ безчестье, ясно и и категорично выражено только въ тѣхъ частяхъ Уложенія, которыя непосредственно заимствованы изъ Литовскаго Статута, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ Уложенія, выросшихъ изъ Судебника, съ понятіемъ о «безчестьи», соединяется не одна только личная обида словомъ, «непригожимъ словомъ», или личное оскорбленіе дѣйствіемъ, въ формѣ удара рукою, палкою, оружіемъ, но также и разнаго рода насиліе, посягательство на тѣлесную неприкосновенность частнаго лица, даже публичный поклепъ, или ложное свидѣтельство въ судѣ, ложное или неправое обвиненіе въ судѣ. Въ понятіе «безчестье» вошли, такимъ образомъ, самые разнообразные элементы, въ массѣ которыхъ утрачена субъективная сторона понятія чести, какъ внутренняго достоянія человѣка.

Въ памятникахъ и законахъ XVII вѣка «безчестье», «обида и налоги», «безчестье и увѣчье» стоятъ въ неразрывной связи.

Мѣра наказанія за *безчестье* въ Уложеніи видоизмѣняется въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ условій, которыя мы подводимъ подъ слѣдующія три категоріи: во-первыхъ, *отъ мѣста нанесенія обиды:* совершена ли она въ публичномъ мѣстѣ—храмѣ божіемъ, въ государевомъ дворѣ, въ судѣ или приказѣ, или же просто въ частномъ житейскомъ быту, за исключеніемъ насильственнаго вторженія въ домъ съ прямою цѣлію «наругательства»; 2) *отъ общественнаго положенія лица;* здѣсь Уложеніе распредѣляетъ общество по объектамъ и субъектамъ на группы или категоріи и оцѣниваетъ честь каждой группы лицъ на деньги по степени достоинства и значенію ея для государственныхъ интересовъ отъ 400 до 1 р.; мѣра наказанія усилена: а) за безчестье высшихъ духовныхъ сановниковъ—патріарха, митрополитовъ, архіепис-

коповъ, а равно бояръ, окольничихъ и думныхъ людей — въ томъ смыслѣ, что за ихъ безчестье, кромѣ денежнаго штрафа, опредѣляются уголовныя наказанія; и б) за безчестье лицъ женскаго пола — цѣна безчестья которыхъ увеличивается противъ мужчинъ: вдвое — для замужнихъ и вчетверо для дѣвицъ — противъ оклада мужей ихъ или отцовъ; и 3) *отъ свойства обиды*. къ которой нужно отнести и непригожее слово, и раны, и тѣлесныя повреждения. Тутъ виновный наказывается или за «безчестье», или за «увѣчье и безчестье»: простая обида облагается нормальнымъ окладомъ безчестья, тяжкая обида или обида квалифицированная, кромѣ вознагражденія за „увѣчье", облагается платою двойнаго, тройнаго, четвернаго „безчестья". Самая такса за безчестье показываетъ, что Уложеніе измѣряетъ честь личности въ объективномъ отношеніи, извѣстнымъ масштабомъ по званію обиженнаго и обидчика, т.-е. разстояніемъ по чину, по имуществу, по знатности.

Безчестье въ государевомъ дворѣ, въ храмѣ, въ судѣ; наказаніе за публичную обиду словомъ и дѣйствіемъ.

Цѣна безчестья въ Уложеніи измѣняется, какъ сказано, въ зависимости отъ общественнаго положенія и значенія не самаго обиженнаго лица, а отъ изображаемой его особою чести. Но личная обида словомъ и дѣйствіемъ въ *государевомъ дворѣ*, въ *церкви* и въ *судѣ* въ Уложеніи разсматривается какъ особый видъ преступнаго посягательства на «честь государя», на «честь государева двора» на «честь храма божія», или на „честь суда". Здѣсь, согласно съ буквою Литовскаго Статута, Уложеніе предусматриваетъ: обиду *словомъ*, *ударомъ рукою*, *тростью*, или *до крови*, *саблею* или *инымъ оружіемъ*, *безъ нанесенія раны*, или *съ нанесеніемъ раны*, послѣдствіемъ которой могло быть выздоровленіе или смерть, и опредѣляетъ за такого рода обиду — *кому бы то нибыло* — въ государевомъ дворѣ „не опасаючи чести царскаго величества", или же „чести государева двора", кромѣ денежнаго штрафа за *безчестье* въ пользу обиженнаго, смотря по роду обиды, различное уголовное наказаніе: „за честь государя", „за честь государева двора". Когда кто при царскомъ величествѣ, въ его государевомъ дворѣ и въ его государевыхъ палатахъ обезчеститъ другаго *словомъ* и про то сы-

щется: „и по сыску за честь государева двора того, кто на государевѣ дворѣ кого обезчеститъ, *посадити въ тюрьму на двѣ недѣли*, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлати. А кого онъ обезчеститъ, и тому указати на немъ безчестье". За нанесеніе съ *дерзости* удара рукою, сыскавъ до пряма, *посадити въ тюрьму на мѣсяцъ*, а кого онъ ударитъ и тому по немъ доправитъ *безчестье*. А когда ударитъ до крови, того за честь государева двора посадить въ тюрьму на шесть недѣль, а тому, кого онъ окровенитъ, *безчестье доправить вдвое*. Кто при царскомъ величествѣ выметъ на кого саблю или иное оружіе и не ранитъ того казнить — *отсѣчь руку*, а когда ранитъ и тотъ, кого онъ ранитъ, умретъ ли или не умретъ, то того убійца *казнити смертью*, да изъ животовъ его взять убитаго кабальные долги.

Кто же обезчеститъ другого нанесеніемъ удара оружіемъ въ государевомъ дворѣ, не при государѣ, тотъ, если не причинитъ раны, подвергается *заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца*, а если ранитъ и раненый не умретъ, то обидчику *отсѣчь руку*, а если раненый умретъ—*казнити смертью*; кромѣ того раненому *доправить безчестье* и *увѣчье противъ окладу вдвое*. До совершенія наказанія, преступника отдать на поруки въ томъ, что ему безъ указу изъ того города, гдѣ онъ кого ранилъ, не съѣзжать до тѣхъ мѣстъ, пока раненой обможется или умретъ [112]).

Точно также Уложеніе увеличиваетъ мѣру уголовной кары за личную обиду словомъ или дѣйствіемъ кому-либо во храмѣ божіемъ. „Кто въ церкви безчеститъ другого словомъ, тому опредѣляется *тюрьма на мѣсяцъ*, кто въ церкви ударитъ другого, а не ранитъ, такого *безчинника за такое безчиніе бити батоги*, кто въ церкви ранитъ, а до смерти не убьетъ, и ему учинити *торговая казнь безъ пощады* и *вкинути въ тюрьму на мѣсяцъ*". Въ публичныхъ личныхъ обидахъ, кромѣ уголовнаго наказанія за безчестіе храму божію (собственно за нарушенія благоприличія), опредѣляется всегда денежный штрафъ — безчестье въ пользу обиженнаго лица, а въ случаѣ нанесенія раны—*безчестье вдвое*. Уложеніе находитъ нуж-

---

[112]) *Собор. улож.* гл. III: о Государевѣ дворѣ, чтобы на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчестья и брани не было; ст. 1—5. Срав. съ разд. IV литовскаго статута 1588 г.

нымъ внушить также, что „православнымъ христіанамъ подобаетъ въ церкви божіей стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити“ [113]).

Заботясь о благочиніи въ церкви, о благопристойности въ Государевомъ дворѣ, Уложеніе внушаетъ необходимость соблюденія приличія и тишины въ судѣ.

„На судѣ истецъ и отвѣтчикъ должны отвѣчать вѣжливо и смирно: судьѣ не говорить невѣжливыхъ словъ и не браниться. Кто кого передъ судьями обезчеститъ непригожимъ словомъ, того за судейское безчестье посадить *въ тюрьму на недѣлю* и на немъ доправить *безчестье* въ пользу обиженнаго; кто передъ судьями съ дерзости рукою зашибетъ, а не ранитъ, и на томъ велѣть тому, кого онъ зашибетъ, доправити *безчестье вдвое;* кто передъ судьями замахнется на другого оружіемъ, или ножомъ, а не ранитъ, и того *бити батоги,* а если ранитъ — *бити кнутомъ*, а если раненый умретъ или убъетъ его до смерти и виновника *казнить* смертью, да изъ животовъ убійцы и съ вотчинъ взяти убитаго *кабальныя долги.* А если зачинщикомъ ссоры въ судѣ былъ тотъ, кого онъ ранитъ или убъетъ и первый началъ бить,—„такова никакою казнію ни казнити, потому что онъ то учинилъ, боронясь отъ себя“ (улож. X, 105 сравни литов. стат.).

Уложеніе, какъ и Литовскій Статутъ, охраняетъ честь и безопасность судей и вообще должностныхъ лицъ.

„За безчестье въ судѣ судьи непригожимъ словомъ—того бити кнутомъ, или батоги, что Государь укажетъ, а судьѣ велѣть доправити на немъ безчестье. Кто же судью зашибетъ, или ранитъ, тому отсѣчь руку и на немъ же велѣть доправить судьѣ за раны и за безчестье вдвое. А кто судью въ приказѣ или *гдѣ-либо* убьетъ до смерти, того убійцу казнить смертію и изъ его животовъ взяти убитаго кабальныя долги“ (Улож. X, 106 ср. Литов. Стат.).

Какъ Литовскій Статутъ предусматриваетъ случаи оскорбленія „вознаго“ и дворянъ, посылаемыхъ съ оффиціальными бумагами, и за насиліе опредѣляетъ уголовныя наказанія, соединенныя съ платою за безчестье вдвое, точно также и Уложеніе усиливаетъ нака-

---

[113]) *Собор. Улож.* гл. I, о богохульствѣ и церковныхъ мятежникахъ, ст. 5, 6, 7.

заніе за оскорбленіе и насиліе надъ *приставомъ* или *сыномъ боярскимъ*, при исполненіи ими своихъ обязанностей: „кто будетъ бить пристава или сына боярскаго, или велитъ кому бить мимо себя людямъ своимъ или крестьяномъ, у него отойметъ и издеретъ наказную или приставную грамоту, такова непослушника за государеву грамоту *бити кнутомъ* и *посадити* въ *тюрьму на три мѣсяца,* а недѣлъщику велѣть доправить на немъ *безчестье и увѣчье противъ оклада вдвое*" и т. д. [114]).

Въ публичныхъ обидахъ интересы частныхъ лицъ соединяются съ интересами государственной власти; внѣ же суда, внѣ службы, судьи и приказные разсматривались какъ частныя лица. Основаніемъ иска за обиду во всякомъ случаѣ служилъ опредѣленный денежный штрафъ, «безчестье», имѣющій много общаго съ «навезкою» Литовскаго Статута.

Безчестье или денежный штрафъ за обиду по общественному положенію.

Честь каждаго лица въ государствѣ опредѣлялась математически въ денежныхъ знакахъ. Въ этомъ отношеніи предписанія Уложенія, какъ мы знаемъ, служили развитіемъ царскаго Судебника и другихъ позднѣйшихъ постановленій [115]). По Уложенію—безчестье (гл. X, ст. 27—99) распространяется на всѣ классы народонаселенія; величина его, какъ и по Судебнику, зависитъ отъ общественнаго положенія того разряда лицъ, къ которому принадлежатъ обиженный и обидчикъ и опредѣляется особо по разрядамъ и группамъ лицъ каждаго класса народонаселенія. За безчестье—патріарху опредѣлено 400 руб., за безчестье крестьянину только одинъ рубль. Служилымъ людямъ безчестье опредѣлялось окладомъ ихъ содержанія. Безчестье бояръ и другихъ значительныхъ лицъ назначалось самимъ государемъ. Между честью боярина и честью крестьянина лежала цѣлая бездна;

[114]) Но за бой и оскорбленіе понятыхъ наказаніе ограничивается взысканіемъ денегъ за безчестье: «доправить безчестья да убытки ихъ вдвое по сыску». А крестьянъ и людей, которые били пристава и понятыхъ, бить кнутомъ, да на нихъ же доправить битымъ приставу и понятымъ убытки вдвое по сыску» (улож. X, ст. 142, ср. литов. стат.).

[115]) Гос. Гр. и Догов. II, стр. 46. Акты Истор. III, № 92. Ср. *Б. Утина* стр. 93.

слѣдовательно, непригожее слово въ отношеніи къ чести человѣка, стоящаго внизу лѣстницы, представляется ничтожною дробью. Это при нормальномъ разсчетѣ. Но если къ безчестью мужчины присоедините удвоенное безчестье его жены, учетверенное безчестье его дочери, то общая сумма безчестья человѣка породистаго составитъ безъ малаго цѣлый капиталъ. А эти случаи. какъ увидимъ, были неизбѣжны при всякомъ безчестьи, они особенно практиковались въ искахъ за родовое безчестье. Какое обширное поле для корыстолюбія и какая приманка къ ябедѣ и сутяжничеству!..

Слѣдуя группировкѣ платы за безчестье по Уложенію, мы можемъ раздѣлить все народонаселеніе на двѣ главныя части: на лицъ духовнаго званія и на лицъ свѣтскаго или военнаго званія. и послѣднихъ подраздѣлить на служилыхъ и неслужилыхъ; въ каждой части имѣется нѣсколько разрядовъ и подраздѣленій или группъ.

Разсмотримъ сначала оклады за безчестье и наказанія лицъ свѣтскаго званія.

Тутъ *четыре группы:*

Первый разрядъ. Бояре, окольничіе и думные люди.

Второй разрядъ [116]) (въ тѣсномъ смыслѣ служилые). Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, гости, дьяки, жильцы, дворяне, городовыя дѣти боярскія, иноземцы (въ офицерскихъ чинахъ) и придворные (дворовые чины).

Третій разрядъ (торговые люди и вообще горожане). Именитые люди Строгоновы, гости, гостинные, суконные, казенныя и черныя сотни, казенныя слободы, посадскіе, ямскіе охотники *(ст. 94).*

Четвертый разрядъ (главнымъ образомъ сельскіе обыватели). Крестьяне дворцовыхъ селъ и государевыхъ черныхъ волостей. боярскіе служилые люди, дѣловые люди, монастырскіе, помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне и бобыли, гулящіе люди *(ст. 94).*

---

[116]) Улож. гл. X, ст. 30, 91. Ко второму разряду слѣдуетъ отнести и подъячихъ. Значеніе чиновъ первой и второй группъ описано у *Котошихина,* гл. II, ст. 1—11. Оклады жалованья служилымъ въ моемъ трудѣ: «Арт. Воин.», вып. второй.

Особою группою стоятъ служилые нижняго чина (по прибору): стрѣльцы, пушкари, казаки *(гл. XXIII, ст, XXV, ст. 1 и 2).*

Въ главѣ X уложенія опредѣлены слѣдующія *наказанія* за безчестье въ каждой группѣ:

I. Безчестье лицъ первой группы, при взаимныхъ оскорбленіяхъ перваго разряда (т.-е. сановниковъ) «непригожимъ словомъ», опредѣляется по указу Государя (ст. 80); въ случаѣ же оскорбленія этихъ государственныхъ сановниковъ лицами второй группы, безчестье «править» по размѣру денежныхъ окладовъ обиженныхъ, а когда за безчестье платить нечѣмъ *„ихъ бить кнутомъ“* (ст. 91); если же сановниковъ обезчеститъ кто либо изъ лицъ, отнесенныхъ нами къ третьему и четвертому разрядамъ, а равно стрѣльцы, пушкари и казаки „кто ни буди“, то обидчику опредѣляется *наказаніе кнутомъ и тюрьма на двѣ недѣли (ст. 92).*

II. За безчестье лицъ второй группы, а также подъячихъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей, которые государевымъ денежнымъ жалованьемъ верстаны, править безчестье по ихъ окладамъ (*ст. 93*).

III. За безчестье лицъ третьяго разряда сумма денегъ назначена въ самомъ законѣ: за безчестье именитымъ людямъ Строгоновымъ—по 100 руб. человѣку; гостю—50 руб., человѣку гостинной сотни—25 руб. и т. д., кончая ямскимъ охотникомъ, которому назначено 5 руб. за его безчестье (*ст. 94*).

IV. Безчестье лицъ сельскаго состоянія и гулящихъ людей опредѣлено въ одинъ рубль человѣку, но съ такою оговоркою: „А будетъ кто государевыхъ крестьянъ учнетъ бити и бьючи изувѣчитъ, глазъ выколетъ, или руку, или ногу, и на томъ имати государевымъ крестьянамъ за увѣчье и за безчестье по десяти рублевъ человѣку. А будетъ кто государева крестьянина зашибетъ, а увѣчье никакого не учинитъ, и на томъ имати государевымъ крестьянамъ за бой и безчестье по два рубля“. То же чинить за безчестье и увѣчье прочихъ крестьянъ [117]).

[117]) *Улож.* гл. X, ст. 94. Сравни эту статью съ ст. 10 гл. XXII, гдѣ за отсѣченіе руки, ноги, носа, уха и проч. опредѣлено виновному чинить то же, и кромѣ того, за всякій отсѣченный членъ и за всякую рану платить по 50 рублей. Здѣсь о безчестьи вовсе не упоминается.

Подобно прежнимъ законамъ, Уложеніе опредѣляетъ усиленный денежный штрафъ за оскорбленіе „непригожимъ словомъ" лицъ женскаго пола: за безчестье чьей либо жены править вдвое противъ оклада ея мужа, чьей либо дочери-дѣвки—въ четверо противъ отцова оклада; но за безчестье сына неверстаннаго—въ половину противъ отцова оклада *(ст. 99)*.

Стрѣльцамъ за безчестье свое и своей жены, со стороны своей братіи, править деньги, а если обвиняемому платить нечѣмъ, за то безчестье *бити его кнутомъ*. Атаманамъ и казакамъ, кто ихъ чѣмъ обезчеститъ, править противъ денежныхъ окладовъ, а которымъ идетъ кормъ. тѣмъ за безчестье править по 5 рублей; тоже по 5 руб. кузнецамъ самопальнаго дѣла, а рядовымъ кузнецамъ по 4 руб. (гл. XXIII, *ст. 3;* гл. XXIV *ст. 1 и 2)*.

Что-же касается до лицъ духовнаго званія, то здѣсь черное монашествующее духовенство отдѣлено отъ бѣлаго или свѣтскаго клира. И точно также оклады назначаются по группамъ, которыя мы соединяемъ въ четыре разряда.

I. За патріаршее безчестье—бояре, окольничіе и думные люди выдаются патріарху головою, между тѣмъ за „властелинское безчестье" они платятъ денежный штрафъ: митрополиту—400 руб., архіепископу—300 руб. и епископу—200 руб. Если-же означенные думные люди уплатить этихъ денегъ не въ состояніи, то они точно также выдаются головою. Лица второй группы свѣтскихъ чиновъ за безчестье митрополита подвергаются наказанію батогами, а за властелинское безчестье заключаются въ тюрьму. Всѣмъ-же прочимъ лицамъ «какова чина ни буди» за безчестье духовныхъ сановниковъ опредѣляются тѣлесныя наказанія (торговая казнь или батоги) и заключеніе въ тюрьму отъ одного мѣсяца до четырехъ дней *(ст. 28—31)*.

II. Безчестье архимандрита, игуменовъ и иноковъ опредѣляется смотря по званію оскорбленнаго и іерархическому положенію монастыря, начиная отъ архимандрита, игумена, келаря и казначея Троицко - Сергіевской лавры. Оклады безчестья опредѣлены означеннымъ группамъ отъ 100 до 6 рублей; рядовымъ старцамъ и старицамъ по 5 руб., а безмѣстнымъ старцамъ по 3 рубля *(ст. 32—83, 97)*.

III. Свѣтское духовенство—протопопы, протодіаконы, попы,

діаконы получаютъ за безчестье, за нѣкоторыми исключеніями, «что имъ идетъ государева жалованья денежныя руги». А тѣмъ священникамъ, «которымъ годовыя денежныя руги нѣтъ», безчестье опредѣляется по особому счету *(ст. 85—88)*.

IV Наконецъ, въ главѣ X исчислено также подробно и обстоятельно безчестье духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, составляющихъ штатъ патріарха, духовныхъ іерарховъ, монастырей и церквей; не забыты и церковнослужители — дьячки и пономари, коимъ опредѣлено по 3 и по 2 рубля за безчестье *(ст. 95—98)*.

Приводя въ извѣстную, довольно сложную систему прежде существовавшія постановленія относительно преступленій противъ чести, Уложеніе, въ своей лѣстницѣ, уподобляемой пирамидѣ, за основаніе для устепененія наказаній за безчестье приняло личную обиду словомъ. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Духовная власть долго вела безуспѣшную борьбу съ распространенными въ народѣ привычками къ сквернословію, оскорбительнымъ выраженіямъ, поклепу, лжи. Теперь пришла очередь для законодательства: оно преслѣдуетъ преступленія противъ чести съ особенною строгостью, охватывая насилія и такія преступленія, которыя вели къ матеріальному ущербу обиженной стороны. Ему предстояло обезпечить неприкосновенность личности отъ посягательства и на ея достоинство, и на благосостояніе, не только употребленіемъ словъ ругательныхъ или позорящихъ честь, но и употребленіемъ недостойныхъ средствъ къ униженію, оскорбленію или причиненію ущерба своему противнику публичнымъ ложнымъ обвиненіемъ.

Съ другой стороны — безчестье, обращенное въ денежные знаки, представляется столь крупною суммою, что вело отвѣтчика къ совершенному разоренію, и этимъ средствомъ пользовалось тщеславіе и корыстолюбіе, заводя иски въ судахъ, которые служили усердно интересу людей имущихъ и сильныхъ.

Обиды, отягченныя обстоятельствами.

Въ обидахъ, отягченныхъ обстоятельствами, Уложеніе опредѣляетъ *двойное безчестье*, т.-е. оно удваиваетъ тягость отвѣтчика. Въ судѣ каждый желалъ найти защиту отъ посягательства

на свою честь, вслѣдствіе ложныхъ свидѣтельскихъ показаній. неправильнаго обвиненія, насилія, вообще самоуправныхъ дѣйствій. Предусматривая разнообразные случаи, законодатель развилъ чрезвычайно подробно казуистическую регламентацію. Посредствомъ безчестья каждый могъ добиваться удовлетворенія своего иска въ судѣ: «А будетъ кто кого *чѣмъ обзчеститъ* и за безчестіе чинити указъ». *Свойство безчестья* нужно было доказать свидѣтельскими показаніями такихъ лицъ, на которыя сошлются обѣ стороны. Въ законѣ опредѣлены случаи, когда именно свидѣтели за ложныя показанія подвергаются денежному штрафу, когда наказываются тѣлесно (даже кнутомъ), когда могутъ быть подвергнуты пыткѣ [118]).

Въ самомъ принципѣ иска за безчестье обнаруживаются слабыя стороны Соборнаго Уложенія. Въ немъ даже и приблизителъно не опредѣлено, что именно законъ резумѣетъ подъ выраженіемъ «непригожимъ словомъ», въ чемъ должна состоять обида словомъ, за которую обиженный могъ привлечь обидчика къ отвѣту. Обиженный не ограничивался своею личностью; онъ присоединялъ къ ней и жену свою и дочерей.

Обратимъ вниманіе на обиды весьма тяжкія, на тѣ обиды, которыя лишали семью работника, вслѣдствіе причиненія ему увѣчья, тяжкой раны, на обиды вслѣдствіе лжесвидѣтельства. Къ обидѣ дѣйствіемъ во многихъ отношеніяхъ пріурочены тяжкія повреждения [119]). Въ этихъ отдѣльныхъ законахъ дѣйстви-

---

[118]) *Соборн. Улож.* гл. X, ст. 158—173. Свидѣтели, при извѣстныхъ случаяхъ, подвергаются денежной пенѣ въ размѣрѣ до 40 руб. съ человѣка, а въ случаѣ лживыхъ показаній—наказанію кнутомъ или же пыткѣ. Когда обѣ стороны на судѣ сошлются «на обчую правду», хотя на одного человѣка, то дѣло вершить по обчей ссылкѣ. Когда свидѣтелей трое, то показаніе двухъ противъ одного принимать за истину. Когда общая ссылка оговорила кого-либо, солгала, и «той обчей ссылкѣ за то учинить жестокое наказаніе—бити кнутомъ нещадно». Боярскихъ людей, крестьянъ и женскій полъ во всякихъ дѣлахъ допрашивати по государеву крестному цѣлованію передъ образомъ Божіимъ и т. д. *Ст. 149.* Какъ чинить управу въ обидныхъ дѣлахъ на бояръ, окольничихъ, стольниковъ, и на дворянъ московскихъ и ихъ дѣтей, воеводъ, пословъ.

[119]) Уложеніе, гл. X, ст. 133, 136, 198, 199, 281; XII, 10, 11, 12, 17 и многія другія, на которыя мы ссылались прежде и еще будемъ ссылаться впереди. См. объ этомъ же: *Б. Утина*, стр. 64 и слѣд.; *Лане*, «Журналъ

тельная обида смѣшивается съ насиліемъ, съ грубымъ посягательствомъ на тѣлесную неприкосновенность и опредѣляется уголовная кара «за увѣчье», соединяемая съ денежною платою «за *безчестье*». Но здѣсь нѣтъ послѣдовательности. За отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, за поврежденіе глаза Уложеніе предписываетъ сдѣлать тоже самому обидчику, да и на немъ же взяти изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое ругательство учинилъ, безчестья по 50 рублей за каждый отсѣченный членъ и за всякое *увѣчье* (глазъ, ухо и т. п.). Тутъ увѣчье смѣшивается съ безчестьемъ. Личною обидою и оскорбленіемъ чести часто почитается насильственное нападеніе, «наѣздъ» на чужія владѣнія, захватъ полей и луговъ и т. п. «Кто заволокетъ кого силою и станетъ бить ослопомъ, или кнутомъ, или батоги и такого *бить кнутомъ по торгомъ* и *кинуть* его въ тюрьму на мѣсяцъ,» да на немъ-же доправить въ пользу потерпѣвшаго *безчестье* и *увѣчье вдвое*. Людей, которые помогали такому нарушительству—*бить кнутомъ по торгомъ и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ*, а съ тѣхъ, которые на такое дѣло людей своихъ научили, править *безчестье вдвое* въ пользу потерпѣвшаго; а чей человѣкъ учинитъ такое наругательство самъ собою, такого *пытавъ*, *казнить смертію* (Улож. гл. XX, ст. 10, 11, 12 и въ новоуказанныхъ статьяхъ 94, 95, 96). Зачинщикъ драки, если будетъ раненъ, лишается платы за безчестье, потому что самъ не правъ (улож. гл. X, 201). Когда одинъ человѣкъ обидитъ

Министст. Народн. Просв.» стр. 209 и слѣд. Въ главѣ о *механическихъ дѣйствіяхъ, считавшихся* (по Уложенію) *наносившими безчестье*, отнесены: а) нанесеніе ранъ и увѣчій, б) побои, в) напускъ на кого собаки, г) наѣздъ на чью жену лошадью съ умысломъ, д) самоуправная пытка татя въ своемъ домѣ, е) умышленное подкидываніе кому поличнаго, ж) составленіе подложной кабалы или крѣпости, з) хватаніе рукою мужчины или женщины за тайные уды и опростоволосеніе чьей жены, и) написаніе въ чьемъ-либо прозвищѣ или имени другихъ буквъ. Соборн. Улож. I, 5, III, 5, X, 106, 198, 199, 133, 94; XX, 11, 17; новоуказан. ст. 94 (1 полн. собр. зак. № 441), X, 136, XXII, 11, новоук. ст. 95, XX, 11, 12, новоук. ст. 96; I, 6, III, 2, X, 105, 106, VII, 32; X, 142, XXII, 4, новоук. ст. 90; XXII, 17; новоук. ст. 103; XXI, 88; новоук. ст. 16, XXI, 55, новоук. ст. 55; XXI. 56; новоук. ст. 55; X, 251. См. еще въ 1 Полн. Собр. Зак. II, №№ 653, 775, 782, 812, 879, 886, 9, 93, 905. Акты Юридич. №№ 61, 70, 276. Акты Историч. V, № 48.

трехъ, четырехъ человѣкъ, то каждый изъ числа обиженныхъ можетъ искать на обидчикѣ свое безчестье особо, хотя бы товарищи его отступились отъ иска. Когда-же нѣсколько человѣкъ учинятъ обиду одному и обиженный предъявитъ жалобу на всѣхъ, но изъ нихъ кто либо одинъ помирится, а остальные безъ суда не помирятся, то истцу слѣдуетъ дать судъ на тѣхъ остальныхъ, а безъ суда ихъ по раздѣлкѣ товарища ихъ не винить (гл. X, 183, 184).

Къ личной обидѣ Уложеніе относитъ даже такое значительное по нашимъ понятіямъ преступленіе какъ насиліе воинскихъ людей на походѣ, когда они съ мѣста жительства шли толпами на сборные пункты или послѣ похода возвращались домой («когда онъ ѣдетъ на государеву службу или возвращается съ государевой службы»). «А будетъ онъ (служилый) на томъ стану рукою ударитъ, а не до смерти убьетъ, и не ранитъ, или словомъ кого обезчеститъ, или у кого что грабежемъ возьметъ, а сыщется про то до пряма: и тому учинити наказаніе смотря по винѣ; да на немъ же велѣти тому, кого онъ рукою ударитъ, или словомъ *обезчеститъ, доправить безчестье и грабежъ вдвое*» (гл. VII, 32).

Коротко сказать — *безчестье* въ понятіяхъ русскаго общества XVII вѣка обнимало не только непосредственную личную обиду словомъ или дѣйствіемъ, безъ причиненія какого-либо тѣлеснаго поврежденія или съ причиненіемъ раны, увѣчья и даже смерти, но также и всякаго рода насилія, драки, грабежи, захватъ чужой собственности. Но этого мало: искъ за безчестье по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ, охватывая самыя разнообразныя преступленія, составлялъ истинную общественную язву, развивая ябедничество въ судахъ и усложняя до крайности дѣлопроизводство [120]).

Заключеніе. Въ Уложеніи выражались вполнѣ своеобразные, запутанные взгляды на личное оскорбленіе, на обиду; личность укрывается за званіемъ и чиномъ. Въ этомъ отношеніи законо-

[120]) *Уложеніе*, гл. X, ст. 9, 99, 107, 148, 162, 171, 186 — 188, 251, 252, гл. XXI, ст. 55. О безчестьи за поклепъ, ложное свидѣтельство, ложное челобитье и проч. См. еще соч. *Утина*, стр. 72 и слѣд.; *Ламе*, «Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ.», стр. 198 и слѣд. Авторъ перечисляетъ разные виды безчестья по неправильнымъ или ложнымъ обвиненіямъ.

дательство XVII столѣтія дало не много новаго: Уложеніе развило и закрѣпило правоопредѣленія прежнихъ русскихъ законовъ, дополнивъ таковыя устарѣлыми нормами Литовскаго Статута и византійскихъ градскихъ законовъ. Оно не пошло далѣе устарѣлыхъ формъ государственнаго строя и не рѣшилось вступить въ борьбу съ предразсудками и обычаями вѣка. Личную обиду, оскорбленіе чести оно понимало въ узкомъ смыслѣ тѣхъ противозаконныхъ дѣяній, которыя затрогиваютъ не столько нравственную сторону личности, сколько ея физическую природу или матеріальное достояніе. Оно не могло различать личнаго оскорбленія отъ обиды служебной, потому что не умѣло отдѣлять достоинство лица, какъ человѣка, отъ званія, которое онъ носилъ. Каждой группѣ людей, оплачиваемыхъ извѣстною суммою денегъ за безчестье, въ государственной организаціи дана была извѣстная клѣтка, въ которой только и могли вращаться всѣ жизненные интересы этихъ людей. Какъ женщина томилась въ теремѣ, такъ и стрѣлецъ, такъ и сынъ боярскій обязаны были вѣчною службою, со всѣми своими домочадцами, со всѣми своими животами.

Иначе Уложеніе отнеслось къ *публичнымъ* оскорбленіямъ чести, разграничивъ въ нихъ значеніе обиды словомъ отъ обиды дѣйствіемъ постепенностью усиленія наказаній. Но эти опредѣленія пришли извнѣ — изъ Литовской Руси, точно также какъ ранѣе, въ древній періодъ, приходили постановленія грековъ и скандинавовъ, какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ перенимались церковные и свѣтскіе законы Византіи. Для частныхъ личныхъ оскорбленій само Уложеніе не установило какихъ либо самостоятельныхъ юридическихъ нормъ, не отдѣлило отъ нихъ другихъ преступленій, угрожающихъ лицу проявленіемъ дикой воли, матеріальной силы, въ формѣ грубаго физическаго насилія и самоуправства. Своею казуистической регламентаціей о судѣ Уложеніе поддерживало только щепетильную притязательность челобитчиковъ по вопросамъ родовой чести, и усердно поощряло иски о безчестьи посредствомъ розыскнаго процесса, надѣляя истцовъ матеріальнымъ благомъ въ ущербъ благосостоянія отвѣтчиковъ. Въ судѣ, по Уложенію, видимъ проявленіе того-же поля, со всѣми его неправдами въ пользу людей богатыхъ и сильныхъ.

Другимъ болѣе надежнымъ путемъ должно было совершиться смягченіе народныхъ нравовъ, а такое явленіе предполагаетъ нравственный подъемъ личности. Иными путями общественное сознаніе должно было придти къ убѣжденію, что не всякая обида можетъ быть искуплена только уплатою извѣстнаго числа рублей. Только будущія грозныя событія, посредствомъ тяжкаго опыта, докажутъ необходимость ограниченія примѣненія пытокъ и удручающихъ тягчайшихъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній; даже въ вопросѣ столь деликатномъ, какъ честь, это будущее выяснитъ, въ чемъ именно состоитъ личная честь каждаго человѣка, какъ гражданина, какъ сына Отечества.

Уложеніе, какъ мы уже сказали, сдѣлало уже много тѣмъ, что установило отвѣтственность за личную обиду «непристойнымъ словомъ» и намѣтило публичную обиду. Въ немъ, безъ сомнѣнія, имѣлись и другія симпатичныя стороны, не взирая на его презрительное отношеніе къ человѣку, жизнь котораго имѣла такую малую цѣну для государства XVII столѣтія. Оно, напримѣръ, пришло на помощь церкви и нравственности, установивъ грозное наказаніе за оскорбленіе дѣтьми своихъ родителей [121]). Но Уложеніе не могло идти по пути быстро развивавшихся въ народѣ новыхъ понятій. Не прошло и полустолѣтія, какъ потребовались коренныя въ немъ измѣненія и существенныя дополненія. Въ 1687 году воспрещено *ставить на правежъ и въ заживъ головою истцомъ не отдавать* людей неимущихъ—крестьянъ, бобылей, посадскихъ, дворовыхъ, нижнихъ чиновъ, которые не могли платить денегъ за безчестье стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и городовымъ, и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, но наказывать ихъ за эти безчестія батогами [122]).

[121]) *Уложеніе*, гл. XXII, ст. 4; то-же и въ 1 Полн. Собр. Зак. I, № 431. «Новоуказныя статьи, 22 января 1669 года». Въ разъясненіе и дополненіе 21 и 22 главъ Соборнаго Уложенія: о татѣхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ стр. 794, ст. 90: «А будетъ кто, сынъ или дочь, не помня закона христіанскаго, учнетъ отцу или матери грубыя рѣчи говорить, или отца или мать съ дерзости рукою зашибетъ, и въ томъ на нихъ отецъ, или мать учнутъ бити челомъ; и такихъ забывателей закона христіанскаго, за отца и за мать, *бити кнутомъ*».

[122]) 1 Полн. Собр. Зак. I, № 1298. Именной изъ Дворцоваго Приказа 7 марта 1687 г.

Скоро явится необходимость предотвратить посягательства посторонних воинской службѣ людей на нижнихъ чиновъ при отправленіи ими караульной службы, въ которой предписывалось брать подъ арестъ людей публично вступающихъ въ драки [123]). Скоро будетъ запрещено солдатамъ бить челомъ на торговыхъ всякихъ чиновъ людей, въ брани и въ безчестьи своемъ; въ подобныхъ искахъ, преслѣдовавшихъ своекорыстныя цѣли, велѣно солдатамъ отказывать и розыску не чинить [124]). Государство съ насмѣшкой отнесется къ обидчивости воеводъ, требовавшихъ безчестья за то, что иной купецъ «смотритъ звѣрообразно». Скоро окажется нужнымъ воспретить переходы въ другія руки недвижимыхъ имѣній—помѣстій и даже вотчинъ, которыя отписывались за безчестье по требованію истцовъ [125]). Коротко сказать, грозныя событія въ быстромъ своемъ полетѣ разбивали по частямъ принципы уже обветшалой старины и разстраивали двухвѣковую государственную организацію, съ ея патріархальными формами, въ которыхъ становилось тѣсно русскому человѣку, оканчивавшему свой отроческій возрастъ.

Несостоятельность Уложенія въ борьбѣ съ преступленіями противъ чести обнаружится еще полнѣе, когда мы ознакомимся съ притязательностью родовой чести, вносившею въ общественный бытъ служилыхъ людей одну лишь смуту и бывшею существеннымъ препятствіемъ къ развитію естественнаго роста государственнаго тѣла.

---

[123]) 1 Полн. Собр. Зак. IV, № 1663. Именной 1698 г. «которые люди на караулѣхъ, въ дракахъ караульнымъ стрѣльцамъ взять себя не дадутъ и караульнымъ стрѣльцовъ побьютъ и объявятся на нихъ бой и тѣмъ людемъ за бои караульнымъ стрѣльцовъ чинити наказаніе *бити кнутомъ* и *правити на нихъ безчестье и увѣчье противъ ихъ окладовъ вдвое*, а на которыхъ караульныхъ бою не явится, и тѣмъ стрѣльцамъ *править безчестье по окладамъ ихъ въ одинъ рядъ*».

[124]) 1 Полн. Собр. Зак. IV, № 1785. *Именной* 24 мая 1700.

[125]) 1 Полн. Собр. Зак., IV, № 1976. *Именной съ боярскимъ* приговоромъ 7 іюня 1700 года. «Кто кого обезчеститъ по прежнему править безчестье, но когда истцу платить вечѣмъ, то отвѣтчиковъ наказывать батогами, а помѣстій ихъ, отвѣтчиковыхъ, и вотчинъ за безчестье истцомъ впредь никому не отдавать. См. еще *Акты Археограф. Эксп.*, т. I, № 280, 1571 г.

ГЛАВА III.

Мѣстничество и преступленія противъ родовой чести.

Бытовое значеніе мѣстничества въ общественной жизни до преобразованій Петра Великаго, благодаря изданію многихъ цѣнныхъ матеріаловъ и изслѣдованіямъ (Валуева, Погодина, Соловьева Забѣлина, Бѣляева, Дмитріева, Шпилевскаго и другихъ), на столько уже выяснилось, что въ нашемъ трудѣ мы можемъ пользоваться результатами науки. Достаточно указать на монументальную работу Валуева, вполнѣ и весьма добросовѣстно составленную А. Марковичемъ историко-библіографическую оцѣнку почти всего, что касается исторіи мѣстничества въ Россіи [126]). Въ его обширной книгѣ заключается богатый матеріалъ для всесторонней оцѣнки мѣстничества. Между изслѣдователями пальма первенства принадлежитъ послѣдователямъ историко-юридической школы, и между ними Дм. А. Валуеву, который указалъ методъ, какъ должно относиться къ матеріаламъ, содержащимъ извѣстія о мѣстничествѣ.

Оскорбленіе родовой чести въ мѣстничествѣ, какъ *преступленіе*, также обратило уже на себя вниманіе русскихъ юристовъ (особенно Б. Утина, Спасовича, Ланге и другихъ) ([127]).

---

[126]) *Алексѣя Маркевича:* «О мѣстничествѣ», ч. I, «Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству», Кіевъ, 1879 г.

[127]) О наказаніяхъ за неправильное мѣстничество даетъ много указаній *Валуевъ*: «Изслѣдованіе о мѣстничествѣ», Москва, 1845 г. *Шпилевскій*, въ соч. «Союзъ родственной защиты древнихъ германцевъ и славянъ», Казань,

Мы не можемъ однако оставить безъ всякой оцѣнки института мѣстничества, которое служило главнымъ препятствіемъ къ оживленію государственнаго организма и было сильнѣйшимъ тормозомъ къ преобразованію вооруженныхъ силъ. Сильнѣйшимъ препятствіемъ къ улучшеніямъ, особенно въ войскѣ, было представленіе о родовой чести и притязаніе старшихъ родовъ въ сферѣ военной, придворной и посольской службы. Это *сознаніе необходимости нововведеній въ войскахъ* и послужило ближайшимъ поводомъ къ отмѣнѣ мѣстничества. Поэтому мы ограничимся оцѣнкою фактовъ, непосредственно объясняющихъ крутой переломъ во взглядѣ на преступленія противъ личной чести въ русскомъ войскѣ до начала реформъ. Извѣстно что съ паденіемъ мѣстничества начинается возрожденіе русскаго войска.

Въ исторіи служилаго сословія со времени Іоанна IV мѣстничество имѣетъ громадное значеніе уже потому, что правительство неотступно стремилось выдвинуть служебное старшинство передъ родовымъ, и въ войскѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаружились недостатки мѣстничества. Къ сожалѣнію, въ сочиненіяхъ о русскомъ войскѣ и о русскихъ войнахъ XVI и XVII столѣтій, на мѣстничество обращено слишкомъ мало вниманія, или же въ нихъ и вовсе о немъ не упоминается.

Въ древней Руси право считаться по старшинству родовъ,

1866 г., къ указаніямъ Валуева онъ добавилъ много интересныхъ данныхъ; въ главѣ о мѣстничествѣ, изъ другихъ источниковъ. *Б. Утинъ* посвящаетъ преступленіямъ противъ родовой чести также особую главу: «Die Geschlechtlehre und ihre Verletzung», стр. 34—54. Свои выводы онъ основываетъ на родовомъ бытѣ у славянъ и мнѣніи Валуева о существованіи родовыхъ судовъ. *Спасовича*: «О преступленіяхъ противъ частныхъ лицъ—по Уложенію о Наказаніяхъ 1845 г.» («Журналъ Министерства Юстиціи», 1860 г., № 1-й). Авторъ дѣлаетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ замѣчаній объ общественномъ бытѣ до-Петровскаго періода и связываетъ ходъ исторіи этого быта съ развитіемъ понятія о чести. *Ланге* въ статьѣ: «О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1859 г., ч. с. II) дѣлаетъ выборки изъ нѣкоторыхъ источниковъ, гдѣ встрѣчается безчестіе. Преступленія противъ родовой чести въ своихъ работахъ касаются также: *Шайкевичъ*, *Духовскій* и друг. — Мы имѣли въ виду еще соч. *Забѣлина*, *Соловьева*, *Устрялова*, *Котошихина*, Полное Собраніе Законовъ и нѣкоторые акты, изданные Археографической Коммиссіей, Историческіе и Юридическіе.

которымъ опредѣлялось общественное положеніе, получило особую окраску, когда столкнулось съ правомъ князей набирать себѣ слугъ въ дружину, раздавать имъ мѣста и порученія; сами князья строго наблюдали между дружинниками отношенія старшинства и меньшинства и не нарушали ихъ произвольно, даже послѣ утвержденія единой власти Московскаго великаго князя. Съ конца XV столѣтія организація военныхъ силъ и приказной администраціи выдвинула рядъ вопросовъ по пріобрѣтенію имущества за Государеву службу; новыя понятія о родовой чести до такой степени укоренились въ обычномъ правѣ, что распредѣленіе важнѣйшихъ должностей въ приказахъ и въ провинціи, а равно командованіе полками, какъ самостоятельными крупными единицами, въ военное время непосредственно опредѣлялось не заслугами или личными достоинствами, а старшинствомъ родовъ въ отечествѣ. Такой взглядъ господствуетъ въ войнахъ XVI и XVII столѣтій до Петра Великаго. Рѣдко выдвигаются крупныя личности, помимо счетовъ родоваго и разряднаго старшинства.

По понятіямъ, глубоко вкоренившимся въ народномъ міровоззрѣніи о родовой чести, честь лица состояла не во внутреннемъ, нравственномъ достоинствѣ, не въ доблести, честности, благородствѣ души и чистой совѣсти человѣка, но исключительно во внѣшней формѣ, въ принадлежности лица къ извѣстному роду, предки котораго когда-то, ранѣе или позже, занимали извѣстное положеніе въ княжеской дружинѣ и въ царской службѣ. Когда свободные княжескіе слуги обратились въ холопей, когда уничтожено было право отъѣзда, мѣстничество продолжало свое существованіе, князья соблюдали его, служилые люди давали обѣтъ «не искать себѣ *чести* не по отечеству», «выше своего отечества», что въ сущности означало однакожъ, что они оставляли за собою право «искать себѣ чести по *отечеству* и по достоинству своихъ предковъ». Сами представители церкви напоминали вѣнчанному царю объ его обязанности «жаловать и беречь своихъ бояръ и вельможъ по ихъ отечеству [128]).

---

[128]) *С. Шпилевскаго*: «Союзъ родств. защиты», 186 и слѣд. «Мѣстничество получило церковное освященіе», «было положительнымъ закономъ». Это заключеніе не вполнѣ согласуется съ фактами изъ исторіи XVI—XVII стол. Пра-

Такое значеніе мѣстничества давно утвердилось; оно однако, видимо стѣсняло государственную власть. Во всякомъ случаѣ мѣстничество въ строгомъ смыслѣ не было правительственнымъ учрежденіемъ, но это былъ институтъ, глубоко коренившійся въ обычномъ правѣ со времени великаго князя Іоанна III Васильевича и сохранившійся до конца XVII столѣтія, благодаря исключительнымъ бытовымъ условіямъ. Мѣстничество уничтожено на соборѣ 12-го января 1682 года, какъ учрежденіе, препятствовавшее развитію государства и преобразованію войска; на соборѣ, призванномъ для преобразованія войскъ, оно названо произведеніемъ нечистой силы: «злокозненный плевелосѣятель и супостатъ общій діаволъ... вселялъ въ незлобивыя, прежде бывшихъ тогда славныхъ ратоборцевъ, сердца мѣстные случаи возлюбити» ([129]). Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ и юристовъ, которые кончину мѣстничества считаютъ насильственною. Институтъ прекратилъ существованіе самъ собою, какъ оканчиваетъ свое существованіе всякій одряхлѣвшій организмъ, уступая мѣсто новому, съ болѣе свѣжими силами.

вительство вынуждено было охранять обычай, крѣпко сидѣвшій въ нравахъ дружины и ихъ потомковъ. — Но каждый разъ, когда, въ видахъ государственной пользы, особенно въ военное время, требовалось ограничить или ослабить столкновенія отъ «случаевъ» мѣстничества, — всѣ цари, начиная съ Іоанна III, пользовались своимъ правомъ—требовали быть безъ мѣстъ. Такъ, при началѣ почти всѣхъ войнъ съ конца XVI стол. объявлялось быть безъ мѣстъ съ кѣмъ-либо другимъ по родству съ собою: быть—«вамъ безъ мѣстъ» (Двор.—Р. 1. 97). При назначеніи командовать полками дѣлались неоднократныя ограниченія: такимъ то полкамъ быть безъ мѣстъ. *Шпилевскій*, 236, 236.— При назначеніи воеводъ по городамъ, объявлялось быть безъ мѣстъ (Двор.— Раз. II, 625, 626). Ibid, стр. 237. Въ XVII стол. эти ограниченія повторялись чаще и чаще, особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но, вопреки этимъ ограниченіямъ или запрещеніямъ, родовые споры возобновлялись именно между тѣми военачальниками, которымъ приказывалось быть безъ мѣстъ. — См. челобитныя въ Двор. Разр. по указаніямъ Шпилевскаго, цит. 189, 191. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно только, что государство постоянно боролось съ притязаніями мѣстничества и должно было терпѣть этотъ глубоко укоренившійся обычай.

[129]) 1. П. С. З. II, № 905. — *Маркевичъ* приводитъ интересныя указанія иностранцевъ, которые на мѣстничество смотрѣли какъ на борьбу правительства съ аристократіей. Но это заключеніе иностранцевъ несправедливо.

О томъ, что такое родовая честь, какъ институтъ юридическій, говорить здѣсь нѣтъ надобности: она противополагается личной чести. Родовая честь, какъ источникъ мѣстничества, до такой степени сроднилась съ природою древняго русскаго человѣка, что даже въ обыкновенныхъ частныхъ житейскихъ отношеніяхъ нерѣдко была причиною споровъ и дракъ, оканчивавшихся увѣчьемъ и даже убійствами: «прежде бо пріидутъ на пиръ и всякъ восхощетъ сѣсти на вышнемъ мѣстѣ; а кто сядетъ на нижнемъ мѣстѣ и прежъ положитъ гнѣвъ въ сердца, и егда напіется—изступленъ бываетъ. И начнетъ мыслити срамотити и мещетъ нань злыя рѣчи; а аще сей претерпитъ, онъ же паки съ досажденіемъ глаголетъ ему. И той убо также отъ піянства не умолчитъ, и бываетъ брань; и потомъ единъ единаго ножемъ заколаетъ» [130]).

Споры о мѣстахъ, происходившіе при всякомъ назначеніи на Государеву службу, вслѣдствіе столкновенія одного лица съ другимъ въ порядкѣ разряднаго старшинства родовъ, приносили не мало зла русскому государству, особенно въ войнахъ XVII столѣтія; тутъ мѣстничество вело ко многимъ пораженіямъ русскихъ войскъ, а пораженія стоили громадныхъ жертвъ народонаселенію.

Постараемся разъяснить это важное положеніе, подтвержденіе которому находимъ во всѣхъ войнахъ, не взирая на запрещеніе быть безъ мѣстъ.

Какъ сказано, въ военной службѣ мѣстничество имѣло наиболѣе широкое приложеніе. Но увеличеніе войскъ, расширяя и раздробляя кругъ его дѣйствія, тѣмъ самымъ ослабляло его силу и уничтожало его важность и значеніе въ государствѣ. «Перенесен-

---

[130]) *Шпилевскаго*, стр. 243, цит. 201: Въ Арх. Калачова, кн. 2, полов. 2 извлеченіе изъ Златоуста, стр. 49-я. Немалаго интереса заслуживаетъ приведенное Шпилевскимъ замѣчаніе Погодина въ «Истор. Сборн.», стр. 280, 283, о живучести мѣстничества въ русскихъ нравахъ: «книги сгорѣли, но мысли, чувства понятія не горятъ. Мѣстничество течетъ въ крови русскаго народа. оно естественное произведеніе его первоначальной исторіи, по порядку времени, оно проходитъ разныя степени, развивается и усовершенствуется. Корень мѣстничества все еще держится въ сердцахъ заслуженныхъ родовъ. Мѣстничество уничтожено de jure, но продолжалось de facto, хотя и весьма ограниченное».

ное въ область службы придворной, въ то самое время, когда государство противодѣйствовало ему всѣмъ своимъ внутреннимъ стремленіемъ въ области службы государственной, оно тѣмъ самымъ приготовляло себѣ легкій переходъ къ постепенному вымиранію и близкой, насильственной смерти» *(Валуевъ)*. Послѣ смутнаго времени, хотя всѣ походы бывали уже почти безъ мѣстъ и по росписи, въ войскѣ, какъ и при царскихъ столахъ, придворныхъ церемоніяхъ, въ посольствахъ, споры и челобитья еще продолжались: изъ-за высшаго мѣста на лавкѣ и за столомъ царскимъ бояре жертвовали жизнью и всѣмъ имуществомъ во имя безсильной уже родовой чести, стояли за мѣсто, какъ отстаивали, и почти всегда успѣшно, свои мѣста въ предводительствѣ войскомъ.

Вотъ почему мѣстничество представляется по нашимъ понятіямъ какимъ-то нелѣпымъ, даже смѣшнымъ предразсудкомъ [131]). Многочисленные факты, занесенные въ разряды, какъ ниже увидимъ, свидѣтельствуютъ, что споры и раздоры, вызывавшіе челобитья и иски за безчестье, происходили на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи и нерѣдко вели къ неповиновенію и грубому

---

[131]) Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующее классическое мѣсто въ сочиненіи *Котошихина*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». У царя бываетъ столъ на властей и бояръ, и власти у царя садятся за столомъ по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ. За столомъ садятся по чинамъ бояринъ подъ бояриномъ, окольничій подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ окольничими и подъ боярами». Зная этотъ порядокъ, иные, «вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣми людми садится за столомъ не учнутъ, отпрашиваются у царя и царь ихъ отпускаетъ». Но случалось, что царь на отпускъ въ гости не соглашался, и тогда происходили такія сцены за царскимъ столомъ: «А какъ его посадятъ сильно и онъ подъ нимъ не сидитъ и выбивается изъ стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобъ царя не приводилъ во гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть», и спустится подъ столъ, и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрьму, или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того, за то ослушаніе, отнимаетъ отъ нихъ честь, боярство или окольничество и думное дворянство,—и потомъ тѣ люди старые своея службы дослуживаются вновь». Бывало и хуже: за такія вины сажаютъ въ тюрьму и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ: «то записываютъ въ книги, имянно; впредь для вѣдомости и спору». Гл. IV, ст. 15-я.

нарушенію дисциплины. Спорящіе дворяне охотнѣе переносили наказаніе батогами, нежели безчестье служить подъ командою воеводы по невмѣстности. Но въ XVII столѣтіи думали иначе: подобно тому, какъ рыцарство, осмѣянное Сервантесомъ, имѣло когда-то великое значеніе на западѣ, точно также и въ мѣстничествѣ достояніе дружины, не смотря на его часто забавныя стороны, было нѣчто серьезное, заставляющее съ уваженіемъ относиться къ прошедшему. И только съ развитіемъ организма государственнаго, съ распространеніемъ идей новыхъ для древняго человѣка, серьезное становится нелѣпымъ и отходитъ въ область старины, всегда поучительной и нерѣдко занимательной.

Обращаясь къ вреднымъ послѣдствіямъ отъ мѣстничества въ войскахъ XVI и XVII столѣтій, замѣтимъ сначала, что подъ его вліяніемъ образовались *служебно-знатные* роды, которые не всегда бывали знатными по происхожденію, не были самыми старшими, но передъ ними должны были отойти на задній планъ и болѣе старшіе по своему происхожденію, если послѣдніе отстали отъ другихъ родовъ путемъ *потерокъ* и *захуданія*, а первымъ посчастливилось обогнать другихъ на разрядныхъ степеняхъ. Одни роды постоянно бывали на самыхъ первыхъ разрядныхъ мѣстахъ, а другіе не доходили и до середины [132]). Въ XVII столѣтіи явилось уже много такихъ родовъ, которымъ приходилось уступать первенство родословнымъ: Языковы, Хилковы, Матвѣевы, Милославскіе и другіе.

Вслѣдствіе мѣстническихъ распорядковъ, однажды установившихся, образовалось раздѣленіе родовъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, раздѣляя ихъ на боярскіе, окольничіе и т. п. (гл. II);

---

[132]) *Шпилевскій*, стр. 211-я.—Въ 1622 году объявлено Гагаринымъ: «никто въ Гагариныхъ воеводами не бывали, вездѣ въ старостахъ губныхъ, и въ городовыхъ прикащикахъ». При Алексѣѣ Михайловичѣ Головинъ отказывался принять даже чинъ окольничаго, потому что его родители бывали только въ боярахъ. Дворц. Разр. I, 501, 931, III, 226 — 228. Или еще: «вамъ Колтовскимъ съ Волконскими мочно быть всегда, потому что Волконскіе васъ вездѣ честнѣе (т.-е. выше по разряду) бывали». Дворц. разр. I, 910, «а быть тебѣ (Хилкову) съ бояриномъ съ Иваномъ Петровичемъ (Шереметевымъ) мочно: вездѣ вы (Хилковы) меньше Шереметевыхъ бывали». Дворц. Разр. III, 180, «и лучшіе ваши Плещеевы вездѣ меньше Шереметевыхъ бывали». Дворц. Разр. III, 303.

при этомъ одинъ родъ стоялъ въ отношеніи къ другому какъ старшій, былъ какъ бы его господиномъ. Въ такихъ случаяхъ считалось безчестьемъ называть другъ друга даже *братомъ:* «Волынскіе «бранились» съ Рѣпнинымъ и называли его «братомъ». Рѣпнинъ пожаловался Государю на безчестье, и Государь указалъ сказать Волынскимъ, что они называли Рѣпнина своимъ братомъ и тѣмъ его обезчестили, потому что имъ мочно быть и меньше внука Рѣпнина» [133]).

Существовало еще различіе между людьми родословными и неродословными, и послѣднимъ не давалось суда и счета съ первыми: «и бояре приговорили Волынскимъ сказать, что они на боярина Петра Петровича Головина били челомъ не дѣломъ, люди они не родословные, а по Государеву указу, неродословнымъ людемъ съ родословными людьми и счету въ отечествѣ не бывало... а за службу жалуетъ Государь помѣстьемъ и деньгами. а не отечествомъ» [134]). Но этотъ принципъ мѣстничества постепенно утрачивалъ свою юридическую почву.

Въ войскѣ, какъ и въ государственной службѣ, были старшія и младшія мѣста, и когда отношеніе родовое двухъ лицъ не совпадало съ отношеніемъ мѣстъ въ войскахъ, на которыя они начались одновременно,—одинъ, младшій, на старшее мѣсто, другой, старшій, на младшее мѣсто,—тогда происходило столкновеніе—*стычка* со всѣми нерѣдко гибельными послѣдствіями для самой службы. Особенно часты были невыгодныя для государственной службы столкновенія между воеводами, при назначеніи ихъ по два, а иногда и по три, въ одинъ изъ полковъ, составлявшихъ самостоятельное крупное цѣлое, подобно нынѣшнимъ корпусамъ.

Такихъ полковъ сначала было пять, которые, какъ видно изъ разрядныхъ книгъ, имѣли слѣдующій порядокъ старшинства чести: *большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой* (въ одной степени) и *лѣвая рука*. Валуевъ, на основаніи разрядныхъ данныхъ, составилъ таблицу, изъ которой видимъ кругъ отношеній и общій счетъ мѣстъ между воеводами главными и

[133]) *Шпилевскій*, стр. 213, цит. 120. Дворц. Разр. II, 314, 315.
[134]) *Шпилевскій*, стр. 213, цит. 122. Дворц. Разр. I, 223, 224.

второстепенными. Напримѣръ: 1-й или старшій воевода лѣвой руки былъ въ такихъ отношеніяхъ ко всѣмъ прочимъ: больше *однимъ мѣстомъ* 2-го воеводы большого полка, *двумя мѣстами* 2-го воеводы правой руки, *тремя мѣстами* 2-го воеводы передоваго и сторожеваго полковъ, *четырьмя мѣстами* 2-го воеводы лѣвой же руки [135]). Войска не всегда состояли изъ пяти полковъ, ихъ было нерѣдко три—*большой*, *передовой* и *сторожевой*, и тогда вся пропорція отношеній измѣнялась [136]). Равенство сторожеваго и перваго полковъ такъ выражено въ одномъ изъ царскихъ приговоровъ по поводу жалобы Салтыкова на Туреpина, бывшихъ вторыми воеводами въ тѣхъ полкахъ: «придутъ на Украину крымскіе люди напередъ на сторожевой полкъ; і пoити впередъ сторожевому полку, да большому полку, да сторожевому послѣ. А будетъ придутъ крымскіе люди на передовой полкъ, ино итти напередъ передовому полку, да большому полку, да сторожевому итти послѣ» [137]). Замѣчательно, что претензіи мѣстниковъ являлись и при назначеніяхъ на одинаковое мѣсто двухъ лицъ, различныхъ по своему родовому происхожденію, по своей породѣ. Еще болѣе путаницы происходило, когда въ полкъ назначали трехъ или четырехъ воеводъ. Распространеніе числа мѣстническихъ случаевъ правительство ограничивало запрещені-

[135]) *Валуевъ*, стр. 50 и слѣд. Авторъ приводитъ многіе примѣры челобитій и счетовъ. Съ особеннымъ вниманіемъ счетъ въ старшинствѣ воеводъ разработалъ *Шпилевскій* на основаніи Валуевой разрядной, дополняемой изъ Новиковской разрядной. Къ сожалѣнію, всѣ эти счеты оканчиваются 1604 годомъ. Шпилевскій приводитъ болѣе 120-ти примѣровъ челобитій по поводу споровъ изъ-за мѣстъ между воеводами и товарищами ихъ одного полка, съ такими же начальниками другаго, третьяго, четвертаго и пятаго полковъ.

[136]) *Валуевъ*, стр. 52 и слѣд., см. еще Ливонскій походъ 1586 года. Древн. Вивліот., т. XIV, стр. 489. Походъ 1628 г. Спб. Сбор. II, стр. 305, V, стр. 77а.

[137]) *Валуевъ*, стр. 61. Арх. разр. № 5, лис. 717. «Въ этомъ отвѣтѣ царя указывалось (говоритъ авторъ), какъ бы съ насмѣшкой, на нелѣпость требовать старшинства между передовымъ и сторожевымъ полками, когда случайность непріятельскаго нападенія могла всегда обратить сторожевой полкъ въ передовой, или передовой въ сторожевой, и особливо въ такой войнѣ, какъ война съ татарами, и въ степяхъ, раздѣлявшихъ въ то время Россію отъ Крыма».

емъ навсегда или къ какому-либо случаю поднимать мѣстническіе счеты при занятіи нѣкоторыхъ мѣстъ [138]).

Мѣстническіе счеты усложнялись въ XVII столѣтіи, когда приходилось снаряжать двѣ особыя арміи или разряды, и когда число полковъ нужно было увеличить. Украйнный разрядъ былъ выше Рязанскаго, и это различіе давало воеводамъ предлогъ къ спорамъ и искамъ. Стали размѣщать полки по городамъ (безъ названія большаго, передоваго и т. д.), чтобы, по военнымъ соображеніямъ, имѣть войска въ готовности на случай открытія похода. Тутъ перѣдко случалось, что полевой воевода полка, расположеннаго въ одномъ городѣ, билъ челомъ на воеводу въ другомъ; первый воевода на перваго, второй—на втораго. Когда приходилось собирать полки въ «сходъ», т.-е. сосредоточивать войска, воевода, считавшій себя старшимъ по родовымъ счетамъ, отказывался идти къ тому, котораго считалъ меньшимъ себя. Для ограниченія подобныхъ явленій объявлялось быть безъ мѣстъ и, кромѣ того, предписывалось изъ разряда: «воевода большой воеводѣ меньшому помогаетъ и въ томъ всегда мѣстъ не бываетъ» [139]). Но мѣстническіе споры и счеты о честности рода продолжались [140]). Не въ одинаковой чести были города, и это обстоятельство давало поводы къ мѣстническимъ счетамъ между городовыми воеводами. Извѣстно, что въ XVII столѣтіи возникло множество новыхъ «городовъ», особенно на окраинахъ и въ Сибири, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Болѣе важные города или пункты въ военномъ или стратегическомъ отношеніи, въ которыхъ располагалось бо̀льшее число войскъ или которые были важны по своему административному положенію, естественно пользовались и бо̀льшимъ значеніемъ. Воевода, считавшійся обой-

---

[138]) *Шпилевскій*, ст. 235 и 237: «а передовой полкъ да сторожевой полкъ меньши одного въ большомъ полку большого воеводы, а до правой руки и до лѣвой руки дѣла нѣтъ, съ тѣми безъ мѣстъ». Возобновленіе такого распоряженія Михаиломъ Ѳеодоровичемъ 9-го апрѣля 1620 г. Дворц. разр. I, 442—445. Но эти распоряженія не останавливали челобитій. См. у него цит. 189. Дворц. разр. I, 502, 503, 544, 545, 584, 668, 670, 792, 896, 894; II, 48—49, 123—125, 196, 268, 323, 324, 386, 451—453, 497—500, 530—532, 590.

[139]) *Тамъ же*, стр. 222, 233. Дворц. разр. II, 195, 196, 268, 497, 499, 530—533, 625, 626; III, 184.

[140]) *Тамъ же*, стр. 223. Разр. кн. I, 120, 1052, 1053, 1056; II, 10, 11, 756. цит. 158, разр. кн. I, 271, 272, 724, 894, 931, 1276; II, 123, 125.

деннымъ при назначеніи, немедленно выдвигалъ искъ о своемъ безчестьи на своего противника, а иногда на двухъ или трехъ, и требовалъ суда.

Дворцовые разряды и разрядныя книги, изданныя бывшимъ II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, обнимая многочисленные случаи мѣстничества въ XVII столѣтіи, служатъ превосходнымъ матеріаломъ для сужденія о печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ вели мѣстническіе споры при назначеніи воеводъ въ какой-либо отдѣльный полкъ или куда-либо въ командировку для разнообразныхъ порученій въ войскахъ какъ старшихъ, такъ и младшихъ начальниковъ. Таковы споры и раздоры, которые искали исхода въ челобитьяхъ, при назначеніи двухъ осадныхъ воеводъ въ одинъ городъ и при нихъ вылазныхъ, при посылкахъ двухъ воеводъ къ третьему на подмогу, при посылкѣ съ хлѣбными запасами, съ деньгами на жалованье драгунамъ и солдатамъ, съ приказаніемъ отвести куда-либо ратныхъ людей. Многіе факты указываютъ на мѣстническія столкновенія начальниковъ стрѣлецкихъ войскъ—головъ и другихъ подчиненныхъ воеводъ, съ воеводою своимъ же начальникомъ. Дворяне, подчиненные какому-либо воеводѣ, по мѣстническимъ счетамъ, не исполняютъ его приказаній: одинъ отказывается строить *острогъ* подъ тѣмъ предлогомъ, что приказаніе имъ получено отъ главнаго воеводы при подписи двухъ другихъ воеводъ, меньше которыхъ получившему приказъ быть нельзя—невмѣстно; другой, на томъ же основаніи, отказывается исполнить приказаніе начальника раздать деньги ратнымъ людямъ; третьи выражаютъ неудовольствіе на воеводъ, вслѣдствіе назначенія ихъ сотенными головами, или же воевода, назначенный, по распоряженію главнаго воеводы, судьею, бьетъ челомъ на третьяго воеводу, противъ котораго у него готовъ поколѣнный счетъ, вынутый изъ домашняго архива и т. д.

Нерѣдко отъ службы съ воеводою отказывались цѣлые семейства и роды: «Безобразовы съ братьею и племянниками» отказываются отъ службы со вторымъ воеводою втораго полка: «а имъде съ Семеномъ быть не мочно, потому что Семенъ ничѣмъ не лучше». Отъ службы отказывались даже цѣлые отряды: «московскіе дворяне и жильцы не хотятъ служить со вторымъ воеводою въ Стародубѣ, Алябьевымъ, потому что и послѣдній дворянинъ

имъ въ *версту*». Царь указалъ имъ быть только съ первымъ воеводою, а Алябьеву съ дворовыми людьми, каковы: подключники, сытники, конюхи и т. п. (Дворц. разр. II, 674, 675).

Не было ни одного серьезнаго, спѣшнаго, весьма важнаго порученія въ военное время, когда дорога каждая минута, когда промедленіе можетъ повести къ проигрышу сраженія, гдѣ бы воевода, начальникъ отряда, не опасался натолкнуться на протестъ подчиненныхъ ему второстепенныхъ начальниковъ, даже головъ (сотенныхъ командировъ), которые по степенямъ родства досчитывались о несовмѣстности своей службы со службою отдававшаго приказаніе начальника. Чаще всего эти столкновенія родовой чести бывали, когда поручалось какое-либо дѣло исполнить одновременно двумъ или тремъ начальникамъ, стольникамъ, дворянамъ и т. п. чинамъ; напримѣръ, двухъ послали собрать ратныхъ людей, нѣсколькихъ командировали осмотрѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ—одного въ большой полкъ, другаго въ передовой, третьяго въ сторожевой; посланные въ младшіе полки били челомъ, требуя суда на посланныхъ въ старшіе; или назначали, напримѣръ, нѣсколькихъ произвести разсчетъ окладовъ различнымъ разрядамъ служилыхъ, или собрать кормъ со всѣхъ уѣздовъ и раздать его наемнымъ нѣмцамъ, или строить городъ,— мѣстники просили удовлетворенія, вовсе и не думая о послѣдствіяхъ неповиновенія, за которое могли подвергнуться по меньшей мѣрѣ наказанію батогами, вовсе не заботясь о послѣдствіяхъ, какія могли быть въ военное время отъ неисполненія приказаній. Эгоизмъ рода былъ выше пользы государственной службы [141]).

Сказанное нами, полагаемъ, достаточно характеризуетъ тотъ дисциплинарный разладъ, какой вносило мѣстничество въ военный быть, перепутывая отношенія и нарушая самыя элементарныя основы внутренняго порядка.

141) Указанные факты, намѣченные г. Шпилевскимъ, стр. 223--226, показываютъ, какъ много историческаго матеріала еще у насъ не тронуто; такая работа могла бы составить богатый вкладъ въ нашу военную исторію XVII столѣтія и служить опорою для оцѣнки преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Неудивительно поэтому, что великая эпоха преобразованія войскъ у многихъ историковъ является какою то необъяснимою ломкою стараго порядка, а не логическимъ выводомъ изъ предшедшаго періода бытовыхъ явленій въ русскомъ народѣ со всѣми его обычаями и вѣрованіями.

Но и послѣ упраздненія мѣстничества и сожженія разрядныхъ книгъ, замѣненныхъ родословными, не прекращались столкновенія мѣстническаго характера. Съ этимъ зломъ приходилось бороться Петру Великому; при немъ споры о мѣстничествѣ встрѣчаемъ и въ арміи, и въ коллегіяхъ. «Свары» и «укоризненныя слова» царедворцевъ въ войскахъ и въ коллегіяхъ, не забывавшихъ старыхъ разрядныхъ счетовъ, вынуждали Петра неоднократно напоминать объ «отставкѣ тѣхъ прежде бывшихъ мѣстъ и разрядныхъ споровъ отеческихъ» и угрожать ослушникамъ наказаніемъ по суду: «будутъ истязаны и казнены по настоящему суду» [142]).

Петру Великому съ созданіемъ регулярныхъ войскъ приходилось создавать и новыя юридическія нормы о воинской чести.

Наказанія за родовое безчестье въ XVII столѣтіи.

Бояре, окольничіе, думные люди, затѣмъ стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне и дѣти боярскія, царедворцы и служилые были исполнены неномѣрной щекотливости въ отношеніи своей чести; у нихъ понятіе о *чести лица* связывалось непосредственно съ понятіемъ о *почетѣ своего рода*, опредѣлялось представленіями о служебномъ значеніи рода, о количествѣ жалованья, о близости ко двору, къ особѣ Государя, и все это высчитывалось за одно. два столѣтія. «Старая родовая честь (заслуженная рядомъ поколѣній) считалась выше чести молодой, хотя и болѣе достойной» *(Соловьевъ)*. Но уже явилось много новыхъ знатныхъ родовъ, у которыхъ не было знаменитыхъ предковъ. Изъ темноты поднимались роды дьяковъ и даже подъячихъ.

Во вторую половину XVII столѣтія родовая честь болѣе чѣмъ прежде мѣшала правильному распредѣленію служебныхъ силъ въ государствѣ, особенно въ войскѣ. Члены одного какого-либо рода, которые должны были уступить, придумывали отчаянныя средства, чтобы избавиться отъ этой тяжкой уступки. Молодые люди знатныхъ бояръ, обыкновенно поступавшіе во дворецъ спальниками,

---

[142]) 1-е П. С. З. V, № 3384. *Именной, изъ Сената*, 4-го іюня 1719 года.— Указъ этотъ ссылается на другой указъ, 19-го марта того же 1719 г., котораго нѣтъ въ П. С. З. О томъ, что происходило въ войскахъ въ Сѣверную войну, изложено въ сочиненіи моемъ: «Арт. Воин.», вып. 2-й. «Перех. Россіи къ рег арміи».

члены первостепенныхъ родовъ жаловались затѣмъ прямо въ бояре, второстепенныхъ—въ окольничіе. Завѣтной цѣлью честолюбцевъ было попасть въ бояре, минуя окольничаго. Такія домогательства о чести вели неизбѣжно къ столкновеніямъ одного рода съ другимъ [143]).

Обыкновенными наказаніями за преступленія противъ родовой чести были: опала, выдача головою, *заключеніе въ тюрьму*, *битье батогами и денежный штрафъ* [144]). Виновные отсылались въ тюрьму на одинъ, два и не болѣе семи дней. Тюрьма иногда соединялась съ наказаніемъ батогами. Проигравшій искъ въ безчестьи долженъ былъ отправляться въ тюрьму пѣшкомъ съ непокрытою головою. Иногда тюрьма замѣнялась денежнымъ арестомъ, «а для

---

143) *Соловьевъ* XIII, 72. Головинъ, пожалованный изъ дворянъ въ окольничіе, билъ челомъ, что окольничихъ въ его пору нѣтъ, и отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ бояраxъ; за это челобитье онъ посланъ въ тюрьму и окольничество ему не сказано другое: «тебѣ страднику ни въ какой чести не бывать, бояре приговорили тебя бить кнутомъ и въ Сибирь сослать, да Государь на милость положилъ». *Шпилевскій*, стр. 205. За безчестіе кн. Хилкову его противника Михаила Плещеева били батогами и посадили на три дня въ козенку, а старшаго брата Михаила, Андрея Плещеева, посадили въ тюрьму на пять дней. *Дворц. разр.* III, 114. За безчестіе Волконскихъ Никифора Воейкова признано нужнымъ посадить въ тюрьму, а съ другихъ Воейковыхъ (потому что Никифоръ билъ челомъ съ братьею) доправить безчестье, т. е. взыскать денежный штрафъ. 1-е *П. С. З.* I, № 95. *Именной изъ разряда*, 31-го марта 1653 года.

144) Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича при учетверившемся числѣ споровъ о челобитіи (въ 15 лѣтъ въ Валуевской разрядной 250 случаевъ) было нѣсколько случаевъ невмѣстной службы или выдачи невмѣстныхъ грамотъ, заключеній въ тюрьму и другихъ наказаній (по одной только разрядной) 15; далѣе—ссылка въ Сибирь; безъ суда бить батоги и выдать головою; «по государевѣ опалѣ съ Москвы сосланъ», но послѣ опала сложена и дана невмѣстная грамота; далѣе—одинъ посаженъ въ тюрьму татиную, другой въ нарошную; трое, не взявшіе списковъ (т. е., отказавшіеся взять росписаніе войскъ), посажены въ тюрьму; «Буйносовы посланы за приставомъ на службу (т. е. насильно) и одинъ изъ нихъ выданъ головою»; «за то, что П. Шереметевъ у руки не былъ и на службу не поѣхалъ, велѣно ево приставу вывесть скована въ телѣгѣ за посадъ»; «чтобы Ляпунова привесть съ его помѣстья сковавъ, предо всѣми людьми бить батоги и бивъ посадить въ тюрьму и, доправивъ всѣ прогоны, прислать къ Москвѣ назадъ на службу, съ которой онъ сбѣжалъ» *Валуевъ*, стр. 46. Въ XVII столѣтіи съ расширеніемъ объема службы расширялся и кругъ самаго мѣстничества, увеличивалось число новыхъ отношеній и число споровъ между честью родовой и честью государевой, т. е. служебною.

праздника Рождества Христова Государь пожаловалъ его, князь Данила, изъ тюрьмы выпустить велѣлъ; а съ двора съѣзжать ему не велѣно до Государеву указу». Денежный штрафъ простирался иногда на значительную сумму. Князь Пронскій за оскорбленія князя Воротынскаго самого подверженъ заключенію въ тюрьму, а за оскорбленіе его дѣда долженъ былъ заплатить 1,400 рублей безчестья.

Помимо указанныхъ наказаній за преступленія противъ родовой чести, происходили иногда невѣроятныя сцены; бояре, считавшіе свои притязанія на превосходство своего рода справедливыми, готовы были терпѣть униженія. Въ Дворцовыхъ разрядахъ записанъ такой случай расправы за противузаконную жалобу: «думной разрядной дьякъ Сыдавной-Васильевъ за князя Данила Гагарина билъ Замятню по щекамъ». И такая расправа, какъ ни кажется постыдною, не вела за собою вредныхъ послѣдствій для личной чести! Или вотъ еще примѣръ, который показываетъ наглядно, что въ понятіяхъ о родовой чести личность не имѣла никакого значенія. Въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ 1620 г. записано: «И Иванъ пришелъ къ боярамъ въ золотую палату, о двy посохахъ... И думной разрядной дьякъ Томило Луговской говорилъ ему: больно-де отбаливаешься отъ князя Ѳеонасья Шаховскаго, затѣмъ и въ городъ не хотѣлъ ѣхать... И бояре сказали; мочно де тебѣ быть меньше князя Ѳеонасья, и приговорили-было Ивана за князя Ѳеонасьево безчестье *велѣли бить кнутомъ*. И думной дьякъ Томило Луговской сказалъ боярамъ: долго-де того ждать, да, взявъ у него посохъ, и сталъ *его бить по спинѣ и по ногамъ*, а бояринъ Иванъ Никитичъ другимъ посохомъ билъ по спинѣ и по ногамъ же; а говорили: не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру, и бивъ его велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ по прежней сказкѣ» [145]).

Мѣстническіе иски «въ отечествѣ» и «въ безчестіи» имѣли, такимъ образомъ, различныя послѣдствія; по первому давался судъ и возстановлялось право потерпѣвшаго. Искъ же о безчестьи, если признанъ былъ справедливымъ, велъ за собою наказаніе противнику (*батогами, тюрьмою, денежнымъ взысканіемъ*, или что Государь укажетъ)—«Царь и вел. кн. Романа Бутурлина пожаловалъ велѣлъ Кузьмина *бити батоги* за Романа безчестье въ Болховѣ пе-

145) *Б. Утинъ* (B. Utin), стр. 51, 52. Дворц. разр., т. I, ст. 234, 265, 576, 795; *замѣтка*.

редъ разрядною избою. А за отечество велѣлъ его выдати головою Роману Бутурлину» [146]). «Мѣстничество,— справедливо говоритъ Погодинъ,—доведенное до крайности, показало, подобно рыцарству, свою смѣшную сторону, нелѣпость, предметъ для Сервантесова романа, когда передъ вступленіемъ съ походъ надо было считаться двухсотлѣтними службами тысячелѣтнихъ родовъ» [147]).

И въ началѣ XVII вѣка, и въ эпоху дѣйствія Уложенія, на основаніи котораго производился судъ о безчестьи, верховная власть, особенно послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, когда выдвинулись новые знатные роды, все болѣе и болѣе тяготилась щекотливостью мѣстническихъ счетовъ, крайнею придирчивостью и обидчивостью.

Во вторую половину XVII столѣтія, какъ уже намъ извѣстно (Арт. Воин., вып. 2-й), подъ вліяніемъ внутренней неурядицы и неудачныхъ внѣшнихъ войнъ, выдвинулись на первый планъ жгучіе вопросы, требовалось безотлагательное ихъ рѣшеніе, и съ паденіемъ мѣстничества родовое безчестье должно было утратить первобытный свой характеръ. Понятія о безчестьи родовомъ перепутались съ понятіями о безчестьи личномъ, математически вычисленномъ по сословіямъ, разрядамъ чиновъ и классовъ. Статьи Уложенія (гл. X, 26—98) были своего рода табелью о рангахъ, которою измѣрялось удовлетвореніе за нанесеніе личнаго оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ и впослѣдствіи на письмѣ. Собор. Улож. своею мелочною регламентаціею о судѣ поддерживало непомѣрную охоту

146) Выдача головою было самое крѣпкое, а потому и символическое утвержденіе меньшинства одного лица передъ другимъ. *Шпилевскій*, стр. 203, 204: «Искъ въ отечествѣ» должно различать отъ иска о «безчестіи и оборонѣ»: первымъ имѣлось въ виду возстановить нарушенное право, отстранить неправильное притязаніе другаго лица, стать выше челобитчика, а искъ въ безчестьи и оборонѣ былъ отвѣтомъ на неправильный искъ въ отчествѣ, потому что въ послѣднемъ выражалось притязаніе унизить соперника, стать выше его». Князь Димитрій Хворостининъ въ 1588 г. жалуется такъ: «по тому бью челомъ на князь Михаила (Кашина) о безчестьи, что тѣмъ меня князь Михайло обезчестилъ, что не хочетъ со мною въ меньшихъ быть».

147) *Истор. Сборн.* III, стр. 279. Здѣсь кстати припомнить о томъ, что писалъ царь Алексѣй Михайловичъ къ князю Трубецкому. «Арт. Воин.», вып. 2-й, стр. 119. О наказаніи стольника Ивана Прончищева за неправильную жалобу въ безчестіи на окольничаго и оружейничаго Хитрово. «Арт. Воин.», вып. 2-й, цит. 144.

къ искамъ за «безчестія» уже во всѣхъ слояхъ общества и охраняло склонность къ сутяжничеству по обвиненію и въ безчестіи родовомъ. и безчестіи семейномъ и личномъ какимъ-либо ничтожнымъ словомъ, которое, по нашимъ понятіямъ, имѣетъ совершенно безобидный смыслъ. Безчестье личное ударилось въ противоположную крайность: когда, съ развитіемъ грамотности, стали появляться какія-либо ошибки, то начали придираться къ ошибкамъ въ письмѣ. Придирались даже къ буквѣ. Мелочныя придирки къ словамъ и буквамъ возбуждали безпрерывныя жалобы, которыя плодили челобитья и возбуждали иски съ цѣлью полученія денежнаго вознагражденія за «безчестіе». Къ иску за личное оскорбленіе приплеталось непремѣнно нѣсколько лицъ обезчещенной семьи — самъ обиженный, его дяди и племянники, его жена и сестра, и братья... и такимъ образомъ по статьямъ Уложенія насчитывались изрядныя суммы: окладъ жалованья самому, за жену вдвое, за дочерей вчетверо за каждую. Не было чѣмъ платить денегъ за безчестіе,—обидчикъ подвергался правежу самъ или его люди, его крестьяне. Легко понять, что когда къ дѣламъ чести присоединились всякаго рода нечистыя побужденія, сутяжничество и ябедничество должны были ронять истинное о ней понятіе. Простое, грубо сказанное слово, можетъ быть даже и въ шутку, поднимало на ноги всю семью, вызывались свидѣтели въ приказъ или къ воеводѣ. Дѣло доходило даже до пытки. При дикости нравовъ, при непосредственныхъ, такъ сказать, прямолинейныхъ грубыхъ отношеніяхъ служилыхъ людей между собою, оскорбленный, непривычный съ дѣтства удерживать своего неудовольствія, не умѣющій владѣть своею волею боярскій сынъ отвѣчалъ какимъ-либо словомъ, которое противнику казалось почему-либо «непригожимъ», «непристойнымъ»,—и этого было, конечно, достаточно для возбужденія судебнаго иска въ приказѣ, по Уложенію. Послѣ каждой пирушки, вездѣ, гдѣ только скоплялась толпа не только молодыхъ людей,—жильцовъ, стряпчихъ, стольниковъ, спальниковъ,—но и стариковъ—родовитыхъ бояръ, «столповъ» русской земли, являлись дѣла о безчестьи, отлично кормившія и судей, и подъячихъ. Но что именно слѣдовало понимать подъ словомъ, «непригожее» — Уложеніемъ не опредѣлено: про то знали судьи, дьяки, подъячіе,—они и рѣшали дѣло. Недомолвки Уложенія дополнялись изъ обычнаго права и судейской практики: составлялось челобитье, требовались свидѣтельскія показанія всѣхъ присут-

ствовавшихъ при ссорѣ, дьяки и подъячіе Разряда, приказовъ Большаго и Казанскаго дворца, Челобитнаго или Судныхъ стряпали доклады, составлялись приговоры судившихъ бояръ!

Челобитья о безчестьи и разбирательство по нимъ въ Государевомъ дворѣ. Личная обида на письмѣ.

Дѣлами о безчестьи лицъ, составлявшихъ дворъ московскаго Государя—бояръ, которыхъ насчитывали до 34-хъ родовъ; далѣе—стольниковъ было 500 человѣкъ; *стряпчихъ* считалось 800 человѣкъ; *жильцовъ*,—такихъ было до 2,000 человѣкъ; *дворянскихъ дьячихъ* и *подъячихъ дѣтей*, вѣчно днемъ и ночью топтавшихся на площади Государева двора, на Постельномъ крыльцѣ, приходилось заниматься много даже самому Государю.

И вотъ какъ это происходило на практикѣ, напримѣръ, при дворѣ:

Историкъ Соловьевъ, пользуясь документами Забѣлина, описываетъ занятіе толпы *площадныхъ* придворныхъ чиновъ [148]): «На крыльцѣ. на площади, не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирные разговоры; иногда вдругъ раздается *шумъ*, громкіе голоса: два врага, два соперника по какому-нибудь тяжебному дѣлу встрѣтились и не выдержали, сцѣпились браниться; стоитъ только вымолвить первое бранное слово, и языкъ расходится, удержу ему нѣтъ; отъ лица сейчасъ переходъ къ отцу, матери, сестрамъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ, никому нѣтъ пощады; всѣ старыя и недавнія исторіи, сплетни, слухи,—все тутъ будетъ повторено съ прибавками, какія продиктуетъ расходившееся сердце». Побранятся за холопа, а покончатъ на сестрѣ или матери. Отъ шума, отъ крупныхъ словъ дѣло переходило къ расправѣ ручной, къ потасовкѣ, и гоньба по крыльцу за врагомъ оканчивалась иногда тѣмъ, что у одного изъ соперниковъ была прошиблена кирпичемъ голова [149]). Ссоры изъ-за дѣлъ тяжебныхъ нерѣдко возбуждались

148) Слова: *площадь*, *площадной* — заключали въ себѣ понятіе общаго, публичнаго, всенароднаго и также обыкновеннаго *рядоваго*. Были *подъячіе площадные* и *избы площадныя*, гдѣ эти подъячіе писали купчія, закладныя и разные другіе акты. *Забѣлинъ*, I, 259. Стольники младшихъ разрядовъ именовались площадными въ отличіе отъ *комнатныхъ*, находившихся въ приближеніи къ Государю.

149) *Соловьевъ*, стр. 66—68. Эту картину нравовъ царедворцевъ Алексѣя Михайловича историкъ основываетъ на юридическихъ документахъ въ соч.

намѣренно, чтобы этимъ путемъ ускорить рѣшеніе дѣла, затянувшагося волокитою въ приказахъ.

Ссоры на Постельномъ крыльцѣ, въ Государевыхъ комнатахъ, въ Государевомъ дворцѣ, съ произнесеніемъ «непригожихъ словъ» и дерзкія выходки, какъ наносившія *«безчестіе Государеву двору»*, «безчестіе самому Государю», разбирались царскимъ домашнимъ судомъ: царскій постельничій или стряпчій съ ключомъ дѣлалъ *обыскъ* или *сыскъ*, допрашивалъ свидѣтелей происшествія по ссылкамъ обоихъ соперниковъ, потомъ изъ допросовъ составлялъ докладъ, подводилъ указъ или статью изъ Уложенія и представлялъ царю на рѣшеніе. Царскій приговоръ по извѣстной формѣ объявлялся при всѣхъ, публично. Съ увеличеніемъ числа грамотныхъ людей щепетильность дворянъ доходила до того, что даже простая описка, пропускъ, прописка въ чинѣ, имени, фамиліи считалась безчестьемъ и давала основаніе къ вчинанію иска. Въ 1675 году подобные иски предъявили, напримѣръ: князь Василій Голицынъ на Аввакума Іевлева, князь Лобановъ-Ростовскій на князя Ивана Дашкова. Нужно было положить конецъ новымъ страннымъ притязаніямъ. 15-го марта 1675 года Великій Государь указалъ и бояре приговорили: «будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о—а*, или вмѣсто *а—о*, или вмѣсто *ь—ъ*, или вмѣсто *ѣ—е*, или вмѣсто *и—і*, или вмѣсто *о—у*, или вмѣсто *у—о* и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить и судовъ въ томъ не давать и не разыскивать; а кто кого браня, назоветъ княземъ безъ имени: и за то править безчестье» ([150]).

Съ развитіемъ грамотности Челобитный и Судные приказы пуще прежняго завалены были челобитьями не только по поводу мелочныхъ придирокъ къ обидамъ словомъ или дѣйствіемъ, но также и оскорбленіями и на *письмѣ*. Поэтому, въ дополненіе къ Уложенію, указомъ 14-го мая 1690 года, велѣно по суду и по сыску

Забѣлина «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ», I ч., второе изданіе, Москва. 1872 г., стр. 263—312. Мы вернемся еще къ этимъ любопытнымъ фактамъ.

150) 1-е П. С. З. I, № 597, *Именной*. Приговоръ велѣно записать въ Челобитномъ приказѣ, а въ Володимірской и въ Московской судные приказы о томъ послать памяти.

винныхъ наказывать и безчестье править по Уложенію тому: «*кто кому въ какихъ-нибудь* письмахъ за своею рукою, или въ письмѣ своей руки *напишетъ безчестье*, *убойцомъ* или *воромъ* или *какимъ нибудь* (?) *безчестнымъ* словомъ обезчеститъ». По обычаю времени, когда еще не успѣли остынуть понятія о родовой чести, указъ опредѣляетъ нормы наказаній по разрядамъ чиновъ. Къ первому разряду отнесены бояре, окольничіе, думные люди, ко второму—чины ниже жилецкаго чина: городовые дворяне, копейщики, рейтары, дѣти боярскія, подъячіе и иные *служилые* и торговые чины, боярскіе люди и крестьяне. Дѣленіе личныхъ обидъ на *неумышленныя*, «безхитростныя» и *умышленныя*, съ намѣреніемъ оскорбить, весьма характерно. Для чиновъ втораго разряда законъ не признаетъ обидъ неумышленныхъ, совершенныхъ по неосторожности или неосмотрительности! Кто изъ чиновъ перваго разряда «*безхитростно*» пропишетъ честь или чинъ, или имя, или отечество, или произволеніе, или учинитъ какую недопись или прописку, а соперники ихъ въ томъ на нихъ учнутъ бить челомъ о безчестіяхъ своихъ; и такихъ людей въ такихъ дописках допрашивать съ подкрѣпленіемъ по Евангельской заповѣди Господней, что они то учинили съ *умысломъ-ли*, *хотя обезчестить соперниковъ своихъ*, или *безхитростно*, въ томъ имать у нихъ сказки за руками. И будетъ они въ сказкахъ своихъ подъ *клятвою* скажутъ, что они такія прописки *учинили безхитростно*, а не для безчестія соперниковъ своихъ, и имъ того *безхитростнаго дѣла въ вину не ставить*, и *судовъ на нихъ въ томъ безчинствѣ не давать*, а тѣ письма, въ которыхъ они прописку учинятъ, отдавать имъ и велѣть переписывать по подобію» (п. 2), А кто въ письмѣ или совѣстной грамотѣ напишетъ кому какія слова «*нарочно*, не безхитростною подпискою» и въ такихъ безчестьяхъ давать судьи и безчестье указывать по Уложенію (п. 5).

Если же прописки (п. 3) *хотя* и *безхитростно* учинятъ люди втораго разряда, то ихъ о такихъ прописках не допрашивать, а отсылать ихъ за такія безчестья на недѣлю въ *тюрьму*. Кто же изъ лицъ этой категоріи станетъ просить, чтобы ихъ въ тюрьму не посылать, тотъ платилъ безчестье деньгами, не разбирая дѣла, умышленно или неумышленно сдѣлана прописка или недописка ([151]).

---

[151]) 1. П. С. З. I, № 1,374. «*Прописки*, учиненныя въ письмахъ, подаваемыхъ въ приказы, исправлять дьякомъ, а въ городахъ—воеводамъ своими ру-

Правительство, однако, продолжало преслѣдованіе особыхъ случаевъ оскорбленія на письмѣ; напримѣръ,—кто напишетъ отечество кому слѣдуетъ *безъ вича,* или кто въ брани назоветъ другаго княземъ безъ имени, т. е. вмѣсто *князь Иванъ* скажетъ просто: *князь* ([152])!

Примѣры исковъ за безчестье въ высшемъ разрядѣ служилыхъ (въ государевомъ дворѣ).

Пользуясь юридическими документами, собранными Забѣлинымъ, постараемся дать наглядное понятіе о свойствѣ обидъ словомъ и дерзкими поступками лицъ, приближенныхъ къ царю, его царедворцевъ, въ Государевомъ дворцѣ, на Постельномъ или Красномъ крыльцѣ, даже во внутреннихъ комнатахъ, не забудемъ и знатныхъ бояръ, и дворовыхъ людей.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Стольники Григорій Облязовъ и Борисъ Плещеевъ на Постельномъ крыльцѣ поссорились за крѣпостнаго человѣка, котораго другъ у друга оттягивали: Облязовъ, наговоривъ Плещееву разныхъ оскорбленій, задѣлъ честь даже и его сестеръ дѣвицъ. Въ теченіе одного мѣсяца мать Плещеева, вдова, подала шесть челобитенъ, въ которыхъ, называя Облязова *оглашенникомъ,* жаловалась, что онъ, Григорій, у тебя у Государя на Постельномъ крыльцѣ у переградныхъ дверей позорилъ дочеришекъ моихъ трехъ дѣвокъ *не былишными* позорными словами... не дай. Государь, отъ того Григорія, вѣдомаго вора и озорника, дочеришкамъ во вѣкъ опозореннымъ быть».

Поссорились жильцы Чириковы съ Измайловыми. Тимофей Измайловъ въ челобитной объясняетъ, что 19-го апрѣля Алексѣй Чириковъ съ своими дядьями, съ Степаномъ да съ Костянтиномъ, дѣтишекъ моихъ Левку да Олешку хотѣли бить, и меня и дѣтишекъ моихъ безчестили и всякаго своею лаею *неподобно лаяли,* и *называлъ Алексѣй Чириковъ меня холопа твоего и всѣхъ насъ*

ками, чтобы отъ такихъ приписокъ никому ни отъ кого никакова безчестья не было».

[152]) 1. П. С. З. I, № 597. «Не ставить въ безчестье и не давать судъ за прописку по нарѣчію какихъ либо буквъ, но наказывать тѣхъ, кто, бранясь, назовутъ княземъ безъ имени».

ворами и измѣнниками и страдниками, и по Красному крыльцу за дѣтишками моими гонялъ... надѣючись на свои деньги, говорилъ дѣтишкамъ моимъ, *что ваши головы, а мои тутъ будутъ тысячи.* На слѣдствіи одни свидѣтели показали, что Чириковъ называлъ дѣтей Измайлова *измѣнничими племянники*, и говорилъ имъ: *знали бы де вы орлиной кнутъ да липовую плаху*, а Левъ и Александръ Измайловы называли Чирикова *псаверичемъ и псаревымъ внукомъ*. Другіе свидѣтели сказали, что Чириковъ говорилъ дѣтямъ Алексѣя Измайлова: «знали бы-де вы своего Оску палача, да липовую плаху». А Левъ и Александръ говорили: «пойдемъ-де прочь, что съ такимъ псаренковымъ внукомъ и говорить».

Поссорились жильцы Иванъ Елчаниновъ съ Самарнными. Послѣдніе въ челобитной жалуются, что онъ Иванъ безчестилъ насъ и родителей нашихъ, называлъ насъ холопей твоихъ *своими холопи и лаялъ насъ матерны и всякою неподобною лаею и называлъ насъ страдниками и звлизами, Самарьины, и инеми всякими позорными словами; а дѣдовъ нашихъ называлъ мужиками пашенными... онъ же похваляется насъ рѣзать*, мстя не дружбу, что у насъ дѣло съ нимъ въ московскомъ приказѣ, надѣясь на богатство, которое пріобрѣлъ служа по монастырскимъ селамъ.

Царскій казначей Богданъ Миничъ Дубровскій поссорился съ дворяниномъ Василіемъ Колтовскимъ. Когда Дубровскій вышелъ изъ царской комнаты послѣ докладу въ переднюю, на него набросился Колтовскій, говоря ему, что онъ не дѣломъ служитъ: «изъ комнаты-де у тебя челобитные пропадаютъ». Подалъ жалобу и Колтовской «Богданъ Миничъ почелъ насъ холопей твоихъ, безчестя отца нашего *называлъ воромъ и олтынникомъ* и меня холопа твоего называлъ *не дорогимъ человѣкомъ: дорогое-де тебѣ безчестья заплатить.* А въ томъ не запирался при всѣхъ, что онъ меня холопа твоего изъ приказу у себя велѣлъ бить въ шею»...

Князя Ееимія Мышецкаго оскорбили Ѳеодоръ Нащокинъ и Иванъ Бужаниновъ: первый называлъ всѣхъ *«холопи боярскими и конюхами»*, а второй называлъ меня *«дьякомъ*, а *дѣтитекъ моихъ подъячими и ворами и подпищиками, будто мы подписывали воровскіе грамоты»*. Нѣкоторые свидѣтели подтвердили, что Иванъ Бужаниновъ князя Мышецкаго «лаелъ матерны и князь дьякомъ и князь подъячимъ».

Иванъ Бутурлинъ жалуется на Ивана Бордюкина Зайцева, что

онъ (Бордюкинъ) лаялъ меня (Бутурлина) «матерны».—Свидѣтели показали: Зайцевъ Бутурлина излаялъ матерны «и съ жемчугомъ», Зайцевъ Бутурлину молылъ: «ты-де у меня б..... сынъ окончину изломилъ».

Князь Лаврентій Мещерскій напалъ на Постельномъ крыльцѣ на Алексѣя Дубровскаго, сына царскаго казначея. Дубровскій (сынъ) въ жалобѣ своей между прочимъ писалъ: «а князь Лаврентій, гоняючи за мною, лаялъ матерны и всякою неподобною лаею и называлъ страдничонкомъ, и говорилъ такіе слова: *не дорогъ-де твой и отецъ, што привезъ мертвому нѣмчину голову отрѣзавъ; тебѣ бъ-де у меня живу не быть*». Жеребцовъ на котораго сослались обѣ стороны («обчая правда» по Улож.. гл. X. ст. 167) показалъ, что князь Мещерскій дѣйствительно сына Дубровскаго «матерны лаелъ и мать его не доброю называлъ и бить его посыкнулся... излаялъ: *страдникъ-де ты бадлива мать, отецъ-де твой мертваго нѣмчина голову привезъ*»,

Въ Царскомъ дворцѣ, на Постельномъ крыльцѣ, въ Передней, на Красномъ крыльцѣ, между царедворцами въ XVII столѣтіи происходили стычки, подобныя которымъ не приходится намъ слышать теперь и между простыми людьми въ людской господскаго дома. Разбирать эти ссоры стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дворянъ приходилось самому государю. По полученіи челобитной царь Алексѣй Михайловичъ поручалъ стряпчему съ ключомъ или постельничему произвести разборъ и доложить. Къ допросу призывались свидѣтели, по ссылкѣ истца и челобитчика; нерѣдко приходилось допрашивать десятка три, четыре бояръ, стольниковъ, жильцовъ. Дѣла тянулись мѣсяцами, иногда годами. Наконецъ, составлялся докладъ, и дѣло представлялось на резолюцію Государя. Такъ, по жалобѣ матери Плещеевой, выслушавъ дѣло 14-го сентября 1643 г., царь указалъ: «Григорія Дмитріева, сына Облязова, за вдовино Аннино, съ дѣвками, за ихъ безчестье, *бить батоги нещадно*, чтобъ инымъ впередъ воровать было неповадно». «И 152 (1614) года генваря въ 15 день, Григорій Облазовъ въ подклѣткѣ битъ батоги въ одной рубашкѣ нещадно». Или, напримѣръ: 6-го сентября 1649 г., согласно Уложенію: «указалъ государь за *честь двора своего* Ивана Зайцева *послать въ тюрьму*, а Бутурлину *доправить на немъ безчестья окладъ его* (т.-е. Бутурлина)». Или еще примѣръ: «Князя Лаврентія Мещерскаго за честь двора за неистовые слова

Государь указалъ посадить въ *тюрьму на двѣ недѣли и доправить безчестье за лай* Алексѣя Добровскаго, его матери и его отца. И марта въ 9 день (1650 г.) князь Лаврентій посланъ въ тюрьму съ истопниками». Мы видимъ здѣсь уже приложеніе Уложенія (гл. III, ст. I, гл. X, оклады безчестья, и ст. 167 и 168, ссылку на обчую правду). Мещерскому приходилось заплатить за безчестье не малую сумму, ибо за безчестье жены платился двойной окладъ мужа, а окладъ царскаго казначея не могъ быть менѣе 400—500 рублей.

Иски за безчестье въ государевомъ дворѣ, людей окружавшихъ царскій тронъ, въ XVII столѣтіи, открываютъ передъ нами непривлекательныя картины нравовъ... Князя Ивана Волконскаго Хромаго жилецъ Гаврило Богдановъ, сынъ Карповъ, назвалъ *вѣдуномъ и чародѣемъ*. Въ оправданіе свое Карповъ приводилъ слѣдующія обстоятельства: «въ судномъ дѣлѣ въ Большомъ приходѣ объявилось его (кн. Ивана Волконскаго) *заговорное письмо*, которое подалъ въ судъ князь Тимофей Волконскій, а писалъ подъячій Воинко Якунинъ: «Боже милостивъ человѣкъ лебедь взгляни на меня раба Божія Мину князь Иванъ Волконскій ангельскима очима матернымъ сердцемъ; а тому бъ Костентину (?) тетеревина голова языкъ тетеревинъ воловья губа, не умѣлъ бы противъ меня искать» и тому подобную чепуху. Но дѣло не въ письмѣ. Воинко Якунинъ князь Тимофея и князь Ивана Волконскихъ уличалъ въ судѣ словесно и подалъ роспись, а въ той росписи написано: «Волконскихъ ко многимъ людямъ обида-жъ и насильства и налоги и продажа, и у кого помѣстною землею и угодьи людьми крестьяны завладѣли насильствомъ; а какъ его Воинковыхъ людей били и въ болота сажали, и ко вдовамъ малопомѣстнымъ пріѣзжали и били и мучили и вымуча крѣпости, землями же завладѣли жъ, а ихъ съ помѣстій согнали. А *про вѣдовство и про коренье* въ томъ судномъ дѣлѣ письменныхъ и словесныхъ упрекъ на Волконскихъ не объявилось», Воинко Якунинъ подвергнутъ распросу и пыткѣ. Пытные и распросные рѣчи докладывали боярамъ, и *бояре приговорили того Воинка пытавъ сослать въ Сибирскіе городы*.

Грустнѣе всего, что личные счеты шумѣвшихъ въ государевомъ дворѣ царедворцевъ и затрогивавшихъ, кстати или некстати, честь семейную или родовую, не щадившихъ въ своемъ «лаѣ» ни отца ни матери, приплетавшихъ сестеръ и братьевъ, дядей и племянниковъ, приводили къ обвиненіямъ людей постороннихъ, подобно опи-

санному случаю, гдѣ ссора Волконскаго съ Карповымъ разрѣшилась наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ Сибирь подъячаго Якунина. Трудно сказать, при чемъ тутъ было удовлетвореніе оскорбленной чести князя Волконскаго, обозваннаго публично «вѣдуномъ и чародѣемъ»!.. Подъ покровомъ казуистики Соборнаго Уложенія мѣрка личной чести въ служиломъ классѣ утрачивалась совершенно. Подъ охраною иска за безчестье укрывались не только тщеславіе и корыстолюбіе, но и вопіющія злоупотребленія властью—стольниковъ и стряпчихъ, посылаемыхъ на службу воеводами въ города, дворянъ, назначаемыхъ на службу въ провинцію и въ войско. Поссорились двое изъ-за крѣпостнаго, наговорили другъ другу массу неприличныхъ дерзкихъ словъ, а затѣмъ шли съ жалобой на «безчестье» въ судъ, и судъ, разсмотрѣвъ дѣло, находилъ виноватымъ или несчастнаго подъячаго или ни въ чемъ неповиннаго приказчика. Бѣлорусская пословица: «Паны дерутся—у мужиковъ чуприны трясутся» находила полное примѣненіе въ дѣлахъ о безчестьи. Далѣе того, что происходило въ судахъ XVII столѣтія съ исками о безчестьи, когда допрашиваемыхъ, не причастныхъ къ ссорѣ, свидѣтелей нерѣдко подвергали пыткѣ, едва-ли можетъ заходить судебная практика.

Замѣтимъ еще, что разслѣдованіе о личныхъ обидахъ даютъ хорошее понятіе о злоупотребленіяхъ людей, сильныхъ въ провинціи, властныхъ людей въ приказахъ, воеводъ въ городахъ, которые, кормясь на воеводствѣ, для страха людей еще слабыхъ, но уже опасныхъ — подъячихъ, пускали въ ходъ пытки и ссылки ихъ въ дальніе города.

Теперь трудно и представить себѣ путаницу въ понятіяхъ людей XVII вѣка о безчестьи родовомъ и безчестьи личномъ, въ строгомъ смыслѣ юридическомъ. Неправильная жалоба въ мѣстничествѣ, за оскорбленіе родовой чести, могла повести къ наказанію (иногда кнутомъ), а дѣйствительная обида словомъ, на письмѣ или дѣйствіемъ, влекла за собою лишь уплату небольшой суммы денегъ, не свыше рубля.

Личныя обиды царедворцевъ не всегда ограничивались «неподобными» словами—«лаемъ». Въ 1674 г. стряпчій Александръ Протасовъ на его великаго Государя дворѣ *прошибъ кирпичомъ голову* стряпчему Ивану Хрущову. По сыску Протасова, вмѣсто кнута (какъ

слѣдовало по Уложенію), велѣно *бить батоги нещадно*. Да на немъ же Александрѣ, велѣно доправить Хрущову *безчестья вчетверо* [153]).

Мѣстничество пало, но ближайшіе царскіе слуги — «безстрашники» не унимались: они продолжали часто оглашать царскій дворецъ неистовою бранью и безчиніемъ. Въ 1683 г. генваря 4, данъ указъ, чтобы стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы всякій въ *свое дневанье* сидѣли въ указныхъ палатахъ смирно и межъ себя безчинства и шума никакого и драки не чинили, а кто будетъ безчинствовать и шумѣть и межъ себя браниться и тѣхъ велѣно присылать въ Разрядъ.

Время патріархальныхъ отношеній царя къ своимъ буйнымъ царедворцамъ миновало. Съ кончиною Алексѣя Михайловича обрываются эти простыя отношенія великаго Государя къ ближнимъ людямъ, а съ уничтоженіемъ мѣстничества, когда внутреннія замѣшательства и внѣшнія войны продолжали расшатывать высшую правительственную вотчинную систему, судъ и расправа по дѣламъ личныхъ обидъ перешли въ вѣдѣніе различныхъ приказовъ: Разряда, Большаго Дворца, Иноземнаго, Пушкарскаго и Судныхъ. Въ старомъ московскомъ войскѣ появились неслыханные чины: — генералы, полковники, капитаны, поручики,—но въ высшихъ слояхъ дворянства, въ семействахъ бояръ, долгое время не забывались еще мѣстническіе счеты, не взирая на реформы, предпринятыя на соборѣ 1682 г., и установленіе новыхъ чиновъ по обычаю иноземцевъ. Бояре, окольничіе, думные люди, какъ равно стольники и иные низшіе, менѣе знатные чины, личныя оскорбленія, даже замѣчанія по службѣ, заботливо связывали съ оскорбленіями всему роду. Поручики и капитаны дворянской конницы неохотно шли подъ команду полковниковъ; свои понятія о старшинствѣ родовой чести они переносили повсюду и не въ состояніи были свободно подчиняться условіямъ воинской дисциплины. Повиновеніе младшихъ чиновъ старшимъ, въ порядкѣ подчиненности, по понятіямъ мѣстничества, наносило безчестье цѣлому роду: отцу и дѣду, братьямъ и племянникамъ. И этой слабостью пользовались соперники, стоявшіе близко къ трону, чтобы задѣть какіе-либо *ро-*

---

153) *Забѣлинъ*, I, стр. 264—295. За обиды дѣйствіемъ, соединенныя съ тѣлеснымъ поврежденіемъ, плата за безчестіе, какъ видно на практикѣ, значительно увеличивалась.

довые старые грѣхи, безчестившіе весь родъ поголовно. Этой слабостью пользовались капитаны, когда состояли подъ командою полковника или воеводы не знатнаго рода.

Прекрасной иллюстраціей сказанному служитъ ссора между стольникомъ княземъ Яковомъ Өедоровичемъ Долгорукимъ и бояриномъ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ въ 1691 г. Послѣдній былъ дядькою Петра, лицомъ довѣреннымъ и вліятельнымъ при дворѣ; первый былъ только стольникомъ, но по происхожденію принадлежалъ къ знатному роду, не сегодня-завтра могъ стать бояриномъ и занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ, какъ и случилось впослѣдствіи. (Извѣстно, что Яковъ Өедоровичъ Долгорукій въ преобразуемой Петромъ арміи занялъ мѣсто, соотвѣтственное званію военнаго министра). Ссора боярина Голицына съ Долгорукимъ доказываетъ во всякомъ случаѣ, какъ тяжело было Петру Великому бороться съ понятіями мѣстническими въ самомъ началѣ предпринятыхъ имъ преобразованій. Ссора, надѣлавшая такъ много шума въ Москвѣ и записанная въ актахъ историческихъ, произошла 28 января 1692 г. въ хоромахъ великаго государя Петра Алексѣевича, въ присутствіи многихъ придворныхъ. Стольники князь Яковъ и Григорій Долгорукіе выбранили боярина князя Бориса Голицына «всякими скверными и неподобными словами и въ то же время, по старинѣ, обезчестили и отца его, князя Алексѣя Андреевича».

Произвести разслѣдованіе поручено было боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. Голицынъ, какъ видно, настаивалъ и просилъ государей, чтобы оскорбителя чести наказать примѣрно, кнутомъ, не по Уложенію. Долгорукіе, очевидно виновные, оправдывались тѣмъ, что они не хуже Голицыныхъ. и просили примѣнить къ нимъ соотвѣтственныя статьи Уложенія.

«Учинилась у насъ ссора на словахъ и въ ссылку. Свидѣтели, которыхъ допрашивали, сказали то, чего мы не говаривали. А въ той ссорѣ (и Голицыны) насъ бранили и словами безчестили. *А у насъ съ ними ссора учинилась не странная, брань такая, какая всегда между нами за недружбы бываетъ*». Затѣмъ, ссылаясь на Уложеніе (гл. III, ст. 1, 2, гл. X, ст. 30 и 91), челобитчики напоминаютъ, что эти статьи остаются безъ измѣненія и не обновлены новоуказными статьями.

Указомъ 2-го марта 1692 года государи приговорили: *столь-*

никовъ князя Якова и князя Григорія Долгорукихъ за безчестье бояръ князя Алексѣя и сына его князя Бориса Голицыныхъ послать въ тюрьму. Да на нихъ за безчестье имъ боярамъ взять денежные ихъ оклады сполна. «А что они довелись по Уложенію за честь ихъ государскаго двора послать въ тюрьму, а великіе государи пожаловали, за то ихъ въ тюрьму посылать не указали».

Въ приговорахъ нѣтъ даже и намека о несоотвѣтствіи іерархическаго положенія соперниковъ.

Не легко было расплачиваться за безчестье: нѣтъ денегъ,—начинается правежъ, а по истеченіи мѣсяца, въ крайности—двухъ, назначается продажа имущества, не было имущества,—опредѣлялось наказаніе кнутомъ. Только случайное обстоятельство спасло Долгорукаго отъ наказанія *кнутомъ*, чего добивался бояринъ Борисъ Голицынъ.

Почти въ то же время возникло новое крупное дѣло: 10 декабря 1692 года царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ подали встрѣчныя жалобы бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ и бояринъ князь Михайло Григорьевичъ Ромодановскій. Въ домѣ боярина Петра Васильевича Шереметева 9-го декабря Ромодановскій бранилъ Шеина, безчестилъ всячески и билъ и вынялъ ножъ и хотѣлъ его зарѣзать и называлъ себя московскимъ княземъ; а прадѣда его Шеина, боярина Михаила Васильевича, называлъ измѣнникомъ, а дѣда его, и отца его, и мать его, боярыню Авдотью Ивановну Черкасскую, бранилъ и безчестилъ всякими словами, и его называлъ измѣнническимъ внукомъ. Съ своей стороны, Ромодановскій жаловался, что-де Алексѣй Семеновичъ безчестилъ его, боярина, всячески-жъ и называлъ малопороднымъ человѣкомъ и худымъ князишкомъ и бранилъ всякою неподобною бранью и билъ палкою, а то-де видѣли и слышали бояре, окольничіе, и думные, и ближніе люди.

Судъ производился въ приказѣ Казанскаго дворца. 10-го января 1693 г. состоялся Высочайшій указъ, въ которомъ опредѣлено: боярина князя Ромодановскаго за безчестье дѣда и отца Шеина послать въ тюрьму. А въ заключеніе, въ слѣдующихъ словахъ, признано торжество идеи государства надъ личными родовыми счетами: «а въ *милости Великихъ Государей жалованы бываютъ въ чести не по родамъ, и кто прежде или послѣ пожалованъ, о томъ принять къ безчестью не для чего*».

Что же касается до личныхъ оскорбленій другъ друга, то указъ предоставляетъ каждому изъ нихъ вѣдаться и искать безчестье на основаніи общаго закона: «а за слова ихъ и за драку, что они другъ друга бранили и дрались, и за ту брань и за драку указали Великіе Государи другъ на другѣ взять безчестье и увѣчье имъ противно» [154]), т.-е. заплатить другъ другу, по разсчету, сколько причиталось по окладу жалованья!..

Иски за личное безчестье и увѣчье другихъ разрядовъ служилыхъ людей и низшихъ сословій.

Мы видимъ, какъ безцеремонно позволяли себѣ браниться и безчинствовать во дворцѣ, въ царскихъ палатахъ, въ гостяхъ другъ у друга знатные люди, лица близкія къ государю. Нельзя и ожидать болѣе деликатныхъ отношеній между собою въ другихъ слояхъ общества, дворянъ вообще, дѣтей боярскихъ въ частности, наконецъ, людей простыхъ: — торговыхъ, посадскихъ, крестьянъ, а равно стрѣльцовъ и солдатъ. Между ними происходили, несомнѣнно, още бóльшія безчинства, обида словомъ выражалась еще въ болѣе крѣпкихъ выраженіяхъ и непосредственно переходила въ обиду дѣйствіемъ, сопровождаясь ранами и увѣчьемъ. Искъ за безчестье здѣсь рѣдко не сопровождался добавкою и «за увѣчье».

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ быта дворцовыхъ служителей:

Стольникъ Бабарыкинъ послалъ за квасомъ на Сытной дворецъ *дневальнаго истопника* Демку Клементьева. Послѣдній жалуется: «я, холопъ твой, его не послушалъ, по квасъ не пошелъ, потому что я, холопъ твой, въ *передней дневалъ;* и онъ, Романъ, за то меня, холопа своего, *спихнулъ съ лѣстницы и убилъ меня до полусмерти;* и лежалъ я, холопъ твой, на землѣ, обмертвѣвъ многое время; и оттерли меня, холопа твоего, товарищи мои льдомъ; и отъ побой нынѣ я, холопъ твой, сталъ *увѣченъ!*»-

Для полноты очерка замѣтить нужно, что многія обиды приходилось переносить и *подъячимъ* отъ большихъ и отъ малыхъ людей. Подъячій царицы и царевенъ мастерской палаты, Василій Клушинъ, 3-го августа 1693 года сидѣлъ за своимъ столомъ. Въ ту же пала-

[154]) 1. П. С. З. III, № 1460. *Именной изъ приказа Казанскаго Дворца*, 14-го января 1693 года.

ту пришолъ закройщикъ Яковъ Матвѣевъ, сѣлъ за поставнемъ, гдѣ дѣлаютъ платье, и говорилъ ему, Василію, издѣваясь: «*добръ-де подъячей, да языкъ высуня пишетъ;* еслибъ-де я шедъ, и *сзади его ударилъ*, языкъ-де бы ему пришибъ. И иныя *многіе издѣвочные слова* ему говорилъ. Да въ тѣхъ же рѣчахъ молвилъ ему, Василію: *не поможетъ-де тебѣ и царевна, что я надъ тобою сдѣлаю. И про иныхъ его братьевъ, подъячихъ*, говорилъ *безчестя его, Василія, и иныхъ его братью подъячихъ*, что будто въ холопы къ нему иной подъячей бьетъ челомъ... И онъ, Василій, ему, Якову, запрещалъ и унималъ, чтобъ онъ *неприличныя слова* не говорилъ, и его, Василья, и иныхъ его братью подъячихъ не безчестилъ». Однако свидѣтели показали, что и самъ, подъячій Василій Клушинъ, называлъ его, Якова, *чортомъ* и *бранилъ матерны*. Подъячіе, конечно, не оставались въ долгу.

Жалобами на личныя обиды безпокоила Государя и женская половина придворнаго штата. Золотыхъ дѣлъ мастерица Ѳедосія Кашинцова жалуется словесно самой Царицѣ на сына боярскаго Ѳедоса Новашина за то, что назвалъ ее, Ѳедосью, *безпелюхою*. Свидѣтели подъ присягою, по евангельской заповѣди, показали, что поводъ къ обидѣ подала сама мастерица. Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно ([151])

Съ одной стороны, патріархальное разбирательство домашнихъ ссоръ и брани приближенныхъ къ Царю вѣрныхъ его слугъ—бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и всей придворной челяди даетъ намъ понятіе о характерѣ отношеній Великаго Государя къ своему двору, какъ вотчинника и хозяина, съ другой—изображаемыя въ челобитьяхъ о «безчестьи» картины обнаруживаютъ непривлекательную сторону нравовъ нашихъ предковъ. Этой простодушной, подчасъ забавной грубости приходилъ конецъ. Подчиняясь господству извѣстныхъ общественныхъ граней, твердо охраняя преданія старины, русское законодательство XVII столѣтія въ основѣ карательной системы за «личную обиду» ставитъ денежную единицу. Оскорбленіе чести оно тщательно взвѣшиваетъ суммою рублей. Если богатъ, силенъ, обругаешь, обезчестишь ближняго, заплатилъ—и дѣлу конецъ; если бѣденъ, не можешь откупиться, держи языкъ за зубами, обезчестилъ и не заплатишь, подвергайся

---

[151]) *Забѣлинъ*, 1, 306—311.

правежу наравнѣ съ должникомъ, а то и позорному наказанію—кнутомъ. И способъ вознагражденія за безчестье посредствомъ платы извѣстной суммы рублей, развивавшій сутяжничество, долженъ былъ уступить мѣсто другимъ способамъ: за оскорбленіе личной чести бранными словами опредѣляется арестъ и испрошеніе прощенія (Уст. воин. Глава 49; § 3). Приходилось теперь учиться владѣть собою, воспитывать свою волю...

Богатыми и сильными до Уложенія были только бояре: они и ихъ родичи стояли во главѣ столичной и провинціальной администраціи; они были начальниками приказовъ, ихъ дѣти—стольники, кормились на воеводствахъ, ихъ же дѣти—стряпчіе, служили въ войскѣ, въ посольствахъ и употреблялись на посылкахъ. Высшая духовная іерархія была обособлена отъ боярской знати; духовенство еще не успѣло утратить важнаго значенія *учительства*. Но еще до начала борьбы съ патріархомъ въ средѣ духовенства появились внутренніе враги—*церковные мятежники*, которые подкапывались подъ авторитетъ духовной власти и упорно выставляли ея недостатки. И вверху и внизу начиналась борьба, результатъ которой приводилъ къ крайнему ослабленію авторитета власти. Горожане въ эпоху дѣйствія Уложенія имѣли мало значенія: выдѣлялось, однако, купечество, особенно московское, такъ какъ Москва была средоточіемъ гражданскаго и церковнаго управленія. Но и здѣсь богатое купечество только зарождалось. Вслѣдствіе враждебнаго отношенія законодателя къ мірскому самоуправленію городовъ, Уложеніе предоставило судить горожанъ воеводамъ и приказнымъ людямъ; въ судахъ уже не сидѣли болѣе старосты, цѣловальники, земскіе люди. Многіе изъ городскаго населенія, вслѣдствіе отягощенія налогами, отдѣлывались отъ тягла, прятались, закладывались, и за особенную честь считали попасть въ подъячіе.

Дѣйствительно, дьяки и подъячіе *богатѣли*,—объ этомъ заботилось Уложеніе, развивъ съ особеннымъ вниманіемъ ихъ интересы въ постановленіяхъ о судопроизводствѣ. Запутанныя и смутныя дѣла о безчестьи, за которое съ такою мелочною щепетильностью расплачивались потомки бывшей великокняжеской дружины, составляли одну изъ наиболѣе доходныхъ статей людей *приказнаго* чина, людей письменныхъ, безъ которыхъ не могъ обойтись ни богатый вельможа, ни его родичъ—стольникъ, посылаемый управлять воеводствомъ, кормиться въ немъ по старинѣ, ни иноземецъ, являвшійся

на царскую службу и щедро за нее награждаемый подарками. Для «бярской чести слово «дьякъ» было такимъ-же позоромъ, какъ слова: оворъ», «страдникъ». Князь Мышецкій, на примѣръ, жалуется въ челобитной на Ивана Бужанниова за то, что тотъ назвалъ его самого *дьякомъ*, а дѣтишекъ его—*подьячими*. Свидѣтели сдѣлали небольшую поправку; Бужанниновъ въ своемъ показаніи назвалъ князя Мышецкаго: *княземъ дьякомъ*, а дѣтей его—*князьями подьячими*,

О томъ, какъ низко оцѣнивалась личная честь московскихъ дьяковъ, разбогатѣвшихъ «мздоимствомъ неправеднымъ» (соборъ 1642 г.), свидѣтельствуетъ Гордонъ въ своемъ «Дневникѣ». Начальникъ иноземнаго приказа (завѣдывавшаго иноземными офицерами и солдатами), царскій тесть, бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій, велѣлъ сдѣлать подарокъ Гордону за его выѣздъ въ Россію, куда онъ, въ 1661 году, пріѣхалъ искать счастья, какъ и большинство иностранныхъ офицеровъ, устремившихся за добычею въ Россію, послѣ заключенія Вестфальскаго мира. Для полученія подарка, по обычаю, надобно было прежде подарить дьяка. Гордонъ не зналъ такого обычая. Явившись къ дьяку за подаркомъ безуспѣшно два раза, Гордонъ въ третій разъ отправился съ жалобою къ боярину и говоритъ ему прямо, что не можетъ понять, кто имѣетъ больше силы,—онъ, бояринъ, или дьякъ, потому что дьякъ и не думаетъ исполнять его приказанія. Бояринъ разсердился, велѣлъ позвать дьяка, схватилъ его за бороду, потаскалъ его добрымъ порядкомъ и обѣщалъ кнутъ, если Гордонъ придетъ еще разъ съ жалобою».

Съ появленіемъ регулярнаго войска установились другія отношенія, явились и болѣе зрѣлыя понятія о чести, но мѣстничество, съ его оригинальными понятіями о чести, еще долгое время сохраняется въ нравахъ русскихъ людей и не только въ военномъ быту, но въ гражданскомъ и даже духовномъ.

ГЛАВА IV.

Преступленіе противъ чести по Артикулу Воинскому и Патенту о поединкахъ.

Событія предшествовавшія реформамъ Петра Великаго.

Въ половинѣ XVII столѣтія въ государствахъ Западной Европы, вмѣстѣ съ развитіемъ монархическихъ началъ и съ учрежденіемъ регулярныхъ войскъ, выдвинулись новые элементы. Военные законодатели тщательно оберегаютъ достоинство и честь начальниковъ по отношенію къ офицерамъ, офицеровъ по отношенію нижнихъ чиновъ и вообще старшихъ въ отношеніи къ младшимъ. Съ другой стороны тѣ же законы защищаютъ низшихъ отъ произвола и насилія старшихъ: привлекая къ отвѣтственности офицеровъ и начальниковъ за превышеніе власти, самоуправство и беззаконныя дѣйствія.

Эти принципы Густава Адольфа усвоены были мало-по-малу всѣми военными законами Европы.

Огражденіе личной чести солдата, какъ сына отечества, какъ слуги государства становится предметомъ заботы верховной государственной власти.

Въ началѣ XVIII вѣка эти же принципы стали достояніемъ и русскихъ войскъ.

Мы уже знаемъ какимъ порядкомъ совершенъ переходъ Россіи къ регулярной арміи. Бросимъ еще бѣглый взглядъ на состояніе русскаго общества въ концѣ XVII стол. Помѣстная система видимо слабѣла, воинскій характеръ помѣстныхъ служилыхъ утрачивался,

служилые стали заниматься хозяйствомъ, заботиться о закрѣпощеніи работниковъ; послѣ покойной и праздной жизни въ помѣстьи, служба, когда приходило время, становилась тяжкою, обременительною. Сознавалась кое-кѣмъ изъ *новыхъ* людей, приближенныхъ къ царю, несостоятельность русскаго военнаго строя. Начинался усиленный призывъ иностранныхъ офицеровъ для обученія русскихъ ратному строю, по образцу иноземному. Подлѣ національныхъ войскъ явились полки съ иноземными названіями: солдатскіе, рейтарскіе и драгунскіе. Солдаты и драгуны, какъ и стрѣльцы, жили нерѣдко отдѣльными слободами. Приказами управляли потомки царской дружины—бояре, окольничіе и думные люди. Отношенія бывшей дружины къ царю измѣнились. Но судьи и воеводы продолжали кормиться отъ дѣлъ, и русское общество въ концѣ XVII ст. сверху до низу представляется расшатаннымъ отъ насилія и самоуправства воеводъ и судей. Христіанскія понятія продолжали еще сталкиваться съ суевѣрными обрядами, остатками язычества. Старые, знакомые намъ изъ судебныхъ поединковъ ворожеи, чародѣи, не переводились. Даже въ царскомъ дворѣ вѣрили въ чарующую силу нашептыванія, заговариванія, поимки слѣда. Вѣдунамъ и чародѣямъ щедро платили. Наговариваніе на громовую стрѣлку, на медвѣжій ноготь, колдовство на слѣдъ, употребленіе приворотнаго корня («обратима») продолжали кормить людей, знавшихся съ темными силами. Волхвованіемъ занимались и въ царскихъ чертогахъ, и въ палатахъ вельможъ, и въ бѣдной хижинѣ посадскаго и простаго человѣка. Чародѣевъ преслѣдовали и боялись. Ильѣ Милославскому, еще до брака царя Алексѣя на его дочери, подкинули письмо, будто у него хранится *волшебный перстень* знаменитаго дьяка Грамотина, и послѣ того за нимъ долго присматривалъ приставъ. Родственникъ царскій, бояринъ Семенъ Стрѣшневъ, обвиненъ былъ въ *волшебствѣ*, и это обвиненіе не прошло даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Вологду. Въ волшебствѣ же обвиняли и знаменитаго Матвѣева, чтобъ помѣшать браку царя Алексѣя на его воспитанницѣ Нарышкиной [156]). Старые роды бояръ

---

[156]) *Соловьевъ* XIII, стр, 170, цит. 134. Приказныя дѣла москов. арх. мин. иностр. дѣлъ. Годы 1674, 1651. Арх. мин. юст., столбцы приказнаго стола, № 1691. Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 161. Въ 1674 г. въ Тотьмѣ сожжена была въ срубѣ публично женщина Өедосья по оговору въ *порчѣ*. Въ Шую къ чудотворному образу Смоленской Богородицы изъ многихъ

враждебно относились къ родамъ новыхъ бояръ, выдвинувшихся или по родству съ царями черезъ женитьбы, или по выдающимся заслугамъ, каковы: Стрѣшневы, Матвѣевы, Нарышкины и проч., и прибѣгали къ нечистымъ силамъ и поклепу. Разумѣется, противники, въ этомъ отношеніи, пользовались такими же средствами.— Вѣра въ нечистыя силы была общимъ достояніемъ русскаго общества. Немногіе, конечно, факты попали на страницы исторіи. Но мы знаемъ, что въ народѣ не переводились бѣсовскія пѣсни, соблазнительныя игры, нашептыванія. Знаемъ объ этомъ изъ попадающихся въ актахъ запрещеній и угровъ наказаніями.

Какъ ни крѣпко держались старины русскіе люди XVII вѣка, но они не могли устоять противъ напора новыхъ идей, которыя неотступно вторгались съ запада. Новые учителя и въ монашескихъ рясахъ и въ доспѣхахъ бранныхъ незамѣтно, но дружно подготовляли общество къ реформаторской дѣятельности Петра. Оставляя въ сторонѣ распространеніе духовнаго образованія кіевскими учеными монахами, переводившими на славянскій языкъ греческую библію, разные уставы и сборники, отмѣтимъ тотъ важный фактъ, что учителями были иноземные ратники, притомъ они были учителями не одного ратнаго дѣла. Эти непрошенные гости, эти наставники иноземщины заняли въ Москвѣ особую слободу, знаменитую «Нѣмецкую слободу», просвѣтительная роль которой достаточно намъ уже извѣстна («Арт. воин.», вып. 2). Въ полицейскомъ наказѣ, данномъ десятникамъ Нѣмецкой слободы, велѣно наблюдать, чтобы полковники, подполковники и начальные люди не допускали къ *поединкамъ* нижнихъ чиновъ, чтобы не учинялось *никакого смертнаго убійства* и *дракъ*, чтобы не торговали виномъ, пивомъ и табакомъ, не играли зернью и въ карты [157]). Подобные

городовъ пріѣзжали люди, мущины и женщины, и привозили одержимыхъ *нечистыми духами*—«страждущіе въ молебное время метаются всякими различными козноддѣйствами и кличутъ на уѣздныхъ людей, что ихъ портятъ: кликала Ириша Маурина на Ѳедьку Якимова, и по царскому указу Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертью». На свадьбахъ присутствовали *знахари*, которые умѣли отвращать всякое зло. До суздальскаго архіепископа дошло извѣстіе, что весь городъ встревоженъ видѣніемъ «какъ соборный попъ Иванъ ѣздилъ на медвѣдѣ». *Соловьевъ*, XIII стр. 166—169. У *Забѣлина* имѣется любопытное разбирательство по приказанію государя о «колдовствѣ на царицынъ слѣдъ». Ч II, стр. 352 и слѣд.

[157]) Дѣла приказныя Москов. арх., мин. иностр. дѣлъ. Годъ 1673—*Соловьевъ*, XIII, стр. 222, цит. 178.

наказы давались и самимъ начальникамъ—иноземнымъ полковникамъ; но въ извѣстныхъ намъ наказахъ для стрѣльцовъ о поединкахъ вовсе не упоминается.

Иноземцы, приходившіе искать счастья, какъ люди, привыкшіе къ превратностямъ судьбы, много видѣвшіе и немало знавшіе, не стѣснялись въ своихъ привычкахъ: на свои пирушки они привлекали молодежъ московской знати и занимали стольниковъ и жильцовъ заманчивыми разсказами про житье-бытье заморское. Скоро и легко иноземцы примѣнялись къ русскимъ обычаямъ и нравамъ.

Гордонъ въ своемъ «Дневникѣ» даетъ понятіе о томъ, какого рода внушенія понравились иноземнымъ начальникамъ.

«Однажды русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ своихъ солдатъ, которые тайкомъ ночью играли въ карты и, по обычаю тогдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забралъ себѣ не только деньги, которыя были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдатъ 60 рублей, не давши объ этомъ знать Гордону, какъ непосредственному начальнику. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ и сдѣлалъ ему *строгій выговоръ* съ угрозою, что впередъ ему плохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ нѣжнымъ внушеніямъ, началъ было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ внушеніе другаго рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ и такъ отколотилъ дубиною, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику, но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину: Гордонъ и тутъ заперся».

Очевидно, Гордонъ хорошо усвоилъ себѣ теорію формальныхъ доказательствъ тогдашняго розыска—слѣдственнаго процесса.

Однажды хозяинъ дома вздумалъ выпроводить Гордона изъ занимаемой имъ квартиры. Челобитье его было уважено, но Гордонъ не обращалъ вниманія на письменныя приказанія полиціи. Явился подъячій съ 20 человѣками трубниковъ, большая часть которыхъ осталась внизу. Гордонъ потребовалъ указъ. Подъячій отказался, приказавъ трубникамъ забрать чемоданъ и вещи, а самъ беретъ полковыя знамена. «Гордонъ вскакиваетъ изъ-за стола и съ помощью денщика и двухъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подъячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подъячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ наверхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь выгодою

своего положенія на верху, прогоняетъ ихъ, тѣмъ легче, что трубники были вооружены палками». Между тѣмъ на шумъ прибѣжали солдаты и прогнали подъячаго съ трубниками.

По иностраннымъ законамъ за призывъ на помощь другихъ, въ случаѣ драки, опредѣлялась смертная казнь. Но въ Москвѣ на продѣлку Гордона, несмотря на то, что побиты были полицейскіе чины и служители, вооруженные палками, не обратили даже и вниманія.

Пирушки иноземцевъ вели къ ссорамъ, которыя нерѣдко оканчивались драками и поединками, несмотря на ихъ запрещеніе въ Россіи. Такъ, въ 1666 году Гордонъ поссорился съ маіоромъ Монгомери у себя на пирушкѣ, которую задалъ придворнымъ въ царскія именины, и имѣлъ съ нимъ поединокъ [158].

Гордонъ, бывшій двукратно на шведской службѣ (въ 1655 и 1659 гг.), не могъ не знать шведскихъ военныхъ артикуловъ, въ которыхъ поединки и драки запрещались подъ угрозою смертной казни. Легко себѣ представить, какъ выгодно было буйнымъ иноземцамъ поступать на царскую службу. Впослѣдствіи, командуя Бутырскимъ солдатскимъ полкомъ, тотъ-же Гордонъ ввелъ строгую дисциплину и не допускалъ насилій и самоуправства. Но при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ эгоистическіе интересы, стремленіе къ наживѣ на счетъ подчиненныхъ неизбѣжно вели къ насиліямъ и обидамъ нижнихъ чиновъ и вызывали безпрерывныя челобитныя солдатъ и стрѣльцовъ на своихъ капитановъ и полковниковъ. Въ этихъ челобитьяхъ служилые люди просили о вознагражденіи за безчестье.

Для характеристики времени, предшествующаго стрѣлецкому бунту, замѣтимъ кстати, что когда въ 1677 году на Рождество Христово нѣкоторые дьяки не пустили къ себѣ государевыхъ славельщиковъ, то разгнѣванный царь (Ѳеодоръ Алексѣевичъ) приказалъ лишить ихъ обыкновенныхъ доходовъ, т.-е. онъ повелѣлъ *«за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказахъ безкорыстно и никакихъ почестей* и *поминокъ ни у кого ничего ни*

[158]) Gordon, Tegebuch, 1 B.—*Соловьевъ*, XIII, стр. 222—225 приводитъ случаи ссоръ и дракъ солдатъ со стрѣльцами и ссору полковника Гордона съ генералъ-маіоромъ Трауернихтомъ. О дракахъ солдатъ иноземнаго строя съ жителями, которыя нерѣдко оканчивались увѣчьемъ и убійствомъ, имѣются свѣдѣнія въ актахъ Историческихъ и Археографической Экспедиціи.

отъ какихъ дѣлъ не имать». Если же кто явится въ самой *малой взяткѣ* или *корысти*, и имъ за то быти въ наказаніи [159]).

Въ то время, когда облеченные властью воеводы и полковники кормились на счетъ подчиненныхъ служилыхъ людей, въ русскомъ помѣстномъ и поселенномъ войскѣ не могло и установиться правильныхъ дисциплинарныхъ отношеній между начальниками и нижними чинами; не должно, поэтому, удивляться челобитьямъ стрѣльцовъ и солдатъ на *обиды*; челобитья на обиды въ царствованіе Θеодора Алексѣевича принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Здѣсь подъ выраженіемъ «обида» слѣдуетъ понимать, согласно уложенію 1649 г., не столько обиду личную, оскорбленіе чести, сколько матеріальный ущербъ — учетъ жалованья, насиліе, вымогательство. Во многихъ случаяхъ личная обида — опозореніе чести словомъ или дѣйствіемъ, бывали лишь послѣдствіемъ насилія и самоуправства. «Налоги» и «обиды» въ обществѣ XVII ст. шли рука объ руку. Событіямъ перваго Московскаго бунта предшествовали неслыханныя вымогательства («налоги») и злоупотребленія властью полковниковъ («обиды»). Извѣстна уже намъ полная разнузданность стрѣльцовъ, распущенность, до которой они доведены были своими же начальниками, позволявшими себѣ прибѣгать къ возмутительнымъ насиліямъ и личнымъ оскорбленіямъ. Царь Θедоръ Алексѣевичъ, видимо, угасалъ. Старинное дружинно-придворное устройство государева двора совершенно разстроилось и было подточено враждою партій. Стрѣльцы Пыжова полка подали государю челобитье на своего полковника. Языковъ, «глубокій дворскихъ обхожденій проникатель», какъ думаютъ, въ угоду начальнику стрѣлецкаго приказа, боярину князю Юрію Долгорукову, произвелъ неправильный розыскъ, вслѣдствіе чего полковники были оправданы, а челобитчиковъ стрѣльцовъ, лучшихъ людей, приказано *бить кнутомъ и разослать въ ссылки*. Полковники, ободренные неудачей и посрамленіемъ стрѣльцовъ, стали еще болѣе смѣлыми въ обращеніи съ рядовыми стрѣльцами и болѣе жестокими, чѣмъ прежде. 23 апрѣля стрѣльцы полка Грибоѣдова, можетъ быть не желая обидѣть своего престарѣлаго боярина, пошли по начальству и подали челобитье на Грибоѣдова въ стрѣлецкомъ приказѣ. Доложили боярину Долгорукову, что пришелъ

---

[159]) *Забѣлинъ*, I, стр. 333.

какой-то пьяный стрѣлецъ съ челобитною и наговорилъ много *непристойныхъ словъ* про него — боярина, и про другихъ. Долгоруковъ *велѣлъ схватить челобитчика и высѣчь кнутомъ передъ съѣзжею избою;* но когда стрѣльца вывели на площадь и прочли ему приговоръ, то онъ обратился къ товарищамъ съ просьбою о недопущеніи его къ совершенію надъ нимъ поруганія за то, что имъ подана челобитная, по ихъ же желанію и приговору. Стрѣльцы взволновались, бросились на приказныхъ сторожей, смяли ихъ и выручили товарища. Этого было достаточно для возбужденія смятенія во всѣхъ Московскихъ стрѣлецкихъ полкахъ. Тогда же подана была челобитная и солдатами на своего командира генералъ-маіора Матвѣя Кравкова [160]). Таковъ былъ первоначальный толчокъ къ московскому бунту 1682 года, чѣмъ такъ искусно и безцеремонно воспользовались Милославскіе съ царевной Софіей во главѣ для уничтоженія Нарышкиныхъ и Матвѣева.

Смятенія солдатъ въ XVI и XVII ст. (вслѣдствіе оскорбительныхъ дѣйствій офицеровъ и начальниковъ) были явленіемъ распространеннымъ въ Европѣ. Причины ссоръ, дракъ и мятежей извѣстны (Арт. Воин. вып. 2). Съ подобными, крайне опасными преступленіями въ военномъ быту, велась борьба упорная и продолжительная. Въ иностранныхъ военныхъ артикулахъ, подъ страхомъ смерти, воспрещались тайныя и неразрѣшенныя сходки, коллективныя жалобы, потому что сходки служили средствомъ для возбужденія смятенія. Въ дракахъ даже призывъ на помощь другихъ людей облагался смертію, потому что и повальныя драки иногда вели къ мятежу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ иностранныхъ законахъ выработаны были правила и наставленія объ обращеніи начальниковъ и офицеровъ съ нижними чинами, о взаимныхъ отношеніяхъ солдатъ между собою и съ жителями. Установленъ былъ порядокъ обжалованія личныхъ обидъ нижними чинами. Личныя обиды словомъ и дѣйствіемъ получили весьма обстоятельную регламентацію въ законахъ о ссорахъ, дракахъ и

---

[160]) Эти обстоятельства предшествовали стрѣлецкому бунту въ маѣ 1682 г., описанному нами въ главѣ IV о «всякой солдатской работѣ *Арт. Вои*. вып. 2, стр. 228 и слѣд., цит. 291. См. также *Соловьева*, XIII, стр. 341 и слѣд., цит. 233, 234, 237, 239. Особенно важно свидѣтельство датскаго резидента *Розенбуща*, «Relation der Traurigen Tragedy» въ приложеніяхъ къ исторіи Петра Великаго, *Устряновъ*, т. I, стр. 22—24, 45, приложеніе VI. Также въ соч. *Поссельта* «Der General und Admiral Lefort. Erst. Band, S 322.

поединкахъ. Но ни въ Соборномъ Уложеніи, ни въ другихъ спеціальныхъ русскихъ законахъ (*наказахъ и памятяхъ* для воеводъ: для стрѣлецкихъ полковъ и полковниковъ войскъ иноземнаго строя) ничего подобнаго не встрѣчаемъ, несмотря на то. что волненія и бунты случались давно въ войскахъ иноземнаго строя.

Организація стариннаго стрѣлецкаго войска исключала самое пламенное желаніе Петра I и его ближайшихъ сотрудниковъ къ водворенію дисциплины и воинскаго порядка. Только къ новоустроенному, по образцу регулярныхъ полковъ, національному русскому войску можно было привить прочныя начала внутренняго благоустройства, сообразуясь съ постановленіями, существовавшими на Западѣ.

Первоначальныя постановленія Петра I, относительно личныхъ обидъ, и о наказаніяхъ за оскорбленіе чести.

За многіе годы до появленія Устава Воинскаго 1716 г. встрѣчаемъ памятники, въ которыхъ имѣются заимствованные отъ иностранцевъ законы, опредѣляющіе бытовыя стороны вновь устроенной регулярной арміи въ Россіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаемъ ограниченіе или отмѣну иска за «безчестье» въ войскахъ.

Новоустроенное регулярное войско немыслимо было оставить при старыхъ законахъ о безчестьи. Для Петра I солдатъ былъ такимъ же слугою отечества, какимъ былъ офицеръ, будь онъ сыномъ боярскимъ, или иноземцемъ. Стремленіе Государя Преобразователя поднять личность солдата вытекаетъ изъ существа всѣхъ его военныхъ законовъ и собственноручныхъ инструкцій. Съ самаго начала организаціи регулярной пѣхоты видна заботливость Царя объ установленіи внутренняго порядка на началахъ субординаціи.

Остановимся на постановленіяхъ, относящихся къ настоящему вопросу, по извѣстнымъ намъ памятникамъ, предшествовавшимъ появленію Артикула Воинскаго въ 1715 г. и Устава Воинскаго въ 1716 г.

Въ рукописномъ *уставѣ А. Вейде* 1698 г., между прочимъ, находимъ такое общее правило о поведеніи нижнихъ чиновъ на квартирахъ: *В.* «Отъ пьянства и отъ зерни и отъ гульбы удержаться. Также поставленные на стоялыхъ дворахъ, чтобы жили смирно, и

хозяевамъ *озорничества* и *обидъ* не чинили. А если имъ отъ хозяевъ будетъ *какая обида* и имъ, солдатамъ, сказывать о томъ капраламъ своимъ, а капралу о томъ извѣщать сержантомъ, а сержанту о томъ сказывать капитану, а капитану о томъ доносить полковнику. А если кто учинитъ *собою обиду* хозяевамъ и тѣмъ людемъ учинено будетъ *жестокое наказаніе по винѣ смотря*. А за пьянство, и за зернь, и за гульбу будетъ жестокое наказаніе. и отъ полку будетъ отставленъ» [161]). Въ этомъ первоначальномъ извѣстномъ намъ дисциплинарномъ уставѣ намѣчены также обязанности нижнихъ чиновъ на службѣ и въ строю, права и обязанности капитана. Намѣчены, но еще не обработаны. Имѣлись довольно полныя наставленія для руководства поведеніемъ солдатъ и опредѣленія объ отношеніяхъ солдатъ другъ къ другу и къ начальникамъ. Такъ, были извѣстны правила или статьи съ указами Петра *о неподачѣ жалобъ высшему начальству мимо ротныхъ командировъ, о наказаніяхъ за личныя обиды и о запрещеніи въ войскахъ сходокъ въ круги и соединительные совѣты.* Эти правила находимъ въ рукописныхъ сборникахъ, хранящихся въ древнемъ Румянцевскомъ музеѣ и въ Императорской публичной библіотекѣ [162]).

Въ другомъ памятникѣ—«Уложенномъ Артикулѣ» заключается слѣдующее краткое постановленіе о *личныхъ обидахъ*: «Егда начальный человѣкъ или солдатъ, равностно себѣ солдата или не солдата, невѣжливыми бранными и чести тронутыми словами тронетъ и тотъ станетъ бить челомъ, и тому отвѣтчику подобно изобижен-

---

[161]) Мое изслѣдованіе: «Вейде, Адамъ Адамовичъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра Великаго, и его военный уставъ 1698 г.» Казань, 1887 г. стр. 18 и 19.

[162]) Соединительные круги или сходки солдатъ запрещены послѣ перваго стрѣлецкаго бунта. Правила о принятіи жалобъ за личныя обиды, какъ и многое другое, относящееся до внутренняго порядка въ войскахъ, могли быть разработаны Гордономъ и Лефортомъ для двухъ выборныхъ солдатскихъ, а равно для Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Изъ біографіи Лефорта (Поссельта) видно, что онъ по *цѣлымъ днямъ*, нерѣдко запершись съ царемъ, работалъ надъ составленіемъ разныхъ правилъ. На редакціи нѣкоторыхъ правилъ первоначальныхъ замѣтно перо иностранца, плохо владѣвшаго русскимъ языкомъ. Поэтому мы думаемъ, что нѣкоторыя постановленія, относимыя къ началу XVIII столѣтія, могли быть уже составлены до начала организаціи регулярной пѣхоты въ 1699 году.

ному, по обстоянію вреда, принуждену (быть) кому денежною виною повиннитца, тотъ *реченіемъ прощается* (т. е. проситъ прощенія) *и сверхъ того пойманіемъ* (арестомъ) *и безчестнымъ* (вѣроятно тѣлеснымъ) *наказаніемъ отъ полку или роты наказанъ быть* (наказывается)» [163]).

Итакъ, солдатамъ внушается быть вѣжливыми въ отношеніяхъ между собою и не употреблять словъ оскорбительныхъ для чести товарища. Обидчикъ долженъ просить прощенія и, сверхъ того, подвергается исправительному наказанію. Постановленіе это очень важно. Оно требуетъ, чтобы обиженный отказался отъ своихъ словъ, испросилъ у обиженнаго прощенія. Денежное безчестье уже теряетъ свое самостоятельное значеніе, становится элементомъ второстепеннымъ, или замѣняется другимъ наказаніемъ. Законодатель даетъ понять, что честь солдата—благо, неудобоцѣнимое на деньги, что оскорбленный можетъ быть удовлетворенъ признаніемъ своей вины и отказомъ отъ самоуправства. Исправительныя наказанія и испрошеніе прощеніе у обиженнаго болѣе надежны, чѣмъ расплата деньгами, которая развиваетъ пустое сутяжничество. Нужно припомнить, что въ русской арміи при Петрѣ I служили солдатами и дворяне.

Въ самомъ началѣ устройства регулярной арміи въ 1700 г. Петръ I рѣшился ограничить иски за безчестье по Соборному Уложенію. Жалобы о безчестьи оскорбительными словами, странными, часто нелѣпыми, становились просто смѣшными, и разбирательство этихъ жалобъ только по пустякамъ занимало не только судей и приказныхъ, но даже самого государя. Путивльскій воевода Алымовъ подалъ жалобу, въ которой объяснялъ, что истецъ его Григорій Батуринъ, въ приказной избѣ, на допросѣ по дѣлу сказалъ ему, Алымову, что онъ смотритъ на него «звѣрообразно». Въ челобитьи Алымовъ присовокупляетъ: «И тѣмъ онъ меня, холопа твоего, обезчестилъ»; далѣе ссылается на Уложеніе и проситъ доправить на Батуринѣ безчестье. Но Петръ не обратилъ вниманія на Уложеніе. Вмѣсто доправы безчестья онъ велѣлъ за *недѣльное челобитье* доправить на самомъ воеводѣ

[163]) Сборникъ *Кожевникова* въ Румянцевскомъ музеѣ, по описанію А. Востокова № 13.

10 рублей пени и приказалъ раздать эти деньги на милостыню въ богадѣльни, нищимъ [164]).

Вслѣдъ за симъ, въ указѣ 4 мая 1700 г. Петръ I выставилъ смѣшные и нелѣпые поводы къ искамъ за личныя обиды съ требованіемъ уплаты денегъ за безчестье. Основою этого интереснаго указа служатъ слѣдующія выраженія и слова, выписанныя изъ челобитныхъ въ судномъ Московскомъ приказѣ: «вольно тебѣ лаять», «шпынокъ турецкой», «изъ-подъ бочки тебя тащили», «не Воротынскій-де ты лаешь», «робенокъ», «сынишко боярскій», «мартынушко мартышка», «черти тебѣ сказываютъ», «трусъ», «отецъ твой лаптемъ шти хлѣбалъ», «отецъ твой лапотникъ, сулилъ сыромятную кожу и яловичьи сапоги», «разоренье-де мнѣ отъ тебя», «мучилъ-де ты меня», и т. п.

Петру I, пожившему долго въ Голландіи, ознакомившемуся съ порядкомъ иной расправы въ войскахъ за личныя обиды и оскорбленія чести, не могли не казаться безплодными занятія правительственныхъ установленій разборомъ челобитій, основанныхъ въ сущности на придиркахъ не только къ словамъ, не имѣющимъ смысла, но даже и ко взгляду, который почему-либо могъ казаться оскорбительнымъ для чести. Съ того времени въ постановленіяхъ для войскъ и флота повѣяло новымъ духомъ: въ военныхъ и морскихъ законахъ взоръ Петра I постоянно обращенъ на ближайшіе поводы къ безпорядкамъ и смутамъ, которые повели къ бунту въ стрѣлецкихъ войскахъ, и онъ ищетъ способы для предупрежденія подобныхъ несчастій. Драгунамъ и солдатамъ, а равно и матросамъ, разрѣшается *приносить жалобы* на личныя обиды и притѣсненія (налоги), но не иначе, какъ *по начальству* сперва капитану, а затѣмъ, если жалоба останется безъ удовлетворенія, то нижній чинъ можетъ обжаловать своего офицера полковнику; солдатъ можетъ жаловаться и на полковника высшему начальству, если ближайшій начальникъ оставитъ его просьбу безъ удовлетворенія; но каждый обязанъ приносить жалобу по командѣ и только за себя лично: «тѣ бы писали и подавали челобитные всякой своимъ именемъ о своей обидѣ, а не отъ всего полку». Жаловаться

---

[164]) *Забѣлинъ*, I, стр. 262, цит. 2 дворц. разр., т. IV, 1132, 1136. Деньги эти розданы по богадѣльнямъ. по 4 деньги человѣку — на 291 челов. и по 2 деньги—на 92 челов.

за другихъ, или упоминать въ своей челобитной о разныхъ обидахъ на другихъ, воспрещено. Драгунамъ и солдатамъ воспрещается также собираться тайно или явно въ круги или сходки, или составлять «соединительные совѣты» для составленія челобитной, ибо это равносильно бунту: «А буде въ которыхъ полкахъ солдаты учнутъ между собою въ круги о чемъ совѣтовать, и кто увѣдавъ извѣститъ, и про то розыскивать, и по розыску, за круги и за соединительныя совѣты, или кто челобитныя станетъ писать и подавать о одной обиде многіе, хотя и о правомъ дѣлѣ, тѣмъ учинена будетъ безъ всякаго милосердія смертная казнь. А извѣтчику дано будетъ его, великаго государя, жалованье: изъ нижнихъ будетъ повышенъ чиномъ [165]).

Постановленія о личныхъ обидахъ получили болѣе обстоятельное, въ юридическомъ смыслѣ, развитіе, въ «Уложеніи или правѣ воинскаго поведенія» 1702 года, составленномъ по соображенію съ датскимъ воённымъ артикуломъ Христіана V 1683 г. [166]).

Относящіяся къ личнымъ обидамъ статьи военнаго уложенія: *8, 59, 60, 61, 62, 64, 66, 69*, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) воинскіе люди (служители) всякаго вѣроисповѣданія и какой бы то ни было народности, должны жить между собою въ христіанской любви, «другъ друга ни словами, ни дѣломъ безчестія не чинити, и противъ непріятеля за одно поступати» (ст. 8, art. 14). 2) Начальнымъ людямъ и солдатамъ «весьма воздержи-

---

[165]) Подлинный текстъ по рукописи, хранящейся въ Румяцевскомъ музеѣ, напечатанъ у *Розенгейма*: «Очеркъ истор. о судныхъ учрежден. въ Россіи до кончины Петра Великаго». С.-П.-Б. 1878 г., прилож. XII, стр. 354.—Въ своемъ «Описаніи рукописей Румян. музея», 1842 г., А. Востоковъ полагаетъ, что наставленіе «*О порядкѣ принесенія жалобъ нижними чинами и о запрещеніи сходокъ*» составляетъ часть указа Петра Великаго полковнику Ивана Петр. Бауру (т.-е. въ 1706 г. или позже). Можетъ быть, это и такъ, но несомнѣнно, что правило такое существовало уже при началѣ формированія регулярныхъ полковъ въ 1699 — 1700 г., когда Петръ I ознакомился на практикѣ съ подобными порядками въ Европѣ. Круги-же или соединительные совѣты запрещены были еще въ правленіе Софіи, слѣдовательно положеніе Востокова не имѣетъ большого значенія.

[166]) Corp. Jur. Mil. Novis. II, Christ. V Kön. v. Dännem. Art. Br. art. 14, 26, 27, 29, 30, 33. Ср. «Улож. или право воинск. поведенія» ст. 8, 59, 60, 61, 62, 63 и 65. См. мое изслѣдованіе: «Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ», изд. 1887 г., стр. 22, 23 и слѣд., цит. 17, 18, 19.

ваться» отъ чести нарушительныхъ и бранныхъ словесъ и безчестіевъ. 3) За оскорбленіе словомъ виновные, по опредѣленію суда (воинскаго), въ который они приносятъ жалобу, обязаны *испросить христіанское прощеніе*, а если его не получатъ, то подвергаются *заключенію* въ *желѣза*, или наказываются по усмотрѣнію суда (ст. 59 art. 26)[167]. Всѣ ссоры и драки, если не послѣдовало добровольнаго примиренія, разрѣшаются въ воинскомъ судѣ или начальникомъ (ст. 60, art. 27). 4) Кто обнажитъ оружіе или нападетъ на другаго (за исключеніемъ случаевъ, когда начальникъ долженъ «унимать» подчиненныхъ). тотъ подвергается *жестокому наказанію на тѣлѣ* (ст. 61, art. 28). 5) Кто въ строю рукою ударитъ—солдатъ солдата, или начальникъ начальника—тотъ наказывается: солдатъ—*по усмотрѣнію своего офицера*, начальникъ—*по опредѣленію воинскаго суда*; кромѣ того оскорбленный даетъ *пощечину оскорбителю* при тѣхъ-же людяхъ, при которыхъ самъ былъ обиженъ (ст. 62, art. 28). 6) На квартирахъ въ городахъ и селахъ за оскорбленіе («никакимъ безчестіемъ досадительно») поселянина или поселянки виновные подвергаются *смертной казни* или *жестокому наказанію*, «по винѣ смотря»; дѣло это разсматривается въ судѣ (ст. 63, art. 30)[168]. 7) Когда послѣ примиренія кто-либо нападетъ на того, съ кѣмъ поссорился, и послѣдній ранитъ или

---

[167]) Вмѣсто наказанія «по усмотрѣнію суда» въ подлинникѣ «постыдное изгнаніе изъ полка»—«mit schimpflicher Vorweisung vom Regiment». C. J. M. Nov, II, art. 26, стр. 271. Кромѣ того въ ст. 59 «Воен. улож.» за брань измѣнникомъ, или трусомъ, или другимъ вредительнымъ словомъ (напр. воромъ), когда обезчещенный окажется, дѣйствительно, виновнымъ въ такомъ преступленіи. обидчикъ *за недонесеніе* подвергается тому-же наказанію, которому подлежитъ совершившій оное.

[168]) Воен. уложеніе въ ст. 63 значительно съуживаетъ опредѣлительную часть датскаго подлинника (art. 30) и допускаетъ возможность избѣгать наказанія посредствомъ рѣшенія дѣла судомъ. У датчанъ объектомъ обиды можетъ быть: «солдатъ, горожанинъ, крестьянинъ, его жена, дѣти и прислуга (Gesinde); «дѣяніе можетъ быть совершено въ полѣ, гарнизонѣ или собственномъ жилищѣ»; въ 30-мъ артикулѣ предусмотрѣна не одна только обида дѣйствіемъ, оскорбленіе ударомъ палкою или другимъ предметомъ, но и насиліе: «gewalthätiger uebertһatt und beschimpffet». Категоричность постановленія 30-го датскаго военнаго артикула по редакціи ст. 63 военнаго уложенія изчезаетъ, а это должно вести къ произволу. Очевидно, что въ выраженіи «досадительное безчестіе», нужно понимать нѣчто большее, чѣмъ личная обида дѣйствіемъ.

убьетъ нападающаго, то содѣянное не вмѣняется въ вину (ст. 66, art. 33). 8) Кто въ ссорѣ ножемъ: «воровскимъ оружіемъ», нанесетъ рану, тому ножъ *сквозь руку пробить межи перстовъ и* по указу паки самому прорывать (ст. 57, art. 24). 9) Никто, отъ высшаго до нижняго чина, не долженъ выходить и вызывать на *поединокъ*, подъ угрозою жестокаго наказанія, убившій на поединкѣ, по розыску, *подвергается смертной казни.* 10) Въ случаѣ оскорбленія словомъ или дѣйствіемъ всякому дано право приносить жалобу полковнику или другому своему начальнику и просить суда по ст. 39, но самому не расправляться (ст. 69, art. 35) [169]).

Намъ уже извѣстно изъ предыдущихъ указаній (Арт. Воин. вып. 2-й), что редакція военнаго уложенія 1702 г. часто не согласуется съ текстомъ датскаго военнаго артикула. Но оно проникнуто духомъ своего оригинала. Въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ *военное* уложеніе категорично отказалось отъ системы челобитій по Соборному Уложенію, установило порядокъ обжалованія по начальству и денежную пеню замѣняетъ исправительнымъ или уголовнымъ наказаніемъ. Военное уложеніе до такой степени рабски подчинено датскому военному артикулу, что обиженному предоставляетъ право, посредствомъ сдачи пощечины, возстановлять свою нарушенную честь! Принципъ тальона сохраненъ и при нанесеніи раны ножомъ, какъ было и въ Литовскомъ Статутѣ (буквально). Дѣла о личныхъ обидахъ рѣшаются или властью начальника, или по усмотрѣнію суда; но какъ три этомъ разграничивалась подсудность, изъ военнаго уложенія не видно. Неизвѣстно также, въ чемъ состояло «досадительное безчестье», за которое по ст. 63 опредѣляется смертная казнь; очевидно, здѣсь предположена не какая-либо обида дѣйствіемъ (ударъ палкою или чѣмъ-либо), но насиліе. Въ военномъ уложеніи встрѣчаемъ два особыя самостоятельныя преступленія—*нанесеніе удара ножомъ* «яко тайнымъ воровскомъ оружіемъ» и *поединокъ*; о послѣднемъ въ Соборномъ Уложеніи и новоуказныхъ статьяхъ не упоминается. Но вліяніе датскаго военнаго закона всего болѣе мы видимъ въ новыхъ карательныхъ мѣрахъ; таковы: *христіанское прощеніе, пощечина публичная*, какъ воздаяніе зломъ за зло (lex talioni), независимо отъ понесеннаго на-

---

[169]) *Ст. 39*, на которую дѣлается ссылка, не имѣется въ рукописи, изданной Розенгеймомъ.

казанія по суду, *прободеніе руки съ прорваніемъ тѣмъ-же ножомъ*, какимъ нанесена рана, и *наказаніе шпицрутенами*. Подъ выраженіемъ „*жестокое наказаніе на тѣлѣ*" слѣдуетъ понимать наказанія *изувѣчивающія*, бывшія у насъ въ большомъ употребленіи въ XVII столѣтія, каковы «отсѣченіе руки, пальцевъ, отсѣченіе ноги и проч., или же *болѣзненныя* — кнутомъ, батогами и, можетъ быть, шпицрутенами. О томъ, что шпицрутены назначались за нѣкоторыя преступленія низшимъ чинамъ, видно изъ «улож. или права воин. повед. 1702 г.». Такъ, въ ст. 12, за отказъ отъ работъ или своей должности солдатъ подвергается наказанію *шпицрутенами*, *или кнутомъ*.

Итакъ, въ *первые-же годы* Сѣверной войны русская армія должна была подчиниться новымъ законамъ за личныя обиды, при чемъ законодатель обращаетъ особенное вниманіе на оскорбленіе подчиненныхъ со стороны лицъ, имѣющихъ дисциплинарную власть. Законодатель уже не ограничивается запрещеніемъ поединка, какъ было въ наказахъ и полицейскихъ инструкціяхъ для иноземцевъ. Поединками считались у насъ иноземцы; теперь они облагались смертною казнію, какъ во всѣхъ государствахъ Европы. Ранѣе, въ началѣ XVII стол., смертная казнь назначалась не за вызовъ, а за нанесеніе раны или убійство на поединкѣ. Въ регулярной арміи Петра иноземныхъ офицеровъ, со включеніемъ остзейскихъ нѣмцевъ, служило числю не малое, особенно въ высшихъ чинахъ и въ драгунахъ.

Вышеизложенное о личныхъ обидахъ по военному уложенію прямо показываетъ, что Петръ Великій стремился привить въ войскахъ совершенно другія начала. Но *обида* оставалась еще понятіемъ неопредѣленнымъ, растяжимымъ; съ понятіемъ о личной обидѣ соединялось посягательство на различныя блага, какъ матеріальныя, такъ и не матеріальныя; тутъ затрогивалась не одна только честь въ ея объективномъ значеніи. Понятіе о личной обидѣ еще не было спеціализировано; оно смѣшивалось съ насиліемъ на тѣлесную неприкосновенность. Законодатель видимо, былъ озабоченъ преслѣдованіемъ самоуправства, но помимо рѣшенія суда или дисциплинарною властью начальника не признавалъ права на самовольную расправу съ обидчикомъ.

Этотъ принципъ знало и Соборное Уложеніе, но оно не съ такою энергіею, какъ законы Петра, гарантируетъ подчиненнаго.

Оно не имѣетъ понятія о дисциплинѣ, какъ охранѣ службы государственной.

Вь «Артикулѣ Краткомъ» барона Гюйсена [170]), который въ 1705—1706 году составленъ для драгунъ и согласно рукописи Румянцев. музея, названъ артикуломъ Меншикова, во II главѣ «о наказаніи простыхъ прегѣршеній» находимъ восемь статей подъ рядъ (6—13), которыя касаются личныхъ обидъ и оскорбленій чести; но редакція этихъ постановленій крайне туманна, нѣкоторыя статьи изложены даже такъ непонятно [171]), что трудно добиться смысла, не обращаясь къ другимъ, подобнымъ же законамъ иностраннымъ. Между тѣмъ неопредѣленность санкціи легко могла допускать полный произволъ въ военныхъ судахъ, составленныхъ изъ офицеровъ, совершнню невѣжественныхъ въ дѣлѣ правосудія.

Остановимся на ст. 7, 8, 9, въ которыхъ яснѣе выражено намѣреніе законодателя:

Поединки наказываются смертью «хотя кто (т.-е. никто) не раненъ будетъ или живот не потеряетъ. Понеже симъ, преступая противъ Его Величества своего Государя, которому каждый свое дѣло разсудить отдаетъ и на службѣ его ся отдати долженъ» (*ст. 7*).

Вліяніе иностранныхъ законовъ о поединкахъ и ссорахъ, очевидно, сталкивается съ обычаями и нравами, глубоко укоренившимися въ русскомъ народѣ: ссоры и драки, которые иногда оканчивались убійствомъ, часто случались на пирушкахъ въ пьянствѣ. И слѣдующая статья 8 за убійство въ безпамятствѣ *(безъ опамятства)*, «поспѣшеніемъ въ пьянствѣ» мѣру наказанія зачинщику (?) опредѣляетъ по состоянію виновнаго; *рядовому*—«бѣжать сквозь

[170]) Мой трудъ: «Военные законы Петра Великаго въ рукоп. и первоп. изд.», стр. 25 и слѣд., здѣсь объяснено, что Артикулъ Краткій составленъ первоначально на нѣмецкомъ языкѣ барономъ Гюйсеномъ и обнародованъ въ Германіи подъ заглавіемъ «Mockowitisches Kriegs-Reglement» въ 1706 г.; но еще ранѣе, въ 1705 г. онъ былъ переведенъ на русскій языкъ, отпечатанъ въ Москвѣ церковно-славянскимъ шрифтомъ и опубликованъ для народа. См. цит. 20, 21, 22, 23.

[171]) Напримѣръ, *ст. 12* «Кто же похочетъ кого обругать или смѣятся и оный свое терпѣнье не право (?); челобитьемъ къ высшему донесетъ, то съ челобитчикомъ въ равной винѣ и въ наказаніи будетъ» или *ст. 10*: «А офицерамъ въ ротной кондиціи не право состоящее въ словахъ (?), по тягости (?) заслуживать или отпускъ (?) по обрѣтеніи возъимѣютъ; напередъ у обиженнаго просить» (?).

строй», т.-е. наказать его прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами, *унтеръ-офицера*—«къ полу приковать и паки дослуживать», вѣроятно, заковывать въ желѣза и лишать унтеръ-офицерскаго званія; а *высшему офицеру*—«со всѣмъ жалованьемъ (?) безъ абшиду отказать». Нельзя не обратить вниманія на крайнюю снисходительность «Краткаго Артикула» къ убійцамъ-пьяницамъ!.. Но далѣе: «А буде кто изъ русаковъ (предполагается въ горячности и, вѣроятно, на пирушкахъ) осмѣлится ножами рѣзаться, *тому руку на цѣлый часъ пригвоздить къ висѣлицѣ и его потомъ прогнать*». Изъ существа редакціи ст. 8, выписанной нами цѣликомъ, можно заключить, что почтенный баронъ Гюйсенъ первую часть ея назначалъ для иностранцевъ, а вторую для русскихъ — «русаковъ».

Статья 9 такъ изложена: «Кто смрадными (sic) и особливо злобственными словами, которые у русаковъ гораздо суть въ употребленіи, своего подобнаго будетъ бранить, то бы онаго (т. е. у онаго) явно просилъ прощенія, а рядовыхъ, по розысканіи худости таково неправа, въ строю бѣжать (т.-е. прогнать сквозь строй шпицрутенами). Неправо—хотя при немъ, или заглаза обидящаго, учинено будетъ». И здѣсь существенная разница въ мѣрѣ наказанія по отношенію къ субъекту; притомъ въ вину вмѣняется и обида заочная «за глаза обидящаго».

Необходимо знать, что составитель, баронъ Гюйсенъ, пользовался особеннымъ покровительствомъ Меньшикова, по порученію котораго онъ и составлялъ артикулы для *драгунъ*, подвластныхъ князю Александру. Въ то время (1705—1706 гг.) почти всѣ командиры драгунскихъ полковъ и весьма значительная часть офицеровъ были иностранцами, преимущественно саксонцами. Это обстоятельство и принято во вниманіе въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ. Какъ видно, люди русскіе, въ горячности, имѣли привычку рѣзаться ножами и ругаться «смрадными» словами. Не трудно понять, что «смрадныя слова» суть матерныя и другія грубыя, обидныя для чести выраженія. Объ искорененіи этого обычая въ народѣ давно хлопотала церковь, но безупѣшно. Теперь за искорененіе дурныхъ обычаевъ взялось государство. Употребленіемъ дурныхъ словъ русскіе люди не стѣснялись, и это всегда удивляло иностранцевъ. Далѣе, подгулявшій на пирушкѣ иностранецъ за убійство отдѣлывался исключеніемъ изъ службы, а пьяному «русаку» за нанесеніе раны (правда ножомъ) опредѣлялось изувѣчи-

вающее наказаніе, а затѣмъ *исключеніе* (?). Тутъ даже странное противорѣчіе, ибо убійца на пиру (т. е. въ пьяномъ состояніи) могъ избѣжать наказанія. Въ прежнихъ русскихъ законахъ не встрѣчаемъ исключенія изъ службы, но была *ссылка*, которая въ XVII столѣтіи, въ Московскомъ государствѣ практиковалась въ обширныхъ размѣрахъ, особенно во второй половинѣ. Напротивъ, на западѣ изгнаніе изъ войска, или изгнаніе изъ страны, за личныя оскорбленія, даже въ XVII столѣтіи примѣнялось въ обширныхъ размѣрахъ [172]).

Но уже во второй половинѣ XVII столѣтіе изгнаніе, особенно въ регулярныхъ войскахъ, въ Европѣ замѣнялось галерными работами или ссылками на галеры, въ крѣпости. Точно также и у насъ, при Петрѣ I, ссылку въ разные города замѣнили работы на галерахъ или каторгахъ, или же въ крѣпостяхъ, какъ и всегда на Западѣ.

Итакъ, за многіе годы до изданія Артикула Воинскаго въ русскихъ войскахъ уже опредѣлены были взаимныя отношенія воинскихъ чиновъ между собою, принимались иныя мѣры и входили въ судебную практику другія наказанія для преслѣдованія личныхъ обидъ словомъ и дѣйствіемъ, особенно же самовольной расправы посредствомъ грубыхъ насилій. Нижнимъ чинамъ и офицерамъ указаны легальные способы для обжалованія оскорбительныхъ для чести дѣйствій, вообще «обидъ» со стороны офицеровъ и начальниковъ. Такія постановленія, несмотря на недостатки въ частностяхъ, при извѣстныхъ предѣлахъ дисциплинарной власти начальника, частью опредѣленныхъ собственноручными инструкціями Петра I, частью выработанныхъ практикою постоянной и тяжкой войны, могли служить уже достаточнымъ средствомъ для нравственнаго подъема солдатъ и офицеровъ. Дѣйствительно, въ русской арміи, одержавшей величайшую побѣду подъ Полтавою, понятіе о чести стояло на весьма высокой степени: невозможно и сравнить солдатъ полтавскаго періода съ солдатами азовскихъ походовъ. Сутяжничество и ябедничество, столь распространенныя въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ даже въ высшихъ слояхъ общества, должно

---

[172]) Значеніе ссылки, какъ самостоятельнаго наказанія, обстоятельно выяснено въ изслѣдованіи *Н. Д. Сергѣевскаго*: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка», гл. IV: область примѣненія ссылки и цѣли ея.

было ослабѣть въ войскѣ. При установившихся новыхъ, болѣе разумныхъ дисциплинарныхъ отношеніяхъ, хотя эти отношенія зачастую поддерживались палкою, нѣтъ мѣста челобитью, гдѣ обиженный домогается присужденія нѣсколькихъ рублей за полученную пощечину, за вырванный клокъ волосъ изъ бороды; незначительная обида наказывается скоро военнымъ начальникомъ. Обруганный, обиженный словомъ, зная, что за понесенное оскорбленіе онъ не получитъ денегъ отъ обидчика, начинаетъ взвѣшивать собственные поступки и, зная, что соперникъ по его жалобѣ подвергнется болѣе или менѣе тяжкому тѣлесному наказанію, становится болѣе сдержаннымъ, болѣе осмотрительнымъ въ собственныхъ поступкахъ. Самое постоянство службы, перенесеніе общихъ трудовъ, раздѣленіе одинаковой опасности въ виду непріятеля способствовали упроченію товарищескихъ, братскихъ отношеній другъ къ другу какъ у солдатъ, такъ и у офицеровъ, и развитію понятій о чести, основанному на взаимномъ уваженіи, даже болѣе—на признаніи личныхъ достоинствъ, на взаимной любви. Въ воинскій бытъ арміи Петра I впервые проникли педагогическія начала, которыя лучше всякихъ каръ, предписываемыхъ законами, пріучаютъ людей къ самообладанію и развиваютъ самопознаніе.

Честь и достоинство каждаго воина, каждаго солдата въ регулярной арміи Петра выростали вмѣстѣ съ подъемомъ величія своего вѣнценоснаго предводителя.

Личныя обиды и наказанія за оскорбленіе чести въ патентѣ о поединкахъ и артикулѣ воинскомъ.

Петръ Великій, посредствомъ регулярной арміи, стремился къ перевоспитанію своего народа. Мысль эта не была новою: до него лучшіе изъ монарховъ въ Европѣ задавались именно такою задачею. Мы не знаемъ другой арміи, которая по своему нравственному уровню и воспитанію въ духѣ чести стояла бы выше шведской, слѣпо повиновавшейся волѣ великаго полководца и одного изъ благороднѣйшихъ государей. Даже самодержавный Людовикъ XIV, съ подозрительною ревностью относившійся къ могущественному дворянству, всѣ средства Франціи напрягалъ къ поднятію нравственнаго значенія военнаго званія посредствомъ подчиненія

всѣхъ чиновъ безъ различія суровымъ законамъ дисциплины. Но онъ не умѣлъ достигнуть цѣли, потому что въ своемъ законодательствѣ поддерживалъ принципы мести и презрѣнія къ личности человѣка. Тутъ существенная разница съ идеями великаго протестантскаго полководца, самаго безукоризненнаго христіанина и истиннаго друга человѣчества — Густава-Адольфа. При началѣ учрежденія національныхъ регулярныхъ войскъ на армію смотрѣли какъ на школу, призванную къ перевоспитанію народа, который многіе годы страдалъ отъ обидъ, насилій и самоуправства наемныхъ полчищъ. Посредствомъ военныхъ законовъ старались привить къ солдату національныхъ постоянныхъ войскъ истины христіанской вѣры и правила нравственности, какъ главнаго источника дисциплины. Внушеніемъ страха Божія, нравственности и чести проникнуты преимущественно протестантскіе военные кодексы, во главѣ которыхъ стоятъ шведскіе законы Густава-Адольфа, а за ними слѣдуютъ законы Христіана V и Вильгельма Оранскаго, т.-е. датскій и голландскій военные артикулы. Шведскіе принципы усвоены были и бранденбургскимъ военнымъ законодательствомъ, но ненадолго. Въ концѣ XVII вѣка на бранденбургскихъ законахъ, какъ равно на датскихъ и шведскихъ, подражавшихъ французскому режиму, видимо отразилось вліяніе жестокихъ ордонансовъ и регламентовъ Людовика XIV. Съ одной стороны, съ крайнею местью преслѣдуются поединки и преступленія противъ чести въ войскахъ, особенно личныя обиды и оскорбленія подчиненными своихъ начальниковъ, вообще младшихъ старшими, свыше мѣры, съ другой стороны — въ этомъ отношеніи, по примѣру Густава-Адольфа, принимаются мѣры для огражденія подчиненныхъ отъ самоволія, притѣсненія и самоуправства начальниковъ (отъ офицера до полковника), которымъ законы иногда угрожаютъ лишеніемъ чиновъ и даже жизни за противозаконное обращеніе съ солдатами. Въ артикулахъ, какъ и въ ордонансахъ, солдатамъ и офицерамъ теперь, съ конца XVII стол., строго внушается жить между собою по-братски, въ дружескомъ согласіи и въ христіанской любви. «Имя солдатъ просто», говоритъ нашъ законодатель, и «содержитъ въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго мушкатера коннаго и пѣшаго». Но всѣ эти люди, составляющіе войско, живя другомъ съ другомъ въ согласіи, обязаны оказывать другъ другу *респектъ* «по

его достоинству и рангу»; подчиненные, повинуясь начальнику, обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ и почитать его [173]).

Честь, какъ благо, доступное каждому воину, составила основу новѣйшихъ *военныхъ законовъ*. Но независимо этой специальной, такъ сказать, точки зрѣнія Артикула Воинскаго на личность, въ немъ (глава XVII) и въ Патентѣ о поединкахъ, открывается передъ нами совершенно новая сторона, неизвѣстная прежнимъ русскимъ законамъ—сторона общечеловѣческая.

По теоріи военныхъ законодателей XVII ст. честь принадлежитъ каждому воину, какъ человѣку. «Обиженный, кто бы онъ ни былъ—солдатъ или офицеръ, долженъ объявить о своемъ оскорбленіи военному суду и въ немъ искать сатисфакціи» [174]). Рядомъ съ честью общечеловѣческою существуетъ честь государственная и сословная. Такъ слѣдуетъ понимать толкованіе законодателя въ артикулѣ о лишеніи чести: «никакое воздаяніе такъ людей не приведетъ къ добру, какъ любленіе чести, и никакая казнь такъ не стращаетъ, какъ лишеніе оной [175]). Признанный «безчестнымъ», «ошельмованный» изгонялся изъ войска.

Мы знаемъ, что Петръ I въ своихъ военныхъ законахъ стремился привить западно-европейскія идеи. Съ одной стороны, онъ организовалъ по западному образцу сословія, съ другой стороны— онъ старался привить къ дворянству и войску понятія о личной чести, основанной на внутреннемъ достоинствѣ личности, которая за личную обиду не можетъ уже довольствоваться вознагражденіемъ. Онъ вводитъ христіанское прощеніе и отозваніе или отказъ отъ оскорбительныхъ для чести словъ и облагаетъ личныя обиды тюремнымъ заключеніемъ или инымъ наказаніемъ, независимо денежныхъ вознагражденій.

Въ его военныхъ законахъ видимъ довольно подробное изъясненіе тѣхъ дѣйствій, которыя должно признать обидными для лица, т.-е. оскорбительными для чести въ абсолютномъ значеніи. Въ *Патентѣ о поединкахъ и начинаніи ссоръ* предусмотрѣны случаи (обида словомъ и дѣйствіемъ), въ которыхъ выражено *непосредственное* презрѣніе къ личности, явное, открытое неуваженіе

[173]) *Уставъ Воинскій*, о экзерциціи, ч. III: «Что есть солдатъ?»

[174]) *Уставъ Воинскій*, ч. I: «О должностяхъ: гл. XLIX — Патентъ о поединкахъ, ст. 1 и 2.

[175]) *Уставъ Морской*, кн. V, гл. XX, арт 141.

къ ея достоинству; въ главѣ XVIII Арт. Воинск. «*о поносительныхъ письмахъ*», разсматривается то же неуваженіе или презрѣніе къ личности, но выраженное уже въ формѣ уклончивой и коварной, посредствомъ клеветы или распространенія ругательныхъ или оскорбительныхъ для чести писемъ (пасквиль); наконецъ, глава XVII Арт. Воинск, «*о возмущеіи, бунтѣ и дракѣ*» содержитъ такія оскорбительныя дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть нанесеніе раны, увѣчья и даже смерти.

Во всѣхъ этихъ законахъ Петра I предусмотрѣны преступленія. направленныя прямо и непосредственно противъ чужой чести, и лишь косвенно въ нихъ затрогиваются тѣ матеріальныя и нравственныя блага, для охраненія которыхъ существовали самостоятельныя наказанія въ другихъ частяхъ Артикула Воинскаго.

Въ Патентѣ и въ Артикулѣ спеціализируется понятіе о личной обидѣ, какъ посягательствѣ на честь общечеловѣческую, въ двухъ главныхъ формахъ: въ формѣ *непосрдственнаго*, открытаго *посягательства* на честь лица (патентъ), и въ формѣ *заочнаго*, замаскированнаго *оскорбленія* (гл. XVIII) пасквилъ, клевета.

Законы Петра I о личныхъ обидахъ, *по свойству употребляемыхъ обидчикомъ средствъ*, дѣлятся на слѣдующіе виды. 1) обида словомъ, 2) обида на письмѣ, 3) обида дѣйствіемъ, 4) угроза, 5) клевета и 6) опасныя драки. Эти законы составлены по нидерландскому, шведскому и датскому военнымъ артикуламъ и по комментаріямъ на голландскіе, бранденбургскіе, старо-шведскіе и имперскіе нѣмецкіе военные артикулы, а именно: «патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ» (гл. 49, ч. I Уст. Воин.) составленъ по нидерландскому закону о поединкахъ Вильгельма Орынскаго [176]), глава XVII Арт. Воин. «о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ»,—по системѣ и тексту шведскаго и датскаго военныхъ

---

176) С. J. М. изд. 1709 г., ч. I, стр. 232—236. «Patent gegen das Duelliren und Händel aufangen». Въ 12 артикулахъ. Начинается воззваніемъ Вильгельма Генриха Оранскаго и проч. ко всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, состоящимъ на службѣ генеральныхъ штатовъ соединенныхъ Нидерландовъ, и напоминаніемъ о несоблюденіи предписаній о дуэляхъ въ уставахъ о военной дисциплинѣ и земскихъ плакатахъ, отъ чего происходятъ смертоубійства, роняется достоинсиво юстиціи и на страну распространяется гнѣвъ Божій. Данъ 31 марта 1584 г. въ Гаагѣ. Подписалъ C. H. Prinse d'Orange, скрѣпилъ по повелѣнію его Высочества C. Hugyens.

артикуловъ [177]), глава XVIII Арт. Воин. «о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ»—по комментаріямъ на нѣмецкіе законы—имперскіе и бранденбургскіе [178]. На этихъ законахъ Петра I, какъ и на всѣхъ оригиналахъ, служившихъ источниками, отразилось болѣе или менѣе вліяніе французскихъ идей, разошедшихся нѣсколько съ идеями о воинской чести Густава Адольфа.

Патентъ о поединкахъ распространяется на всѣхъ безъ исключенія военно-служащихъ, а равно на всякаго, кто будетъ находиться въ лагерѣ и гарнизонѣ. Всѣ лица, составляющія войско, должны пребывать въ любви, мирѣ и согласіи и оказывать должный респектъ каждому по его рангу и достоинству. Подчиненные за оскорбленіе начальниковъ наказываются по обстоятельствамъ дѣла на основаніи особыхъ артикуловъ [179]). За оскорбленіе чести

[177]) Въ шведскомъ военномъ артикулѣ Карла XI, гл. XV: «Von Unzulassigen Zusammenkünften, Mentereyen und Schlägereyen, art. 79—84, со ссылкою на плакатъ о дуэляхъ и бояхъ 22 августа 1682 г. C. J. M. Nov. II стр. 388, 389, 438—442. Въ датскомъ военномъ артикулѣ Христіана V. гл. III: «Vom Frevel, gemeinen Uebelthäten und Misshandlungen» нѣкоторые артикулы 25—36 и начало главы IV. «Vom Tumult, Aufruhr etc.» Кромѣ того имѣются въ виду комментаторы: голландскій Петръ Паппи, бранденбургскій Эбергардъ Гойеръ и шведскій Матвій Шварценъ. Не оставлены безъ вниманія и правоопредѣленія Густава Адольфа.

[178]) Трактатъ о личныхъ обидахъ неизвѣстнаго комментатора къ арт. 18 военнаго кодекса: «Käys. Ferdinand III und Leopold I. C. J. M. Nov. I. стр. 65—71. Слѣдуетъ имѣть въ виду также вышеупомянутые комментаріи и обновленный и усиленный *мандатъ* Саксонскій 2 іюля 1712 г. противъ личной чести, обидъ, нарушенія спокойствія и поединковъ, C. J. M. Nov. I, стр. 287—320. Припомнимъ, что въ этомъ комментаріѣ установлена классификація личныхъ обидъ: обида словомъ—легкая и тяжкая, обида дѣйствіемъ—легкая и тяжкая, обида на письмѣ, или заочная обида (пасквиль) и обида жестомъ, которая въ способѣ иска отличается отъ обиды словомъ. Искъ за обиду можетъ быть двоякій — въ порядкѣ гражданскомъ и въ порядкѣ уголовномъ, т.-е. принято въ основаніе римское право lege Cornelia de injuriis.

[179]) Объ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ подчиненнымъ своего начальника, рядовымъ унтеръ-офицера, нижними чинами вообще офицера, офицерами старшаго—сказано особо въ арт. 21, 22, 24, 25 и 26; подобнаго рода личныя обиды военные законодатели разсматриваютъ какъ прямое нарушеніе воинской дисциплины и чинопочитанія. См. мой трудъ: «Артикулъ Воинскій» вып. I, гл. III стр. 186 и слѣд. — Патентъ о поединкахъ и ссорахъ имѣетъ болѣе общую цѣль, не касаясь служебныхъ отношеній между начальниками и подчиненными.

въ ея общечеловѣческомъ значеніи военный судъ долженъ учинить сатисфакцію обиженному, соотвѣтственно причиненной ему обидѣ, и наказать обидчика по состоянію дѣла: *жестоко*, или *заключеніемъ*, *отставленіемъ отъ службы*, *вычетомъ изъ жалованья*, или *на тѣлѣ*.

Въ Патентѣ предусмотрѣны: *обиды браннымъ или тому подобнымъ словомъ*, *ударъ рукою*, *ударъ палкою*, *угрозы побоями* (въ глаза и заочно), *вызовъ на поединокъ* и *бой на поединкѣ*, съ тѣми или другими послѣдствіями. За обиду словомъ или дѣйствіемъ опредѣляется испрошеніе *прощенія* [180]), *болѣе или менѣе продолжительный арестъ*, *съ лишеніемъ на все время ареста жалованья*, и *изгнаніе* [181]).

Дѣла о личныхъ обидахъ должны быть оканчиваемы въ теченіе трехъ недѣль и никакъ не долѣе шести; судьи—именно президентъ и губернаторы, за всякій день промедленія, сверхъ шести недѣль, лишаются жалованья (за этимъ наблюдать фискаламъ). Штрафныя деньги опредѣлено обращать на госпитали (слѣдовательно не въ пользу обиженнаго). Обиженный, не донесшій объ учиненномъ ему оскорбленіи, подлежитъ тому наказанію, на какое заслуживаетъ обидчикъ: «*того для надлежитъ немедленно или бить челомъ или помириться* [182]).

---

[180]) Испрошеніе прощеніе, стоя на колѣнахъ передъ обиженнымъ, существовало во всѣхъ современныхъ европейскихъ законахъ и сопровождалось нѣкоторыми формальностями. Это такъ называемое «христіанское прощеніе».

[181]) Въ наказаніяхъ за обиду дѣйствіемъ, если не причинено раны или увѣчья, господствуетъ принципъ равнаго возмездія. Въ нидерландскомъ патентѣ о поединкахъ за обиду дѣйствіемъ не полагается денежнаго штрафа, но обидчикъ, кромѣ заключенія на одинъ или два года, могъ подвергнутся временному или вѣчному изгнанію. За угрозу опредѣляется такое же наказаніе, какъ и за самое дѣяніе, а въ русскомъ Патентѣ арестъ на 3 мѣсяца

[182]) Неопредѣленность русскаго текста объ отвѣтственности лицъ, которымъ ввѣряется разбирательство по дѣламъ чести, можно объяснить тѣмъ, что Патентъ переводили ранѣе организаціи Петромъ I военныхъ судовъ и учрежденія комендантовъ. Въ подлинномъ текстѣ сказано такъ: «So wird denen Richtern, als nemlich dem Praesidenten und Fiscal von dem Hohen Kriehs-Rath wie auch denen Gouverneurs und Commandeurs in denen Frontiers Platzen». Въ русскомъ текстѣ это мѣсто такъ предано: «того ради судьямъ: а именно президенту, такожъ и губернаторамъ». За медленность въ рѣшеніи дѣлъ въ нидерландскомъ патентѣ: лишеніе должности на три мѣсяца. Напечатанное курсивомъ — «того для и проч.» прибавка нашего законодателя.

Никакое оскорбленіе не можетъ умалить чести у обиженнаго. Офицерамъ, рядовымъ и всѣмъ прочимъ, «которые въ лагерѣ и крѣпостяхъ обрѣтаются», повелѣвается объявлять тотчасъ военному суду о происшедшихъ ссорахъ «словесныхъ или дѣйствительныхъ», въ ихъ присутствіи или инымъ какимъ-либо образомъ извѣстныхъ, подъ опасеніемъ наказанія, какимъ облагается обидчикъ «яко бы онъ самъ обидящій былъ» [183]).

Угроза за самовольную расправу съ обидчикомъ всего рельефнѣе выражена въ постановленіяхъ о поединкѣ, какъ дѣяніи безусловно воспрещаемомъ подъ опасеніемъ смерти.

Вызовъ другаго на поединокъ лишаетъ вызывателя права на сатисфикацію, и, кромѣ того, за вызовъ опредѣляется лишеніе чиновъ и достоинства, съ объявленіемъ «негоднымъ» (въ нидерландскомъ подлинникѣ: untüchtig), на имѣніе вызывателя налагается денежный штрафъ (какой—неизвѣстно), и, сверхъ того отписывается (т.-е. конфискуется) десятая, шестая или третья часть его имѣнія. Все это согласно съ духомъ обще-европейскаго военнаго права «о поединкахъ» съ незначительными лишь отступленіями отъ оригинала французскаго регламента. Такому-же наказанію, какъ и вызыватель, подвергаются: а) тотъ, кто отъ вызывателя принимаетъ цидулку или письменные вызовы (въ нидерландскомъ оригиналѣ: Botschaft, Billet oder Cartel); б) тотъ кто такую-же цидулку принесетъ вызванному; в) секунданты или посредники, обѣщавшіе присутствовать на поединкѣ; г) переносившіе вызывательныя письма и д) не донесшіе о предположенномъ, завѣдомо извѣстномъ, поединкѣ. А слуга, доставившій цидулку о вызовѣ, ему извѣстномъ, называется шпицрутенами.

Поединщики, которые явятся на мѣсто и обнажатъ другъ противъ друга шпаги, подвергаются смертной казни и конфискаціи имущества, хотя-бы никто не былъ раненъ или убитъ; такому же наказанію подвергаются секунданты или свидѣтели. Наказаніе поединщиковъ ограничивается «жестокимъ денежнымъ штрафомъ» по разсмотрѣнію воинскаго суда, ежели поединщики сами помирились на мѣстѣ поединка, хотя бы и обнажили оружіе [184]). Но если они

[183]) Постановленія о донесеніяхъ общи всѣмъ военнымъ законамъ того времени, и русскій текстъ буквально согласованъ съ нидерландскимъ.

[184]) Объ ограниченіи наказанія помирившимся поединщикамъ не упоминается въ нидерландскомъ патентѣ.

вступили въ бой, и въ томъ бою убиты и ранены будутъ, то какъ *живые, такъ и мертвые повѣшены да будутъ*[185]).

Всякая драка одинъ ли на одинъ, или съ извѣстнымъ числомъ секундантовъ, одинаковымъ или не одинаковымъ оружіемъ, не доведенная то свѣдѣнія суда, умышленно, для избѣжанія штрафа, почитается за поединокъ; наравнѣ съ поединками облагаются наказаніемъ и участники драки, «которые въ томъ найдутся[186]).

Поедирки наказываются одинаково, гдѣ бы ни случились, внѣ лагеря или крѣпости и въ иномъ государствѣ, и никто не можетъ отговориваться мѣстомъ для избѣжанія наказанія[187]). А чтобы всѣ знали и томъ, что предписано въ Патентѣ, таковой долженъ быть объявленъ повсюду—въ лагеряхъ, въ гарнизонахъ и во всѣхъ губерніяхъ и высланъ также каждому полковнику.

Русскій Патентъ о поединкахъ отличается отъ нидерландскаго маловажными отступленіями; между тѣмъ послѣдній составляетъ сжатое извлеченіе изъ регламента Людовика XIV, но однако съ ослабленіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ карательныхъ мѣръ. Мертвые въ Голландіи не преслѣдуется лишеніемъ христіанскаго погребенія, какъ во Франціи. По всѣмъ признакамъ русскій Патентъ о поединкахъ былъ обнародованъ въ началѣ Сѣверной войны, но не ранѣе организаціи военныхъ судовъ, въ 1705 или 1706 годахъ. Извѣстно теперь, что въ 1-ю часть Устава Воинскаго вошли весьма многія постановленія, которыми русскія войска руководствовались съ первыхъ лѣтъ этой войны.

Нельзя не обратить вниманія на то, что спеціальные законы о поединкахъ въ *западной* Европѣ, главнымъ образомъ, относились къ дворянству; въ этомъ высшемъ слоѣ въ началѣ XVIII вѣка установился и центръ тяжести понятій о чести; каждый дворянинъ

---

[185]) Въ оригиналѣ сказано такъ: въ случаѣ состоявшейся дуэли, когда кто либо изъ поединщиковъ будетъ убитъ или раненъ, то трупъ убитаго долженъ быть повѣшенъ на висѣлицѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ производится уголовный судъ, имѣнія убитаго конфискуются, а виновникъ, вызыватель или вызванный, наказывается лишеніемъ жизни и его имѣнія также конфискуются.

[186]) Въ ст. 10 нидерландскаго патента предполагается одинаковое оружіе «mit gleichen Waffen».

[187]) Нидерландскій законъ мѣсто поединка, облагаемаго наказаніемъ, ограничиваетъ только для солдатъ.

стремился защитить свою честь своими собственными силами и средствами и готовъ былъ отстаивать ее даже съ пожертвованіемъ своей собственной жизни. Это рыцарское понятіе о чести, какъ уже намъ извѣстно, вело къ самовольной расправѣ и самоуправству, и законодатели съ XVII ст. требовали подчиненія дворянъ въ дѣлахъ чести судебному разбирательству, облагая тяжкими наказаніями поединки, какъ опасную драку, во имя общаго блага и спокойствія въ государствѣ. Тотъ-же взглядъ на поединокъ усвоенъ и законодательствомъ Петра I, несмотря на явленіе совершенно противоположное въ быту русскаго дворянства XVII ст., а именно: на особенную склонность его къ судебному разбирательству въ дѣлахъ чести.

Переходимъ къ гл. XVII и XVIII Артикула Воинскаго.

Артикулы «о возмущеніи бунтѣ и дракѣ» распадаются на двѣ главныя части: въ первой части запрещаются сходки или собранія воинскихъ людей, возбужденіе къ бунту или возмущенію, равно какъ и общія ссоры и драки съ призывомъ на помощь *другихъ*, отчего могутъ произойти безпорядки и возмущенія. Эта часть (арт. 133—138) главы служитъ какъ бы отвѣтомъ Петра на сходбища стрѣльцовъ 1682 г., предшествовавшія майскому бунту. Главное вниманіе нашего законодателя здѣсь обращено на *зачинщиковъ* сходокъ «сходбищъ и собраній», *хотя для совѣтовъ какихъ-нибудь, хотя ни для зла или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать»* (собственноручная добавка Петра I), или на возбудителей бунта, словомъ, дѣломъ и письмомъ, непосредственно самими собою или черезъ посредство другихъ. Офицеры, давшіе поводъ къ сходкѣ или допустившіе сходку, наказываются *лишеніемъ чести, имѣнія* и *живота*, нижніе чины—зачинщики бунта—наказываются *повѣшеніемъ*, а подстрекатели къ бунту — *лишеніемъ живота и на тѣлѣ*. Вообще за возмущеніе опредѣляется висѣлица, и наказаніе виновныхъ должно слѣдовать немедленно на мѣстѣ преступленія, чтобъ не дать расшириться мятежу, ибо быстрота наказанія производитъ страхъ на другихъ. Наравнѣ съ зачинщиками, т.-е. висѣлицей, наказываются и призывающіе на помощь въ общей дракѣ, равно какъ и тѣ, которые оказывали эту помощь (арт. 138). Такой законъ имѣетъ общее историческое значеніе—остатокъ средневѣковой организаціи войскъ, ибо въ войскахъ

наемныхъ, въ случаѣ ссоры и драки, люди разныхъ національностей, которымъ приходилось плохо, обращались за помощью къ людямъ другой націи [188]).

Въ правильно организованной арміи, въ которой дисциплина не есть мертвая буква, сходки, ведущія къ мятежу, немыслимы, но въ XVII и въ началѣ XVIII ст. было иначе. Начало главы XVII не имѣетъ повидимому ничего общаго съ второю ея частью, но это кажущееся несходство исчезнетъ, если обратить вниманіе на ближайшіе поводы къ сходкамъ и бунтамъ въ войскахъ XVII вѣка. Источникомъ подобныхъ явленій были обиды и насилія, злоупотребленія властью, и законодатели стремились предотвратить подобныя опасныя явленія посредствомъ преслѣдованія частныхъ столкновеній и дракъ.

На первой части главы XVII, составленной по ново-шведскому кодексу, замѣтно отразились соображенія комментатора Гойера на Бранденбургскій военный артикулъ.

Вторая часть главы XVII (соображенная съ датскимъ военнымъ артикуломъ) касается поединковъ, т.-е. частныхъ столкновеній съ оружіемъ, и вообще ссоръ, вслѣдствіе обиды, хотя бы и на пиру, а также личныхъ обидъ дѣйствіемъ, какъ послѣдствія ссоръ. Въ артикулахъ опредѣлено, какъ должно поступать съ тѣми, которые ссорятся, и запрещено представлять несправедливую жалобу «неправое челобитье» (арт. 142, 147 и 148). Обруганный «когда онъ самъ не захотѣлъ учинить самовольнаго отмщенія, долженъ принести *жалобу* своему командиру (арт. 147)». Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ Патентѣ, законодатель стремится установить порядокъ обжалованія личныхъ обидъ и притѣсненій въ войскахъ, предотвратить самовольную расправу другъ съ другомъ и вводить формальное обжалованіе, но не съ цѣлью уничтоженія поединковъ, которые въ русскихъ нравахъ не имѣли никакой почвы, а съ цѣлью прекращенія самоуправства; однако при склонности

[188]) Вопросъ объ обидахъ и дракахъ въ иностранныхъ войскахъ нами разсмотрѣнъ въ началѣ историческаго очерка; въ случаѣ драки подъ страхомъ смерти воспрещалось призывать на помощь людей *другой націи*: Celui qui cria de la nation, sera passé par les picques. *Ордонансъ Франциска II* въ XVI ст. То же было и въ старыхъ нѣмецкихъ имперскихъ артикулахъ.

русскихъ къ насилію, сутяжничеству и ябедничеству законодателю приходилось въ законахъ регулировать взаимныя отношенія, особо между офицерами и особо между солдатами, строгими наказаніями за личную обиду внѣ сферы служебныхъ отношеній, т. е. независимо отъ законовъ по нарушенію чинопочитанія и подчиненности (что предусмотрѣно въ главѣ III). Драки, вызовы и поединки воспрещаются всѣмъ безъ изъятія русскимъ и иноземцамъ, *кѣмъ бы то ни было* (арт. 139).

Въ артикулахъ, относящихся къ дракѣ, предусмотрѣны четыре случая оскорбленія дѣйствіемъ: *ударъ* и *побои тростью или чѣмъ-либо въ сердцахъ и злости* (артик. 146); *ударъ по щекѣ* (арт. 145); *поднятіе шпаги или пистолета противъ кого-либо съ намѣреніемъ повредить* (арт. 144); *нанесеніе удара ножемъ*, «кто съ кѣмъ ножами порежется» (арт. 143), и *драка*, учиненная «при питье въ пиру безъ вызову (на поединокъ) (арт. 141). Роды наказанія согласованы съ постановленіями Датскаго военнаго артикула, а равно съ Литовскимъ Статутомъ—*отсѣченіе руки* (арт. 146 и 144), *пробитіе руки ножомъ*, съ присовокупленіемъ *шпицрутенъ* [189]). *За вызовъ на поединокъ*, когда онъ состоится, какъ вызыватель, такъ и принявшій вызовъ подвергаются повѣшенію, «хотя оба не ранены отъ того отойдутъ». И если кто-либо одинъ или оба будутъ убиты, то ихъ за ноги повѣсить. Секунданты, или посредственники, подвергаются одинаковому наказанію.

Почти вся вторая часть главы XVII артикула основана на Датскомъ военномъ артикулѣ Христіана V и потому соотвѣтствуетъ

---

[189]) Въ Морск. Уст. ч. V, гл. XIV дается уже болѣе полное опредѣленіе оскорбленія оружіемъ, рукою, тростью. Въ §§ 98, 99 и 100 за обнаженіе оружія, нанесеніе имъ раны или увѣчья, за ударъ руками или тростью, мѣра наказанія измѣняется въ зависимости отъ служебнаго положенія субъекта и объекта. Напримѣръ, офицеръ за ударъ товарища рукою или тростью лишается чина и облагается денежнымъ штрафомъ по усмотрѣнію суда, унтеръ-офицеръ за ударъ унтеръ-офицера палкою или инымъ чѣмъ (кромѣ ружья и ножа) заключается на 3 дня въ желѣза и платитъ обиженному изъ жалованья, по усмотрѣнію командорскому, а рядовой наказывается кошками у шпиля. — Офицеръ, за обнаженіе оружія, безъ нанесенія раны, записывается въ матросы по требованію суда, а унтеръ-офицеры и рядовые наказываются у шпиля кошками.

нашему военному Уложенію 1702 г., но въ оригиналѣ изложена въ болѣе сжатой и ясной редакціи, чѣмъ статьи этого Уложенія [190]).

Въ главѣ XVIII Арт. Воин. предусмотрѣна *заочная обида*, т.-е. оскорбленіе на письмѣ (и въ печати) съ цѣлью распространенія обстоятельствъ позорящихъ честь, хотя бы обвиненіе было справедливымъ (пасквиль), и клевета (арт. 149 и 151); кромѣ того, обида словомъ браннымъ въ раздраженіи (арт. 152), т.-е. легкая обида. Въ прежнихъ русскихъ памятникахъ до XVII вѣка съ пасквилемъ мы не встрѣчаемся, но въ большомъ ходу были *подметныя письма*, которыя имѣли другое значеніе, чѣмъ пасквили по опредѣленію Арт. Воин. [191]). Что-же касается до клеветы или *поклепа* (т.-е. ложнаго обвиненія кого-либо), то такого рода оскорбленіе чести у русскихъ съ древнѣйшихъ временъ было въ большомъ употребленіи и, какъ мы видѣли изъ Соборнаго Уложенія, составляло одно изъ наиболѣе распространенныхъ преступленій. Заочная обида, подъ именемъ *пасквиля*, какъ продуктъ болѣе зрѣлой цивилизаціи, становится извѣстною у насъ лишь со времени преобразованій Петра [192]).

Въ началѣ XVIII столѣтія, какъ видно изъ исторіи, Германія высылала къ намъ брошюры, въ коихъ задѣвалась честь великаго

---

[190]) Самое заглавіе главы XVI «о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ» показываетъ, что въ артикулахъ, опредѣляющихъ весьма строгія наказанія за нанесеніе ударовъ чѣмъ-либо, предполагаются обиды дѣйствіемъ тяжкія для чести—ударъ по щекѣ и ударъ палкою, или-же опасныя, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть рана, увѣчье, даже смерть. Впрочемъ, нанесеніе удара, отъ котораго произошла смерть, предусмотрѣно въ арт. 148 и толкованіи; виновный подвергается обыкновенной смертной казни. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за драку на пиру, въ состояніи опьяненія, нижніе чины наказываются шпицрутенами, а офицеръ—жестокимъ арестомъ, испрошеніемъ прощенія у обиженнаго и затѣмъ *наказывается*, но какъ именно – неизвѣстно.

[191]) О подметныхъ письмахъ въ царствованіе Петра Великаго: I полн. собр. зак. IV, № 2245, V, №№ 2877, 3148. Эти письма велѣно просто сжигать при свидѣтеляхъ тому, кто ихъ найдетъ.

[192]) *Пекарскій*. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Спб., 1862 г., ч I, стр. 72, 80, ч. II, стр. 120. При брошюрѣ фонъ-Гюйссена приложенъ «Артикулъ Краткій». См. нашъ трудъ: «Воен. зак. Петра Великаго въ рукоп. и первопеч. изд.», стр. 25, цит. 20. Извѣстно, что съ пасквилями Нейгебауера поступали именно такъ, какъ изложено въ арт. 149, т.-е. ихъ сожигали подъ висѣлицею. О подметныхъ письмахъ въ царствованіе Петра Великаго въ 1 полн собр. зак., IV, № 2445.

преобразователя и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ. Карлъ XII усердно покровительствовалъ пасквилянтамъ и содѣйствовалъ ихъ распространенію въ Европѣ, особенно въ Германіи, на театрѣ своихъ дѣйствій. Извѣстный юристъ фонъ-Гюйссенъ, составитель Артикула Краткаго и переводчикъ Устава Воинскаго съ русскаго языка на нѣмецкій, обязанъ былъ сочинять отвѣты на пасквили, тревожившіе духъ Петра I и оскорблявшіе Меншикова. Между сочиненіями Гюйссена, изданными въ Германіи и Франціи, въ защиту дѣла Петра, особенное значеніе имѣетъ: «Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügendhaften Pasquils». Это собственно отвѣтъ Гюйссена на ложныя обвиненія и искаженные факты бывшаго воспитателя цесаревича Алексѣя Петровича *Нейгебауера* [193]).

По Артикулу Воинскому «пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ, и *въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ* и оной явно прибьетъ или прибить велитъ, а имени своего и прозвища въ ономъ не изобразитъ». Пасквилянту опредѣляется наказаніе такое, какое онъ заслужилъ за преступленіе, въ коемъ обвиняетъ свою жертву; самое-же ругательное письмо сожигается подъ висѣлицею. Пособники пасквилянта наказываются *легче*, но какъ именно—изъ толкованія не видно. Обвиненіе посредствомъ пасквиля можетъ быть и не ложнымъ. Если окажется, что опозоренный въ пасквилѣ, дѣйствительно, совершилъ то, въ чемъ его пасквилянтъ обвиняетъ, то послѣдній по усмотрѣнію суда наказывается тюрьмою, ссылкою на каторгу, шпицрутенами и прочимъ, «понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другого погрѣшенія объявить» (арт. 149). Не отысканный пасквилянтъ объявляется безчестнымъ (арт. 150).

Что же касается до наказанія за произнесеніе словъ *позоря-*

---

[193]) «Слово пасквиль происходитъ отъ имени сапожника римскаго Pasquino, который пріобрѣлъ въ XVI столѣтіи извѣстность своими язвительными остротами на счетъ духовенства; отсюда Pasquinade и Pasquil». *Спасовичъ*, Журналъ Министерства Юстиціи, 1860 г., III, стр. 42.—Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ пасквили были въ большомъ употребленіи въ Европѣ. Опредѣленіе, данное пасквилю въ Артикулѣ, взято изъ комментаріи на имперскій артикулъ Фердинанда III и Леопольда I въ C. J. M. Nov., I, стр. 68. Pasquil, Famos-Libell, Famos-Schrift—см. текстъ арт. 149 съ объясненіями. То же Морской Уставъ, кн. V, гл. XIV, ст. 103.

щихъ честь и *доброе имя другого*, то офицеръ обязанъ передъ судомъ отказаться отъ своихъ словъ, сказавъ, «что онъ солгалъ», и высидѣть полгода въ заключеніи; но какъ поступать въ такихъ случаяхъ съ унтеръ-офицерами и рядовыми—въ Артикулѣ не сказано. Въ случаѣ отказа или отреченія отъ словъ, несмотря на данный срокъ судомъ, наказаніе тюрьмою усиливается и опредѣляется денежный штрафъ, который за вторичныя отказъ удваивается; и тогда отзывъ, «что онъ солгалъ», дѣлаетъ за него профосъ (арт. 150). Впрочемъ, опредѣленія арт. 151 въ строгомъ смыслѣ не подходятъ подъ современное понятіе о клеветѣ [194]). За оскорбленіе *кѣмъ-либо* другого *бранными словами* въ сердцахъ опредѣляется испрошеніе христіанскаго прощенія передъ судомъ, а въ болѣе тяжкихъ обидахъ «ежели гораздо жестоко бранилъ» денежный штрафъ и *сноснос* заключеніе; а кто не хочетъ платить, того принудить «потребными способы» (арт. 152 и толкованіе).

Взаимность обиды словомъ не наказуема, но кто на обиду словомъ отвѣтитъ «боемъ или инымъ своевольствомъ» (приписка рукою Петра I), тотъ право свое на вознагражденіе теряетъ и подвергается одинаковому наказанію съ соперникомъ (арт. 153).

Глава XVIII, очевидно, построена согласно съ опредѣленіями неизвѣстнаго комментатора на 18-й имперскій артикулъ Фердинанда III и Леопольда I. Впрочемъ, здѣсь карательныя мѣры соображены также и съ саксонскимъ патентомъ о поединкахъ, ссорахъ и личныхъ обидахъ [195]).

---

[194]) *Спасовичъ* даетъ такое опредѣленіе клеветѣ: «клевета есть *распространеніе ложныхъ, вымышленныхъ противъ кого-нибудь обвиненій въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести*. Произнесеніе ложнаго обвиненія въ глаза лицу, котораго оно касается, будетъ составлять не клевету, а обиду; клевета собственно только потому и страшна, что вкрадывается тайно, коварно въ общественное мнѣніе и поражаетъ человѣка своимъ ядовитымъ жаломъ, такъ сказать, въ пяту, а не въ лицо, такъ что оклеветанный часто и защищаться не можетъ, не зная, откуда идетъ нападеніе». Журналъ Министерства Юстиціи, 1860 г., III, стр. 38 и 39.—Слѣдовательно, арт. 149 и 156 главы XVIII артикула воинскаго содержатъ въ себѣ понятіе клеветы и обиды, смотря по тому, было-ли обвиненіе ложнымъ или справедливымъ.

[195]) Главѣ XVIII Арт. Воин. въ Морскомъ Уставѣ соотвѣтствуетъ глава XIV части V. См. мои объясненія на текстъ соотвѣтственныхъ артикуловъ русскихъ и иностранныхъ въ гл. XVIII арт. воин.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ другихъ военныхъ артикулахъ — шведскомъ, датскомъ и бранденбургскомъ, которыми руководствовался преимущественно нашъ законодатель, не имѣется особой главы «о поносительныхъ словахъ», а это отступленіе, независимо отъ толкователей, соотавляетъ съ внѣшней стороны отличительную черту Артикула Воинскаго отъ артикуловъ скандинавской редакціи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ НА ДЕСЯТЬ.

О возмущеніи, бунтѣ и дракѣ.

Арт. 133. Всѣ непристойныя подозрительныя сходбища и собранія воинскихъ людей, хотя для совѣтовъ какихъ-нибудь (хотя и не для зла), или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать [196]), чрезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться, чрезъ сей артикулъ [196]) имѣютъ быть весьма запрещены. Ежели изъ рядовыхъ кто въ семъ дѣлѣ преступитъ, то зачинщиковъ, безъ всякаго милосердія, несмотря на то, хотя они къ тому какую и причину имѣли или нѣтъ, повѣсить, а съ достальными поступать, какъ о бѣглецахъ упомянуто. А ежели какая кому нужда бить челомъ, то позволяется каждому о себѣ и о своихъ обидахъ бить челомъ, а не обще [196]).

Сличи: Ново-швед. воен. арт. 79, старо-шв. воен. арт. 64, ново-датск. воен. арт. 41, голландск. в. право—арт. 7, комментаріи Петра Паппія.— Уложен. или право воин. пов. ст. 75 въ главѣ VI—о «смятеніи и злыхъ возмущеніяхъ и побѣгѣ».

Замѣтка 1. Глава XVII Арт. Воин., помѣщенная въ рукописи на 61—67 страницахъ, разработана согласно съ правоопредѣленіями ново-шведскаго и ново-датскаго кодексовъ, въ редакціи Карла XI и Христіана V 1683 г., какъ

([196]) Въ рукописи слѣдующія собственноручныя поправки рукою Петра Великаго: а) «сходы и собранія людей» зачеркнуто и на особой четвертушкѣ написано то, что напечатано въ разрядку; б), написано надъ строкою «артикулъ»; в) на томъ—же клапанѣ, сбоку приклеенномъ, къ концу артикула добавлено то, что напечатано въ разрядку: „А ежели и т. д.) Эти поправки, 47 и 48-я, переписаны киноварью рукою справщика на двухъ другихъ клочкахъ бумаги; на оборотѣ одного изъ клочковъ написано, между прочимъ, слѣдующее: «С.-Пітербурхской тіпографіи..... справщикъ Иванъ Стефановъ».

TIT XIV.

Von unzulässigen Zusammenkünfften, Meutereyen und Schlägereyen.

(Cp. Gust.—Ad. Kriegs—Artick.—Brieff. **Tit XIV. Von Meuterey und Balgeu oder Rauffen).**

Art. 79. Hält das Krieges-Volck ungebührliche Zusammenkünffte und Versammlungen, wodurch einige Meuterey, Empörung und Aufruhr könnte gestifftet werden; so sollen Beydes Befehlichshaber und Gemeine, so dabey gewesen, auf Maas und Weise, wie von den Feldflüchtigen gesaget worden, gestraffet werden, und zwar ohne Ansehen, ob sie dazu Ursach gehabt oder nicht. Es soll auch kein Officier unter einigerlei Praetext und Vorwand dergleichen Versammlung zulassen, wo er nicht selbsten desfalls die Verantwortung auf sich laden will.

Сравни: Gust. - Ad. Kr. - Art. Br. art. 64. Max. I. Art. Br. art. 11. Max. II. Ar. Br. art. 24. Röm. R. Bestall. art. 71. Ferd III, и Leop. 1. Art. Br. art. 29. Comment. Alt. Dän. Kr. R. art. 8, 9. Neu Däni. Ar. Br. art. 41. Brandenb. K. R. art. 47. Comment. Hoycr. Holl. Kr. R. art. 7, 8. Comment. Petri Pappi. Zür. Kr. Art. art 52.—Coter de jure milit. lib. 3, cap. 5. Frantzös. Verordn. von 12 Octobr. 1661, art. 27, Brandenb. Artiller. Ordn. art. 13. въ C. J. M. 1674 и 1709.

Датскій-же законодатель (Kön. Chrisitan. V. Art. Br., art. 41. C. J. M. N. II. S. 275) на самовольную сходку смотритъ какъ на самостоятельное преступленіе, независимо отъ злого намѣренія.

Art. 41. Alle verdächtige Versammlungen und so ohne Wissen und Willen des im Lager oder Garnisonen, commandirenden höchsten Officiers geschehen, werden hiermit gäntzlich verbothen, und im Fall solche vor der gemeinen Soldatesque angestellt sollen die Urheber und Rädelsführer ohne alle Gnade, die übri-

легко это видѣть изъ прилагаемыхъ подлинныхъ артикуловъ въ нѣмецкомъ текстѣ, помѣщенныхъ на правыхъ страницахъ нашего изданія. Кромѣ того составитель нашихъ артикуловъ имѣлъ въ виду комментаторовъ Петра Паппія, Эбергарда Гойера и Матвія Шварцена на голландскіе, бранденбургскіе и старо-шведскіе (Густава Адольфа) военные артикулы. Петръ Великій, исправляя рукопись въ окончательной редакціи, очевидно, припоминалъ опасныя для государства событія съ стрѣльцами въ концѣ XVII вѣка. Возмущенія и бунты въ наемныхъ войскахъ зап. Европы съ конца XVI столѣтія побуждали законодателей ввести въ военные законы самыя суровыя наказанія. «Was aber für Iammer und Unheil jederzeit von Zusammenrottirung entstanden, besechreibet sehr artig Antonius Contius in Indice conjurationum“, такими выраженіями заканчиваетъ Петръ Паппій свои разсужденія о наказаніи укрывателей наравнѣ съ фактическими виновниками и переходитъ къ слѣдующему арт. 7-му о возмущеніяхъ и недозволенныхъ сходкахъ, тайнымъ и скрытнымъ образомъ, за что по голландскому праву опредѣлено повѣшеніе. С. I. M., изд. 1709, I, в. 130

Замѣтка 2-я. Нашъ законодатель въ арт. 133 запрещаетъ всякаго рода подозрительныя собранія и сходки военнослужащихъ, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ; «хотя и не для зла»; Петръ Великій зналъ изъ опыта, что подобныя недозволенныя сходки легко ведутъ къ возмущенію; зачинщики изъ рядовыхъ солдатъ наказываются повѣшеніемъ, а всѣ прочіе на основаніи арт. 95 и 97 о бѣглыхъ—шпицрутенами. Послѣ перваго стрѣлецкаго бунта стрѣльцы обязались клятвою не сходиться самовольно въ *круги*, не употреблять *ясаковъ*. См. *Устрялова*, Исторія Петра Великаго. Подавать коллективныя жалобы солдатамъ на своихъ начальниковъ воспрещено. См. рукопись бывшаго Румянцевскаго музея въ сборникѣ Ивана Кожевникова. *Розенгеймъ*, стр. 90, 354. Обжалованіе солдатами и драгунами своихъ начальниковъ за *обиды* и *налоги* установлено по командѣ: «и те бы писали и подавали челобитные всякой своимъ имѣнемъ въ своей обиде; а не отъ всего полку и про иныхъ своей брати; обидъ въ тѣхъ челобитнахъ не приписывать и не токмо отъ всего, но и по два человѣка и болѣ въ одныхъ челобитной, о разныхъ обидахъ не писатца»: такожды и драгуны и салдаты въ полкахъ между собою тайно и явно въ круги и никакихъ сходовъ соединительныхъ совѣтовъ, и за одного обиду чтобы многимъ бить челомъ не чинили, и челобитныхъ не составливали, и бить челомъ за одного многіе не приходили, и не кричали; прилично то бунту». Постановленія эти, какъ видно изъ указа Петра В., даннаго полковнику Ив. Петр. Бауеру, возобновлялись въ Сѣверную войну. Въ «Улож. или правѣ воин. пов.» составленномъ начала до Сѣверной войны на основаніи ново-датскаго в. кодекса Христіана V (art. 41 и 42), воспрещались: тайные сборы и совѣты безъ разрѣшенія высшаго начальника, возбужденіе къ нимъ посредствомъ писемъ и всякаго рода дѣйствій, а «кто сіе учинитъ безъ всякой милости казнить какого онъ чина ни есть, а естли начальной человѣкъ въ томъ обрящется то разсѣчи на четыре штуки». На равнѣ съ возмутителями наказываются и недоносители; запрещается не только собираться въ сходы тайно, но «ниже мыслить о нихъ» всякими мѣрами

gen aber Kriegs-Gebrauch nach, durch Loss der Würfel aufgehencket werden. Wer aber von den Officierern hierzu Ursach gegeben, oder solches, unter was schein es auch immer seyn könne, von ihnen verstattet, oder auch durch Ungerechtigkeit, Vorenthaltung der Verpflegung und andern dergleichen mehr, die Gemeine darzu veranlasset worden, alsdann solle solche Officierer vor diese ihre untergebene, denen mit guten Exempeln vorzugehen, ihnen billig geziehmet hätte, am Leben und Ehre gestraffet werden.

Слѣдовательно новодатскій арт. 41 опредѣляетъ наказанія за *самовольныя сходки*—защитникамъ и подстрекателямъ, офицерамъ и соучастникамъ и по составу преступленія вполнѣ соотвѣтствуетъ русскимъ артикуламъ 133 и 134.

Замѣтка. Главная вина за допущеніе тайныхъ, предосудительныхъ, вообще недозволенныхъ сходокъ въ войскахъ, по духу шведскихъ военно-уголовныхъ законовъ, падаетъ на офицеровъ и начальниковъ. Подобныя сходки, какъ показываютъ опыты военной исторіи, вели къ возмущеніямъ солдатъ противъ своихъ начальниковъ, и по всѣмъ военнымъ законамъ преслѣдовались наравнѣ съ измѣною долгу или клятвопреступленіемъ—наказаніемъ на тѣлѣ. См. имперскіе нѣмецкіе воен. арт. Максим. II, арт. 24, тоже и Фердин. III и Леоп. I, арт. 24: Es sol bey ihrem Eyd keine heimliche Zusammenkunft zu halten: welche aber solches übertreten würden, dieselbe sollen alle meneydig gehalten, und am Leib und Leben gestraffet werden ohn alle Gnade». Одинаковому наказанію съ виновными въ тайныхъ сходкахъ подлежатъ и тѣ, которые о нихъ не доносили. Такое злодѣяніе на основаніи императорскихъ правъ наказывалось частью висѣлицею, частью вѣчнымъ изгнаніемъ, частью же мечомъ, и притомъ имѣнія конфисковались. Руководители (Rädelführer) или зачинщики сходокъ подвергались болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ пособники (Mithelffere), и наказывались смертью потому, что они своими дѣйствіями разрушали общественный порядокъ, миръ и спокойствіе. Подобныя злодѣянія, какъ преступленія противъ величества (laesae Majestatis), во второй половинѣ XVII в. наказывалось четвертованіемъ, которому обыкновенно предшествовало отсѣченіе головы. Въ Галліи за тайныя сборища виновныхъ сожигали. О преступленіяхъ этого рода и наказаніяхъ писали: Scipio Gentil. lib. 1, c. 4. Jul. Clarus, laesae Majest.-Secundum Caesaren l. 1, de bello Gall. in historia Orgetorigis. Damhouder, prin. crim. c. 63. C. J. M. 1709, 1, s. 80.

Въ голландскомъ правѣ за тайныя, скрытныя или недозволенныя начальствомъ (полковниками и командующими войсками) собранія и сходки опредѣлялось повѣшеніе. И такое-же наказаніе опредѣляется всѣмъ, которые будутъ находиться на тайной сходкѣ, будутъ къ ней призывать, приглашать, подстрекать, но прежде всѣхъ наказываются офицеры, если они будутъ на сходкѣ, а равно зачинщики (art. 7 и 8). Эти правоопредѣленія голландскаго кодекса, составленнаго во второй половинѣ XVI столѣтія, старается смягчить, по воз-

предписывается: «возвѣщать, унимать, поймать, предварять» *Улож. ст.* 75. Редакція этой статьи отличается отъ правоопредѣленій ново-датскихъ артикуловъ 41 и 42 существенными отступленіями, какъ это видно изъ сличенія ихъ. Ср. Розенгеймъ, стр. 282 С. I. М. 1709, I, V. 357.—На основаніи оригинала, зачинщики и руководители изъ солдатъ, а изъ прочихъ по жребію, по военнымъ обычаямъ, подвергаются повѣшенію, а офицеры, которые или допустили сходки, или своими злоупотребленіями дали поводъ къ нимъ, наказываются лишеніемъ жизни и чести, art. 41. Слѣдующій-же артикулъ 42-й, направленъ противъ такихъ злоумышленниковъ, которые словомъ, дѣломъ или письмомъ, сами или черезъ другихъ, возбуждали солдатъ въ бунту, а равно противъ недоносителей, которые, зная о готовящемся несчастіи, не донесли своимъ офицерамъ. Недостатки и недомолвки „Уложенія" какъ относительно состава преступленія, такъ и опредѣленія степени виновности участниковъ тайныхъ сходокъ и возмущенія солдатъ—Воинскій Артикулъ исправляетъ рядомъ постановленій, соображенныхъ съ шведскимъ и датскимъ воен. кодексами, въ артикулахъ 133, 134, 135, 136 и 137 съ толкованіемъ. См. текстъ шв. арт. 79 и замѣтки къ нему.

Арт. 134. А офицеровъ, которые къ сему *поводъ* дали, или такимъ непристойнымъ *сходбищамъ* позволили, или рядовыхъ какимъ-нибудь образомъ къ тому допустили, оныхъ наказать *лишеніемъ* чести, имѣнія и живота.

Редакціонныя поправки киноварью: «повольность» и «сходомъ» замѣнены словами, напечатанными у насъ курсивомъ, и добавлено слово: «лишеніемъ».

Сличи: ново-швед. арт. 64 въ концѣ, ново-датскій арт. 41 въ концѣ, бранденбургск. арт. 47, голландск. 8, вторая половина.

Замѣтка. Офицеры, подавшіе поводъ къ сходкѣ солдатъ и даже допустившіе ее, не говоря о принимавшихъ въ ней самихъ участіе, разсматриваются какъ главные виновники и подлежатъ отвѣтственности наравнѣ съ зачинщиками.

Объясненіе. Изъ существа правоопредѣленій арт. 133 и 134 видно, что нашъ законодатель тайныя сходки или собранія воинскихъ людей считаетъ весьма опаснымъ явленіемъ въ военномъ быту, справедливо полагая, что они могутъ служить прецедентомъ къ возмущенію или бунту цѣлыхъ частей войскъ. Подобныя печальныя явленія предшествовали стрѣлецкимъ бунтамъ, страшнымъ своими бѣдствіями и опасностями для государства. Припоминая, что сказано было по этому поводу въ 2-мъ выпускѣ «Арт. Воин.» (гл. IV. стр. 299 и слѣд.) и что намъ извѣстно изъ Отечественной исторіи, замѣтимъ, что въ русскихъ войскахъ въ половинѣ XVII ст., постоянныхъ и временныхъ, особенно въ Московскихъ стрѣлецкихъ и нѣкоторыхъ солдатскихъ полкахъ, существовали

можности, комментаторъ Петръ Паппій. Тайныя сходки солдатъ опасны уже потому, что онѣ легко переходятъ въ возмущеніе, бунтъ, а послѣдній равносиленъ измѣнѣ. Впрочемъ, Дамгудеръ (Damhouder in d. c. 63, n. 8 et seqq.) совѣтуетъ «обращать вниманіе на причины возмущенія, и если окажутся виновными офицеры, то должно уменьшить наказаніе солдатамъ». Но зачинщикамъ не должно давать пощады. Вообще въ преступленіяхъ измѣны, какъ предлагаетъ Францъ Авилесъ (Franciscus Aviles), допускается оставлять въ сторонѣ всякія формальности и, *въ случаѣ опасности*, *бунтовщиковъ должно вѣшать безъ суда*. Не должно допускать оставаться войскамъ праздными въ военное время. Особенно нужно заботиться офицерамъ, чтобы своевременно потушить поводы къ бунту, и эта предосторожность всегда бываетъ необходима въ военное время. Примѣры исторіи показываютъ, что храбрые и предусмотрительные офицеры въ подобныхъ случаяхъ пріобрѣтали всеобщее уваженіе и славу. Но если офицеры, забывъ свой долгъ, имѣютъ болѣе охоты къ возбужденію волненія или бунта, чѣмъ къ потушенію его въ самомъ зародышѣ, то они должны быть наказаны строже, чѣмъ солдаты, для которыхъ они должны служить образцами. Въ дѣлѣ возмущенія гораздо болѣе вреда приноситъ тотъ, кто занимаетъ болѣе высокое положеніе по своей должности или чину. Zwing. in theatro vitae humanae vol. 7, l. 3. Ludovic. Montat. in tract. de reprobat. sententiae Pilati, part. 1, art. 2, num. 15. C. J. M. II, s. 130—132.

Старо-датскимъ воен. угол. кодексомъ воспрещаются сходки подъ угрозою лишенія чести, пальцевъ и жизни не только тайныя, но и явныя: «кто собираетъ сходку», «кто допуститъ ее вопреки требованіямъ службы противъ офицеровъ, начальниковъ или коммисаровъ», «кто не воспротивится такому противозаконному сборищу», «кто слышалъ или зналъ о предполагаемой сходкѣ, но своевременно не донесъ о ней своему офицеру (начальнику)». Офицеры, во всякомъ случаѣ, наказываются строже. Но если сходка и собраніе солдатъ состоялись безъ вѣдома своего непосредственнаго начальника, ради требованія выдачи жалованья и другой подобной причины, то виновнымъ опредѣляется наказаніе на тѣлѣ, а если къ такой сходкѣ причастны и офицеры, то они наказываются также, но безъ суда (ohn alle Gnade). О своихъ нуждахъ каждый обязанъ лично и въ приличной формѣ жаловаться своему офицеру или военному суду C. J. M. 1674, s. 226. Но въ позднѣйшей редакціи датскаго кодекса, какъ видимъ изъ приведеннаго нами текста арт. 41, за *всякія подозрительныя сходки* опредѣляется децимація, а офицеры наказываются лишеніемъ жизни и чести. Въ этомъ отношеніи датское, и бранденбургское военное право слѣдуютъ по стопамъ шведскаго военнаго права Густава Адольфа, который для всѣхъ важнѣйшихъ преступленій въ *частяхъ войскъ* (ротахъ, полкахъ) призналъ необходимымъ возстановить наказаніе десятаго по жребію, по примѣру древнихъ римлянъ, чтобы наказаніемъ *немногихъ* подѣйствовать страхомъ на всю массу войскъ. Тотъ-же взглядъ относительно рода наказанія бунтовщиковъ, какъ и бѣгства цѣлыхъ частей съ поля сраженія, усвоенъ въ Артикулѣ Воинскомъ, арт. 133 и 134.

Далѣе русскимъ артикуламъ 135 и 136 соотвѣтствуютъ: ново-швед. арт. 83, ново-датскій 42 и голланд. арт. 10 и 11.

тѣ же самыя злоупотребленія, какія были въ западно-европейскихъ наемныхъ полкахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Комментаторы иностранныхъ военно-уголовныхъ законовъ къ причинамъ тайныхъ сборищъ солдатъ, которыя часто вели къ возмущеніямъ цѣлыхъ частей, относятъ слѣдующія злоупотребленія: 1) неплатежъ солдатамъ аккуратно жалованья, раздача котораго возлагалась на офицеровъ, 2) жестокое обращеніе офицеровъ и начальниковъ съ солдатами, 3) неправосудныя дѣйствія офицеровъ, которые, проводя жизнь праздную, предоставляли управляться съ солдатами капраламъ или вахтмейстерамъ, 4) нерѣдко сами офицеры были возбудителями недовольства солдатъ своимъ начальникомъ и даже сами руководили противозаконными сходками. Изъ дѣла о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г. мы видимъ, что они, самовольно собираясь въ круги, въ своихъ челобитьяхъ жаловались на «налоги», «обиды», «всякія тѣсноты», противозаконные вычеты изъ «государскаго жалованья», присвоеніе полковниками «наградныхъ денегъ» и т. п. Извѣстно, что за сходками послѣдовало общее возмущеніе стрѣльцовъ. Легко понять поэтому и юридическое значеніе артикуловъ, возлагающихъ главную отвѣтственность за *допущеніе* сходокъ солдатъ на офицеровъ и начальниковъ, ибо при данныхъ условіяхъ военнаго быта и свойствахъ дисциплины, на нихъ законъ долженъ смотрѣть какъ на главныхъ виновниковъ, хотя бы de facto они оставались въ сторонѣ отъ всякаго движенія: они виноваты уже и тѣмъ, что допусти разнуздаться волѣ и развиться неуваженію къ власти у своихъ подчиненныхъ солдатъ. Для предупрежденія недозволенныхъ сходокъ, которыя вели къ большимъ несчастіямъ, какъ и вообще для предупрежденія мятежа, комментаторы совѣтовали: 1) выдавать солдатамъ исправно заслуженное ими жалованье, 2) держать ихъ въ строгой дисциплинѣ, 3) поступать съ ними честно и справедливо, умѣряя строгость требованій человѣколюбіемъ и 4) никогда не оставлять солдатъ праздными: nam nihil agendo male agere discunt. Если не будемъ заботиться употребить солдатъ на хорошее дѣло, то они, по свойству человѣческой природы станутъ заниматься дурнымъ. Возмущеніе солдатъ, въ сущности, есть измѣна, а измѣна въ войскѣ самое опасное изъ всѣхъ воинскихъ преступленій. Ропотъ и крикъ собравшейся толпы солдатъ, вслѣдствіе недостатка провіанта, неуплаты денегъ, изнурительныхъ переходовъ, какъ пока-

Art. 83. Da jemand von Unsern officieren der Gemeinen Wörter ausstösset oder redet, wodurch eine Meuterey könnte veranlasset werden, selbiger soll auch auf Befinden und Erkäñtniss des Kriegs-Gerichts am Leben oder sonnsten gestraffet werden.

Christiani V Kön. v. Dännem. Art. Br., **art. 42.**: Keiner soll weder mit Worten, Wercken, oder Schrifften durch sich sellbst, oder durch einen andern zu einem Tumult oder Empöhrung Ursach geben, noch einiges Getümmel machen, oder sonst etwas thun, dadurch dergleichen Unheil entstehen könte (sic), wer darauf betroffen wird, und solches nicht alsofort seinem vorgesetzten Officierern geoffenbahret, soll gestallten Sachen nach am Leben gestraffet, oder auch mit willkührlicher Leibes-Straffe beleget werden.

Holländ. Kr. Recht, **art. 10.** Wer einige Worte, die zum Aufruhr, Meuterey oder zum Ungehorsam, gerichtet seynd, wird gesprochen, oder dieselben gehöret, nnd nicht alsbald seinem Capitain angezeiget haben, soll des Todes sterben.

Holländ. Kr. Recht **art. 11.** Gleicher Weise sollen die gestraft werden, wer ehe einige dergleichen Worte in Gegenwart gemeiner Soldaten, entweder von ihnen selbst, oder aus anderer Munde, lauffen lassen, oder etwas anstellen, dadurch eine Meyterey oder Empörung entstehen möchte.

Сличи: Maxim. II. Art. Br. art. 27, Ferdin. III und Leop. I. Art. Br. art. 32. Cinuzzi della discipl. milit. lib. I, c. 51, n. 24. Zwing. in tkeatro vitae humanae, vol. 18, lib. 5, f. 3447. Bartholo de Capua, sing. 43. Bart. in l. urrum 6, ff. ad legem Pompejam de patricid. Damhouder. pr. Crim. de sedition, cap. 63, n. 2, 62, n. 2, 6, 12.

Замѣтка. Смыслъ приведенныхъ артикуловъ слѣдующій: 1) когда кто-либо повторяетъ слова (или крикъ) призывающій къ возмущенію или бунту, или кто передаетъ о такомъ злодѣяніи другому, или кто учинить что-либо злое (böse Stücke), что можетъ повести къ бунту или возмущенію, тотъ (или тѣ) наказываются смертью. 2) Такой-же карѣ подлежатъ и тѣ, которые, зная или слыша о призывѣ къ бунту, не донесли тотчасъ (своевременно) объ этомъ своимъ офицерамъ (начальникамъ), или же читали такія письма,

зываютъ факты изъ военной исторіи, суть опасные прецеденты обнаруживающіе упадокъ дисциплины и слабость власти.

Арт. 135. Никто-бъ ниже словомъ или дѣломъ или письмами-самъ собою, или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію, или иное что учинить, причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла, живота лишится или на тѣлѣ наказанъ будетъ.

Сличи: ново-шв. арт. 83, голланд. арт. 8, 10, датск. арт. 42. Конецъ ст. 75 въ Улож. или пр. в. поведенія.

Замѣтка. Въ арт. 135 подъ словамъ «причины» должно понимать подстрекательство или возбужденіе къ бунту или возмущенію, починъ, привлеченіе соучастниковъ. Зачинщики и подстрекатели, согласно съ текстомъ новодатскаго в. артикула, по образцу котораго составленъ арт. 135, подвергаются наказанію, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Во всякомъ случаѣ, предполагается, что дѣло не дошло до исполненія и остановилось на приготовленіи къ бунту. См. замѣтки по поводу арт. 83 ново-шведскаго.

Арт. 136. Такимъ-же образомъ имѣютъ быть наказаны *и тѣ*, которые такія слова слышали или такія письма читали, въ которыхъ о бунтѣ и возмущеніи упомянуто, а въ надлежащемъ мѣстѣ или офицерамъ своимъ вскорѣ не донесли.

Сличи: голландск. арт. 6, 10 и 11 и коммент. къ арт. бранденб. 48.

Замѣтка. Укрыватели и недоносители въ преступленіяхъ общеопасныхъ какъ измѣна, бунтъ, облагаются наказаніемъ, одинаковымъ съ фактическими виновниками.

Арт. 137. Всякой бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано.

Толк. Въ возмущеніи надлежитъ винныхъ на мѣстѣ и въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить; а особливо ежели опасность въ медленіи есть, дабы чрезъ то другимъ страхъ подать, и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать (пока не разширится) и болѣе-бъ *не умножилось* [197]).

Сличи: ново-шведск. арт. 80, ново-дат. арт. 44, голландскій арт. 7. бранденб. арт. 48 въ началѣ: „Wer meuteniret, soll am Leben gesfraffet werden“ Въ воен. улож. 1702, гл. VI, ст. 78, соотвѣтственно съ датск. арт. 44: «Обще всѣ бунты, возмущенія, злобное и упорное сопротивленіе противъ начальниковъ, таковыхъ безо-всякой милости повѣсить».

Замѣтка 1. Въ предыдущихъ артикулахъ 133—136 разсматриваются моменты, служащіе подготовительными дѣйствіями къ возмущенію или бунту, или

---

[197]) Исправлено Петромъ I, вмѣсто слова «не было». Поправка 49-я.

въ которыхъ дѣлается призывъ къ возмущенію, и объ этомъ не открыли». Сравни это съ русск. арт. 135 и 136.

Въ самыхъ старыхъ военно-уголовныхъ кодексахъ соучастники, укрыватели и недоносители при совершеніи преступленій скопомъ и заговоромъ, массою солдатъ или гражданъ (какъ измѣна, бунтъ, возстаніе, открытое сопротивленіе) наказываются въ одинаковой мѣрѣ съ фактическими виновниками, ибо такого рода злодѣянія, особенно въ войскѣ, а тѣмъ болѣе въ военное время, угрожаютъ общею опасностію, или общественнымъ бѣдствіемъ, какъ и вообще всякое стихійное движеніе. Между прочимъ, въ имперскихъ нѣмецкихъ артикулахъ опредѣляется: «Когда одинъ, или многіе, узнаютъ объ измѣнѣ или о какомъ-либо дурномъ замыслѣ (böse Stücke) противъ своего офицера, или же противъ рядовыхъ солдатъ, или же противъ начальниковъ, или же во вредъ частей войскъ (Hauffen), то должны немедленно открыть злодѣевъ своему начальнику, или профосу, а тотъ, кто этого неисполнитъ и скроетъ, тотъ подлежитъ одинаковому наказанію съ виновными, какъ клятвопреступникъ и измѣнникъ. C. I. M. 1709, 1, s. 9, 83. Военные законодатели XVII ст., равно какъ и комментаторы ихъ признали необходимымъ примѣнить къ тайнымъ, недозволеннымъ сходкамъ воинскихъ людей, опасность которыхъ обнаружилась возмущеніями и бунтами солдатъ, начала уголовной кары, утвердившіяся въ преступленіяхъ Crimen laesae Majestatis. Недозволенная сходка сама по себѣ есть неповиновеніе начальникамъ и неуваженіе къ ихъ власти. Такимъ образомъ, наказанію на тѣлѣ, или смертію, смотря по обстоятельствамъ дѣла, должны подлежать всѣ тѣ, которые содѣйствуютъ предосудительной сходкѣ воинскихъ чиновъ, стало быть, нарушаютъ дисциплину прямо или косвенно, словами или дѣйствіемъ; отъ наказанія по артикуламъ, направленныхъ противъ укрывателей и соучастниковъ, не могутъ быть освобождены и тѣ, которые, зная о приготовленіяхъ къ возмущенію, не донесли объ этомъ своимъ непосредственнымъ офицерамъ или начальникамъ. «Wann er es aber verschweigt: Oder bey gemeinen Soldaten und an andern Orten nachsagt, dadurch eine Empörung entstehen möchte, so wird er nicht anders gestraft, als wann er selber daran schuldig wäre. Die Ursach hievon kan man mit vier Worten zu erkennen geben: quia stipendiis Ordinum vivit: Die weil er von der Staaten Geld seinen

вообще открытое сопротивленіе начальству со стороны подчиненныхъ солдатъ, командъ и цѣлыхъ частей: недозволенная сходка (арт. 133), подговоръ или подстрекательство къ бунту (135), недонесеніе объ извѣстномъ злоумышленіи, или укрывательство какихъ-либо фактовъ о тайныхъ сношеніяхъ или перепискѣ злоумышленниковъ (136). Въ артикулѣ-же 137 опредѣляется наказаніе за самый фактъ возмущенія, бунта, мятежа, и не только въ войскахъ, но вообще: «Всякой бунтъ, возмущеніе, упрямство», т.-е. открытое сопротивленіе власти. «Безъ всякой милости» (Ohn alle gnade въ датскомъ оригиналѣ), значитъ безъ суда, и какъ дополняетъ толкованіе, на мѣстѣ преступленія, по горячимъ слѣдамъ «наказать и умертвить» повѣшеніемъ. Въ артикулѣ 137 и толкованіи къ нему мы замѣчаемъ неполноту относительно субъекта. Кого именно? То же обобщеніе субъекта преступленія мы видимъ и въ ново-датскомъ артикулѣ Христіана V, арт. 44, по образцу котораго составленъ очевидно, нашъ 137, артикулъ: „Insgémein aller Anfruhr, Meuterey, muthwillge und hartnäckige Widerssetzlichkeit sollen mit dem Galgen ohne alle gnade gestraffet werden". C. I. M. Nov. II, s. 276. Между тѣмъ шведскій оригиналъ, въ редакціи Густава Адольфа, такъ опредѣляетъ составъ преступленія, имѣющаго характеръ военнаго мятежа: Welche Regimenter oder Fahnen zu menteniren anfangen, dessen Anstiffter sol erkündiget, und nicht alleine er vor seine Person, sondern auch alle die ihm beygepfhlichtet, und geholffen, am Leben qestraffet werden». C. I. M. 1674, s. 65. Т. е., въ случаѣ возмущенія въ какой либо части, подлежатъ смертной казни не только зачинщикъ, но и его соучастники и пособники. Въ новой же редакціи, какъ видно изъ приведеннаго текста арт. 80, на правой страницѣ, въ случаѣ возстанія или бунта въ полку или въ ротѣ, слѣдуетъ поступать такъ, какъ установлено для наказанія частей, бѣжавшихъ съ поля сраженія; а зачинщиковъ, или главныхъ виновниковъ, если они будутъ открыты, должно казнить немедленно безъ суда (alsofort ohne alle Gnade). Военные криминалисты, какъ напримѣръ: Паппій, Гойеръ, Шульценъ, Шварценъ за возмущеніе или вооруженное сопротивленіе военной команды, ссылаясь на авторитеты древнихъ писателей, признавали справедливымъ примѣнять наиболѣе суровыя наказанія. Заговоръ къ мятежу Seditio—это тайный врагъ, котораго не ожидали, пускающій смертоносный ядъ между военными людьми, прежде чѣмъ онъ разовьется. Бунтъ вообще, но особенно въ военномъ быту, какъ показываютъ примѣры, приноситъ горькіе плоды и величайшее несчастіе. Чтобы опасное преступленіе, говоритъ Петръ Паппій, не распространилось (dass sie nicht viel Verzugs leiden könne), необходимо зачинщика бунта (Meutermacher) наказать скоро, безъ промедленія, наказать безъ малѣйшей пощады. Modestin in conflit, 16, Iul. Feret in d. tracr. tit. de miltar. justit. num 49. Древніе римлянѣ въ случаѣ возмущенія въ войскахъ, въ большихъ размѣрахъ, примѣняли децимацію, т.-е. казнили десятаго, чтобы наказаніемъ немногихъ возбудить страхъ. Cicero in Orat. pro Cluentio. Однакожъ, слѣдуетъ обращать вниманіе на причины возмущенія, и если окажутся виновными офицеры, то наказаніе нижнимъ чинамъ должно быть понижено. Damhoud in d. c. 63, п. 8. *Но, во всякомъ случаѣ, зачинщикамъ* (Rädels führer) *не должно давать пощады.* C. I. M. 1674, s. 609. о наказ. безъ процесса.

Unterhalt hat». Коммент. Петра Паппія къ Голл., арт. 11. C. I. M. II, s. 134, 135.

Art. 82. Im Läger, Städten, Festungen oder anderswo, sollen keine Schlägereyen weder zwischen Ober- noch Unter Officirern noch Gemeinen verstattet und zugelassen werden; sondern da ein Zwiespalt unter Unsern Officiern, so adeliches Standes, oder Ober-Befehlichshabern, so keine Edelleute, biss (sic) auf Cornetten und Fähndrichen mit darunter gerechnet, sich ereignet und vorfällt, soll solches angegeben, und von dem Kriegs-Recht entscheiden werden, allerdings nach Inhalt Unsers sub Dato den 22 Aug. im Jahr 1682 publicirten Placats von Duellen und Schlägereyen, so hiebey gefüget zu finden. Geschiehet aber solches zwischen Unter-Officieren, Corporalen und Gemeinen, ausser dem Adel, und unter Cornetten und Fändrichen; so sollen solche Unter-Officiere ihres Dienstes verlustig seyn und so lange für Gemeine dienen, nachdeme ihr Verbrechen beschaffen ist; mitlerzeit sollen sie auch an Sold nicht mehr als Gemeine geniessen; die Gemeine werden gestraffet mit Gassenlaufen, und wird sonnsten wegen Verwundung, Schaden und Unkostens absonderlich gestraffet, nach den Rechten und der Praxi.

Сличи: Gust. Ad. Kr.—Art. Br., art. 67 и комментаріи къ нему Шварцена. (Casp.-Matth. Schwartzen) C. J. M., изд. 1674 и 1709 г.—Kays. Max. II. Art. Br., art. 29, 32, 40. Röm. R. Reut. Bestal. art. 66, 67. Alt. Dän. Kr. R. art. 32, 33, 34, 35. Neu Dänisch. art. 35. Holländ. Kr. R. art. 42, 43, 44, 45. Zürich. art. 55. Brandenb. Ar. Br. art. 49, Comment. Ferd. III und Leop. I. Art. Br. art. 34 Русск. Арт. Воин., арт. 139. Смотри о дуэляхъ въ комментаріяхъ Матвія Шварцена: D. Balduinus de casibus conscient. l. 5, c. 31. Cothmannus vol. s. consil. 2, n. 39 et mul. sequ. Frantzkius lib. 2, var. resolut. quaest. 32. Const. Germ. de perigrin. German. lat. m. 121. Burgerus 2. obs. 79 et 3 obs. 40. Gailius de arresti imperii. cap. 14, n. 9. Ayrer de triplici homicidiorum genere p. 1, n. 141, p. 2, n. 15. Dedeken in th. consil. Theolog. vol. 2, sect. 11, n. 7, lat. m. 233. Obrecht de neces. defens., cap. 11, n. 62. Mendo de ordinibus militarib. Disq. 18, lat. m. 430. Speidel in spec. jur. pol. observ. слово *ausfordern.* Fredro in milit. lib. 1, puncto 1, lat. 15. Boeder in Hugonis—Grot. de jure belli et pacis lib. 2, cap. 1, lat. m. 31. Pufendorff de jur. nat. et gent. lib. 2, cap. 4, § 5, lib. 8, cap. 4, § 8. Seneca epist. 70, lat. m. 186 seq. D. Siberus de salute Christiana, consid. 33, l. 335. D. Ungeb. exerc. quaest. just. 1. Boerius decis. 223, lat. 660, seq. Finckelthaus 1. o. 6. Loccen de jure mar. lib. — См. о томъ же комментаріи Эбергарда Гойера. Случаи разрѣшенія поединковъ въ прежнее время: Neapol.

Нужно еще замѣтить, что криминалисты (Franciscus Aviles in trac. de Syndic. Praetor. cap. I, in gl. verbi Derechamente, n. 14) допускали необходимость казнить бунтовщиковъ безъ суда, особенно, когда возмущеніе угрожаетъ большою опасностью. Въ трактатахъ о военномъ правѣ и военной дисциплинѣ предлагались различные способы для предупрежденія случаевъ возстаній, столь опасныхъ въ войскахъ средневѣковыхъ армій.

Замѣтка. 2-я. Правоопредѣленія Соборнаго Уложенія относительно возмущенія или бунта не получили достаточнаго развитія, и въ этомъ отношеніи оно оставалось позади западно-европейскихъ уголовныхъ законовъ. Въ гл. II, ст. 21 опредѣлено—казнити смертію безъ всякія пощады тѣхъ людей, «кто учнетъ къ Царскому Величеству, или на Его Государевыхъ бояръ и окольничьихъ, и думныхъ и ближнихъ людей, и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей, или на кого-нибудь приходити скопомъ и заговоромъ, и учнутъ кого грабити, или побивати». Но если бунтовщики изъ служилыхъ подадутъ *челобитье*: что они скопомъ и заговоромъ къ нимъ (воеводамъ и приказнымъ людямъ) не прихаживали, а приходили къ нимъ немногіе люди для челобитья, и *потому* челобитье про нихъ сказывати въ полкѣхъ всѣми ратными людьми. Да будетъ сыщется про нихъ до прямa, что они въ полнѣхъ къ воеводамъ приходили для челобитья, а не для воровства, и ихъ по сыску смертію не казнити. А воеводамъ и приказнымъ людемъ, которые на нихъ отпишутъ къ Государю ложно, за то чинити жестокое наказаніе, что Государь укажетъ». *Тамъ-же* ст. 22. Возмущенія стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ въ послѣднюю четверть XVII ст. опрокинули эти законы. До начала перваго стрѣлецкаго бунта, правительству отрока Петра I не удалось возстановить порядокъ и усмирить взволнованныя страсти *челобитчиовъ*, собиравшихся въ круги для составленія жалобъ на своихъ начальниковъ. Напротивъ, оно поступало опрометчиво, отдавъ на расправу стрѣльцамъ ихъ же начальниковъ. Печальныя послѣдствія расправы съ полковниками самихъ стрѣльцовъ достаточно извѣстны. Спустя 15 лѣтъ послѣ перваго Срѣлецкаго бунта, какъ видно изъ описанія Корба: «Дневникъ поѣздки въ Московское Государство (стр. 213—227) И. Х, Гваріента» и изъ сочиненія Устрялова «Истор. Петра Великаго» (т. III, стр. 219), для укрощенія мятежныхъ стрѣльцовъ, разбитыхъ 29 іюня 1698 г. подъ Воскресенскимъ монастыремъ, оказалось необходимымъ примѣнить въ широкихъ размѣрахъ самыя суровыя наказанія, вытекавшія изъ практики судопроизводства и духа законовъ Соборн. Уложенія. Казнямъ предшествовали пытки съ тѣлеснымъ истязаніемъ разнаго рода орудіями и огнемъ, за симъ слѣдовало отрубаніе головы, повѣшеніе, колесованіе иногда съ раздробленіемъ голени, сажаніе на колъ (Корбъ, 218); обвиненныя въ соучастіи въ бунтѣ двѣ беременныя женщины, послѣ разрѣшенія отъ бремени, были закопаны по титки въ землю (согласно ст. 15 и 14 гл. XXII Соб. Улож.); не достигшіе совершеннолѣтія, отъ 15 до 20 лѣтъ, по наказаніи кнутомъ, были заклеймены въ правую щеку и сосланы въ дальніе города (Устряловъ, III, 219), или же имъ обрѣзывали носъ и уши и затѣмъ ссылали (Корбъ, 227).

Примѣненіе пытокъ и различныхъ видовъ квалифицированной смертной

Const. 1. 2, tit. 38. Leg. Schot. lib. 4, c. 1, § 12. Speul. Sax. lib. 2, artic. 2. Alciat. de certam Sing. et hanc duella judiciaria vocabuntur. Bocerus, lib. 2, de duel., c. 3. — Случаи поединковъ за обладаніе невѣсты: Albert. Krantz. lib. 2, Dan. c. 2. Norveg. lib. 1, c. 22.—Безусловное воспрещеніе поединковъ поддерживаютъ: Oldrad. consil. 191, п. 2. Damhouder in pr. crim. c. 42. Henrich Bocerus lib. 2, de duel. l. 2.—О поединкахъ чести, которые по мнѣнію однихъ писателей допускаются, по мнѣнію же другихъ отвергаются, какъ дѣяніе противное христіанскому ученію. Къ первымъ относятся: Andr. Alciat. lib. de sing. certam c. 3 ubi enim deficit jus, ibi supplet ensis et propria ulltio, Bart. in lib. hostes n. q. ff. de capt. et post lim revers. Henr. Bocer. de duell. l. 2, c. 8.—Ко вторымъ, не признающимъ поединковъ чести, Гойеромъ причисляются: Carpzovius und Berlich. 4, conclus. 16, п. 11. Mollerus ad Novell. Elect. Sax. p. 4, constit. 9, п. 1 et seqq. Virg. Pingizer. quest. 59, п. 17. Obrecht. in tr. de legit. defens. c. 11, п. 60 и весьма многіе выдающіеся юристы и практики криминалисты. C. J. M. 1674, s. 172, 178, 393—396.

Замѣтка. Въ артикулахъ болѣе старыхъ, какъ видно изъ правоопредѣленій староимперскаго, голландскаго и старо-датскаго, военныхъ кодексовъ, поединки въ войскахъ между офицерами и даже между солдатами допускались не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника и притомъ съ извѣстными ограниченіями; они не допускались ни въ лагерѣ, ни въ гарнизонѣ, вообще при отправленіи службы; допускалось драться на поединкѣ съ мечомъ, но не съ лукомъ или съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; товарищамъ внушалось помирить поссорившихся и, затѣмъ, въ случаѣ нарушенія мира, ослушникъ считался виновнымъ. Датскіе и нѣмецкіе военные законы къ нарушителямъ этихъ постановленій относились снисходительно, «кто вступитъ въ бой съ мечомъ безъ разрѣшенія своего начальника, тотъ подвергается трехдневному аресту въ оковахъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ». Подъ страхомъ наказанія на тѣлѣ никто не долженъ драться съ оружіемъ смертоноснымъ (mörderlicher), какъ напр., лукъ или другое длинное оружіе (пика?), но можетъ съ боковымъ оружіемъ (seiten Gewehr), назначеннымъ для самозащиты. Ferd. III und Leop. I, Art Br. art. 34. Необходимымъ условіемъ поединка было равенство оружія: aequalites armorum. Напротивъ, на основаніи голландскихъ военныхъ артикуловъ, солдатъ, вызвавшій на поединокъ другого солдата, безъ разрѣшенія начальника, наказывается лишеніемъ жизни, art. 42. По французскому кодексу Генриха lib. 20, tit. 38, l. 26, виновный наказывался отнятіемъ оружія и изгнаніемъ изъ роты. Кто вызываетъ другого въ день наряда въ караульную службу,

казни (четвертованіе, утопленіе, колесованіе) примѣнялось въ западной Европѣ въ преступленіяхъ Crimen laesae majestatis et perdullionis, т.-е. въ государственной измѣнѣ и мятежѣ солдатъ. Такъ, на основаніи Уголовн. Улож. Карла V (P. H. G. O.), по ст. 124, бунтовщикамъ, какъ измѣнникамъ, или лицамъ, передающимся непріятелю, если преступленіе угрожало большою опасностью (delictum enormissimum), сначала подвергали истязаніямъ, вырѣзывали языки или сдирали кожу полосами, потомъ имъ отрубали головы, наконецъ, тѣло ихъ, разсѣченное на четыре части, вывѣшивалось на четырехъ концахъ города. Но если преступленіе не угрожало особамъ коронованнымъ, то бунтовщики, смотря по мѣстностямъ и военнымъ обычаямъ, наказывались или лишеніемъ жизни, или же розгами или палками и подвергались вѣчному изгнанію или ссылкѣ. Нѣкто *Николай Преторій*, за возбужденіе къ мятежу солдатъ, который произошелъ вечеромъ въ вербное воскресеніе 27-го марта 1659 г., въ замкѣ Бремерфердѣ, по приговору суда, былъ обезглавленъ, потомъ тѣло его разрублено на четыре части и вывѣшено публично на четырехъ улицахъ. Flemming. D. Volkom. Deutsche Soldat, 4 Th., 30 cap., § 6. — По поводу наказаній за возстаніе, бунтъ мятежъ, измѣну—см. комментаріи на бранденбургскіе, имперскіе и голландскіе в. арт. въ Corp. Jur. Mil., изд. 1674, 1709 и 1724 гг. Carpzow. p. 1, q. 41, n. 92. Damhouder prax. crim. c. 62, 63, n. 6. Hieron Gigoat in tract. crim. laes. majest. q. 1, n. 7. P. H. G. O., art. 124, 127. Обнаруженіе зачинщиковъ, подстрекателей, пособниковъ нерѣдко вело къ освобожденію соучастниковъ отъ наказанія.

Наказаніе за измѣну, возстаніе и т. п. опасныя преступленія сопровождалось обыкновенно конфискаціей имущества. То-же и въ Соб. Улож. гл. VII, ст. 20: «а помѣстья его и вотчины и животы взяти на Государя». Густавъ Адольфъ въ своемъ *военно-уголовномъ* кодексѣ ввелъ децималію за возстаніе и бунтъ цѣлыхъ частей войскъ, за бѣгство частей войскъ съ поля сраженія, за измѣнническую сдачу крѣпости, и примѣру шведскаго короля во второй половинѣ XVII ст. послѣдовали другіе законодатели.

Артикуломъ 37-мъ оканчиваются правоопредѣленія Главы XVII Арт. Воин. о преступныхъ сходкахъ въ войскахъ и о бунтѣ вообще. — Вторая же половина названной главы обращена къ ссорамъ, дракамъ и поединкамъ; преступленія этого рода между военно-служащими заимствуются въ Арт. Воин. преимущественно изъ датскаго военнаго кодекса Христіана V.

Арт. 138. Ежели учинится ссора, брань или драка между рядовыми, тобъ никто не дерзалъ товарищей своихъ или другихъ на помощь призывать такимъ образомъ, чтобъ чрезъ то(тъ) сборъ возмущеніе или иной какой непристойной случай произойти могъ, а ежели кто сіе учинитъ, онаго и съ помогателями повѣсить.

Сличи: швед. арт. 84, новодатск. арт. 43, голландс. арт. 39, бранденб. арт. 49 и 50, а равно комментаріи Петра Паппія, Эбергерда Гойера и Шульцена.

тотъ подвергается лишенію жизни. Мнѣніе: Cinuzzi lib. I, c. 51, n. 38. Потому что въ этотъ день солдатъ не имѣетъ права свободно распоряжаться своею особою; онъ непосредственно зависитъ отъ государя, которому служитъ. То-же говоритъ и Londonno, p. 76. Въ древніе и средніе вѣка, когда единоборствомъ на поединкѣ рѣшалась иногда участь битвы, принятіе кѣмъ-либо вызова, сдѣланнаго со стороны непріятеля, наказывалось лишеніемъ жизни, хотя вызванный побѣждалъ своего врага. Такъ поступилъ римскій консулъ Манлій Торкватъ во время войны съ латинами съ своимъ сыномъ, приказавъ отрубить ему голову, несмотря на то, что онъ убилъ противника. Вообще, принципъ военной дисциплины въ подобныхъ случаяхъ требовалъ строгаго наказанія.—Въ средніе вѣка поединокъ между своими, не разрѣшенный начальникомъ, подвергалъ обоихъ и вызывателя, и вызвавшаго одинаковому наказанію; у германцевъ обоимъ отрубали кисть руки, а убившій на такомъ поединкѣ другого подвергался лишенію жизни. Martinus Crusius, p. 2, Annal. Svevic. lib. 10, cap. 13. Henr. Bocer. lib. 2, de duello cap. 8, n. 17 et seq. Paris de Put. lib. 1, de re milit c. 3, n. 6 et c. 10, n. 9. Вообще законодатели и полководцы принимали необходимыя мѣры для предупрежденія ссоръ и боя на поединкахъ. Недопущеніе поединковъ, безъ разрѣшенія начальства, говоритъ Петръ Папій, оказывало, по крайней мѣрѣ, пользу въ томъ отношеніи, что воздерживало многихъ отъ драки (Schlägerey): пока разгоряченные и раззадоренные ожидали разрѣшенія начальства, горячка унималась, а между тѣмъ начальство могло найти какое-либо средство, чтобы ослабить или уничтожить вовсе поводъ къ дракѣ. Люди, склонные драться послѣ всякаго спора, или имѣютъ мало разсудка, или-же подобны безсловеснымъ животнымъ. Во всякомъ случаѣ, не должно дѣлать разницы между вызвавшимъ и вызваннымъ на поединокъ, ибо одинъ грѣшитъ прежде, а другой послѣ. Солдаты, давшіе присягу на вѣрность службы, должны повиноваться тому, кто имъ платитъ жалованье и исполнять его предписанія.

Замѣтка 2-я. Густавъ Адольфъ для ограниченія въ своей арміи поединковъ между солдатами призналъ необходимымъ подвергать отвѣтственности ротныхъ командировъ, поручиковъ и капраловъ: въ случаѣ поединка между солдатами, которые, равно какъ и драки, воспрещаются въ лагеряхъ, городахъ и крѣпостяхъ, дѣло передается на разрѣшеніе полковаго суда. Зачинщикъ ссоръ подвергается наказанію по усмотрѣнію суда или, по обстоятельствамъ,

Замѣтка. Угроза наказаніемъ висѣлицы за *призывъ на помощь* товарищей своихъ или «другихъ», въ случаѣ ссоры или драки между рядовыми, имѣетъ историческое значеніе. Въ эпоху наемныхъ войскъ, состоящихъ изъ людей разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, принимались исключительныя мѣры для предупрежденія враждебныхъ столкновеній между солдатами, которыя нерѣдко вели къ печальнымъ послѣдствіямъ, когда одна часть войскъ возставала противъ другой. Значительную пестроту въ составѣ арміи представляла св. Римск. Имперія, особенно съ конца XVI столѣтія, послѣ того, когда реформація нанесла тяжкій ударъ католицизму. Въ очень старыхъ имперскихъ воин. артикулахъ и французскихъ воин. ордоннансахъ призывъ на помощь людей другой «націи» облагался самыми суровыми наказаніями. Политическая неблагонадежность наемныхъ войскъ собственно и была причиною, что во всѣхъ европейскихъ кодексахъ, даже послѣ учрежденія національныхъ регулярныхъ войскъ, поддерживались суровыя наказанія за призывъ на помощь, въ случаѣ драки между солдатами, людей другой *національности*. И въ Россіи, въ XVII ст., въ составѣ арміи имѣлись наемныя части разныхъ національностей и вѣроисповѣданій. Приливъ наемныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ не прекращался до конца Великой Сѣверной войны. Нашъ законодатель предусматриваетъ возможность весьма дурныхъ послѣдствій, когда драка принимаетъ характеръ общей свалки между солдатами: «чрезъ то (тъ) сборъ возмущеніе или иной какой не пристойный случай произойти могъ»; въ дракѣ, кромѣ солдатъ, могли быть призваны на помощь крестьяне и вообще жители; поэтому арт. 138 воспрещаетъ призывъ на помощь «товарищей своихъ или другихъ», напримѣръ, сосѣднихъ крестьянъ, даже въ случаѣ ссоры или брани, которая легко переходитъ въ драку, а затѣмъ и общую свалку у людей грубыхъ, неспособныхъ управлять своими инстинктами. См. текстъ ново-шв. арт. 84, ново-датск. арт. 43, голландск. арт. 8 и наши замѣтки къ нимъ. Кажется наказаніе повѣшеніемъ, въ случаѣ призыва на помощь, примѣнялось только въ тѣхъ случаяхъ, когда драка переходила, дѣйствительно, въ бунтъ. Во время ссоры, брани, драки, говоритъ датскій воин. артикулъ, «никто не смѣетъ призывать на помощь жителей, товарищей, единовѣрцевъ или другихъ, такъ какъ отъ этого можетъ произойти возмущеніе и мятежъ, тѣмъ менѣе возбуждать одну націю противъ другой, кричать, что нужно бить», Kön. Christ. V, Ar. Br., art. 43.

Арт. 139. Всѣ вызовы, драки и поединки чрезъ сіе наижесточайше запрещаются такимъ образомъ, чтобъ никто, *хотя-бъ кто онъ ни былъ* а), высокаго или низкаго чина, прирожденный здѣшній или иноземецъ, *хотя другій кто* б), словами, дѣломъ, знаками или *инымъ чѣмъ* в), къ тому побужденъ и раззадоренъ былъ, отнюдь не дерзалъ соперника своего вызывать, ниже на поединокъ съ нимъ на пистолетахъ или на шпагахъ биться. Кто противъ сего учинитъ, оный всеконечно, какъ вызыватель, такъ кто и вы-

оправдывается, но капитаны, поручики и капралы, допустившіе эту драку и не воспрепятствовавшіе ей со всею строгостію, лишаются чиновъ и служатъ за рядоваго; когда же послѣдствіемъ драки было что-либо вредное и опасное, тогда они вмѣстѣ съ преступникомъ предаются полковому суду и ждутъ его рѣшенія, art. 67. Дѣла-же о поединкахъ между офицерами разсматриваются въ верхнемъ судѣ, или-же въ особомъ судѣ чести, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала. Ober. Ger. Ordn. tit. 1, art. 7 и 8. Смотри о судѣ чести по поводу поединковъ въ шведской арміи у Фрицціуса, стр. 120. Послѣдній утверждаетъ, что въ шведской арміи за поединокъ состоявшійся опредѣлялась смертная казнь, но изъ текста приведенныхъ нами законовъ этого не видно.—Съ половины XVII ст., собственно послѣ тридцатилѣтней войны, во Франціи, а затѣмъ въ Пруссіи, Даніи и Швеціи издаются особыя постановленія о поединкахъ или дуэляхъ, которыми воспрещаются таковые безусловно лицамъ всѣхъ званій и состояній подъ опасеніемъ наказанія на тѣлѣ и смертью и конфискаціи имущества. Эти спеціальные законы о поединкахъ мы разсмотримъ ниже, при оцѣнкѣ русскаго «Патента о поединкахъ и начинаніи ссоръ». Въ Швеціи въ 1682 г. появился эдиктъ о дуэляхъ, распространявшійся на рыцарство, дворянъ и военныхъ начальниковъ (Caroli XI Duell-Edict, de an. 1682. C. J. M. Novis., II, 433—442), и сообразно ему, на основаніи новошведскаго военно-уголовнаго кодекса (арт. 82), всѣ офицеры дворянскаго происхожденія и начальники не изъ дворянъ (so keine Edelleute) за поединки и драки подвергаются наказанію по опредѣленію военнаго суда на основаніи означеннаго эдикта, а всѣ прочіе военно-служащіе недворянскаго происхожденія—унтеръ-офицеры, капралы и рядовые по арт. 82-му, т. е. унтеръ-офицеры разжалованіемъ въ рядовые, а рядовые—шпицрутенами; сверхъ того, за нанесеніе раны, причиненіе вреда и убытковъ унтеръ-офицеры и рядовые облагаются особымъ наказаніемъ, согласно законамъ и на основаніи практики. Неопредѣленность и неполнота редакціи постановленій о поединкахъ и дракахъ въ ново-шведскомъ кодексѣ (глава XIV) побудила нашего законодателя въ артикулахъ о поединкахъ, ссорахъ и дракахъ (гл. XVII) придержаться правоопредѣленій новодатскаго военно-уголовнаго кодекса Христіана V (Kön. in Dän. Christian V. Art. Br.) съ нѣкоторыми видоизмѣненіями по указаніямъ бранденбургскаго и голландскаго комментаторовъ.

Замѣтка 3-я. Въ новодатскомъ военномъ артикулѣ, который служилъ матеріаломъ для «Улож. или права воинс. повед. 1702 г.» (См. главу V о главныхъ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, ст. 59—69), опредѣляется арт. 35 (улож. ст. 69): военно-служащимъ отъ высшихъ до низшихъ воспрещается вступать въ злостныя драки и поединки, вызывать или принимать вызовы, наносить раны или дѣлать поврежденія подъ страхомъ наказанія на тѣлѣ или смертію. Наравнѣ съ ними наказываются и тѣ, которые помогаютъ вызывающимъ на поединки или драки или употребляются въ качествѣ секундантовъ». Затѣмъ въ артикулахъ 26—34 даются совѣты о предупрежденіи ссоръ и опредѣляются наказанія за обиды словомъ или дѣйствіемъ и вообще за драки; за нанесеніе удара ножемъ опредѣляется пробить ладонь руки ножемъ и раз-

детъ, имѣетъ быть казненъ, а именно: повѣшенъ, хотя изъ нихъ кто будетъ раненъ или умерщвленъ, или хотя оба не ранены отъ того отойдутъ. И ежели случится, что оба, или одинъ изъ нихъ въ такомъ поединкѣ останется, то ихъ и по смерти за ноги повѣсить.

Слова, напечатанныя у насъ курсивомъ, замѣняютъ слѣдующими выраженіями въ рукописи: а) «хотя бъ онъ кто ни былъ», б) «хотя отъ другаго», в) «или чрезъ иное что».

Сличи: ново-шведск. арт. 82, старошв. арт. 67, патен. о поединкахъ, гл. 49 Уст. Воин.

Замѣтка. Составъ преступленія въ артикулѣ 139 нормируется по шведскому кодексу съ измѣненіями въ частностяхъ подъ вліяніемъ другихъ иностранныхъ постановленій, которыя извѣстны подъ именемъ эдиктовъ, мандатовъ, патентовъ. По буквѣ арт. 139-го, субъектомъ преступленія можетъ быть *всякій*, а не одни только воинскіе люди: «Всѣ вызовы и т. д.», «хотя бы кто онъ ни былъ, высокаго или низкаго чина, прирожденный здѣшній или иноземецъ». Это существенное отличіе Артикула В. отъ Патента о поединкахъ, назначеннаго собственно для лицъ служащихъ въ войскѣ, текстъ котораго мы приводимъ ниже. Поединки въ нашемъ военномъ кодексѣ *безусловно* воспрещаются, что согласно со взглядомъ многихъ выдающихся криминалистовъ эпохи и духомъ французскихъ ордоннансовъ, особенно—же регламента Людовика XIV о дуэляхъ, какъ преступленіяхъ противъ величества. Reglement général sur les Duels, au mois d'Aoust 1679. Code Milit. de Louis XIV. На основаніи ст. 13 и 16 французскаго регламента, роды наказанія за дуэли различаются по сословіямъ, къ которому принадлежатъ субъекты: лица дворянскаго происхожденія, какъ вызывающій, такъ и вызванный, въ случаѣ состоявшейся дуэли, подвергаются лишенію жизни и конфискаціи имущества, за исключеніемъ части, опредѣляемой на содержаніе вдовы и дѣтей; убитые на дуэли лишаются погребенія; лица же, не принадлежащія дворянскому сословію, въ случаѣ состоявшейся дуэли, когда поединокъ сопровождался нанесеніемъ раны или смертью, *немедленно* подвергаются повѣшенію или задушенію, имѣнія ихъ конфискуются, за исключеніемъ одной трети въ пользу суда, вдовы и дѣтей; наконецъ, дворяне за поединокъ съ лицами недворянскаго происхожденія или съ своими подданными наказываются наравнѣ съ секундан-

рѣзать ее между пальцами (art. 24), за ударъ обнаженнымъ оружіемъ тяжкое наказаніе на тѣлѣ (art. 28), за ударъ по щекѣ—обратная ея сдача въ присутствіи офицера, подъ командою котораго состоитъ обиженный или тѣхъ людей роты или капральства, въ присутствіи которыхъ обиженный получилъ пощечину. «Und sollen sich billig die hinfüro hüten und schämen, so täglich mit Gewehr umbgehen, das sie thun was gemeiner Canaille und Jungen Werck ist» (art. 29). *Сравн. новод. арт. 35, 24, 28 и 29 съ русскими арт. 139, 140, 143, 144, 145.* Другими новодатскими артикулами 25, 26, 30, 31, 36 объясняются опредѣленія русск. воен. арт. 142, 147 и 148 о принятіи мѣръ въ случаѣ драки и о порядкѣ обжалованія въ челобитьяхъ. C. J. M. 1709, 1, s. 453—455; C. J. M. Nov. II, 271—274.

Замѣтка 4-я. Въ *голландскихъ военныхъ артикулахъ* (art. 42, 43, 44 и 45) предусматриваются ссоры, драки и поединки въ войскахъ какъ при исполненіи обязанностей службы, такъ и внѣ службы. Поединки не допускаются безъ разрѣшенія начальника, который командуетъ на квартирахъ, подъ опасеніемъ лишенія жизни за *неповиновеніе* (арт. 42). Капралъ или другой начальникъ караула, допустившій драку между двумя низшими чинами, подвергается лишенію жизни (арт. 43). Когда солдатъ оскорбитъ кого-либо словомъ или дѣйствіемъ, то начальникъ квартиръ обязанъ потребовать отъ оскорбителя въ присутствіи команды (Wache) принести извиненія, и затѣмъ, по обстоятельствамъ дѣла, приказать отнять у него оружіе и изгнать изъ роты (арт. 44). При отсутствіи свидѣтелей возникшей ссоры (Streit), начальникъ обязанъ потребовать примиренія въ своемъ присутствіи; когда же поссорившіеся на это не согласны, то оба, или одинъ упорствующій, лишаются оружія и исключаются изъ роты (арт. 45). Такъ поступали въ наемныхъ войскахъ. Комментаторъ Петръ Паппій, объясняя текстъ поименованныхъ артикуловъ, старается доказать, что драки и вызовы нерѣдко бываютъ поводомъ къ возмущеніямъ и, во всякомъ случаѣ, составляютъ большое зло въ арміи. Недозволенные поединки между солдатами строго наказываются потому, что они не властны распоряжаться собою и своею жизнью. Законъ (арт. 43), по которому капралъ подвергается лишенію жизни за то, что допуститъ отлучку съ караула двухъ солдатъ для драки, Паппій оправдываетъ тѣмъ, что начальникъ долженъ располагать достаточными способами для устраненія дракъ ради пустыхъ причинъ. Капралъ, во имя дисциплины, отвѣчаетъ за все то зло, которое случится въ караулѣ подъ его командой. Mart. Laudens in tract. de milit. n. sin. И капитанъ по закону отвѣчаетъ за погрѣшности своихъ солдатъ. Поэтому древніе греки наказывали не только капраловъ, но и тѣхъ, которые командовали караулами, такъ-называемыхъ *procustodes, sive principes custodum.* Et ita saepa eos vocat Aeneas in Poliorceto.—Въ римскихъ легіонахъ за благочиніемъ наблюдали военные трибуны - tribuni Militum. Hotom. in libr. de magistr. Roman. in verb. Tribuni Militum in legionibus.—Турки мастерски умѣли унимать ссоры солдатъ между собою. По мнѣнію Льва императора, если солдатъ не доволенъ рѣшеніемъ капитана, то споръ долженъ разрѣшить полковникъ. Однако, можно-ли ожидать пользы отъ солдата, который не же-

тами, пособниками и укрывателями, т.-е. лишеніемъ жизни и проч. (ст. 15).—Въ шведскомъ воен. кодексѣ воспрещаются поединки въ лагеряхъ, городахъ, крѣпостяхъ и гдѣ бы то ни было между офицерами, унтеръ-офицерами и рядовыми; но роды наказанія за поединки поставлены въ зависимости отъ сословія и чина. Дворяне и офицеры, до прапорщика или корнета, наказываются на основаніи эдикта о дуэли 22 августа 1682 г., унтеръ-офицеры и капралы (кромѣ дворянъ) лишаются унтеръ-офицерскаго званія, а рядовые (кромѣ дворянъ) подвергаются наказанію шпицрутенами; сверхъ того, по опредѣленію суда, дополнительному наказанію, смотря по свойствамъ раны, вреда и издержкамъ. См. шв. арт. 82 и замѣтки къ нему.—Бранденбургскій кодексъ, воспрещая драки и ссоры вообще между военнослужащими, предоставляетъ опредѣлять наказаніе военному суду и угрожаетъ офицерамъ лишеніемъ чиновъ, службою за рядоваго и возмѣщеніемъ убытковъ по опредѣленію военнаго суда; но вызвавшій на дуэль и потребовавшей секундантовъ подвергается лишенію жизни, а соучастники (Beyständе) наказанію, опредѣленному для бунтовщиковъ (Rebellen). Бранденбургскій арт. 49 и 50.—Въ томъ-же смыслѣ разрѣшаетъ вопросъ о дуэляхъ и датское военное право, опредѣляя дуэлянтамъ наказаніе на тѣлѣ и лишеніемъ жизни. Ново-датскій арт. 35.

Въ Соб. Уложеніи 1649 года о поединкахъ не упоминается, но они воспрещены были иностранцамъ въ наказахъ и полицейскихъ инструкціяхъ; по обычаю, въ случаѣ убійства кого-либо на поединкѣ, виновный наказывался какъ за смертоубійство. Вѣроятно, поэтому и военное уложеніе 1702 года къ поединкамъ отнеслось не съ такою строгостью, съ какою преслѣдовались поединки въ датской арміи, откуда, собственно, для этого временнаго кодекса и были заимствованы почти всѣ правоопредѣленія, относящіяся къ преступленіямъ въ войскахъ. «Никто да не дерзаетъ отъ вышняго чина даже до нижняго на поединокъ выходить вызывать подъ жестокимъ наказаніемъ, а естли (кто) котораго убъетъ до смерти, того по розыску казнить смертью-же». *Улож. или право в. пов. Гл. V, ст. 69. Ср. новодат. арт. 35.* Но въ Артикулѣ Краткомъ поединки запрещены подъ угрозою лишенія жизни: «Всѣ вызовы, поединки, или хотя словомъ, или чрезъ знакъ (?), скрытныя драки подъ наказаніемъ смертнымъ заказать.

лаетъ помириться съ своимъ товарищемъ, въ помощи и содѣйствіи котораго онъ нуждается постоянно, каждый часъ, ежеминутно, и съ которымъ вмѣстѣ подвергается общей опасности. Солдатъ долженъ повиноваться охотно волѣ начальника, ибо вся сила командованія основывается на повиновеніи. Не даромъ лакедемонскій генералъ Клеантъ воспитывалъ своихъ солдатъ въ такомъ духѣ, чтобы каждый изъ нихъ боялся своихъ начальниковъ болѣе, чѣмъ не пріятеля. Xenophon, *lib. 2. ανα Σάδεως*. Valer. Maxim. lib. 2, cap. 2. Также у древнихъ римлянъ сложилась такая поговорка: Miles ducem qui metuit, hostem non tinet. Солдатъ, имѣющій страхъ къ начальнику, не дрогнетъ передъ непріятелемъ. Въ послѣдствіи военные артикулы о преступленіяхъ противъ чести дополнены эдиктомъ о дуэляхъ принца Оранскаго, 31 марта 1684 г., текстъ котораго служилъ образцомъ для русскаго *патента о поединкахъ и начинаніи ссоръ*. C. I. M. Novis. II, s 497—502.

Замѣтка 5-я. Цюрихское военное право, art. 55, аналогично съ старошведскимъ art. 67. Въ артикулѣ 55-мъ воспрещаются ссоры и драки въ лагерѣ, караулѣ и крѣпости, виновные наказываются по суду; зачинщикъ спора по суду можетъ быть даже оправданъ, но начальникъ, виновный въ допущеніи ссоры и драки, наказывается лишеніемъ чина и назначеніемъ на службу за рядоваго. Если-же отъ драки произошелъ какой-либо вредъ, то капитанъ, поручикъ или капралъ вмѣстѣ съ преступникомъ ожидаютъ своей участи отъ рѣшенія суда.

Замѣтка 6-я. Бранденбургское военное право (art. 49 и 50) воспрещаетъ всякую драку или буйство *всѣмъ и вездѣ, гдѣ бы то ни было*, и комментаторы Гойеръ и Шульценъ въ своихъ замѣткахъ объясняютъ понятіе слова «alles» ссылками на имперскіе нѣмецкіе законы—Максимиліана II, art. 29, 31, 32, 33, 34, 40, и кавалерійскій уставъ art. 67, а равно на приведенные нами голландскіе артикулы. Поединки допускались съ самой отдаленной древности а) для разрѣшенія гражданскаго спора (судебный поединокъ): Specul. Sax. lib. 2, art. 2, Alciat *de certam sing et haec duella judiciara vocabuntur*. Bocer *lib. 2, de duell. c. 3, toti*; б) за совершеніе нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленій: 1) оскорбленіе величества, 2) нанесеніе смертельнаго удара, и 3) обвиненіе въ волшебствѣ. Constit. Neapol. *l. 2, tit. 33*. Leg. Schot. *lib. 4, c. 1, § 12*—in crimine laesae. Въ Норвегіи соискатели руки дочери королевской, княжеской или дворянской разрѣшали споръ поединкомъ, невѣста доставалась побѣдителю (Albert Kranz). Нѣкто Старкутерій уложилъ на поединкѣ девятерыхъ братьевъ, дравшихся съ нимъ за обладаніе руки королевской дочери. Опытъ исторіи показываетъ, продолжаетъ Гойеръ, что на поединкѣ лишается жизни невиновный, а виновный, какъ побѣдитель, торжествуетъ,—что противно понятію о правосудіи. Многіе писатели требуютъ уничтоженія и воспрещенія поединка, какъ обычая безбожнаго, нарушающаго право естественное и противнаго ученію Христа. Oldrad. *Consil. 191, n. 2*. Damhouder in pr. crim., c. 42. *Henr.* Bocer, *lib. 2, de duell. c. 2*, vide ibi latissime rationes decidendi.

хотя кто не раненъ будетъ или животъ не потеряетъ. Понеже симъ преступается противъ Его Величества своего Государя, которому каждый свое дѣло разсудить отдаетъ и на службѣ его ся отдати долженъ есть. *Арт, Кратк. Гл. II, ст. 7.* Драгунскіе полки, для которыхъ былъ составленъ Крат. Арт. барономъ Гюйссеномъ, имѣли почти исключительно иностранныхъ полковниковъ и большинство офицеровъ. И изъ текста Арт. Воин. арт. 139-го, въ которомъ опредѣлено повѣшеніе дуэлянтовъ за поединокъ, даже *несостоявшійся*, видно, что Петръ I былъ сторонникомъ безусловнаго запрещенія дуэлей, и посредствомъ угрозы жестокимъ наказаніемъ не желалъ допустить распространенія ихъ въ своемъ государствѣ. Однако жъ, въ то время нѣкоторыми законодателями и юристами западной Европы поддерживалось мнѣніе, что дуэли могутъ быть допущены въ случаяхъ особенно важныхъ, когда дѣло касается оскорбленія чести. Объ этомъ читатель найдетъ въ замѣткахъ нашихъ къ шведск. воен. арт. **82.**

Арт. 140. Ежели кто съ кѣмъ поссорится и упроситъ секунданта (или посредственника), онаго купно съ секундантомъ, ежели пойдутъ, и захотятъ на поединкѣ биться, такимъ-же образомъ, какъ и въ прежнемъ артикулѣ упомянуто, наказать надлежитъ.

Сличи: датск. воин. арт. 35 въ концѣ, бранденб. арт. 50, комментаріи къ бранденб. арт. 49, патентъ о поединкахъ и начин. ссоръ. Уст. Воин. гл. 49, Французск. реглам. 1679 г., арт. 15 и 17.

Замѣтка. Секунданты подлежатъ одинаковому наказанію, ежели поединщики явились уже на мѣсто поединка. По французскому регламенту секунды, тіерсы (Tiers) и другіе пособники, а также укрыватели, если—бы даже не было ни раненаго, ни убитаго на дуэли, наказываются лишеніемъ жизни, конфискаціей имущества и объявляются безчестными. Ихъ наслѣдники дворяне должны перемѣнить гербъ. Ср. съ русск. Пат. о поедин., ст. 14. См. наши замѣтки къ ново-шв. арт. 82.

Арт. 141. Ежели учинится драка при питьѣ въ пиру безъ вызова, хотя никто умерщвленъ или пораненъ не будетъ, то рядоваго за то чрезъ полкъ гонять шпицрутенъ, а офицера жестокимъ карауломъ профосу отдавъ наказать, и сверхъ того имѣетъ виноватый у обиженнаго просить о прощеніи предъ судомъ.

Толк. Вышеупомянутый артикулъ *значитъ о зачинщикѣ драки*, а не о томъ, который побитъ и принужденъ будетъ себя оборонять. Того ради судьѣ въ такомъ дѣлѣ весьма крѣпко допрашивать надлежитъ, кто именно зачинщикомъ ссорѣ былъ.

Такъ-называемый *поединокъ чести*—duellum honoris, *для защиты своей чести отъ поруганія* — quo de honoris defendendi causa suscifutur, имѣетъ многихъ сторонниковъ. Однако, нельзя же не назвать безразсуднымъ укоренившагося мнѣнія (очевидно, происшедшаго отъ діавола), что если придворный кавалеръ или какой-либо воинъ замѣтитъ въ другомъ что-либо по его взгляду дурное, то долженъ обидѣть его словомъ или дѣйствіемъ, послѣ того обида должна быть удовлетворена поединкомъ.

На основаніи эдикта 17 сентября 1652 года, запрещены *всѣ* поединки безъ различія чина и состоянія, подъ угрозою наказанія на тѣлѣ и смертію. Преемники великаго курфюрста—короли Фридрихъ I и Фридрихъ-Вильгельмъ I, современники и союзники Петра Великаго, въ обновленныхъ эдиктахъ о дуэли, отъ 6 августа 1688 г. и отъ 28 іюня 1713 г., усилили строгость наказаній за поединки и драки, подчинивъ судопроизводство инквизиціонному процессу и увеличивъ денежный штрафъ (Geld Busse). Эдиктъ Фридриха-Вильгельма 1713 г. по своей суровости противъ дуэлянтовъ превосходитъ даже французскій регламентъ Людовика XIV, о чемъ сказано ниже, въ главѣ о Патентѣ. См. C. I. M. Nov. 1, s. 617—650. Прусскіе генералъ-аудиторы Гойеръ, Шульцъ и Катчъ, не признавая законность такъ-называемыхъ поединковъ чести, относили нарушеніе постановленій о поединкахъ къ преступленіямъ измѣны, возмущеніемъ противъ особы короля и возстаніемъ противъ самого Бога, и устраняли всякое милосердіе и снисхожденіе противъ обвиняемыхъ въ поединкахъ. Въ этомъ отношеніи бранденбургскія постановленія оставили за собою далеко назади постоновленія прочихъ государствъ, не исключая Франціи.

Замѣтка 7-я. Что-же касается до имперскихъ нѣмецкихъ законовъ о преступленіяхъ противъ чести, то въ нихъ подвергаются исключительно строгому преслѣдованію такъ-называемые *поединки по ремесму*—duellum audaciae sive temeritas; такихъ охотниковъ или мастеровъ драться на шпагахъ на поединкахъ немало развилось по закоулкамъ Германіи въ средніе вѣка, и свое ремесло они охотно продавали желающимъ. Строго преслѣдуются также драки, бои и поединки въ походѣ, въ строю, въ караулѣ, въ лагеряхъ и крѣпостяхъ. Солдатъ, обиженный словомъ или дѣйствіемъ, долженъ приносить жалобу своему офицеру или въ подлежащее мѣсто. Если обиженный словомъ отвѣтитъ ударомъ палки, то потерпѣвшій долженъ принести жалобу въ установленномъ порядкѣ. Солдатамъ и офицерамъ должно жить другъ съ другомъ въ согласіи, оставить свою ненависть въ сторонѣ, не мстить одинъ другому, не вступать въ драки между собою, не поднимать другъ противъ друга оружія и всякую ссору, всякій споръ предоставлять рѣшенію начальства или в. суда. Нарушители постановленій о преступленіяхъ противъ чести въ войскахъ подвергаются наказанію на тѣлѣ, или наказанію на тѣлѣ и смертью; родъ наказаній въ данномъ конкретномъ случаѣ сообразовался съ предписаніями Уголовн. Улож. Карла V (P. H. G. O.), или же комментаторы рекомендовали судьямъ руководствоваться военными артикулами другихъ странъ. Вообще-же нѣмецкія постановленія о поединкахъ, ссорахъ и дракахъ отличались сравнительною мягкостью, напримѣръ—*Саксонскіе эдикты о дуэляхъ.*

Справщикомъ замѣнено въ рукописи слѣдующее мѣсто: «значитъ онаго, кто зачинщикомъ драки будетъ».

Сличи: Кратк. Арт. гл. II, ст. 8: «Дѣйствительное неправое убійство безъ опамятства, поспѣшеніемъ въ пьянствѣ, а (и) безъ вызову учинилося и безъ опасенія живота сошло, зачинщики: у рядовыхъ бѣжать сквозь строй, а унтеръ-офицера къ полу приковать и паки дослуживать, а высшему офицеру со всѣмъ жалованьемъ безъ обшиду отказать».

Замѣтка. Въ арт. 141 исправляется неясность состава преступленія Кратк. Артикула. Подобнаго закона, гдѣ состояніе опьяненія служитъ обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, въ другихъ кодексахъ мы не встрѣчаемъ. Предусмотрительность Артикула Воинскаго къ случаямъ дракъ въ состояніи опьяненія еще замѣтно видна изъ предложенныхъ мѣропріятій въ слѣдующемъ 142-мъ артикулѣ.

Арт. 142. Для остереганія всякаго случая надлежитъ при зачатіи такихъ дракъ постороннимъ ссорящихся пріятельски помирить искать, и ежели того не могутъ учинить, то немедленно по караулъ послать или самимъ сходить, и о такомъ дѣлѣ объявить, дабы караулъ ихъ развести или въ нужномъ случаѣ за арестъ взять могъ. Кто сего не учинитъ, оный такожъ, яко и виноватый, накажется.

Въ 142 артикулѣ выразился отпечатокъ явленій, столь распространенныхъ въ первые годы самодержавія Петра I. Въ иностранныхъ кодексахъ артикула сходнаго съ 142-мъ мы не встрѣчаемъ. Въ новодатскомъ арт. 32, откуда заимствована ст. 65 военн. улож. 1702 г., преподанъ совѣтъ мирить ссорящихся: «sollen die so dabey seynd, keiner Partey beyfallen, sollen freulich Friede nehmen»; это мѣсто ст. 65 в. улож. такъ передаетъ: въ случаѣ внезапной ссоры (гдѣ-ли бо), «которые при томъ будутъ, (не должны) ни къ которой сторонѣ приставать и (обязны) до ссоры не допущать». Въ арт. 142-мъ сказано о ссорахъ и дракахъ, которыя могутъ произойти на пиру, во время попойки (явленія нерѣдкія въ обществѣ того времени); если не удастся помирить ссорящихся или вступившихъ въ драку, то предписывается призывать на помощь караулъ. «Кто сего не исполнитъ, подлежитъ наказанію». Неточное опредѣленіе субъекта лишаетъ арт. 142 юридическаго значенія, ибо не извѣстно, кто именно обязанъ призывать на помощь караулъ; постороннихъ „можетъ“ быть много.

Арт. 143. Ежели кто съ кѣмъ ножами порѣжется, онаго надлежитъ, взявъ подъ висѣлицу, пробить ему руки гвоздемъ или тѣмъ же ножемъ [198]) на единый часъ, а потомъ гонять шпицрутеномъ.

---

[198]) Рукою Петра добавлено «тѣмъ». Поправка 50-я.

Начиная съ датскаго артикула 141 и до конца арт. 148, т.-е. въ преступленіяхъ противъ личной чести нанесеніемъ удара рукою, палкою или оружіемъ и принесеніи жалобы за обиду или оскорбленіемъ, съ опредѣленіемъ отвѣтственности, за оставленіе жалобы безъ вниманія, или за принесеніе неправильной жалобы, составитель нашего военно-уголовнаго кодекса руководствовался, главнымъ образомъ, правоопредѣленіями датскаго воен. арт. Христіана V, обращаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ указаніямъ комментаторовъ по поводу голландскихъ и бранденбургскихъ военныхъ артикуловъ, а также нѣкоторыхъ эдиктовъ о поединкахъ.

Ново-датскій артикулъ 24 соотвѣтствуетъ тексту русск. арт. 143.

Art. 24. Wer mit einen Messer, als einem diebschen und mörderlichen Gewehr, nach jemanden hauet oder stösset, demjenigen soll das Messer durch die Hand geschlagen und zwischen den Fingern wieder heraus gerissen werden; wer aber einem damit beschädiget, der soll am Leben gestraffet werden.

Сличи: ново-дат. арт. 24, Улож. или пр. воин. пов., ст. 57. Кратк. Артик. гл. II, ст. 8 въ концѣ. То же и Литов. Стат.

Замѣтка. Артикулъ 143 повторяетъ правоопредѣленія дѣйствовавшихъ въ началѣ Сѣв. войны временныхъ кодексовъ: «Кто ножемъ, яко тайнымъ воровскимъ оружіемъ, кого дерзнетъ сѣчи и колоти, а смертнаго убивства не учинитъ, и тому ножъ сквозь руку пробить межи перстовъ и по указу паки самому прорывать». *Улож. 1702, ст. 57.* «А буде кто изъ русаковъ (русскихъ) осмѣлится ножами рѣзаться, тому руку на цѣлый часъ пригвоздить къ висѣлицѣ и его потомъ прогнать (?)», *Арт. кратк., гл. II, ст. 8.*

Арт. 144. Кто пистолетъ или шпагу на кого подыметъ въ сердцахъ, въ намѣреніи чтобъ кого тѣмъ повредить, оному рука отсѣчена да будетъ.

Сличи: Ferd. III и Leop. I. Art. Br., art. 34. C. J. M. Nov., I, 83. Въ Соб. Улож., согласно съ Литовскимъ Стат., опредѣлялось за обнаженіе оружія отсѣченіе руки. Гл. III, ст. 4: «А будетъ кто при Государѣ выметъ на кого, какое-нибудь оружіе, а не ранитъ и не убіетъ, и того казнити отсѣчь рука». Въ уложеніи воен. 1702 г. крайне неудачно переданъ текстъ ново-датскаго арт. 28: «Кто оружіе не по нуждѣ нападенія обнажитъ... и т. д., тотъ «боевымъ на тѣлѣ наказаніемъ жестоко наказанъ быть имѣетъ». Розенгеймъ, стр. 280. Въ оригиналѣ: «Wer sein Gewehr nicht zu seiner Noth und Gegengewehr, sondern vielmehr zu offendiren entblösset etc... «der soll mit harten Leibes-Straffe beleget werden». Для наказанія по артикулу 144-му предполагается дурное намѣреніе.

Арт. 145. Ежели кто кого ударитъ по щекѣ, онаго предъ всею ротою *профосъ имѣетъ тако-жъ ударить*, и къ тому еще по разсмотрѣнію наказанъ быть имѣетъ.

Первоначальное выраженіе: «взаимно имѣетъ такожъ ударить профосъ», замѣнено справщикомъ киноварью, какъ напечатано у насъ курсивомъ.

Сравни: Christ. V, Art. Br. art. 29. Изъ сравненія съ приведеннымъ текстомъ датскаго оригинала видимъ, что нашъ законодатель дѣлаетъ существенное измѣненіе въ объектѣ преступленія; потерпѣвшій можетъ быть и не вооруженнымъ; отдаетъ пощечину не самъ потерпѣвшій, а профосъ, и затѣмъ виновному усиливается наказаніе шпицрутенами. На духѣ артикула 145-го сказалось вліяніе не только Соб. Улож., но и европейскаго уголовнаго права, представителемъ понятій котораго была Каролина и нѣкоторые военные кодексы.

Арт. 146. Кто съ сердцемъ и злости кого тростью или инымъ чѣмъ ударитъ и побьетъ, оный руки своей лишится.

Сличи: Christ. V. Art. Br. C. I. M. Nov. II, 270. Ср. Christ. IV Art. Br., art. 38: «Wer mit einem Messer einem beschädiget, sol sein Quth (?) und die Hand verbrochen haben, und ohne Pass verwiesen werden», C. I. M., 1674, s. 235.

Ново-имперскій артикулъ 34 соотвѣтствуетъ тексту русскаго арт. 144.

Art. 34. Item, es soll ein jeder bey Leibs-Straffe sich gegen dem andern mörderlichen Gewehr, als Büchsen oder sonst langen Gewehr nicht brauchen, bey seinem Eyd, aber die seiten Gewehr soll einem jeden zu seines Leibs-Beschützung zu gebrauchen frey seyn.

Сличи: Ferd. III und Leop. I. Art. Br., art. 34. C. I. M. Nov. I. 83.— Тоже и въ прежнихъ нѣмецкихъ имперскихъ артикулахъ С. I. M., изд. 1674 и 1709 гг.—Никакое смертоносное оружіе, какъ-то: пистолетъ, кинжалъ или что-либо подобное, не должно быть употребляемо на дуэляхъ, а должно употреблять для, своей защиты носимое холодное оружіе.

Замѣтка. За поднятіе обнаженнаго оружія противъ кого-либо (но не противъ начальника и не въ строю) обыкновенно опредѣлялось отсѣченіе кисти руки. Въ самозащитѣ требуется равенство оружія. Когда нападающій вооруженъ мечомъ, то обороняющійся, говоритъ нѣмецкій комментаторъ, имѣя при себѣ мечъ, не можетъ употреблять пистолетъ или пику.—Blumlacher in comment. ad Caroli V art. 142, q. 3, cuilibet enim licitum est, vitam suam quocunque modo redimere, т.-е. кто какимъ способомъ обиженъ, такимъ же способомъ долженъ защищать свою честь. Ср. русск. арт. 153, когда на бранное слово отвѣчаютъ боемъ: ударомъ палки, оружіемъ.

Слѣдующій ново-датскій артикулъ 29 соотвѣтствуетъ тексту русск. воин. арт. 145.

Art. 29. Wer einem Wehrhafftigen eine Maulschelle giebet, der soll in Presence des Officiers (unter dem der Beleidigte stehet), oder auch Corporalschafft, oder der gantzen Compagnie, nachdem viel oder wenig zugegen gewesen, wann er sie gegeben, wiederum von den beleidigten dergleichen Maulschelle aushalten und empfangen; Und sollen sich billig die hinführo hüten und schämen, so täglich mit Gewehr umgehen, dass sie thun was Gemeiner Canaille und Jungen Werk ist.

См. C. J. M. N. II, s. 271, 272. Сличи: старо-датскій арт. 37. Голландскій арт. 34. Codice Henrici, lib. 20, tit. 38, l. 23. Obrecht in discipl. de disc. milit. thes. 989. Petrin Bellusde re milit. part. 10, tit. n. 39.

Замѣтка 1-я. Принципъ равнаго возмездія—ex lege Talionis, поддержи-

Сравни: Christ. V, Art. Br. 30. Родъ наказанія опредѣляется подъ вліяніемъ ново-датск. арт. 30, гдѣ за нанесеніе удара кѣмъ бы то ни было, даже женщиною, въ полѣ, гарнизонѣ или на квартирахъ, опредѣляется наказаніе «на тѣлѣ и смертію». Этотъ датскій законъ существовалъ въ Уложеніи 1702 г., ст. 63, но въ неудачной редакціи: «никто да не дерзаетъ въ городѣхъ и селеніяхъ, въ полѣ какимъ ни есть чиномъ даже до послѣдняго поселянина мужеска или женска полу никакимъ безчестіемъ досадительно чинити подъ смертнымъ или жестокимъ наказаніемъ, по винѣ смотря; равенственно же и соизволителямъ тому дѣлу судитца». Правоопредѣленіе ст. 63 допускаетъ произвольное толкованіе, вслѣдствіе неяснаго выраженія мотивовъ злодѣянія: «никакимъ безчестьемъ досадительство чинити». Можно понимать, согласно съ датскимъ оригиналомъ, что здѣсь дѣло идетъ о какомъ-либо насиліи, но не объ оскорбленіи личной чести, напримѣръ: ударъ кулакомъ, палкою.

Арт. 147. И дабы озлобленный и обруганный свою надлежащую сатисфакцію или удовольствіе имѣлъ, когда *онъ самъ не захотѣлъ самовольнѣ отмщеніе учинить* а), тогда долженъ онъ командиру *онаго* мѣста жалобу принесть, который *долженъ* б) оное дѣло принявъ выслушать, и обиженному пристойное удовольствіе учинить. Ежели кто сіе пренебрежетъ, оный самъ имѣетъ быть наказанъ.

Въ рукописи измѣнены, какъ напечатано курсивомъ, слѣдующія выраженія: а) «онъ отъ своего отмщенія удержался», б) «командиру мѣста того жалобу принесть, которой имѣетъ».

Сличи: Христ. V, воен. арт. 36, комментаріи Петра Паппія о принесеніи жалобъ по начальству. Арт. Кратк., гл. II, ст. 11.

Замѣтка: Порядокъ принесенія жалобъ за личныя оскорбленія и обиды по начальству изложенъ въ инструкціи, о которой упоминается въ нашихъ замѣткахъ. Начальникъ или тотъ, кому принесена жалоба, оставившій жалобу безъ вниманія, на основаніи арт. 147 подлежитъ наказанію, какому — неизвѣстно. По датскому кодексу жалобы на обиды представлялись военному суду.

Арт. 148. Челобитчикъ имѣетъ челобитье свое право доносить и остерегать себя, чтобъ ничего не прибавлять, чего доказать не можетъ, что подлинно учинено; а ежели **неправое челобитье** [199]) учинитъ, то и онъ наказанъ будетъ равно, какъ и другіе.

Сличи: новодатс. арт. 37.

Замѣтка. Родъ наказанія за неправое челобитье въ арт. 148 не опредѣляется; выраженіе: «онъ наказанъ будетъ, равно какъ и другіе» — непонятно; кто эти «другіе»—неизвѣстно.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вопросы о личныхъ обидахъ по Собор.

---

[199]) Добавлены рукою Петра I. Поправка 51-я.

вается въ законахъ XVII и начала XVIII ст. не только въ преступленіяхъ чести, но и во многихъ другихъ случаяхъ. Драться по щекамъ свойственно только мальчишкамъ, а честному человѣку легче перенести рану, чѣмъ ударъ по лицу. *Петръ Паппій.* С. I. M. 1674, s. 640.

Замѣтка 2-я. Напавшій на кого-либо (солдата, горожанина, мужика, женщину, ребенка, слугу) подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, въ гарнизонѣ, въ полѣ или въ своей квартирѣ, съ палкою или чѣмъ-либо другимъ и нанесшій тѣмъ поврежденіе или оскорбленіе, на основаніи новод. арт. 30, подвергается наказанію на тѣлѣ и смертью. С. I. M. Nov. II. Christ. V, Art. Br., art. 30. Очевидно, здѣсь предполагается не простая обида, а насиліе «gewalthätig überfällt», или разбой, что уже не подходитъ къ разряду преступленій, предусматриваемыхъ въ гл. XVII Арт. Воин. Въ спеціальныхъ постановленіяхъ, относящихся къ ссорамъ, дракамъ и поединкамъ: въ саксонскомъ, шведскомъ, нидерландскомъ—за нанесеніе удара палкою полагается лишеніе чина, испрошеніе прощенія и заключеніе на сроки отъ 2 до 6 лѣтъ, смотря по состоянію и свойству нанесеннаго удара, спереди или сзади. «Erneuer. Duell. Mandat 1712, art. 12, 13». Въ шведскомъ патентѣ: «Patent gegen das Duelliren 1682» за ударъ палкою опредѣляется тюремное заключеніе на два года и затѣмъ послѣ церемоніи, на которой палачъ грозитъ обидчику палкою, послѣдній навсегда изгоняется. С. I. M. 1709, I, 234.—Въ нидерландскомъ патентѣ: Printz. v. Oranien Duell-Edict. de 1684» за ударъ палкою опредѣляется тюремное заключеніе на два года, угроза палкою отъ палача и вѣчное изгнаніе. С. I. M. Nov. II, s. 498.—Въ русскомъ Патентѣ тюремное заключеніе замѣняется лишеніемъ жалованья или чина «и буде иноземецъ безъ пасу выгнанъ». Въ русскомъ арт. 146, очевидно, предусматривается нанесеніе побоевъ, а, слѣдовательно, и поврежденіе, безъ нанесенія, однако, раны.

Приводимъ еще текстъ 36-го ново-датскаго артикула, которымъ предписывается приносить жалобы своимъ начальникамъ за всякаго рода личныя обиды.

Улож. между служилыми людьми разбирались въ полкахъ. «А будетъ межь служилыми людьми какая обида учинится въ полкѣхъ, и тѣхъ въ такихъ дѣлѣхъ судити, и расправа межь ими чинити полковымъ воеводамъ или судьямъ, которымъ судьямъ полковые воеводы прикажутъ». *Гл. X, ст. 149.* Всѣ дѣла о безчестьи, т.-е. личныя обиды, насилія, убытки, продажи, разбирались на основаніи постановленій о судѣ по Уложенію.

Затѣмъ *Уложеніе или право воинскаго поведенія* въ постановленіяхъ о «капитанѣ», гл. II, ст. 10, дѣла о личныхъ обидахъ начальныхъ людей, офицеровъ и солдатъ переноситъ въ воинскій судъ на основаніи процесса; въ случаѣ принесенія жалобы «надлежитъ полковнику, а буде самъ въ томъ дѣлѣ, то генералу тотчасъ по учиненной жалобѣ воинской судъ и безъ всякой понаровки достойное наказаніе учинить, чтобы никто изобиженъ не былъ»; въ постановленіяхъ о главныхъ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, гл V, данъ совѣтъ воздерживаться «отъ всѣхъ чести нарушительныхъ и бранныхъ словѣсъ и безчестіевъ» какъ между начальными людьми, такъ и между солдатами, и если обезчесченный принесетъ жалобу въ судъ, тогда «долженъ оный безчестникъ въ томъ отвѣтъ дать и у оскорбленнаго христіанскаго прощенія просить, а буде не получитъ, то отъ суда заключеніемъ желѣзомъ или какъ наказанъ быть имѣетъ по разсмотрѣнію (суда)». Далѣе, въ ст. 60—66, согласно съ новодатскимъ военнымъ правомъ, опредѣляются наказанія за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ—оружіемъ и рукою, и преподаются правила для примиренія поссорившихся. За нападеніе съ обнаженіемъ оружія опредѣляется «боевое на тѣлѣ наказаніе», за ударъ въ строю рукою, нанесенный солдатомъ солдату, обиженный «оборону свою проситъ у начальника», а если начальный начальнаго ударитъ, то жалоба приносится въ воинскій судъ; во всякомъ случаѣ за ударъ кого-либо въ щеку слѣдуетъ (по опредѣленію полковника или суда) «въ щеку ударить же при столькихъ же людяхъ, при какихъ онъ ударилъ» (ст. 61 и 62). Полковникъ, которому дано право суда, долженъ наказывать черезъ право суда, а если того не учинитъ, тогда отнять у него тотъ судъ и отдать подполковнику или маіору въ образъ безчестія ему. *Гл. VI, ст. 83,* сходна съ датск. в. арт. 49.

Въ *Артикулѣ Краткомъ*, гл. II, ст. 11, начальникамъ вмѣняется въ обязанность удовлетворять жалобы подчиненныхъ подъ опасеніемъ наказанія по суду. «Обиженному чтобы никакого попреку не было, буде отъ солдата терпимое неправо, безъ своего отмщенія высшему своему донесетъ, оные къ его праву къ удовольствованію немедленно чинить должны, буде они сами за небреженіемъ предъ судомъ стояти захощутъ и наказанными быти имѣютъ».

Слѣдовательно до изданія Артикула Воинскаго въ русскихъ войскахъ существовали: извѣстныя правоопредѣленія, относящіяся къ личнымъ обидамъ военнослужащихъ, порядокъ относительно обжалованія ихъ по начальству и правила для разбирательства жалобъ или самими начальниками, въ маловажныхъ проступкахъ, или военными судами въ преступленіяхъ болѣе важныхъ.

Art. 36. Deswegen wann jemanden einiger Despect wiederfahren, soll er solches seinem Obersten so fort zu erkennen geben, und alle Injurien, sie mögen bestehen in Worten oder Wercken (da die Interessirte durch des commandirenden Officiers vergleich zur Rettung ihrer Ehre, oder Leben, an der Gestalt nicht befriediget werden könten) sollen durch ordentliches Kriegs-Gerichte entschieden, und dem Beleidigten rechtliche Satisfaction zuerkandt werden, damit der merkliche Schaden welcher unsern Diensten durch das liederliche duelliren zugefüget wird, abgewendet, und so vielmehr die Gefahr wegen Verliehrung der ewigen Seeligkeit, darin die muthwillig duelirende Gewis, sich stürtzen, solcher Gestalt vermieden werde.

Сличи: Christ. V. Art. Br. Cp. Käys. Ferd. III и Leop. I. Art. Br., art. 35. Holländ. Kr. R., art. 44 и 45.—Никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, и потому обиженный, говоритъ Петръ Паппій, обязанъ жаловаться офицеру, начальникамъ или въ подлежащее установленіе. Но о томъ, какому наказанію подвергается начальникъ за непринятіе жалобы или оставленіе ея безъ вниманія и разсмотрѣнія, въ означенныхъ кодексахъ умалчивается.

Замѣтка. Разрѣшеніе личныхъ столкновеній, ссоръ и раздоровъ между военными людьми составляетъ не малую заботу для начальниковъ и судей.—У древнихъ римлянъ эта забота возлагалась на военныхъ трибуновъ въ легіонахъ—Tribuni militum. Hotom. in lib. de magistr. Roman. in verb. Tribuni militum in legionib.—Левъ императоръ предписывалъ за причиненныя обиды солдатамъ жаловаться капитанамъ, а если жалобу капитанъ оставлялъ безъ удовлетворенія, то жалобу приносить полковнику. Leo Imperat. de apparat. bellic. c. 8, п. 3.—Способностью укрощать раздоры между наемными солдатами отличался Скандербергъ. Histoire de Scandenberg. I. q. cap. 4, fol. 275. Scipion. Duplex. lib. de duello, c. 10.—Турки мастерски справлялись съ дѣлами, относящимися къ ссорамъ и дракамъ. Въ средніе вѣка нѣмецкіе императоры и французскіе короли, въ своихъ артикулахъ и ордонансахъ для наемныхъ войскъ предписывая солдатамъ жить между собою въ любви и добромъ согласіи, предоставляли разбирать споры и несогласія офицерамъ, капитанамъ и полковникамъ, или же полицейской власти—профосамъ и прево.

Ссоры, споры, брань и столкновеніе между солдатами и офицерами въ датскихъ и шведскихъ войскахъ, если не послѣдовало примиренія, разбирались въ полковыхъ судахъ. Густавъ-Адольфъ, поднявшій органы юстиціи въ шведской національной арміи, возложилъ на военные суды, полковые и верхній, разбирательство всякаго рода споровъ и исковъ между офицерами, унтеръ-

Существеннымъ дополненіемъ къ главѣ XVIII «о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ» служатъ: глава XVIII «о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ» и гл. 49 Уст. Воин. ч. I «Патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ» для «вышнихъ и нижнихъ офицеровъ и всего войска обще». Эти законы о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ словомъ и дѣйствіемъ въ соединеніи съ постановленіями главы XVII о ссорахъ и дракахъ составляютъ столь однородный юридическій матеріалъ о правонарушеніяхъ противъ личной чести, что оцѣнку разобранныхъ нами артикуловъ (138 — 148) мы можетъ сдѣлать не ранѣе, какъ разобравши арт. 149—153 гл. XVIII и параграфы Патента о поединкахъ.

офицерами и солдатами. Въ извѣстныхъ случаяхъ жалобы на обиды и оскорбленія переносились изъ полковаго суда въ верхній—Ober—Gericht. Kön. Maj. zu Schweden Ober—Gerichts—Ordnung, tit. 1, art. 8, 9. Наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ въ войскахъ возлагалось на генералъ-гевальтигера и полковыхъ профосовъ, какъ оффиціальныхъ представителей военно-полицейской власти. *Item.* tit. IV, § 19 и слѣд., tit. V.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ НА ДЕСЯТЬ.

О поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ.

Арт. 149. Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинитъ, прибьетъ и распространитъ, и тако кому непристойнымъ образомъ какую страсть или зло причтетъ, чрезъ что его доброму имени нѣкакой стыдъ причиненъ быть можетъ, онаго надлежитъ наказать такимъ наказаніемъ, каковою страстію онъ обруганнаго хотѣлъ обвинить; сверхъ того палачъ такое письмо имѣетъ сжечь подъ висѣлицею.

Толк. Напримѣръ, ежели кто кого въ пасквилѣ бранитъ измѣнникомъ или инымъ злымъ дѣломъ а), то оный пасквилотворецъ, яко измѣнникъ или какихъ дѣлъ дѣлатель, о которыхъ писалъ, б) наказанъ будетъ [200]).

Пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ, и въ томъ кого *въ какомъ дѣлѣ* (в)обвинитъ, и оное явно прибьетъ или прибить велитъ, а имени своего и прозвища въономъ не изобразитъ.

Ежели-же дѣло, въ которомъ будетъ въ пасквилѣ обруганный обвиненъ, весьма о томъ будетъ доказано, то правда, хотя обыкновенное наказаніе не произведено будетъ, но однакожъ пасквилантъ, по разсмотрѣнію судейскому, тюрьмою, сосланіемъ на каторгу, шпицрутеномъ и прочимъ наказанъ быть имѣетъ, понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другого погрѣшеніе объявить.

Ежели кто совѣтомъ, помощію и дѣломъ къ такимъ ругательнымъ письмамъ вспоможетъ, оныя тайно прибьетъ, кому въ домъ или на улицѣ подброситъ и прочая: онаго не инако, яко пасквиланта самого, наказать, однакожъ по разсмотрѣнію обстоятельствъ противъ оныхъ иногда наказаніе легче чинится.

---

200) Въ рукописи рукою Петра I зачеркнуты слѣдующія слова съ замѣною ихъ выраженіями напечатанными у насъ въ разрядку: (а) прелюбодѣемъ, (б) яко прелюбодѣй; поправки 53-я и 54-я.

Арт. 110. Straffe schriftlicher, unrechtlicher, peinlicher Schmähung.

Welcher jemand durch Schmäh-Briefe, zu Latein Libellus famosus genannt, die er ausbreitet, und sich nach Ordnung der Rechte, mit seinem rechten Tauff- und Zunamen nicht unterschreibt, unrechter, unschuldiger Weiss, Laster und Ubel zumisst, wo die mit Wahrheit erfunden würden, dass der geschmähte an seinem Leibe, Leben oder Ehren, peinlich gestrafft werden möchte, derselbige boshaftige Lästerer, soll nach Erfindung solcher Uebelthat, als die Rechte sagen, mit der Pein, in welche er den unschuldigen geschmähten, durch seine böse, unwahrhafftige Läster—Schrifft hat bringen wollen, gestrafft werden. Und ob sich auch gleichwol die aufgelegte Schmach der zugemessen That in der Wahrheit erfünde, soll dennoch der Ausruffer solcher Schmach, nach Vermögen der Rechte, und ermessen des Richters, gestrafft werden.

Pein. H. G. Ordn. art. 110. C. I. M. Nov. II, 630. Ср. Арт. Воин. арт. 149.

Замѣтка. Оскорбленіе на письмѣ можетъ быть двоякаго рода: 1) когда кто либо напишетъ другому въ обидныхъ выраженіяхъ, съ употребленіемъ ругательныхъ, поносныхъ словъ (которыя однако не заключаютъ въ себѣ понятія о преступленіи) и подпишетъ свою фамилію, при чемъ авторъ не имѣлъ намѣренія распространять написаннаго въ публикѣ, тогда такая личная обида или оскорбленіе облагается наказаніемъ, какъ за *обиду словомъ*, т. е. такъ, какъ если бы кто либо обругалъ другого словами: слѣпой песъ, б . . . сынъ, и т. п. Petr. Heig. p. 2, 9, 31, n. 64 и 2) когда-же кто либо сочинилъ пасквиль, такъ называемое позорящее честь или доброе имя письмо — famosis, libellis, (Schmäh-karten, Schand-schriften), то подвергается особому наказанію, какъ ниже сказано. Подъ именемъ пасквиля разумѣется такое дѣяніе, когда кто либо самъ напишетъ, нарисуетъ или отдастъ въ печать или заставитъ написать и проч. другого, обвиняя его въ дѣйствительномъ или мнимомъ преступленіи, и самъ опубликуетъ: прибьетъ, подброситъ, или подошлетъ, а своего настоящаго имени не подпишетъ. Впрочемъ подобное дѣяніе, на основаніи постановленій объ оскорбленіяхъ, состоявшихся во Франкфуртѣ въ 1577 г., въ статьѣ — *о печати и поносительныхъ письмахъ*, въ § 35, считается и тогда равно преступнымъ, когда составитель подпишетъ свою настоящую фамилію: «Es habe der Autor seinen Namen darunter gesetzt oder nicht». Блюмляхеръ въ своихъ комментаріяхъ на арт. 110 Каролины объясняетъ, что диффаматоръ подлежитъ наказанію за пасквиль, все равно подписалъ ли онъ свою собственную фамилію, или вымышленную, или

Рукою справщика киноварью замѣнено выраженіе «въ страсти какой» такъ какъ напечатано курсивомъ (*в*).

Сличи: Pasquil, Famos-Libell, Famos-Schrift, въ комментаріяхъ на имперскій нѣмецкій артикулъ 18. С. I. M. N. I, 68. Происхожденіе слова пасквиль—отъ римскаго сапожника Pasquina;—*Спасовичъ*, Журн. Мин. Юст., 1860, т. III, стр. 42. Брошюра барона Гюйссена: Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügendhaften Pasquils на лживыя обвиненія и клевету Нейгебауера. *Пекарскій.* «Наука и Лит. въ Россіи» 1862, ч. I, стр. 72, 80, ч. II, стр. 120.—Отличіе пасквиля отъ подметнаго письма 1-е Пол. Соб. Зак. IV, № 2245, V, №№ 2877, 3143. —Подметныя письма просто сожигались, пасквили велѣно сожигать подъ висѣлицей рукою палача. Оскорбленіе на письмѣ пропускомъ или измѣніемъ буквъ въ XVII ст.

Замѣтка. Глава XVIII о заочныхъ обидахъ на письмѣ и въ печати, а также обида браннымъ или поносительнымъ словомъ — служитъ развитіемъ предыдущей гл. XVII — объ оскорбленіи дѣйствіемъ, и дополненіемъ къ русскимъ законамъ о «безчестіи» по Уложенію, гл. X. Военныя постановленія Петра I о личныхъ оскорбленіяхъ *невѣжливыми бранными и чести трокутыми словами:* въ «Уложенномъ Артикулѣ». Рук. Сбор. Кожевникова, въ описаніи рукописей Румянц. музея подъ № 13; въ «Уложеніи или правѣ Воен. Поведенія» 1702, ст. 8, 59, 69.; въ «Арт. Кратк. барона Гюйссена» 1705—1706 г., гл. II, ст. 9, 10, 11, 12, 13, 14. — Но редакція этихъ статей крайне неудовлетворительна, см. текстъ у *Розенгейма*, стр. 297 и 298.

Правоопредѣленіе арт. 149 согласно съ артикуломъ 110 Угол. Улож. Карла V. Толкованіе слѣдуетъ опредѣленіямъ нѣмецкаго комментатора къ 18 арт. новоимперскаго к. уг. кодекса. См. на правой страницѣ текстъ 110 арт. и нашу замѣтку. Пособники наказываются наравнѣ съ сочинителемъ пасквиля.

Арт. 150. Ежели невозможно увѣдать пасквиланта, однакожъ надлежитъ пасквиль отъ палача сожженъ быть подъ висѣлицею, а сочинителя онаго за безчестнаго объявить.

Объясненіе. Заочная обида на письмѣ или въ печати въ западной Европѣ становится предметомъ уголовной кары лишь съ XVI ст.; опредѣленіемъ наказанія за *пасквили*, направленныя противъ почетныхъ лицъ, занимались на франкфуртскомъ сеймѣ въ 1577 г. Въ Россіи ядовитое жало пасквиля приходилось испытывать самому преобразователю; распространеніемъ пасквиля на Петра I и его сподвижниковъ, особенно на Меньшикова, занятъ былъ даже шведскій король Карлъ XII. Для составителя Артикула Воинскаго законодательный матеріалъ, относящійся къ оскорбленіямъ чести, или къ преступленіямъ противъ чести, былъ достаточно обработанъ юристами западной Европы, особенно въ Саксоніи. Такимъ обра-

вовсе не подписалъ, за то что онъ не обратился съ жалобою о преступныхъ дѣяніяхъ обвиняемаго имъ на письмѣ (въ печати) въ подлежащее установленіе или своему начальнику. Диффаматоръ подлежитъ наказанію на основаніи арт. 110 и тогда, когда онъ зналъ, о совершеніи преступленія, подлежащаго уголовной карѣ, но, вмѣсто объявленія объ этомъ начальству, обратился къ способу позорящему имя совершившаго такое преступленіе. Cod. de famos. libell. l. 3. Cod. de offic. rectoris provinciae. Даже если бы диффаматоръ, доказалъ, что преступленіе приписанное имъ другому было дѣйствительно содѣяно, то и тогда онъ подвергается наказанію по усмотрѣнію суда (poena arbitraria) изгнаніемъ, или розгами.

Диффаторъ, который не можетъ доказать совершенія преступленія, которымъ онъ позорилъ другого въ пасквилѣ, подлежитъ такому наказанію, какому могъ бы подвергнутся оскорбляемый, если бы онъ дѣйствительно совершилъ приписываемое ему злодѣяніе; напримѣръ: когда въ пасквилѣ кто либо названъ воромъ или убійцою, то пасквилянтъ наказывается какъ за воровство, или за убійство. Carpzow pr. crim. p. 2, 9, 98, n. 14 et seqq. Pert. Heig. p. 2, 9, 315 n. 46.

Соучастники, или пособники, помогавшіе въ написаніи, въ напечатаніи, въ распространеніи, въ передачѣ пасквиля, и вообще помогавшіе совѣтомъ или какими либо дѣйствіями, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, должны быть наказываемы на равнѣ съ составителемъ пасквилъ, но Карпцовъ (Capzow, д. p. 2, 9, 98, n. 14) находитъ справедливымъ смягчить имъ наказаніе, опредѣливъ такое по усмотрѣнію суда, по обстоятельствамъ дѣла и состоянію лица. Тоже у Bursat. consil. 94, n. 33.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пасквилянтъ не подвергается лишенію жизни, когда онъ, прежде чѣмъ написанное имъ и помѣщенное на публичномъ мѣстѣ объявленіе (или письмо), самъ уничтожилъ, или добровольно сознается въ своемъ злодѣяніи. C. I. M. Nov. 1, s. 68, 69.

зомъ, правоопредѣленія арт. 149 о пасквилѣ, о наказаніи пасквилянта и пособниковъ совпадаютъ съ духомъ арт. 110 Каролины и комментаріями къ нему и къ ново-имперск. воен. артикулу 18-му; кромѣ того, въ нашемъ арткулѣ 150 опредѣляется наказаніе неотысканному автору пасквиля. Такъ поступали въ Россіи съ пасквилями *Нейгебауера*, распространявшаго въ Европѣ извѣстія, позорящія честь и подвиги русскаго царя. Нельзя, однако, не пожалѣть, что составитель Арт. Воин. не воспользовался вполнѣ обстоятельно правоопредѣленіями о преступленіяхъ противъ чести неизвѣстнаго комментатора на 18 ново-имперскій артикулъ, у котораго онъ позаимствовалъ только статью—*объ особенной личной обидѣ на письмѣ и въ печати* (т.-е. пасквилѣ); такимъ образомъ, нашъ первый военно-уголовный кодексъ, въ которомъ такъ подробно обработаны воинскія и общія преступленія, лишенъ обстоятельной регламентаціи преступленій противъ чести въ тѣсномъ смыслѣ, и это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что правоопредѣленія Артикула Воинскаго объ *оскорбленіи чести* (въ главахъ XVII и XVIII и въ Патентѣ о поединкѣ и начинаніи ссоръ (Уст. Воин. ч. I, гл. 49), въ соединеніи съ статьями Соборнаго Уложенія о «безчестьи» и проч., въ практическомъ приложеніи должны были вести къ большимъ затрудненіямъ. Соборное Уложеніе безчестье видитъ и въ дракѣ, и въ поврежденіяхъ, и въ увѣчьи, и въ ранахъ. Уставъ Воинскій клевету не различаетъ отъ обиды.

Нѣмецкіе юристы конца XVII ст. раздѣляли обиды по способу совершенія на четыре группы: 1) *словомъ*—verbis, 2) *дѣйствіемъ*—re et facto, 3) *на письмѣ*, или въ печати—scriptis, и 4) *жестомъ*, или обиду символическую — gestibus.

Подъ *обидою словомъ* разумѣется произнесеніе въ глаза или за глазами (gegenwärtig oder abwesend) поносительныхъ словъ, или словъ ложныхъ, позорящихъ честь и доброе имя; отсюда дѣленіе обиды словомъ на легкую и тяжкую или клевету.

Обида дѣйствіемъ состоитъ въ томъ, когда кто кого-либо толкнетъ, ударитъ или сдѣлаетъ что-либо подобное, и дѣлится на легкую и тяжкую. Къ группѣ легкихъ обидъ дѣйствіемъ отнесены: вырываніе волосъ изъ головы или бороды, пощечина, разбитіе зубовъ или носа до крови, угрозы (Drohen) и всякаго рода нанесеніе ударовъ, которые однако не угрожаютъ жизни и притомъ, которыми не нанесено раны (die nicht tödlich sind, noch Lähme bringen, daraus auch keine Wunden werden, als braun und blau, auch Blutrünsten, mit Nägeln gekratzt, oder sonsten ohne Wunden und Lähme ver-

letzt, es geschehe womit es wolle (de injur. et ord. provinc. D. August Elect. Sax. de anno 1555). Къ тяжкимъ обидамъ дѣйствіемъ (hohen und groben real-injurien) отнесены: раны, увѣчья и поврежденія съ переломами костей, вывихами и наростами (Augen- Ohren- Nasen- und all andere Verletzung, so am Gesicht geschiehet), происшедшія отъ ударовъ, уколовъ, выстрѣловъ и тому подобныхъ дѣйствій, чѣмъ бы то ни было (Schneiden, in § fedet lex Cornelia n. 25 Instit. de injur. et alii complures).

Обида на письмѣ можетъ быть двоякаго рода — простая или легкая, разсматриваемая какъ и легкая обида словомъ, и обида направленная противъ другого съ цѣлью поврежденія его чести или добраго имени: пасквиль, диффамація, какъ изложено въ объясненіи нашемъ къ арт. 110 Улож. Карла V.

Обида жестомъ, или символическая, когда кто-либо съ цѣлью насмѣшки надъ другимъ показываетъ ему языкъ, выворачиваетъ глаза, искажаетъ лицо, или поднимаетъ руку, угрожая ударомъ, но не нанося таковаго.

Всякаго рода обида удовлетворяется въ порядкѣ гражданскаго или уголовнаго иска. На виновныхъ, смотря по обстоятельствамъ и состоянію лица, налагаются слѣдующія наказанія (кромѣ пасквиля): наказаніе розгами (или палками), денежный штрафъ, тюремное заключеніе, временное или вѣчное изгнаніе и лишеніе чести на всегда, или временно. Наказаніе уменьшается, когда обида нанесена въ состояніи минутной вспышки (ex motu primoprimo) и можетъ ограничиться испрошеніемъ христіанскаго прощенія и выраженіемъ раскаянія, что обидчикъ не имѣлъ никакого намѣренія повредить или оскорбить.

Мѣра наказанія усиливается, когда обида словомъ нанесена владѣтельнымъ особамъ (grossen Herrn), а по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ можетъ достигать лишенія жизни, или вѣчнаго изгнанія съ лишеніемъ чести.

За тѣлесныя поврежденія, раны и увѣчья потерпѣвшій получаетъ денежное вознагражденіе на лѣченіе (Artz Loh) и за потерю рабочаго времени въ томъ лишь случаѣ, когда онъ принесъ жалобу въ порядкѣ гражданскаго иска; но если оскорбителю платить нечѣмъ, то усиливается мѣра наказанія. Когда же потерпѣвшій принесъ жалобу на тяжкую обиду дѣйствіемъ, въ уголовномъ порядкѣ, то виновный подвергается наказанію на тѣлѣ и вѣчному изгнанію, а потерпѣвшій не долженъ получать платы: на лѣченіе, за увѣчье и причиненные убытки. Matth. Coter., p. 1, decis. 22, n. 5 et decis. 161 ibi n. 37. Berlich., p. 5, concl, 61, n. 62

Личная обида поглощается посредствомъ: *вознагражденія*, или *возращенія обиды* (взаимная обида), *извиненія* и за *давностью* (retorsione, remissione et dissimulationa, vel praescriptione).

Взаимная обида ненаказуема въ томъ лишь случаѣ, когда обруганный какимъ-либо поноснымъ словомъ отвѣтилъ тѣмъ-же.

Для поглощенія личной обиды извиненіемъ предполагается чистосердечное раскаяніе. Личныя обиды словомъ и легкія обиды дѣйствіемъ поглощаются за давностью одного года, въ 52 недѣли, по истеченіи котораго обиженный

не можетъ возбуждать никакихъ жалобъ за нанесенное ему оскорбленіе. Напротивъ тяжкая обида дѣйствіемъ можетъ быть поглощена только 30-лѣтнимъ срокомъ давности. Berlich. p. 5, conclus. 69, n. 33 et 34. Gail. lib. 2, observat. 14, n. 4 et seqq. Что-же касается до употребленія словъ, въ которыхъ выражается пожеланія чорта или наказанія заразою, то подобныя *заклинанія* сами по себѣ не заключаютъ посягательства на честь и доброе имя другого, и согласно Карпцову (Carpzow. pr. crin. p. 2. 9. 97, n. 80 et 81) не подлежатъ наказанію за обиду словомъ; судья можетъ ограничиться требованіемъ отъ хулителя христіанскаго прощенія. Cor. Jur. Mil. Nov. 1, s. 65—71; Cor. Jur. Mil. 1709, 1, s. 65—72. Röm. Käys. Ferd. III und Leop. 1, Art. Br. art. 18, по поводу словъ: «viel weniger mit schmähllichen oder verkleinerichen Worten antasten und beschmitzen solle».

По нынѣ дѣйствующему Русскому угол. уложенію къ *оскорбленіямъ чести*—относятся: 1) личная обида: а) словомъ и б) дѣйствіемъ, 2) неуваженіе и грубость, 3) клевета: а) простая и б) особенная, 4) разглашеніе свѣдѣній узнанныхъ въ тайнѣ и 5) угроза.— Опасныя же драки, соединенныя съ тѣлесными поврежденіями, поединки, увѣчья, раны, тяжкіе побои относятся къ группѣ преступленій на *тѣлесную неприкосновенность*. *Неклюдова*. Руководство къ особенной части уголовнаго права. Т. 1, разд. 1, стр. 5 и слѣд., 139 и слѣд.

Арт. 151. Ежели офицеръ о другомъ чести касающіяся или поносныя слова будетъ говорить, дабы тѣмъ его честное имя обругать и уничтожить, оный имѣетъ предъ обиженнымъ и предъ судомъ о б л и ч а т ь а), свои слова и сказать, что онъ солгалъ, и сверхъ того, посаженъ быть на полгода въ заключеніе.

Толк. Ежели оный поупрямится, который приговоренъ с е б я о б л и ч и т ь б), то можетъ онъ денежнымъ наказаніемъ и заключеніемъ къ тому принужденъ быть, и ему и иной срокъ ко исполненію приговора положить. И ежели сему учинится противенъ, то тюрьмою крѣпчае, а дачею денежною вдвое прибавить, и иной срокъ назначенъ будетъ. И ежели уже и въ семъ учинится противенъ, то можетъ профосъ въ присутствіи упорнаго, именемъ его отзывъ учинить, и послѣдующее наказаніе надъ виннымъ исполнить [201]).

Замѣтка. Въ арт. 151 предполагается клевета: опороченіе чести и добраго имени кого-либо вымышленными или ложными фактами *за глаза* соста-

---

201) Въ рукописи слова, напечатанныя у насъ въ разрядку, исправлены Петромъ I вмѣсто слѣдующихъ словъ: а) «отозвать», и б) «отзывъ чинить» поправки 55-я и 56-я.

Сличи: Duell Mandat, 1712, art. 2., текстъ котораго приводится на правой страницѣ.

Fridrich Augusti Königs in Pohlen und Churf. zu Sachsen erneurtes Duell-Mandat.

Am 2 Julii, anno 1712.

C. I. M. Nov. I, p. 287 — 320.

Welchergestalt dergleichen Personen (a), wegen heimliche Verleumdung, zu bestraffen.

Art. 2. Im Fall nun einer dem andern von dergleichen Personen (a) heimlich und in den Rücken in unzulässiger Absicht, wider die Wahrheit, ohne gnugsam habendes Fundament, nachreden, desselben guten Namen und Leumuth mit einem Schandfleck hintelistig beschmützen (sic), und denselben zu verunglimpffen, suchen würde, derselbe soll, und zwar das erste Mal, dem Beleidigten es abbitten, und einen öffentlichen, jedoch seinem Ehren unschädlichen Wiederruff thun, es wäre denn die Beleidigung allzugross, welchen falls auch infamia dabey declariret werden soll. Da er aber über dergleichen Laster sich ferner, es möge gegen und von eben selbigen oder andern Personen geschehen, betreten liesse, nebst der geordneten Abbitte und Wiederuff, nach Gelegenheit der Umstände, mit 2, 3 bis 4 monatlicher Gefängniss bestraffet, und wenn er sich in Güte nicht bequemet, ebenfalls mit Gefängniss-Zwang, so lange bis es erfolget, darzu bey Wasser und Brodt, angehalten werden, welche Straffe des Ungehorsams auch bey denen andern Fällen, da Abbitte und Wiederruff sich findet, beobachtet werden soll, und wenn er, auf erfordern, vor dem Richter sich nicht persönlich stellen will, sondern der beschehen Ladung ungeachtet, ungehorsamlich aussenbleibet, wird er sofort zur Hafft gebracht.

Ср. Арт. воин. арт. 151.

вляетъ *клевету*. Въ арт. 2 саксонскаго закона предусматривается именно клевета: «heimlich und in den Rücken in unzulässigen Absicht, wider die Wahrheit, ohne gnugsam habendes Fundament, nachreden» съ цѣлью опороченія чести и добраго имени. Это согласно и съ нашимъ понятіемъ о клеветѣ, подъ которою разумѣется распространеніе ложныхъ вымышленныхъ противъ кого нибудь обвиненій въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести». *Спасовичъ*. Журн. Мин. Юст., 1860 г., III, стр. 38. Клевета есть несправедливое или ложное обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Произнесеніе ложнаго обвиненія въ глаза лицу, котораго она касается будетъ составлять не клевету, а обиду. Точно также не будетъ клеветою, такое оскорбленіе, при которомъ не приписывается какой-либо противозаконный или противный чести поступокъ. *Неклюдовъ*. Рук. особ. части, т. 1, стр. 51 и 52.—Очевидно въ арт. 151 предусматривается не *заочная обида*, которая не имѣетъ значенія, а клевета, гдѣ истина смѣшана съ ложью, или ложное *обвиненіе* кого-либо передъ другими въ чемъ-либо недобросовѣстномъ, нечестномъ, незаконномъ и т. д. Оклеветанный становится въ положеніе обвиняемаго, не зная откуда именно идетъ нападеніе.

Арт. 152. Ежели кто другого не одумавшись съ сердца, или не опамятовась бранными словами выбранить, оный предъ судомъ у обиженнаго христіанское прощеніе имѣетъ чинить и просить о прощеніи; и ежели гораздо жестоко бранилъ, то, сверхъ того, наказаніемъ денежнымъ и сноснымъ заключеніемъ наказанъ будетъ.

Толк. Ежели оный, который имѣетъ просить о прощеніи, въ томъ поупрямится, то можно онаго чрезъ потребные способы къ тому принудить.

Сличи: Duell-Mandat, 1712, art. 3.

Замѣтка. Нашъ арт. 152 предполагаетъ простую обиду словомъ и притомъ сгоряча, въ раздраженіи «не одумавшись съ сердца, или опамятовась»; въ Саксонскомъ предполагается и болѣе тяжкая обида не только словомъ, но и жестомъ «höhnischen zur Beschimpfung gereichenden Geberden und Worten». И далѣе «die Schimpfworte und Expressiones derer Injurien hart, grob und sehr empfindlich, wobey auch auf die Dignität oder sonst der Unterscheid derer Personen zu sehen». Наказаніе въ нашемъ артикулѣ въ обыкновенныхъ случаяхъ ограничивается непрошеніемъ христіанскаго прощенія, но въ болѣе важныхъ случаяхъ опредѣляется денежный штрафъ и заключеніе безъ опредѣленія срока, но очевидно кратковременное «сносное.» Въ Саксонскомъ законѣ назначенъ шестинедѣльный срокъ заключенія. Болѣе тяжкая обида словомъ, облагаемая «заключеніемъ за арестъ на *нѣсколько мѣсяцевъ* и непрошеніемъ прощенія на колѣнахъ» предусматривается въ Патентѣ о поедин., ст. 1.

Арт. 153. А ежели кто противъ а), бранныхъ словъ боемъ или инымъ своевольствомъ б), отмщать будетъ, оный право свое тѣмъ

a) Къ такимъ лицамъ предъидущей Саксонскій артикулъ относитъ—дворянъ, рыцарство, совѣтниковъ королей и другихъ государей, равно какъ состоящихъ на дѣйствительной службѣ оберъ офицеровъ до адъютантовъ, корнетовъ и фенриховъ включительно. На этихъ только лицъ и распространяются постановленія въ арт. 2 до 15 относительно оскорбленiей: словами, ударомъ рукою, палкою и другимъ предметомъ, но не оружіемъ, при различныхъ обстоятельствахъ.

Straffe derer zu Beschimpfung gereichenden Geberden und Worten, auch verbal Injurien.

Art. 3. Würde ferner einer den andern mit umständigen höhnischen zur Beschimpfung gereichenden Geberden und Worten, auch verbal Injurien, sie haben Namen wie sie wollen, angreiffen, derselbe soll dem Beleidigten eine öffentliche Abbitte und Erklärung, des Inhalts (a) leisten und thun, auch mit vier- bis sechswöchentlicher Gefängniss, an einem Orte über der Erden beleget werden. Wären auch die Schimpff Worte und Expressiones derer Injurien hart, grob und sehr empfindlich, wobey auch auf die Dignität oder sonst der Unterscheid derer Personen zu sehen, auf solchen Fall soll der Beleidiger, bey Erstattung der Abbitte, sich nach Gelegenheit der Umstände, selbst Lügen straffen, oder gar aufs Maul schlagen, und, da ein solcher sich dessen verweigern wolte, der soll so lange, biss er dissfals gehorsam leistet, in härterer Gefängniss enthalten, und die Zeit, so er deshalb sitzet, keinesweges zur Compensation auf obgesetzte Straffe mit eingerechnet werden. Würden auch gantze Collegia und Richter zur Ungebühr et cavillatione und columnia in supplicatis, sätzen, oder sonst, wider die Wahrheit, angegriffen werden, so soll, nach ereignenden Umständen, eine noch höhere und längere Gefängniss-Straffe als hier gesetzet werden, wider die Verbrechere erfolgen.

a) *Formul der offentliche Abbitte und Ehren-Erklärung.* C. I. M. Nov. 1, p. 293. Такой то объявляетъ, что онъ обидѣлъ NN словами (или письмомъ, жестомъ), и затѣмъ проситъ извинить великодушно совершенное дѣяніе и т. д.

Ср. Русск. Арт. Воин. арт. 152-й толкованіи.

потерялъ, и сверхъ того съ соперникомъ своимъ въ равномъ наказаніи будетъ; такожъ и оный право свое потерялъ, кто противно бранитъ, когда онъ отъ другаго браненъ будетъ [202]).

Сличи: комментарій къ новоипер. арт. 18 о поглощеніи взаимныхъ обидъ.

Замѣтка. Въ текстѣ артикула встрѣчаются два недоразумѣнія, въ 1-хъ, въ томъ, что если обруганный отвѣтитъ ударомъ, то теряетъ право: «оный право тѣмъ потерялъ» какое — неизвѣстно, на жалобу, или на возмездіе, а во 2-хъ въ томъ, что нанесшій болѣе тяжкое оскорбленіе (напримѣръ ударъ) подвергается одинакому наказанію съ соперникомъ его обругавшимъ. Болѣе тяжкою обидою въ Артикулѣ почитается не только отвѣтъ на бранное слово ударомъ «боемъ», но и самоуправство или насиліе «своевольство». Взаимность обидъ ненаказуема, когда нанесены другъ другу *взаимноравныя* обиды и это согласно съ слѣдующею замѣткою коментатора: «wann gleichmässige Scheltworte beyderseits gebraucht werden, die actio injuriarum von sich selbsten verlescht». Carpzow, pr. crim. p. 2, 9, 97, n. 31. Слѣдовательно ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ повода къ иску. Въ Крат. Арт. гл. II, ст. 1 было такое постановленіе: «Кто самовластною обороною, точію на слова безъ задиранія вступитъ, то не точію свое удовольствованіе потеряетъ, но онъ и съ отвѣтчикомъ въ ровномъ будетъ наказаніи». Ср. съ текстомъ первой половины Воин. Арт. арт. 153. Изъ смысла первой половины этого артикула вытекаетъ такое положеніе, что челобитчикъ не только теряетъ право на удовлетвореніе за обиду, но подвергается равному съ обидчикомъ наказанію, когда онъ будучи обруганъ непристойнымъ словомъ, отвѣтитъ ударомъ рукою или палкою, или же совершитъ какое либо—самоуправство. Артикулъ 153 одинъ изъ наиболѣе неудачныхъ по своей конструкціи. См. объясненіе нѣмецкимъ комментаторомъ понятія взаимно равной обиды. C. I. M. Nov. 1, s. 70.

Личныя обиды начальника своимъ подчиненнымъ, и обратно — подчиненнаго начальникомъ въ *арт. 24 и 33*.

---

[202]) Въ рукописи рукою Петра исправлено такъ какъ напечатано въ разрядку.

Beleidingung der obere den, so unter ihm stehet.

Arf. 5. Solte aber ein höherer und vorgesetzter denjenigen, so unter ihm stehet, in Amts-Verrichtungen, ohne dessen sonderbahres verschulden, tort thun, und mit Worten ehrenrührig antassen, der soll zur mündlichen und schrifftlichen Ehrenerklärung angehalten werden, missbrauchte hingegen einer seiner habenden Autorität dermassen, dass er zur Bedrohung mit der Hand, des Prügels oder Werffen, jedoch sonder Thätlichkeit, käme, alsdenn soll er über die zu thun habende münd-s un schriftliche Ehern-Erklärung ein Jahr von seinem Amte supenddiret seyn. Jedoch ist dabey vornehmlich auf die Condition ererp Subalternen mit zu reflectiren, und nach deren Beschaffenheit die Straffe in etwas zu mildern.

Глава XLIX Устава Воинскаго. Патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ.

1. Всѣ вышніе и нижніе офицеры отъ кавалеріи и инфантеріи и все войско обще имѣютъ въ неразорванной любви, миру и согласіи пребыть, и другъ другу по его достоинству и рангу респектъ, который они другъ другу должны, отдавать и послушны быть. И ежели кто изъ подчиненныхъ противъ сего вышняго какимъ-нибудь образомъ поступитъ, то оной по обстоятельству дѣлъ наказанъ будетъ.

Сличи: Нидерл. эдиктъ о поед. ст. I. Обращеніе-же Вильгельма Оранскаго къ офицерамъ и солдатамъ генеральныхъ штатовъ относительно вредныхъ послѣдствій поединковъ и убійствъ, чѣмъ навлекается гнѣвъ Божій на страну, здѣсь выпущено.

2. Ежели кто, противъ Нашего чаянія и сего Нашего учрежденія хотя офицеръ, драгунъ или солдатъ (или кто-нибудь, кто въ лагерѣ или крѣпости обрѣтается) другъ съ другомъ словами или

W. H. Printzens von Oranien Duell-Edict.

Wilhelm Heinrich von Gottes-Gnaden, Printz von Oranien und Nassau tot. tit. Entbieten allen denenjenigen, welche gegenwärtiges sehen, oder lesen hören, Unsern Gruss, und fügen zu wissen: Demnach Wir zu Unserm grossen Leidwesen täglich vernehmen müssen, was Gestalt unter denen Officiers und Soldaten, so in Diensten der Hochmögenden Herren Generalstaaten der vereinigten Niederlande sich befinden, unangesehen der Verordnung wegen der Kriegs-Disciplin und specialen Placaten des Landes gegen das Duelliren, dergleichen Duell noch fortan im Schwange gehen, wodurch nicht allein viel Mord und Todtschlag entstehet, sondern auch die Justiz gering geachtet, und Gottes Zorn über das Land entzündet wird; dass Wir dannenhero solchen grossen Unheyl ernstlich zubegegnen, und demselben allzumahl so viel an Uns, vorzukommen, jedoch sonder zu revociren, weniger aber zu annuliren die vorigen gegen das Duelliren gemachte Verordnungen, sondern dieselben allerdings in ihrer vollkommenen Kraft und Vigor lassende, verordnet und statuiret haben, ordnen und statuiren auch vermittelst dieses:

I. Dass fürohin alle hohe und niedere Officierers, Reuter und Fussknechte, und insgemein alles Kriegs-Volck, nicht weniger auch die so sich sonst in dem Lager des Staats befinden, oder in denen Garnisons enige Militaire Verrichtung auf sich haben, in unzentrennlicher Liebe, Friede und Dintracht leben, und jeder dem andern nach seiner Qualitaet, Dignitaet und Rang den Respect und Gehorsam, den sie einander schuldig sind, geben und leisten sollen. Woferne aber einer von denen Untern seiner Schuldigkeit gegen einen Höhern auf einigerley Weise vergessen würde, so begehren Wir, dass gegen denselben ohne einiges Nachsehen nach Gestalt der Sache verfahren werden soll.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 1.

II. Solte jemand gegen Unser Vermuthen, und diese Unsere Verordnung, er sey Officier, Reuter, Soldat, oder insgemein sonst einer, so sich in dem Lager des Staats enthält, den andern mit

дѣлами въ ссору войдутъ, то въ томъ имянное Наше соизволеніе и мнѣніе есть, что обиженный того часа и безъ всякаго замедленія должествуетъ военному правосудію учиненныя себѣ обиды объявить, и въ томъ сатисфакціи искать, еже Мы всегда за дѣйство невиннаго прошеніе пріимемъ. И сверхъ сего повелѣваемъ военному суду обиженному такую сатисфакцію учинить, како по состоянію учиненной обиды изобрѣтено быть можетъ; и сверхъ сего обидящаго по состоянію дѣлъ, жестоко или заключеніемъ, отставленіемъ изъ службы, вычетомъ жалованья, или на тѣлѣ наказать, таковымъ образомъ: что ежели одинъ другаго бранными словами зацѣпитъ, онаго шельмомъ или сему подобнымъ назоветъ, таковый обидящій на нѣсколько мѣсяцевъ за арестъ посаженъ имѣетъ быть, а потомъ у обиженнаго на колѣнахъ стоя прощенія просить. Ежели офицеръ будетъ, то сверхъ того жалованья своего во время его заключенія лишенъ будетъ.

3. Кто кого рукою ударитъ, тотъ имѣетъ на *три мѣсяца* заключенъ быти *и на полгода жалованья лишенъ*, и потомъ у обиженнаго стоя на колѣнкахъ прощенія просить, и въ готовности быть отъ обиженаго равную месть принять, или за негоднаго почтенъ и чину своего (ежели какой имѣетъ) лишенъ, или вовсе или на время, по силѣ дѣла смотря.

4. Кто кого палкою ударитъ, тотъ имѣетъ также прощенія просить, и *отмщенія ожидать, и на годъ жалованья лишенъ, или вовсе и чина своего лишенъ*, и буде иноземецъ безъ паса выгнанъ.

5. Кто кому въ присутствіи или отсутствіи побоями грозитъ, и въ томъ довольно доказано быть можетъ, то оному *такожъ прощенія у обиженнаго просить, и сверхъ того вычесть на три мѣсяца жалованья*.

6. Понеже скорое правосудіе многимъ вредамъ упредить можетъ, того ради судьямъ, а именно: президенту, такожде и губернаторамъ повелѣвается всѣ дѣла во время трехъ или четырехъ недѣль, а по крайней мѣрѣ въ шесть недѣль оканчивать подъ наказаніемъ вычета ихъ жалованья *(для чего фискаламъ доношеніемъ не умедлять) на столько времени, сколько они за шесть недѣль протянутъ*.

7. *Сіи и прочія штрафныя деньги надлежитъ особливо сби-*

Worten und Werken injuriren, so ist desshalber Unser ausdrücklicher Will und Meynung, dass sich der Beleidigte, sobald und ohn enig Säumniss bey der Militair-Justiz melden, daselbst die ihm angethane Injurien zu erkennen gebe, und darüber Recht suche: welches Wir allezeit vor eine Würckung des Uns schuldigen Gehorsams halten wollen, wie es denn auch nicht allein der Obliegenheit eines guten Christen, sondern auch den Regulen der wahren Ehre und Hertzhafftigkeit allerdings gemäss ist. Befehlen hierauf weiter der Militar-Justiz, dem Beleidigten nach Gelegenheit der angethanen Injurien sattsame Satisfaction zu verschaffen, über dieses aber den Injurianten oder Beleidiger nach Gestalt der Sachen mit Gefängniss, Cassirung, Geld oder am Leibe, abzustraffen, dergestalt, dass, so jemand den andern mit scheltworten antasten, denselben einen Bernhäuter, Schelm oder dergleichen nennen, oder Lügen straffen würde, ein solcher Injuriant etliche Monat in Verhaft gesetzt hernach dem Beleidigten auf den Knien Abbitte zu thun angehalten — so es aber Officier ist, über dieses seiner Gage, die Zeit seiner Gefangenschafft über, verlüstig erkläret werde.

Wer den andern mit der Hand oder Faust schläget, soll ein Jahr in Gefängniss sitzen, hernach dem Beleidigten auf den Knien Abbitte thun, und sich bereit halten, dergleichen Tractament zu empfangen, oder vor untüchtig und seiner Charge, so er eine hat, verlustig erkannt—*oder auf immer, oder auf eine Zeitlang, nach erfordern der Sache, verwiesen werden.*

Wer den andern mit dem Stock schlägt, soll 2 Jahr in dem Gefängniss sitzen, *hernach ihm mit einem Stock von dem Scharfrichter gedrohet — damit vor untüchtig erkläret* — und auf ewig des Lands verwiesen werden.

Wer den andern in seiner An- oder Abwesenheit mit einer Maulschelle, oder andern Schlägen drohet, und dessen zur gnüge überwiesen werden kan, soll eben *solche Satisfaction thun, als ob er würklich Maulschellen gegeben oder zugeschlagen hätte.*

Weilen auch die schleunige Justiz vielem Unheil vorkommen kan; so wird denen Richtern, als nemlich dem Präsidenten und *Fiscal von dem hohen Kriegs Rath,* wie auch den Gouverneurs und Commadeurs in den Frontier-Platzen anbefohlen, die Sachen

рать для гошпитали, и изъ оныхъ въ гошпитали исправно платить.

8. Ежели же обиженный медлителенъ будетъ сіе объявить, то повелѣваемъ, чтобы оный таковымъ же наказаніемъ, каковое обидящій его заслужилъ, наказанъ былъ, *того для надлежитъ немедленно или бить челомъ или помириться.*

Сличи: Нидерл. эдиктъ о поед. ст. II; переводъ ст. 2 въ русск. пат. буквальный; въ ст. 3 срокъ заключенія ограниченъ 3 мѣсяцами, добавлено лишеніе жалованья, исключено изгнаніе на время или на всегда. Въ ст. 4— санкція за ударъ палкою измѣнена совершенно, но для иноземцевъ удержано изгнаніе. Въ ст. 5 за угрозу также измѣнена санкція. Въ ст. 6 конецъ измѣненъ о размѣрѣ вычетовъ изъ жалованья. Пропущено о фискалѣ высшаго суда. Ст. 7 редактирована иначе. Въ ст. 8 добавленъ конецъ «того для...». Всѣ измѣненія у насъ напечатаны курсивомъ.

9. Объявляемъ чрезъ сіе, что никакое оскорбленіе (каково бъ ни было) чести обиженнаго никакимъ образомъ умалить не можетъ, понеже обидящій наказанъ быти имѣетъ. Ежели же кто обиженному попрекать будетъ, хотя въ его присутствіи или отсутствіи, то оной таковымъ же образомъ накажется, яко бы онъ самъ тѣ обиды учинилъ, по вышеупомянутымъ артикуламъ.

Сличи: Нидерл. эд. о поед. ст. III, безъ измѣненій.

10. И дабы сіе Наше намѣреніе къ лучшему дѣйству произошло, того для повелѣваемъ Мы, а особливо всѣмъ офицерамъ и рядовымъ и всѣмъ прочимъ, которые въ лагеряхъ и *крѣпостяхъ* обрѣтаются: что ежели кто при таковыхъ словесныхъ или дѣйствительныхъ ссорахъ присутственъ будетъ, услышитъ или инымъ какимъ образомъ о томъ провѣдаетъ, чтобъ всякъ того часа сіе Военному Суду объявилъ, подъ наказаніемъ, что кто противъ сего поступитъ, хотя офицеръ или рядовой, оной таковымъ же образомъ, яко бы онъ самъ обидящій былъ, наказанъ имѣетъ быть. И дабы обиженный въ полученіи сатисфакціи толь паче себя увѣрилъ, такожде чтобъ ни малой причины не имѣлъ оную сатисфакцію самъ искать и отмстить, того для объявляемъ, и *обнадеживаемъ*, что Мы никогда ни чрезъ какіе заступы или разсужденія никому по сему Нашему учрежденію въ должной сатисфакціи что упустимъ.

summarisch in Zeit von 3 oder 4 oder zum längsten 6 Wochen auszumachen, bey Straffe *3 Monat von ihrer Gage zu verlieren, so den Armen gegeben werden soll, und werden vermittelst dieses die Pfleger der Armen authorisiret, dergleichen Bussen einzufordern, auch denen Solliciteurs befohlen, dieselben zu bezahlen.*

Im Fall aber der Beleidigte, woferne er die ihm angethane Injurie zu Gemüthe gezogen, säumig wäre, es anzuzeigen, so begehren Wir, dass er mit eben der Straffe, so sein Beleidiger verdienet, an gesehen werden soll.

Слич.: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. Ср. Sachsen erneur. Duell-Mandat, art. 2 — 24, который имѣетъ общее юридич. значеніе объ оскорбленіяхъ чести словомъ, на письмѣ, дѣйствіемъ и жестомъ. Brandenb. Duell-Mand., art. 11.

III. Declariren Wir hiemit, dass keine Beleidigung, sie sey, wie sie wolle, des beleidigten Ehre in einigerley Wege soll kräncken können, sondern im Gegentheil denjenigen, so die Beleidigung dem andern angethan, criminal machen. Würde aber jemand es dem Beleidigten, es sei in seinem Bey- oder Abwesen, aufrücken, so soll ein solcher eben so straffbar sein, als hätte er die Injurie selbst gethan, und nach vorstehenden Articuln angesehen werden.

Слич.: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 9.

IV. Damit auch diese Unsere Intention zu desto besserm Effect kommen möge, so befehlen Wir insonderheit allen Officiers, *Reutern*, Soldaten, und allen andern, so sich in des Staats Lager enthalten, dass wenn jemand bey dergleichen verbal- oder real-Injurien gegenwärtig wäre, solche mit anhörete, oder sonst andere Gestalt, es sey *über kurtz oder lang*, darvon Nachricht erlangete, ein jeder von Stund an solches bey der militairen Justiz anzeige, bey Straffe, dass wer dawider handelt, er sey Officier oder Gemeiner, eben als ob er der Injuriant selber wäre, angesehen werden, soll. Und auf das der Beleidigte, dem Unrecht geschehen, desto mehr sich der ihme zu beschehenden Satisfaction zu erfreuen, folglich ihm die geringste Ursach und Praetext nicht überbleibe, solche selbst zu suchen und sich zu rächen; so erklären Wir Uns nimmermehr durch einige Vorbitte

Сличи: Нидерл. пат. о поед. ст. IV. Добавлены слова, напечатанныя курсивомъ. Опущены слова: «Reuter», «es sey über Kurtz und Lang.».

11. А ежели кто не смотря на Наше доброе попеченіе (еже Мы, како вышеупомянуто, къ чести и славѣ офицеровъ и рядовыхъ и всѣхъ обще, которые въ лагеряхъ и *крѣпостяхъ* обрѣтаются, имѣемъ) сіе Наше учрежденіе нарушитъ, и ежели кто отъ кого обиженъ будетъ и онаго на поединокъ вызвать дерзнетъ, то учреждаемъ и соизволяемъ по силѣ сего, что таковый вызыватель, нетокмо всей уповаемой сатисфакціи лишенъ, но и сверхъ того отъ всѣхъ своихъ чиновъ и достоинствъ отставленъ, и напередъ, за негоднаго объявленъ, а потомъ по имѣнію его денежной штрафъ взять и по состоянію дѣлъ десятая, шестая, а по крайней мѣрѣ третія часть имѣнія его отписана имѣетъ быть.

Сличи: Нидерл. пат. о поед. ст. V. Добавлено напечатанное курсивомъ.

12. Таковому же наказанію подверженъ имѣетъ быть и тотъ, который цыдулку и писанные вызовы отъ вызывателя принимаетъ. Но ежели онъ *оные* судьѣ принесетъ, то оной прощенъ будетъ во учиненной обидѣ тому вызывателю, а есть ли судья чрезъ кого иного вѣдомость о томъ получитъ, то оный равно какъ и вызыватель наказанъ будетъ.

Сличи: Нидерл. пат. о поед. ст. VI. Выраженіе «оные судьѣ принесетъ» замѣняетъ въ подлинникѣ слова: «dem Richter darüber Klage führet».

13. Сему жъ наказанію подверженъ имѣетъ быть, который такія вѣдомости и вызывательныя цыдулы къ вызванному принесетъ, такожде и тѣ, которые яко секунданты или посредники при поединкѣ присутствовать обѣщали, *или знаки и письма вызывательныя переносили*, такожде и тѣ, которые вѣдали, что поединокъ чинится, и о томъ, сколь скоро они увѣдали, надлежащимъ образомъ не извѣстили, Ежели же кто вызывательную цыдулу чрезъ

oder Consideration bewegen lassen wollen, jemanden an der nach dieser Unserer Verordnung schuldigen und zu erkannten Satisfaction einigen Nachlass zuzustehen und zu vergönnen.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 10.

V. So aber, unangesehen Unserer guten Vorsorge, die Wir als voremeldt, vor die Ehre und Reputation der Officiers und Gemeinen, und insgemein aller derjenigen, die sich in dem Lager des Staats befinden, tragen, jemand dieser Unserer Verordnung zuwider handelte, und wenn er beleidiget worden, den Gegentheil zum Fechten auszufordern sich unterstünde; so ordnen und wollen Wir krafft dieses, das dergleichen Provocant nicht allein aller sonst zu geniessen gehabter Satisfaction vor die ihme angethane Injurien, durchaus verlüstig seyn, sondern auch noch darüber aller seiner Chargen, Aemter und Dignitäten, so er einige hat, entsetzet, und förders darzu untüchtig erkläret, mithin in eine Geld-Straffe nach seinem Vermögen condemniret, und ihme daran nach Gelegenheit der Sachen der zehende, sechste, höchstens aber der dritte confisciret werden soll.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 11. Code Milit. de Louis XIV. Regl. de Duels, art. 10.—Brandenb. Duell-Mandat, art. 5.

VI. Welcher Straffe auch unterworffen seyn soll derjenige, so einige Bothschaft, Billet oder Cartel von dem Provocannten annimmt. Woferne er aber bey dem Richter *darüber Klage* führet; so soll er wegen der dem Provocanten angethanen Injurien pardoniret, sonsten aber, da die Richter durch jemand anders Kundschaft davon erlangen, so wohl als jener gestraft werden.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 13. Code Milit. de Louis XIV. Regl. de Duels., art. 12, 17. Лакеи въ первый разъ наказываются розгами и клеймомъ колеса и висѣлицы, во второй разъ ссылаются на галеры пожизненно. Brandenb. Duell-Mandat, art. 9.

VII. Dieser Straffe soll ebenmässig unterworfen seyn derjenige, so einige Bothschafft, Billet oder Cartel an den Provocirten überbringet. Ingleichen die, so als Secunden oder Beystand bey dem Duell zu assisteren versprochen, und endlich die, so gewusst, dass ein Duell vor sey, und solches nicht, sobald sie es erfahren, behöriget angezeiget. Würde aber jemand ein Cartel oder Billet durch einen Laquay oder Knecht schicken, so soll

слугу своего пошлетъ, то имѣетъ оный слуга, есть ли онъ вѣдалъ, что вызывательная цыдула была, *шпицрутенъ наказанъ быть.*

Сличи: Нидерл. пат. о поед. ст. VII. Добавлено въ серединѣ то, что напечатано курсивомъ, и конецъ измѣненъ, т.-е. опредѣлены шпицрутены вмѣсто наказанія розгами рукою палача.

14. Ежели случится, что двое на назначенное мѣсто выдутъ, и одинъ противъ другаго шпаги обнажатъ, то Мы повелѣваемъ таковыхъ, хотя никто изъ оныхъ уязвленъ или умерщвленъ не будетъ, безъ всякой милости, такожде и секундантовъ или свидѣтелей, на которыхъ докажутъ, смертію казнить и оныхъ пожитки отписать; *однакожъ сіе съ такимъ изъятіемъ, что ежели оные по обнаженію оружія отъ другихъ разлучены и силою уняты будутъ; а ежели сами перестанутъ, то токмо жестокому штрафу подлежатъ, по разсмотрѣнію воинскаго суда.*

Сличи: Нидерл. пат. о поед. ст. VIII. Весь конецъ (объ изъятіи и объ измѣненіи наказанія за добровольно оставленный поединокъ) добавленъ.

15. *Ежели же биться начнутъ, и въ томъ бою убиты и ранены будутъ, то какъ живые, такъ и мертвые повѣшены да будутъ.*

Сличи: Нидерл. пат. о поед. ст. IX, франц. генер. регл. арт. 13, 15 и 16, бранденбургскій эдиктъ, арт. 7. Ср. Арт. Воин. гл. XVII, арт. 139.—Разницы въ санкціи не дѣлается, только убитый на поединкѣ вѣшается за ноги.—Опущено о томъ, гдѣ хоронить убитыхъ на поединкѣ и прочія жестокости.

16. И понеже часто случается, что многіе для убѣжанія онаго наказанія, которое о поединкахъ учреждено, причины и случая къ ссорамъ ищутъ, и тѣмъ предпріятое свое къ дракѣ намѣреніе покрыть хотятъ, будто бы оная ненарочно учинилась, или за какую свою обиду, о которой суду не бивъ челомъ въ драку вступятъ, хотя одинъ противъ одного, или съ равнымъ числомъ секундантовъ, и равнымъ *или неравнымъ* оружіемъ, *а сыщется подлинно что*

derselbige Laquay oder Knecht, wenn er gewusst, dass es ein Cartell gewesen, durch *den Scharffrichter mit Ruthen gestrichen nerden*.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 12. Brandenb. Duell-Mand., art. 10.

VIII. Trüge sich zu, dass die Parteyen auf den destinirren Platz kämen, und das Gewehr gegen einander zögen, so wollen und begehren Wir, dass solche Personen, wenn auch gleich keiner verwundet würde, oder todt bliebe, ohne alle Gnade, nicht weniger auch die Secunden oder Zeugen mit dem Tode gestraffet, und ihre Güther confisciret werden sollen.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 14. Code Milit. de Louis XIV. Regl. de Duels, art. 13, 15. Конфискація движимаго и недвижимаго имущества и перемѣна герба. Brandenb. Duell-Mand., art. 6, 7.

IX. Woferne jemand (so Gott verhüten wolle) von denen Partheyen, Secunden oder Zeugen, oder beide Theile todt auf dem Platz blieben, oder von den empfangenen Wunden nachgehends stürben, so sollen dero todte Leichname an dem Ort, wo man sonst peinlich Halsgerichte hält, auf gewisse Zeit nach Befinden der Richter an den Galgen gehenkt, und dero Güther confisciret, die Thäter aber dergleichen Todtschlags, sie mögen Provocanten oder Provocirte seyn, ohne alle Gnade am Leben gestrafft, und dero Güther ebenmässig confisciret werden.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 15. Ср. Code Milit. de Louis XIV. Gener. Reglem. de Duels, art. 13, 15, 16.—Тѣла убитыхъ на дуэли, какъ оскорбителей божескаго и человѣческаго величества, лишаются погребенія церковнаго. — Brandenb. Duell-Mand., art. 7. Тѣла убитыхъ дворянъ хоронятся in Loco inhonesto, недворянъ—остаются на висѣлицѣ, пока не разложатся совершенно.

X. Nachdem sich auch zum öfftern zuträgt, das viele, um der Straffe, so auf das Duelliren gesetzt, zu entgehen, Ursach und Gelegenheit zu Rencontres suchen, und damit ihr vorher gefasstes Vornehmen der Schlägerey bedecken wollen, so declariren Wir hiermit, dass so offt einige vermeynen, Injurien gelitten zu haben, und solches bey der militaren Justiz nicht angeben, nachgehends aber darüber zum Gefecht kommen, es sey

то учинено вымысломъ, для убѣжанія штрафа о поединкахъ, то оная драка за поединокъ почтена, и которые въ томъ найдутся, таковымъ наказаніемъ, како о поединкахъ учреждены, наказаны имѣютъ быть.

Сличи: Нидерл. эдиктъ о поед. ст. X. Напечатанное у насъ курсивомъ добавлено.

17. *Никто же отъ сего наказанія мѣстомъ отговариватися не можетъ, что оное учинено внѣ лагеря или крѣпости или въ иномъ Государствѣ, но вездѣ и во всякомъ мѣстѣ равное наказаніе послѣдовать имѣетъ какъ офицерамъ, такъ и рядовымъ.*

Сличи: Нидерл. эдиктъ о поед. ст. XI. Сохраненъ общій смыслъ подлинника, но субъектомъ могутъ быть и офицеры, а въ Нидерл. эдиктѣ только солдаты: «Soldatesqua».

18. Наконецъ, дабы никто невѣденіемъ не отговаривался, того ради соизволяемъ Мы, чтобъ сіе Наше учрежденіе всюду въ гарнизонахъ и въ лагеряхъ и во *всѣхъ губерніяхъ* объявлено, прибито, такожде и каждому полковнику оные розданы были.

Сличи: Нидерл. эдиктъ о поед. ст. XII. Добавлено—и во всѣхъ губерніяхъ, а не только въ крѣпостяхъ и лагеряхъ.

Замѣтка. Мѣста, напечатанныя у насъ курсивомъ, показываютъ, въ чемъ именно нашъ законодатель отступаетъ отъ Нидерландскаго оригинала. Отступленія эти большею частью не существенны. По одному признаку въ оригиналѣ можно судить, что Патентъ о поединкахъ былъ извѣстенъ русскимъ войскамъ послѣ учрежденія о губерніяхъ и ранѣе появленія у насъ должности фискаловъ, по крайней мѣрѣ ранѣе появленія у насъ должности генералъ-фискала. Оттого, намъ кажется, въ ст. 6 выпущена фраза: «und Fiscal von dem hohen Kriegs-Rath». Губерніи учреждены въ 1708 г., а должность фискаловъ появилась одновременно съ учрежденіемъ Сената, предъ Прутскимъ походомъ, т.-е. въ началѣ 1711 года. См. нашъ трудъ: *Періодъ Преобраз., Петра Великаго*, изд. 1881 г. стр. 143 и слѣд. Изъ этого видно, что Патентъ о поединкахъ, какъ и многія статьи 1-й ч. Уст. Воин., дѣйствовалъ за нѣсколько лѣтъ до появленія въ печати Артикула Воинскаго.

einer gegen einen, oder mit einer gleichen Anzahl Secunden oder Zeugen, und mit gleichen Waffen, so soll dergleichen Gefecht vor ein Duell gehalten, und die darinne Begriffene mit eben der Straffe, so gegen das Duelliren geordnet, beleget werden.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 16. Code Milit. de Louis XIV, art. 18.

XI. Woferne aber einige von der Soldatesque, wann sie in den vereinigten Provintzien oder in des Staats Lager Händel mit einander bekommen, sich vergleichen würden, ausserhalb der vereinigten Provintzien und des Staals Lager mit einander zu fechten, in Meynung die wohl verdiente Straffe dadurch zu evitiren, so ordnen und wollen Wir, dass dergleichen Personen nichts destoweniger, und eben so wohl, als ob sie in denen vereinigten Niederländischen Provintzen und in des Staats Lager delinquiret, mit sothaner Straffe angesehen werden sollen.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 17. Code Milit. de Louis XIV, Regl. de Duels, art. 18. Brandenb. Duell-Mand., art. 8.

XII. Endlich damit niemand einige Unwissenheit vorschützen könne, so wollen dass diese Unsere Verordnung aller Ends in denen Garnisons der vereinigten Niederlande, so wohl auch in denen Lägern des Staats publiciret, und affigiret, dann auch jedem Obristen einige Exemplaria zugesendet werden sollen.

Сличи: Уст. Воин. ч. I, гл. 49, ст. 18. Code Milit. de Louis XIV, Reglem. de Duels, art. 19. Brandenb. Duell-Mand., art. 15.

Geschehen im Grafeu-Haag, den 31 Martii 1684. War untereeichnet **G. H. Prince d'Orange**, unten. stand: Auf Befehl seiner Hoheit contrasigniret, **C. Huyens**. Cor. Iur. Mil Nov. II, s. 497—502.

Замѣтка. Законы о личныхъ оскорбленіяхъ чести—ссорахъ, дракахъ и поединкахъ давно получили весьма обстоятельное развитіе въ Саксоніи. Таковы: Земской Уставъ Августа 1572 г., генеральный патентъ Іоанна Георга I отъ 30 іюня 1653 г., полицейскій уставъ Іоанна Георга II 1661 г., мандаты его-же отъ 15 іюля и 20 сентября 1665 г., 5 октября 1670 и 3 марта 1677 г., постановленія для верхней Лузаціи Фридриха-Августа отъ 24 мая и 14 іюня 1703, его же дуэль-мандатъ отъ 15 апрѣля 1706 и наконецъ его-же обновленный и улучшенный дуэлъ-мандатъ отъ 2 іюня 1712 г. Послѣдній подъ заглавіемъ: Erneuert-nnd geschärftes, anderweit eröf-

netes Mandat wider die Selbst-Rache, Injurien, Friedens—Störungen und- Duelle, представляя сводъ постановленій предшедшимъ законодателей о преступленіяхъ противъ чести и жизни, содержитъ 61 артикулъ,—причемъ наказанія за поединки усилены, очевидно, подъ вліяніемъ французскаго регламента о дуэляхъ Людовика XIV 1679 года.—Послѣднему предшествовали подобные же законы о поединкахъ, изданные при Людовикѣ XIII.—Въ Бранденбургѣ законы о поединкахъ развивались подъ вліяніемъ французскихъ и саксонскихъ постановленій противъ чести. Первый эдиктъ, воспрещающій поединки всѣмъ безъ различія званія и состоянія, вышелъ въ 1652 году. Въ слѣдующемъ обновленномъ и усиленномъ эдиктѣ отъ 6 августа 1688 года запрещены всякаго рода насилія и правонарушенія противъ жизни и чести: (Selbst Rache, Injurien, Friedens—Störungen und Duelle) подъ страхомъ наказанія на тѣлѣ, смертью и конфискаціи имущества. Наконецъ, дуэль—мандатъ, изданный 28 іюня 1713 года королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I, превосходилъ всѣ прочіе извѣстные намъ законы о поединкахъ и бояхъ своею суровостью и мстительностью.—Преступленія противъ чести и личной безопасности въ Швеціи, въ эдиктѣ о дуэляхъ Карла XI отъ 2 августа 1682 года, получили развитіе также подъ вліяніемъ французскаго и саксонскаго права, причемъ существенно измѣненъ духъ законовъ о поединкахъ Густава Адольфа, отличавшійся сравнительною мягкостью и правоисправностью.

Заключеніе къ XVII и XVIII главамъ Артикула Воинскаго и къ Патенту о поединкахъ.

Патентъ о поединкахъ, часть главы XVII и вся глава XVIII Артикула Воинскаго, согласуясь съ духомъ европейскаго военнаго законодательства эпохи Петра Великаго, служатъ существеннымъ и чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ русскимъ законамъ.

Артикулъ Воинскій вноситъ новое понятіе о чести, не только въ объективномъ смыслѣ, но и въ субъективномъ, ибо, поднимая личность солдата, законодатель желаетъ возбудить въ немъ нравственное достоинство, внутреннюю честь, какъ неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка. Законодатель требуетъ, чтобы и послѣдняго солдата *каждый* уважалъ какъ воина, чтобы *никто* не порочилъ его личность, какъ слуги Отечества. Личная обида и клевета, какъ нарушеніе уваженія къ воину, ставится подъ угрозу наказаніемъ. Честь, какъ внѣшнее благо, можетъ быть отнята только при извѣстныхъ условіяхъ, въ законахъ опредѣленныхъ.

Со стороны *субъекта* и *объекта*—Патентъ о поединкахъ отличается нѣсколько отъ соотвѣтственныхъ артикуловъ гл. XVII и XVIII; первый предназначается исключительно для военнослужащихъ, какъ видно изъ самаго вступленія ст. 1 и 2. Но въ гл. XVII и XVIII (арт. 139—153) субъектомъ и объектомъ обиды можетъ быть всякій, а не исключительно только офицеръ или нижній чинъ. «*Всѣ* вызовы и т. д. запрещаются», «*кто съ кѣмъ* поссорится», «*кто съ кѣмъ* ножами порѣжется», «*кто кого* тростью ударитъ», «*кто* пасквили тайно сочинитъ», «*кто* бранными словами выбранитъ», «*кто* противъ бранныхъ словъ боемъ отмщать будетъ»; исключеніе составляютъ: арт. 151, гдѣ сказано объ офицерѣ какъ о субъектѣ преступнаго дѣянія, и арт. 141, гдѣ установлена различная мѣра наказанія для офицера и рядоваго. Но эти статьи очевидно, могли быть прилагаемы и къ гражданскому и государственному быту. Въ Патентѣ и въ главѣ XVII и XVIII Арт. Воин. не говорится объ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ начальника, ибо такое преступленіе, какъ нарушеніе дисциплины, предусмотрѣно въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Артикула (гл. III); не упоминается также объ отвѣтственности начальника за оскорбленіе под-

чиненнаго, офицера за оскорбленіе солдата, ибо и эти случаи предусмотрѣны въ той-же главѣ.

Артикулъ отличается отъ Патента болѣе распространеннымъ опредѣленіемъ состава преступленія. Въ Артикулѣ умыселъ или намѣреніе обидѣть имѣетъ значеніе на усиленіе наказуемости; такъ, въ обидѣ словомъ: «кто *не одумавшись съ сердцемъ*, или не *опамятовясь*, *дабы тѣмъ его честное имя* обругать и уничтожить», въ обидѣ обнаженіемъ шпаги: «въ *намѣреніи* чтобъ кого тѣмъ повредить», «кто съ *сердцовъ и злости* ударитъ». Но въ Патентѣ объ умыслѣ вовсе не упоминается; тутъ законодатель всѣ случаи предоставляетъ рѣшенію судьи, отъ котораго зависитъ признать дѣйствіе оскорбительнымъ, неприличнымъ или инымъ. Очевидно, что по этому закону умыселъ причинить обиду не составляетъ единственнаго условія для признанія дѣянія преступнымъ. Патентъ устанавливаетъ непродолжительный срокъ, отъ 3 до 6 недѣль, для окончанія разбирательства дѣла о личныхъ обидахъ.

Установивъ опредѣленную дисциплинарную власть надъ нижними чинами въ порядкѣ іерархической подчиненности, законодатель предоставилъ капитанамъ, полковникамъ и старшимъ начальникамъ разбирательство дѣлъ по личнымъ обидамъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ между собою, если обида дѣйствіемъ не сопровождалась тѣлеснымъ поврежденіемъ — увѣчьемъ или раною; въ послѣднихъ случаяхъ дѣло передавалось суду. Солдатъ о своей личной обидѣ долженъ былъ приносить жалобу капитану, а если не получитъ удовлетворенія, то могъ жаловаться полковнику. Такимъ образомъ не только судебной, но и военно-административной практикѣ предоставлялось разрѣшать, какія именно выраженія и дѣйствія въ данномъ конкретномъ случаѣ слѣдовало считать оскорбительными, и такъ какъ никакой положительный законъ не можетъ предусмотрѣть разнообразныхъ случаевъ, гдѣ данное дѣйствіе содержитъ обиду, поэтому рѣшеніе вопросовъ объ оскорбленіи чести въ большинствѣ случаевъ зависѣло отъ господствовавшаго представленія о ней въ войскѣ и народѣ. Въ этомъ отношеніи Артикулъ Воинскій и Патентъ оказали услугу уже и тѣмъ, что намѣтили главнѣйшія *внѣшнія дѣянія*, въ которыхъ содержится отрицаніе достоинства лица и выражается презрѣніе къ нему, или же нарушается тѣлесная неприкосновенность.

Въ Патентѣ и Артикулѣ предусматриваются слѣдующіе виды обиды: 1) *словомъ браннымъ* (арт. 152), *словомъ поносительнымъ* (арт. 151), словомъ, касающимся чести или *бранью* съ *сердца* (пат. 152), словомъ *гораздо жестокимъ* (арт. 152), 2) *угрозу* (пат. ст. 5), 3) *обиду на письмѣ*—ругательное письмо или пасквиль, 4) *обиду дѣйствіемъ*: а) *ударомъ рукою* (пат. ст. 3), *ударомъ по щекѣ* (арт. 145), б) *ударомъ тростью* (арт. 146), *палкою* (пат. ст. 4), в) *поднятіемъ пистолета или шпаги*, съ дурнымъ намѣреніемъ (арт. 144), г) *ударомъ ножа* (арт. 143). Кромѣ того, указанъ особый видъ оскорбленія: *драка на пиру* и *при питьѣ*, когда никто не раненъ, не умерщвленъ и не произошло вызова на поединокъ (арт. 141).

Наказанія за обиды назначались различныя, смотря по роду и тяжести обиды, съ намѣреніемъ или сгоряча, въ раздраженіи; за обиду браннымъ словомъ (т.-е. легкую или простую) въ горячности—опредѣляется христіанское прощеніе, а за обиду словомъ гораздо жестокимъ опредѣляется *денежный штрафъ* и *заключеніе* (сносное) арт. 152), за клевету обидчикъ долженъ объявить передъ судомъ «что онъ солгалъ» и подвергается *заключенію на полгода* (арт. 151); за обиду дѣйствіемъ (на *основаніи патента*) опредѣляется лишеніе жалованья на полгода или на годъ, или лишеніе чина (ежели какой имѣетъ) вовсе или на время и объявленіе «за негоднаго», а иноземцу — *изгнаніе безъ пасу*. Во всякомъ случаѣ обидчикъ долженъ испросить христіанское прощеніе у обиженнаго и быть готовымъ получить отъ него *«равную месть»* (т.-е. получить ударъ рукою или палкою). За угрозу побоями опредѣлялось испрошеніе прощенія и вычетъ трехмѣсячнаго жалованья (пат. о поед. ст. 1, 2, 3, 4, 5). По артикулу за ударъ другого по щекѣ опредѣляется виновному *ударъ по щекѣ же* отъ профоса и иное наказаніе (по разсмотрѣнію) (арт. 147). За ударъ тростью—*отсѣченіе руки* (арт. 146 и 144), за ударъ ножемъ — *пригвожденіе руки къ висѣлицѣ* или *прободеніе ножомъ*. Такія же суровыя карательныя мѣры (за ударъ по щекѣ, за ударъ палкою, за обнаженіе оружія и нападеніе съ ножемъ) практиковались въ то время и въ сосѣдней странѣ, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ, и тѣ же самыя наказанія, согласно датскому кодексу, приняты были еще ранѣе въ уложеніи 1702 г.; въ Артикулѣ исключено только *прорваніе ладони до перстовъ*. Но

спустя нѣсколько лѣтъ въ Морскомъ Уставѣ 1720 г. за обиды не встрѣчаемъ уже наказаній членовредительныхъ; ихъ замѣняютъ шпицрутены, наказаніе кошками, а для офицеровъ — лишеніе чиновъ, вычеты изъ жалованья; или тѣ и другіе могли быть сосланы на галеры [203]).

Замѣтимъ, что въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. Саксонскіе юристы личныя обиды дѣйствіемъ, смотря по степени причиняемаго матеріальнаго вреда обиженному, дѣлили на *легкія* (geringere oder kleinere) и *тяжкія* (hohe und grobe real Injurien), относя къ послѣднимъ нанесеніе ранъ и всякаго рода увѣчій, при чемъ обидчикъ могъ возбуждать искъ въ порядкѣ гражданскаго и уголовнаго процесса; въ первомъ случаѣ присуждалась *денежная пеня за безчестіе*, а въ случаѣ причиненія ранъ или увѣчья обидчикъ подвергался, кромѣ платы на леченіе (Artz-Lohn) и на содержаніе за время леченія, *временному изгнанію*, *тюремному заключенію*, *денежной пенѣ* или *иному наказанію*, смотря по свойству раны и состоянію лица; когда-же искъ предъявленъ былъ въ уголовномъ порядкѣ, то обидчикъ подвергался *наказанію на тѣлѣ и вѣчному изгнанію*, но не обязанъ былъ платить ни врачебной пени, ни денегъ на содержаніе потерпѣвшаго [204]).

Но въ Артикулѣ Воинскомъ обиды и по внѣшнему дѣянію, и по свойству употребленныхъ преступникомъ средствъ, и по тяжести матеріальнаго вреда не были приведены въ систему; нѣтъ также

---

[203]) Морск. Уст. кн. V, гл. XIII, арт. 98—за обнаженіе ножа или оружія безъ нанесенія раны опредѣляетъ наказаніе *у шпиля кошками*, а за причиненіе раны то же наказаніе сопровождается *ссылкою на галеры*; офицеръ за первое преступленіе *написанъ будетъ въ матросы*, а за второе — *выпсланъ будетъ въ галерную работу вѣчно или на время;* арт. 99—за драку между офицерами руками или тростью *на берегу: лишеніе чина на время и денежный штрафъ*, по опредѣленію суда, *на кораблѣ — лишеніе чина, написаніе на время въ матросы и денежный штрафъ*, по опредѣленію суда; арт. 100—рядовой за ударъ унтеръ-офицера палкою или инымъ чѣмъ (кромѣ ружья или ножа) наказывается *кошками у шпиля*. Необходимо замѣтить, что въ Морскомъ Уставѣ тщательно проведено различіе въ опредѣленіи мѣры наказанія между офицерами, унтеръ-офицерами и матросами. Этотъ принципъ соотвѣтствія рода наказанія съ іерархическимъ положеніемъ военнаго чина послѣ Густава-Адольфа усвоивается всею Европою.

[204]) С. І. М. Nov. I, 67.

дѣленія иска на уголовный и гражданскій, можетъ быть потому, что порядокъ судопроизводства былъ одинъ одинъ и тотъ же, какъ для дѣлъ уголовныхъ, такъ и для дѣлъ гражданскихъ (см. Процессы и гл. X Соборн. Улож.).

Артикулъ знаетъ, однако, обиду дѣйствіемъ легкую, когда въ дракѣ потерпѣвшему не нанесено ни раны, ни увѣчья, и тяжкую въ арт. 143 «когда кто съ кѣмъ ножемъ порѣжется». Но вообще причиненіе ранъ и увѣчій въ дракѣ, когда отъ раны или увѣчья могла быть опасность для жизни, разсматривалось какъ *самостоятельное преступленіе*, какъ покушеніе на убійство. Въ подобныхъ случаяхъ виновный подвергался наказанію по главѣ XIX Артикула Воинскаго. Соб. Уложеніе всякое увѣчье, не входя въ разсмотрѣніе мотивовъ, разсматривало какъ самостоятельное преступленіе. Уложеніе (гл. XXII, ст. 10) предписывало «за такое его ругательство ему тоже учинити; да на немъ же взяти изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое наругательство учинитъ, будетъ отсѣчетъ руку, и за руку пятьдесятъ рублевъ; а будетъ отсѣчетъ ногу, и за ногу пятьдесятъ рублевъ; а за носъ и за ухо и за губы и за глазъ по тому-же за всякую рану по пятидесяти рублевъ».

Вообще въ карательныхъ мѣрахъ за раны и увѣчья въ дракѣ Артикулъ Воинскій слѣдуетъ еще духу Уложенія, по принципу возмездія lex. tal., оттого и сохраняетъ ударъ по щекѣ, отсѣченіе руки, пригвожденіе ладони. Но этого рода наказанія, какъ мы видѣли, уже отживали свое время и спустя нѣсколько лѣтъ отвергнуты [205]).

Относительно *поединка* слѣдуетъ сказать, что нашъ законодатель смотритъ на него какъ на *особое преступленіе* и, согласно

---

[205]) 1 П. С. З. VII, стр. 74 Морск. Уст. гл. XIII, ст. 98, 99, 100. Въ ст. 98—за обнаженіе какого-либо оружія или ножа, безъ причиненія раны, наказаніе *кошками у шпиля*, а если п о р а н и т ъ или такъ бить станетъ, хотя «не ружьемъ, что битый отъ того *нѣкоторое увѣчье понесетъ*: то оный имѣетъ быть такожъ наказанъ на тѣлѣ и посланъ въ *галерную работу вѣчно или временно*, по разсмотрѣнію суда.—Такъ для нижнихъ чиновъ. А офицеръ за обнаженіе оружія *разжаловывается въ матросы*, а ежели поранитъ, то «сосланъ будетъ въ *галерную работу вѣчно или временно*». *Толк.* Сіе разумѣется во время драки.

общему духу законовъ всей Европы, облагаетъ виновныхъ въ нарушеніи закона крайне суровою карою. Патентъ о поединкахъ различаетъ двѣ степени преступнаго дѣянія: поединокъ *начатый* вызовомъ и поединокъ *оконченный* нанесеніемъ раны или убійствомъ; за вызовъ (ст. 11) опредѣляется: *лишеніе чиновъ и достоинствъ, объявленіе негоднымъ,* т.-е. безчестнымъ, *денежный штрафъ* и *конфискація части имущества;* за поединокъ оконченный (ст. 12) назначается повѣшеніе обоихъ, поединщиковъ—какъ мертваго, такъ и живаго.—Артикулъ знаетъ точно также двѣ степени поединка, но съуживаетъ промежутокъ между ними: *поединокъ начатый,* когда оба соперника, вызыватель и вызванный, *уже согласились* на бой, и *поединокъ оконченный* смертію; въ обоихъ случаяхъ опредѣляется повѣшеніе. Поединщики послѣ смерти преслѣдуются тѣмъ, что ихъ трупъ вѣшали за ноги. О лишеніи-же христіанскаго погребенія за поединокъ не упоминается ни въ Патентѣ, ни въ Артикулѣ.

Итакъ, наши военные законы въ эпоху Петра I предусматривали три ступени поединка: 1) вызовъ, 2) соглашеніе сторонъ на вызовъ и 3) поединокъ, оконченный кровопролитіемъ. О поединкѣ, окончившемся безъ кровопролитія, т.-е. неудавшемся, оба памятника умалчиваютъ; неудавшійся поединокъ подводится къ средней ступени, что видно изъ словъ артикула 13: «хотя оба не ранены отъ того отойдутъ». Секунданты наказываются одинаково съ вызывателемъ и вызываемымъ.

Взаимныя обиды словомъ, какъ взаимно равныя, не наказуемы, но если на обиду браннымъ словомъ послѣдовалъ ударъ («бой или иное своевольство»), то оба соперника подвергаются одинаковому наказанію (арт. 153). Далѣе такой простой формы оцѣнки взаимности обиды артикулъ не заходитъ.

Изъ разсмотрѣнія текста законовъ и изъ сказаннаго нами о личныхъ обидахъ по Патенту о поединкахъ и Артикулу Воинскому, мы можемъ представить нѣсколько общихъ замѣчаній *о духѣ законовъ Петра Великаго,* относящихся къ преступленіямъ противъ чести.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ, созданіе флота, коренныя преобразованія въ административномъ строѣ государства вели къ измѣненію условій общественнаго строя и къ поднятію значенія личности человѣка въ войскѣ и вообще на службѣ государству. Въ

прошломъ XVII вѣкѣ личность человѣка всецѣло поглощалась государствомъ, преступленіе разсматривалось какъ грѣховное дѣяніе, а въ наказаніи господствовало устрашеніе и равное возмездіе воздать зломъ за зло. Въ такихъ преступленіяхъ, гдѣ не затрогивались интересы государства, какъ въ личныхъ обидахъ, законы ограничивались *денежнымъ штрафомъ* въ пользу потерпѣвшаго; напротивъ, тамъ гдѣ преступленіемъ затрогивались интересы государственные и религіозные, тамъ законодательство примѣняло въ широкихъ размѣрахъ наказанія *изувѣчивающія,* независимо отъ *смертной казни.* Колебанія государственнаго строя, религіозный расколъ, народныя волненія и бунты стрѣльцовъ только усиливали ожесточеніе въ наказаніяхъ и развивали ихъ неправомѣрность; грубость и дикость нравовъ, казалось, не предвѣщали смягченія въ казняхъ, не возбуждали состраданія къ жертвамъ квалифицированной смертной казни, къ изувѣченнымъ безрукимъ, безногимъ преступникамъ.

Въ Артикулѣ Воинскомъ и въ Уставахъ Воинскомъ (1716 г.) и Морскомъ (1720 г.) въ возмездіи за личную обиду повѣяло новымъ духомъ потому собственно, что поднято человѣческое достоинство солдата, признана въ немъ личность съ правомъ на честь и уваженіе, и выражена угроза за пренебреженіе къ нему, за опороченіе его словомъ или дѣйствіемъ. Простой солдатъ, простой матросъ въ арміи Петра занимаетъ опредѣленное положеніе и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на уваженіе къ себѣ государства за службу, на попеченіе о солдатѣ, потерявшемъ на ней свое здоровье, личность въ самомъ маломъ состояніи становится элементомъ силы и могущества и въ войскѣ, и въ государствѣ Петра. Если слабы были средства полицейскаго надзора въ столицахъ и въ провинціи, то они замѣтно выростали въ войскѣ и во флотѣ: оскорбленному, потерпѣвшему отъ личной обиды словомъ и дѣйствіемъ нижнему чину данъ исходъ въ обжалованіи, съ соблюденіемъ только приличія въ формѣ и, во всякомъ случаѣ, безъ нарушенія дисциплины и порядка службы. Въ этомъ истинно христіанскомъ взглядѣ на личную обиду законодательство Петра оставило далеко за собою Соборное Уложеніе и служитъ, можно сказать, основою для дальнѣйшаго развитія правительственнаго взгляда въ Россіи на преступленія противъ чести.

Недаромъ Россія прожила болѣе полутораста лѣтъ, чему свидѣтельствомъ служатъ: Патентъ о поединкахъ Екатерины II (1787 г.), законодательство Николая I (Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., съ дополнительнымъ указомъ 1851 г., и Военно-Уголовный Уставъ) и новѣйшіе общіе и военные законы Александра II. Правда, въ карательныхъ мѣрахъ, направленныхъ противъ оскорбителей чести въ Артикулѣ, какъ и въ Соборн. Уложеніи, господствуетъ еще принципъ равнаго возмездія: ударъ за ударъ, отсѣченіе руки за рану или увѣчье. Но эта средневѣковая форма наказанія скоро исчезаетъ, уступая въ Морскомъ Уставѣ мѣсто болѣе мягкой формѣ тѣлеснаго наказанія шпицрутенами или кошками у шпиля корабля; устрашеніе наказаніемъ по-прежнему составляетъ господствующій принципъ въ возмездіи, но не ради очищенія преступника отъ грѣха, а ради общественной пользы, ради достоинства и чести арміи и флота. Этотъ принципъ всего рельефнѣе выдвигается въ карательныхъ мѣрахъ противъ зачинщиковъ сходовъ и вообще бунта. Въ возмущеніи наказаніе смертію должно слѣдовать быстро, «дабы чрезъ то другимъ *страхъ подать*, и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать (пока не расширится), и болѣебъ не умножилось (послѣднее слово добавлено рукою Петра Великаго (арт. 137, толк.). Въ законахъ Петра выдвигается рельефнѣе, чѣмъ прежде, принципъ повиновенія единой власти, во имя общественнаго порядка, тишины и спокойствія. Въ военномъ быту всякое дѣяніе, запрещенное закономъ, разсматривается какъ нарушеніе единой воли, воли верховнаго законодателя, воли монарха: «ибо Его Величество есть самовластный монархъ, который силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять». Личное оскорбленіе подчиненнымъ своего начальника—младшимъ старшаго, рядовымъ унтеръ-офицера—преслѣдуется съ особенною строгостью, потому что такимъ опаснымъ дѣяніемъ разрушается чинопочитаніе, оскорбляется достоинство власти, а слѣдовательно нарушается дисциплина и установленный правопорядокъ. Точно также, во имя того-же порядка, и подчиненному за личное оскорбленіе и обиду начальникомъ дано право искать удовлетворенія посредствомъ «праваго челобитья» или жалобы.

Авторитетъ единой воли монарха, какъ законодателя, сильнѣе

всего выражается въ наказаніи за поединки, и здѣсь мы видимъ соединеніе двухъ господствующихъ принциповъ всей карательной системы Петра I—*устрашенія и авторитета единой верховной власти въ государствѣ.*

Византійское и средне-вѣковое латинское начало искупленія за грѣхъ постепенно отступаетъ передъ новѣйшимъ монархическимъ принципомъ; его уже нѣтъ въ наказаніи за поединокъ.

Нельзя также не остановиться на одной крупной чертѣ въ свойствѣ наказаній за личныя обиды, ссоры, драки: это стремленіе къ *равенству наказаній;* законодатель отступаетъ отъ условій равенства въ такихъ случаяхъ, когда къ офицеру, по духу военныхъ законовъ, неудобно уже было примѣнить тѣлесное наказаніе, которымъ стали наказывать исключительно нижнихъ чиновъ. Шпицрутены (или наказаніе кошками по Морскому Уставу) для офицера замѣняются болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ, разжалованіемъ и денежнымъ штрафомъ; т.-е. къ офицеру, какъ къ дворянину, считали неприличнымъ примѣнять наказаніе тѣлесное, которымъ подвергались нижніе чины и лица низшихъ сословій—мѣщане и крестьяне [206]). По крайней мѣрѣ такое разграниченіе наказаній въ личныхъ обидахъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ уже тщательно проведено въ Морскомъ Уставѣ (ч. V, гл. XIII и XIV). Офицерами, теперь въ 1720 году, служили исключительно дворяне, рядовыми и матросами были большею частью взятые по набору крестьяне. Между офицерами и солдатами, въ послѣдніе годы царствованія Петра (въ арміи и флотѣ), существовала точно такая же рознь, какая была между дворянами и ихъ крѣпостными крестьянами.

Законодателю предстояло, однако, обезпечить личность всякаго

---

[206]) Въ текстѣ Артикула Воинскаго не встрѣчается наказанія батогами, которое было въ такомъ ходу съ XVII стол., какъ дисциплинарное взысканіе, опредѣляемое по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ; оно примѣнялось также и къ офицерамъ и къ полковникамъ срѣлецкихъ войскъ. По Соборному Уложенію наказаніе батогами, простое и нещадное, опредѣлялось за многія преступленія, оно же было орудіемъ правежа при гражданскихъ взысканіяхъ. Въ оглавленіи наказаній по «процессамъ» «битье батогами» отнесено къ легкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, между тѣмъ какъ наказаніе шпицрутенами и лозами (сквозь строй) считается тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

солдата, не взирая на его низшее положеніе въ іерархіи, отъ грубыхъ и жестокихъ нападокъ, отъ насилій и отъ самоуправства офицеровъ, которые продолжали смотрѣть на солдата какъ на *своего слугу*, точно также какъ смотрѣли дворяне на своего *крѣпостнаго*. Переломить укоренившійся въ нравахъ обычай было чрезвычайно трудно. Доставить законную защиту обиженному нижнему чину тѣмъ болѣе было затруднительно, что необходимо было въ то же время поддерживать строго принципы чинопочитанія, какъ основы воинской дисциплины. Установивъ въ своемъ Уставѣ Воинскомъ военную іерархію, отъ фельдмаршала до рядоваго, и очертивъ кругъ обязанностей генераловъ, штабныхъ и полковыхъ офицеровъ, а равно унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, законодатель требуетъ прежде всего почтенія низшаго чина къ высшему (арт. 24 толков., арт. 25 и 27). Обиженный своимъ начальникомъ можетъ принести жалобу «о понесенномъ своемъ безчестья и несправедливости» учтиво и въ пристойномъ мѣстѣ и оттуда ожидать удовлетворенія. Офицерамъ, подъ опасеніемъ *преданія суду и лишенія своего чина*, воспрещается бить подчиненныхъ имъ солдатъ: «безъ важныхъ и пристойныхъ причинъ, которыя службы Его Величества не касаются» [207]). Такое ограниченіе власти офицеровъ не соотвѣтствовало понятіямъ общества, воспитаннаго на принципахъ полнаго господства помѣщика надъ крѣпостнымъ.

Правоопредѣленія военныхъ законовъ Петра I относительно личныхъ обидъ во всякомъ случаѣ составляютъ выдающуюся эпоху въ русскомъ законодательствѣ. Законодатель въ Уставахъ Воинскомъ и Морскомъ стремился противодѣйствовать глубоко укоренившемуся

---

[207]) Артикулы, относящіеся къ личнымъ обидамъ подчиненными начальниковъ (глава III, арт. 21, 22, 24, *толков.*, 25, 27), разсмотрѣны и объяснены въ первомъ выпускѣ «Артикула Воинскаго», стр. 198—218. Законодатель, облагая суровымъ наказаніемъ оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ начальниковъ, считаетъ нужнымъ обезпечить также личность солдата отъ насилія и самоуправства офицеровъ, арт. 33, стр. 214. Привлеченіе офицеровъ къ отвѣтственности по суду за личное оскорбленіе солдатъ и вообще за самоуправство прежде всего высказано было въ шведскихъ и датскихъ военныхъ законахъ; напротивъ, французскіе и нѣмецкіе католическіе законодатели къ такому факту произвола относились пассивно. См. мое объясненіе на шведскіе артикулы, стр. 17.

обычаю самоуправства и склонности къ насилію въ высшемъ служиломъ сословіи. Въ «патентѣ о поединкахъ» опредѣляется: что «никакое оскорбленіе не можетъ умалить чести обиженнаго» (ст. 9), что кто попрекаетъ обиженнаго тѣмъ, что онъ прибѣгнулъ къ судебному разбирательству, того постигнетъ кара равная той, какая полагается за обиду, что обидчикъ за нанесенное оскорбленіе долженъ испросить прощеніе у обиженнаго, долженъ публично отказаться отъ словъ, какими оклеветалъ кого-либо, можетъ подвергнуться аресту, а при обстоятельствахъ отягчающихъ и другому наказанію; денежное же вознагражденіе — плата за безчестье, составляетъ лишь дополнительное возмездіе и во многихъ случаяхъ опускается.

Новыя уголовныя мѣры Петра современемъ, послѣ укрѣпленія государственнаго строя, должны были взять верхъ надъ гражданскимъ *вознагражденіемъ за обиду*—безчестіемъ, оттѣснить его на задній планъ и превратить его во второстепенный элементъ наказанія за оскорбленіе чести.

Принципы русскихъ военно-уголовныхъ законовъ въ преступленіяхъ противъ воинской чести.

Носителемъ чести у насъ со временъ Петра, какъ и на западѣ, было дворянство. Низшія сословія при крѣпостномъ правѣ о ней вовсе не заботились. Новыя понятія о чести, внесенныя Петромъ въ высшій слой русскаго общества вмѣстѣ съ военными законами, и совершенно иной взглядъ на наказаніе за частную личную обиду должны были постоянно сталкиваться съ тѣми принципами, на которыхъ изстари былъ воспитанъ русскій дворянинъ и которые находили поддержку въ Соборномъ Уложеніи съ его понятіемъ о безчестьи, крайне неопредѣленнымъ по своему объему, а потому и вообще обширнымъ по своему приложенію къ судебной практикѣ. Старые обычаи и нравы пересиливали, какъ мы неоднократно замѣчали, намѣренія нашего великаго законодателя. Дѣло въ томъ, объясняетъ Посошковъ, что *не всякій обиженный* могъ имѣть защиту въ судѣ. Самъ Посошковъ, «не весьма послѣдній человѣкъ», такъ и не могъ получить удовлетвореніе за оскорбленіе его полковникомъ Порѣцкимъ; напротивъ, онъ еще поплатился за свое желаніе добиться правды. Эта борьба новаго со старымъ оффиціально высказана спустя только семьдесятъ лѣтъ въ *манифестѣ о поединкахъ* 21 апрѣля 1787 г. Манифестъ императрицы Екатерины II служилъ, въ сущности, разъясненіемъ «Жалованной грамоты дворянству» и стремился утвердить въ средѣ дворянъ юридическое понятіе о чести. Данныя дворянству преимущества заставили законодательницу повторить основныя понятія о преступленіяхъ противъ чести, изложенныя въ военныхъ законахъ великаго Преобразователя. «Нѣкогда, при грубыхъ нравахъ, слова, поступки и обхожденіе съ ними сходствовали. Невѣжды вмѣстѣ сошедшися, не храня приличнаго другъ ко другу почтенія, уваженія, вѣжливости, любви, мира и согласія, ссоряся непрестанно, обижая и бывъ обижаемы, каждый въ дѣлѣ собственномъ дѣлалъ себя судьею, и по сему тутъ же на мѣстѣ, или вскорѣ потомъ отмщалъ словами, рукою, либо оружіемъ... *Толкъ о чести и безчестьи былъ своевольный, безъ правилъ, по собственнаго*

каждаго нраву, страсти и наклонности, ежечасно прихотями всякаго перемѣняяся». Рекомендуя жить во взаимной любви и согласіи, воздавать другъ другу почтеніе по достоинству и чину и быть послушнымъ, кому надлежитъ въ установленномъ порядкѣ, Манифестъ 1787 г. руководствуется Артикуломъ, Соборнымъ Уложеніемъ и комментаріями, чтобы привести въ систему преступленія противъ чести, разъяснить кругъ понятія о личной обидѣ «наипаче благородному дворянству и военно-служащимъ или служившимъ» (ст. 32), и прекратить самовольную расправу предписаніями о порядкѣ иска за личную обиду.

«Оскорбленіе или обида есть: буде кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти, какъ-то: порочитъ, поклепитъ, пренебрежетъ, уничижитъ или задеретъ» (ст. 8). Такому понятію объ обидѣ дается ограниченіе въ слѣдующей статьѣ 9: «Чтобъ слово, письмо или дѣйствіе почтено было за обиду или оскорбленіе, надлежитъ знать, было-ли намѣреніе обидѣть, или оскорбить или вредить?» Далѣе перечислены роды обидъ по свойству употребляемыхъ средствъ: 1) словомъ, 2) письмомъ и 3) дѣйствіемъ (ст. 11—13). Обидѣть можно и пренебреженіемъ къ особѣ ближняго, если выражено намѣреніе повредить ему лично, его женѣ, его чаду, его служителю или ближнимъ его (ст. 6). Обида отягчается обстоятельствами и называется тяжкою, когда совершена: всенародно, въ храмѣ, во дворцѣ, въ присутственномъ мѣстѣ, при отправленіи обиженнымъ своей должности, въ присутствіи начальника, въ обществѣ, дѣтьми своихъ родителей, подчиненнымъ своего начальника, и когда нанесенъ ударъ рукою или оружіемъ въ опасное мѣсто, или по лицу, или по головѣ (ст. 10). Въ обидѣ, если не послѣдовало примиренія, допускается двоякій способъ иска: 1) искъ уголовный, и 2) искъ гражданскій (ст. 17—21). Начавшій искъ гражданскій не можетъ переносить иска въ порядкѣ уголовнаго процесса. Искъ не допускается: въ обидѣ словомъ или письмомъ—по прошествіи года, въ обидѣ же дѣйствіемъ по прошествіи двухъ лѣтъ (ст. 25). Ссорящихся обязаны помирить надежные посредники: въ ротѣ — капитанъ, въ полку—полковой командиръ, въ городѣ—городничій, въ округѣ—земскій исправникъ (ст. 26). Когда состоящій на службѣ военной или гражданской своего настоящаго или бывшаго начальника вызоветъ на драку или поединокъ, по дѣлу касающемуся

взысканія по службѣ отъ начальника на подчиненномъ, то вызыватель отдается подъ стражу и предается суду. Вообще подчиненному запрещается вызывать на драку своего начальника и обратно начальнику своего подчиненнаго (ст. 29, 30). За раны, увѣчье и убійство въ дракѣ или на поединкѣ виновные наказываются какъ сообщники и участники причиненія раны, увѣчья или убійства. Въ прочихъ статьяхъ (37—52) установленъ порядокъ о томъ, какими мѣрами слѣдуетъ предотвращать ссоры, несогласія, драки и поединки въ войскахъ сухопутныхъ и морскихъ между дѣйствительно служащими и неслужащими, какъ поступать, когда поссорившіеся не станутъ являться въ судъ, и т. д.; однимъ словомъ, въ Манифестѣ русскомъ 1787 г. развиваются принципы Эдикта о дуэляхъ Вильгельма Оранскаго 1684 г., который служилъ оригиналомъ Патенту о поединкахъ Петра Великаго, и воспроизводятся многія статьи знаменитаго французскаго регламента о дуэляхъ для дворянства 1679 г., Людовика XIV. Разумѣется, минуя жестокую и мстительную карательную систему. Однако за неисполненіе предписаннаго, какъ за непослушаніе, законодательница грозитъ лишеніемъ дворянства и чиновъ и даже ссылкою въ Сибирь [208]).

Манифестъ 1787 года, какъ видно изъ самаго приступа и изъ многихъ выраженій въ текстѣ, назначался исключительно для *дворянства*, которое по своимъ понятіямъ о чести рѣзко выдѣлялось отъ прочихъ сословій. Манифестъ не далъ ничего такого о личныхъ обидахъ, что не было бы извѣстно изъ прежнихъ русскихъ законовъ національныхъ и заимствованныхъ. Въ немъ законодательница желала только согласить крайне неопредѣленныя понятія Соборнаго Уложенія о безчестьи съ заимствованнымъ на западѣ понятіемъ о личной чести, такъ полно и обстоятельно изложеннымъ въ военныхъ и морскихъ законахъ Петра Великаго; манифестъ 1787 г. не внесъ никакихъ опредѣленій относительно наказаній за личныя обиды, оставляя въ своей силѣ прежній порядокъ денежнаго штрафа, какъ основаніе иска за безчестіе. Утверждая сословную дворянскую честь, по подобію чести шляхетской, Екатерининскій законъ о личныхъ обидахъ дворянъ между собою, по нашему мнѣнію, былъ шагомъ назадъ, отступленіемъ отъ принциповъ Петра

[208]) 1 П. С. З. XXII, № 16186.

Великаго, который заботился о поднятіи въ русскомъ народѣ общечеловѣческой чести. Это видимъ изъ другого закона. Въ «грамотѣ на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи» 21 апрѣля 1785 г., которымъ организуется городское сословіе, принципъ безчестія возстановленъ со всѣми оттѣнками старыхъ русскихъ законовъ XVII в.: «чинить безчестіе мѣщанамъ запрещается; за безчестіе мѣщанину словомъ и письмомъ, обидчикъ повиненъ заплатить сколько обиженный какъ казнѣ, такъ и городу платилъ тотъ годъ, какого бы то званія сборъ ни былъ; а за ударъ рукою обидчикъ повиненъ заплатить обиженному безчестія вдвое. Женѣ платится за безчестіе вдвое противъ мужа, а если сама жена платитъ подать, то за ея безчестье платится вдвое противъ ея и мужняго платежа. Дочерямъ платится за безчестія вчетверо. Малолѣтнимъ дѣтямъ и несовершеннолѣтнимъ (до 17 лѣтъ) безчестье опредѣлено въ половину противъ отца [209]). Тутъ обобщеніе стараго принципа Соборнаго Уложенія съ примѣненіемъ безчестія ко всѣмъ городскимъ обывателямъ; такое же обобщеніе сдѣлано впослѣдствіи и для служащихъ дворянъ, т.-е. за безчестье дворянина опредѣленъ годовой окладъ его жалованья [210]). На такихъ же точно основаніяхъ установленъ окладъ безчестья для государственныхъ крестьянъ, т.-е. самого, его жены, его дочерей, несовершеннолѣтняго сына [211]).

Существенныя измѣненія въ классификаціи преступленій противъ чести и въ опредѣленіи наказаній за личныя обиды произошли лишь въ царствованіе императора Николая I. Тутъ мы видимъ попытку возстановить теоретическій взглядъ на личную честь военныхъ законовъ Петра I. По мѣрѣ упроченія государственнаго устройства, именно съ конца прошлаго столѣтія, понятія о личной обидѣ теряли сословную подкладку. Реформа въ наказаніяхъ за

---

[209]) 1 П. С. З. XXII, № 16187, ст. 91.

[210]) См. *Б. Утина*: «Ueber die Ehrenverletzung.», стр. 113. Ср. *Неволина*: «Исторія Рос. гражд. законовъ», т. III, стр. 275. По мнѣнію Неволина въ манифестѣ Екатерины новостью были: двоякій способъ иска и установленіе давности для обиды словомъ и дѣйствіемъ. См. сказанное выше (гл. I настоящаго отдѣла) о комментаріяхъ на имперскій артикулъ. Бывшіе въ русской службѣ саксонскіе юристы едва-ли оставили у насъ безъ вниманія эти обстоятельства.

[211]) 2 П. С. З., т. XV, № 12166. Положеніе 23 марта 1839 г., т. XVII, № 16168. Высоч. утвержд. мнѣніе Государ. Совѣта 4 ноября 1842 г.

личныя обиды предложена была еще въ 1813 году—въ одной изъ главъ «Проекта Уголов. Улож. Росс. Имп.» съ нѣмецкимъ воззрѣніемъ на честь. Нѣсколько ранѣе появилось Полевое Уголовное Уложеніе (по французскому кодексу) съ опредѣленіемъ наказаній за личныя обиды начальниковъ и солдатъ въ военное время. Въ тридцатыхъ годахъ приведены въ систему постановленія всѣхъ прежнихъ законовъ, общихъ и военныхъ, о личныхъ обидахъ и наказаніяхъ за оныя: въ Сводѣ Законовъ 1832 года (1 ч. XV т. св. зак.), въ Военно-Уголовномъ Уставѣ 1839 года и въ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г. Обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о преступленіяхъ противъ чести по Уложенію 1845 г. занимались Б. Утинъ и Спасовичъ, къ интереснымъ трудамъ которыхъ мы и отсылаемъ читателя [212]).

Успѣхи государственной жизни и общественной культуры все болѣе и болѣе возвышали значеніе человѣка, какъ единицы государственнаго тѣла. Такому прогрессу благопріятствовали явленія въ исторіи Россійскаго государства послѣ Отечественной войны. Не взирая на суровость наказаній за преступленія въ военное время по Полевому Уголовному Уложенію, послѣдовательно и неотступно смягчается вся карательная система въ русскихъ войскахъ; въ Уставѣ Военно-Уголовномъ, въ его частяхъ, назначенныхъ для примѣненія по мирному состоянію войска, видимъ карательныя мѣры значительно облегченными и смягченными; видимъ почти тѣ же мотивы въ правоопредѣленіяхъ, какіе даны Артикуломъ, но иные принципы возмездія за нарушеніе закона.

---

[212]) *Б. Утинъ* въ своей прекрасной монографіи (стр 117—175) преступленіямъ противъ чести по Уложенію 1845 г. посвящаетъ особую главу (четвертую). Здѣсь онъ даетъ понятіе о преступленіи противъ чести, указываетъ на неизбѣжность нарушенія чести и относитъ къ преступленіямъ противъ чести: а) *непосредственныя личныя обиды*, и б) *клевету*, распространеніе пасквилей и другихъ оскорбительныхъ для чести писемъ, изображеній и сочиненій; затѣмъ разсматриваетъ общія и спеціальныя наказанія за частныя и публичныя обиды. *Спасовичъ* въ своей поучительной статьѣ: «О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по Улож. о наказ. 1845 г.» дѣлитъ обиды на: а) *непосредственныя личныя обиды*, и б) *личныя обиды заочныя*. Къ первымъ относится: а) обида словомъ, б) дѣйствіемъ и символическая; къ обидѣ заочной: а) клевета, б) распространеніе ругательныхъ и другихъ оскорбительныхъ сочиненій и изображеній и в) нарушеніе, стр. 3—44.

Законодатель въ Военно-Уголовномъ Уставѣ считаетъ нужнымъ внушить военно-служащему, что объектомъ личной непосредственной обиды, которою выражается пренебреженіе къ особѣ ближняго, можетъ быть *всякій человѣкъ*—его жена, его дѣти, его служитель. Обида можетъ быть выражена словомъ, на письмѣ и дѣйствіемъ. Заочной обиды словомъ не существуетъ. Обида дѣйствіемъ имѣетъ двѣ ступени: 1) угроза чѣмъ-либо и 2) непосредственный ударъ. Чтобы за обиду можно было бы признать слово, письмо и дѣйствіе должно быть намѣреніе обидѣть или оскорбить.

Извѣстная обстановка, въ которой совершена обида, усиливаетъ, отягчаетъ вину. Тяжесть обиды опредѣляется свойствомъ употребленныхъ преступникомъ средствъ. Тяжкою обидою считается нанесеніе удара рукою или оружіемъ по лицу, по головѣ и въ опасное мѣсто. Поддерживается двоякій искъ за обиду: 1) въ обидѣ тяжкой—уголовный, 2) въ обидѣ простой—гражданскій. Начальники должны стараться помирить ссорящихся и оказать обиженному зависящее удовлетвореніе, но въ искѣ уголовномъ дѣло рѣшается военнымъ судомъ (ст. 427 Воин. Арт. 147 и проч.). Начавшій искъ гражданскій лишается въ своей обидѣ права на искъ уголовный (Маниф. 1787 г.). Взаимная обида словомъ, письмомъ и дѣйствіемъ уничтожаетъ всякое право на искъ (ст. 431 Воинскаго Арт. 153). Поддерживается давность въ обидѣ словомъ или письмомъ; по истеченіи года или двухъ лѣтъ потерпѣвшій теряетъ право на искъ (Маниф. 1787 г.).

Дѣленіе обидъ на легкія и тяжкія, установленіе уголовнаго и гражданскаго иска и опредѣленіе давности нельзя считать нововведеніями. Новостью было смягченіе всей карательной системы. За обиду по степени ея значенія нижніе чины подвергаются попрежнему тѣлесному наказанію—шпицрутенами (тяжкая обида), а офицеры и лица, пользующіяся особыми правами состоянія, аресту или денежному взысканію, аресту на гауптвахтѣ, содержанію въ крѣпости, разжалованію въ рядовые съ выслугою [213]). Во всякой

---

[213]) Воен.-Угол. Уст., разд. II, гл. V, ст. 417—438 основаны на постановленіяхъ манифеста о поединкахъ 21 апрѣля 1787 г., причемъ остаются въ своей силѣ мотивы—Артикула Воинскаго: арт. 147, 153, 85, 141, 145, 146; Патента о поединкахъ Уст. Воин., ст. 2, 3, 4, 5; Морскаго Устава: кн. V, ст. 11.

непосредственной личной обидѣ удовлетворенie безчестія соединяется съ испрошеніемъ *прощенія*.

Въ наказаніи за пасквиль и ругательное письмо, за клевету (ст. 436, 437, 438) почти буквально повторяются правоопредѣленія Арт. Воин. (арт. 149, 150, 151). Раны и увѣчья въ Военно-Уголовномъ Уставѣ разсматриваются особо какъ тѣлесныя поврежденія, при чемъ за легкія раны, кромѣ платы за безчестье, смотря по степени вреда, и кромѣ испрошенія прощенія передъ судомъ, налагается на нижнихъ чиновъ тѣлесное наказаніе, а на офицеровъ—иное *соотвѣтственное* сему наказаніе (ст. 413 Воинскаго Арт. 85, 154). За увѣчье—офицеры *лишаются правъ состоянія и опредѣляются въ рядовые безъ выслуги*, а нижніе чины *наказываются шпицрутенами и ссылкою въ арестантскія роты* (ст. 414, Воин. Арт. 85, 144, 146). Припомнимъ, что отъ изувѣчивающихъ наказаній Петръ отказался уже въ Морскомъ Уставѣ. За драку—нижніе чины *наказываются шпицрутенами*, но, если дракою произведена смута, наказаніе отягчается (ст. 408, Арт. Воин. 138, 141).

Что-же касается до поединка, то Военно-Уголовный Уставъ замѣтно отступаетъ отъ опредѣленій Воин. Артик. точно также лишь въ мѣрѣ наказанія. Поединокъ въ теченіе XVIII ст. входитъ въ категоріи обыкновенныхъ преступленій: за вызовъ опредѣляется лишеніе чиновъ и правъ состоянія; за поединокъ, окончившійся раною, увѣчьемъ или смертью, виновный наказывается какъ *за совершеніе этихъ преступленій* (ср. Маниф. 1787 г.). Секунданты, какъ *соучастники*, наказываются смотря по послѣдствіямъ поединка.

Въ военномъ быту личная обида разсматривается какъ нарушеніе дисциплины и воинскаго чинопочитанія, о чемъ нами сказано при разборѣ соотвѣтственныхъ артикуловъ главы III Артикула Воинскаго и въ нашемъ заключеніи къ этой главѣ [214]). Относительно оскорбленія чести начальника словомъ или дѣйствіемъ можемъ прибавить, что извѣстныя намъ опредѣленія Артикула (арт. 21, 22, 24, 25, 27) повторяются въ Военно-Уголовномъ Уставѣ (разд. II, глава IV, отд. 2-е, ст. 235, 236, 237, 238, 239 и 240).

---

[214]) Нашъ трудъ: «Артикулъ Воинскій», вып. 1-й, изд. 1882 г., стр. 182—241. См. арт. 21, 22, 24, 25; равно въ гл. IV, арт. 36, стр. 252.

За поношеніе начальника бранными словами, поднятіе на начальника руки, оружія, за самовольное обнаженіе оружія, въ присутствіи генерала и вообще высшаго начальника нижнимъ чинамъ опредѣляются шпицрутены, а за обнаженіе оружія, сверхъ того, и арестантскія роты; а офицеры подвергаются разжалованію въ солдаты съ выслугою или безъ выслуги съ лишеніемъ чиновъ, дворянства или особенныхъ правъ состоянія, безъ выслуги и съ опредѣленіемъ на службу въ дальніе гарнизоны (послѣднее за обнаженіе шпаги). Подчиненному, обиженному начальникомъ, предоставляется право искать удовлетвореніе за безчестье по командѣ, порядкомъ установленнымъ (*ст. 238*, *Арт. Воин. 24, толк.*).

Въ военное-же время примѣнялись наказанія, введенныя въ Военно-Уголовный Уставъ изъ Полеваго Уголовнаго Уложенія. Такъ, за поднятіе руки или оружія на начальника опредѣляется наказаніе смертью, за грубую брань начальникомъ своего офицера—исключеніе изъ службы, за поднятіе руки начальникомъ на подчиненнаго—лишеніе всѣхъ чиновъ и изгнаніе изъ арміи (ст. 604, 611 и 612). Въ подобныхъ случаяхъ ложная жалоба обращаетъ на жалобщика то самое наказаніе, коему подвергало его начальника (ст. 614). Начальникъ, возбудившій несправедливостями и обидами явныя жалобы своей команды, изгоняется изъ арміи и исключается изъ службы (ст. 615).

Такимъ образомъ въ Военно-Уголовномъ Уставѣ преступленія противъ чести находились въ трехъ мѣстахъ (разд. II, гл. IV, отд. 2, гл. V, отд. 4 и разд. III, гл. III), между которыми нѣтъ никакой даже механической связи [215]).

Обобщенія манифеста 1787 г. о личныхъ обидахъ и законы Артикула 1715 г. о нарушеніи чинопочитанія дополнены подобными же законами изъ Полеваго Уголовнаго Уложенія 1812 г.

---

[215]) Преступленія эти составили три группы: а) *нарушенія чести вообще:* личныя обиды, пасквили и ругательныя письма и клевета; б) *нарушеніе воинскаго чинопочитанія*, и в) *нарушеніе воинскихъ обязанностей въ военное время*.

Раздѣленіе преступленій противъ чести на общія и спеціально—воинскія.

Въ царствованіе императора Александра II съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній приходилось еще болѣе смягчить всю карательную систему и вмѣстѣ съ реформами по военному вѣдомству признано нужнымъ изъ кодекса военно-уголовныхъ законовъ, предусматривающихъ спеціальныя нарушенія воинской, чести исключить общія нарушенія чести. *Общія нарушенія* чести, входившія въ главу IV разд. II Воен. Угол. Уст., а именно: 1) непосредственныя личныя оскорбленія, 2) клевета и распространеніе ругательныхъ или другихъ оскорбительныхъ для чести сочиненій, изображеній и слуховъ, 3) опасныя драки и поединки съ нанесеніемъ увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью и 4) угрозы — что предусматривалось въ главахъ XVII и XVIII Артикула Воинскаго и въ Патентѣ о поединкахъ, выдѣлены изъ Св. Воен. Пост. и вошли въ составъ общегражданскихъ законовъ: на основаніи Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями, Уложенія о наказаніяхъ, уголовныхъ и исправительныхъ, означенныя правонарушенія облагаются различными сроками заключенія и платою за безчестіе [216]).

Въ Воинскій же Уставъ о наказаніяхъ вошли лишь *спеціальныя нарушенія чести воинской*, т.-е. такія преступленія противъ чести, съ которыми связано нарушеніе военной дисциплины, и порядка военной службы, что предусматривалось въ главахъ III и IV Артикула Воинскаго. Таковы: 1) неоказаніе должнаго начальнику уваженія, неприличное съ нимъ обращеніе и вообще пренебреженіе къ лицу начальника (ст. 96); 2) оскорбленіе начальника на словахъ, на письмѣ или въ печати или неприличнымъ дѣйствіемъ (ст. 97); 3) нанесеніе начальнику удара, поднятіе на него съ такимъ же намѣреніемъ руки или оружія, всякое насильственное или въ высшей степени дерзкое противъ него дѣйствіе, или когда вмѣстѣ съ оскорбленіемъ причинены были тяже-

[216]) Уст. о наказ., налаг. мир. суд., гл. III, ст. 38, гл. XI, ст. 130—141; Улож. о наказ. уголов. и испр., *Разд.* X, *гл.* VI, отд. II, ст. 1533, 1534, отд. III, ст. 1535 — 1539, гл. VIII, ст. 1545 — 1548, ст. 1485, гл. IV, ст. 1497—1512.

лыя раны или тяжкіе побои и увѣчья, или послѣдовала смерть, хотя и безъ умысла на убійство (ст. 98); 4) подобные же случаи нарушенія чинопочитанія или подчиненности нижняго чина противъ фельдфебеля или унтеръ-офицера своего полка, противъ ефрейтора или рядоваго, которому виновный былъ подчиненъ во время совершенія преступленія (ст. 101); 5) подобные же случаи нарушенія чинопочитанія или оскорбленія старшихъ чиновъ младшими (офицерами—штабъ-офицеровъ и генераловъ, штабъ-офицерами—генераловъ) (ст. 100), нижними чинами—унтеръ-офицера и фельдфебеля другого полка (ст. 102); 6) оскорбленіе часоваго или военнаго караула словомъ или неприличнымъ дѣйствіемъ (ст. 113), или же ударомъ, но безъ употребленія при этомъ оружія (ст. 114); 7) оскорбленіе дежурнаго или должностнаго офицера или чиновника словомъ, на письмѣ или неприличнымъ дѣйствіемъ (ст. 121); 8) такое же оскорбленіе дежурныхъ, дневальныхъ и другихъ подобныхъ должностныхъ лицъ изъ нижнихъ чиновъ, равно какъ и командъ, не имѣющихъ значенія караула (ст. 122); 9) оскорбленіе подчиненнаго офицера или чиновника на словахъ, на письмѣ или неприличнымъ дѣйствіемъ (ст. 183); 10) такое же оскорбленіе дѣйствіемъ или нанесеніе легкихъ ранъ (ст. 184); 11) нанесеніе нижнимъ чинамъ ударовъ или побоевъ офицерами (185), унтеръ-офицерами и вообще нижними чинами въ роли начальниковъ (ст. 186), и, наконецъ, 12) вызовъ начальника на поединокъ по дѣлу, касающемуся службы, равно какъ и принятіе такого вызова (ст. 99).

Всѣ эти преступленія входятъ въ различныя части дѣйствующаго Устава, въ зависимости отъ объекта: *въ главу первую* 2-го разд. Уст. Воин., кн. XXII: личныя оскорбленія начальника, старшаго въ юридическомъ смыслѣ, и офицера; *въ главу вторую*: оскорбленія часовыхъ и военнаго караула; *въ главу десятую* (отд. 4) оскорбленіе начальниками своихъ подчиненныхъ [217]). Въ сущности, всѣ эти законы повторяютъ артикулы 21, 22, 23, 24, 25, 27, 33, 36, 44, 45, 46, 47, главы III и IV Арт. Воин., нами разсмотрѣнные въ 1-мъ выпускѣ нашего труда.

Преступленія противъ воинской чести, выраженныя: а) отрицаніемъ начальническаго достоинства или нарушеніемъ чинопочи-

---

[217]) С. В. П., кн. XXII.

танія, б) оскорбленіемъ часоваго или караула, дежурнаго и дневальныхъ, вообще лицъ должностныхъ; в) обидою начальникомъ своего подчиненнаго—въ существѣ представляютъ обобщеніе извѣстныхъ намъ статей Артикула Воинскаго «о командѣ, предпочтеніи и почитаніи высшихъ и нижнихъ офицеровъ и о послушаніи рядовыхъ», а равно преступленій противъ часовыхъ и караула, уже при совершенно новой системѣ наказаній, гдѣ тѣлесное наказаніе замѣняется лишеніемъ свободы, какъ исправительнымъ наказаніемъ, въ различныхъ видахъ.

Дѣйствующій Уставъ, несмотря на введеніе всеобщей обязательной повинности, умалчиваетъ объ оскорбленіи нижнихъ чиновъ словомъ или на письмѣ и неприличнымъ дѣйствіемъ, а говоритъ только объ оскорбленіи нижняго чина ударами или побоями, какъ со стороны начальника офицера, такъ и со стороны начальника нижняго чина [218]). Виновный въ такомъ оскорбленіи офицеръ подвергается содержанію на гауптвахтѣ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ, или взысканію дисциплинарному, а въ случаѣ повторенія—исключенію или отставленію отъ службы [219]).

Въ дѣйствующемъ Уставѣ оскорбленіе своего начальника въ его отсутствіи (въ присутствіи третьяго лица) и даже на письмѣ считается неоказаніемъ должнаго ему уваженія, но не оскорбленіемъ.

Уставъ дѣйствующій устанавливаетъ замѣтную разницу въ наказаніяхъ за обиду подчиненнымъ непосредственнаго своего начальника и младшимъ чиномъ старшаго въ чинѣ; однакожъ, обида или оскорбленіе старшаго въ чинѣ (ст. 100) не составляетъ частнаго оскорбленія; тутъ во всякомъ случаѣ нарушеніе чинопочитанія, съ

---

[218]) См. ст. 185 и 186. Въ Арт. Воин. по арт. 33 офицеръ за нанесеніе побоевъ состоящему подъ его командою солдату (когда не было важныхъ и пристойныхъ причинъ, связанныхъ съ службою Его Величества), подлежалъ наказанію по опредѣленію воинскаго суда, и когда подобное оскорбленіе повторялось, лишался своего чина, «ибо онъ тотъ чинъ всуе употребилъ».

[219]) Начальники могутъ быть подвергаемы наказанію въ порядкѣ дисциплинарномъ, т.-е. могутъ и не отвѣчать никогда по суду. Но это едва-ли удобно, если имѣть въ виду, что въ условіяхъ всеобщей воинской повинности и между нижн. чинами могутъ встрѣтиться развитыя и чувствительныя къ оскорбленію личности. Замѣчанія *Неклюдова* въ курсѣ Воен. Уголов. пр. лекціи 1884—5 г., стр. 115.

тою разницею, что наказаніе уменьшается на одну степень, а по усмотрѣнію суда—на двѣ и даже на три степени. Такимъ образомъ выходитъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ за оскорбленіе младшимъ старшаго будетъ наложено наказаніе болѣе легкое, чѣмъ за обыкновенное оскорбленіе равнаго равнымъ, по общимъ законамъ; напротивъ, въ случаяхъ весьма важнаго нарушенія чинопочитанія (оскорбленіе нанесеніемъ удара, тяжкіе побои, увѣчья), когда наказаніе доходитъ до безсрочной каторги и даже до разстрѣлянія (ст. 98), пониженіе его на одну степень будетъ очень незначительнымъ, если имѣть въ виду существенную разницу въ положеніи старшаго въ чинѣ и начальника. Здѣсь разумѣются старшіе въ чинѣ и начальники изъ офицеровъ, ибо, по отношенію къ нижнимъ чинамъ, каждый офицеръ, какого бы онъ ни былъ вѣдомства, разсматривается не какъ старшій въ чинѣ, а какъ начальникъ. Точно также начальникомъ (а не старшимъ въ чинѣ), по отношенію къ нижнимъ чинамъ, считается и гражданскій чиновникъ военнаго вѣдомства при двухъ условіяхъ: 1) когда онъ находится при исполненіи обязанностей службы и 2) состоитъ въ одномъ съ нижнимъ чиномъ полку или управленіи.

Кромѣ положенія начальника, или старшаго въ чинѣ (въ чинѣ генерала, штабъ-офицера и офицера), или просто офицера, по отношенію къ нижнимъ чинамъ, на усиленіе наказанія за преступленія противъ чести имѣютъ особенное вліяніе слѣдующія обстоятельства: а) *исполненіе служебныхъ обязанностей*, б) *совершеніе преступленія въ строю* и в) *военное время*. Эти обстоятельства, естественно, отягощаютъ оскорбленіе, не зависимо отъ общихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Таково, напримѣръ, оскорбленіе въ присутствіи нижнихъ чиновъ, или когда обида можетъ служить поводомъ къ безпорядку или нарушенію спокойствія въ командѣ. Когда же оскорбленіе вызвано противозаконнымъ обращеніемъ начальника съ подчиненными, то наказаніе за неуваженіе и оскорбленіе (ст. 96—103) смягчается одною и даже двумя степенями (ст. 109).

Уставъ даетъ широкій просторъ суду въ выборѣ весьма разнообразныхъ наказаній за нарушеніе чинопочитанія; начинаясь отъ дисциплинарныхъ взысканій, они доходятъ до высшихъ уголовныхъ наказаній. Но неопредѣленность состава преступленій можетъ воз-

буждать противорѣчивое примѣненіе одного и того же закона. Военно-судебная практика уже указала на необходимость пересмотра и дополненія законовъ, относящихся къ оскорбленіямъ чести въ военномъ быту. Вслѣдствіе смягченія всей карательной системы, личныя обиды или оскорбленія чести, къ которымъ съ такою строгостью относился Артикулъ Воинскій, наказываются, говоря, вообще снисходительно. До сихъ поръ наша практика еще не установила, какъ слѣдуетъ понимать выраженіе закона: «въ высшей степени дерзкія дѣйствія» (ст. 98); въ судахъ сплошь и рядомъ встрѣчаемъ по этому поводу противорѣчивыя толкованія, иные признаютъ здѣсь насиліе, другіе и такія дѣйствія, которыя не соединены съ насиліемъ.

Наши прежніе законы, начиная Артикуломъ, строго преслѣдовали преступленія и проступки противъ часовыхъ и чиновъ военнаго караула; насиліе противъ часового наказывалось такъ-же, какъ и насиліе противъ начальника, только оскорбленіе часового по Артикулу облагалось наказаніемъ менѣе строгимъ, чѣмъ оскорбленіе начальника; здѣсь не различалось военнаго времени отъ мирнаго. Артикулъ предоставлялъ извѣстныя права часовому и чинамъ военнаго караула, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ не вызывать насилія или оскорбленія неприличнымъ обращеніемъ (арт. 44 и 47). Субъектомъ оскорбленія караула могъ быть всякій военный и не военный. Эти-же принципы усвоены были и Военно-Уголовнымъ Уставомъ 1839 г.

Въ дѣйствующемъ-же уставѣ субъектомъ оскорбленія часового и караула можетъ быть только военный чинъ. Дѣйствующее военно-уголовное законодательство къ оскорбленіямъ часовыхъ и военнаго караула относится менѣе строго, чѣмъ нѣкоторыя другія иностранныя законодательства. Оскорбленіе часового и караула въ немъ, какъ и въ Артикулѣ, считается менѣе важнымъ, чѣмъ оскорбленіе начальника. Къ гражданскимъ лицамъ не относятся постановленія Воинскаго Устава о наказаніяхъ 1867—1875 гг., и за оскорбленіе часового или караула они наказываются по общимъ уголовнымъ законамъ (ст. 286[1]). Уставъ дѣйствующій не дѣлаетъ различія въ наказуемости за оскорбленіе часового по важности занимаемаго поста, сдѣлано одно лишь отступленіе отъ общаго правила: «всякое насиліе (слѣдовательно и оскорбленіе) противъ караула или часовыхъ, охраняющихъ особу Императора и членовъ

Императорскаго Дома, наказывается всегда, какъ совершенное въ военное время, въ виду непріятеля» (ст. 119). Вообще же угрожающее положеніе противъ часового, какой бы онъ ни занималъ постъ, съ цѣлью поставить его въ невозможность отправленія своей обязанности, составляетъ самостоятельное преступленіе, при чемъ понятіе объ оскорбленіи уже не можетъ имѣть мѣста (ст. 117). Въ ст. 114 сказано *объ оскорбленіи часового или военнаго караула нанесеніемъ удара, но безъ употребленія при этомъ оружія.* Обязанности караульной службы столь важны, что относящіяся къ ней законоположенія требуютъ полноты и особенной отчетливости и вниманія въ редакціи. Оскорбленіе часового дѣйствіемъ, вообще нанесеніемъ удара нужно различать вообще отъ насилія (сравни арт. 45 и 46 съ ст. 114, 116 и 117 дѣйств. воин. уст. о нак.).

Оскорбленія должностныхъ лицъ военнаго званія (дежурныхъ, дневальныхъ) во время исполненія ими обязанностей службы имѣютъ иной характеръ, чѣмъ оскорбленіе часового; но въ извѣстныхъ случаяхъ обязанность дежурнаго, особенно въ офицерскомъ чинѣ, имѣетъ столь же важное значеніе, какъ и обязанность караульнаго офицера. Прежніе военно-уголовные законы отличались другою крайностью, въ нихъ смѣшивались дежурные и дневальные съ часовыми, и потому нарушенія противъ тѣхъ и другихъ наказываются одинаково. Очевидно, что дневальные не имѣютъ того важнаго значенія, какъ дежурные. Наказаніе за оскорбленіе дежурнаго или должностнаго офицера или чиновника (ст. 121) отличается отъ наказанія за оскорбленіе дежурныхъ, дневальныхъ и должностныхъ лицъ изъ нижнихъ чиновъ (ст. 122), что совершенно необходимо.

Вызовъ начальниковъ на поединокъ (ст. 99) составляетъ особый видъ нарушенія воинскаго чинопочитанія и наказываются не по Улож. о наказ., а по Воин. Уст. о наказ., когда вызовъ сдѣланъ по дѣлу, касающемуся службы; напротивъ вызовъ, не касающійся служебныхъ отношеній, подлежитъ наказанію на общемъ основаніи и не признается уже воинскимъ проступкомъ.

Преступленія противъ чести въ военномъ быту, со времени уничтоженія тѣлеснаго наказанія и введенія общеобязательной повинности, получаютъ особенное значеніе. Искъ за обиду посредствомъ

опредѣленной платы за безчестіе нельзя признать практичнымъ не только въ отношеніи къ военно-служащимъ, но и въ отношеніи къ чинамъ запаса. Наложеніе денежнаго штрафа за оскорбленіе офицера или солдата не соотвѣтствуетъ условіямъ воинской чести. Изъ опыта мировыхъ судебныхъ постановленій обнаруживается, что допущеніе вознагражденія за безчестіе плодитъ только сутягъ. Въ нравственномъ отношеніи вовсе не желательно, чтобы взаимныя оскорбленія чиновъ запаса, особенно въ офицерскомъ званіи, оцѣнивались на деньги, какъ было въ Соборномъ Уложеніи. Тутъ невольно приходится припомнить воспрещеніе Петромъ исковъ солдатъ за безчестіе съ торговыхъ людей.

Постановленія Петра I о принесеніи жалобъ подчиненными за обиды съ теченіемъ времени получали тщательную регламентацію. Въ дѣйствующемъ военномъ законодательствѣ порядокъ принесенія жалобы на злоупотребленія власти вообще и въ частности на обиды устанавливается въ Дисциплинарномъ Уставѣ. Жалобы дозволяется подавать только лично за себя, подавать жалобы сообща, составлять какія-либо сборища и сходки для обсужденія оныхъ строго воспрещается. Для принесенія жалобы воинскіе чины не могутъ отлучаться отъ своей команды. За ложную жалобу и за предъявленіе ея съ нарушеніемъ установленнаго порядка или должнаго приличія, принесшій оную подвергается дисциплинарному взысканію или предается военному суду [220]).

Случающіяся между офицерами ссоры, равно несовмѣстные съ понятіемъ о воинской чести и доблести офицерскаго званія поступки и прочее, коль скоро не затронуты интересы службы и дисциплины, подлежатъ разбирательству *суда общества офицеровъ* въ полкахъ и вообще въ отдѣльныхъ воинскихъ частяхъ. Судъ этотъ можетъ: 1) оправдать офицера, 2) сдѣлать ему внушеніе и 3) удалить его изъ полка [221]). Судъ общества офицеровъ пользуется большими правами; на рѣшеніе его по существу дѣла не допускаются жалобы; удаленный изъ полка по приговору общества офицеровъ становится въ тѣ-же условія, какъ и уволенный отъ службы по рас-

---

[220]) С. В. П. 1869 г. (изд. 2-е, 1879 г.), кн. XXIII, гл. 12, ст. 99—114: «О жалобахъ и претензіяхъ», новый дисциплинарный уставъ, изд. 1888 г.

[221]) *Тамъ-же*, кн. XXIII, гл. 14, ст. 129—155.

поряженію правительства. Судъ общества офицеровъ нельзя, однако, считать судомъ чести ни по составу, ни по компетенціи. Для рѣшенія весьма щекотливыхъ вопросовъ о военной чести въ нашей арміи не имѣется органа, подобнаго высшему военному суду, бывшему въ арміи Густава-Адольфа.

Одно перечисленіе разнообразныхъ видовъ дѣйствій, оскорбительныхъ для начальника и подчиненнаго, для караула, для часового, для дежурнаго и дневальнаго, вообще для лица должностнаго, — дѣйствій, посредствомъ которыхъ подрывается авторитетъ власти, или, напротивъ, унижается честь и достоинство военнаго чина или, наконецъ, въ которыхъ выражается посягательство на неприкосновенность разнаго рода военныхъ постовъ, показываетъ, какое обширное и разнообразное примѣненіе въ военномъ быту имѣютъ преступленія противъ чести не въ ея общечеловѣческомъ значеніи, а исключительно въ значеніи спеціальномъ. Въ преступленіяхъ противъ военной чести, согласно военному праву всѣхъ народовъ, гдѣ только существуетъ постоянное регулярное войско (у насъ со времени Артикула Воинскаго), не всегда дѣло идетъ о личной обидѣ даннаго объекта, напротивъ, чаще всего объектомъ нарушенія бываетъ долгъ подчиненности, порядокъ службы, воинская дисциплина, коротко, преступленіе противъ охраняемаго всѣми законами государства военнаго устройства и порядка. Не отданіе чести своему начальнику есть не болѣе, какъ дисциплинарный проступокъ—нарушеніе общепринятаго въ военномъ быту приличія, но это же нарушеніе военнаго приличія становится воинскимъ преступленіемъ, если подчиненный намѣренно *желаетъ* выразить неуваженіе или пренебреженіе къ лицу начальника. Притязательность воинской чести имѣетъ глубокое государственное значеніе и такъ должно быть, пока существуетъ войско, какъ самостоятельный организмъ въ государственномъ тѣлѣ. Никогда военно-уголовное право не можетъ допустить отрицанія начальническаго достоинства въ какой бы то ни было формѣ, точно также какъ оно не можетъ безнаказанно допускать унизительнаго обращенія начальника съ подчиненными: и нарушеніе подчиненности и самовольное дѣйствіе начальника, по отношенію къ подчиненнымъ, старшаго къ младшимъ, нарушаетъ дисциплину и противно условіямъ воинской чести. Если военно-уголовные законы относятся иногда не очень строго къ на-

чальникамъ въ случаѣ нарушенія ими отношеній къ подчиненнымъ, то подобное явленіе, существующее у насъ со временъ Артикула Воинскаго, вытекаетъ изъ природы самой власти и изъ существа организаціи военнаго строя. Начальникъ, относясь къ своимъ подчиненнымъ оскорбительно, дѣйствуя посредствомъ побоевъ и ударовъ, преслѣдуя изъ мести, роняетъ дисциплину, подрываетъ свой авторитетъ, ослабляя въ подчиненномъ повиновеніе и чувство почитанія: онъ дѣйствуетъ противозаконно и потому подлежитъ отвѣтственности за злоупотребленіе власти, ему данной, которою онъ не умѣетъ пользоваться; но подчиненный, дозволившій себѣ оскорбительныя дѣйствія по отношенію къ своему начальнику, въ какой бы то ни было формѣ, становится преступникомъ, посягающимъ на авторитетъ власти. Законъ даетъ право обжалованія всякой обиды, притѣсненія, самовольной расправы, но тотъ же законъ за одно только покушеніе оскорбить своего начальника дѣйствіемъ въ строю, или при исполненіи начальникомъ обязанностей службы въ *военное время* опредѣляетъ разстрѣляніе (ст. 98).

Такова природа воинской чести по духу военно-уголовнаго законодательства всѣхъ народовъ.

Мы не касаемся новѣйшаго постановленія о поединкахъ, допускаемыхъ въ нашемъ военномъ быту при исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ это выяснено въ приказахъ по военному вѣдомству, 1894 г. №№ 118 и 119. Въ строгомъ смыслѣ дѣянія этого рода, не могутъ быть отнесены къ преступленіямъ противъ *воинской чести* какъ въ матеріальномъ, такъ и въ процессуальномъ отношеніяхъ. Въ сущности же они составляляютъ одинъ изъ видовъ *общихъ нарушеній чести* въ военномъ быту.

КОНЕЦЪ 3-го ВЫПУСКА.